Вера Камша
От войны до войны

Отблески Этерны – 2

http://www.fenzin.org/
«Камша В.В. От войны до войны. «Отблески Этерны». Книга вторая»: ЭКСМО; М.; 2004
ISBN 5-699-07131-8

Аннотация

Кто знает, куда ведут дороги Добра и что позволяет Злу поселиться даже в самых благородных сердцах? Неведение дарует людям мир, хотя бы на время. Но мир – куда более опасное дело, чем война. В мирное время беды следует ждать везде – и она непременно приходит – от рук врага и от слов друга.

Повелителю Дома Скал Ричарду Окделлу и Наследнику Дома Молнии Роберу Эпинэ отведены не самые счастливые роли в политической мистерии королевства Талиг и всех Золотых Земель. Что ждет их и что ждет Золотые Земли? Удержится ли мир и дальше на острие клинка Первого маршала Талига Рокэ Алвы или сорвется в пропасть?

Вера Камша
От войны до войны

Синопсис,
или что было раньше

Действие первой книги трилогии начинается осенью 397 года круга Скал, а по бытующим в Золотых землях поверьям, окончание очередного четырехсотлетнего цикла (круга) – Скал, Ветра, Волн или Молний – знаменуется войнами, политическими потрясениями и природными катаклизмами, и поверья эти основаны не на пустом месте.

Шестнадцать веков назад на исходе круга Ветра Эрнани Ракан, последний представитель избранной покинувшими Кэртиану божествами династии, отрекся от старой веры и принял эсператизм; окончание следующего круга ознаменовалось распадом империи, религиозными войнами и переносом Святого Престола в город Агарис. Спустя еще четыреста лет Раканы, под властью которых к тому времени оставалось лишь королевство Талигойя, были свергнуты, и в стране утвердились новая династия и новая религия – олларианство.

Заканчивается очередной круг, и шаткое равновесие, установившееся в Золотых землях, грозит нарушиться. На троне королевства Талиг – вялый и нерешительный Фердинанд II, во всем подчиняющийся главе олларианской церкви – кардиналу Сильвестру. Сторонники свергнутой династии, именующие себя Людьми Чести, несмотря на множество неудач, не оставляют надежд вернуть трон Раканам, в настоящий момент ютящимся в Агарисе под покровительством эсператистов.

Внутренней смутой готовы воспользоваться соперники Талига в борьбе за первенство в Золотых землях: Гайифская империя и кесария Дриксен. Однако на открытое вторжение они не решаются, опасаясь Первого маршала Талига герцога Рокэ Алву. Прозванный Вороном, Алва по праву считается лучшим полководцем Золотых земель, на его счету немало побед и над внешними врагами, и над мятежниками. Именно Ворон пять лет назад подавил восстание Эгмонта Окделла, участником которого был Робер Эпинэ. Отец и трое братьев Робера погибли, а его самого, раненного, вывезли в Агарис. Теперь Эпинэ – друг и вассал рожденного в изгнании принца Альдо Ракана.

Положение изгнанников кажется безнадежным, но неожиданно Альдо получает странное предложение. Оно исходило от гоганов, таинственного народа торговцев и ростовщиков, по слухам, владеющего собственной магией. Старейшина гоганов Енниоль обещает Альдо талигойскую корону в обмен на отказ от непонятного принцу «первородства». Кроме того, Альдо должен отдать гоганам развалины древней столицы и все реликвии Раканов, созданные до принятия эсператизма. Альдо соглашается, хотя совершенно не представляет, от чего отказывается.

Сделку скрепляют ритуалом: кровь Альдо смешивается на клинке с кровью девушки Мэллит, избранной быть Залогом со стороны гоганов. Робер сражен красотой и беззащитностью Мэллит и понимает, что любит ее, но девушка видит только Альдо. Принца же волнуют не дела сердечные, а возвращение трона предков. Положение усугубляется тем, что последнему из Раканов предлагает помощь один из самых влиятельных эсператистских орденов – орден Истины. Условия главы ордена – магнуса Клемента до странности похожи на выдвинутые гоганами. «Истинники» требуют себе заброшенное аббатство Ноху и доэсператистские реликвии.

Странные события происходят и в другом древнем монастыре – Лаик, ныне превращенном в школу оруженосцев, где наследников знатных талигойских фамилий готовят к службе королю и королевству. Тем не менее молодые люди, среди которых Ричард Окделл, единственный сын и наследник мятежного герцога, завершают обучение. Теперь их должны взять на службу виднейшие сановники, но кардинал Сильвестр не желает видеть Ричарда в столице, о чем недвусмысленно намекает всем заинтересованным лицам. Уцелевшие друзья и соратники Эгмонта Окделла скрепя сердце отступаются от его сына, и тут в игру вступает новое лицо. Ворон Рокэ очень не любит, когда ему навязывают чужую волю, даже если это воля короля, кардинала или тех, кого называют Высшими Силами. Так Ричард становится оруженосцем человека, собственноручно убившего его отца. Впрочем, маршал дает юноше понять, что не собирается вмешиваться в его дела. Дик, по крайней мере на первый взгляд, предоставлен самому себе, а его единственными друзьями становятся старый друг отца и негласный лидер Людей Чести кансильер Август Штанцлер и кузен Реджинальд Ларак.

Жизнь в столице оказывается опасной. Несмотря на призывы Штанцлера соблюдать осторожность, Дик раз за разом попадает в беду. Сначала на юношу нападают люди, похожие на уличных грабителей. Дика выручает некий стрелок, уложивший двоих разбойников на месте. Кто были нападавшие и кто – таинственный спаситель, остается неизвестным.

Спустя несколько дней – новая беда. Ввязавшийся вопреки советам Реджинальда в игру Дик проигрывает своему врагу по школе оруженосцев Эстебану Колиньяру все свои деньги, коня и фамильное кольцо. Благодаря вмешательству Рокэ кольцо и лошадь возвращаются к Дику, но Август Штанцлер очень недоволен, что Дик принимает помощь от врага всех Людей Чести. Предостерегает юношу и королева Катарина, которую Ричард Окделл боготворит. Юноше не хочется верить, что Катарина – любовница Ворона, но Штанцлер подтверждает это и просит Дика не осуждать Ее Величество. Вступить в связь с Рокэ королеву вынудил кардинал, так как Фердинанд Оллар не может иметь детей, а Талигу нужен наследник.

Войны еще нет, но напряжение нарастает. Агарисский агент доносит, что Альдо Ракан получил финансовую поддержку, возможно, от гоганов. Кардинала настораживает неожиданный интерес Альдо к истории свержения Раканов и реликвиям древних эпох, и Сильвестр начинает изыскания в том же направлении. Обычное течение жизни все чаще нарушают таинственные явления. В Лаик бесследно исчезают интересующийся историей священник и один из учеников, затем настает черед начальника школы капитана Арамона, причем слуги в его доме сходят с ума. Сходит с ума и астролог, составлявший по просьбе Альдо гороскопы участников трагедии четырехсотлетней давности, а в ночь смерти главы эсператистской церкви Адриана из Агариса уходят крысы. Наблюдающий жуткое шествие Робер Эпине подбирает крысенка, едва не погибшего в кошачьих когтях, и называет его Клементом в часть магнуса «истинников», по мнению Робера, весьма похожего на крысу.

Тем временем обещания гоганов начинают претворяться в жизнь. Удар по Олларам решено нанести при помощи южного соседа Талига – Кагетской казарии. В Равиат, столицу Кагеты, к казару Адгемару, прозванному за хитрость и двуличие Белым Лисом, отправляется Робер Эпинэ. Еще не зная о новой угрозе, но обеспокоенный оживлением врагов, Сильвестр приходит к выводу, что Альдо и его бабка, вдовствующая принцесса Матильда, должны

исчезнуть не только с политической сцены, но и из мира живых.

Продолжаются неприятности и у Дика. Теперь Эстебан Колиньяр и его приятели провоцируют молодого человека на дуэль, намекая на то, что он, Ричард Окделл, стал любовником убийцы своего отца. Дик вызывает не только Эстебана, но и шестерых его спутников. Юноша не очень силен в фехтовании и готовится к смерти, но в уже начавшийся поединок вмешивается Рокэ. В соответствии с дуэльным кодексом любой дворянин может поддержать слабейшего, что Ворон и проделывает, причем в присущем ему стиле – Эстебан убит на месте, остальные в страхе разбегаются. Растерявшийся Ричард не находит ничего лучше, чем в свою очередь вызвать герцога на поединок. Тот принимает вызов, но объявляет, что сначала лично обучит будущего соперника владеть шпагой.

Конец урокам кладет известие о начавшейся войне. В соответствии с планами гоганов горное племя бириссцев, формально независимое, а фактически подконтрольное казару Кагеты, опустошает Варасту, главную житницу Талига. Расчет прост: регулярная армия бессильна против летучих отрядов, а перенести боевые действия в Сагранские горы, на территорию налетчиков, запрещают условия Золотого Договора, регулирующего взаимоотношения всех подписавших его государств, в числе которых и Талиг и Кагета.

Кардинал Сильвестр понимает, что плодородные пограничные земли придется оставить. Да, это грозит голодом, появлением беженцев и, как следствие, народным возмущением против бессильной власти, но в сравнении с бесконечной, заведомо проигрышной войной с партизанами это меньшее из зол.

Неудивительно, что политические враги кардинала и маршала решают воспользоваться ситуацией. На Совете Меча они предлагают направить для защиты Варасты Рокэ Алву, назначив его Проэмперадором. Проэмперадор на вверенной ему территории обладает королевскими полномочиями, но Проэмперадора, не справившегося с поручением, ждет казнь. Рокэ принимает вызов и обещает к осени очистить Варасту от бириссцев, хотя и его враги, и кардинал Сильвестр полагают эту задачу невыполнимой.

Получив от жителей приграничья информацию о численности и тактике бириссцев, Рокэ начинает с того, что завлекает в ловушку и уничтожает большой бирисский отряд. Следующим шагом Ворона становится заключение союза с племенем бакранов, загнанных воинственными бириссцами в самую глушь Сагранны. Используя прирученных бакранами гигантских горных козлов, Рокэ умудряется овладеть считавшимся неприступным перевалом, что открывает талигойской армии дорогу во внутреннюю Кагету. Во время боя на перевале оруженосец маршала Алвы сталкивается с Робером Эпинэ. Они раньше не встречались, но узнают друг друга благодаря характерным фамильным чертам. Юноша хочет уйти с Робером, но тот напоминает о клятве оруженосца, на три года привязавшего Дика к Ворону.

Рокэ идет к Дарамскому полю, где сосредоточилась армия Кагеты, состоящая из огромного феодального ополчения, и гвардии казара. Численный перевес на стороне Адгемара, но Ворон, умело используя низкую боеспособность ополчения, громит врага по частям. Казар с остатками гвардии и бириссцев отступает в сторону Равиата через бирисские земли. С ними идет принимавший участие в бою Робер и его новые друзья – бириссец Мильжа и племянник Адгемара Луллак. Однако выиграть сражение еще не значит выиграть войну, и Рокэ наносит последний, сокрушительный удар. По его приказу минируют и взрывают берег горного озера, вызванный этим сель проносится по долине реки Биры, сметая все на своем пути.

Адгемар, Робер и часть бириссцев успевают покинуть зону бедствия лишь благодаря «бдительности» ручной крысы Робера. Они добираются до столицы, где их ждет ультиматум. Рокэ от лица бакранов требует от Адгемара прекратить сопротивление, угрожая обрушить новый сель, на сей раз уже на Равиат. Играя на благородстве Робера, Белый Лис вынуждает «дорогого гостя» взять ответственность за разорение Варасты на себя. Эпинэ понимает, что на родине его ждут плен, пытки и казнь и тем не менее соглашается сдаться Ворону. Увы, жертва Робера оказалась напрасной – связанный пленник видит, как Адгемар

передает победителям головы Мильжи и Луллака.

Потрясенный чудовищным предательством, Эпинэ не сразу понимает, что затеял Алва, передавший пленника бакранам. Те объявляют о ритуале «Суда Бакры», призванного указать истинного виновника всех бед, каковым по воле то ли Бакры, то ли Ворона оказывается Адгемар. Казар мертв, Робер оправдан и волен идти на все четыре стороны. Алва готов отпустить с ним и своего оруженосца, но влюбленный в королеву Дик предпочитает отправиться в столицу вместе со своим сюзереном. Озабоченные дурными приметами бакраны и варастийцы отговаривают Рокэ от возвращения, но Первый маршал Талига предпочитает очередной раз бросить вызов судьбе.

Вместо пролога
Талигойская баллада

Как просто умереть красиво,
Как нелегко красиво жить…
А. Городницкий

Часть первая

А время на циферблатах
уже истекало кровью…[1]

1

[1] Здесь и далее цитируется Федерико Гарсиа Лорка.

Алан Окделл с безнадежной ненавистью смотрел со стен Кабитэлы на человека, ставшего проклятием Золотых земель. Прозванный Бездомным Королем бастард марагонского герцога Франциск Оллар в полном боевом облачении застыл напротив ворот Святого Торквиния, в то время как его герольды, изощряясь в остроумии и витиеватости, предлагали Эрнани Талигойскому решить судьбу страны и короны в рыцарском поединке.

Это было откровенным издевательством. Двадцатидевятилетний Франциск в поединке на копьях считался непобедимым, а Эрнани Одиннадцатый был достойным монархом и первым из Людей Чести, но судьба одарила его хилым телом. Даже в лучшие свои годы Эрнани не числился среди первых воинов Талигойи, теперь же королю было под пятьдесят, а серая горячка навсегда изувечила его суставы. Оллар был прекрасно осведомлен, что талигойский монарх передвигается и то с трудом, но благородство и великодушие для марагонского ублюдка были пустым звуком. Бездомный Король, как никто другой, умел отыскивать у противника слабые места и бил по ним безо всякой жалости.

– Его Величество Франциск Первый, – надсаживались герольды, – вызывает брата своего и предшественника Эрнани и предлагает ему на выбор биться до смерти, или же до первой крови, или же турнирным оружием. Пусть мечи королей рассудят, кому властвовать над родиной Вечности[2]. Если же Эрнани из рода Раканов не желает подвергать опасности

[2] *Родина Вечности* – официальный перевод слова Талигойя, пришедшего из ныне забытого языка, на котором говорили в легендарной Золотой Империи.

свою драгоценную жизнь, Франциск Оллар готов сразиться за честь Талигойи с любым достойным рыцарем.

Окделл с силой сжал кулаки и уставился в землю, пытаясь сдержать никому не нужный порыв. Талигойское рыцарство славилось благородством и отвагой, но каждому человеку отмерен свой предел. Марагонский выскочка родился с копьем в руке, его еще никто не выбил из седла. Алан украдкой глянул на Эрнани, представляя, что тот испытывает, и король ответил быстрым благодарным взглядом. Он жил Талигойей и для Талигойи, ради нее он не щадил не только себя, но и единственного наследника. Эрнани мог отправить королеву и юного Эркюля в Агарис под покровительство Его Святейшества, но счел это недостойным.

Поступок короля стал примером для всех Людей Чести, герцог Окделлский не был исключением – его супруга разделила судьбу мужа и отечества. Алану хотелось верить, что Женевьев не раскаивается в своем поступке, ведь война с Франциском оказалась совсем не такой, как думалось вначале.

Когда Бездомный Король перешел границу, в Кабитэле смеялись. Какой-то ублюдок называет себя властителем Талигойи? Бред! Окделл помнил, как потешались над бастардом Пятнистого Герцога[3] прошлой весной. Сейчас в Кабитэле было не до шуток. Удачливость и воинский дар самого Оллара, отвага и наглость примкнувших к нему проходимцев, вознамерившихся получить то, на что они не имели никаких прав, оказались для талигойцев полной неожиданностью. В глубине души Алан понимал, что городу не выстоять, тем паче простонародье начинало склоняться на сторону чужеземца, умело растравлявшего вековую неприязнь крестьян и ремесленников к Людям Чести. Сегодняшний позор еще больше поднимет Франциска в глазах черни, а позора не избежать. Победить Бездомного Короля никому из рыцарей Эрнани было не под силу.

– Неужели в Кабитэле не найдется рыцаря, не страшащегося преломить копье со своим королем? Его Величество заранее прощает своему противнику невольное покушение на свою особу и ждет его, как равного. Рыцарь вызывает рыцаря.

Кабитэла молчала. Будь это турнир, когда бьешься во имя славы и прекрасных глаз возлюбленной, Франциск, без сомнения, нашел бы соперника, но принять на свои плечи честь Талигойи и тут же уронить ее в грязь? Это страшнее смерти!

– Его Величество Франциск Талигойский в последний раз взывает к мужеству и чести рыцарей брата своего Эрнани!

Герольд замолчал, и стало слышно, как на дворцовой крыше орут и возятся воробьи, а затем раздался звук одинокой трубы. Окделл не сразу понял, что он означает, равно как и последовавший за ним шум и скрежет. Король тоже был застигнут врасплох.

– Герцог, – Эрнани изо всех сил делал вид, что выходки бастарда его не трогают, – пошлите узнать, что происходит.

Алан наклонил голову, но посылать никого не понадобилось. Ворота Полуденной башни распахнулись, пропустив всадника в синем и черном. Властитель Кэналлоа Рамиро Алва счел возможным принять вызов! Это было по меньшей мере удивительно: Алву ни разу не видели ни на одном из турниров, кэналлиец вообще не жаловал столицу и двор, возможно, потому, что среди Людей Чести Алва почитались худородными. Их принадлежность к Дому Ветра была, мягко говоря, спорной, а кровное родство с известными своим вероломством морисскими шадами настораживало. Тем не менее нынешний властелин Кэналлоа откликнулся на призыв короны и явился в Кабитэлу во главе большого, отменно вооруженного отряда.

Эрнани поставил кэналлийцев на защиту внешних укреплений, очередной раз подтвердив свое умение разбираться в людях. Южане держались особняком, но воевать они умели. Окделл был вынужден признать, что люди Алвы справлялись со своими

---

[3] *Пятнистый Герцог* – прозвище марагонского герцога Адольфа, в юности переболевшего оспой.

обязанностями лучше дружинников Людей Чести. Сам герцог – изысканный красавец со жгучими черными глазами – держался с рыцарями Эрнани не то чтоб заносчиво, но было ясно, что их мнение кэналлийца никоим образом не волнует.

В глубине души Алан допускал, что южанин понимает – король и его окружение, хоть и вынуждены принимать помощь полукровки, своим его не считают, и платил им той же монетой. Какой дворянин станет искать дружбы тех, кто ставит его ниже себя? А род Алва возвысился лишь благодаря стечению обстоятельств. Когда черная болезнь выкосила Дом Ветра, Эрнани Восьмой был вынужден подтвердить права Родриго Алвы, приходившегося нынешнему герцогу прапрадедом.

Великие Дома Талигойи традиционно роднились лишь друг с другом, но Алва, обосновавшиеся на крайнем юго-востоке, мешали свою кровь с дикими морисками. Пока Дом Ветра был крепок, это никого не волновало, но судьба повалила казавшееся несокрушимым дерево. Теперь король наверняка бы отдал титул Повелителя Ветров кому-то из подлинных Людей Чести, но в прежние времена Заветы[4] блюлись свято, даже слишком. Герцоги Алва стали главой Великого Дома. Повелители Скал, Волн и Молний с этим смирились, но признать смуглых черноволосых выскочек ровней не могли. Алан Окделл понимал, что подобные чувства не украшают, и на заседаниях Совета Мечей[5] был подчеркнуто вежлив с Рамиро, но относиться к нему так же, как к Шарлю Эпинэ или Михаэлю фок Варзову не мог. Впрочем, глухой неприязни, грозящей перерасти в ненависть, Алан к кэналлийцу тоже не испытывал. Выбирая между Эктором Приддом и Рамиро Алвой, Окделл выбрал бы Алву.

– Алан, – мягкий голос Эрнани оторвал Окделла от раздумий, – вы видели кэналлийца в бою?

– Ваше Величество, – рыцарь старался говорить как можно равнодушнее, – кэналлийцы не принимают участия в турнирах, но во время приступов Алва сражается достойно.

Это было правдой, Корявая башня, выступающая далеко вперед и связанная с основной крепостью узкой перемычкой, была одним из самых уязвимых мест. Франциск это понимал и трижды пытался ее захватить – дважды днем и один раз ночью. Алва отбивался без посторонней помощи, чего нельзя было сказать про защитников Нового города, где оборону возглавлял маршал Придд. Но сражаться на укреплениях – одно, а принять вызов непобедимого Оллара – другое.

Алан с тоскливым предчувствием наблюдал за двумя всадниками, с высоты стен казавшимися игрушечными. Алва превосходил Франциска в росте, но заметно уступал бастарду в ширине плеч, да и доспех южанина был много легче, а белоснежная ничем не защищенная лошадь кэналлийца рядом с гигантским боевым конем Бездомного Короля казалась чуть ли не бесплотной. Герцог Окделл вздохнул – Рамиро проиграет, и хорошо, если сохранит жизнь.

Поступок южанина вызывал странную смесь досады и восхищения – тот делал глупость, но делал! Если б на вызов Бездомного Короля не откликнулся никто, талигойское рыцарство было б навеки опозорено. Рамиро принял позор на себя, прикрыв от него других. Более того, его проигрыш – проигрыш чужака, он не запятнает Людей Чести. Понимает ли он это? Кэналлийцы отличались болтливостью и горячностью, но их герцог был на удивление молчалив и сдержан. То, что он дал волю своему темпераменту именно теперь, по меньшей мере удивляло.

– Безнадежно, – махнул рукой кансильер Ариго.

– Безнадежно, – услышал Алан собственный голос, – но он дерется, а не ждет, когда это сделает кто-то другой.

---

[4] Завещание Эрнани Первого, легендарного императора, перенесшего столицу из Гальтары в Кабитэлу.

[5] *Совет Мечей* – военный совет при особе короля, в который входят главы Великих Домов и их полководцы.

– Его проигрыш – меньшее из зол, – согласился и маршал Придд, – бастард победит полукровку, только и всего.

Алан с трудом удержался, чтобы не посоветовать маршалу самому преломить копье. Не хватало, чтобы Люди Чести принялись оскорблять друг друга на глазах короля. Странная вещь, мгновение назад Окделл думал так же, как и Придд, а теперь решил после боя подойти к кэналлийцу и при всех пожать ему руку. Если тот, разумеется, останется жив.

– Чем бы ни закончился поединок, – твердо сказал Эрнани, – герцог Алва получит Полуночную Цепь[6].

– Это будет справедливо, Ваше Величество, – согласился кансильер, – немногие рискнут собственной честью, чтобы спасти честь королевства. Признаться, я думал, что вызов примет герцог Придд. Он выиграл три турнира подряд…

– Тому, кто привык выигрывать, проиграть нелегко, – задумчиво произнес король, и это было правдой. Эктор Придд умрет, но не лишится славы первого меча Талигойи. – О, бойцы заняли исходные места, – голос Эрнани дрогнул, – да пребудет над Алва Слава![7]

– Да пребудет над Алва Слава… Как же переживает Эрнани, если позабыл о том, что обращение к Четверым и всему данному Ими восьмой век почитается ересью и оскорблением Создателя.

– Крылья Славы поднимут достойного[8], – быстро произнес Шарль Эпинэ.

– Так и будет, – наклонил голову король. Остальные промолчали, глядя на разговаривающих о чем-то всадников.

С Королевской башни открывался прекрасный вид на вытоптанное осаждающими ржаное поле, ставшее ристалищем, но соперники были слишком далеко, чтоб услышать разговор. К счастью, герольды Бездомного Короля не замедлили оповестить осажденных, что Франциск Оллар предложил своему противнику биться до тех пор, пока оба желают и могут продолжать бой. Бастард торжественно поклялся щадить жизнь раненого или каким иным образом покалеченного соперника, Рамиро Алва дал слово поступить так же. Услышав это, Эктор Придд презрительно усмехнулся, пробудив в Алане смутную симпатию к кэналлийцу. Окделл в последнее мгновение сдержал готовую сорваться с языка отповедь, но удержать Шарло Эпинэ было не легче, чем иноходцев с его герба.

– Мне показалось, эр маршал, или вы в самом деле улыбнулись. Чему?

– Тому, как наш полукровка бережет собственную шкуру.

– Закатные твари! Чтобы сохранить свою голову, у него был куда более надежный способ – последовать нашему примеру и остаться на стенах.

– Прекратите, господа, – хмуро бросил Эрнани, – они начинают.

2

Кэналлиец нацелился в щит Оллара, но Алан заметил, как наконечник копья несколько раз слегка дернулся. Дрогнула рука? Поединок может оказаться смертельным для одного, если не для обоих. Копья боевые, это вам не турнир, когда рыцари целят в шлем или щит, а судьи оценивают их мастерство. Тут первый удар, скорее всего, станет последним. Идет война, и главное – победить, неважно как, хотя бастард обещал щадить соперника и слово свое, похоже, держит. Опустил копье. Метит в ногу… В шпору? Хорошо задумано – трудно унизить рыцаря сильней, чем срезав ему шпору. Такое не каждому под силу, но это излюбленный трюк Бездомного. Ему нравится издеваться, бастарду смерть противника без

---

[6] *Знак воинской доблести* – серебряная цепь, украшенная сапфирами.

[7] Древнее пожелание успеха.

[8] Отзыв на предыдущее пожелание.

надобности, зато его позор – позор всей Талигойи.

Белый конь слегка отвернул в сторону, совсем чуть-чуть… Ага, ублюдок поднял копье! Решил не рисковать – целит в горло… Значит, все-таки убьет.

– Кэналлийцу конец, – в голосе Придда особой печали не было.

– Замолчите, маршал! – бросил король, вцепившись в подлокотники кресла.

Всадников разделяло не больше локтя, когда мориск южанина прянул в сторону. Удар бастарда пропал втуне, а копье Рамиро скользнуло по щиту противника вниз. Лошади вздрогнули, слегка осев на задние ноги, пробежали еще несколько шагов и стали. Рамиро Алва поднял копье и уверенным движением развернул коня, с ним все было в полном порядке, а вот Франциск Оллар неуклюже завалился на бок и выпал из седла.

– Крылья Славы! – Шарль Эпинэ никогда не отличался сдержанностью, а при виде валяющегося в пыли Бездомного Короля и вовсе чуть в пляс не пустился.

– Полукровке повезло, – презрительно бросил Эктор Придд, – он промазал, копье сорвалось и случайно угодило в…

– Маршал, – перебил Эпинэ, – кому вы хотите победы? Сдается мне, что бастарду!

Иноходец был прав – Придд не рискнул принять вызов, тем самым признав, что Бездомный Король сильнее. Соответственно, победитель бастарда становился и победителем Придда.

– Эктор, вы ошибаетесь, – спокойный голос Михаэля фок Варзова остановил назревающую ссору. Граф Михаэль был немолод, но когда-то его слава гремела на всю Талигойю. – Это не случайность, а расчет, причем великолепный. Алва с самого начала собрался спе́шить бастарда и сделал это отменно. Эти двое владеют копьем одинаково хорошо, но кэналлиец куда лучший всадник. И, позволю себе заметить, он смелее.

– Смелее? – Придд пытался быть ироничным, но его досада и злость были слишком заметны.

– Погодите, – подался вперед король, – они еще не закончили.

Вряд ли Бездомный Король, обещая щадить противника, думал, что подстилает соломку собственной персоне, но вышло именно так. Рамиро Алва не забыл об обмене любезностями, по крайней мере, он не воспользовался беспомощностью соперника, хотя легко мог приставить копье к его горлу, а слез с коня и остановился в паре шагов от пытающегося подняться Оллара.

– Достойно, – одобрительно пробормотал Михаэль.

– Но неразумно, – не согласился кансилльер, – бастард силен, как бык.

– «Львы созданы для того, чтоб ломать спину быкам», – в серых глазах Эрнани мелькнула лукавинка, – по крайней мере, мориски полагают именно так. – А бык поднимается… Что ж, посмотрим….

Бездомный Король и впрямь встал и принял из рук подбежавшего оруженосца щит. Он был готов к бою.

– После такого падения у него голова должна раскалываться, – высказал надежду молодой Арсен Савиньяк.

– Голова не знаю, а вот нога… Бастард ранен.

– Скорее просто ушиб.

– Не сомневаюсь, Эктор, вам бы хотелось именно этого.

– Кровь не разглядеть – далеко!

– Ушиб или рана, но хромает он сильно.

Убедившись, что соперник намерен продолжать поединок, кэналлиец бросился вперед. На град обрушившихся на него «верхних» ударов бастард ответил глухой обороной. Пару раз он попытался огрызнуться, но как-то вяло, и Алан решил, что Оллар все-таки ранен, причем серьезно. В бедро? Если так, он рискует истечь кровью.

– Сейчас кэналлиец его «откроет», – в Михаэле явно проснулся испытанный турнирный

судья, – я буду не я, если Алва не саданет по низу[9].

– И подставит голову? – усомнился Ариго.

– Ему нравится рисковать, а бастард слабеет.

Михаэль оказался прав – про южан не зря говорят, что они рождаются сумасшедшими, но сам бы Алан на подобный удар не отважился. Рамиро рванулся вперед и с силой ударил по краю черно-белого щита, сбив его на сторону. Бастард открылся, оказавшись во власти кэналлийца, не преминувшего развить успех. Ударив еще раз уже по внутренней стороне щита, Алва развернул противника боком, лишая последней возможности сопротивляться, и картинным жестом приставил к горлу побежденного меч.

– Разрубленный Змей! – других слов у Эктора Придда не нашлось.

Впрочем, другие и вовсе потеряли дар речи и могли лишь смотреть, как Рамиро Алва без посторонней помощи садится на коня и, не оглядываясь на суетящихся вокруг Бездомного Короля свитских, шагом возвращается к Полуденной башне. Вся схватка заняла от силы несколько минут.

– Лучше б он его добил, – пробормотал кансилльер.

– Алва сражался за честь Талигойи, а не за корону, – голос Эрнани был ледяным, – оговоренные условия нарушать нельзя.

– Почему он согласился на эти условия? – буркнул Придд, – следовало настоять на смертельном поединке!

– Вы бы и настояли, – вновь вскинулся на дыбы Эпинэ, – полчаса назад мы загодя мирились с позором, сейчас нам мало славы – подавай убийство!

– Мы с кансилльером прежде всего думаем о государстве. Если Франциск Оллар умрет, его люди разбегутся, как крысы. Алва держал жизнь бастарда в своих руках и отпустил его. Это весьма похоже на измену.

– Алва – человек Чести, – оборвал Эктора король, – вы бы подали ему руку, запятнай он себя убийством?

Ответить Придд не успел. Победитель, как был в доспехах, поднялся на смотровую площадку и преклонил колени перед сюзереном. Королевский оруженосец торопливо снял с кэналлийца шлем. Алва тяжело дышал, иссиня-черные волосы слиплись, на смуглой щеке кровоточила ссадина. Алана неприятно резанула ироничная улыбка на точеном лице – тридцатипятилетний герцог казался не столько рыцарем, отстоявшим честь своего государя, сколько мальчишкой, гордым совершенной каверзой.

– Вы отстояли честь Талигойи, герцог, – в голосе короля звучала неподдельная теплота.

– Это было не так уж и трудно, – сверкнул зубами Алва.

– Честь дороже жизни, – в устах Эрнани ритуальная фраза обрела новый смысл. Король улыбнулся и возложил на плечи победителя сверкающую сапфирами цепь.

– Вы ее заслужили, – чопорно, словно на турнире, изрек граф фок Варзов.

– Более чем! Мы все в долгу перед вами.

– Благодарю моего короля и прошу разрешения вернуться на башню. – Алва больше не улыбался. – Мне кажется, следует ожидать штурма.

– Вы что-то заметили в лагере Бездомного?

– Нет, в его глазах. Этот человек привык оставлять последнее слово за собой.

– Вам потребуются подкрепления?

– Нет, государь. Мы отбились бы собственными силами, но…. Если мне будет позволено высказать свое мнение…

– Говорите.

– Я думаю, на этот раз Франциск нанесет удар не по внешним укреплениям, а по западной стене.

– Почему вы так решили?

---

[9] Крепления щита расположены ближе к верху, поэтому удар в самый его низ очень трудно сдержать.

– Оллар горд, – сдвинул брови южанин, – и умен. Если он набросится на Корявую, МОГУТ сказать, что он мстит за поражение, а западная стена уязвима. Бастарду нужна победа, он не захочет выглядеть оскорбленным гордецом.

– Мы учтем ваше мнение, герцог. Скажите, почему вы не принимаете участие в турнирах?

– Семейная традиция. – Рамиро грациозно, несмотря на тяжесть доспехов, поднялся с колен. – Мы не признаем турнирного оружия и не поднимаем меч на союзников. Если в Новом городе потребуется помощь, я готов привести своих людей.

– Никакого штурма не будет. Бастард ранен, – надменно произнес Эктор Придд, – неделя покоя нам обеспечена.

– Ранен, – согласился кэналлиец, – но не в голову. По его мнению, мы не станем ждать штурма, и именно поэтому он нападет. Лезть самому на стены ему не обязательно.

– В любом случае помощь мне не нужна.

– Однако прошлый раз вы едва не потеряли Червленую башню, – бросил Михаэль, – если б не подоспел Окделл, Бездомный Король обрел бы дом еще позавчера.

– Ничего подобного, – взвился Эктор, – я…

– Мне кажется, друзья мои, следует прислушаться к совету герцога, – положил конец начинающейся сваре король. – Прошу всех вернуться к своим людям. Алан, проводите меня.

Окделл подал Эрнани руку, и тот тяжело поднялся. Серая лихорадка не убивает, но калечит, ходить без посторонней помощи перенесшие ее не могут. Эрнани и Алан медленно пошли по специально построенному пандусу к поджидавшим короля конным носилкам. Когда их могли услышать лишь голуби и воробьи, король повернулся к спутнику:

– Если б кэналлиец не был полукровкой или хотя бы вел себя иначе, оборону возглавил бы он, а не Эктор. Алва – сын полководца и сам прирожденный полководец… Мы относимся к нашим соседям как к варварам, а они давно нас обогнали. Покойный герцог Гонзало сотворил чудо, не просто вытеснив шадов за пролив, но заключив с ними мир. Теперь я вижу, это не было удачей – Алва всем обязаны самим себе…

– Ваше Величество, смените маршала!

– Высокий Совет[10] Алву не признает, вы это понимаете не хуже меня, да и не дело менять коней на переправе. Тем более надежды нет.

– Мой государь!

– Надежды нет! Кабитэла обречена, а с ней и вся Талигойя. Бездомный Король получит дом, а его разбойников назовут герцогами и графами. Наше время уходит, мы можем сохранить честь, но не жизнь.

– Это уже немало, Ваше Величество.

– Будем утешаться этим. – Король замолчал, и Алан был этому рад. Он искренне любил и уважал Эрнани Ракана, но в последнее время тот часто говорил вещи, от которых по спине бежали мурашки. Воин до мозга костей, Окделл знал – нет ничего хуже, чем признать себя побежденным еще до сражения, а талигойский монарх не сомневался в поражении.

– Ваше Величество…

– Да, Алан.

– Не надо отчаиваться. Победа Алвы – знак нам всем, мы не ожидали, что он справится с бастардом, а он справился.

– Справился, – лицо Эрнани исказила гримаса, – но это лишь подтверждает мою правоту. Алва – чужак, которого вы, друзья мои, презираете, потому что иначе вам пришлось бы презирать самих себя, а это неприятно. Чужак схватился с таким же чужаком и победил, а

---

[10] Власть талигойского короля ограничивалась Высоким Советом, в который входили главы фамилий, кровно связанных с Великими Домами. Таковых в описываемое время насчитывалось двенадцать. В исключительных случаях Высокий Совет мог назначить над королем опеку и избрать из своей среды регента, но для этого требовалось присутствие на совете жен и наследников глав фамилий, и принятое решение должны были подтвердить не менее двух третей всех совершеннолетних Людей Чести.

мы смотрели на них со стен… Так во всем. Мы мертвы, Алан, а город и страна – нет, им нужна свежая кровь. Три тысячи лет… Для династии это много, чудовищно много, даже не будь у нас обычая искать жен и мужей среди родичей. Мы – живые мертвецы, эр Окделл, сегодняшний поединок это доказал еще раз, но Рамиро Алва мне нравится, а вам?

– Мне? – Этого вопроса Алан не ожидал. Ему кэналлиец одновременно и нравился и не нравился. Было в этом дерзком гордеце что-то безумно притягательное и одновременно отталкивающее. – Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Алва вряд ли смог бы стать моим другом, он вообще не может быть ничьим другом. Герцог сам по себе, как черногорский ирбис.

– Да, он – одиночка, – согласился король, – и горд, как Леворукий, но он ли в этом виноват? Или мы? Почему народ Талигойи тяготеет к бастарду?

– Мой государь, он…

– Из вас никудышный придворный, Алан, и еще более никудышный утешитель. Мы уже пришли, я вижу своего постельничего. Подведите меня к нему и возвращайтесь к своим северянам. Я уверен, что кэналлиец не ошибся, а Придду стены не отстоять, как бы он ни надувался.

Герцог Окделл исполнил приказ своего государя, не скрывая облегчения. Драться он был готов, думать о поражении – нет, впрочем, времени на размышления марагонец осажденным не оставил.

3

Штурм начался тогда и там, где предполагал кэналлиец, и именно поэтому чуть не увенчался успехом – Эктор Придд, надо полагать, назло утреннему победителю, оставил на западной стене лишь несколько десятков лучников. Атаку бастарда маршал воспринял как личное оскорбление, но пока он призывал на голову Оллара громы и молнии и собирал резервы, на стену успели водрузить «Победителя Дракона». Правда, развеваться знамени бастарда выпало недолго – кэналлийцы, наплевав на беснующегося маршала, сбросили осаждающих со стены.

Когда подоспел Алан со своими копейщиками, штурм уже захлебывался, большинство осадных лестниц были повалены, несколько южане умудрились затащить наверх, причем одну вместе с намертво вцепившимся в перекладину вражеским латником, у которого, видимо, помутилось в голове.

В гуще боя Алан заметил Рамиро, рубившегося в том же легком доспехе, что и утром. Возле самых ног Алвы упал один из его людей, герцог перескочил через него, одновременно подхватив оброненное кем-то копье, которое тут же вонзил в плечо карабкавшегося по уцелевшей лестнице здоровяка. Тот пошатнулся и повалился вниз, увлекая за собой десяток товарищей. Дальше наблюдать за кэналлийцем Алан не мог – чуть ли не у самых его ног показался обтянутый кожей щит. Герцог ударил копьем, но острие лишь скользнуло по гладкой поверхности – чужак прикрепил щит к шлему. Окделл ругнулся, перевернул копье и со всей силы саданул древком. Это помогло – хитрец полетел вниз, свалившись на голову топтавшимся внизу марагонцам, но любоваться на дело рук своих Алану было некогда – пришлось заняться крепышом с секирой, которого сменил некто в роскошном рыцарском шлеме и старых, измятых доспехах. Окделл убил и того, и другого, потом на него набросились сразу трое, одного рыцарь свалил мечом, двух других прикончили подоспевшие южане. Алан обернулся в поисках очередного противника и понял, что бой закончен. Неожиданности не получилось, а зря класть людей Бездомный Король не любил, да и разрушение Кабитэлы в его намерения не входило. Ублюдку нужна была столица, а не руины…

Окделл с наслаждением избавился от шлема и с еще бóльшим наслаждением принял из рук подошедшего Алвы кувшин с вином. Неужели кэналлийцы притащили его с собой?!

Сделав несколько глотков, герцог вернул южанину его собственность. Тот

ослепительно улыбнулся и высоко поднял сосуд над головой, ловя губами алую струю. Именно так пили мориски. Глава одного из Великих Домов Талигойи должен был презирать южных варваров, но они приходились ему родичами, и Рамиро всячески подчеркивал это родство. Алан подозревал, что кэналлийцу нравится дразнить Людей Чести своей непохожестью. Свой смысл в этом был – Ариго стали графами пятьсот лет назад и старательно блюдут старинные обычаи, но все равно слышат в спину, что сколь бы осел ни бил копытом, конем ему не бывать.

Алва утер узкой ладонью губы и присел на корточки у стены, подставляя лицо слабенькому ветру. Окделл опустился на вылетевший из кладки камень напротив кэналлийца, украдкой разглядывая человека, в один день отстоявшего честь короны и спасшего город. На свой герб Алва поместили ворона, летящего против ветра, и знак этот подходил Рамиро как нельзя лучше. Изначально символом Дома Ветра была белая ласточка в скрещении солнечных лучей, нынешние властители Кэналлоа могли унаследовать и ее, но остались верны зловещей черной птице. Что ж, в нынешнем небе, небе войны, ласточкам и впрямь нечего делать…

Рамиро молчал, привалившись спиной к разбитой кладке. То ли устал, то ли просто не желал говорить. Жирный амбарный воробей плюхнулся наземь у самых сапог герцога и принялся деловито подбирать какие-то крошки. Кэналлиец по-кошачьи сощурил глаза, наблюдая за пичугой. Он был сильным, красивым и чужим, и Алан поймал себя на том, что они никогда не поймут друг друга, как не поймут друг друга юг и север. Окделл отдавал себе отчет в том, что судит предвзято, но ничего не мог с собой поделать – он не доверял Рамиро, хотя это было и глупо – замысли Алва предательство, он вел бы себя иначе.

Разрубленный Змей! Да не приведи Рамиро своих людей, не наори на Придда, не возьми оборону в свои руки, город был бы в руках Бездомного Короля… А может, дело именно в этом, и король прав? Все они взъелись на Алву, потому что чужак делает то, на что не способен ни один из истинных талигойцев? Неужели в нем так же, как в Придде и Гонте, говорят зависть и досада?

Алан, собираясь с мыслями, тронул герцогскую цепь и негромко окликнул:

– Эр Алва…

– Эр Окделл?

– Мы вам очень обязаны…

– Пустое, – махнул рукой Рамиро, – знай я, что будет, меня бы здесь не было.

– Я вас не понимаю.

– Понимаете. Просто Люди Чести не любят называть вещи своими именами. Я сожалею, что привел в Кабитэлу своих людей и привез жену, но раз я здесь, то сделаю все, что могу. Если угодно, назло тем, кто не способен ни на что. Будь я одним из вас, я бы подождал, когда рядом не будет слуг, и дал Придду пощечину, но я предпочитаю его раз за разом вытаскивать из лужи, в которую он норовит сесть. Эрнани должен сменить командующего, иначе плохое станет безнадежным.

– Его Величество сделал бы это, – Алана покоробило, что полукровка назвал короля по имени, но в откровенности кэналлийца было что-то притягательное, – будь хоть какая-то надежда.

– Вот как? – Темные брови поползли вверх. – Зачем сражаться, если не веришь в победу?

– Во имя чести, – бездумно ответил Алан и осекся, поняв, как глупо это прозвучало, – и потом, что нам делать, если не защищаться? Сдаться на милость бастарда?

– Горожане, как мне кажется, готовы сменить короля. Эктор Придд чуть ли не каждый день вешает на площади смутьянов, но меньше их не становится.

Это было правдой. Простолюдинам надоела осада, они хотят есть досыта, спать в своих постелях, рожать и растить детей. Франциск Оллар обещает спокойную, сытую жизнь и свободу. Пока чернь выжидает, и только самые смелые или самые глупые рискуют выказывать неудовольствие, но что будет, когда придет зима и Кабитэла начнет голодать и

мерзнуть? Без сомнения, Эрнани имел в виду именно это! Бунт, который не подавить.

– Вы сожалеете, что пришли, из-за бунта?

– Из-за бунта? – Рамиро казался удивленным. – Разумеется, нет. Жители Кабитэлы, в отличие от дворян, не страдают воинственностью. Разве что в таверне после третьей кружки. Чтобы довести город до бунта, Людям Чести нужно очень постараться, разве что осада затянется до зимы.

– Разумеется, затянется. – Алан понимал своего собеседника все меньше и меньше, – Оллар не уйдет, а мы не сдадимся. И вы все еще не сказали, почему сожалеете о том, что пришли.

– Потому, что приходится исполнять приказы спесивого болвана.

Вчера бы Алана эти слова оскорбили. Каким бы ни был Придд, он был маршалом Талигойи, и безродный выскочка не имел никакого права его судить, но сегодня этот выскочка спас город, который чуть не погубили глупость и упрямство Эктора.

– Это был не лучший выбор, но маршальский жезл третий век принадлежит Дому Волны.

– Раньше в этой волне были акулы, а теперь… – Алва задумался, видимо перебирая в памяти морскую живность, – медуза. Такая, с бахромой…

Медуза с фиолетовой бахромой… Щит Приддов украшал золотой спрут, Алан представил на его месте полупрозрачный грибок со щупальцами и неожиданно для себя расхохотался. Алва последовал его примеру. Лед был сломан – властители Надора и Кэналлоа поняли друг друга. Это еще не было дружбой, но неприязни у Алана заметно поубавилось.

– Вы разбираетесь в медузах, герцог.

– Разумеется, в Алвасетской бухте их прорва, особенно после шторма… Простите, герцог!

Лицо Алвы озарилось мягким внутренним светом, словно смывшим усталость и иронию. Южанин вскочил и бросился навстречу женщине в широком синем платье, которую поддерживали под руки две служанки. Алан видел кэналлийскую герцогиню и раньше, но никогда к ней не присматривался. Немного поколебавшись, Окделл присоединился к супругам, представляя, какую мину скорчил бы на его месте маршал Придд.

– Эр Алан, – просиял глазами Рамиро, – вы знакомы с моей женой? Какой-то подлец рассказал ей, что был штурм, и ей взбрело в головку убедиться, что со мной все в порядке.

У Октавии Алвы были удивительные глаза, такой бесконечной предвечерней синевы Алан еще не видел. Герцогиня не походила ни на ярких кэналлийских красавиц, ни на величавых талигойских аристократок, и Окделл вспомнил, что Рамиро разорвал помолвку с племянницей Эктора Придда и женился на безродной девице, встреченной им чуть ли не на постоялом дворе. Скандал вышел нешуточный, но властителя Кэналлоа чужое мнение не волновало.

Алан Окделл церемонно поклонился:

– Счастлив приветствовать эрэа. Я видел эрэа один раз на пиру и несколько раз в храме, но, увы, издали.

– Да, Октавия в отличие от меня очень набожна. Увы, ангелам положено, надо – не надо, славить Создателя.

– И обращать безбожников, – улыбнулась герцогиня.

– Только днем, – уточнил кэналлиец, указывая взглядом на живот супруги, – а ночью безбожники берут свое.

Октавия густо покраснела, и Рамиро быстро поднес к губам тоненькую руку. Он любил жену, в этом не было никаких сомнений. Не просто любил – боготворил, а она – его. В этом Алва тоже отличался от большинства Людей Чести, знавших своих будущих жен с малолетства. Самое большее, на что мог рассчитывать в браке глава Великого Дома, это на дружбу и понимание. До сегодняшнего дня Алан был уверен, что ему несказанно повезло с Женевьев, но она никогда не смотрела на него такими глазами. А он сам? Герцог любил

обоих сыновей, глубоко уважал свою супругу и был ей верен, у них с Женевьев было немало хороших минут, и все же Алан почувствовал себя обделенным.

Именно поэтому, расставшись с кэналлийцами, он не вернулся в казармы, где жили его люди, а, вскочив на приведенного оруженосцем коня, направился в Цитадель. Герцог сам не знал, чего хочет от Женевьев. Она всегда была строгой, рассудительной и сильной. Истинная Повелительница Скал! Ее кузен Шарль, хоть и возглавил после гибели отца Дом Молнии, частенько вел себя как мальчишка, Женевьев же никогда не забывала, кто она и в чем ее долг перед обоими Великими Домами. Даже в постели.

Да, ему повезло с женой, он всегда может на нее положиться, случись что с ним, до совершеннолетия Ричарда вдовствующая герцогиня удержит знамя Окделлов, а что может синеглазая девочка с выбившейся из-под мантильи светлой прядкой? Только такой сумасброд, как кэналлийский герцог, мог забыть об интересах фамилии и пойти на поводу у любви!

Большая серая крыса отвлекла Алана от мыслей о главенстве долга над чувством. В Кабитэле в последнее время расплодилось множество крыс и почти столько же нищенствующих «истинников». Первые грызут зерно, вторые – души, но и тех и других лучше не задевать, по крайней мере, людям.

Алан догадывался, что простые талигойцы не любят своих эров, но лишь после появления Оллара стал понимать, до какой степени. Славящийся своей смелостью и прямотой Повелитель Скал был почти напуган. Дошло до того, что он сожалел, что позволил сыну оставить у себя уличного котенка. Забавный белый с черными пятнами звереныш не знал, что является пособником Чужого, видящего кошачьими глазами и слышащего кошачьими ушами.

С тех пор как святому Торквинию открылась Истина, кошки стали почитаться нечистыми. Их пытались извести – не получалось. Рискуя головой, твари следовали за человеком, их убивали во множестве, но плодились они быстрее, чем умирали, становясь все изворотливее и хитрее. Потом случилась чума, и вестницей ее стали крысы, а за чумой, выкосившей хлебные провинции, шел голод. Полчища крыс и мышей были его пособниками, и тогда Эсперадор Лев запретил истребление кошек, чем те не замедлили воспользоваться.

В Талигойе отношение к мяукающему племени было странным. В Кэналлоа, которую в Агарисе почитали эсператистской только потому, что силой обратить черноволосых полуморисков в истинную веру Святой Престол не решался, к кошкам относились, как к любым домашним тварям. В Кабитэле им разрешали жить в амбарах и погребах, но пустивший кошку в дом рисковал угодить в пособники Леворукого, а на севере еще помнили сказания, в которых кошки охраняли Запад от чудовищных крыс, грызущих стену Мира, за которой ревут Изначальные твари, жаждущие добраться до живых душ и горячей крови.

В Надоре, родовом замке Окделлов, кошки чувствовали себя вольготно, и привезший в столицу по решению короля и Высокого Совета жену и детей Алан не озаботился запретить сыну играть с котятами, ему было не до того. А зря. «Истинники» орут все громче и громче. Они могут начать с кошек, а закончить…

Дорога оказалась короче, чем неприятные мысли. Копыта коня процокали по мосту, под которым бурлила темная данарская вода. Отделенная от остального мира двойным кольцом Старого и Нового города и широкой рекой, Цитадель жила своей жизнью, вход в нее был открыт лишь Людям Чести и их свитским. Алан осадил жеребца у Дворца Скал, бросил поводья слуге с вепрем на ливрее и поднялся к жене.

Женевьев со своими дамами сидела у окна и вышивала, у ног жены примостился наигрывающий на лютне юноша-паж. При виде Алана женщина изящным движением отложила пяльцы и протянула руку для поцелуя. Герцог коснулся губами прохладных пальцев и повернулся к свите:

– Сударыни, оставьте нас.

Дамы поднялись и, шелестя юбками, выплыли из комнаты. Женевьев смотрела на супруга с легким недоумением.

– Что-то произошло? Приступ, насколько мне известно, отбит.

– Да, благодаря кэналлийцам. Эктор выказал себя полным болваном.

– Каковым он и является, – со вздохом произнесла герцогиня. Женевьев полностью разделяла мнение своего необузданного кузена насчет воинских талантов маршала. Алан невольно расхохотался, второй раз за этот бесконечный день.

– Несчастный Эктор, никто его не любит. Ни Шарль, ни ты, ни я, ни кэналлиец.

– Последнее немудрено, – улыбнулась женщина, – я удивляюсь выдержке Алвы, другой бы на его месте давным-давно вызвал Придда.

– Рамиро, – Алан и не заметил, как назвал южанина по имени, – мстит ему иначе. Он его спасает, – герцог сделал паузу, – при всем честном народе.

– Рискованная игра, – покачала головой Женевьев, – Придд – опасный человек и очень злопамятный. Что с вами сегодня? Вы сами на себя не похожи.

– Кто его знает. Возможно, дело в утренней победе, а возможно, в том, что я повидал настоящую любовь. Странно, раньше Октавия Алва не казалась мне красавицей. Беременность редко красит женщину… Простите, эрэа, я сказал что-то не то.

– Отчего же, вы правы. – Женевьев потянулась к пяльцам, и Алан понял, что она все-таки обижена.

– Сударыня, – зачем он сюда пришел? У него много дел в казармах и еще надо переговорить с Шарлем Эпинэ о защите Полуденных ворот. – Я рад убедиться, что вы в добром здравии. Это было необдуманно, просить приехать вас и Ричарда.

– Герцогиня Окделл знает свой долг не хуже, чем герцогиня Алва, – в тихом голосе прозвучала сталь, – остается надеяться, что и мужчины не забудут своей клятвы и не сдадут Кабитэлу.

– Можете быть уверены, – заверил Алан, – Люди Чести могут умереть, но не отступить.

Часть вторая

Зелен яд заката, но я выпью зелье,
Я пройду сквозь арки, где года истлели…

1

Лето клонилось к концу, а Кабитэла держалась. После шестого штурма Франциск Оллар раздумал класть людей под стенами и перешел к осаде. Бездомный Король не торопился – время работало на него. Оллар разбил постоянный лагерь, постаравшись, чтоб всем стало ясно – на этом месте будет Третий город[11]. Осаждающие чувствовали себя, как дома, всем своим видом показывая, что пришли навсегда. Со стен было видно, как к бастарду тянутся телеги – окрестные крестьяне везли на продажу новый урожай. Франциск вел себя не как завоеватель, а как сюзерен – он запретил грабить, а за хлеб, молоко и мясо расплачивался где-то добытой звонкой монетой. Эрнани такой роскоши позволить себе не мог.

Разумеется, в Цитадели было все необходимое, но обитатели Нового города об овощах, молоке и свежем мясе могли лишь мечтать. Осаждающие же, как нарочно, устраивали то соревнования лучников, то пирушки с танцами, на которые приходили девушки из

---

[11] Расположенная на берегу широкого и быстрого Данара Кабитэла состояла из построенной на холме Цитадели, в которой обитал король и были расположены дворцы глав Великих Домов, к Цитадели примыкал окруженный Императорской стеной Старый город, окруженный Новым городом, во времена Эрнани Восьмого обнесенный мощной оборонительной стеной с башнями и выносными укреплениями. К описываемым временам свободной земли в Новом городе почти не осталось, и Франциск Оллар давал понять, что нужен Третий город.

ближайших деревень. Жевать сухари и солонину, сжимая в руке копье, и смотреть на чужой праздник – что может быть неприятнее? Из-за стены раздавались то веселые приглашения, то ядовитые насмешки над колченогим королем и спесивыми болванами, отчего-то возомнившими себя солью земли, а герольды то и дело зачитывали указы и воззвания самозванца, в которых тот обращался то к воинам, то к купцам, то к ремесленникам, называя их не иначе как своими подданными. Самое печальное, что простонародье с этим соглашалось. Бастард был тем королем, которого хотела чернь.

Алан видел, что жителям Кабитэлы верить нельзя, Оллар перетянул их на свою сторону, а бродячие проповедники и вовсе вот-вот натравят горожан на Людей Чести. Нужно сказать об этом Эрнани – ворота в Цитадель лучше держать закрытыми, а мост поднятым. Даже в собственном дворце и то нужно быть осторожнее. Придется уговорить Дикона расстаться с котенком. Звереныша лучше всего отнести в амбары, там живет немало кошек, они сыты, а амбарщики их не трогают…

В дверь постучали, сидевший у входа оруженосец, повинуясь знаку господина, отодвинул засов и поклонился, приветствуя властителя Кэналлоа.

– Простите за вторжение, – южанин одарил хозяина белозубой улыбкой, – но мне надо поговорить с кем-то, кто думает о деле не меньше, чем об этой вашей Чести.

– Рад вас видеть, герцог, – это не было простой вежливостью. Кто б еще весной сказал Алану Окделлу, что он будет рад визиту кэналлийского полукровки! – Вина?

– Не откажусь.

– Нед, подайте кубки и можете идти.

Паж исполнил приказ и вышел, косясь на чужака, с которым оставался хозяин. Алан разлил вино. Протягивая кубок гостю, он с удивлением заметил, что котенок, о котором он только что думал, умудрился просочиться в комнату и взобраться гостю на колени. Рамиро рассмеялся, дерзко блеснув глазами, и погладил зверька.

– А вы еретик, герцог.

– А вы?

– Я? Безбожник, вестимо. Может, где-то кто-то и есть, но им нет дела до нас, а мне, соответственно, до них. Если б я ждал, когда кто-то придет и начнет всех спасать, я бы вряд ли имел честь спутаться с Людьми Чести. Вот как сказал, не хуже самого Придда. – Кэналлиец вновь расхохотался и поднял кубок: – За кошек и их хозяев или Повелителя?

Алан, сам не зная почему, тоже засмеялся и осушил кубок. Они все сходят с ума. От безнадежности, чужой ненависти, безделья. Отсюда и мерзкие сны, и нынешняя попойка. Повелитель Скал пьет за кошек с кэналлийским полукровкой? Ну и пьет, что им делать, если не пить?!

– Вы знакомы с Зеленоглазым, Рамиро?

– Нет, к сожалению, – гость пригубил вино, и Алан вспомнил, что Алва – хозяин лучших в мире виноградников, а привезенное из Горной Марки белое было весьма посредственным.

– Я б не отказался с ним поговорить, – Рамиро поставил бокал, – подчинить кошек трудней, чем людей. Кстати, раз уж зашла речь о демонах. Окделл, не будете ли вы любезны рассказать мне о Четверых и их наследстве.

Алан в недоумении воззрился на гостя. Рамиро – глава Дома Ветра, он должен знать все.

– Вы, я вижу, удивлены, но откуда морисскому отродью знать тайны Людей Чести? Дом Ветра вымер, герцогами назвали нас, но всяческие обряды, переходящие от отца к сыну, нас миновали. Мы живем и воюем по собственному разумению, но раз уж меня принесло умирать за короля Ракана, поведайте, чем он отличается от того же Франциска Оллара.

Чем отличается? Чем они все отличаются от обычных людей? Пожалуй, что и ничем. Может, когда-то Люди Чести и впрямь повелевали стихиями, но теперь остались лишь гербы, медальоны со странными знаками да гордость, вернее, гордыня. Тот же Рамиро умнее и удачливее их всех, вместе взятых, да и Бездомный Король… Над ним можно сколько

угодно смеяться, но своего он не упустит.

Окделл сунул руку за пазуху и вытащил серебристый диск с гравировкой. Такие носили главы Великих Домов, остальные Люди Чести довольствовались золотыми копиями. Святой Престол смотрел на это весьма косо, но пока молчал. Алан протянул вещицу собеседнику:

– Вот все, что уцелело от прошлого величия, если оно, разумеется, было. То есть власть, конечно, у нас была, а сила вряд ли, хотя за три тысячи лет любая волшба выдохнется.

Алва задумчиво смотрел на слабо мерцающий на его ладони диск. Если б волосы кэналлийца стали золотыми, а глаза – зелеными, он вполне сошел бы за Повелителя Кошек.

– У вас должен быть такой же, Рамиро, но со знаком Ветра. Мы, Окделлы, дети Заката и Полуночи, Повелители Скал, стражи Северо-Запада. Вы рождены Восходом и Полуднем, повелеваете ветрами и охраняете Юго-Восток. Неужели вы не знали и этого?

– Это, – Алва усмехнулся, – знают даже кошки, а медальон Борраска и впрямь у меня. Алан, я хочу понять, есть ли правда в разговорах о старых силах и почему Эрнани Святой предал старых богов. Не знаю, как вам, а по мне гаже крыс со свечками ничего не придумаешь…

Странная ночь и странный разговор, хотя Рамиро можно понять. Кэналлиец – наследник рода Борраска и имеет право на правду, пусть она никому не нужна. Но сколько правды в старых сказках, которыми кормили в детстве герцога Окделла?

– Рамиро, когда вам исполнилось шестнадцать, вы завещали свою душу Ветру?

– А надо было? – поднял бровь кэналлиец. – Нет, я ничего такого со своей душой не делал.

Значит, о ритуале Завещания Алва не знает, что не мешает ему быть умнее и удачливее Придда.

Золотое «вчера» Талигойи – блуждающие башни, каменные кольца Гальтары, меч Раканов, Закон и Честь… Алан родился и вырос, когда все это стало прошлым, воспоминания о котором не приветствовались. С той поры, как Эрнани Святой два Круга назад внял увещеваниям эсператистов и перенес столицу из пропитанной древней ересью Гальтары в тогда совсем еще небольшую Кабитэлу, все связанное с Четырьмя Ушедшими усиленно забывали. Но прошлое то и дело напоминало о себе то песнями, то выловленными из воды или найденными в земле вещами, отмеченными старыми знаками[12], то непонятными предсказаниями…

– Странные вещи, – кэналлиец вернул медальон хозяину, – они что-нибудь дают?

– Я надел его в ночь, когда умер отец. Не знаю, сколько лет этому талисману. Считается, что он вышел из рук первого сына Полуночи и Заката и дает власть над скалами.

– И что, – покачал головой Рамиро, – талисман Окделлов и вправду подчиняет камни?

– Нет, по крайней мере, я ни о чем таком не знаю. Мы зовемся Повелителями Скал. Бастард назвал себя Победителем Дракона… Когда я надел Знак Скалы, он еще хранил тепло отца, но я не почувствовал ничего. Точно так же, как в ночь совершеннолетия, когда отвечал на Вопросы и произнес Клятву.

– Вопросы? Какие?

– В каждом Доме спрашивают о разном, – Алан невесело усмехнулся, – Шарло Эпинэ, так же как и я, не понял ничего. Может, в этих словах и упрятан какой-то смысл, а может, и нет. Вы ничего не потеряли, Рамиро, от того, что не прошли посвящение и не носите ваших амулетов.

– Отчего же, – возразил кэналлиец, – ношу. Откровенность за откровенность. Вот мой талисман, можете открыть.

Алан бережно принял изящный медальон морискийской работы, бывший хранилищем светло-русого локона.

---

[12] *Высшие знаки* – символы Четверых – Молния, Волна, Утес и Ветер.

– Октавия?

– Да, единственная сила, которой я молюсь.

– Послушайте, Алва, – Окделл вновь наполнил кубки, – вы отдаете себе отчет в том, что наше положение безнадежно?

– Безнадежных положений не бывает, – медленно покачал головой южанин, – есть безнадежные дураки и есть утратившие надежду. Вы, Люди Чести, разделились именно на них.

– Мне обязательно вызывать вас на дуэль? – осведомился Алан.

– За то, что я назвал Придда безнадежным дураком? Можете ему это передать, а вызывать меня или нет – его дело. Маршал не принял вызов бастарда, вряд ли снизойдет и до полукровки. Алан, неужели вы не видите выхода?

– Можете записать в болваны и меня, не вижу. А вы?

– Вижу. Мне нужно еще немного подумать, а потом я попрошу аудиенции у короля.

Окделл едва удержался от того, чтобы схватить Алву за руку. Отчего-то он сразу поверил, что выход есть и Рамиро его знает. Эрнани прав – кэналлиец прирожденный полководец. Пусть талигойцы трижды презирают южных варваров, но мориски умеют воевать. Оллар не признает никаких законов, Алва, похоже, тоже. Он найдет управу на Бездомного Короля… Октавия и ее еще не рожденный ребенок в Кабитэле, Рамиро сумеет их защитить.

2

Алва давно ушел, а Алан все еще сидел у стола, вертя в руках опустевший кубок. Почему кэналлиец заговорил о Четверых? Любопытство? Желание узнать то, что известно главам других домов, или что-то бóльшее? Герцог Окделл поклялся никому, кроме своих сыновей, не доверять тайн Скал, но откуда взялся этот запрет? Алан помнил свое разочарование, когда накануне шестнадцатилетия отец протянул ему пожелтевший свиток с вопросами и ответами и сказал, что это нужно выучить наизусть. Он выучил. Затем в ночь совершеннолетия будущего Повелителя Скал отвели на возвышающийся над Надором утес и приковали к каменному вепрю. Отец приставил ему к груди фамильный меч и стал задавать вопросы. Один за другим. Даже тогда это казалось бессмысленным, но наследник Великого Дома должен пройти через ритуал Завещания.

– Сколько их было?

– Четверо.

– Куда они ушли?

– Туда, откуда не возвращаются.

– Почему они ушли?

– Потому что клялись защищать.

– Кто ушел за ними?

– Лучшие из лучших.

– Кто остался?

– Мы.

– Сколько нас?

– Четверо. Всегда четверо. Навечно четверо.

– Кто на нашей стороне?

– Закат и Восход, Полдень и Полночь.

– Кто против нас?

– Те, кто займет чужое место.

– Кто откроет Врата?

– Он и Она.

– Кто Он?

– Он уйдет в Осень.

– Кто Она?

– Она придет из Осени.

– В чем наша сила?

– В памяти и чести.

– В чем наша слабость?

– В чести и памяти.

– Что нас ждет?

– Бой.

– Когда пробьет наш час?

– Мы узнаем.

– В чем наш долг?

– В том, что никто иной не исполнит.

Шестнадцать вопросов и шестнадцать ответов… Шестнадцать, четыре раза по четыре, – священное число древних. Четыре раза по четыре месяца, четыре раза по четыре кровных вассалов Великих Семей… Было… Осталось тринадцать, если считать Ариго, и двенадцать, если не подыгрывать самим себе. А сколько уцелеет после войны?

– В чем наш долг?

– В том, что никто другой не исполнит…

Надо спросить Шарло, вдруг, сложив Завет Молнии с Заветом Скал, они что-то поймут. Эктор никогда не скажет, что известно Волне, а Ветер… Ветер умер вместе с последним Борраской. Остался черноглазый полукровка – смелый, дерзкий, умный, рожденный настоящим назло прошлому.

– Кто против нас?

– Те, кто займет чужое место.

Займет или уже занял? И кто? Бездомный Король? Алва, не имевший права на титул Повелителя Ветров? Кто-то еще? Восемь сотен лет назад Раканы отказались от древнего могущества или от вековой лжи?

– Его Величество просит вас срочно прийти. – Юный оруженосец смотрел на своего господина с искренним сожалением. Опять бессонная ночь.

– Подай кольчугу.

Уходя во дворец, надо быть готовым к тому, что окажешься на башнях, да и ездить по городу становится опасным. Гайифцы ненадежны, и если б только они!

Герцог глянул в угол, где висело изображение Создателя – красивого мужчины с пронзительным взором, свечой в одной руке и мечом в другой. Алан скорее верил в него, чем нет, но на этот раз вместо положенной перед уходом из дома молитвы тронул рукой вновь занявший свое место Знак Скал, перевел взгляд на стоящее у изголовья знамя Окделлов, быстро пересек комнату, поцеловал прохладный шелк и, не оглядываясь, вышел.

Спускаясь вниз, герцог заметил нахмуренного Ричарда, сосредоточенно засовывавшего за пояс кинжал.

– Дикон!

– Да, отец.

– Никуда не ходи, тем более один.

– Барс потерялся, я должен его найти.

Еще не хватало, чтоб он бегал по темным закоулкам, выискивая котенка. Мало ли куда тот забежал, мог и из Цитадели выскочить. Кошки не люди, везде отыщут лазейку, с них станется!

Когда Создатель, вспомнив о сотворенном им мире, вернулся и изгнал захвативших его демонов, все твари дневные и ночные склонились перед Ним и восхвалили Его. Все, кроме кошки, повернувшейся к Нему спиной и принявшейся умываться. За свою гордыню кошка была изгнана на край мироздания, где вечно горит огонь Заката. Там, вместо того чтоб искупить свой грех смирением, она отыскала проход в великом пламени и показала его Чужому, назло Создателю признав того своим владыкой. Так Леворукий открыл путь в

Кэртиану… По крайней мере по мнению мракобесов в сером.

– Твой кот сам вернется. Я запрещаю тебе выходить.

Сын нахмурился, но промолчал. Садясь на коня, герцог окликнул слугу:

– Фрэнки, если найдете котенка, не возвращайте Ричарду, а отнесите в амбары.

Фрэнки угрюмо кивнул. Упрямый, как большинство надорцев, он потихоньку носил знак Четырех и терпеть не мог «истинников», хотя за что их любить?! Говорят, в орден Истины красивых и высоких не берут. Красота ходит рука об руку с гордыней, а слуги Создателя должны быть смиренны и незаметны, недаром их символом стала мышь со свечой в лапках.

Красота сама по себе искус и для ее обладателя, и для других. Тот же Рамиро в глазах «истинников» – пособник Чужого только потому, что красив и горд. А в глазах Людей Чести он виноват в том, что занял пустующее место! Бред! Только раньше Алан Окделл отчего-то об этом не задумывался.

3

Хмурые стражники с королевскими гербами на туниках раздвинули копья, пропуская Алана к королю. С Эрнани был заспанный Шарль Эпинэ, похоже, беднягу подняли с постели. Они все стали какими-то совами – днем спят, ночью караулят…

– Вы звали меня, государь?

– Да, герцог. Мы рады вас видеть. – Эрнани выглядел не просто плохо, а ужасно. – Рамиро Алва просит разговора наедине, но я решил пригласить еще и вас. Не то чтоб я ему не доверял, просто вы с Шарлем сможете дать мне совет.

– Я к услугам моего короля.

– Благодарю, – повелитель Талигойи еле заметно шевельнул рукой, подзывая пажа, – пригласите герцога Кэналлоа.

Если южанин и был разочарован присутствием посторонних, то ничем этого не показал. Похожий в надетой поверх легкой кольчуги синей котте на морискийского шада, Рамиро изысканно поклонился.

– Вы хотели говорить со мной, герцог. Надеюсь, вас не смущает присутствие моих добрых друзей.

– Отнюдь нет. Я не хотел, чтоб меня слышали кансильер и маршал, но я рад видеть герцога Эпинэ, а герцог Окделл знает, о чем я буду говорить.

– Мы слушаем, – король говорил с видимым усилием. Неужели возвращается болезнь? Серую лихорадку нельзя вылечить, только залечить, но как же не вовремя!

– Государь, город нам не удержать. Отдых скоро закончится. Франциск делает вид, что будет ждать холодов, но я ему не верю. Когда зарядят дожди, в лагере будет несладко. Бастарду нужно победить до исхода лета. Он приручил окрестных крестьян и примирил с собой горожан, теперь пора вновь браться за оружие. Два, самое большее три штурма – и сначала Новый город, а потом и Старый падут, Цитадель продержится дольше, но возьмут и ее. Ваши люди не верят в победу, а простые воины хотят жить.

– Не только простые, – вмешался Эпинэ. – Я вчера повесил гайифского капитана. Мерзавец рассказывал, что во время осады положено выдавать тройное жалованье, а мы не можем заплатить даже положенного. Наемники скоро уйдут, и хорошо, если при этом не ударят в спину.

– Я знаю об этом, – тихо произнес Эрнани, – более того, я не надеялся, что мы продержимся так долго. Если б не ваши выдумки, Рамиро, все было бы уже кончено. Что ж, такова наша судьба. Мы погибнем, но не уроним своей чести. Эпинэ, завтра же переведите гайифцев в Новый город. Когда они предадут…

«Когда они предадут, – с тоской подумал Алан, – никто из нас не сомневается в их предательстве, только не знает, когда оно случится – завтра или послезавтра…»

– Государь, – Рамиро позволил себе перебить короля, – вы правы, от гайифцев надо

избавиться, но это только начало. Город не удержать, но потеря столицы – это еще не проигранная война.

– То есть? – подался вперед Эпинэ.

– Государь, выслушайте меня. Я слежу за Олларом с начала войны, и, мне кажется, я его понял. Бастард – отменный боец, замечательный вождь, сильный политик, но он не полководец…

– Не полководец?! – Алан не поверил своим ушам. – Бездомный не проиграл ни одного сражения, он начинал с десятком человек, а сейчас с ним армия.

– Это только подтверждает мои слова. Оллар – вождь, ему верят и за ним идут. В королевстве много обиженных и недовольных своим положением, а Франциск умеет и подчинять, и очаровывать. Если он окажется на троне, то сумеет сговориться и со знатью, и с церковью, и с простонародьем и станет сильным королем, но как военачальник он глуп, хоть и не понимает этого.

– Рамиро! – Серое лицо Эрнани порозовело. – Что вы хотите сказать?

– То, что маршал Придд, граф Гонтский и иже с ними воюют еще хуже бастарда. Он – та самая ящерица, которая среди черепах сойдет за коня, но он не конь! Франциск воюет по старинке: не было ни одной ловушки, в которую он не попался. Герцог Эпинэ у Аконы доказал, что марагонца можно бить. Только бездарность Придда не позволяет бастарду понять, что его предел – кавалерийский полк, а еще разумнее ограничиться турнирами и забыть о настоящей войне. И это наше счастье! Если Бездомный Король поймет, что не умеет воевать, он быстро найдет тех, кто будет водить его армии, а сам станет драться в первых рядах, вызывая всеобщий восторг.

– Что ты предлагаешь? – Эпинэ схватил Рамиро за руку, забыв даже о присутствии Эрнани.

– Бросить все на кон и выиграть войну, – твердо произнес кэналлиец. – Не поручусь, что у нас получится, но терять нам нечего.

– У вас есть план, герцог? – Голос короля дрогнул.

– Есть, Ваше Величество. Сначала нужно развязать себе руки. Бастард предлагает желающим покинуть город. Выгоните взашей ненадежных и заставьте уйти семьи.

– Семьи? Наши жены поклялись разделить участь своих мужей.

– Участь, но не бой! Пусть уходят. Оллар решит, что в крепости остаются смертники, и пусть его. Женщин с детьми он не тронет. Франциск думает о том, как станет править, он захочет переженить своих любимцев на знатных талигойских вдовах. Бездомный Король жесток, но играет в справедливость, иначе он бы меня не отпустил.

– Что мы будем делать, когда отправим женщин и предателей?

– Отобьем штурм – на это нас еще хватит – и бросим жребий. Кто-то и впрямь останется умирать. Затем я захвачу Ржавый форт, вырежу тех, кто там засел, мы перейдем реку и сожжем мосты, а дальше…

– Гальтара? – подался вперед Алан.

– Да. Я для вас чужак, полукровка, но я знаю, что талигойский король в Гальтаре обретает особую силу.

– Это так, – медленно произнес Эрнани, – Гальтару защищает сила Четверых, но мы приняли новую веру и поклялись отказаться от старых суеверий.

– Но суеверие ли это? – Алан видел, что кэналлиец прав. Если Четверо – сказки, они ничего не теряют. Гальтара – сильная крепость, для ее обороны нужно не так уж и много людей, а горная Талигойя все еще верна своему королю. Если ж вдруг в древней столице король обретет легендарную силу, и того лучше. Да, их назовут отступниками, ну и что? Зато они победят!

– Рамиро, – вступил Эпинэ. Повелитель Молний всегда рубил сплеча, для него чужак-южанин, нашедший выход из ловушки, стал своим. – До Гальтары еще нужно дойти.

– Дойдем, – твердо сказал Рамиро Алва, – южная армия Франциска не разбита только потому, что никому не пришло в голову это сделать.

– Их в три раза больше, чем нас!

– Возьмите тридцать мышей и спустите на них пятерых котов, – пожал плечами кэналлиец. – Если понадобится, я разобью Колиньяра, но проще его обмануть и заставить ловить собственный хвост.

– Вы все продумали, герцог, – слабо улыбнулся король.

– Кроме одного, – жестко сказал Алва. – Люди Чести не пойдут за полукровкой, а маршал Придд не станет меня слушать. Встаньте во главе армии, Ваше Величество, или смените маршала на того, кто видит дальше своего носа.

– Разрубленный Змей! – вскинулся Шарль. – Этого мерина давно пора на живодерню, а он все еще задом вскидывает.

– Держите себя в руках, герцог, – прикрикнул Эрнани, и Алан порадовался, что король очнулся от апатии. – Алва прав, я завишу от Высокого Совета. Вас трое, и один сам называет себя чужаком. Мы можем убедить фок Варзова, Савиньяка и старика Дорака. Тогда с учетом королевских голосов[13] нас будет десять против семи, но маршалом Алве не стать. Алан, я отдам жезл вам.

– Будешь царствовать, но не править, – ухмыльнулся Эпинэ, – Рамиро…

– Погодите, – Алва вскочил, проверяя, как ходит в ножнах меч, – кажется, я слишком долго думал…

Кэналлиец оказался прав – вбежавший оруженосец прерывающимся голосом доложил о бунте. Гайифцы решили сменить хозяина.

– Вот и все, – Эрнани словно бы погас, – бороться с судьбой невозможно.

– Невозможно с ней не бороться, – Алва отцепил и бросил меч, скинул котту и теперь стаскивал с себя морисскую кольчугу.

– Герцог, что с вами?

– Ничего. Эпинэ, шли бы вы на стены. Надеюсь, Цитадель под охраной.

– Сегодня на стенах Михаэль.

– Лучше, чем все остальные, но хуже, чем вы. Прошу простить, Ваше Величество, мне надо отлучиться.

– Что вы задумали?

– Вытащить Придда из лужи. – Кэналлиец рывком распахнул окно, выходящее на реку. Данар горделиво нес свои воды к порогам, и до противоположного берега было безумно далеко. – Подниму своих людей.

– Вы с ума сошли!

Алан был полностью согласен с королем. Вплавь миновать захваченный гайифцами Старый город и выбраться из реки над самыми порогами… Такое могло прийти в голову лишь безумцу.

– Я хорошо плаваю, господа, – Рамиро вскочил на подоконник, – Алан…

– Да?

– Нет, ничего… До встречи.

Часть третья

Да я-то уже не я,
И дом мой уже не дом мой…

1

[13] На Высоком Совете у короля было четыре голоса.

Эту ночь Алан Окделл запомнил надолго. Гайифцы были умелыми воинами и знали, чего хотят. Захваченный ими Старый город находился между Цитаделью и Новым городом, за стенами которого располагался вражеский лагерь. Замысливший предательство капитан Фариатти рассчитывал овладеть мостом через ров и ворваться в Цитадель, одновременно пробив коридор через Новый город к Мясным воротам. План был хорош, а маршал Придд в очередной раз доказал свою полную бездарность. Он умел и любил вешать бунтовщиков или же тех, кого почитал таковыми, но настоящий бунт прохлопал. К счастью, стоявшие у ворот люди Савиньяка и распоряжавшийся на стенах Цитадели Михаэль фок Варзов не сплоховали.

Ворваться в королевскую резиденцию бунтовщикам не удалось, но Фариатти это не обескуражило. Закатные твари с ней, с Цитаделью! Если город будет взят, аристократы рано или поздно запросят пощады. Оставив напротив поднятых мостов пять сотен человек, предатель построил своих людей клином и пошел на прорыв. Хорошо вооруженные гайифцы сломали оборону Берхайма, вырвались в Новый город и… налетели на южан Алвы, к которому примкнул Рокслей, ставящий дело превыше чистоты крови. Рамиро буквально вбросил изменников назад, в Старый город, и на улицах закипела резня.

Южане шаг за шагом шли вперед, и у Фариатти не осталось иного выхода, как снять охрану с мостов. Для Окделла и фок Варзова это стало сигналом, и их дружины ударили по бунтовщикам с тыла.

Алану было страшно и дико убивать недавних соратников, пару раз герцог едва не

погиб – рука не поднималась на тех, кого он знал в лицо. Один раз его спас оруженосец, второй – прорубившийся к нему Алва. Кэналлиец не был столь сентиментален – гайифцы для него были такими же чужаками, как все остальные. Южане, повинуясь своему герцогу, молча сносили презрение «истинных талигойцев» и «добрых эсператистов», но это отнюдь не означало, что они прощали. Когда пришлось повернуть оружие против бунтовщиков, кэналлийцы не колебались и не скорбели, и, кроме того, у них был опыт боев в городе.

Алва шел впереди своих людей, и, глядя, на забрызганную кровью фигуру в обманчиво легких доспехах, Окделл поймал себя на мысли, что ему страшно. Кэналлиец не щадил никого и казался железным. Потом южанина и северянина разметало в разные стороны. Ночь закончилась, взошло солнце, осветив заваленные трупами улицы. Перевалило за полдень, а бой все еще продолжался – гайифцы, понимая, что пощады не будет, защищались до последнего.

Добивать бунтовщиков пришлось Михаэлю с Шарлем – Франциск Оллар, поняв, что в городе творится нечто необычное, не преминул атаковать многострадальную западную стену. Алва и Окделл бросились туда. К счастью, штурм больше походил на разведку. Убедившись, что защитников на стенах хватает, бастард отошел, а Рамиро с Аланом в изнеможении рухнули прямо на раскаленные солнцем ступени Червленой башни.

– Вы опять спасли город, Алва.

– Не уверен, – кэналлиец сорвал шлем и жадно хватал ртом горячий воздух, – если думать об этой стране, следовало поддержать бунт, а не подавлять его.

– Рамиро!

– Вы – хороший человек, Алан, но вы не видите того, что вам не нравится. Талигойя подыхает. Отказавшись от Четверых, Эрнани Первый подрезал подпругу коню, который вас вывозил две с лишним тысячи лет. Теперь вы пытаетесь удержаться за хвост и все равно свалитесь в пропасть. Мы прикончим Оллара, но придут другие, много хуже… Придут южные корсары, придут агарийские святоши, придут холтийские степняки, не говоря уж про дриксенских живодеров. Не те вас с вашей Честью сожрут, так другие, а бастард, бастард пришпорит Талигойю, под ним она вспомнит, что значит бег… Оллар рожден королем великой державы, и он ее создаст. Если мы ему позволим.

– Почему тогда вы с нами, а не с ним?

– Так вышло, – пожал плечами Алва, – и потом, я могу и ошибаться. Вдруг у Эрнани хватит духу сделать то, что следовало сделать восемьсот лет назад. Или, наоборот, не делать.

– Вы говорите загадками.

– А вам надо в лоб? Извольте. Или Эрнани станет тем, кем стал бы для страны Бездомный Король, или вернет столицу в Гальтару и обопрется на силу Четверых, если таковая существует. Третьего не дано. Будь хоть конем на берегу, хоть рыбой в море, но не жабой в болоте…

– Соберано[14], – черноглазый юноша в синем платье с черной окантовкой нерешительно переминался с ноги на ногу.

– Что тебе, Санчо?

– Госпожа беспокоится…

– Сейчас буду, – Рамиро легко вскочил, – простите, Окделл, я должен идти.

Кэналлиец умчался, на прощание махнув рукой, Алан остался – ему спешить было некуда, а в словах Алвы было слишком много правды, чтоб от них можно было взять и отмахнуться. Талигойя и впрямь застряла между «вчера» и «сегодня».

Его род, род Окделлов, был старшим в Доме Скал, по легендам ведущим свою родословную от одного из Четверых. На гербе Окделлов изображался золотой вепрь у подножия черной скалы, скалы были и на гербах кровных вассалов – Карлионов, Тристрамов, Рокслеев. «Незыблем» – это слово с герба сюзерена входило в девиз каждой

---

[14] Государь (кэналл.).

фамилии Дома. В чем незыблем? В глупости? В упрямстве? И были ли они, их всесильные предки, завещавшие мудрость и силу избранным и покинувшие Талигойю для смертельного боя, или же великое прошлое – это сказки? Обычные сказки, придуманные дикарями, некогда населявшими Золотые земли?

Темнело, нагретые камни мало-помалу остывали, с реки потянуло холодом, да и застывшие в нескольких шагах свитские истомились. Надо было вставать и идти. Все дела на сегодня закончены. Они раздавили гайифцев и отбили очередной приступ, вернее, это Рамиро Алва подавил бунт и сбросил Оллара со стен. Кэналлиец поспевал всюду, но маршалом ему не быть, потому что он – полукровка и, по мнению самовлюбленных баранов вроде Придда и Тристрама, не имеет права приказывать им, великим… Следуя их логике, можно договориться до того, что Франциск Оллар не имеет права их бить, однако ж он их бьет.

Алан с трудом поднялся. Он устал, как ломовая лошадь, как табун ломовых лошадей, сегодня в Старом городе и Цитадели вряд ли найдется хоть кто-то, способный держать оружие. Остается надеяться, что Бездомный Король тоже не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. Герцог Окделл медленно брел по извилистой улице, устало поднимая руку в ответ на воинские приветствия. Может, его прародитель и состоял в родстве со скалами, но тело потомка об этом не знало. Алан предвкушал хоть какой-то отдых, но его ждало разочарование, принявшее образ Женевьев в черном с золотом наряде с роскошным, но не идущим ей фамильным ожерельем Окделлов на белой шее. Рядом с матерью хмурился Ричард, с которым явно было что-то не так. Алан с недоумением уставился на свое семейство, супруга сочла уместным пояснить:

– Собирается Полный Совет.

– По чьему слову?

– Маршала.

Окделл поморщился. Этого еще не хватало! Чего надо этому набитому дураку? Другой бы на его месте забился после сегодняшнего позора под стол и не вылезал до первого снега, а он созывает Совет… Неужто хватило совести снять с себя маршальскую цепь? Нет, вряд ли… Для этого довольно Совета Мечей, да и не таков Эктор, чтоб расписаться в собственной бездарности. Что же он затеял, собирая не только глав фамилий, но и их жен, наследников, всех Людей Чести, находившихся в пределах дневного конского перехода. Сколько же их сейчас в Кабитэле? Человек восемьдесят, не меньше. Затея маршала нравилась Окделлу все меньше и меньше, но он молча прошел к себе. Полный Совет требовал соответствующих одеяний.

Обычно Алан обходился без чужой помощи, но на этот раз кликнул слуг. Разрубленный Змей, как же он устал, как они все устали… Что же затеял этот дурак?

Затянутый в парадное платье герцог подал руку Женевьев, на которую та и оперлась, причем очень неудачно, задев место ушиба. Люди Чести терпят любую боль молча, к тому же жена не желала ему зла, и Алан ничего не сказал, только сжал зубы.

– Отец, – нарушил молчание Ричард, – а кошки после смерти возвращаются к своему повелителю?

– Кто тебе такое сказал? – быстро сказала Женевьев.

– Кэналлиец. Барса убили, – мальчик шмыгнул носом, но сдержался.

– Герцог Алва заходил к нам, – чужим голосом пояснила Женевьев.

– Он сказал, что котенок теперь у своего хозяина и он его никому в обиду больше не даст, – темно-серые глаза сына были очень серьезными, – это так?

Похоже на Рамиро. Утешить и при этом поставить весь мир с ног на голову. Хотя, если вдуматься, кому мешают кошки? Когда-то их считали священными. Почему то, чему раньше молились, вдруг объявили греховным? Мышь – символ мудрости и скромности… А то, что эта мудрость и скромность жрет чужой хлеб и разносит чуму, неважно?! Зато воюющие с грызунами и змеями грациозные, гордые зверьки стали прислужниками Чужого. Дескать, они охраняют врата ада. Ну и пусть охраняют, жалко, что ли… Что же сказать Дикону? От

необходимости отвечать герцога избавила жена.

– Никогда больше не говори о хозяине этих тварей, – в голосе Женевьев слышался страх, – слышишь?

– Да, – угрюмо кивнул сын, – мы ведь Люди Чести? Мы отличаемся от простых людей?

– Конечно, – как хорошо, что Дик заговорил о другом.

– Но Люди Чести раньше чтили кошек, – заявил сын, – я смотрел книгу Четверых. Ну, ту, что дома, в библиотеке. Закат сторожили кошки, а ты мне говорил, что Окделлы – дети Заката и Полночи.

Он прав. И Рамиро прав. Нельзя жить между «вчера» и «сегодня». Или носить медальоны с забытыми письменами, или бояться кошек и их зеленоглазого хозяина. Да какое там кошек, «истинников», вот кто по-настоящему опасен.

– Мы с тобой поговорим об этом позже, – он тоже смотрел книгу Четырех, там были такие рисунки, сейчас таких не найдешь, но вот язык, на котором это написано… За восемь сотен лет половина слов стала непонятной.

– Мы правда поговорим? – уточнил сын. – Клянешься Честью?

– Клянусь.

2

Лицо Эрнани не выражало ничего – серая маска, безнадежная, как осенний дождь. За спиной короля тускло блестел знаменитый меч Раканов, привезенный Эрнани Святым из древней Гальтары. Предки Эрнани повелевали всеми Золотыми землями, но былое величие ушло, как уходит в песок вода…

Приглашенные чинно занимали места на крытых сукном скамьях. Никакой стали – атлас, бархат и шелк, как в старые добрые времена. Алан учтиво подвел Женевьев к скамье, на которой сидели женщины Дома Скал, и занял свое место за столом. Он пришел последним, хотя из двадцати кресел пустовало семь. Семь некогда избранных родов исчезли с лица земли, вернее, девять, потому что Алва не были истинными Повелителями Ветров, а нынешние Ариго наследовали титул только при Эрнани Четвертом.

– Люди Чести, – голос Эрнани был столь же невыразителен, как его лицо, – глава Дома Волны Эктор Придд по праву Чести потребовал собрать Полный Совет. Я, Эрнани из рода Раканов, подтверждаю правомочность его требований. Пусть говорит.

– Пусть говорит, – в голосе Шарля Эпинэ сквозило презрение.

– Пусть говорит, – Генрих Гонт, как всегда, ничего не понимал.

– Пусть говорит, – Алан произнес освященную обычаем фразу, пытаясь понять, что же ему так не нравится. Эрнани явно болен, но дело не в этом.

– Пусть говорит, – голос Алвы звучал лениво и равнодушно, в нем не было и следа утренней горячности.

Алан украдкой взглянул на женскую скамью, где виднелась одинокая фигурка в синем. Срок Октавии близок, ночные бдения вряд ли пойдут ей на пользу.

– Пусть говорит, – буркнул Августин Дорак, после аранского разгрома звавший маршала не иначе как каракатицей.

– Пусть говорит… Пусть говорит… Пусть говорит…

Что-то происходит, что-то скверное. Окделл поймал взгляд Эпинэ – глава Дома Молнии казался удивленным и раздраженным, не более того, а с того места, где сидел Алан, не было видно ни фок Варзова, ни Савиньяка.

– Я говорю мое Слово и обращаюсь к Чести и Памяти. – Придд держался уверенно, чтобы не сказать нагло. Он отнюдь не походил на человека, допустившего чудовищный промах, с трудом исправленный другими. – Я, Эктор-Фридрих-Иоганн Придд, глава Дома Волны и маршал Талигойи, с болью и горечью объявляю, что силы нашего возлюбленного короля Эрнани истощены и он просит Высокий Совет принять на свои плечи заботу о государстве.

Недуг сразил короля в тяжелый час, мы осаждены сильным и коварным врагом, простонародье, подстрекаемое изменниками, отвернулось от нас. У нас нет надежды на победу, но Честь выше Смерти. Мы не сдадим Кабитэлу! Да, мы умрем, но умрем, как должно умереть потомкам владык Золотых земель. Наши жены и дети разделят нашу судьбу, но прежде чем пробьет наш час, мы обагрим наши мечи кровью ублюдков. Небеса надолго запомнят наш последний бой!

Что он несет! Разрубленный Змей, что он несет?!

– Ты лжешь! – сверкнул глазами Шарль, но Эрнани положил на плечо герцога бледную руку. – Король здоров!

– Нет, герцог, – прошелестел Эрнани, – я болен и не могу отвечать за доверившихся мне. Вокруг – измена, Кабитэла не с нами, она против нас. Нам придется выбирать между почетной гибелью, смертью от голода и сдачей, а значит, выбора у нас нет.

– Есть! – Эпинэ не собирался сдаваться. – Выгоним взашей ненадежных, договоримся с бастардом, чтоб он отпустил женщин и детей. Он согласится, а мы… Мы – воины! Мы или прорвемся в Гальтару и поднимем горы, или умрем.

– Люди Чести раз и навсегда отреклись от демонов Гальтары! – Ариго были кровными вассалами Эпинэ, и кансилльеру не следовало перечить сюзерену.

– Мы говорим не о том, – Карлион принадлежал к Дому Скал, но его жена была сестрой Придда, – нужно принять отречение и избрать регента.

– Называю Алана Окделла, – раздельно произнес Михаэль фок Варзов. Старый рыцарь принадлежал к Дому Волны, но сегодня, похоже, умерла еще одна традиция – графы один за другим отрекались от Глав своих Домов.

– Называю Эктора Придда, – Карлион никогда не спорит с Кунигундой.

– Придд, – тихо и внятно произнес кансилльер.

– Придд, – рявкнул Генрих Гонт.

– Молчу. – Алан изо всех сил сохранял спокойствие. Все случилось слишком быстро, почему Эрнани их не предупредил? Как бы то ни было, Человек Чести вправе отказаться от предложенной должности, но отдавать свой голос себе неприлично.

– Окделл, – бросил Савиньяк.

– Придд, – Тристрам всегда ненавидел своего сюзерена, но зарычал на него впервые.

– Окделл, – рявкнул глуховатый Дорак и тоном ниже добавил: – Только каракатицы нам и не хватало.

– Молчу, – пожал плечами Алва, играя сапфировой цепью. Кэналлиец прав – тот, кого поддержит полукровка, больше проиграет, чем выиграет.

– Окделл, – весело выкрикнул Шарль.

– Молчу, – Берхайм внимательно рассматривал свой перстень. И на том спасибо.

– Окделл, – Роберт Рокслей не имел обыкновения предавать.

– Придд!

Алану показалось, что он ослышался. Никогда еще Человек Чести не называл сам себя! Это не запрещалось, разве можно запретить то, что никому не приходило в голову.

– Вы удивлены, – Эктор счел уместным объяснить свой жест, – но я маршал Талигойи, и я знаю, что делать. Я не уроню нашей Чести.

– Разрубленный Змей, – крикнул Арсен Савиньяк, – конечно, не уроните, нельзя уронить то, чего нет!

– Спокойно! – Голос Михаэля фок Варзова мог перекрыть и грохот боя, и шум самой отчаянной пирушки. – Слово короля!

Эрнани медленно, словно не понимая, что от него требуется, поднял голову и тихо сказал:

– Придд!

– Трое из нас промолчали, – Ариго старался выглядеть беспристрастно, – пятеро назвали Алана Окделла, пятеро Эктора Придда, его же имя произнес король.

Люди Чести, признаете ли вы маршала Придда регентом Талигойи до конца войны?

Есть ли среди вас готовые оспорить его избрание?

Таких не нашлось и не могло найтись. Закон не был нарушен, а король молчит. Если б кто-то из членов Совета схватился за меч, возможно, у него и нашлись бы сторонники, но слова Эрнани выбили почву из-под ног даже у Шарля Эпинэ. Алан, как в затянувшемся дурном сне, смотрел, как поднялся новоявленный регент, словно бы ставший выше ростом:

– Я не сомневался в сердцах Людей Чести. Нам некуда отступать, но мы…

Мимо проплыла маленькая серая бабочка – во дворце их было много, говорят, они зарождаются в старых тканях. Окделл невольно проследил глазами за живой серой пылинкой и увидел мелькнувшего на хорах арбалетчика в фиолетовом! Цвета Приддов. Возможно, кансильер и маршал и верили в сердца Людей Чести, но на всякий случай приготовили дополнительные доводы.

– Я должен сообщить вам, – трубил маршал, – что я сделал с посланцем бастарда. Я повесил его на Песьей башне и с ним рядом два десятка гайифцев…

– Повесили? – подался вперед Дорак. – Когда?

– По дороге сюда.

– Бастард написал маршалу Придду лично?

– Какое это имеет значение?

– Для Людей Чести огромное, – старик поднялся и внимательно и строго обвел зал Четырех Мечей. «Нет большего позора, чем стать ниже врага своего, – процитировал он рыцарский кодекс. – *Нет большего оскорбления, кое может нанести вассал своему сюзерену, нежели действуя от его имени, не имея на то должных полномочий».* Вы еще не были регентом, Эктор Придд, когда казнили посла, ваш поступок опозорил всех Людей Чести. Я прошу Высокий Совет спросить регента, кому предназначалось письмо и где оно?

– На шее у посла, – Эктор огрызался, но в его голосе сквозила неуверенность, – если угодно, ублюдок требовал в трехдневный срок сдать крепость и признать его королем.

– Что ж, – по-прежнему тихо произнес Эрнани, но его услышали все, – теперь дело за малым. Бастард ждет ответа. Кто из Людей Чести объяснит бастарду, как становятся талигойскими королями? Эктор Придд? Вы повесили посла, будет справедливо, если вы его замените.

– Слишком много чести! – Регент старался говорить с презрением, но его крепкая шея побагровела.

– И, кроме того, – вставил доселе молчавший Рамиро Алва, – жизнь маршала слишком ценна для Талигойи, не правда ли? Поговорить по душам с Бездомным Королем должен тот, кого никому не будет жаль.

Ноздри Эктора раздувались, как у загнанного тяжеловоза, но что ответить, он не знал. Кэналлиец откровенно нарывался на ссору, Придд ссоры не хотел, понимая, что поединок с Рамиро превратит его из регента в труп. Люди Чести ничем не могли помочь своему вожаку – обычай был на стороне полукровки. Подобные оскорбления смывают кровью в присутствии свидетелей. Пустит в ход арбалеты? Вряд ли… Его и так поддержали, это средство лучше приберечь на будущее.

Алан смотрел на дерзко улыбающегося южанина. Алва прикончит Придда, но не может же он перебить всех членов Совета! Место Эктора займет Ариго, только и всего. Отречение Эрнани обратного хода не имеет. До конца осады король не правит, а лишь царствует, а осада закончится со смертью последнего из осажденных. Плетью обуха не перешибешь, это понимает даже Эпинэ. Затянувшееся молчание прервал король:

– Вы правы, герцог. Маршал Придд и Бездомный Король вряд ли поймут друг друга. Мне одинаково дороги все Люди Чести, но вы уже встречались с бастардом и вернулись. Я могу лишь просить, и я прошу вас поговорить с ним еще раз.

– Просьба короля – закон для Человека Чести, – поклонился Рамиро, – вне зависимости от того, правит ли он или царствует. Не правда ли, эр Придд? Я полагаю, Высокий Совет захочет посмотреть на нашу встречу?

– Это неправильно! – Шарль Эпинэ и так терпел слишком долго. – Ответ должен

передать тот, кто приказал повесить посла. Рыцарь отвечает за свои поступки сам, а не прячется за чужими спинами.

– Пустое, Шарль, – кэналлиец улыбнулся, но на сей раз без своей обычной иронии, – Оллар – воспитанный человек, он знает, как обходиться с парламентером. Наш незаконнорожденный друг не пожелает выглядеть заходящимся от бессильной ярости дураком.

– И все равно я, как член Высокого Совета, требую, чтобы Рамиро Алва остался здесь. Если на то пошло, чем быстрее убьют Придда, тем дольше проживем мы все!

– Герцог Эпинэ! – Эрнани Ракан стукнул кулаком по столу, пожалуй, впервые за свои сорок восемь лет. – Замолчите! Герцога Алву никто не неволит, если он откажется, Высокий Совет подумает над вашими словами.

– Зачем мне отказываться от своих слов? – пожал плечами кэналлиец. – Если у бастарда есть хоть капля ума и гордости, он меня и пальцем не тронет. Ну а если что-то пойдет не так, герцог Эпинэ помянет меня в каких-нибудь молитвах.

3

…Все повторялось. Точно так же распахнулись ворота Полуденной башни, пропуская всадника в черном и синем. Точно так же посреди вытоптанного ржаного поля его ждал широкоплечий воин на могучем коне. Точно так же в лагере Оллара развевались знамена с Победителем Драконов, а с Королевской башни за встречей следили Эрнани Талигойский и его рыцари, среди которых был и Алан Окделл. Точно так же не было надежды. Никакой.

Единственным отличием было то, что и Бездомный Король, и властитель Кэналлоа были без шлемов. С высоты в сорок бье лица бастарда было не разглядеть, и Алану внезапно мучительно захотелось увидеть, каков с виду их будущий палач.

Оллар и Алва немного поговорили, затем Рамиро повернул коня. Ветер швырялся пылью, рвал с деревьев еще зеленые листья, трепал черные волосы кэналлийского герцога, треугольные флаги, хвосты и гривы коней.

Эрнани повернулся к Алану:

– Окделл, вам не кажется, что все повторяется?

– Я как раз думал об этом.

– Мне бы хотелось, чтобы мы всегда думали одинаково. Я не сразу решил, кому поручить столь щекотливое дело, но вы слишком прямодушны, Дорак стар, а Эпинэ излишне горяч.

– Да, – встрял Эктор Придд, – Человек Чести вряд ли смог бы стерпеть оскорбления ничтожного бастарда.

– Три месяца назад на этом самом месте вы их терпели, – сверкнул глазами Эрнани. – Оллару ответил лишь герцог Алва.

– Ублюдку следовало об этом напомнить, – Генрих Горн никогда не был особенно умен. – Правильно, что ответ отвез именно кэналлиец.

Эктор гордо промолчал. Если б маршалу предложили выбирать между головой Бездомного Короля и головой Рамиро, он бы выбрал последнюю. Ревнив, как побитый молью ростовщик, женатый на танцовщице, – так, кажется, говорит Эпинэ…

Стражники раздвинули копья, пропуская гонца. Смуглое лицо Алвы было совершенно невозмутимым.

– Вы передали письмо бастарду, герцог?

– Я исполнил приказ моего короля. Франциск Оллар получил то, что хотел.

– Благодарю вас, Алва. Вы оказали мне и Талигойе неоценимую услугу. Я и впредь рассчитываю на вашу руку и вашу голову. Проводите меня. Все свободны. Алан, Шарль, призываю вас к благоразумию. Мы еще не побеждены. Прощайте, господа. Доброй ночи.

Эрнани тяжело поднялся и оперся на руку кэналлийца. Рядом с южанином Эрнани казался серой тенью, тенью того, что исчезало навсегда. Если ничего не предпринять, они

все исчезнут, больные и здоровые, старые и молодые, чистокровные и не очень. Если ничего не предпринять… Но что они, во имя Создателя, Четверых, Чужого с его кошками, могут сделать? Что?!

Часть четвертая

Кони мотают мордами.
Всадники мертвые.

1

Когда в казармы ворвалась Женевьев, проведший всю ночь на стенах Алан не сразу понял, что случилось, а случилась беда. Адепты Истины поймали на площади у комендантского дома котенка и, как это у них водится, принялись избивать своими посохами. Но страшным было не это, а то, что восьмилетний сын и наследник Окделла ударил одного из проповедников кинжалом в спину и, похоже, убил. Герцог бросился к двери, но она оказалась заперта – добрые слуги спасали господина то ли от гнева сбежавшейся толпы, то ли от господней кары. Поняв, что высадить дубовое чудовище не удастся, Алан кинулся к окну. Он мог видеть, что творится внизу, но высота в полсотни бье и

кованая решетка не позволяли броситься на помощь. Женевьев вцепилась ему в плечо, он этого не заметил. Там, внизу, непонятно откуда взявшаяся толпа готовилась растерзать его сына, а он ничего не мог сделать.

В странном оцепенении Алан Окделл смотрел на сжимающего кинжал мальчика в центре стягивающегося кольца. И это в Новом городе, который он, герцог Окделл, защищает! Где его люди?! На стенах? В таверне? Живы ли? Как забрали такую власть фанатики в серых балахонах? Откуда столько злобы?

Просвистел брошенный кем-то камень, и Окделл вздрогнул, словно целили в него, – хотя, будь это так, он бы держался лучше. За первым булыжником полетел второй, третий. «Истинник» неистовствовал, размахивая своим посохом, призывая громы небесные на головы пособников Чужого. Пока камни цели не достигали, но лишь пока. Алан так и не понял, откуда вынырнул Рамиро Алва со своими людьми, но кэналлиец понял все.

Южане обнажили клинки и рванулись сквозь толпу с яростью вепрей. Они, как и в день гайифского бунта, шли клином, прикрывая друг друга, и впереди всех рубился Рамиро. Несколько рук со все еще зажатыми в них камнями упали на землю, растрепанная баба взлетела в воздух и, пролетев пару шагов, врезалась головой в мужское брюхо, которое сделало бы честь любой беременной. Кто-то рассыпал непонятно откуда взявшиеся зеленые яблоки, и они, подскакивая, покатились по испятнанным алым камням. Толпа зарычала и расступилась, на пожухлой траве остались сын Алана Окделла, скребущий булыжники котенок, два проповедника – живой и мертвый – и Рамиро Алва с окровавленным мечом.

– Ты что-то говорил о проклятой крови и демонах? – Алва ухмылялся не хуже Повелителя Кошек. – И, кажется, я расслышал имя Его Величества?

– Горе чтящему древних демонов! – взвыл адепт Истины, потрясая посохом. – Будет повержен он и…

Растрепанная голова с так и не закрывшимся ртом покатилась, словно еще одно чудовищное яблоко. Туловище в сером балахоне рухнуло рядом с затихшим котенком. Все замерло. Сейчас они или схватятся за колья, или разбегутся.

Рамиро Алва пнул ногой убитого и вскинул голову:

– Если меня сейчас не убьет молнией, значит, я прикончил не святого, а бунтовщика и вражеского подсыла.

Окделл невольно поднял глаза – небо было высоким, синим и равнодушным. Высшим силам не было дела ни до «истинников», ни до котят.

– Прекрасно, – голос кэналлийца вернул герцога на землю, – я оправдан. А теперь считаю до ста. Если здесь кто-то останется, пеняйте на себя. Мои лучники не промахиваются.

Словно в ответ что-то свистнуло, и стрела с черным оперением пригвоздила мертвую голову к земле. Окделл поднял глаза и увидел на крыше стрелка в синей тунике. Видимо, вверх посмотрели многие, так как толпа стала стремительно редеть. Алва подошел к Дикону и взял было его за руку, но потом наклонился и поднял казавшегося тряпичным котенка. Мальчик что-то сказал герцогу, тот в ответ покачал головой – мол, ничего нельзя сделать. Только сейчас Алан понял, что его запястье все еще сжимают пальцы жены.

– Слава Четверым, – Женевьев была слишком взволнованна, чтобы следить за своими словами, – обошлось…

Именно, что обошлось. Чудом. И чудо это опять сотворил кэналлийский полукровка, не задумываясь рубивший руки и головы. Кровь на юге сто́ит дешевле воды, не говоря уж о вине.

Колокола Большого храма зазвонили, призывая всех, ожидающих Его, на вечернюю службу. Они что там, с ума сошли, сейчас нет и трех! Еще и труба запела… Разрубленный Змей! Алан с трудом разлепил глаза и не сразу им поверил. Не было ни Нижнего города, ни Женевьев, он лежал в собственной спальне, и за окном на самом деле звонили к вечерней службе. Да, разумеется, они же оставили город и затворились в Цитадели. Как глупо…

Значит, ему все приснилось – «истинники», сжимающий кинжал Дикон, убитый

котенок, забрызганный чужой кровью Алва. Это был мерзкий сон, хотя и очень похожий на правду. Алан вздохнул и сел на постели, кое-как пригладив волосы. Как же он вчера устал, если не снял даже сапог, но нужно вставать и что-то делать, пока Придд и его приспешники не угробят все и вся. Герцог и сам не понял, что именно его насторожило, но в спальне кто-то был! После вчерашнего можно было ожидать всего, в том числе и убийства. Регент явно не прочь избавиться от Окделла, Эпинэ и Алвы. Алан вскочил и сразу же увидел отделившуюся от стены высокую фигуру.

Времени выяснять, кто и зачем к нему явился, не было, Окделл выхватил меч и бросился вперед. Незнакомец легко отбил удар и звонко расхохотался. Чужой! Алан сразу его узнал, хотя Повелитель Кошек мало походил на демона, разве что глаза у него и впрямь были зелеными и чуть раскосыми, как у подвластных ему ночных тварей. Чужой не стал атаковать, а, не убирая меча, прислонился к стене, с веселым любопытством разглядывая противника.

Странное дело, перед Аланом Окделлом было первородное Зло, но герцог не чувствовал к Зеленоглазому ненависти, напротив, демон чем-то ему нравился. Только почему Чужой ему показался веселым? Да, он улыбается, дразня ровными белоснежными зубами, но глаза не смеются, совсем не смеются.

– Чего ты ждешь, от меня, Алан Окделл? – Повелитель Кошек вбросил меч в ножны и скрестил руки на груди. – Ты знаешь все. Выбор за тобой. Свободен ты или раб, решать тебе и только тебе.

– Я не жду от тебя ничего, – почему ему так обидно? – и я тебя не звал.

– Звал. Потому что не можешь выбрать сам. Вернее, ты знаешь, что должен сделать, но ты сам связал себе ноги и повесил на шею камень. Сбрось его и иди вперед и вверх. Или оставь все, как есть, и прыгай в омут.

– Камень? Какой камень?! – Герцог Окделл опустил глаза и увидел огромный булыжник, висевший на рыцарской цепи, ставшей толще раза в три. Так вот почему ему так тяжело.

«Честь истинного талигойца можно было бы уподобить бриллианту, если б земля могла рождать камни подобающей чистоты и размера. Честь истинного талигойца висит у него на шее подобно рыцарской цепи, и нет потери горше, чем потеря оной…»

– Ты прав, – Зеленоглазый вновь смеялся, – я говорю о твоей чести. Мертвой чести. Каменной чести. Глупой чести. Она мешает тебе, твое сердце зовет тебя в иные дали.

Иные дали? Что там? Ветер в лицо, шум бьющихся о скалы волн, сверкание молний. Приближается гроза, нужно укрыться, отчего же ему не хочется уходить, а камень и впрямь мешает. Камень или честь?

Свет дробился о грани бриллианта. Бриллианта, в сравнении с которым знаменитое «Сердце Полудня» казалось жалкой галечкой. Бросить это?! Игра красок завораживала. Зеленоглазый лукав… Он сбивает рыцарей с прямой дороги на кривые, темные тропы и смеется, он всегда смеется. Это его проклятие – он не может плакать, только смеяться, он не может миловать – только карать, он не может любить – только ненавидеть, он бессмертен, но «страшнее смерти жизнь его и тех, кого он избирает своими спутниками».

– Ты хочешь, чтобы я пошел за тобой?

– Нет. Мои тропы не назовешь счастливыми, и вам, людям, ими не пройти.

– Чего же тебе нужно?

– Ничего, – ворвавшийся в окно закатный ветер растрепал золотистые волосы. – Спроси свою совесть, чего нужно тебе, и постарайся не лгать. Хотя бы себе самому.

Не лгать себе? Он, Алан Окделл, всегда был верен Чести. Но что может знать о Чести Зеленоглазый? Покровитель предателей и сам предатель, тварь, единственная радость которой – морочить людей и сбивать с пути истинного…

– Алан, – Шарль Эпинэ тряс его за плечо, – не стоит спать на солнце, тем более после боя. Демоны приснятся…

– Уже, – вздохнул Алан, – и не какие-нибудь, а Повелитель Кошек собственной

персоной.

Приснится же такое! Значит, город пока еще в их руках, хорошо бы и вчерашний Совет оказался сном.

– Шарло, скажи, только честно, ты мне не снишься?

– Нет вроде, – утешил Эпинэ. – Ну и о чем с тобой говорил Леворукий? Он и в самом деле левша и носит красное и черное или это вранье?

– Меч он держал в правой, – нехотя буркнул Окделл, – и был в красном, а сапоги у него, кажется, черные.

– Страшно было?

– Нет… Глупо, не могу отделаться от мысли, что он сказал что-то важное. Вернее, это я во сне понял то, что не понимал наяву…

– Прости, что я тебя разбудил, но спать лучше в тени, а еще лучше в собственной постели. А то не только Зеленоглазого увидишь, но и Создателя верхом на крысе. Слушай, раз уж ты проснулся… Что будем делать с Приддом?

– А я-то надеялся, мне его регентство почудилось.

– Если бы! Ты не знаешь, где Алва?

– На укреплениях?

– Нет его ни там, ни у Октавии, а ей уже совсем пора…

– Думаешь, Придд?

– Ну, не кошатник же твой!

2

Кэналлиец исчез. Алан не представлял, что Алва может надолго оставить жену, но Октавия была убеждена, что герцог на стенах. Окделл не стал пугать молодую женщину, хотя надежда на то, что они когда-нибудь услышат смех Рамиро, стремительно таяла. Спрашивать у регента или кансильера не имело смысла – если Придд и Ариго приложили руку к исчезновению южанина, концов не найдешь. Регент правильно рассудил – убей Рамиро и спи спокойно… Пока тебя не прикончит марагонец! Даже наплюй они с фок Варзов и Эпинэ на свою честь и прикончи обнаглевшего спрута, Талигойю без Алвы не спасти.

Шарло и Алан рыскали по самым глухим закоулкам, распугивая кошек и крыс, но ничего не нашли. Глубокой ночью они с Эпинэ сдались. Шарло поплелся на стены, Алан, умирая от усталости, рухнул на постель и провалился во тьму, из которой его вырвали голоса Михаэля фок Варзова и оруженосца. С трудом всплыв на поверхность сонного озера, Окделл уставился на непроницаемое лицо старого рыцаря:

– Что-то случилось? Рамиро?!

– Да, но не то, что вы думаете. Герцог Алва жив… Алан, он сдал город и Цитадель Оллару.

– Нет!

– Придд и Ариго убиты. Собирайтесь, нужно успеть!

– Да, да, сейчас…

Сдал Кабитэлу?! Как ему удалось, хотя чего удивляться? Кэналлиец знал город как свои пять пальцев, среди защитников равных ему не было. С бастардом они, надо полагать, сговорились, когда Алва отвозил письмо. Да, все сходится… Эрнани под арбалетными стрелами выбрал «вчера», Рамиро – «завтра», а что делать ему, Алану Окделлу?!

– Чего вы хотите от меня?

– Помогите спасти королеву и наследника. Прочих Бездомный вряд ли тронет, но юный Ракан живым ему не нужен. Шевелитесь, нужно успеть.

Они успели. Королева, совершенно одетая, с сухими красными глазами, сидела на молельной скамье, вцепившись в руку наследного принца. В который раз за последние безумные дни Алану показалось, что он спит, но сон, каким бы дрянным он ни был, никогда

не перещеголяет явь. Где-то что-то горело, едкий дым просочился в молельню Ее Величества, выедая глаза. За окнами явственно слышался шум приближающегося боя – кое-кто из защитников Цитадели предпочел умереть, но не сложить оружия.

– Ваше Величество, мы с герцогом Окделлом имеем честь сопровождать вас в Агарис, – Михаэль фок Варзов не утратил своей обычной церемонности.

Вот как… В Агарис! А ты что думал? Что убьешь парочку хамов, подсадишь королеву в портшез и вернешься домой? Ты не влюбленный мальчик, чтоб часами прощаться с женой. И потом Михаэль прав – Женевьев и Дикону ничего не грозит.

– Я счастлив служить Ее Величеству.

Губы Бланш дрожали, но она нашла в себе силы поблагодарить. Во дворе что-то зашумело, раздался крик – Рамиро и Бездомный Король времени зря не тратили. Любопытно, как отсюда попасть в Агарис? Вряд ли их с Михаэлем мечей хватит, чтоб вырваться из города.

Королева подошла к комнатному алтарю, где омываемый волнами Света Создатель хмуро взирал на двоих рыцарей, преждевременно увядшую женщину и бледного, пухлого мальчика. Неужели она будет молиться?

Бланш преклонила колени перед алтарем, и одна из плит пола опустилась вниз, открывая квадратный люк. Как же он забыл о знаменитой «Дороге королев»? Михаэль затеплил светильник и начал спуск, королева с принцем последовали за ним, Алану выпало замыкать шествие.

Ход казался запущенным, но безопасным. Это в подземельях Гальтары бродят родичи Изначальных Тварей, загнанные туда в незапамятные времена, там текут подземные реки, там расположен алтарь Четверых, ждущий жертв во имя славы Золотой Империи. К счастью, в Кабитэле нет места магии, если не считать за таковую человеческую подлость и хитрость.

Они шли, соразмеряя свои шаги с шагами женщины и ребенка, лужица света омывала серые камни, иногда в тоннель вливались другие, но основной путь был отмечен особенными знаками.

Рамиро Алва убил Эктора Придда… Был поединок или регенту снесли голову, как безымянному гайифцу в шлеме с птичьей головой? Интересно, с кем Эпинэ и Савиньяк? Где они? Где Эрнани? Как Михаэль узнал о предательстве?

Еще один поворот, пятый или шестой, он не следил. Алану казалось, что он идет целую вечность, видя впереди пыхтящего мальчишку и головной убор королевы, которому светильник идущего впереди Михаэля придавал сходство с нимбом. Есть ли у них деньги? Он о них совершенно забыл, а без золота до Агариса не добраться, хотя королева несет какой-то сверток… Женщина всегда помнит то, о чем мужчины забывают, но в Агарис он не поедет. Он поможет Михаэлю найти лошадей и вернется. Его место в Талигойе, он не желает становиться изгнанником. Да, будет трудно, но Бездомный Король лучше бунтующих толп и озверевших «истинников». Сон, который он видел, оказался пророческим.

Коридор сменился пологой лестницей, в свою очередь упершейся в стену, на которой красовался королевский герб. Королева вновь что-то нажала, открывая проход. Было совсем светло, и с высоты холма, на котором они оказались, открывался вид на дорогу, спускающиеся к реке огороды, какую-то деревню.

Они выбрались наружу, и Бланш тяжело опустилась на нагретый осенним солнцем валун, властным движением указав спутникам на соседние камни. Она не была красавицей, бывшая талигойская королева, но ее величия хватило бы на несколько государынь.

– В гостинице наверняка есть лошади, – нарушил молчание Михаэль.

– Не сомневаюсь. – Разрубленный Змей, это все-таки не сон! – Ваше Величество, после того, как мы договоримся с хозяином лошадей, я попрошу у моей королевы разрешения ее покинуть.

– Разумеется, герцог, – глаза Бланш Ракан нехорошо блеснули, – теперь я спокойна – кровь моего супруга и маршала Придда будет отмщена.

Он не ослышался? Эрнани мертв?! Алану и в голову не могло прийти, что Михаэль

скроет смерть короля и скажет о смерти маршала. А он-то решил, что Эрнани в плену, фок Варзов так уверенно сказал, что бастард никого не тронет…

– Ваше Величество… Я не знал…

– Вот как? – Голос королевы стал жестким. – В таком случае знайте, что Рамиро Алва предал нас марагонскому ублюдку и убил своего короля. Сначала короля, потом – регента! Теперь он талигойский маршал! Цареубийца и предатель!

– Михаэль, – Зеленоглазый, сделай, чтоб это было не так, и я отдам тебе душу, – это правда?

– Увы, – вздохнул старый рыцарь, – Эрнани мертв, заколот… Я видел его. Смерть была легкой.

– Это сделал Рамиро?

– Трудно сказать. Он был у Его Величества, и он последним из известных нам людей видел его в живых, но это ничего не доказывает.

– Для Михаэля? – возможно. Старик не был в Старом городе во время бунта и не видел, как кэналлиец убивает.

– Ваше Величество, клянусь, что убийца, кто бы он ни был, не уйдет. Моя королева откроет мне дверь?

– Да пребудет над вами мое благословение, герцог! Вам нет нужды возвращаться в мою молельню – у развилки, помеченной тройной короной, сверните направо. Вы попадете в королевскую приемную. Чтоб выйти наружу, достаточно прижать медную стрелку и, когда она уйдет в камень, толкнуть дверь.

Дорога назад казалась бесконечной, но кончилась и она. Алан, собираясь с силами, прижался к шероховатому камню. Если нажать короткую, блестящую стрелку, дороги назад не будет! Он еще может уйти, в конце концов все уже случилось, ничего не изменить! Он может уйти, но не уйдет, потому что подлость и предательство не должны оставаться безнаказанными. Не должны, иначе зачем жить, дышать, надеяться?! Что он скажет Дикону? Что клятвы существуют для того, чтобы их нарушать, цель оправдывает средства, а удары в чужие спины лучше не замечать? А ведь он чуть было не пошел за человеком, для которого нет никаких запретов. Маршал Талигойи… Разрубленный Змей!

Придд оказался прав, а они с Шарлем ошибались, признав морисского выродка своим. Алва обманул всех – и хитрых, и бесхитростных. Вдвоем с Бездомным Королем они не просто подомнут Талигойю, они пройдут от Багряных земель до Полночного моря, основав на месте Золотой Империи королевство подлости. Их нужно остановить, и он сделает это! Лучше никакое «сегодня», чем кровавое «завтра».

Герцог Алан Окделл просчитал до шестнадцати и нажал на медную пластинку, которая сразу же поддалась.

3

Приемная Эрнани не походила сама на себя. Чужаки в разномастных доспехах пялились на гобелены, примеряли к руке королевские мечи, громко переговаривались и хохотали. Они чувствовали себя хозяевами. Разрубленный Змей, да они и были хозяевами! Время Эрнани, время негромких разговоров и приглушенного света ушло. Алан почувствовал себя совой, вытащенной из дупла и оказавшейся на ярком солнце среди наглых дневных птиц.

– Еще один!

Кто-то рыжий и крепкий с похожим на огурец носом рванулся к нему, выхватывая меч и одновременно подавая знак своим людям.

– Оставьте, – негромкого оклика оказалось довольно. Рыжий нехотя отступил, и Алан Окделл увидел Рамиро. Предатель был без доспехов, голова и левая рука его были перевязаны – надо полагать, во время уличного боя он по своему обыкновению дрался в первых рядах.

Кэналлиец был здесь своим, не просто своим – чужаки признали в нем вожака. Все они, не раз сменившие хозяев, ненавидевшие старую знать и мечтавшие с ней сравняться, приняли предателя в свою стаю. Хотя для сторонников бастарда Алва был не предателем, а волком-одиночкой, сначала доказавшим свою силу в схватке с Франциском, а потом открывшим городские ворота. Для захватчиков это было не подлостью, а подвигом. Что значила для них смерть Эрнани?! Эрнани, возвысившего полукровку и тем самым подписавшего смертный приговор себе и Талигойе. Бедный Эрнани, счастливый Эрнани – он не видит, как по его дворцу бродят довольные собой хамы.

– Откуда вы выскочили, Алан? – Разрубленный Змей! У него хватает наглости не опускать глаз. – Надо заметить, время и место весьма неудачные, если б меня тут не оказалось, у вас были бы неприятности.

– Но вы тут, так что я оказался именно там и тогда, где хотел.

– Я рад. – Предатель ослепительно улыбнулся. Так вот отчего ухмылка Зеленоглазого казалась такой знакомой. Сон был пророческим, только он его не понял. – Но не думаю, что вам так уж хочется видеть Оллара. Ступайте к герцогине, я дам вам провожатых, а вечером мы все обсудим.

«Все обсудим?» Нечего им больше обсуждать. Нечего! Убийца и предатель, у которого хватает совести вести себя так, словно ничего не случилось. Хотя откуда у этой твари совесть?! «Не поворачивайся спиной к мориску!» А они повернулись, и Эрнани, и Шарло, и он сам… Приняли выродка за Человека Чести!

– Ответьте только на один вопрос. Я знаю, Эрнани мертв. Его убили вы?

– Не здесь, – на точеном лице проступила досада, – его убил я, но…

Кинжал Алана не дал убийце закончить. В черных глазах мелькнуло удивление и… и что-то еще. Не страх, не боль и не раскаяние… Зажимая рукой рану, Алва, шатаясь, опустился на ковер, алая ткань сливалась с кровью, делая ее незаметной. Казалось, герцог просто прилег отдохнуть.

– Алан, – Рамиро заговорил быстро, глотая слова, – вы – глупец… Эрнани… Неважно… Главное, что… – он осекся на полуслове – давешний здоровяк навалился на Окделла, заламывая ему руки, и почти сразу же раздался властный голос:

– Разрубленный Змей! Что тут происходит?!

Франциск Оллар не мог бы выбрать для своего появления более уместного момента. Среднего роста, коренастый и очень сильный, он вошел в тронный зал, как входят к себе домой. Одного взгляда ему хватило, чтобы понять, в чем дело.

– Вижу!

Не обращая внимания ни на кого, Оллар опустился на одно колено перед Рамиро и взял его за руку:

– Вы – Первый маршал Талига и герцог Кэналлоа.

– Нет, Франциск, – Алва все-таки улыбнулся, – я – мертвец… Неплохой маршал выйдет из Эпинэ… если вы его укротите… Вернее, убедите, что Талигойя не кончилась, а начинается… Савиньяк тоже неплох… Берхайм – дурак, Карлион и Гонт – тем более…

– Я поговорю с Эпинэ, – голос нового короля был уверенным и спокойным, – что я могу сделать для вас?

– Моя жена… и ребенок… Он должен вот-вот родиться… Отродью предателя придется несладко…

– Первый маршал Талига не может быть предателем.

– Не может… но есть, – губы кэналлийца искривила последняя в его жизни усмешка, – но я… не жалею… почти…

Оллар сорвал с плеч плащ, накрыл убитого и повернулся к своим людям:

– Как это было? Валмон!

Высокий человек грубоватой наружности выступил вперед.

– Мой государь, – Алан вздрогнул, поняв, что эти слова обращены к плотному молодому человеку с круглыми птичьими глазами. Старый мир кончился, ушел в никуда

вместе с Эрнани, все остальное не имело никакого смысла, ему, по крайней мере, среди живых места не было. – Мой государь, маршал Алва ждал вас, мы с ним говорили обо всех этих странностях с крысами и о том, как воюют на юге. Потом откуда-то выскочил вот этот, – Валмон отнюдь не придворным жестом кивнул на Окделла, – Манрик приказал его схватить, маршал сказал, что не нужно, и пошел к нему. Мы подумали, они друзья, а он… Он ударил кинжалом. Ну, Манрик его схватил, только поздно было.

– Убийца не сопротивлялся?

– Нет.

Оллар повернулся к Алану:

– Что вы скажете в свое оправданье?

– Убить изменника – долг Человека Чести! Мне не в чем оправдываться, тем более – перед узурпатором и бастардом.

– Маршал Алва был верен Талигу и его королю, – глаза марагонца злобно сверкнули. – Я не Человек Чести, и мне не нравится, когда на протянутую руку отвечают ударом кинжала. Вы умрете, и немедленно.

– Я в этом не сомневался, – наклонил голову Алан. – Умереть в один день с Талигойей – большая честь.

– Да, – бросил Оллар, – Талигойя умерла. Давно пора. Зато родился Талиг. Вы с вашей Честью и вашими предрассудками пережили самих себя. Рамиро Алва это понял.

Он это тоже понял, но есть вещи, которые нельзя предавать – дружба, доверие, совесть. Если б они с Шарлем не доверяли предателю, король был бы жив, но им и в голову не приходило…

Нельзя бить в спину тех, кто верит тебе и в тебя! Если б Рамиро во всем признался… Пусть он решился сдать город на Совете или по дороге к Оллару, но, сговорившись с ним, он должен был рассказать…. Он бы понял, он сам был почти готов открыть ворота бастарду, лишь бы остановить Придда, но убийство Эрнани зачеркнуло все. Такое не прощают.

– Я могу проститься с женой и сыном?

– Маршал Алва умер, не увидев своего наследника. Своего вы тоже не увидите, – Франциск возвысил голос, – пусть бумагомараки запишут. Убийца никогда не получит того, чего лишился убитый, особенно если речь идет о наследстве. Если со смертью законного наследника его имущество по старшинству должно перейти к убийце, ни он, ни его семья не получат ничего. Если других наследников не отыщется, все отойдет короне.

А он и впрямь усидит на троне… Алан с ненавистью взглянул на коренастого чужака. Оллара нельзя было назвать красивым, но он принадлежал к людям, которых, раз увидев, забыть невозможно. Он пришел надолго, он и его вояки. Бездомный Король победил, грязь выбилась в короли, теперь во власти ублюдка жизнь и смерть всех Людей Чести…

Окделл зло усмехнулся в ответ на угрюмый взгляд Манрика. Они могут его убить, и они его убьют, но Алан Окделл умрет, как и жил, Повелителем Скал, а они останутся безродными псами. Жаль, он не увидит Дикона, он должен передать ему… Что передать? Глупые, ничего не значащие слова, которые никого не защитили и никому не помогли? Медальон, что разглядывал Рамиро Алва? Мальчишке и так придется несладко – сыновьям казненных врагов труднее, чем их отцам, не хватало ему тащить на себе еще и отслужившую свое шелуху.

– Алан!

Женевьев! Откуда?!

Герцогиня Окделлская разъяренной кобылицей с герба Эпинэ прорвалась сквозь вооруженную толпу и повисла на шее мужа.

– Алан, – так она еще на него не смотрела, – я хочу, чтобы ты знал! Я люблю тебя и всегда любила…

Всегда? Может быть… Люди Чести скрывают свои чувства. Она его любила, а он? Нет, он ее не любил, он никого не любил, не выпало ему этого счастья! Ни любви, ни дружбы, ни смысла, ничего!

От необходимости лгать герцога избавили прихвостни Франциска, они действовали грубо, но Алан был им благодарен. Когда все пошло прахом – единственный выход умереть с высоко поднятой головой. Создатель разберет, в чем новопреставленный раб Его прав, а в чем виновен. Герцог быстро взглянул на жену, та уже овладела собой – фамильная гордость взяла свое. Алан очень надеялся, что Женевьев сможет сохранить себя и детей.

Манрик подтолкнул его к выходу, и Алан Окделл вздернул подбородок, в последний раз покидая приемную Эрнани. Проходя мимо окна, он краем глаза заметил человека в алом. Только не это! Он хочет умереть в здравом рассудке. Зеленоглазый – выдумка, такая же, как Четверо, а у окна стоит очередной прихвостень бастарда, вырядившийся в красное. Мало ли в мире высоких и золотоволосых, а лица он не рассмотрел.

Последним желанием герцога Окделла было оглянуться и убедиться, что у золотоволосого обычные человеческие глаза, но Повелитель Скал не мог себе этого позволить – бастард и его свора могли истолковать его жест как страх или надежду. Люди Чести умирают, как жили, не оглядываясь и не опуская головы. Алан сдержал порыв и, не сбиваясь с шага, навсегда покинул королевский дворец.

Эпилог
«В пятом часу пополудни»

В песочных часах равнодушно перетекала вниз золотистая сухая струйка, в камине трещал огонь, иногда звякало оружие. Франциск своими круглыми, как у птицы, глазами смотрел на очень бледную молодую женщину и слегка улыбался. Послышались шаги, распахнулась дверь, и рыжий воин неуклюже преклонил колено перед сюзереном.

– Казнь свершилась?

– Да, государь.

– Как она прошла?

– Очень просто. Убийца не причинил нам хлопот.

– Он что-то сказал?

– Ничего, государь.

– Я так и думал. Такие или говорят очень много, или не говорят вовсе. Не правда ли, эрэа?

Темно-серые глаза Женевьев сверкнули:

– Будьте вы прокляты!..

– За такие слова лишаются головы, – равнодушно произнес победитель, – но вы только что овдовели, а горе лишает рассудка. К счастью для вас, оно будет недолгим. Я даю вам другого мужа. Подойдите, Ларак.

Хмурый, еще не старый человек со шрамом на щеке вышел вперед.

– Вы заслужили право на титул, владения и красивую жену. Согласны ли вы утешить эту эрэа и взять на себя защиту ее и ее детей от первого, весьма неудачного брака?

– Я постараюсь возместить ей ее утрату.

– Не сомневаюсь, – Франциск улыбнулся, показав крупные зубы, – через десять месяцев я намерен стать избранным отцом[15] ребенка, который со временем станет хозяином Надора. Подайте руку невесте и ведите ее в часовню. Кажется, это в западном крыле… Начинайте обряд, я проведаю роженицу и присоединюсь.

Герцогиня смотрела на жениха с ужасом и ненавистью, но молчала. Надо полагать – вспомнила о детях. Ларак крепко взял женщину под локоть, и она безропотно пошла за ним. Франциск Оллар улыбнулся еще раз:

---

[15] Избранный отец – избранный родителями человек (если говорить о дворянстве, чаще всего сюзерен), представляющий при наречении ребенка Создателю и далее принимающий его под свое покровительство.

– Положите Первого маршала Талига Рамиро Алву рядом с Эрнани Раканом и распорядитесь о похоронах. – Новый повелитель Талигойи повернулся и стремительно вышел. Франциск Оллар все делал стремительно и уверенно, даже когда никуда не спешил и сомневался в принятом решении. Сейчас сомневаться было не в чем, но дела торопили.

Новоявленный король не собирался задерживаться у вдовы – не любил иметь дело с рыдающими женщинами. Однако клятва есть клятва, особенно если это клятва короля, данная умирающему другу на глазах соратников и знатных пленников. Талиг должен знать – Его Величество Франциск Первый не забывает оказанных услуг и безжалостно карает тех, кто поднимает руку на его друзей. С Эпинэ он поговорит завтра или послезавтра, когда тот немного успокоится. Люди Чести чуть не погубили королевство, те, у кого в голове есть хоть что-то, должны это понять.

Скорым шагом спускаясь по лестнице и пересекая двор, Оллар думал уже о другом. Мысли победителя занимал разговор с епископом Арианом.

Без церкви не обойтись, но она должна знать свое место! Отныне главой клира будет король, ну а кардинал… Кардинал получит все, кроме права лезть в дела королевства. Ариан не дурак, поймет, что выгоднее и безопаснее подчиняться одному-единственному королю, чем зависеть от своры Эсперадора. Нынешние кардиналы и главы орденов мрут как мухи, а их имущество перетекает в бездонные карманы Его Святейшества и иже с ним.

Как же зовут вдову Рамиро? Жаль, если она родит девчонку. Новый король не сомневался – огрызки Людей Чести не простят южанам предательства, значит, Алва будут верны Олларам, а Алва короне нужны – чужака Кэналлоа не примет. Кэналлоа – это выход в Багряные земли. Как не вовремя этот болван убил Рамиро, такие полководцы – удача для любого короля, да и с морисками через Алву договориться было бы проще. Пусть думают что хотят, но союз с востоком безопаснее лобызаний с Агарисом! Как же все-таки зовут герцогиню? Октавия! Девочка, подобранная Рамиро на дороге, очередной плевок в сторону выродившихся спесивых болванов.

Так и надо жить, как жил кэналлийский герцог – ничего не боясь и ни на кого не оглядываясь! Октавии Алва будут оказаны все почести, причитающиеся вдовствующей герцогине, чей муж оказал большую услугу короне. Пусть видят, что король умеет быть благодарным… А его уже ждут! Церковники всегда умудряются узнавать новости первыми и держать нос по ветру.

Подобострастная, похожая на старую клячу аббатиса монастыря Святой Каролины, в одной из келий которой лежала герцогиня, медовым голосом сообщила, что родился мальчик и роды прошли благополучно. Это было добрым предзнаменованием. Бывший ублюдок, ныне именуемый талигойским королем, торжественно прошествовал по прохладному коридору, выслушивая благостные причитания навязавшейся в провожатые «клячи».

– Ваше Величество, – аббатиса с видимым усилием распахнула тяжелую дверь, – это здесь.

– Благодарю, – победитель шагнул в залитую заходящим солнцем комнату, где суетилось несколько человек. Роженица лежала на монашеской постели без балдахина. Король увидел роскошную пепельную косу и тонкую руку, не уступающую белизной алатскому полотну.

– Дочь моя, – подала голос старуха, – это я, мать Амалия. Вас пожелал видеть Его…

Франциск властным жестом остановил «клячу», и та, пятясь, отступила к стене.

Бездомный Король давно научился производить именно то впечатление, которое хотел. Сейчас он был государем, взявшим под свое крыло вдову друга и соратника. Придав лицу соответствующее выражение, Оллар произнес со всей мягкостью, на которую был способен:

– Сударыня, я счастлив поздравить вас с рождением сына.

Женщина на постели повернулась, сделав робкую попытку подняться, пресеченную бдительным медиком, и подняла на гостя светящийся взгляд:

– Благодарю вас, сударь.

У Оллара загодя была припасена и вторая, приличествующая случаю фраза, но

победитель внезапно утратил дар речи. Возможно, в этом мире были женщины красивее молодой вдовы, которая еще не знала, что она вдова. Даже наверняка, но какое дело до этого Франциску Оллару?!

– Сударь, вы – друг Рамиро? Где он?

Бездомный Король был человеком жестким, даже жестоким, но сказать правду отчего-то не мог. Октавия смотрела на незнакомца ясными синими глазами и ждала, а он молчал. Он нашел свою королеву, но не мог ей об этом сказать, он вообще не знал, что говорить.

– Вы – друг Рамиро? – повторила Октавия. – Он не может прийти?

– Да, я друг Рамиро, и он не может прийти, – подтвердил Франциск, – вы уже решили, как назовете сына?

– Нет, – она казалась удивленной, – имя ребенку дает отец. Но, сударь, все же…

– Я – новый король Талига, – странно, почему радость от этого обстоятельства куда-то делась. Новый король Талига – одинокий король Талига… Он будет одинок, сколько б дворян ни вилось у его трона и сколько б красавиц ни побывало в его постели, если только эта синеглазая женщина не забудет свою потерю.

– Рамиро… Он… Он мертв? Кто его убил?.. Вы?!

– Не я. Рамиро Алва оказал мне и Талигу неоценимую услугу. Я любил его и был бы счастлив видеть своим маршалом. Надеюсь, со временем это место займет его сын. Вы позволите мне взять его и вас под свое покровительство? Я… Эрэа!

И без того бледное лицо стало вовсе белым, и Октавия упала на подушки. Подбежала повивальная бабка, кто-то громко закричал, кто-то принялся бормотать молитвы. Франциску следовало оставить герцогиню на попечение старух и врачей и вернуться к делам – захватить власть трудно, но удержать ее много труднее. Он так долго шел к этому дню и не может в решающий момент выпустить вожжи ни на мгновение. Оллар железной рукой схватил за плечо кого-то дородного в лекарском балахоне:

– Что с ней?

– Обморок, – проблеял тот, – у эрэа слабое сердце, а тут такое потрясение… Эрэа очень привязана к мужу…

Привязана к мужу, а муж был привязан к ней и нерожденному ребенку, которым эти заносчивые уроды велели не жить. Но теперь эти уроды – его, Франциска, подданные.

– Если с ней все будет в порядке, получишь дворянство, – проникновенно сказал новый король, – нет – повешу.

Лекарь что-то забормотал, но победитель уже вышел, придержав тугую дверь. Будь Рамиро Алва жив, король со временем послал бы красавца маршала на красивую смерть, но к уже убитому испытывал лишь благодарность и скорбел по несостоявшейся дружбе.

Топтавшийся на пороге оруженосец торопливо доложил, что в часовне все готово к венчанию, а в главном храме – к поминальной службе. Франциск что-то буркнул и, тяжело ступая, пошел по гулкому коридору, не обратив никакого внимания на шарахнувшуюся из-под под ног здоровенную крысу.

Отмеченная монаршим вниманием герцогиня осталась лежать с закрытыми глазами среди суетившихся слуг, число которых стремительно возрастало. Лежать, прижимая к наливающейся молоком груди руку с обручальным браслетом. Рамиро умер, она тоже умерла, только этого никто не заметил.

Ветер лениво шевелил полотняные занавеси, сиделка-монахиня перебирала четки, озабоченный лекарь что-то смешивал в костяной чаше. Через распахнутое окно донесся звон сигнального колокола – пять часов пополудни…

Пять часов… В соседней комнате заплакал ребенок, которому предстояло жить с двойным клеймом – сына предателя и пасынка чужеземного короля.

Пять часов… В наспех прибранной часовне вдова будущего мученика и святого, глядя в глаза перепуганному священнику, тихо сказала «да», отдавая руку плебею, от которого ей предстояло родить семерых Людей Чести.

Пять часов… Запертый в казармах граф Карлион в сотый раз объясняет графу

Тристраму, что с самого начала знал, что Рамиро Алва – предатель.

Пять часов… Епископ Ариан, преклонив колени перед алтарем, не столько молится об упокоении душ новопреставленных, сколько думает о предложении Франциска порвать с Агарисом и стать главой новой церкви. Еще не маршал Шарль Эпинэ в нерешительности стоит на краю площади Святой Катарины, решая, войти ли в храм у всех на глазах или же проститься с Рамиро ночью, когда этого никто не увидит.

Пять часов… Королева Бланш и ее сын в придорожной харчевне ждут, когда Михаэль фок Варзов добудет им хлеба и сыра, на конюшне тяжело поводят боками уставшие лошади, а в небе сгущаются тучи – к вечеру зарядит нудный, холодный дождь.

Пять часов… Кровь во дворце смыта, испорченные ковры заменены, над троном развешаны знамена с Победителем Дракона. Скоро хронисты всех стран запишут, что в третий день Осеннего ветра 399 года круга Молний Франциск Оллар захватил столицу талигойского королевства Кабитэлу, одним махом покончив и со старой династией, и с позорной кличкой Бездомный Король. Они много чего напишут…

Отблески Этерны. Книга вторая
От войны до войны

Автор благодарит за оказанную помощь
Александра Бурдакова, Александра Домогарова,
Марину Ивановскую, Даниила Мелинца,
Артема Хачатурянца.

Истинный герой играет во время сражения шахматную партию независимо от ее исхода.
Наполеон

Спокойно, дружище, спокойно,
И пить нам и весело петь;
Еще в предстоящие войны
Тебе предстоит уцелеть.
Уже и рассветы проснулись,
Что к жизни тебя возвратят,
Уже изготовлены пули,
Что мимо тебя просвистят.
Ю. Визбор

Часть первая
«Луна»[16]

Иные люди отталкивают, невзирая на все их достоинства, а другие привлекают при всех их недостатках.
Франсуа де Ларошфуко

Глава 1
Оллария

[16] Высший аркан Таро «Луна». Символизирует ночь, погружение в потемки души, страхи, заблуждения, тайные враги. Может означать двойственное поведение друзей, необоснованные претензии, повышенную эмоциональность и интуицию, неустойчивый характер. Перевернутая карта (П.К.) означает, что некто прячется за маской, никому нельзя полностью доверять. Иногда означает разоблаченный вовремя обман или неожиданно легко достигнутую цель.

«Le Roi des Deniers» & «Le Neuf des Coupes»[17]

1

Во славу короля и Талига объявляю заседание Высокого Совета открытым.

Август Штанцлер произнес обыденную фразу обыденным голосом, но Квентин Дорак подозревал, что мысли кансильера гуляют рядом с его собственными по южным степям. Опытное кардинальское ухо следило за тем, что зачитывал ликтор, но на этот раз большинство подписанных Его Величеством указов были мало значащими, и Дорак мог подумать о том, что делать, если армия Алвы погибла.

Для начала он обвинит Штанцлера и его сторонников в опрометчивости, благо мысль дать Первому маршалу полномочия Проэмперадора принадлежала Придду, которого поддержали Килеан, братья Ариго и сам кансильер. Так ли они были наивны, напирая на полководческий гений Алвы и растравляя его гордыню? И где носит Леворукий самого Рокэ?

Известий от Ворона не было с начала лета. В своем последнем донесении Проэмперадор Варасты уведомлял, что с десятитысячной армией выступает из Тронко в направлении Сагранны – и все! Люди, лошади, повозки, пушки без следа растворились в золотых варастийских далях. На розыски Алвы оставленный стеречь губернатора Леонард Манрик рассылал сначала гонцов, потом целые отряды, но все они либо исчезали без следа, либо возвращались несолоно хлебавши, не встретив ни своих, ни врагов.

Дорак любил повторять слова некоего древнего циника, заметившего, что отсутствие известий для умного человека заменяет сами известия. Его Высокопреосвященство не считал себя глупцом и не мог отмахнуться от отсутствия сведений о новых беженцах и набегах. Создалось впечатление, что сквозь землю провалился не только Рокэ, но и бириссцы. Неужели Алва согнал-таки разбойников в кучу и перебил? Но тогда почему он молчит? Если же талигойская армия разбита, куда делись победители? Начни в Хисрандском порту тайно продавать талигойских рабов, все стало бы ясно, но их не продавали.

Из Варасты новостей не было, зато они поступали из Кагеты и Гайифы. В империи не сомневались, что Рокэ стоит лагерем неподалеку от границы и выжидает. Чего? Нападения? Алва не столь наивен, он не может не понимать, что бириссцы не станут штурмовать укрепленный по всем правилам воинской науки лагерь. Рокэ взял с собой Вейзеля, значит, с фортификационными работами у южан все в порядке, да и сам Ворон в таких делах разбирается. Нет, на десятитысячную армию бирисские банды не нападут, они предпочитают добычу помельче и побеззащитнее. Проэмперадор может ждать до Возвращения Создателя, «барсы» будут обходить его десятой дорогой и гадить в безопасных местах. Но ведь не гадят, прибери их Леворукий!

В последние недели Дорак склонялся к тому, что бирисские разведчики врут. Они или не знают, куда подевались талигойцы, или знают, но не говорят, по крайней мере гайифцам. Возможно, о Рокэ слышал Адгемар Кагетский, но донесения из Равиата больше всего напоминали пьяный бред. Прознатчики единодушно утверждали, что Белый Лис созвал казаронское ополчение, чего не случалось уже лет восемьдесят. Предлог был смехотворный – вторжение некоего горного племени.

Его Высокопреосвященство с большим трудом выяснил, что речь идет о неких козьих пастухах, которых во всей Сагранне уцелело от силы тысяч восемь. Тем не менее весьма уважающий золото гайифский фортификатор, занимавшийся укреплением кагетской столицы, передал через гайифского же торговца оружием, что на Дарамских равнинах

---

[17] О значении этих и некоторых других карт Таро уже говорилось в первой книге цикла «Красное на Красном».

собралось сто тысяч ополченцев и там же находится бóльшая часть Багряной Стражи. Место сбора вызывало удивление – в войну с пастухами Дорак не верил, войну с Талигом вели бы иначе.

Появись в Сагранне чужая армии, Адгемар поднял бы визг, на который сбежались бы все блюстители Золотого Договора, а он болтает о каких-то козопасах. Да и Рокэ при всей его наглости не бросится с десятью тысячами на сто двадцать, и это не говоря о том, что армия неминуемо застрянет на перевалах! Нет, дело в Лисе и только в Лисе. Казару стало тесно на казаронском поводке, и он, воспользовавшись варастийской заварухой, собрался стать единоличным правителем.

Если задумана резня казаронов, лучшего места, чем Дарама, не найти, но перебить сто тысяч вооруженных человек непросто, к тому же у них останутся родичи. Адгемар не захочет зваться Кровавым, с него станется отозвать бирисских головорезов из Варасты, переодеть в пастухов, стравить с казаронами и ударить последним в спину. Это объясняет прекращение набегов, но никоим образом не проливает свет на судьбу Алвы.

Его Высокопреосвященство раз за разом задавал себе одни и те же вопросы и не находил ответа. Вернее, находил, но он был совершенно нелепым, невозможным и противоестественным. В последнее время в Талиге стали пропадать люди, причем все они так или иначе были связаны с Лаик, через которую прошло большинство офицеров Южной Армии… Бред! Такое разве что деревенской бабе в голову придет…

Кардинал посмотрел на Августа Штанцлера, и в тот же миг Штанцлер поднял глаза на своего соперника. Кансильер наверняка давно придумал, что ответить на обвинения, если они последуют. Сильвестр поправил наперсный знак и слегка улыбнулся – пусть Лучшие Люди видят, что кардинал спокоен и способен оценить пикантность ситуации, в которой оказался некий не в меру подозрительный барон, чья жена якобы согрешила с красавцем-марикьяром, подарив белокурому мужу черноволосого наследника. Свидетелей адюльтера не нашлось, но в славном роду Шнаузеров не было ни одного брюнета.

Несчастный барон требовал развода и признания «сына» бастардом. Супруга, ссылалась на астрологов, утверждавших, что ребенок, родившийся, когда над горизонтом поднимается созвездие Малой Кошки, в котором находится блуждающая звезда Дейне, просто обязан быть черноволосым и черноглазым. Его Величество решил вопрос, начертав *«чтоб не было разврата и не пресекся род, признать ребенка законным».*

После оглашения вердикта на лицах большинства вельмож промелькнули улыбки – снисходительность Фердинанда к кэналлийским бастардам была общеизвестна. Закрепив за белобрысым ревнивцем черномазого наследника, ликтор потянулся за следующей бумагой, но огласить ее не успел.

Дверь распахнулась, гвардейцы стукнули об пол алебардами, и в зал вступил Фердинанд Оллар собственной персоной. Король прямиком направился к пустующему креслу, но не сел, а остался стоять, обводя безумным взглядом Лучших Людей Талига. Штанцлер рванулся к Его Величеству, но тот мановением руки остановил кансильера.

– Господа Совет, – губы короля были совсем белыми, – послы Золотых земель требуют немедленной аудиенции. Адгемар Кагетский обвиняет Талиг в вероломном нападении.

2

Сильвестр почувствовал, что его сердце заколотилось, словно он выпил подряд не меньше трех чашек шадди. Кардинал не мог видеть себя, но он видел Штанцлера – поджатые губы, нарочито прямой взгляд… Сейчас все и решится.

Первым, как и положено по Золотому Праву, вошел дуайен Посольской палаты шестидесятивосьмилетний урготский маркиз Жоан Габайру. Сегодня старый плут выглядел особенно немощным, из чего Сильвестр сделал вывод – что сам Габайру, что его герцог Фома не намерены влезать в очередную склоку между Гайифой и Талигом. А вот зерно Талигу они продадут, разумеется, содрав за него восемь шкур и в придачу маааааленький

хвостик.

Габайру, опираясь на трость и с трудом передвигая негнущиеся ноги, пополз к трону, остальные в ритме похоронной процессии двинулись следом. Кардинал был искренне признателен старикашке, давшему возможность разглядеть посольские физиономии. Всего заявилось четырнадцать человек, представлявших все страны, подписавшие Золотой Договор. Кроме Талига и Бергмарка, разумеется. Полный выход! Значит, гайифцу удалось заручиться поддержкой не менее шести государств. Так… Посчитаем. На стороне империи, как всегда, Дриксен, Гаунау, Бордон и Агария. Улапп, Ардора и Норуэга против. Значит, Его Величество Дивин Восьмой перетащил на свою сторону кого-то из нейтралов. Сразу видно, не Ургот, а значит, и не Фельп. Скорее всего, Алат и Флавион, хотя за Йерну тоже ручаться нельзя.

Старикашка с тростью дошаркал до инкрустированной светлым и черным деревом розетки, встал, закашлялся, достал отороченный кружевами огромный платок, очень долго утирал лицо и слезы. Точно Фома, осведомленный о неурядицах в Варасте, нацелился на перепродажу пшеницы. И ведь придется покупать, не в этом году, так в следующем, надо было делать больше запасов…

– Ваше Величество, – посол вновь закашлялся, но на сей раз с приступом справился довольно быстро – он и так уже всем все показал, – как дуайен Посольской палаты я представляю королю Талига посла Кагетской казарии, возжелавшего от имени казара Адгемара заявить протест и потребовать объяснений.

Обвинения Кагеты поддерживают послы Гайифской империи, королевства Гаунау, Дриксенской кесарии, королевства Агарии, великого герцогства Алат, великого герцогства Флавион, королевства Йерна, торговой республики Бордон.

Так и есть, Гайифа подмяла-таки Йерну, а Алат, видимо, купили. Девять из шестнадцати!

– Мы слушаем посла Кагеты, – тихо сказал Фердинанд. Тише, чем следовало.

– Ваше Величество, – Бурраз-ло-Ваухсар из рода Гурпотай был воплощением праведного гнева, – мой казар обвиняет Талиг в вероломном нападении на Кагетскую Казарию, последовавшем вопреки Золотому Договору без объявления войны. Талигойские полчища вторглись в Кагету через горы Сагранны, несмотря на то, что эта область решением всех подписавших Золотой Договор стран объявлена запретной. Армия под командованием Первого маршала Талига…

Рокэ все-таки чудовище! Несмотря на серьезность момента, Его Высокопреосвященство едва сдержал улыбку. Ворон решил ударить по Кагете еще в Олларии, потому и сказал, что воевать нужно не с комарами, а с болотом, потому и исчез – не хотел, чтоб у него на пятках повисли блюстители договора. Когда этот мерзавец вернется, он ему все припомнит! А, закатные твари, что сделано – то сделано! Будем думать о сегодняшнем дне.

– Вероломно овладев Барсовыми Вратами, – вещал казарон, – талигойская армия вышла на Дарамское поле и в кровопролитном сражении разбила армию Его Величества Адгемара. Кагеты сражались мужественно, но удача была не на их стороне…

Да уж, десять тысяч разбивают сто двадцать, явно удача не на стороне последних, равно как и ум и все остальное. Гайифе и ее прихвостням придется трижды подумать, прежде чем спустить своих полководцев на Ворона Рокэ.

– Остатки разбитой кагетской армии отступали долиной реки Бира, – продолжал негодовать посол. – Мой государь не предполагал, что маршал Талига, хоть и олларианец, но верующий в Создателя нашего, отважится, поправ все законы божеские и человеческие, взорвать берег одного из Очей Сагранны, но Рокэ Алва сделал это. Воды озера хлынули вниз и уничтожили множество мирных бирисских деревень, только чудо спасло Его Величество Адгемара и часть находившихся с ним войск.

Мой государь не мог и помыслить, что наводнение является рукотворным, но, вернувшись в Равиат, он получил ультиматум. В случае его неисполнения Рокэ Алва грозил

затопить столицу казарии. Казар Адгемар, думая лишь о спасении подданных, выехал на встречу с Первым маршалом Талига, послав гонцов ко двору Его Величества императора Гайифы с мольбой о помощи.

Мольба – это хорошо, это душевно, только рискнут ли господа гайифцы и их союзники сцепиться с полководцем, разносящим в клочки двенадцатикратно превосходящего противника. Проэмперадор решает вопросы войны и мира, вот Алва и решил…

– Мой император требует ответа, признает ли Талиг себя виновным в вышеперечисленных злодеяниях. Ответа ждут и послы других государств, подписавших Золотой Договор.

Конхессер[18] Маркос Гамбрин был преисполнен не менее праведного гнева, чем кагетец, что, однако, не делало его выше… И ведь подумать только, это Талиг в свое время вынудил Гайифу и прочих подписать Золотой Договор. Но тогда сторонников у Талига было намного больше, еще бы, Двадцатилетнюю войну империя с треском продула. Сейчас дело хуже, хотя далеко не безнадежно.

– Ваше Величество, – прошамкал дуайен, несомненно уже сосчитавший талигойское золото, которое огребут урготские торговцы, – Посольская палата ждет ответа.

Отвечать должен король, но король не знает, что говорить. Кансилльер тоже молчит. Еще бы, он ожидал проигрыша и затяжной войны на юге, а получил победу и истерику Гайифы. Говоря по чести, это… Закатные твари, это не так уж и плохо!

Его Высокопреосвященство медленно и грозно поднялся со своего места, готовясь дать павлину и мокрым курам достойную отповедь, но гневные слова так и не прозвучали. Между послами и троном оказался капитан личной королевской охраны Лионель Савиньяк[19].

– Ваше Величество, – Лионель преклонил колена перед Фердинандом, – позвольте вручить вам донесение от Проэмперадора Варасты. Я получил его этой ночью.

3

Может, Фердинанд и хотел что-то сказать, но его опередил гайифец.

– Ваше Величество, Золотые земли настаивают на том, чтобы письмо Рокэ Алвы было оглашено немедленно и во всеуслышание.

Король потерянно молчал, и Сильвестр понял, что пора вступать в бой, пока за дело не взялся Штанцлер.

– У Талига нет постыдных секретов, – Его Высокопреосвященство спокойно принял из рук Савиньяка столь неожиданно возникшее послание и передал ликтору, – прошу вас зачитать донесение Проэмперадора Варасты.

Ликтор, которому было все равно, что читать, снял печати, развернул подлежащий оглашению документ и начал ничего не выражающим хорошо поставленным голосом:

> – «Ваше Величество, прошу простить меня за длительное молчание, но Проэмперадор имеет право действовать по своему усмотрению, а излишняя осведомленность друзей оборачивается столь же излишней осведомленностью врагов. В настоящее время вверенная мне армия движется в Тронко на зимовку, откуда будет направлен полный отчет о событиях минувшего лета. Пока позволю себе изложить их кратким образом».

Начало было многообещающем. Рокэ Алва прибегал к придворной витиеватости, лишь собираясь всласть поизмываться над собеседником.

---

[18] *Советник* (гайи) – один из высших штатских чинов гайифской иерархии.

[19] Капитан Личной королевской охраны имеет генеральский чин.

– «Начну с того, что военная кампания приняла неожиданный оборот. Общеизвестно, что в Сагранне проживает несколько племен, отличающихся определенным внешним сходством. Около четырехсот лет назад прилегающие к Варасте горы населял мирный пастушеский народ бакранов. Воинственные бириссцы, прежде чем переселиться в Кагету, нанесли бакранам немало обид и в конце концов вытеснили с исконных земель в бесплодную Польвору.

За прошедшие века бакраны оправились от поражения. Более того, у них возникли своя государственность и армия, блестяще приспособленная для ведения горной войны. Этим летом потомки изгнанников сочли, что пришло время мести…»

Бакраны?! Именно так назывался народец, якобы напавший на Кагету. Жалкие пастухи. Откуда у них король и армия?!

– «Бакраны твердо решили отвоевать свои былые владения, но их враги находились под покровительством казаров Кагеты. Король бакранов Бакна Первый – весьма дальновидный и тонкий политик, с огромным уважением относящийся к Талигу и высоко ценящий добрососедские отношения между нашими странами.

Узнав о появлении в Варасте вверенной мне армии, Его Величество Бакна обратился с просьбой о помощи. Полномочия, которыми я был облечен, давали мне право заключать военные и политические союзы. Я помнил, что мой король свято блюдет Золотой Договор. Талигойская армия могла вступить в Сагранну в одном-единственном случае – если обитающее в горах мирное племя призвало бы нас на помощь».

Вот так и сходят с ума! Полчаса назад Сильвестр о донесении Проэмперадора и не подозревал, но нежданный документ казался странно знакомым.

– «Ознакомившись с положением в горной Сагранне, я, памятуя о том, что олларианский долг повелевает защищать слабого и несправедливо обиженного, заключил с Бакрией тридцатилетний договор о военной помощи. Я отдал себя и возглавляемую мной армию в распоряжение Его Величества Бакны Первого.

Его Преосвященство епископ Варасты Бонифаций счел мое решение богоугодным и благословил меня и моих людей встать на защиту правого дела. Но даже после того я предпочел бы действовать при помощи дипломатии, обратившись ко всем Золотым землям с призывом прекратить зло и восстановить справедливость».

«Восстановить справедливость…» Закатные твари! Павлину[20] затолкали в клюв его собственный хвост! Так вот почему письмо казалось знакомым – Ворон умел и любил издеваться над врагами, но на сей раз он превзошел сам себя. Взять речь гайифского посла и, не меняя ни буквы, вставить в свое донесение!

– «Увы, обитатели гор не веруют в Создателя, их обычай запрещает прощать обиды, как бы давно они ни были нанесены. Все мои попытки убедить бакранов не разворачивать военные действия, а направить посольства ко дворам подписавших Золотой Договор стран успехом не увенчались. Бакраны жаждали мести, однако мне удалось убедить Его Величество Бакну начать с предъявления ультиматума взявшему под свою руку бирисские племена казару Адгемару, потребовав от оного разорвать этот союз. В противном случае Кагета разделяла ответственность за неисчислимые бедствия, причиненные бакранскому народу бириссцами».

---

[20] На гербе Гайифы изображен павлин в окружении алых роз.

Кардинал обвел взглядом замерший зал. По нарочито непонимающим лицам или с трудом сдерживаемым ухмылкам было очевидно – большинство Лучших Людей тоже вспомнили. Конхессер и его сторонники держались – как-никак многоопытные дипломаты, но до них уже дошло, что Алва столкнул Гайифу в ту самую яму, которую долго и упорно рыли для Талига, и спел на ее краю романс. Вот и говори после этого, что военный не может быть политиком. Сильвестр задавил неуместную улыбку и принялся слушать дальше. Сегодня был его день, вернее, день Талига!

> – «Я не сомневаюсь, что казар Адгемар, как совершенно обоснованно утверждал посол Кагетской Казарии, ничего не знал и не мог знать о том, что происходит в горной Сагранне. Именно этим я объясняю недальновидность Его Величества, чьим ответом на справедливые требования Бакрии стал сбор казаронского ополчения. В данной ситуации у Бакны Первого не было другого выхода, кроме войны до победного конца.
>
> Оставив четыре тысячи человек во главе с генералом Хорхе Дьегарроном для защиты Внутренней Варасты, я присоединился к бакрийской армии…»

Оказывается, у Рокэ было не десять тысяч, а шесть с половиной! Нет, воистину этот человек невозможен, но войны теперь не будет. Гайифа утрется! Еще бы – повода нет, зато есть полководец, способный брать неприступные крепости и выигрывать сражения, находясь в чудовищном меньшинстве. А какой изящный ход с озером и какой прелестный союзник этот, скажем так, Бакна.

> – «Бакна Первый, хоть и исповедующий язычество, повел себя с истинно олларианским милосердием. Он не стал преследовать и истреблять отступающих, но отошел к Озерному Плато, откуда направил Адгемару второй ультиматум. На этот раз казар повел себя более дальновидно, приняв все выдвинутые условия».

Не так уж и дальновидно, раз решил втянуть в дело Гайифу. Мог бы и догадаться, что империя в войну не ввяжется. Павлины начнут с торговых санкций, возможно, подкинут Гаунау новые пушки, чтобы те весной очередной раз укусили Бергмарк, но защищать Адгемара силой оружия Гайифа не станет. Хотя казар все равно опасен, надо бы его убрать.

У Адгемара три сына и дочь… Если с отцом что-то случится, кто-то из наследников обязательно поставит на союз с Талигом. Воистину, Белый Лис создает слишком много сложностей…

> – «Среди старинных бакрийских традиций особое место занимает так называемый суд Бакры. Это весьма жестокий обычай, согласно которому обвиненный в преступлениях против народа бакранов и их союзников подвергается смертельному испытанию. Так вышло, что во время суда Бакры обвиняемый Робер Эпинэ был полностью оправдан, но при этом погиб казар Кагеты Адгемар. Присутствовавший при этом его старший сын и наследник Баата был потрясен гибелью любимого отца, но, будучи человеком честным, свидетельствует, что в случившемся несчастье не было ничьей злой воли.
>
> Став казаром Кагеты, Баата подписал мирный договор с королевством Бакрия. Мир будет скреплен союзом сестры Бааты Этери и сына Его Величества Бакны Первого Вакри. Его Величество Бакна Первый также потребовал разрыва союза Кагеты и враждебных Бакрии Агарии и Гайифы, и его требование было удовлетворено. В тот же день был подписан предварительный договор о союзе между Кагетой и Талигом. Не позднее, чем к началу зимы посольство Его Величества Бакны Первого и Его Величества Бааты прибудут в Олларию.
>
> Создатель, храни Талиг и его короля.
>
> Проэмперадор Варасты герцог Рокэ Алва.

Написано в 11-й день Месяца Сапфира (Осенних Ветров[21]) 398 года круга Скал у горы Бакра».

Ликтор закончил, и за дело взялся господин дуайен, здоровье которого стремительно изменилось к лучшему. Старикашка выпрямился и твердым голосом произнес:

– Мне, старейшине Посольской палаты Олларии, очевидно, что Талиг никоим образом не нарушал Золотой Договор. Народ бакранов имел полное право объявить войну своим исконным врагам и заключить союз с любой державой, готовой встать на защиту прав маленького, но гордого народа. Не так ли, господа?

Послы Улаппа, Ардора и Норуэга торжественно кивнули, их примеру последовали дипломаты Фельпа и Йерны. Остальные смотрели на гайифца, а Маркос Гамбрин походил на человека, проглотившего, но не до конца, живого ужа и запивающего его уксусом.

– Разумеется, вскрывшиеся обстоятельства меняют наше отношение к положению в Сагранне, – выдавил из себя конхессер. – Тем не менее методы, которыми воспользовался Во… – гайифец запнулся, – которым воспользовался Его Величество Б… Бакна Первый, вызывают наше осуждение.

Ну, на этот довод Сильвестр знал что возразить.

– Позвольте с вами не согласиться, – надменно произнес Его Высокопреосвященство, – в 293 году нашего круга кесарь Дриксен, желая сломить сопротивление завоеванной им Северной Марагоны, приказал разрушить создаваемые веками дамбы.

Тогда под волнами Устричного моря погибло два крупных города и несколько десятков деревень и поселков. Марагонский герцог обратился в Золотой Совет, требуя защиты и справедливости, но кесарь Ульбрих, поддержанный императором Гайифы и эсператистской церковью, настаивал на обоснованности и необходимости принятых мер. Вся переписка, включая послания Эсперадора Никандра и императора Гайифы Демиса Третьего, сохранилась.

По уставу Золотого Совета Гайифа может выдвинуть обвинение против Бакрии, лишь признав вину Дриксен и в случае выплаты последней соответствующей контрибуции в связи с марагонским делом.

– Я всего лишь посол, – сдержанно поклонился гайифец, – и не уполномочен обсуждать подобные вещи. Я сообщу моему императору то, что услышал. Могу я получить заверенную копию оглашенного документа?

– Никоим образом, – вмешался Август Штанцлер, – вы можете изложить услышанное своими словами. Не сомневаюсь, о событиях у горы Бакна в Бакрии и Кагете вы узнаете из своих источников. Что до отношений между Гайифой и Кагетой, то Талиг не вправе влиять на них, передавая конфиденциальные письма.

Дуайен ласково улыбался. Послы Дриксен, Гаунау и Агарии набрали в рот воды, но казарон шагнул вперед:

– Я счастлив изменению отношений между нашими странами в лучшую сторону и готов верой и правдой служить союзу великого Талига и Кагетской Казарии.

---

[21] Летосчисление в Кэртиане ведется от сотворения и для удобства делится на чередующиеся 400-летние круги (эпохи) – Скал, Ветра, Волн и Молний. Считается, что грань эпох сопровождается войнами и катаклизмами. Год в Кэртиане состоит из 16 месяцев по 24 дня, каждый из которых делится на четыре недели, совпадающие с лунными фазами. Год начинается в день зимнего солнцестояния. Далее приводятся названия месяцев по эсператистскому и олларианскому (введенному Франциском Олларом и применяющемуся лишь в Талиге) календарям. Месяц Зимних Скал (у олларианцев – месяц Нефрита), Месяц Зимних Ветров (месяц Аметиста), Месяц Зимних Волн (месяц Малахита), Месяц Зимних Молний (месяц Граната), Месяц Весенних Скал (месяц Агата), Месяц Весенних Ветров (месяц Изумруда), Месяц Весенних Волн (месяц Аквамарина), Месяц Весенних Молний (месяц Алмаза), Месяц Летних Скал (месяц Бирюзы), Месяц Летних Ветров (месяц Топаза), Месяц Летних Волн (месяц Жемчуга), Месяц Летних Молний (месяц Янтаря), Месяц Осенних Скал (месяц Сердолика), Месяц Осенних Ветров (месяц Сапфира), Месяц Осенних Волн (месяц Мориона), Месяц Осенних Молний (месяц Рубина).

– Мы не сомневаемся в ваших чувствах, – заверил кагета разрумянившийся Фердинанд. – Сим объявляем заседание Высокого Совета закрытым.

Первыми зал покинули послы, затем удалился Его Величество, за королем потянулись Лучшие Люди.

Штанцлер что-то спросил у Лионеля, тот покачал головой и простодушно улыбнулся, слишком простодушно. Савиньяки принадлежали к той части старой знати, что безоговорочно перешла на сторону Олларов, они слыли храбрецами и традиционно посвящали себя воинской службе, но простаками ни в коем случае не являлись. Особенно Лионель.

Его Высокопреосвященство намеренно задержался, оттирая с ладони чернильное пятнышко. Савиньяк, по должности покидавший зал Совета последним, ждал у двери. Выходя, Сильвестр взял генерала под руку.

– Удивительно удачно, Лионель, что у вас оказались при себе эти бумаги. Я спрашиваю вас, как высшее духовное лицо: когда письмо маршала попало к вам в руки и читали ли вы его?

– Ваше Высокопреосвященство, – в черных глазах Савиньяка мелькнула парочка бесенят, – гонец прибыл восемь дней назад. Донесение я не вскрывал, но вместе с ним пришло письмо, адресованное мне лично. Первый маршал Талига просил придать присланный документ огласке лишь в случае острой необходимости. Я счел таковой положение, сложившееся на Совете. Я ошибся?

– О нет, – с чувством произнес кардинал Талига, – но Рокэ Алву я когда-нибудь все-таки убью.

Глава 2
Фрамбуа
«Le Valet des Épées» & «Le Six des Bâtons»

1

Небо было высоким и синим, а легкие, пронизанные солнцем перистые облака казались весенними. Насколько год назад, когда Дик впервые оказался в окрестностях Олларии, все было уныло, серо и безнадежно, настолько теперь мир сиял и светился. Природа и не думала унывать, а вот Ричард Окделл страдал, и мукам его не виделось ни конца ни краю. Источник страданий был рядом – трусил на буланом линарце и визгливым недовольным голосом разоблачал окружающий мир. Жиль Понси был возмущен решительно всем, но более всего женщинами, созданиями развратными и недалекими.

От доброжелателей страдальца, торчавших в Тронко, пока они с Рокэ воевали в Сагранне, юноша знал, что причиной неприязни Понси к прекрасному полу была свояченица губернатора, не только не оценившая достоинств Жиля, но и согрешившая сначала с Рокэ Алвой, а затем с мушкетерским полковником. Отвергнутый порученец монотонно перечислял месяцы, часы и дни, в которые ветреная красотка, ее любовники, офицеры Южной Армии, дворяне Тронко, губернаторские слуги и просто прохожие наносили ему преднамеренные оскорбления. Ричард слушал, время от времени вставляя сочувственные слова, хотя предпочел бы ехать вместе со своим эром и Эмилем Савиньяком.

Жиль был невыносим, но бросить его Дик не мог. Порученец вбил себе в голову, что его жизнь никому не нужна, и каждая река или обрыв, который они проезжали, вызывали у бедняги неодолимое желание броситься вниз. Это было страшно, и совсем ужасно было бы, если б Понси покончил с собой лишь потому, что Ричарду Окделлу не хотелось его слушать. Тогда Дик был бы виновен в чужой смерти, ведь и в «Эсператии» и в Книге Ожидания прямо говорится, что не удержавший руку самоубийцы разделяет его грех.

Юноша пробовал говорить с Жилем и об этом, и о том, что надо думать о близких, но

нарывался на неодобрительный взор и очередную балладу Марио Барботты. Дик ни разу не слышал столь любимого Жилем менестреля живьем, но юноше очень хотелось его удавить. Чувства Ричарда в полной мере разделяли многие офицеры Южной Армии, так что Барботта, окажись он в их обществе, изрядно бы рисковал. И все равно Понси при всей его назойливости и нелепости было жаль. Ричард как никто знал, что такое любить без надежды, да и чувство ненужности и пустоты было ему знакомо; правда, юноша если и думал о смерти, то лишь когда жизнь загоняла его в угол. Как в истории с проигранным кольцом… Ричард Окделл мог бы броситься в безнадежный бой или вызвать кого-нибудь на дуэль. Но убить себя своими же руками?! Это противно воле Создателя и недостойно Человека Чести!

– После того, что случилось в три часа пополудни в восьмой день Янтаря, – пронзительный голос Жиля далеко разносился в осеннем воздухе, но попросить страдальца говорить потише Дик стеснялся, – я понял все. Если меня не будет – ничего не изменится. От нас ничего не зависит, так зачем тогда жить?

Он ушел, ушел далеко, ушел навсегда,
но по-прежнему точит каменья вода,
но по-прежнему ветры летят в вышине,
и по-прежнему черви снуют по земле…

Дику подумалось, что «земле» и «вышине» плохо рифмуется, да и черви в земле роются, в крайнем случае ползают, а никак не снуют, но юноша не рискнул оскорбить кумира Понси и обреченно спросил, прекрасно зная ответ:

– Это чьи вирши?

– Барботты, – завопил Понси. – Вы все сходите с ума от Веннена и Дидериха, а ничего такого в них нет. Сонеты – это прошлый век! Можете считать меня дураком, но…

Ричард и в самом деле считал Понси дураком, но даже дураки влюбляются и страдают. Святой Алан, если с Жилем что-то случится, он никогда себе этого не простит! Да и чем он лучше, его самого тоже никто не понимает, или почти никто. Оскар мог стать его другом, но генерала казнили. Арно и Катершванцы далеко. Эмиль Савиньяк – неплохой человек, но ему за тридцать и он очень занят, а Ворон еще старше… Ричард так и не мог понять, как к нему относится его эр, и, что было еще хуже, окончательно запутался в собственных чувствах. Он то ненавидел маршала, то восхищался им.

Я безумен, как безумен олень,
средь осенних древес золотых,
одинок я, как подрубленный пень,
без ветвей, цветов и листьев густых…

Образ подрубленного пня у Барботты был одним из любимых, и, по мнению Эмиля Савиньяка, неспроста. Дик обреченно вздохнул и принялся разглядывать окрестности, благо впереди блеснула вода – отряд Проэмперадора достиг Данара.

Дорога подошла вплотную к крутому рыжему берегу, Понси шумно вздохнул, какое-то время ехал молча, а потом отчетливо произнес:

– В конце концов, моя жизнь никому не нужна, а меньше всех – мне. Я исчезну, и обо мне все позабудут. На дне реки – покой, там…

Договорить порученец не успел. Руки в черных перчатках вырвали страдальца из седла и швырнули в воду. Ричард в ужасе обернулся и столкнулся с безмятежным синим взглядом.

– Спокойно, юноша. Сейчас оно всплывет и будет звать на помощь, – Рокэ Алва вытащил золотой и бросил худощавому кэналлийцу. – Тапо, вы – отменный пловец. Вытащите этого господина, но не раньше, чем он позовет на помощь.

– Рокэ! – подоспевший Эмиль Савиньяк давился от смеха. – Ну и негодяй же вы!

– Не спорю. Гляньте-ка! Я так и думал, что на дне реки ему не понравится.

И в самом деле, Жиль Понси отчаянно колотил руками по воде шагах в двадцати от берега. Брызги летели во все стороны, блестя на ярком осеннем солнце, вскоре донесся и жалобный, захлебывающийся вопль. Тапо, сбросив сапоги и мундир, ласточкой кинулся с берега и быстро поплыл к утопающему.

– Запомните, юноша, – Рокэ поправил крагу, – настоящее отчаяние не ходит под руку с болтовней. Тот, кто не хочет жить, умирает молча.

– Изверг! – покачал головой Эмиль. – Зима ж на носу!

– Да, об этом я как-то не подумал… Впрочем, льда еще нет, да и солнышко светит. Ничего с этим недоноском не станется, а с Тапо тем более. Хлебнет касеры, и порядок!

Дик, открыв рот, наблюдал, как кэналлиец ухватил несчастного порученца за шиворот и потащил добычу к берегу, где собралось десятка два корчившихся от хохота гвардейцев с веревками, сухими плащами и фляжками. Солдаты явно были в восторге от выходки Ворона.

Несостоявшегося утопленника извлекли первым. Понси чихал, отплевывался и дрожал. В мокром виде он был еще более нелеп, чем обычно. Рокэ послал Моро вперед.

– Корнет Понси, смирно!

Жиль Понси чихнул и уставился на маршала скорее испуганно, чем неодобрительно.

– Если я еще раз услышу разговоры о самоубийстве, вы отправитесь в ближайший приют для умалишенных. Вы меня поняли?

Понси уныло кивнул.

– Дайте ему касеры, – распорядился маршал, бросая Тапо еще пару монет. – Мы ночуем в Фрамбуа, так что поторопитесь!

2

Фрамбуа был славным городком в шести хорнах от Олларии. Маленький, уютный, он чем-то напомнил Дику Надор, хотя здесь не было ни старого замка на горе, ни вековых елей вдоль дороги, да и жили во Фрамбуа побогаче, чем на севере.

Кавалькада Проэмперадора строевой рысью въехала на главную улицу, являвшую собой не что иное, как столичный тракт, по обе стороны которого тянулись дома. Городок жил за счет путешествующих в столицу и из столицы, а потому гостиниц и харчевен здесь хватало. Ричард с любопытством разглядывал вывески – «Ощипанный павлин», «Четыре охотника», «Зеленая карета», «Любезный кабан», «Талигойская звезда»… Юноше понравилась картина, с которой мечтательно и нежно улыбалась худенькая большеглазая девушка, чем-то похожая на Катари. Странная вывеска для придорожного трактира. Проэмперадор поймал взгляд оруженосца и с усмешкой направил коня к распахнутым воротам.

Румяный трактирщик, как и все жители Фрамбуа вышедший поглазеть на проезжающих, не веря своим глазам, бросился навстречу.

– Любезный, – поинтересовался Рокэ Алва, – вы в состоянии приютить до утра ораву военных?

– Монсеньор, – хозяин «Талигойской звезды» задыхался, – я… У меня восемь хороших комнат… Очень хороших, но, монсеньор… Понравится ли вам?

– Моему оруженосцу приглянулась вывеска, – сообщил Рокэ, слезая с коня, – а мы не так уж и прихотливы. Тех, кому не хватит места у вас, отправьте к соседям. Как вас звать?

– Эркюль… Эркюль Гассинэ.

– Обычно вас зовут папаша Эркюль?

– Монсеньор, – в глазах трактирщика трепетало обожание.

– Папаша Эркюль, – Алва протянул трактирщику золотой и мимоходом обнял стоявшую у входа хорошенькую девушку в белом переднике, – согрейте-ка нам с генералом Савиньяком вина. Ричард, устройте лошадей и присоединяйтесь.

Двое усатых дядек с готовностью кинулись к Моро, тот недвусмысленно оскалился, конюхи отступили. Дик, как всегда с опаской, взял мориска под уздцы – от этого змея можно

было ожидать всего, но на сей раз Моро повел себя прилично.

Убедившись, что и с ним, и с Соной все в порядке, Ричард отправился на поиски эра, какового и обнаружил в обществе Эмиля и жареного ягненка. Рокэ был весел, пожалуй, таким веселым Дик его еще не видел. Алва бывал злым, сосредоточенным, задумчивым, дерзким, ироничным, но сегодня он радовался жизни, как унар в отпуске. Веселье оказалось заразным – через полчаса Эмиль и Дик хохотали над рассказами Алвы о его сражениях с Арамоной, «учившим» Рокэ обращаться со шпагой. Эмилю тоже было что порассказать о пучеглазом капитане, но Ричард повестью о Сузе-Музе заткнул своих именитых собеседников за пояс. Лаик больше не казалась юноше ненавистной и враждебной – страхи и обиды забылись, зато смешное и веселое стало еще смешнее и веселее. Ричард даже встал из-за стола, показывая, как «плясал» Арамона, увидев подвешенные на крюке панталоны. Следующей историей должен был стать рассказ про монахов со свечами, но на улице раздался шум и топот. Алва, сидевший ближе всех к окну, глянул вниз и поморщился:

– Из Олларии. Надо полагать, торжественная встреча. Только Ги Ариго нам здесь и не хватало.

Это действительно был брат Ее Величества в парадном мундире. Рядом с маршалом Юга гарцевали Лионель Савиньяк и Фридрих Манрик, чуть поодаль сдерживал коня Килеан-ур-Ломбах, а за ним виднелись разряженные гвардейцы. Проэмперадор Варасты плеснул себе вина и залпом выпил, помянув закатных тварей.

Заскрипели ступеньки, и на пороге возник Ги Ариго. Чтобы он ни чувствовал на самом деле, на красивых губах играла самая приятная из возможных улыбок.

– Талиг счастлив приветствовать своих героев. Надеюсь, дорога не показалась вам слишком утомительной?

– Все было так хорошо, – в голосе Рокэ звучала несвойственная ему тоска, – и тут появились вы!

3

Когда на голову Рокэ Алвы обрушились известия об ожидавших его почестях, Дик стоял за плечом своего эра и не видел его лица, зато он видел Ги Ариго, Людвига Килеана-ур-Ломбаха, Лионеля Савиньяка и готов был поклясться, что люди Чести рады победе. Значит, все правильно, главное – это Талигойя; те, кто ее любит, должны забыть личные ссоры ради отечества.

Героев Сагранской кампании ждали торжественный прием и недельные празднества. Подобного в Талиге не случалось со времен Двадцатилетней войны, и Дику захотелось немедленно увидеть кансильера, рассказать ему про штурм Барсовых Врат и Дарамскую битву, подтащить за руку к Рокэ и налить обоим вина. Они должны выпить за Талигойю и Ее Величество и помириться! А потом маршал помирится с Килеаном и братьями Катари, все вместе они поставят на место Квентина Дорака и добьются прощения для Робера Эпинэ и других уехавших в Агарис, а без Раканов Талигойя и вправду обойдется. Пусть король глуп и уродлив, зато нет дворянина, который не был бы готов умереть за королеву!

Ги Ариго закончил свою речь и замолчал, ожидая ответного слова.

– Я благодарен Его Величеству, – в голосе Рокэ Алвы не было обычной иронии, – за оказанную мне честь, но я ее заслуживаю не больше, чем другие офицеры и солдаты вверенной мне армии.

– О, разумеется, не будет забыт ни один из ваших людей. Или вы хотите кого-то отметить особо?

– Отличились все, но есть те, без которых наши успехи были бы немыслимы. Это Его Преосвященство епископ Бонифаций, а также присутствующий здесь генерал от кавалерии Эмиль Савиньяк, сопровождающий бакрийское посольство генерал Жан Шеманталь, который прибудет в Олларию примерно через неделю, оставшиеся в Тронко генерал от артиллерии Курт Вейзель, генерал от кавалерии Хорхе Дьегаррон и полковники Орасио

Бадильо и Клаус Коннер. Я готов представить сведения об их заслугах.

– Я не сомневаюсь, что Его Величество…

Когда Рокэ начал перечислять заслуги своих офицеров, у юноши замерло сердце. Нет, Ричард прекрасно понимал, что ничего выдающегося не совершил, но в глубине души Дику очень хотелось, чтобы эр назвал и его. Пусть все, и в первую очередь Килеан-ур-Ломбах, поймут, что сын Эгмонта может не только играть в кости, но и воевать…

– Отдельно мне хотелось бы назвать герцога Окделла, сбившего из пушки вражеское знамя. Насколько мне известно, за подобные заслуги во время Двадцатилетней войны представляли к ордену Талигойской Розы.

Святой Алан, как же так?! Ведь он все делал по подсказке Рокэ, и все равно эру пришлось поправлять прицел. Да, они с маршалом были вместе – метались среди артиллерийских запряжек, последними отступали к каре, встречали атаку бириссцев, но это совсем другое!

– Их Величества будут счастливы узнать о подвиге Ричарда Окделла, – глаза брата Катари смотрели на Дика с явным одобрением.

Ну почему, почему, почему Эгмонт Окделл и Рокэ Алва не оказались рядом в сражении против врагов Талига, тогда все было бы по-другому!

Нет, Ричард ничего не забыл, но ненавидеть Ворона в этот вечер он не мог. Закатные твари, он уже давно не мог его ненавидеть. Когда же он перестал думать о Рокэ как о враге? На Дарамском поле или раньше? Одно Ричард знал точно – после расстрела Оскара он готов был убить своего эра, а когда тот стоял над мертвыми птицами, отдал бы все на свете, чтоб гибель ворона не оказалась ни приметой, ни знамением.

А встреча продолжалась… Папаша Эркюль сбился с ног, но его лицо сияло. Без сомнения, этот день был лучшим в его жизни, и не только в его. Южная Армия уходила на войну с бириссцами, но разбила не одного врага, а трех! И в сравнении с победой над старой враждой победа над «барсами» и Кагетой была не столь уж и важна.

4

– Я поднимаю этот кубок за Его Величество Фердинанда, Ее Величество Катарину и за королевство Талиг, – провозгласил Рокэ Алва, завершая прием. Было еще не поздно, но завтра всех ждала ранняя дорога и приветственные церемонии. Гости без лишних слов разошлись по трактирам Фрамбуа, которые хозяева и прибывшие из Олларии слуги пытались превратить в жилище, достойное знатнейших вельмож королевства. Последними попрощались Эмиль с Лионелем, задержавшимся, чтоб рассказать, как читали донесение Проэмперадора Варасты. Ворон проводил близнецов взглядом и негромко произнес:

– Вот и все.

Ричард не понял, говорит эр о вечере или о чем-то другом. Рокэ поймал взгляд оруженосца и вновь, как на Дарамском поле, растрепал юноше волосы, от чего у Дика защипало в носу. Наверное, потому, что разливавший вино оруженосец ничего не успел съесть, а вот выпить несколько бокалов ему пришлось.

Появился папаша Эркюль с подсвечником и доложил, что спальни приготовлены. Лестница уютно поскрипывала под ногами, в доме пахло дымком и яблоками. Трактирщик распахнул двери:

– Это лучшая комната, монсеньер. Молодой господин будет спать в комнате справа.

– Спасибо, любезный. Принесите ужин для молодого господина, а мне – вина и можете быть свободны.

– Если я понадоблюсь, то только позвоните.

– Разумеется. – Алва бросил мундир на стул: – Жарко… Садись, Дикон, в ногах правды нет. Впрочем, в чем она есть, никто не знает.

Ричард с радостью рухнул в кресло. Голова немного кружилась, а радость отчего-то уступила место грусти.

Папаша Эркюль притащил гору холодного мяса, сыр, хлеб и два кувшина кэналлийского, подхватил очередной тал и ушел, с обожанием глядя на Проэмперадора. Рокэ усмехнулся, плеснул себе вина, но пить не стал, а присоединился к жевавшему оленину Дику. Они ужинали молча, потом так же молча выпили. Вино Дику понравилось, хотя вряд ли оно удовлетворяло вкусам герцога.

– Эр Рокэ…

– Да?

– Эр Рокэ, а почему вы сказали, что я сбил эту штуку?

– Потому что ты ее сбил.

– Не я, а вы, – выпивка придала Дику упрямства, – это неправильно!

– Все правильно, Дикон, – очень серьезно сказал Рокэ Алва, – дело не в этом дурацком шаре, никак не могу вспомнить, как он называется, а в том, что ты именно тогда стал воином. Тут ошибиться невозможно, так что награду ты заслужил.

– Но, – начал Дик и запнулся.

– У тебя еще будут сражения, за которые тебе никто не скажет спасибо, – Алва улыбнулся, но как-то невесело, – и тогда ты вспомнишь Дараму и свою первую награду. И станет чуточку легче.

– Я… Я вас не подведу.

– Не думаю, что наши кони будут долго идти рядом, Ричард Окделл. – Ворон потянулся за кувшином. – Тебе понравилась вывеска папаши Эркюля?

Вывеска? Ричард не сразу вспомнил, что на ней было. Ах да, девушка в окне.

– Очень понравилась…

– Фрамбуа – один из двенадцати городов, оспаривающих право на святую Октавию. Я имею в виду олларианскую святую и мою прапрапрабабку. Эсператисты считают ее шлюхой и винят во всех смертных грехах, но двое мужчин, превративших Талигойю в Талиг, на нее и в самом деле молились…

Странно, трактирный мазила нарисовал ее такой, какой она была в ранней юности. Вряд ли он видел портрет, скорее всего, как-то догадался…

Значит, это Октавия! Жена Франциска Первого Оллара, умершая в родах и причисленная по приказу короля к лику святых. Эсператистская церковь была поражена подобным святотатством, но узурпатору до Агариса не было дела.

Ричард припомнил нежное девичье лицо, огромные широко распахнутые глаза, переброшенную через плечо косу. Олларианцы не отрицали, что, прежде чем стать королевой, Октавия была герцогиней Алва, но и не говорили об этом. В житии не было лжи, но при чтении его складывалось впечатление, что Франциск женился не на молодой вдове с ребенком, а на непорочной деве.

От матушки и надорского священника Ричард знал, как было на самом деле: Рамиро Алва был помолвлен с племянницей маршала Эктора, но встретил в трактире безродную блудницу, которая его околдовала. Будущий предатель нарушил слово Чести и женился на трактирной девке. Именно Октавия толкнула Рамиро на предательство, а когда изменник пал от руки Алана святого, поймала в свои сети марагонца и взошла на трон.

Оллар обожал жену, а ее сына от первого брака растил, как своего. Единственный ребенок узурпатора был слабым и болезненным, и после смерти Франциска власть в стране захватил его пасынок Рамиро Алва Младший. Жестокий и коварный, именно он окончательно сломал Людей Чести…

– Я… – язык Дика немного заплетался, – я не думал, что Октавия была такой…

– На иконах она старше.

– Нет… Вы не понимаете. Я думал, она походит на баронессу, а она, как Катари… – Ричард осекся. Он доверял своему эру, но о тайной встрече с королевой не должен знать никто, – как Ее Величество.

– Ну, разумеется! Тебе расписали Октавию как куртизанку… Мой тебе совет, Дикон, не считай опущенные глаза и срывающийся голосок признаком добродетели. Чем наглей и

подлей шлюха, тем больше она походит на праведницу. – Герцог уже допил свое вино и молча вертел в руках стакан из резного стекла. Дик смотрел на своего эра, ему мучительно хотелось поговорить о Катарине Ариго, но он не решался. Рокэ со стуком поставил стакан на стол:

– Октавия, Дикон, и впрямь была тихой девочкой у окошка, в которую влюбился проезжавший мимо рыцарь. Бывает и такое. Повелитель Ветров по любви женился на безродной сироте. Возможно, это был единственный мудрый поступок в его жизни, а может, и нет. Этого нам никогда не узнать. Никогда…

Глава 3
Кошоне
«Le Roi des Épées» & «Le Huite des Épées»

1

У Селины пропала новая лента – синяя, вышитая золотом. Дочка никого не обвиняла, она вообще ничего не сказала, просто надела в церковь прошлогоднее розовое платье. Вытащить из девчонки правду удалось не сразу, и Луиза Арамона не сомневалась, что та молчит, чтоб не выдать сестру. Ленту, без сомнения, стащила Люцилла. Младшая вообще была нечиста на руку – видимо, в отца, а вот Селина удалась в бабушку, которая уродилась достаточно красивой, чтоб из дочки тесемочника подняться до любовницы графа Крединьи, и достаточно умной, чтоб удерживать при себе богатого вельможу более сорока лет.

Луиза Арамона вздохнула – дурой она себя не считала, но внешностью ее Создатель обидел. Правда, наградивший дочь страшной рожей и кривыми ногами отец озаботился купить ей мужа, пусть и дрянного. Они с Арнольдом терпеть друг друга не могли, но прижили пятерых детей и немалое состояние, а теперь супруг пропал, да еще как-то странно. Его искали, но капитан Арамона как сквозь землю провалился. В глубине души Луиза полагала, что так оно и было – отпечатки лошадиной подковы без единого гвоздя ни с того ни с сего не появляются.

Как бы то ни было, жизнь в Кошоне стала невыносимой – сплетни, слухи, лицемерное сочувствие соседок и, самое главное, дом. Дом, которого Луиза боялась как огня и который никто не желал покупать даже за полцены. Решение все бросить и уехать, принятое капитаншей у пустой, холодной кровати, оказалось не так-то просто осуществить. Особенно после того, как она отдала сбережения Арамоны церкви.

Луиза написала матери. Та ответила, что примет дочь и внуков, но переехать в Олларию означало перестать быть себе хозяйкой. Остаться в Кошоне? Трястись по ночам от страха? Видеть, как хорошенькую Селину избегают подруги, а почтенные горожанки, у которых были взрослые сыновья, заприметив семейство пропавшего капитана, переходят на другую сторону улицы? Нет, новый дом не спасет, нужно бежать хотя бы ради детей. Селина заслуживает хорошего мужа, а Герард мечтает стать гвардейцем. О будущем младших детей думать рано, но с Циллой, пока не поздно, нужно что-то делать.

То ли вдова, то ли брошенная жена отложила шитье. Вечерело, слуги уже ушли. Луиза платила очень хорошие деньги, но на ночь в доме рисковал оставаться только привратник, большой любитель касеры, и кормилица Селины и Герарда, утыкавшая все стены заговоренными иголками. Луиза собралась с духом и отправилась проверять, все ли в порядке. Она обошла весь дом, начиная с подвала, проверила запоры на дверях и окнах – все было как обычно, но госпоже Арамоне было страшно. По натуре бережливая, в последнее время она не жалела свечей, которые горели всю ночь везде, кроме наглухо запертой мужниной спальни. Луиза понимала, что о горящих свечах и обмотанных разноцветными нитками иголках знает весь Кошоне, но спать в темноте она не могла. Раньше женщину бесило суеверие Денизы, теперь капитанша позволяла кормилице делать все, что та считала

нужным. Не то чтоб Луиза верила в заговоренные шелковинки и рябиновые ветви, но хуже от них точно не было.

В кухне и кладовых все было спокойно, даже слишком. Раньше в доме держали нескольких кошек, но они исчезли вместе с Арнольдом, а новые не приживались. Даже жалкие, подобранные на помойке котята отказывались есть и орали, пока им не отворяли двери, после чего пулей вылетали из сытного и теплого дома.

Нет, так дальше продолжаться не может! Конечно, норов у маменьки тяжелый, из пятерых внуков она любит лишь двоих старших, а Циллу чуть ли не ненавидит, но из дома в Олларии хотя бы кошки не разбегаются. Луиза провела рукой по чисто протертому столу и вышла на лестницу. Как тихо! Раньше она прилагала немало усилий, чтобы заставить свой выводок вести себя смирно, теперь предпочла бы, чтобы дети безобразничали и орали, а не жались по углам.

В комнатах сыновей было пусто – Герард и Жюль сидели с сестрами. Луиза тихонько остановилась на пороге маленькой гостиной, куда выходили спальни девочек. На первый взгляд все хорошо – Селина и Амалия вышивают, Люцилла, надув губы, смотрит в угол, Герард чинит разорванную цепочку, а Жюль, закатив глаза, рассказывает о победе в Варасте.

– Я увижу Ворона, когда пойду служить в гвардию, – твердо сказал старший, оторвавшись от своей работы.

– Маменька, – пискнула Амалия, – а вы видели маршала? Он в самом деле похож на Леворукого?

– Замолчи! – Луиза сама испугалась, услышав свой голос. – Не говори ерунды! Герцог Алва очень красивый и учтивый кавалер, у него синие глаза и черные волосы.

– И он лучший в мире фехтовальщик, – добавил Жюль. – Его наш батюшка учил.

Да уж, учил он, горе луковое… Скорее, это Ворон его учил, вернее, проучил. Луиза видела красавца-герцога всего два раза, но этого хватило, чтоб понять – в мире есть счастье, доступное лишь тем, кто его недостоин. Например, Катарине Ариго.

– Вы, без сомнения, увидите герцога Рокэ Алву, так как мы скоро переедем к бабушке в Олларию.

– Виват! – завопил воинственный Жюль. Герард укоризненно взглянул на младшего брата, но, без сомнения, был рад и счастлив. Селина очаровательно потупила глаза, Амалия расплылась в улыбке, а Цилла выпалила:

– Ненавижу бабушку! Старая жаба!

– А ты – молодая, – огрызнулся Жюль.

– Замолчите оба! – прикрикнула Луиза. Цилла становится невозможной, а с такой внешностью нельзя быть вспыльчивой и тем более нельзя выказывать ненависть бабушке и деду, от которых зависит все. Арнольд хотя бы понимал, что нельзя поднимать хвост на своих благодетелей!

– Маменька, – Селина отложила вышивание, – а когда мы переедем?

– Вещи начнем собирать завтра, – приняв решение, Луиза Арамона не имела обыкновения тянуть.

– Хорошо, – улыбнулась дочь, – а то нас тут боятся.

– Не хочу ехать, – заявила Цилла, – и не поеду. Никуда. Я буду ждать папеньку…

– Дура, – взвился Жюль, не терпевший сестру.

– Зачем ты так? – Селина улыбнулась Цилле. – Мы все его ждем, но он уехал.

– Потому что вы его ненавидели. Все!

– Зачем ты так? – повторила Селина. – Я его любила.

– Врешь, гадючка! – Цилла схватила с таким трудом соединенную Герардом цепочку и изо всей силы рванула. – Вот тебе! Вот! Вот! Вот!

Это было уже слишком. Луиза от души залепила визжащей дочери оплеуху и выволокла из комнаты:

– Ночевать будешь в синей спальне. Одна!

– Дура, – пискнула маленькая дрянь, – кривоногая дура! Все из-за тебя!

Луиза отвесила дочери еще одну пощечину – слов у нее не нашлось, а показывать слезы было не в ее правилах. Но если Цилла посмеет так вести себя при бабушке…

Женщина впихнула ревущую девчонку в комнату, предназначенную для гостей, и дважды повернула в замке ключ. Цилла заслужила наказание – за ленту, ссору с Селиной, порванную цепочку и гадкие слова про бабушку и мать, но Луиза старалась быть справедливой и, вернувшись, хорошенько отчитала Жюля. Тот угрюмо отмалчивался, было видно, что сынок считает себя кругом правым, и вообще-то так оно и было – в Циллу после исчезновения Арнольда словно сам Леворукий вселился со всеми своими кошками. А то ли еще будет, когда девчонка осознает свое уродство. Луиза помнила, как когда-то просидела всю ночь перед зеркалом, с ужасом понимая, что это – ее лицо и ей с ним жить, но ей повезло хотя бы с зубами и волосами, а у бедняжки Циллы нет и этого.

Расчувствовавшись, капитанша чуть было не пошла к дочери, но вспомнила, что нужно быть твердой, и вернулась в спальню. Маменька не потерпит злобных выходок, особенно по отношению к Селине. Если Цилла не может изменить свой норов, пусть хотя бы боится наказания.

Чтобы хоть как-нибудь отвлечься, Луиза принялась разбирать старые вещи. Как их, оказывается, было много. Женщина перетряхивала сундук за сундуком, вытаскивая мелочи, о которых давным-давно забыла. Когда часы пробили полночь, она сидела на полу в окружении старых девических безделушек, самозабвенно нанизывая рассыпавшиеся много лет назад розовые бусы.

2

Кто-то изо всех сил колотил в дверь молотком. Не вор, воры не стучат. Может, известие от матери или господина графа? Луиза, хотя и была осведомлена о своем благородном происхождении, с детства привыкла называть отца «господин граф».

Женщина отложила недонизанные бусы, накинула расписную алатскую шаль и вышла из спальни. Ночной гость барабанил как сумасшедший. Пьян? Куда только смотрит привратник?! Наглецу платят не за то, что он пьет касеру! Луиза Арамона кипела, у нее чесались руки распахнуть дверь и высказать придурку все, что она думает о его поведении, но в прихожей стояла очень бледная Селина. Услышав шаги, девушка как-то странно всплеснула руками и бросилась матери на шею, ее била дрожь, а глаза расширились от ужаса.

– Кто там? – Луиза, стараясь держаться спокойно, обвела глазами прихожую в поисках какого-нибудь оружия. Где-то в доме были пистолеты, а в кухне есть топор и разделочные ножи.

– Пппп, – с посиневших губ дочери срывались непонятные, пугающие звуки, и капитанша силой усадила девушку на покрытый старым гобеленом сундук. Распахнулась дверь, появился Герард. Слава Создателю, парень озаботился прихватить топорик.

– Что такое? – Голос у старшего все еще ломался, иногда он говорил чуть ли не басом, иногда визжал, как поросенок. Из-за спины брата выглядывал растрепанный Жюль.

– Сейчас посмотрим, – улыбнулась Луиза, порываясь отойти от дочери, но та вцепилась в нее мертвой хваткой:

– Там папппенька… Паппенька!

Луиза почувствовала, как у нее подкашиваются ноги, но нашла в себе силы сделать четыре шага и глянуть в зарешеченное дверное окошечко. Капитан Арнольд Арамона собственной персоной стоял на крыльце родимого дома. Луиза видела круглое, обрюзгшее лицо, выпученные глаза, надвинутую на глаза шляпу. Супруг тоже узрел дражайшую половину и прорычал:

– А ну, отворяй! Распустилась тут!

Этот скот проболтался невесть сколько времени под юбкой у какой-то дряни, потерял место, выставил семью на посмешище, а теперь чего-то хочет! На смену ужасу пришли

ярость, обида и сожаление об отданных священнику золотых. Луиза уперла руки в боки и выпалила:

– Убирайся откуда пришел. Для нас ты – покойник, нечего тебе в доме делать! Ноги твоей здесь не будет. Пшел на кладбище, хряк поганый!

– Луиза, – Арамона сменил гнев на заискивание. Такое с ним бывало и раньше. – Ну что ж ты так… Я больше не буду… Ну, давай жить, как люди… Пусти, а?

Покорность провинившегося лишь подлила масла в огонь. Луиза очень долго молчала, зато теперь… Разъяренная женщина к полному восторгу Жюля выплеснула на голову блудного мужа все, что о нем думала последние девятнадцать лет. Арамона в ответ лишь переминался с ноги на ногу и бубнил, чтобы его простили и пустили.

– Не буду… Брошу пить… Ты у меня одна… Я понял… Там у меня ничего не вышло… У нас дети… Дорогая… Отопри…

Гнев Луизы понемногу иссякал. В конце концов, этот урод и впрямь был ее мужем и отцом ее детей. Если он вернется, соседи, конечно, позубоскалят, но на них перестанут глядеть как на прокаженных, можно будет остаться в Кошоне, а Цилла и впрямь любит старого поганца. И вообще, повинную голову меч не сечет.

– Все! – талдычил свое раскаявшийся грешник. – Точно говорю… Все! Это в последний раз… Хочу домой… Отопри, Лу! Куда я пойду?

– И впрямь, кому ты нужен, – согласилась Луиза, поворачивая ключ и распахивая дверь. Почти прощенный супруг переминался с ноги на ногу, но в дом не шел.

– Все, – изрек он наконец. – Точно… Там отрезано. Пусти, а?

– Да кто ж тебя не пускает? – рявкнула жена. – Встал на пороге, ровно обормот какой…

– Пусти, – тянул свое Арнольд. – Домой хочу… Ну… Того… Сняла бы ты это… Устал я… Холодно…

– Так чего ты без плаща шляешься, если холодно? – спросила Луиза. Почему он не заходит? Святая Октавия, какой он бледный! Да он совсем замерз…

– Мама, – шепот Селины был страшней любого крика, – мама, у папеньки нет тени!

Создатель, она права! Ноги Луизы приросли к полу, но Герард оказался проворней. Отпихнув мать с дороги, он бросился затворять дверь, но не успел. Арамона вцепился в створку, раздался треск и грохот, толстые доски переломились, как солома. Капитан рванулся вперед, как бык, но что-то его остановило – и без того выпуклые глаза вовсе вылезли из орбит, мышцы на шее вздулись, но обычно красное лицо осталось творожисто-бледным. По роже Арнольда можно было подумать, что он удерживает гору, хотя перед ним и обомлевшими домочадцами не оказалось даже пустого мешка.

– Святая Октавия, – шептала Луиза, прижимая к себе Жюля. Герард снова схватился за свой топорик, Селина молча глядела исподлобья. Арамона продвинулся на шаг и вновь замер.

– Именем Четверых, – вопль ворвавшейся кормилицы разогнал жуткую звенящую тишину, – убирайся, откуда пришел. Четыре молнии тебе в рыло, четыре ветра в зад, башкой тебя о четыре скалы, и четырьмя волнами сверху! А ну, сударыня, брысь!

Луиза торопливо отступила, давая дорогу Денизе. Та выскочила из прихожей и тотчас вернулась, таща четыре свечи. Арамона прорычал что-то непонятное, злое, древнее, как сама смерть. Кормилица, не глядя на рвущееся в дом чудовище, все еще похожее на исчезнувшего Арнольда, сунула по свече Луизе, Селине и Герарду и высекла огонь.

– А ну, давайте, – женщина подняла свечу и забормотала: – Пусть Четыре Волны смоют Зло, сколько б его ни было. Уходи!

– Пусть Четыре Ветра развеют тучи, сколько б их ни было, – прошептала Селина, поднимая свой огонек. – Уходи!

– Пусть Четыре Молнии падут четырьмя мечами на головы врагов, сколько б их ни было, – твердо произнесла Луиза. – Уходи! – Оказывается, она помнит эти слова, всегда помнила.

– Пусть Четыре Скалы защитят от чужих стрел, сколько б их ни было, – выкрикнул

Герард. Свеча в руке мальчика казалась кинжалом.

– Я… – Арамона торопливо отступал в ночь, – я… Я не хотел. Холодно… Меня заставили… У меня ничего не вышло…

3

Потолок наклонился влево, потом вправо, потом закружился, из углов пополз туман, Луиза отчетливо почувствовала во рту привкус железа, и все куда-то пропало, а потом появился запах. Отвратительный, навязчивый. Так пахнут горелые перья. Пожар? Или кто-то палит курицу? Какая мерзость! Женщина открыла глаза, над ней нависала Дениза:

– Очнулись, сударыня?

– Где… Где он?

– Убрался… Хорошо, я над входом рябины натыкала, да и вы его не пустили…

– Я открыла…

– Открыть-то вы открыли, но по имени не позвали, а им без зова никак не войти.

– Им?

– Им! – назидательно сказала Дениза. – Выходцам, стало быть… Одно скажу – помер он, это точно. И погано помер, потому и шляется!

– Он вернется?

– Куда ему деваться, – сплюнула кормилица, – будет таскаться, пока своего не добьется или пока срок ему не выйдет. Он четыре раза по четыре заявится, да и отстанет, ежели ему ничего не обломится.

– А уехать? В Олларию?

– Выходцу что Оллария, что Кошоне – все едино! Он за вами приходил. Выходцы, они всегда так – норовят всех сродственников кровных да полюбовников за собой утянуть. А Леворукий-то и рад! Да вы вставайте, сударыня, чего на полу сидеть-то… Сегодня он не придет…

– Надо вызвать плотника, – сказала Луиза, с помощью Герарда поднимаясь на ноги, – надо обязательно вызвать плотника и починить дверь.

– Мама, – прошептала Селина, – если он придет еще раз, я умру.

– Ты помрешь, если его впустишь и позволишь себя поцеловать, – рявкнула Дениза. – Надо будет за осокой сходить, осока – она от выходцев хорошо помогает… Раньше я не знала, от чего беречься, теперь мы его, голубчика, ущучим. Только вот чего! Как он припрется, всем надо в одной комнате собраться, запалить четыре свечи и не слушать, что бы он ни вопил. Покричит, повоет да и уйдет. Нет у него такой власти – без спросу в дом входить!

– Все равно нужно уехать, – покачала головой Луиза, – и к исповеднику сходить.

– Толку-то, – махнула рукой Дениза, – вот эсператисты, те в нечисти понимали, а наши… Но похоронный молебен заказать надо, а то не по-людски будет, все ж таки человек был.

– Закажем, – пообещала вдова. Тошнота ее еще не отпустила, да и в ушах звенело, но женщине стало легче. Теперь она знала и то, что Арамона мертв, и то, что он постарается утянуть с собой и ее с детьми, и своих дур-любовниц. Надо предупредить эту, как ее, Жавотту. Она, конечно, еще та тварь, но не бросать же живую душу на растерзание упырю. Откроет дверь любовнику – и все! А у нее родичи есть, сестра, племянники, они-то уж точно ни при чем. Луиза вспомнила страшные рассказы, в которых выходцы опустошали целые деревни и города. В детстве она боялась, потом перестала, а все оказалось правдой.

– Дениза… – Святая Октавия, как болит голова, она, наверное стукнулась об угол сундука. – Поставь воды… Я хочу выпить шадди.

– И, сударыня, – Дениза вздохнула, она любила вздыхать, – тут шадди не обойдешься, а травкой этой кагетской тем более. А вот касера…

– Хорошо, давай касеру, это и впрямь не повредит.

– Я, мам, тоже выпью, – высунулся Герард.

– А, – махнула рукой Луиза, – пожалуй. Только Жюля отведи в спальню. Селина, тебе надо в постель.

– Хорошо, – прошептала девушка, – он… Он за мной приходил.

– Не за тобой, – отрезала Дениза, – а за первым, кто его по имени позовет.

– Мама, – на пороге стояла растрепанная Амалия, – мне страшно!

– Всем страшно, – буркнул Герард.

Да, всем страшно. А Цилла одна в пустой комнате! Как она могла забыть о дочке! Луиза, все еще пошатываясь, бросилась в коридор. В синей спальне было тихо – девочка спала и ничего не слышала, а то подняла бы крик. Циллу теперь нельзя ни минуты оставлять без присмотра, если кто и может открыть дверь Арнольду и позвать его, это она.

Луиза осторожно отперла дверь, противно скрипнули ржавые петли. Святая Октавия, она совсем забросила дом, надо завтра же смазать все двери. В лицо пахнуло затхлой сыростью, словно из погреба. Было темно и тихо, слишком тихо. Луиза подняла повыше свечу и закричала.

Циллы в спальне не было. Не было никого. Казалось, комната простояла запертой не одну зиму. Синяя ткань, которой были обиты стены и которая и дала название спальне, истлела и висела грязными, мокрыми клочьями, доски под ногами сгнили и покрылись осклизлым налетом, влажные простыни покрывали отвратительные пятна, а три банкетки казались обтянутыми бурым мехом, который на поверку оказался плесенью. Луиза ухватилась за мокрый дверной косяк, свеча вывалилась из подсвечника и погасла, но женщина этого не заметила. Цилла! Ее уродливая, злая, крикливая дочка, ее девочка! Где она? Что с ней? Святая Октавия, да сделай же что-нибудь! Верни мне Циллу, она же ни в чем не виновата. Ей всего семь, дети не могут быть виноваты!

– Ой, сударыня!

Кто это? Дениза! Что ей надо? И где Цилла?

– Уволок он ее, – кормилица всплеснула руками, – как есть уволок! То-то он так быстро удрал… Выходцы, они хитрые. Понял, что мы его не пустим, так он к малой сунулся, а она окно и открой. Сам-то он войти не смог, дите неразумное его папенькой зовет, а не по имени нареченному. Короче, поцеловал он ее, и она с ним ушла. Ой, сударыня, теперь вовсе худо! Вы даром что с понятием, а мать она и есть мать. Как придет дочка под окно и будет плакать, вас же за руки держать придется.

– Я буду держать, Дениза, – пробормотал Герард, – гвардейцам выходцы не страшны!

Может, гвардейцам и не страшны… Арнольд пришел и увел Циллу. Теперь ее тоже нет, есть выходец. Выходец, который будет плакать под окнами, кричать, звать мать, жаловаться на холод и голод, но она не должна отзываться. Не должна, потому что ее четверо детей еще живы, ради них она выдержит.

– Дениза, что делать с комнатой?

– Запереть. Завтра я наберу осоки и все ею забросаю. А сейчас поставим четыре свечки и пойдем, негоже гнилью этой дышать… Ох, Четверо Заступников, оберегите и сохраните! Вот беда-то!

Она что-то шептала, плевалась, приносила и зажигала свечки, дети ей помогали, а Луиза все цеплялась за подгнившее дерево и смотрела на пустую кровать. Если б она не наказала Циллу, та бы была с ней. Она ушла с отцом, потому что ненавидела всех, кроме него. Нет, все не так! Она погибла, потому что ее мало любили…

Глава 4
Фрамбуа и Оллария
«Король Мечей» & «Восьмерка Мечей»

Ричард не меньше часа провел у зеркала, решая, стянуть ли ему волосы по-варастийски, расчесать на прямой пробор, как это делал Савиньяк, или отбросить назад по примеру своего эра. К несчастью, темно-русая шевелюра Дика, что он с ней ни делал, никак не желала производить нужное впечатление. Еще одной неприятностью стало истрепавшееся перо на шляпе, и, разумеется, в последнее мгновение у плаща ослабла застежка. Выручил Эмиль, ссудив молодого человека и пером, и пряжкой. Ричард был искренне благодарен брату Арно.

С этой минуты все пошло как по маслу. Довольный собой и миром Ричард спустился во двор «Талигойской звезды». Оставалось выбрать лошадь. Рокэ сдержал свое обещание, и, когда они проезжали Линарэ, купил оруженосцу белоснежного коня. Бьянко был неописуемо красив, отличался великолепным ходом и покладистостью, но Сона Ричарду была дороже. Они вместе скакали навстречу врагу, замирали от ужаса над обезумевшим потоком, блуждали по ночной степи. Сона была другом, Бьянко – всего лишь породистым жеребцом, на которого оборачивались прохожие.

Год назад Дик отдал бы за красивого линарца десять лет жизни, сейчас свои страдания из-за невзрачности Баловника он вспоминал со стыдом. Чужие насмешки для герцога Окделла теперь не значили ничего, ну, или почти ничего.

Ворон лишь усмехнулся, увидев, что Ричард продолжает ездить на вороной кобыле, а Эмиль Савиньяк заметил, что выбор Дика делает честь не только его сердцу, но и уму – даже самый лучший линарец никогда не сравнится со средним мориском. Осмелевший оруженосец попросил эра забрать Бьянко и, если можно, оставить ему Сону.

– Она и так твоя, – махнул рукой Проэмперадор, – девочка тебя приняла, так что все в порядке, а запасной конь никогда не помешает. У тебя, кажется, есть сестра, лучшего подарка для невесты не найдешь!

Айрис будет в восторге, у нее никогда не было такой красивой лошади, да и откуда бы! На деньги, которые Рокэ отвалил за Бьянко, Повелители Скал жили полгода. Дикон каждый день навещал белоснежного красавца, представляя, как заблестят глаза Айрис. Правда, оставалось объяснить матушке и Эйвону, откуда у него Бьянко. Юноша боялся, что герцогиня Окделлская, узнав, как попал к ее сыну конь, запретит дочери его принять. Сказать, что он выиграл жеребца? Матушка не одобряет азартных игр. Может, выдать Бьянко за военный трофей? Ричард с сомнением смотрел на двух лошадей – черную и белоснежную. Так Сона или Бьянко? Если б знать вкусы Катари…

Из дверей торопливо выскочил папаша Эркюль и остановился, придерживая тяжелую створку, которая и не думала закрываться. Трактирщик с обожанием смотрел на Проэмперадора, за которым следовал раскрасневшийся Манрик.

– Рокэ, – генерал-церемониймейстер говорил столь же громко и недовольно, как Жиль Понси, – существуют неписаные законы. Победитель въезжает в столицу на белом коне. У ворот Олларии нас ждут люди с подходящим жеребцом…

– Хватит, Фридрих, – Рокэ небрежно взмахнул перчатками, – мне и до писаных-то законов дела нет, а уж до неписаных! С тем, что к любой удаче присасываются десятки двуногих, не имевших к ней никакого отношения, ничего не поделаешь, но лошадей со стороны я не потерплю.

Святой Алан, Рокэ прав! Воина украшают победы, а не вышитые плащи и разукрашенные перьями скакуны, тем более Их Величества ожидают победителей не на улице, а в Большом Тронном зале. Ричард решил – он поедет на Соне. В конце концов это очень хорошая лошадь. Очень! Плохих в конюшне Ворона просто не было.

Фридрих Манрик возмущенно пожал плечами и отошел, а Рокэ вскочил в седло. В черном маршальском камзоле, отороченном пеной аратских кружев, с двуцветной лентой через плечо, в белом плаще с гербом Олларов и белой же шляпе с черным пером Ворон был великолепен, равно как и Моро. Мориск рыл покрытую инеем землю и злобно косился на других лошадей.

– Я бы посоветовал Манрикам и другим достойным людям воздержаться от общения с

Вороном, – заметил Савиньяк, хватая своего рыжего за гриву.

Дик бросил взгляд на герцога. Тот ослепительно улыбался.

– Не туда смотришь, – хмыкнул кавалерист, – Рокэ скрытен, как Леворукий, но Моро готов всех разнести по кустам, а это верный признак – черный змей чует хозяина, как никто. Хотел бы я знать, что с Вороном такое. Вчера был человек человеком, а сегодня не ровен час кого-нибудь убьет.

А вот Ричард ничего знать не хотел, он был слишком счастлив, чтобы думать о неприятностях. Слова Савиньяка вылетели у юноши из головы, едва он занял свое законное место рядом с Проэмперадором Варасты. Рокэ дружелюбно кивнул оруженосцу, он казался вполне довольным, а Моро просто выказывает норов. Мориск не любит, когда рядом незнакомые кони, а всадник тут ни при чем.

Распахнулись ворота, и блистательная кавалькада потянулась по радостно вопящей улице. Заворачивая за угол, Ричард бросил прощальный взгляд на «Талигойскую звезду». Юная Октавия задумчиво смотрела вдаль, она ждала свою любовь и надеялась на счастье, а Ричард Окделл на него не надеялся, потому что был счастлив здесь и сейчас.

2

Матушка и отец Маттео предостерегали от тщеславия и гордыни, но когда герцог Окделл конь о конь с Первым маршалом Талига вступил в Олларию, он был горд. Столица упивалась победой – горожане толпились на улицах, орали, махали руками и платками, подбрасывали в воздух шапки, шляпы и чепцы, звонили во множество украшенных разноцветными лентами колокольчиков. Им отвечали большие колокола на храмах и сторожевых вышках, балконы и окна домов украшали трепещущие на легком ветру ленты, на воротах висели гирлянды из туевых ветвей, в которые были вплетены восковые и бумажные цветы, издали мало чем отличавшиеся от настоящих.

Короткий заблудившийся между осенью и зимой день неотвратимо кончался, солнце клонилось к западу, окрашивая легкие облака в нежно-розовые и сиреневые тона. Скоро на перекрестках зажгут костры, веселые и добрые по случаю праздника стражники выкатят жителям доброго города Олларии бочки с вином, и начнется недельный праздник.

Кавалькада миновала город Франциска, затем Новый город, переставший быть таковым четыреста лет назад, но сохранивший название, и, наконец, Старый. Расцвеченный флагами и венками из пунцовых королевских гвоздик Ружский дворец остался слева, впереди замаячила Фабианова колонна. Во времена Раканов ров, в который поступала вода из Данара, отделял обиталище талигойских королей от города, в котором жили простые смертные, но Франциск Оллар решил, что это неправильно.

Узурпатор повелел снести часть укреплений и засыпать ров, на месте занимавшего северную часть Цитадели аббатства вырос Новый Дворец, а старый, кроме речного крыла, вписанного гайифскими зодчими в новую постройку, снесли. Спустя двести лет разобрали обветшавшие резиденции глав Великих Домов, перестроили королевский храм, а место толстых каменных стен заняли изящные кованые решетки.

От Цитадели Раканов осталось лишь несколько зданий, но всякий раз, когда Сона ступала на древние четырехугольные плиты, сердце Дика начинало биться сильнее. Сколько крови и слез, побед и поражений, подвигов и предательств помнили эти камни!

Ричард Окделл еще выше поднял врученный ему по приказу генерала-церемониймейстера штандарт Проэмперадора. Сын Эгмонта Окделла отнюдь не чувствовал себя униженным – наоборот! Они выиграли войну, сражаясь под этим знаменем, а человек, которому оно принадлежало, был лучшим полководцем Талига и всех Золотых земель.

Звонкий голос труб, гром пушек, стройные ряды гвардейцев, черно-белые ковры, устилающие пологую лестницу, двери Нового Дворца, распахнувшиеся в тот момент, когда победитель миновал внутренние ворота и осадил коня. Почести пьянили не хуже старого кэналлийского. Дик спрыгнул с Соны, даже не взглянув, что сталось с его любимицей, и

передал знамя подбежавшему гвардейскому офицеру. Рокэ ничего не сказал оруженосцу насчет церемонии, но Окделл решил не отставать от эра. Может, он и погрешит против этикета, но зато увидит свою королеву.

Дик думал, что они повторят путь, которым шли в день именин Ее Величества, но на этот раз все было иначе. Вдоль парадной, застланной белым бархатом лестницы, застыли гвардейцы. Придворные не толкались на пути, а чинно стояли вдоль стен, никому и в голову не пришло заговорить с идущими. Рокэ и его офицеры проходили зал за залом, перед ними, словно по мановению волшебного жезла, распахивались массивные двери, а впереди сиял огнем тысяч свечей Большой Тронный зал. Там Дик еще не был, там вообще мало кто бывал.

Обычно огромное помещение стояло закрытым, а все церемонии проводились в Малом и Среднем Тронных залах, но победу в Варасте сочли достойной Большого. Ричард издали заметил возвышение, где на двойном троне восседали мужчина и женщина в черном и белом. Король и королева! Зал был полон народа, чуть сбоку от Их Величеств стояло кресло кардинала, а за троном замерли капитан Личной королевской охраны и комендант Олларии в парадных мундирах, но юноша видел только Катари.

Королева была в черной отороченной горностаевым мехом мантии и белоснежном платье, а на шее у нее горела тревожная алая звезда. Ричард сразу узнал подарок Рокэ Алвы. Катари надела его не потому, что была тщеславна, – это был знак признательности победителю, признательности и… любви. Сердце Ричарда сжалось, но не от ненависти, а от грусти.

Все было правильно – сердце Прекрасной Дамы принадлежит Непобедимому Воину. Это закон, и это справедливо.

Все замерло. Торжественную тишину нарушал лишь треск свечей и, так по крайней мере казалось Ричарду, стук его собственного сердца. Дик видел, как дрогнули ресницы Катарины Ариго, в своих тяжелых одеяниях она казалась особенно хрупкой и нежной, такой же, как святая Октавия… Трактирный художник сумел поймать это неуловимое обреченное очарование, а придворные живописцы старательно изображали парчу и жемчуга, но не задумывались о душах тех, кого рисовали.

3

Находящиеся на верхней галерее музыканты грянули «Создатель, храни Олларов». Фердинанд вздернул голову – этот король любил царствовать, хотя и не стремился править.

– Рокэ герцог Алва, Проэмперадор Варасты, Первый маршал Талига, подойдите к нам.

Ворон красивым упругим шагом подошел к трону и изящно преклонил колено, глядя на сюзерена снизу вверх.

– Мы, Фердинанд Второй, – Зеленоглазый знает, что чувствует победитель, но Фердинанд прямо-таки лучится гордостью, – награждаем Рокэ Алву, герцога кэналлийского и марикьярского, орденом Святой Октавии.

Катарина Ариго вскочила, на мгновение застыла на краю возвышения, затем робко, словно опасаясь упасть, спустилась по восьми пологим ступеням, взяла с алой бархатной подушки, которую держали две юные девицы, бриллиантовую звезду на синей ленте, торопливо надела на шею своего любовника и поцеловала его в лоб.

Лицо королевы стало пунцовым, словно гвоздика. Алва поднес к губам край платья Ее Величества, а затем поцеловал длинные хрупкие пальцы, сохранив полное спокойствие. Сильвестр не понял, маршал ли задержал руку Катарины во время поцелуя или же королева помедлила, отнимая ее. Зато потом страдалица за отечество не мешкала, грациозно бросившись к блаженно улыбающемуся супругу.

Музыканты сыграли «Талигойскую звезду», во дворе выстрелили из пушек. Орден Святой Октавии – последний из пяти высших талигойских орденов, которого еще не было у Ворона. Награда королев и память о королеве, чья кровь течет как в жилах Олларов, так и в жилах Алва. Потомки одной и той же женщины, как же они непохожи! Фердинанд хотел

учредить новый орден, достойный подвигов Ворона, но Его Высокопреосвященство счел, что лучше повременить – Кагета еще не Гаифа и не Дриксен, тем более Алву ждет еще одна награда, куда более ощутимая.

Вновь поднявшийся Фердинанд провозгласил, что Проэмперадор Варасты становится герцогом варастийским и Сагранским. Титул ничего не менял, Рокэ Алва и без него был единственным человеком в Талиге, которого варастийцы и новоявленные горные союзники не осмелятся ослушаться. Ворон являлся полноправным хозяином спасенной им провинции не только по праву меча, но и по праву крови. Сейчас мало кто помнит, что до принятия эсператизма Вараста принадлежала Повелителям Ветров, затем давшие провинции свое имя герцоги Борраска вымерли от морового поветрия, а их земли были заброшены и прокляты.

Тогдашний Эсперадор рассудил правильно – зараза может ждать своего часа веками, а что лучше сдержит верующих, чем церковное вето? Причина давно забыта, а старый запрет живет, становясь чем-то бóльшим, чем любой закон, подписанный любым властителем. Вернул опустевшие земли к жизни Франциск Оллар. Он рисковал, срывая древние печати, – пронесло, зараза не проснулась…

Музыканты сыграли новый марш под названием «Триумф Рокэ Алвы». Маэстро Алессандри слыл отменным музыкантом, а в его столе всегда лежало несколько гимнов, реквиемов и каприччо, которым не хватало только названий. Когда было нужно, Алессандри пускал шедевры в ход, клянясь, что создал их за одну ночь под воздействием потери, победы или очарования какой-нибудь красавицы. Это было разумно – понятливые музыканты укрепляют трон. Так же, как художники, драматурги, поэты…

Кардинал начал осторожно разминать затекшие суставы, чтобы, поднимаясь, не произвести впечатления старой развалины. Церемония прошла успешно. Сейчас Алва произнесет несколько ритуальных фраз, в том числе попросит наград для своих сподвижников, а Его Величество пообещает не забыть никого и ничего. И не забудет – указы готовы. Осталось их подписать, что и будет проделано утром в присутствии иноземных послов. Герои Варасты станут героями завтрашнего дня, потом придется встречать бакрийское и кагетское посольства, но на сегодня, хвала Леворукому, все. Следовало бы обсудить с Рокэ подробности его похождений, но это ждет.

Кардинал почувствовал, что смертельно устал, а ведь он не трясся полдня в седле, как Алва и Савиньяк. Рокэ – железный, но надо полагать, даже он вряд ли этой ночью порадует королеву. А это еще что такое?!

Его Величество Фердинанд, вместо того чтоб величавым жестом отпустить присутствующих, встал сам. Король явно что-то придумал, чем и гордился. В последнее время он слишком часто что-то придумывает!

– Рокэ из Кэналлоа, – Фердинанд отчего-то пошел не вперед, а назад, втиснувшись между собственным троном и стеной, – мы наградили тебя как талигойского герцога. Мы наградили тебя как Проэмперадора Варасты, но Первый маршал Талига еще не получил свою награду.

Наш великий предок Франциск в память о крови, пролитой за него Первым маршалом Талига Рамиро Алвой, учредил ритуал вступления преемников Рамиро в должность. Пять лет назад ты перед лицом Создателя поклялся кровью быть щитом Талига и отдать жизнь за жизнь короля. Ты верен клятве, как были верны ей твои великие предки.

Увы, в Талиге нет воинского ордена, достойного твоей доблести и твоей верности, но мы, Фердинанд Второй Оллар, даруем тебе и в твоем лице всему роду Алва право носить меч талигойских королей и назначаем тебя его хранителем!

Фердинанд, слегка привстав на цыпочки, потянул из ножен висевший за троном меч Раканов. К счастью, дворцовые слуги свое дело знали, так что обошлось без паутины. Зачем привыкшему к шпаге Ворону нужна старинная, грубо откованная железяка, Фердинанд, разумеется, не подумал.

Тяжело ступая, король потащил реликвию вниз к коленопреклоненному маршалу. Тот, надо отдать ему справедливость, принял древнее оружие из монарших рук со всей

возможной почтительностью.

– Государь, моя кровь и моя жизнь принадлежат Талигу и его королю!

Ручка королевы коснулась руки Его Величества, Фердинанд поднял голову, готовясь к новой торжественной речи, но его прервал раздавшийся с улицы многоголосый вопль, никоим образом не похожий на здравицу в честь победителей. Слова замерли на губах короля, Оллар растерянно повернулся в сторону доходивших до пола окон, занавешенных пунцовым шелком.

Крик не смолкал, потом громко ударил набатный колокол. Катарина схватилась за цепочку на шее, словно та ее душила, сзади взвизгнула какая-то придворная дама, а Рокэ, отпихнув разряженного в желтое старика, рывком распахнул балконную дверь и вышел в пылающий закат.

В Тронный зал ворвался ледяной осенний ветер, занавеси вздулись, как паруса безумного фрегата, вновь кто-то истерично вскрикнул, всколыхнулось и заметалось пламя свечей. Ричард Окделл, расталкивая ошалевших придворных, бросился за своим эром, на ходу вытаскивая шпагу. Бедный Штанцлер, он так рассчитывал на сына Эгмонта, а юнец не устоял перед воинской славой! Волчонок жмется к ногам Рокэ, если так пойдет и дальше, с враждой Алва и Окделлов будет покончено, но что все-таки случилось? С кардинальского места были видны лишь колеблемые ветром занавеси и несколько искаженных ужасом лиц. Некоторые вещи нужно видеть самому.

Его Высокопреосвященство, сохраняя собственное достоинство, не медленно, но и не быстро проследовал к распахнутым дверям и вышел на балкон, где уже топталось десятка полтора человек. С ними все было в порядке, ничего страшного не происходило и на земле, а вот небо, вернее, солнце сошло с ума. Низкое, предзакатное, оно оказалось внутри двух радужных кругов, сверху и снизу к которым примыкали блестящие полукружия. Ровно посредине солнечный диск прорезала странная белая полоса. Там, где она пересекала круги, сияли еще четыре солнца, их бока, обращенные к главному светилу, были красны, как раскаленное железо, над бóльшим кругом виднелись туманные очертания короны, а внизу проступало что-то, напоминавшее сверкающий щит.

Солнце медленно склонялось к кромке дальнего леса, становясь по-вечернему алым. Из-за ложных солнц протянулись длинные и узкие световые столбы с поперечными перекрестьями, напоминающие гигантские рыцарские мечи. Их лезвия наливались кровью, постепенно разворачиваясь кверху, а само небо становилось льдисто-зеленым, радуги выцветали, превращаясь в слепящие снежные кольца.

Сотни людей зачарованно смотрели на чудовищный закат. Первым за горизонт ушел щит, затем наступил черед ложных солнц, украшавших рукояти закатных мечей. Остались лишь клинки, неудержимо стремившиеся друг к другу. Мечи столкнулись, когда погасло настоящее светило, разрубив слепящее, украшенное короной полукружие. На мгновение над темнеющими далями вспыхнуло истекающее кровью сердце, вспыхнуло и исчезло, осталась лишь багровая пламенная стена, и почти сразу же на башне Франциска отзвонили восемь раз. Зрелище продолжалось чуть меньше часа…

4

Закат Дика не испугал. Господин Шабли рассказывал унарам о различных небесных явлениях, в том числе о радугах, световых столбах и ложных солнцах, описанных знаменитым Ливерусом Флавионом. Ученый объяснял их возникновение тем, что в воздухе в зависимости от времени года плавает множество водяных капель или маленьких льдинок, отражающих и преломляющих солнечные и лунные лучи.

Огненные мечи и истекающие кровью сердца Ричарда Окделла не взволновали, возможно потому, что мысли юноши были заняты мечом. Клинок Раканов! Символ славы и величия древней Талигойи, захваченный узурпатором.

Больше всего на свете Ричарду Окделлу хотелось подержать легендарный меч в руках.

Подумать только, он был откован в древней Гальтаре, принадлежал великому Эридани, затем его брат Эрнани увез меч вместе с короной и скипетром в новую, только что основанную столицу. Скипетр позднее передали Эсперадору, но клинок и корона остались в Кабитэле и в конце концов достались Франциску Оллару. Последние двести лет меч Раканов провисел на стене Большого Тронного зала, и вот сегодня Фердинанд вручил его Первому маршалу.

А Катари… Катари поцеловала Рокэ, что-то очень тихо сказала и задержала свою руку в его. Другие это вряд ли заметили, но Дик видел, хотя понял правду намного раньше, увидев на шее королевы алую звезду. Юноше было больно, но он не ненавидел ни королеву, ни маршала. Это было справедливо, и вдвойне справедливо, что на трон взойдет сын Катари Ариго и Рокэ Алвы. В молодом короле не будет низкой крови, а значит, реставрация Раканов не так уж и нужна.

Дик знал, что никогда не женится – или нет, женится, но только чтоб исполнить свой долг перед Домом Скал, а сам посвятит себя служению королеве и молодому королю. Он старше наследника на двенадцать лет, и ему посчастливилось воевать под началом Рокэ Алвы. Оскар Феншо говорил, что Рокэ идет вниз, его вершины позади, как же он ошибался! В бедняге говорила зависть и ревность, но Окделлы выше этих чувств. Когда Алва уйдет на покой, Ричард станет Первым маршалом Талига, и…

От будущих войн юношу отвлек сухой короткий треск. Шедший рядом с Соной Моро прянул назад, взлетел на дыбы и как подкошенный рухнул на мостовую. Вырванный из полусонных фантазий Дик лихорадочно завертел головой – он ничего не понимал, а вокруг нарастали шум и суета. Отчаянно кричал поздний прохожий, метался свет факелов, храпели лошади, кто-то громко выругался по-кэналлийски, что-то зазвенело. Моро упал… Моро?! Этого не могло быть! Монсеньор!

Рокэ стоял на коленях, поддерживая голову мориска. Кажется, он был здоров. Ричард, все еще не соображая, что происходит, спешился. Сона сунулась вперед, Дик ее оттолкнул. Слава Создателю, все произошло у самого дома! Откуда-то выскочил Хуан, примчались другие слуги. Старший конюх бухнулся рядом с маршалом, они быстро заговорили по-кэналлийски, потом Ворон поднялся и огляделся, кого-то или что-то выискивая. Юноша не сразу понял, что эр ищет его. Кто-то тронул Ричарда за плечо – Пако! Юноша молча сунул уздечку кэналлийцу и протиснулся к Рокэ.

– Не заметил, откуда стреляли?

Стреляли?! А он даже не понял, решил, что смерть осталась в Варасте, хотя в Варасте они б не попались – там с ними был Лово и адуаны.

– По-моему, стрелок был один и торчал вот в той нише. Всегда ее не терпел, – Алва взял из чьих-то рук фонарь и прошел к высокой стене, за которой виднелся заколоченный дом.

Ричард знал, что особняк принадлежит вдовствующей маркизе Фукиано. Старая мегера много лет не покидала своей загородной резиденции, где коротала дни в обществе многочисленных левреток и дожидающихся ее кончины родичей.

– Да, – Алва оттолкнул ногой брошенный мушкет и присел на корточки, разглядывая землю, – тут он и ждал…

Рокэ что-то поднял, поднес к свету и бросил. Маршальский мундир пропитался кровью, кровью были вымазаны руки и щека. Ворон перехватил взгляд Дика:

– Идите в дом, юноша. Наш убийца, кто бы он ни был, удрал.

Ричард промолчал. Радость улетучилась, остались усталость и недоумение. Выстрел в спину? Как же так!..

– Это… Это, наверное, кагет.

– Вам бы так этого хотелось, – Рокэ негромко засмеялся, но Дику смешно не было. Он и впрямь хотел, чтобы убийцей оказался кагет, а еще лучше бириссец. Кто угодно, только не Человек Чести!

– Спокойно, – Ворон тряхнул Дика за плечо. – Я пойду к Моро, а вы приведите себя в порядок. Память о дорогах и дворцах лучше смывать сразу. Если не уснете, заходите –

выпьем по бокалу… За счастливое возвращение.

5

Ричард просидел на лестнице несколько часов, но все-таки дождался. Юноша успел во всех подробностях представить, как загораживает собой Первого маршала Талига, получает смертельную рану и прощается с задыхающейся от слез Катари. Выдумкам мешали мысли о Моро, мертвом или умирающем, и Рокэ, стоящем на коленях над упавшей лошадью.

На войне было легче – тогда они ждали удара. Конечно, Рокэ был жесток, очень жесток, но он все сделал правильно – это признали даже Штанцлер и Катари, а теперь кто-то решил убить маршала, а попал в лошадь.

– Не спите? – Ричард вздрогнул. Алва подкрался, как кошка. Герцог успел смыть кровь и переодеться, черные волосы блестели от воды, обведенные серыми кругами глаза были пугающе огромными. Дик хотел спросить, что с Моро, и боялся.

– Моро повезло, – очень спокойно сказал Рокэ. – Через неделю будет бегать. Раз уж вы меня дождались, пойдемте.

С весны в кабинете маршала не изменилось ничего – кабаньи головы и оружие на стенах, кубки резного стекла, стопки книг. В Надоре в отцовских комнатах висели изображения деда, матушки, сестер отца. В доме Ворона не было ни одного портрета – почему?

Герцог достал два высоких резных бокала и разлил вино. Вообще это было делом оруженосца, но Дикон об этом позабыл.

– В первый раз я увидел Моро случайно, – герцог протянул юноше бокал, – ему было четыре месяца. Парнишку собирались убить, чтобы он со временем не стал убийцей. Так, на всякий случай… Я его взял, хотя меня усиленно отговаривали. Мы вместе шестой год, и пока оба живы.

Дик слышал, что опасных жеребят выбраковывают, но никогда над этим не задумывался. Рокэ подошел к камину и пошевелил угли. На кресле что-то блеснуло… Святой Алан, меч!

– Если хочешь, можешь посмотреть, – Алва вновь держал в руке бокал, – но лично я не советую.

– Почему? – Дик замер на полпути к окну.

– Потому что меч Раканов не более чем дурно сбалансированная старая железка, – пожал плечами Первый маршал Талига, – даже странно… Когда я смотрел на Кольца Гальтары, мне казалось, что построившие их создавали только совершенные вещи. Ничего подобного…

– Эр, я посмотрю.

– Смотри, кто тебе не дает.

Увы, Рокэ оказался прав – старый меч был даже хуже тех, что хранились в надорской оружейной. Короткий, едва ли длиннее медвежьего кинжала, но широкий, тяжелый и неудобный. Сталь, впрочем, была превосходной. Юноша невольно залюбовался едва заметным узором из сплетенных роз.

Клинок был совсем простым, но рукоять украшал довольно грубый узор из странного вида завитков, в центре каждого был вставлен отшлифованный самоцвет, а навершие венчал тусклый лиловатый кристалл, похожий на покрытый бельмом глаз какого-то животного. Маленьких камней изначально было двадцать – четыре побольше и шестнадцать размером с горошину; осталось двенадцать, семь, судя по тому, как потемнели оставшиеся от них лунки, исчезли в незапамятные времена, а один выпал совсем недавно.

– Эр Рокэ…

– Да, – герцог оторвал взгляд от огня.

– Мы потеряли один камень.

– Возможно. Где?

Ричард протянул эру меч рукоятью вперед.

– Вижу. Что ж, раз меч Раканов носить мне, придется привести его в порядок. Здесь должен быть карас. У моего ювелира, помнится, был подходящий.

– Карас?

– А разве ты не видишь? Это символы Четырех Великих Домов, вернее, Великих Сил, как они изображались в доэсператистские времена. Каждому знаку полагается свой камень.

– А почему все они разные?

– Леворукий и все его кошки! Это я нанялся блюсти древние обычаи или Люди Чести? Вспомни, у каждой Силы было четыре ипостаси – Рассветная, Полуденная, Закатная и Полуночная, или, если так тебе больше нравится – Весенняя, Летняя, Осенняя и Зимняя. Потому у нас и месяцев шестнадцать, по четыре на каждую силу, а значит, на каждый дом. Ты никогда об этом не задумывался?

– Нет…

– И так во всем, – Рокэ налил себе вина, – забыть о сути, не видеть очевидного и считать себя наследниками и преемниками… Правда, Оллар, называя месяцы, тоже напутал с камнями, но он был королем, а не оценщиком. Может, потому его календарь и не прижился…

– Эр Рокэ! Можно я поищу выпавший камень? Он, должно быть, потерялся, когда упал Моро.

– Нет.

– Нет? Почему?

– Потому что ночью на улицах опасно, – маршал посмотрел вино на свет и поставил бокал на каминную полку, – убийцы, привидения, бродячие собаки и можно простудиться. – Рокэ перевернул меч, всматриваясь в нанесенный вдоль клинка узор из продольных и поперечных черточек. – *«Их четверо, но сердце у них одно. Сердце Зверя, глядящего в Закат».* Старый девиз.

– Девиз?!

– А как еще назвать надпись на мече? Это – гальтарский алфавит, от него отказались одновременно с принятием эсператизма.

– Но вы его знаете.

– Я много чего знаю, – согласился Ворон, – и половину того, что я знаю, следует забыть. Ладно, юноша, если вам неймется, можете взять Пако и поискать ваш карас. Будет забавно, если вы его отыщете…

Глава 5
Оллария
«Le Roi des Deniers» & «Le Roi des Bâtons»

1

Его Высокопреосвященство встал в немыслимую рань, выпил две чашечки шадди, выслушал доклад о ночных происшествиях, набросил на черное кардинальское одеяние плащ, подбитый мехом темной лисицы, и приказал подать карету. Вообще-то Сильвестр не терпел утренних прогулок, тем более в начале зимы, но любителям подслушивать нельзя было оставить ни малейшей лазейки. Кардинал полагал предчувствия и ощущения не вполне сформировавшимися мыслями и никогда от них не отмахивался. На сей раз ему казалось предельно важным как можно скорее переговорить с Рокэ Алвой.

Для встречи Сильвестр выбрал старый королевский парк, разбитый по приказу Франциска Оллара для своей королевы. Октавия любила гулять среди высоких буков и просила себя похоронить именно там. Франциск исполнил волю жены, а затем и сам лег рядом с ней. По приказу короля парк для посторонних был закрыт. Разумеется, возникла

легенда о том, что лунными ночами Франциск и Октавия рука об руку бродят вдоль берега озера или отдыхают у бьющего из скалы источника. Призраки Сильвестра волновали мало, но лучшего места для тайного разговора было не найти.

Старый парк встретил вороньим граем, и кардинал улыбнулся мысли, что Алва и Люди Чести разнятся не меньше, чем гальтарские во́роны и серые городские воро́ны. Среди любителей Раканов подлинных аристократов вообще раз, два да и обчелся, зато всякой швали, лезущей в благородные потомки, пруд пруди. Один Хогберд чего сто́ит, да и Штанцлер немногим лучше: ни один, ни другой даже на «навозников» не тянут, но это их сторонников не заботит. Леворукий бы побрал деда Фердинанда, разрешившего наследнику брак по любви! Карл Второй был сильным королем, но сын у него вырос тряпка тряпкой. Только и сумел что жениться. Карл оставил государство в полном порядке, но через пять лет от этого порядка остались только обглоданные косточки. Дриксенская Алиса нагадила Талигу больше всех ее родичей, вместе взятых…

– Ваше Высокопреосвященство, Первый маршал уже прибыл и ждет у Королевского источника.

– Хорошо.

Кардинал отпустил помощников и ступил на покрытую инеем дорожку, ведущую к источнику. Когда-то это был обычный родник, но Франциску Оллару захотелось превратить его в нечто величественное. Мастера из Ардоры заставили воду изливаться из оскаленной каменной морды, над которой выбили барельеф с неизменным Победителем Дракона. За триста с лишним лет мраморное чудище изрядно позеленело, но вода из пасти исправно стекала в глубокий водоем, на дне которого скопилось немало таллов и суанов, пожертвованных «на счастье» теми, кому довелось побывать в знаменитом парке. Монеты никто не доставал – это считалось святотатством и сулило неисчислимые бедствия.

Рокэ Его Высокопреосвященство заметил издали – кэналлиец сидел на кромке бассейна, рассеянно глядя в воду. Сильвестр не имел ни малейшего желания карабкаться вверх по узкой каменной лестнице и предпочел Ворона окликнуть. Тот оглянулся с видом только что разбуженного человека, поднялся и легко сбежал вниз.

– Доброе утро, Ваше Высокопреосвященство.

– Вы выглядели весьма живописно. Будь я художником, я бы с вас аллегорию Одиночества писал. Задумавшийся человек в черном среди облетевшего бересклета, льющаяся вода, равнодушное небо…

– Простите, Ваше Высокопреосвященство…

– Это вы простите, видимо, на меня действует обстановка. Я редко гуляю по утрам. Вас нужно поздравить с очередным чудесным спасением. Что ваша лошадь?

– С ней все в порядке, – если Рокэ и удивился осведомленности собеседника, то виду не показал. – Ваше Высокопреосвященство, вам никогда не приходило в голову убить моего оруженосца?

– Вы весьма странно ставите вопрос. Допустим, я скажу, что был бы рад видеть последнего настоящего Окделла мертвым.

– Я вам поверю, – сапфировые глаза были безмятежнее летних небес, – но я хочу знать, пытались ли вы доставить себе такую радость.

– Представьте себе, нет, по крайней мере, пока. Я ответил на ваш вопрос? Разрешите полюбопытствовать, какое это имеет отношение к вчерашнему происшествию?

– Самое непосредственное. Или убийца не умеет стрелять, что вряд ли, или он целил в Ричарда Окделла.

Вот так новость! Окделлы и Эпинэ Талигу в тягость, и давно, но вряд ли на сына Эгмонта охотятся, чтоб облегчить жизнь кардиналу. Такие подарки делают себе сами, ненужные доброжелатели нам не нужны. А Ворон тоже хорош, мог бы и понять, что стрелять в оруженосца, когда рядом маршал, он не позволит, мало ли что… Мушкет вещь своевольная.

– До сего момента, Рокэ, я полагал, что единственная тварь, к которой вы привязаны,

это ваша безумная лошадь, а вы ею жертвовали, спасая мальчишку. Мне остается развести руками и предположить, что сердце Ворона преисполнилось благодати.

– Чушь. Если вы мне докажете, что мертвый Окделл лучше живого, можете делать с ним что хотите, но мне не нравится, когда моими оруженосцами распоряжается кто-то, кроме меня.

Справедливо. Ворон горд, как Леворукий, и не терпит, когда лезут в его дела, но мы привыкаем к своим игрушкам, нравится нам это или нет.

– Хорошо, что юный Ричард вас не слышит. Кажется, вы его неплохо приручили.

– Его чувств ко мне хватит на пару дней, ну, может быть, на неделю. Потом ему напомнят, что я враг Людей Чести и убийца его отца. И это, к слову сказать, истинная правда.

– Рад слышать. Признаться, ваша возня с сыном Эгмонта несколько озадачивает. Наши привязанности суть наши уязвимые места. Так вы говорите, молодому Окделлу угрожает опасность?

– Если смерть можно считать опасностью, – Рокэ проводил взглядом белощекую синицу. – Было бы не лишним узнать, кто и зачем охотится на Ричарда. Сначала я думал, что это вы, но вы бы, во-первых, действовали иначе, во-вторых, добились бы своего. Затем я решил, что кому-то захотелось украсить нас с вами убийством невинного отрока, но в последнее время склоняюсь к мысли, что дело в самом Ричарде.

– В последнее время? – кардинал внимательно посмотрел на собеседника. – Вы хотите сказать, что вчерашнее покушение не первое?

– За четыре я могу поручиться, еще два под вопросом. Даже обидно – юноше всего семнадцать, а за меня убийцы взялись всерьез, когда мне исполнилось двадцать четыре!

– До этого они были заняты вашим отцом. Вдовствующая королева мечтала съесть сердце соберано Алваро.

– Конечно, это в какой-то мере их извиняет, но я все равно возмущен.

– У меня к вам серьезный разговор, так что давайте побыстрее покончим с покушениями. Так вы не знаете, кто убийца?

– Кто угодно, кроме тех, кто был с нами на войне.

– Пожалуй, иначе Окделл остался бы в Сагранне. Хорошо, я подумаю над этой историей. Как вам вчерашний закат?

– Красивое зрелище, – пожал плечами Рокэ.

– Вам оно не показалось несколько зловещим? Эти мечи, сломанная корона, истекающее кровью сердце…

– Ваше Высокопреосвященство, подозрение за подозрение. Пять минут назад вы обвинили меня в привязанности к оруженосцу, а теперь я готов вас заподозрить в том, что вы во что-нибудь уверовали.

– У вас потрясающий дар успокаивать взволнованных кардиналов, – покачал головой Сильвестр, – но книги, которые вы мне прислали, читали не так уж давно, в том числе и те, что написаны по-кэналлийски и по-морисски, так что не скромничайте. Вы тоже не чужды интереса к непонятному, иначе зачем бы вам ездить в Гальтару и зубрить забытый алфавит.

– Я, кажется, уже объяснял. В детстве меня запугали Изначальными тварями, а я предпочитаю схватить страх за шиворот и посмотреть ему в глаза. Это очень помогает, – Рокэ лукаво улыбнулся. – Ваше Высокопреосвященство, признайтесь, когда в Варасте исчезла сначала армия, а потом и те, кто ее искал, вы, часом, не заподозрили ничего потустороннего?

– Подумал, – признался Его Высокопреосвященство. – Ох, Рокэ, и досталось бы вам, не догадайся вы победить. Как я понимаю, гонцы попадали в объятия Дьегаррона, где и оставались.

– Разумеется. Впрочем, десятка два варастийцев Хорхе отпустил.

– И эти святотатцы поклялись Создателем, что никого не нашли.

– Вы к ним несправедливы. Они поклялись в том, что не нашли МЕНЯ, и это

чистейшей воды правда.

– Шутки Бонифация?

– Разумеется. Решение отправить его в Варасту было мудрым.

– Я не намерен обсуждать достоинства любезного вашему сердцу пьяницы и тем более не намерен возвращать его в Олларию.

– А он еще менее намерен возвращаться. Восьми лет в Багерлее ему хватило.

– Он дешево отделался. Рокэ, вы хорошо помните Лаик?

– Я помню почти все. – Запоздалый одинокий лист медленно падал с горбатого клена, кружась в воздухе. Рокэ плавно извернулся и поймал его уже над самой землей. – К несчастью, у меня отменная память. Кто из моих однокашников стал предметом внимания Вашего Высокопреосвященства?

– Представьте себе, никто. Меня интересует, видели ли вы призраки?

– Единственный призрак, не сбежавший при моем появлении, это Валтазар из Нохи. На редкость отважная сущность, хоть и отвратная.

– Валтазара видят все, но меня он не волнует. Значит, в ваши времена в Лаик не случилось ничего примечательного?

– Нет.

– И вам не доводилось сталкиваться с непонятными и необъяснимыми вещами?

– Только в книгах. Для всего остального рано или поздно находились объяснения. И весьма прозаические.

– Рокэ, – Его Высокопреосвященство вздохнул, – что вы думаете о том, что у смерти синий взгляд?

Герцог сосредоточенно разглядывал сморщенный лист. Черноволосый красавец с иронично-печальной улыбкой на безупречном лице – мечта юных дурочек и взрослых дур. Недосягаемая мечта…

– Это намек? – Рокэ соизволил оторваться от созерцания ушедшего лета.

– Что вы, герцог, хотя вы и утопили несколько деревень. Люди умирали и до вашего пришествия в этот мир. И все же, почему у смерти синий взгляд, а не черный и не зеленый? Я уже думал о яде, от которого синеют белки глаз, но это слишком простая разгадка. Я проследил эту поговорку, она возникла в доэсператистские времена, а о них я могу говорить только с вами. В старых усыпальницах часто изображали идущую черноволосую женщину с синими глазами…

– Вы скоро утонете в прошлом, – заметил Ворон, – хотя, если вы правы, из пословицы выпало одно слово. Я припоминаю легенду о синеглазой СЕСТРЕ смерти, обитающей в подземных лабиринтах. Она стережет покой Изначальных Тварей, но больше я не знаю ничего.

– Ничего? А я хотел расспросить вас о картине еретического содержания, которая находится в Алвасете.

– Картина есть, – кивнул Рокэ, – и на ней изображена очаровательная древняя оргия. Какие-то богословы углядели в одном из гостей Леворукого и чуть было не сожгли истинный шедевр. К счастью, у короля хватило ума отослать картину в Кэналлоа.

– Я недавно прочел описание этой оргии. Исполненный праведного негодования «истинник» утверждает, что Леворукий смотрит на выходящую из стены черноволосую синеглазую женщину. Уж не сестру ли смерти изобразил Диамни Коро?

– Видимо, «истинник» не видел подлинника. Леворукий, если это, конечно, он, смотрит на пустую стену. Существует позднейшая копия, там и впрямь намалевана женская фигура, но это такое убожество…

– В Алвасете есть и оригинал, и копии?

– Не совсем так. Подлинник принадлежит моей семье, копию я видел у Дьегарронов.

– Когда она была сделана?

– Не знаю. Я еду в Кэналлоа, могу полюбопытствовать.

– Буду весьма признателен. Рокэ, у меня создается впечатление, что кто-то усиленно

пытается докопаться до древних тайн. И я хочу знать, что это за тайны. Последние месяцы важные дела кажутся мне ерундой, а ерунда в моем воображении разрастается до размеров вселенских бедствий. Вы будете смеяться, но маленькие странности меня волнуют больше объяснений с Гайифой и наших интриганов, хотя вы меня вдохновили. С врагами внутренними нужно поступать так же, как с внешними.

– Вы собираетесь утопить Штанцлера в дворцовом фонтане? Могу его подержать.

– Если избавляться, то от всех и сразу, так что придется поискать другой способ.

– Да, бассейн всех не вместит, – согласился Алва, – обойдетесь без моей помощи?

– Надеюсь. Более того, я предпочел бы, чтоб вы где-нибудь задержались до лета.

– Извольте, по дороге из Кэналлоа я гляну на верфи, а потом заверну в Торку. Фок Варзов хочет меня видеть.

– Дружба между бывшим оруженосцем и его господином умиляет, особенно если первый обошел второго… Окделла вы с собой берете?

– Ричард отправится в Надор засвидетельствовать почтение матушке, – Рокэ расправил манжет. – Его опекун прямо-таки завалил меня письмами на сей счет. Видимо, бедняга не знал, что Первый маршал Талига иногда воюет.

– Да. Эйвон Ларак несколько отстал от жизни. Что ж, Надор – безопасное место, хотя боюсь, оно покажется юному герою скучноватым.

Рокэ пожал плечами. Он неплохо рассчитал – убивать мальчишку в родовом замке не станут. Если Ричард мешает родичам или Людям Чести, они избавятся от него так, чтоб подозрение пало на врагов. Или сделают оруженосца жертвой покушения на Первого маршала Талига.

– К слову сказать, Рокэ, что вы собираетесь делать с мечом Раканов?

– Приведу в порядок. В последний раз сию реликвию точили лет пятьсот назад, про выпавшие камни я и вовсе молчу. С чего это Его Величество осчастливил меня эдакой древностью?

– С того, что вся Оллария во главе с Ее Величеством сходит с ума по древней эпохе. Вас, без сомнения, будут расспрашивать о вашем гальтарском вояже.

– А я, без сомнения, буду отвечать, – Рокэ усмехнулся, – у бакранов есть прелестные легенды и обычаи. Я их состарю на пару тысяч лет, дамы будут в восторге.

Довести дам до восторга нетрудно, особенно если за дело возьмется красивый наглец. Синие глаза, глаза святой Октавии, – что это? Проклятие, награда, шутка природы?

– Воистину, Рокэ, кажется странным стрелять в какого-то оруженосца, когда рядом находитесь вы. А теперь я хочу услышать про Варасту, Бакрию, Кагету и Робера Эпинэ. То, чего не было в ваших докладах…

2

Ричард проснулся поздно и не сразу понял, что он дома. Дома? Выходит, особняк Ворона стал ему родным, а как же Надор? Второй мыслью юноши был найденный на месте покушения карас. Дик вскочил и подбежал к письменному столу. Отшлифованный в незапамятные времена камешек лежал там, где его вчера оставили. Ричард Окделл смотрел на тускло мерцающую черную каплю, и ему было страшно от одной мысли, из каких глубин она явилась.

Меч Раканов был откован в легендарной Гальтаре и стал символом королевской власти и воинской доблести задолго до преступления Ринальди и гибели Эридани. Говоря по чести, юноша представлял легендарный клинок иначе, возможно, потому, что на рисунках, изображавших братьев Раканов, в руках короля был роскошный двуручник, похожий на те, что держали каменные рыцари, охранявшие вход в усыпальницу Окделлов. Эр был прав, когда назвал реликвию дурно сбалансированной железякой, и все равно это был ТОТ меч! Фердинанд оказал своему маршалу неслыханную честь, а Рокэ по своему обыкновению посмеялся, хотя, отнесись Ворон к реликвии серьезно, он никогда б не позволил оруженосцу

оставить выпавший камешек себе.

Ричард понимал, что не имеет права присваивать карас, пусть Рокэ вставит в пустые гнезда лучшие кэналлийские самоцветы – они никогда не станут частью древней вещи. Совесть требовала вернуть камень, но кому? Королю? Но потомки узурпатора не имели на наследие Раканов никаких прав. Рокэ? Маршал от караса отказался. Штанцлеру? Катари? Но ни Ее Величество, ни эр Август не возьмут чужое наследство. И меч и карас принадлежат принцу Альдо Ракану, но он далеко, и никто не знает, каков из себя потомок древних королей.

Дик Окделл еще раз взглянул на неприметный камешек. Пожалуй, не будет греха, если он и впрямь оставит его у себя. Если судьба сведет его с Иноходцем, он расспросит его об Альдо Ракане и, возможно, передаст ему находку через Робера. Решив судьбу реликвии, юноша задумался, как и где ее хранить. Все самое ценное воин носит с собой, значит, камень нужно вставить в кольцо или медальон, но лучше в кольцо. Карасы – камни Окделлов, так что перстень на его руке никого не удивит. Юноша решил сегодня же зайти к ювелиру, а потом навестить Наля. Если, конечно, эр его отпустит, но сначала нужно узнать, как Моро.

Спускаясь вниз, Ричард загадал, что, если с жеребцом все в порядке, день будет удачным. Моро не подкачал, он уже держался на ногах, а при виде Ричарда соизволил топнуть копытом. Дик остановился, опасливо поглядывая на раненого красавца и прикидывая, можно или нет с ним фривольничать.

– Злится, – заметил появившийся из-за угла Пако. – Монсеньор на Соро уехал, а этот злится.

– Монсеньор уехал?

– Чуть рассвело. Сону седлать?

– Нет, я прогуляюсь пешком.

Рокэ уехал к Катари, куда ж еще! Он бы поехал к ней еще ночью, если б не покушение. Ричард больше не сомневался – маршал и королева любят друг друга, но Алве трудно говорить о любви, он слишком горд, а Катари такая нежная… Она его боится, иногда ей бывает очень больно, но война и страх за жизнь любимого смывают все обиды. Как она вчера смотрела на победителя Кагеты! Что ж, пусть будут счастливы. Алва лучше, чем кажется на первый взгляд, просто очень трудно быть потомком предателя. Потому Рокэ и нравится иметь дело с дикарями и простолюдинами – черни нет дела до прошлого.

Сона приветствовала хозяина тихим ржанием, она была рада. Ричард потрепал кобылицу по шее, но на душе у юноши было скверно, несмотря на победу, карас и скорую встречу с очень хорошими людьми, а может, именно поэтому. Дик не желал слушать плохое про своего эра, но понимал, что это неизбежно. Да, эр Штанцлер был рад победе, но он знает, какой ценой она была достигнута, и скажет то, что скажет. А еще нужно выполнить обещание, данное Оскару, но будет ли это честно по отношению к Рокэ? Своим рассказом он сделает больно Катари, разрушив ее хрупкое счастье. Стоит ли ей говорить о любви и смерти человека, которого она почти не знала, не будет ли это похоже на донос? Он дал слово, это так, но как же тяжело его сдержать!

Всю дорогу до Золотой улицы юноша решал, что делать, но так ни к чему и не пришел. Маленький остроносый ювелир с готовностью взялся оправить карас. Ричарду было предъявлено множество образцов. После некоторых колебаний герцог Окделл остановился на квадратном перстне, в левый верхний угол мастер вставит камень, а в правом нижнем будет монограмма Ричарда. Юноша заплатил вперед, вызвав бурю восторгов, после которой было просто неприлично не добавить еще пару таллов.

Дело было сделано, можно было отправляться к Налю, благо тот жил недалеко от Золотой. Дик без приключений добрался до небольшого опрятного дома, но кузена на месте не оказалось. Еще нестарая хозяйка, жеманно хихикая, передала гостю запечатанное письмо на имя герцога Окделла. Оказалось, Наль срочно уехал по делам на две недели. Это было трусостью, но Ричард порадовался, что разговор о Варасте откладывается, и с чувством выполненного долга отправился домой, где его ожидало приглашение кансильера.

3

– Ты помнишь, как все было?

– Мы подъезжали к дому эра, раздался выстрел, эр Рокэ поднял Моро на дыбы, конь упал, стрелок убежал, вот и все.

– Стреляли из мушкета?

– Да, из ниши в ограде. Мушкет мы нашли. И следы.

– Глупец… Если только… – Плечи кансильера поникли. – Я очень боюсь, Дик, что никакого покушения не было.

– Но оно было. Моро…

– Предпринята попытка убить победителя Кагеты сразу же после королевской аудиенции. Ранена лошадь, найден брошенный мушкет, убийца исчез. Ты поверил – поверят и другие… Ричард, неужели ты думаешь, что такого человека, как Рокэ, можно взять и застрелить с двадцати шагов? Да еще спереди, да еще ночью?

Эр Август прав: пока высекается искра, пока горит порох на полке и через затравочное отверстие поджигает основной заряд, проходит несколько мгновений. Для опытного воина больше чем достаточно, чтоб спастись, ночной стрелок должен был это понимать.

– Может, это кагет?

– Уверяю тебя, кагеты, сколько б их ни было в Олларии, сейчас тише воды, ниже травы, а другие враги Рокэ тем более. Талиг сошел с ума от неслыханной победы, Ворон – герой, никто в здравом уме не поднимет на него руку, да еще так глупо.

– Но ведь стреляли.

– В лошадь. Если б не это, Ворон схватил бы «убийцу» на месте.

– Я не понимаю…

– А тут нечего и понимать. «Покушение» устроил Дорак, чтобы обвинить в нем своих врагов. Рокэ жесток, как дюжина морисских шадов, но он не лжесвидетель и не интриган, а как он дерется, тебе лучше знать. Лжекардинал не мог допустить, чтоб Алва бросился в погоню за его человеком, и приказал стрелять в коня. Думаю, мориска и в самом деле хотели убить, но Алва́ поднял коня на дыбы, а не пригнулся к гриве, как следовало ожидать, чтобы пуля прошла ве́рхом.

Кансильер был прав. Рокэ спасал Моро, потому и вздыбил его и заставил отступить, но жеребец замешкался.

– Эр Август… Я могу сказать маршалу про покушение?

– Разумеется. Только не надо ссылаться на меня, хотя не удивлюсь, если Ворон понял, в чем дело. Иначе зачем бы ему с утра мчаться на встречу с Дораком. Хотел бы я услышать их разговор, а еще лучше увидеть, как Рокэ сворачивает голову негодяю в сутане. Это было бы высшей справедливостью.

Святой Алан! Неужели эр наконец-то узнал цену Дораку?! Может, он его и не убьет, но союзу Ворона с аспидом конец. Маршал будет служить Талигойе, а с эром Августом они помирятся, ведь они ни разу не говорили по-настоящему. Только надо, чтоб Рокэ не улыбался этой своей улыбкой.

– Эр Август, я должен вам сказать… Только не думайте, что я забыл, кто я…

– Полагаю, Дикон, ты собрался мне доказать, что Рокэ Алва не такой уж плохой человек? – кансильер улыбнулся, но улыбка вышла грустной. – Я бы удивился, если б ты, вернувшись с войны, повел себя иначе. Люди Чести всегда отдавали должное чужому мужеству и чужим талантам, а Рокэ очередной раз доказал, что равных ему нет. Похоже, он в самом деле спас Талиг, но Талиг это, к сожалению, не Талигойя.

– Но… Но мне показалось, и вы, и Ее Величество рады победе.

– Я соврал бы, если бы стал это отрицать, – Штанцлер задумчиво покачал головой. – Политика – ужасная вещь, Дикон. Ужасная! Когда все началось, я не видел для Талигойи достойного выхода и думал о том, как из поражения сделать победу.

Я не хотел, чтобы ты шел на ту войну, и не сомневался в позоре своей страны, какой бы та ни была, потому и готовил тебя к худшему и оказался не прав. Рокэ Алва – великий полководец, этого у него не отнять. Пока вы воевали, я разобрался в причинах нападения.

Адгемар был нанят гоганскими ростовщиками с одной-единственной целью – взвинтить цены на хлеб. Как кансилльер Талига я не могу не радоваться победе и не признавать, что ужасающая жестокость маршала, как ни странно, спасла множество жизней. Ворон заслужил и орден, и титулы, и даже меч. Кто знает, вдруг это ему поможет вспомнить, что он не только потомок Рамиро, но и глава Великого Дома. Ее Величество очень на это надеется.

– А вы?

– Каждый судит по себе, Дикон. Катарина Ариго удивительно чистый человек, она видит или хочет видеть в людях только хорошее. Я старше ее, и я повидал слишком много грязи. Если королеве и оруженосцу удастся вернуть Повелителя Ветров на путь истинный, я буду счастлив, но лично я в это почти не верю. Рокэ упрям и горд, он служит Олларам и Дораку не потому, что считает их дело правым, а назло Людям Чести, которые оттолкнули его семью.

Когда мне было столько же, сколько тебе, я негодовал, что сына предателя и будущего временщика не задушили в колыбели. Теперь я понимаю, что Рамиро Второй мог вырасти неплохим человеком, если бы его с детства не окружала ненависть одних и подобострастие других. Он был лишь первым в череде проклятых герцогов. С каждым новым поколением пропасть между Алва и остальными Людьми Чести лишь расширялась, так что не слишком-то надейся.

– Эр Август, – Дик лукаво улыбнулся, – вы ошиблись с варастийской кампанией, вы можете ошибиться еще раз.

– Время рассудит, – кансилльер не счел нужным поддержать шутку, – ты уже видел Реджинальда?

– Я заходил к нему. Наль уехал по делам.

– Тебе тоже следует уехать. Твоя матушка очень хочет тебя видеть. По ее просьбе Эйвон Ларак несколько раз писал герцогу Алва. Думаю, он тебя отпустит, и было бы неплохо, чтобы завтра ты был уже в пути. Если ты поторопишься, то Новый год встретишь дома. В любом случае до отъезда постарайся поменьше появляться на улицах вместе с Вороном. Следующий раз могут стрелять не в лошадь, а в оруженосца. Будь осторожен. И вот еще что. Твоя матушка весьма недовольна твоей службой у Рокэ Алвы. Я написал ей, что ты присягнул ему по моему настоянию.

– Спасибо, эр Август, вы не представляете…

– Как раз представляю. Мирабелла Окделлская очень достойная женщина, но некоторые вещи она понять не в состоянии. Постарайся с ней не спорить.

Дик спорить и не собирался. С матерью не спорил никто и никогда – ни отец, ни Эйвон, ни слуги. Другое дело, что ей рассказывали далеко не все.

– Я понял, эр Август. Когда мне можно вернуться?

– Это тебе должен сказать твой эр, – глаза Штанцлера потеплели, – но я забыл тебя поздравить. Стать в семнадцать лет кавалером ордена Талигойской Розы! Отец бы тобой гордился. Ее Величество передает тебе свои поздравления. Она очень за тебя волновалась.

Катари о нем помнила! Помнила!

– Я хотел бы лично засвидетельствовать почтение Ее Величеству.

– Я передам ей твои слова, но сейчас ты должен ехать в Надор!

Глава 6
Агарис
«Le Chevalier des Bâtons» & «Le Huite des Coupes»

1

Стражник явно знал толк в лошадях, во всяком случае, у него хватило ума понять, что Дракко стоит куда больше, чем его наездник. Робер Эпинэ это оценил, бросив лошаднику серебряную монету:

– Выпей за здоровье моего коня и мое в придачу.

Нужно оно ему, это здоровье, да и жизнь заодно…

– Спасибо, сударь, – разулыбался стражник, – конь у вас чистое золото, сразу видать. Такого не скоро сыщешь.

Дракко – сокровище, это правда, его разве что сумасшедший мориск Рокэ обгонит. Эпинэ похлопал любимца по шее, еще раз кивнул стражнику и слегка шевельнул поводья. Обычно этого хватало, но сейчас на Дракко что-то нашло. Конь сперва замер, ловя черными ноздрями ветер, а потом сделал шаг назад и обернулся, умоляюще глядя на всадника. В Агарис ему не хотелось. Роберу тоже.

– Вы, сударь, не удивляйтесь, – влез давешний любитель лошадей, – у нас нынче, того, пахнет чем-то непотребным. Видать, с моря надуло. Кони, пока не обвыкнут, уросят. Мы поначалу дивились, а теперь вроде будто и ничего.

– Видишь, Дракко, – заметил Иноходец, – не тебе одному противно, ты уж потерпи.

Полумориск прижал уши и попытался поковырять копытами мостовую. Он прекрасно понимал всю бесполезность этого занятия и тем не менее старался вовсю. В довершение всего в своей сумке завозился Клемент. Робер почти не сомневался, что Его Крысейшество тоже не горит желанием ступить на родную землю.

– А может, сударь, вам не шибко и нужно в Агарис-то, – внезапно сказал стражник, – кони, они соображают, не то, что мы.

Кони соображают, и крысы тоже, а он может вернуться в Гайифу, разыскать теньента Ламброса, взять другое имя и навеки забыть об Агарисе, Раканах, Талигойе и своей нелепой любви. Наемника, если он отрабатывает свои деньги, не спрашивают, кто он и откуда. Можно не маяться дурью, а поступить на службу к императору, выслужить себе титул… Повелитель Молний, пожалованный личным дворянством Его Величеством Дивином. Тьфу!

– Мне очень нужно в Агарис, приятель, – Робер с силой сжал коленями золотисто-рыжие бока, – очень…

Стражник покачал головой, Дракко укоризненно фыркнул, Клемент заверещал.

Застава осталась позади. В городе все казалось прежним, словно Робер и не уходил на ненужную войну – звонили колокола, торговки выхваляли лимоны, мели мостовую серые одеяния многочисленных клириков. Налетел мерзкий, леденящий ветер, хорошо хоть пока обходилось без дождя. Год и зима начались всего три дня назад, но праздника не ощущалось, в то, что в Агарисе называют зимой, в Олларии тянуло на осень, и даже не очень позднюю, но о Талиге лучше было не вспоминать.

Дракко понуро рысил по булыжникам, он смирился, но не успокоился. Клемент и вовсе замер, словно поблизости прятался голодный кот. Роберу ужасно хотелось развернуть коня, но человек на то и человек, чтоб сдерживать свои порывы. Талигоец внимательно глядел по сторонам, пытаясь понять, что же все-таки не так, но город казался удивительно мирным и чистым. Неужели ему передалось отвращение Дракко и Клемента?

«Зеленый стриж» никуда не делся, знакомый конюх взял Дракко под уздцы, и Робер спрыгнул на землю:

– День добрый, Джулио, как вы тут?

– Паршиво, – махнул рукой старик. – Новый конь у вас, вижу. Хорош! А Шад, дозвольте полюбопытствовать, где?

– Пришлось подарить, – не рассказывать же, что с ним случилось, – а что паршиво?

– А не понять, – махнул рукой агарисец, – вроде все в порядке и даже лучше, а что-то не то. Кошки и те разбежались.

– Кошки? – не понял Эпинэ.

– Ага. Крысы ушли, а жрать-то что-то надо, вот коты за ними и двинули. И все бы ничего, только муторно как-то.

Старик нашел правильное слово. Именно что муторно, а почему – непонятно. Впрочем, муторно Роберу Эпинэ было давно.

– Сударь! – прибежавший хозяин лучился счастьем. – А мы уж и не чаяли! Ваши комнаты в порядке. Мы ничего не трогали, только Мария пыль стирала!

Конечно, в порядке, он заплатил за полгода вперед, а зачем, и сам не знает.

– Спасибо. – Робер развязал кошелек Ворона и отсчитал шесть золотых. – До весны хватит?

По чести говоря, этих денег хватало до лета, но когда золото есть, его можно и выбросить. Хозяин радостно закивал и прибрал монеты.

– Желаете обед?

– Чуть позже.

– Горячее вино? С сахаром, корицей и кардамоном?

– Не помешает. Я буду у себя.

«У себя», словно эти комнаты в агарисской харчевне его дом. У него нет дома и, скорее всего, не будет, если он и впрямь не подастся в наемники. Тогда лет через десять можно скопить на такую вот гостиницу. Герцог-трактирщик, очаровательно!

Робер подхватил сумку с затаившимся Клементом и поднялся наверх. Скрипнул, повернувшись в замке, ключ, в лицо пахну́ло лавандой и полынью – хозяева воевали с молью, но запах был приятный. Иноходец развязал сумку, но Клемент вылезать не спешил. Его Крысейшество загадочно поблескивал глазками и сильнее, чем обычно, дергал носом. Пришла хозяйка, принесла поднос с кувшином, высоким стаканом из толстого стекла, корзиночку с теплыми булочками и масленку. Робер поблагодарил и даже чмокнул женщину в щеку, та расплылась в улыбке:

– Мы так рады, сударь, что вы вернулись.

Они-то рады, а вот рад ли он?

– Когда подавать обед?

– Часа через полтора. Я спущусь.

– Желаете…

– Я помню вашу кухню, – перебил Эпинэ, – и с удовольствием съем все, что подадут.

Хозяйка покраснела от удовольствия и вышла. Простым людям так просто польстить. Эпинэ взял одну из булочек, положил перед носом Клемента, поднял кувшин, налил пахнущего багряноземельскими пряностями напитка. Это было его первое вино с того проклятого утра у Белого Лиса. Всю дорогу до Агариса трактирщики нахваливали кагетское, фелпское и кэналлийское, но Иноходец лишь качал головой, больше думая о Дракко, чем о себе.

Денег хватало – Ворон на золото не поскупился, но Эпинэ боялся, что, начав пить, не остановится. Вино убивает память и усыпляет разум, хотя бы на время, а будущему Повелителю Молний слишком многое хотелось забыть и слишком о многом не хотелось думать. Проще всего было напиться, затащить в постель первую попавшуюся служанку и выбросить из головы поражение, уничтоженную долину, Лиса, отрубленные головы. Зачем ему возвращаться и куда? Зачем вообще жить? Он не везет ни победы, ни добрых вестей, Мэллит любит Альдо, Раканы без него обойдутся, дед давно не понимает, на каком он свете, а мать, хотя и ходит и говорит, умерла вместе с отцом и братьями. Младшего сына она оплакала и похоронила вместе со старшими, о том, что он выжил, в Эпинэ узнали лишь через год, но Агарис для оставшихся в Талиге так же далек, как Рассветные Сады.

Знатные фамилии вымирают, наступает время дальних родичей и бастардов, с этим не поспоришь. Кое-как держится Дом Волны, но что он может один, да и сами Придды… Робер никогда не любил эту семейку, хотя она и осталась верна Раканам, не то что Савиньяки и фок Варзов. Те верны не Раканам, а Талигу! Проклятие, опять те же мысли – Талиг или Талигойя, Талиг или Раканы?

Нужно жениться, и поскорей, чтобы Повелители Молний не исчезли, как исчезли подлинные Повелители Ветров, но как же не хочется связывать себя с нелюбимой породистой женщиной! А в империи герцогу Эпинэ делать нечего. Конь павлину не товарищ.

Робер выпил и налил еще. Над стаканом поднимался ароматный пар, голова слегка кружилась, в памяти всплывали то заснеженные горы, то оранжевые розы казарских садов, то синие глаза Ворона. У смерти тоже синий взгляд, Робер Эпинэ заглянул ей в глаза у подножия священной бакранской горы, и с тех пор ему все кажется неправильным и лживым.

Иноходец поднялся и подошел к окну, откуда открывался прекрасный вид на зимний Агарис. Вот он и вернулся, вопрос – куда. Талигоец потряс головой, пытаясь отогнать тошнотворные мысли, и посмотрел на Его Крысейшество. Клемент по-прежнему сидел в своей сумке, а перед ним лежала золотистая булочка, к которой крыс так и не притронулся.

2

Хогберд восемьсот девяносто пятый раз переливал из пустого в порожнее, а Матильда его слушала, сдерживаясь из последних сил. Все было ерундой, кроме смерти Робера. Бедный Иноходец, бедные его дед и мать. Пережить всех своих детей… Что бы стало с ней, если бы погиб Альдо?! Зачем тогда было бы жить?

– Мы ошибались в наших расчетах, – Питер Хогберд великодушно перекладывал на плечи Матильды долю ответственности за поражение в Кагете и гибель Робера Эпинэ. – К сожалению, позиция Дорака безупречна – он использовал вопиющие ошибки гайифской дипломатии…

Принцесса принялась сжимать и разжимать кулаки, мысленно повторяя знакомые с юности сонеты Веннена. От того, что она запустит в Питера Хогберда подсвечником, Робер не воскреснет. Бедняга, избежать верной смерти в Талигойе, чтобы сгинуть в чужих горах… Матильда помнила, как первый раз увидела Иноходца. Это было после восстания Эгмонта, когда в Агарисе нет-нет да и появлялись уцелевшие. Принцесса Ракан получила записку от Адриана. Эсперадор уведомлял, что в приют Святого Марка привезли внука герцога Эпинэ.

Приют Святого Марка был больницей для бедных, в которой не столько выздоравливали, сколько умирали. Первое, что сделала Матильда, это навестила гоганского ростовщика, у которого оставила сережку с изумрудом, благо вторая все равно куда-то делась. Разжившись деньгами, принцесса бросилась на поиски маркиза Эр-При и нашла его в темной сырой комнатенке. Впрочем, нужно было сказать спасибо и за это – большинство обитателей приюта валялись в общих залах на грязной соломе.

У Робера был сильный жар, но он был в сознании. Принцесса запомнила провалившиеся щеки, лихорадочный румянец на скулах и виноватую улыбку.

– Простите, Ваше Высочество, я не могу приветствовать вас, как должно.

Матильда, не слушая возражений, забрала раненого к себе, и они с Альдо за месяц поставили парня на ноги. Они уговаривали Иноходца жить с ними и дальше, но Робер был не из тех, кто позволяет себя кормить. Он продал то немногое, что у него было, и перебрался в монастырскую гостиницу. Закатные твари, ну почему она его не удержала?! Клементу и тому было ясно – бедняге не хотелось ехать, страшно не хотелось. И вообще вся затея с самого начала отдавала подлостью и глупостью. Подлостью по отношению к варастийским крестьянам и Роберу, глупостью потому, что воевать с Вороном бесполезно.

– Сударыня! – Вопль Пакетты заставил Матильду вздрогнуть. Что такое? А, что бы ни было, это повод выставить пегого борова! Матильда торжественно поднялась, колыхнув все еще роскошным бюстом. Уж лучше б она сидела! Вдовствующей принцессе показалось, что она спит, потому что перед ней стоял Робер Эпинэ. Похудевший, чтобы не сказать исхудавший, но живой!

– Маркиз! – Питер Хогберд опомнился первым. – Я так рад вас видеть, дорогой друг!

– Не имею чести быть вашим другом, барон. – Щека Робера дернулась. Твою кавалерию! Все удары судьбы Иноходец встречал с улыбкой, а любую боль переносил, стиснув зубы, именно поэтому Матильда испугалась. Хогберд, к счастью, тоже. Боров торопливо забормотал что-то невразумительное о тяжких испытаниях и встрече старых друзей, которой не следует мешать, и откланялся. На прощание барон протянул Роберу большую веснушчатую руку, но Эпинэ этого не заметил. Было ясно – если Питер скажет еще одно слово, он вылетит в окно. Борец за дело Раканов это понял и исчез. Матильда хмыкнула и вытащила бокалы:

– Тебе надо что-то покрепче, но я, как на грех, взялась следить за здоровьем, так что в доме только кэналлийское. За встречу!

Робер выпил залпом, молча. Где и с кем блуждали его мысли, было непонятно. Несмотря на зиму, он казался смуглым, а может, дело было в белом гайифском камзоле. Очень дорогом. Эпинэ вообще был отменно одет.

– Твою кавалерию, хорошо выглядишь! – Надо было что-то сказать, вот она и брякнула первую попавшуюся чушь, годную разве что для бабы, которой изменяет муж.

– Где Альдо?

– Болтается где-то. Твое здоровье.

– Ваше здоровье, сударыня, – Робер, похоже, взял себя в руки, и зря. Ему нужно напиться и выговориться, а не вести светские беседы.

– Садись и рассказывай. Или не рассказывай. Главное, ты жив и ты здесь. Мы получили письмо. Зачем ты это сделал?!

– А что мне оставалось?! Позволить Ворону утопить половину Кагеты? Все равно все пошло не так. Алве мешал Адгемар, а не я… Закатные твари, он был прав! Лис обманывал всех… Я думал, что спасаю Мильжу и Луллака. А они думали, что спасают меня. И погибли…

– Как же ты вырвался? Не хочешь – не говори. И кто такие Мильжа и Луллак?

– Мои друзья…

– Вечная память! – Матильда подняла бокал. Она начинала пьянеть, ну и ладно.

– Им отрубили головы и бросили к ногам Ворона… Лис отрубил, – рука Иноходца сжала ножку бокала так, что костяшки пальцев побелели. – Там был Дик Окделл, сын Эгмонта… Он – оруженосец Алвы.

– Это он тебе помог?

– Помог встать. Когда меня швырнули лицом о камень. Меня спас Ворон.

– Ворон?!

– Да… Долго рассказывать, но он прикончил Адгемара, а меня отпустил. Коня дал, денег… А я взял! У человека, который… – Робер залпом осушил бокал. – Всего не расскажешь… Беда в том, что я не знаю, кто прав! То, что творил Ворон, чудовищно, но он спасал Талиг, а мы что делали?!

Принцесса промолчала. Все было очень плохо, а всего хуже то, что благоденствие Талига и жизнь Альдо были несовместимы.

– Матильда, – Эпинэ схватил женщину за руку, – что мы делаем? Зачем?!

– Бедный… – Принцесса порывисто прижала Робера к себе и поцеловала в лоб. Хорошо, что ей за шестьдесят, лет пятнадцать назад материнским поцелуем не обошлось бы… Хотя почему хорошо? Плохо! Ее жизнь кончена, но Альдо и Робер должны жить и быть счастливы. Легко сказать…

– Меня проводили до гайифской границы, – Робер опустился в кресло, – Алва отпускал со мной молодого Окделла, тот не поехал. По-моему, он влюблен.

– Погоди, – Матильда выпила еще, – я уже ничего не понимаю.

– Я тоже.

– Клемент-то где?

Какая она дура! Если он потерял коня, то что говорить о ручной зверушке.

– В гостинице. – Робер изо всех сил пытался улыбнуться. – Представь себе, я его

отыскал в Равиате, в сумке. Не желает вылезать.

– Он что, все время с тобой был?

– Нет, я уж думал, мы друг для друга потеряны, – Робер махнул рукой и нечаянно смахнул со стола корзинку с зимним виноградом. Захмелел, и хорошо!

– Как же ты его нашел?

А не все ли равно, главное, что нашел. Когда что-то потеряешь, а потом найдешь, это хорошая примета… Она потеряла Иноходца, а теперь он нашелся, хоть что-то доброе в этой пакостной жизни.

– Его Крысейшество ждал меня там, где я его оставил. – Иноходец был явно горд своим питомцем. – Прямо чудо какое-то! Его приютил мой хозяин. Кагеты – славные люди, хотя сначала я думал, с ума с ними сойду. Столько не едят, не пьют и не кричат! А как Мупа?

– Мупа… – Матильда поняла, что опьянела окончательно и бесповоротно. – Твою кавалерию! Пока ты таскался по Кагете, Мупу отравили… Вместо нас… Нас всех тут угробят, если мы… Не укусим первыми… А чем нам кусаться?!

– Бедная Мупа, – Робер поднес руку Матильды к губам.

– Она… – принцесса совершенно неизящно шмыгнула носом, – слопала пирог… Именинный.

– Тот самый? Со сливками?

– Да… Робер, как же славно, что ты вернулся! Я тебя больше никуда не пущу. Слышишь?

– Матильда, – последний из Эпинэ покачал головой, – нам все равно придется куда-то идти, а вам нас провожать. Но сегодня я с вашего разрешения останусь здесь.

– Попробовал ты бы уйти, – заявила Матильда, – я б тебя своими руками придушила!

3

Цок-цок-цок-цок…. Цок-цок-цок-цок… Лошадь. Лошадь цокает по булыжникам, и как громко…

Робер с трудом разлепил глаза. Это ж сколько они с Матильдой вчера, то есть сегодня, выпили? Лошадь цокала под окнами, она никуда не торопилась, и у нее голова не болела. А еще говорят, пьет, как лошадь. Лошади пьют воду, а не вино, и правильно делают. Но какая холодина, словно в каком-нибудь Надоре… Окно, что ли, открыто? Иноходец прекрасно помнил и эту спальню, и это окно. Когда был ветер, в него стучался старый каштан, сквозь ветви которого виднелись черепичные крыши и купол церкви Святого Пьетро.

Раньше стены были обиты выцветшим цветастым щелком, теперь Матильда сменила его на малиновый, да и кровать больше не скрипела при каждом движении. Робер кое-как поднялся, сразу стало еще тошнее, но окно нужно было закрыть. Что-то не то с этой лошадью, хромая, что ли, и тащится, как с перепою. Или ему сегодня все пьяными кажутся?

Разрубленный Змей, ему холодно потому, что он сдуру разделся. В Сагранне он спал одетым, но там была война, а тут что? И вообще он не вернулся в «Стрижа», Клемент наверняка волнуется… Пожрал он наконец или все еще нос воротит? Нет, какого демона он разделся, да еще в чужом доме? Бред! А окно и впрямь открыто… Он, наверное, спьяну решил, что его занесло в Багряные земли или, самое малое, в Кэналлоа, вот и распахнул окно, а занавеси зачем-то опустил. Каких только глупостей спьяну не сотворишь… стрезву, к слову сказать, тоже. Хотя «стрезву» вроде не говорят… а, пошло оно все к закатным кошкам!

Робер отдернул тяжелую, расшитую глупыми красными птицами штору, решив поскорее покончить с неприятным делом и нырнуть в согретую постель. Лошадь цокала под самым окном, и талигоец невольно глянул на залитую зеленоватым лунным светом пустую улицу, по которой не спеша удалялся одинокий всадник на упитанной пегой кобыле. Наездник был в шляпе с пером и плаще, а за спиной у него задом наперед сидела толстая девочка лет семи в ночной рубашке с короткими рукавчиками и кружевном чепчике. Робер

вцепился пальцами в раму, не в силах оторвать взгляда от медленно удаляющейся лошади.

Всадник словно бы спал в седле, предоставленная самой себе кобыла еле-еле переставляла ноги, медленно взмахивая очень длинным светлым хвостом, девочка улыбалась, ее руки были сложены на груди, она ни за что не держалась и, судя по всему, совсем не страдала от холода. Было очень тихо, только стучали копыта, выбивая из мостовой зеленоватые искры. Кобыла не хромала и все-таки шла как-то неровно. Робер сделал над собой усилие и захлопнул окно, взрослый не пошевелился, лошадь взмахнула хвостом, девочка подняла голову и послала воздушный поцелуй. Эпинэ как-то умудрился разглядеть толстощекое лицо с глазками-пуговками, щербатый рот, большую родинку на щеке и вторую, поменьше, над верхней губой, которую девочка медленно, с удовольствием облизала.

Эпинэ никогда не встречал более уродливого ребенка, но почему-то не мог оторвать от него глаз.

– Папенька, я выбрала, – визгливый голос ударил по ушам, – я хочу этого.

– Ты получишь короля, – мужчина не скрывал недовольства.

– А я хочу этого! – настаивала девчонка. – И я заберу его!

– Не сейчас, ты слишком молода, – всадник и не подумал обернуться.

– А я хочу!

Между Робером и ночными путниками было толстое стекло, талигоец не мог слышать никакого разговора, но слышал и не сомневался, что говорят о нем. Иноходец отскочил от окна, вернее, отскочило его тело, оказавшееся проворнее замутненного ужасом разума. Что-то грохнуло и зазвенело, но Эпинэ даже не понял, на что он налетел. В детстве он ночами забирался то на кладбище, то в развалины эсператистского аббатства в надежде прокатиться на кладбищенской лошади, тогда ему не было страшно, страх настиг его сейчас.

– Робер!

Матильда в ночной сорочке и с пистолетом в одной руке и подсвечником в другой стояла на пороге, и Эпинэ наконец сообразил, как нелепо он выглядит.

– Что с тобой?!

– Ничего… Я что-то опрокинул…

– Беды-то! – Матильда и не подумала взглянуть на причиненные разрушения. – На тебе лица нет. Тебе плохо?

– Матильда, – он только сейчас сообразил, на кого похожи наследник дома Эпинэ и вдовствующая принцесса, но остался стоять, как стоял, – ты ничего не слышала?

– На улице?

– Да, внизу…

Принцесса отдернула многострадальный занавес и прильнула к стеклу.

– Пусто, – в голосе вдовицы чувствовалось чуть ли не сожаление. – Если кто и был, то удрал, а в чем дело?

Не хватало рассказать, что его перепугала девчонка в ночной сорочке и пегая лошадь. Это было пьяным бредом, это просто обязано быть пьяным бредом!

– У тебя точно нет касеры?

Клин вышибается клином, если нет касеры, пойдет вино, но он допьется до бесчувствия. «Я заберу его»… Эти редкие зубы, ночной чепчик… Почему так странно стучали копыта?

– Теперь есть, – гордо ответила вдовица, – я за ней послала. Ты разве не помнишь?

Робер медленно покачал головой, которая отчего-то прояснилась, хотя ее об этом никто не просил.

– Сейчас принесу. – Принцесса поставила свечу на ночной столик и, все еще сжимая в руках пистолет, выплыла из спальни обнаженного молодого человека. Молодой человек стиснул зубы и отвернулся от окна. На улице никого не было. Это был бред, пьяный бред. Приличные люди видят зеленых кошек, а ему почудилась полуголая девчонка. Нашел чего пугаться!

– Вот! – Матильда держала в руках глиняную четырехгранную посудину, на горлышко которой насадила два сужающихся к низу стакана из лучшего алатского хрусталя. Принцесса водрузила свою ношу на подоконник. Она, в отличие от Робера, удосужилась накинуть на себя бархатный балахон. Иноходец метнулся к кровати, но его одежда, не считая сиротливо лежащего посреди ковра сапога, куда-то делась. Эпинэ вздохнул и соорудил из смятой простыни некое подобие морисского одеяния. Матильда усмехнулась и протянула ему стакан. Робер его торопливо ополовинил, на глаза навернулись слезы, но вряд ли дело было в выпивке.

– Ты чего-то боишься? – Матильда видела его насквозь.

Эпинэ молча кивнул.

– Я тоже, – сообщила принцесса, села на кровать и принялась рассказывать. Она говорила о горящих свечах, распахнутых воротах, сухой, жесткой траве, а Робер, слушая, но не слыша, медленно потягивал горький, обжигающий напиток.

Ни один дурак не пьет касеру, как кэналлийское – ее не смакуют, ее глотают и тут же закусывают. Лучше всего горячим соленым хлебом, но будущий герцог Эпинэ пил эту гадость именно так. Когда стакан опустел, он наполнил его снова, посмотрел на Матильду, та кивнула, они выпили еще, и все равно было холодно, пусто и страшно.

Принесенная Матильдой свеча догорела и погасла, голова кружилась и одновременно оставалась ясной. «Я заберу его»… Уж лучше б Рокэ пристрелил его на месте или его прикончила умирающая Бира. Все, что угодно, но не эта нежить! Нежить? Вот он и сказал это слово, вернее, подумал. Дракко был прав и Клемент тоже, в Агарисе что-то не так. Ушли крысы и кошки, а что пришло?

– Что с тобой? – Рука Матильды, живая рука, коснулась его лба. – Да у тебя никак горячка?

Робер покачал головой, поднес ладонь принцессы к губам, а потом сгреб обалдевшую женщину в объятия. Матильда рванулась, выдохнув что-то вроде «зачем тебе старуха», но Эпинэ зажал ей рот поцелуем. Она была живой, она была здесь, он не мог ее выпустить, не мог остаться один. Робер забыл обо всем, даже о Мэллит. Он должен был согреться, разорвать захлестнувшую его ледяную веревку. Балахон Матильды полетел прочь, вслед за ним отправились сорочка и простыня, принцесса уже не сопротивлялась, наоборот. Она лгала, называя себя старухой, она была женщиной, желанной, страстной, настоящей. Она была спасением.

Глава 7
Агарис и Надор
«Le Chevalies des Bâtons» & «Le Huite des Épées»

1

Место было на редкость мерзким даже для монастыря «истинников». Узкий проход между двумя стенами, больше похожий на коридор, у которого вместо потолка было низкое серое небо. Тоже мне юг! Робер с нескрываемым отвращением посмотрел на грязные клочковатые облака, висевшие над самой головой. Как его сюда занесло? В последнее время с ним происходит что-то странное.

Говорят, некоторые люди бродят во сне, особенно когда светит луна, но на него находит средь бела дня. Как бы то ни было, нужно выбираться с этих задворков. Робер с сомнением посмотрел направо, потом налево, прикидывая, куда пойти. Что в одну сторону, что в другую тянулись две совершенно одинаковые щели, в которые Клемент, и тот бы не полез. Ладно, пойдем направо, если там тупик, вернемся, монастырь не такой уж и большой. Эпинэ махнул рукой и свернул вправо, лихорадочно соображая, что делать потом. С ума сходить очень не хотелось. Нанять слугу и приказать водить себя за руку? Попросить хозяев

«Стрижа» запирать его на ключ? Рассказать все Матильде? Хотя что она может? Посоветоваться с гоганами? Пожалуй… Енниоль должен знать способы.

Проклятие, эта стена когда-нибудь кончится или нет? А это еще что такое? На унылом камне проступали какие-то пятна, отвратительные донельзя. Иноходец ускорил шаг и наткнулся на новую россыпь грязно-бурых разводов, по размерам и форме похожих на первые, но более ярких. Через несколько шагов все повторилось. Пятна располагались каким-то им одним ведомым образом, раз за разом повторяя друг друга. Больше всего это походило на пегую лошадь, которую малевал пьяный художник, вместо красок державший плесень.

Эпинэ закрыл глаза и прибавил шагу. Талигойцу безумно хотелось повернуть назад, но он шел довольно долго, и выход или, наоборот, тупик наверняка были уже близко. Глупо метаться туда-сюда из-за какой-то грязи. Прошагав некоторое время вслепую, Робер решил оглядеться. Вокруг по-прежнему вздымались унылые стены, на которых какой-то мерзавец изобразил пегую кобылу, причем со всеми подробностями. Это была уже не семейка гнилостных пятен, а самая настоящая живопись, причем великолепная. Можно было сосчитать каждую волосинку в гриве или хвосте; при этом неведомый мазила не озаботился нарисовать под ногами проклятущей скотины хотя бы травку – толстая пегая лошадь деловито шагала прямо по грязной, облупившейся стене. Робер сжал зубы и пошел дальше, стараясь не глядеть по сторонам, но изображение словно бы шагало рядом, возникая то справа, то слева.

Если бы кто-то когда-то сказал Иноходцу Эпинэ, что его испугает кобыла, тем более нарисованная, он бы расхохотался, но теперь талигойцу было не до смеха. Робер старался не смотреть и все равно видел проклятую фреску, а коридор становился все у́же. Еще немного, и придется коснуться сырых стен, на которых перебирала ногами пегая тварь. Почему говорят, что несчастье приносят вороные жеребцы? Черномазый демон Рокэ Алвы казался куда приятнее. Стены подступили еще ближе, и Робер остановился. Пусть это трусость и глупость, но он возвращается.

Талигоец прошел с полсотни шагов, когда понял, что пегая кобыла тоже повернулась. Это было невозможно, но это было. Нарисованная лошадь шла с ним. Эпинэ бросился назад – ничего не изменилось: лобастая башка с длинной светлой челкой снова смотрела в ту же сторону, что и его собственная. Куда бы он ни шел, стены будут сужаться, а намалеванная тварь будет брести рядом, да если бы брести, это было бы не так страшно. Когда Робер стоял, он прекрасно видел, что рядом с ним фреска, размером с настоящее животное. Стоило сделать шаг, как изображение перемещалось, и уловить это мгновение Эпинэ не мог.

Лошадь не пыталась сойти со стены, на первый взгляд в ней не было ничего страшного – упитанная, даже слишком крестьянская скотинка, дворянин на такую и не взглянет! Эпинэ пробормотал молитву, потом выругался. Не помогло ни первое, ни второе. Стены были высокими и гладкими, в них не было ни единой щелки, это даже не кладка, это цельный… камень? Иноходец предпочел бы умереть, но не дотрагиваться до грязноватой плиты, а вот стены были не прочь дотронуться до него. Робер чувствовал, что они сближаются. Медленно, по волоску, но сближаются. Эпинэ схватился за ножны – они оказались пустыми. Он не сможет умереть от чистой стали, его сплющат каменные ладони.

Теперь талигоец бежал, бежал, стараясь не думать о пегой кобыле, которая по-прежнему находилась сбоку. Он бежал и стоял на месте, а может, это стены бежали вместе с ними, не забывая сближаться. Когда Робер в первый раз невольно коснулся чего-то холодного и шершавого, он заорал, заорал изо всех сил, как кричат в застенках, а потом его руку сжала чья-то рука, горячая и сильная.

– Не самое приятное место для прогулок, маркиз, я едва вас отыскал.

– Рокэ!

– Воистину. Вот уж не думал, что вы заберетесь так далеко.

– Где мы?

– Здесь, – сощурил глаза Ворон. – Вы здесь и вы есть. Запомните это, Повелитель Молний! ВЫ есть, а ЕЕ – нет!

2

От Олларии до Надора, не особенно торопясь, можно добраться за двенадцать дней, но три дня ушло на праздники. Сопровождавший Дика кавалерийский сержант хотел встретить Новый год «по-людски», и Ричард с радостью оттянул возвращение. Начинать год со ссоры было дурной приметой, особенно если это последний год Круга, а доберись они до Надора вовремя, без стычки не обошлось бы.

От Наля и кансилльера Ричард знал – матушка, узнав, что он стал оруженосцем Рокэ Алвы, назвала сына предателем. Эр Август взял ответственность на себя, за что Дик был ему искренне благодарен, но герцогиня осталась при своем мнении. Рокэ Алву она ненавидела даже больше, чем Олларов.

Ричард придержал Сону, собираясь с мыслями. Он был рад увидеть матушку, сестер, Эйвона, слуг и одновременно побаивался встречи. Правду сказать, Дик предпочел бы отправиться вместе с Вороном в Кэналлоа и Торку, но его мнение никого не волновало. Рокэ прочитал письма из Надора, пожал плечами и выписал оруженосцу подорожную. Ричард даже не успел переговорить с эром о покушении и Дораке – нагрянули Манрики, и Рокэ вместе с ними ускакал встречать бакрийское посольство, напоследок не терпящим возражения голосом сообщив, что герцога Окделла будут сопровождать сержант и два десятка солдат. Юноша пробовал объяснить, что матушке это не понравится, но эр посоветовал почаще вспоминать, что Повелитель Скал – он и никто другой и приказывать ему может лишь король и его эр.

Совет был хорош, но Дик с трудом представлял, как он заявляет подобное матушке или Эйвону. Это Ворон может сказать что угодно и кому угодно, может швыряться золотом и смеяться в лицо врагам, ну а родных у него попросту нет.

– Сержант Гокс!

– Сударь!

– Эта дорога ведет к Надорскому замку. Дальше я поеду один.

– Как вам будет угодно, – воин подкрутил усы, он делал это по сорок раз на дню, впрочем, усы того стоили, – нам велено проводить вас до Надора и обратно.

– Вы уже проводили, – заверил Дик. Он не мог заявиться домой с солдатами в черно-белых мундирах.

– Как скажете, – сержант Гокс исполнял приказ, до всяческих тонкостей ему дела не было, – но назад велено быть к началу лета.

– Ехать нам двенадцать дней… Я жду вас в тринадцатый день Весенних Молний в… – в Надоре они не должны появляться ни в коем случае. – Тут неподалеку постоялый двор есть. «Веселый крестьянин». Там на вывеске человек верхом на корове, а рядом бежит теленок.

– Разыщем, – кивнул сержант, – мы сейчас в Торку. Письмишко передать не желаете?

Какой он болван! Знал ведь, что Гокс едет к фок Варзову, надо было купить братцам Катершванцам какой-нибудь подарок… Одно письмо посылать неприлично! Ничего, когда он вернется в Олларию, он напишет сразу всем друзьям.

– Благодарю, сержант. – Рокэ никогда не забывал благодарить солдат и младших офицеров, и отец тоже говорил, что с простыми воинами нужно быть вежливым. – Ничего не нужно.

– Стало быть, в «мужике на корове», – Гокс снова подкрутил усы. – С утреца тринадцатого дня.

– Договорились, – кивнул Дик, и, поддавшись мгновенному озарению, вручил вояке талл, – выпейте за… За здоровье монсеньора!

– Уж мы выпьем, – заверил усач. – Прямо сейчас. Мы за маршала в огонь и в воду. И за

вас, сударь, тож стаканчик пропустим. Счастливо гостевать.

Сержант завернул рыжего с белой бабкой коня, направляясь в вожделенную гавань, за ним с радостными улыбками тронулись солдаты. Дик остался один. Его ждал родимый дом, из которого он так не хотел уезжать… Юноша вздохнул и свернул с тракта на узкую дорогу, почти тропу. Знакомые места, о которых он, стыдно сказать, почти не вспоминал. Дик виновато кивнул сломанной иве, зябко съежившейся под снегом. Когда-то он, шестилетний, залез на самый верх и не мог спуститься. Его снял отец, это стало их маленькой тайной от всех, и в первую очередь от матушки. Что бы сказал отец, увидев сына рядом с Вороном?

Старая ива осталась позади, показалась скала, увенчанная грудой обледенелых камней, когда-то это было сторожевой башней, там до сих пор сохранился фундамент и заваленный колодец. Ели вдоль дороги стали гуще и темнее, утром шел снег, и шипастые зимние подковы оставляли на нем четкие следы. Похоже, после снегопада по дороге никто не проезжал.

Чем ближе был Надор, тем больше Дик хотел там оказаться. Он не стал сообщать о своем приезде, и правильно! Это будет сюрпризом. Он въедет во двор на чистокровной мориске, ведя в поводу белоснежного коня. Первым, разумеется, его заметит привратник. Старый Джек не сразу сообразит, что молодой господин с орденом Талигойской Розы на груди – его хозяин.

Когда Ричард Окделл уезжал в Лаик, слуги провожали его, словно покойника, а он вернулся с победой. Дорога все сильнее забирала в гору, хотя после Сагранны Надоры казались игрушечными. Как хорошо, что кроме ордена он получил тысячу таллов, теперь матушка не станет пенять за то, что он берет деньги у Ворона. Конечно, оставался Бьянко, Бьянко, который стоил две тысячи, а Сона и вовсе была бесценной, но матушка давно не покидала замок и никогда не разбиралась в лошадях. Она не догадается, зато как обрадуется Айрис.

Неужели старый замок на горе – это Надор? Какой же он жалкий! Позеленевшие от времени стены, трещины, в которых успели вырасти целые деревья, обвалившиеся бойницы, слепые башни с ржавыми флюгерами. Хорошо, с дороги не видно развалившегося западного флигеля, в котором укрываются от непогоды куры.

Вот и мост, некогда бывший подъемным, но солдаты разбили старый механизм, и они же сломали решетку над воротами. Щербатый Джек, подслеповато щурясь, выскочил из привратницкой и всплеснул руками. Дик засмеялся, спрыгнул с лошади и обнял пахнущего луком и пивом старика. Откуда-то выскочил Карас и, отчаянно виляя хвостом, прыгнул юноше на грудь.

– Узнал! – Дик со смехом оттолкнул слюнявую морду.

– У него ж нос, – резонно заметил Джек, – а вот я бы тебя, сударь ты мой, в другом месте не признал. Такой важный, а уж лошадки… Теперь ясно, с чего вы Баловника вернули. Куда ему против этаких!

– Мориска и линарец, – с гордостью сообщил Дик.

– Оно и видать…

– Ричард!

– Дядя!

Эйвон, еще более постаревший, в потертой одежде, прихрамывая, спешил навстречу, за ним бежала кормилица в неизменной шали с тюльпанами, а сзади толкались слуги. Старуха Нэн, Джон, Тэдди… Волосы Дейзи убраны под чепец, значит, молочная сестричка вышла замуж. За Нэда или за Боба?

– Вы появились несколько неожиданно, Ричард.

– Матушка!

Герцогиня Мирабелла, высокая и прямая, стояла на крыльце, положив руку на перила. Дик сразу понял, что матушка недовольна, но чем? Тем, что он не сообщил о приезде, как полагалось по этикету, или чем-то еще?

Юноша подошел к матери и преклонил колено. Мирабелла протянула сыну изящную

руку с вдовьим браслетом.

– Надор приветствует своего господина. – Герцогиня возвысила голос. – Эдмунд, прикажи́те поднять флаг. Мой сын, ваши комнаты сейчас отопрут. На стол подадут через час.

Герцогиня повернулась и скрылась за резной дубовой дверью, и на сердце Дика вдруг стало тяжело, словно на него навалилось зимнее небо со всеми своими облаками и вороньем. Юноша поднялся по ступенькам, отдал плащ, шляпу и перчатки шмыгающему носом Тэдди и деланно засмеялся. Он был дома, но лучше бы ему сейчас ехать в Кэналлоа.

3

– Во имя Кабиоха, он вернулся!

Огромные золотистые глаза под озабоченно сведенными бровями, выбившаяся медная прядка… Мэллит! Если это сон, то самый лучший в мире!

– Блистательный узнает своих и чужих?

Мужчина! Знакомый голос, знакомое лицо…

– Достославный Енниоль! – Эпинэ попробовал подняться. – Рад вас видеть…

– Правнуки Кабиоховы испытали бо́льшую радость, вернув тебя с порога. Что ты помнишь?

– Не понимаю! – Робер попытался сесть. Теперь он узнал, где находится – в доме отца Мэллит рядом с их алтарем, как же он называется? Кажется, ара…

– Как я сюда попал?

– Правнуки Кабиоховы не станут скрывать известное им, но и блистательный ради своей жизни скажет правду, но не здесь. Блистательный может встать?

На этот вопрос был лишь один ответ. Он не позволит таскать себя, как мешок, на глазах Мэллит. Эпинэ закусил губу и попробовал подняться, кто-то подхватил его под руку. Альдо! Сюзерен был без камзола, рубашка расстегнута, из ранки на груди сочится кровь. Как тогда! Робер вцепился в плечо приятеля, колени его дрожали, как у новорожденного жеребенка. Сколько же сюда набилось народа! Кроме них с Альдо и Мэллит, в алтарном чертоге топтался чуть ли не десяток гоганов и две гоганни, кажется, те же самые, что и в прошлый раз…

– Блистательный может идти?

Эпинэ кивнул.

– Тогда покинем чертог ары.

Значит, он вспомнил правильно, эта золотая штука называется арой. В ней наверняка опять что-то видели. Кто же его сюда притащил?

Достославный Енниоль медленно двинулся к занавесу, Эпинэ с Альдо пошли следом, а Мэллит подхватили ее толстухи. Робер оглянулся якобы на алтарь – девушка смотрела им вслед, нет, не им – Альдо! Хорошо, что соплеменники не видели ее глаз, они бы поняли то, что не должны знать. Объявись рядом с Робером Леворукий, Иноходец отдал бы ему душу за полчаса наедине с Мэллит, но Повелителю Кошек до души Робера Эпинэ и его желаний не было никакого дела.

За занавесом их ждало несколько гоганов. Енниоль величаво кивнул и прошествовал по коридору, дав знак следовать за ним. Робер, стараясь поменьше спотыкаться, потащился следом. Как же сюзерен приволок его сюда и что он сказал Матильде?

При воспоминании о вдовствующей принцессе стало стыдно. Странно, он всегда был рад видеть Матильду. Наверное, дело в том, что ему стало худо в ее доме. Последнее, что Робер помнил, были винные бутылки. Разумеется, пустые. Он напился, как сапожник, но ему казалось, что до кровати он все-таки дополз сам. Что же было дальше?

– Альдо, – Эпинэ сжал локоть приятеля, – что мы тут делаем?

– Тебя лечим, – Ракан говорил шепотом, – ты подхватил горную лихорадку, думали – все. Хорошо, Мэл… – принц осекся и указал глазами на Енниоля. – Дома расскажу.

– Не стоит откладывать важное и неотложное, – гоган явно слышал их разговор, – сейчас мы успокоим тела свои на скамьях и будем спрашивать и отвечать. Нужно многое понять, чтоб не оказаться среди огня без воды и среди волн бушующих без корабля.

Енниоль был серьезен, хотя гоганы вообще были серьезным народом. Так же, как и бириссцы, а вот кагеты, те все время смеялись, орали и ели, но смерть равно тянет лапы и к веселым, и к грустным…

– Пусть блистательные войдут в чертог беседы! Их ждет трудный разговор о смутных временах и дурных пророчествах.

Весьма кстати! Для полного счастья ему не хватало только дурных пророчеств. А это еще что такое?

Эпинэ с удивлением уставился на собственную руку, вернее, запястье, которое охватывало широкое плоское кольцо червонного золота. Неужели он умудрился обручиться?! Этого еще не хватало… Робер тронул браслет, роскошная вещь, но какая-то тревожная. И где герб и вензель той, кому он дал слово, если он, разумеется, его давал?

4

– Что может вспомнить блистательный? – Вопрос Енниоля не застал Иноходца врасплох лишь потому, что талигоец усиленно вспоминал то, что с ним было.

– Я пришел в дом Раканов. Моего сюзерена не было, меня встретила Матильда… Бабушка Первородного. У нее был боров… То есть барон Хогберд, но он ушел. Мы говорили о Кагете, потом пили, потом я, кажется, пошел спать.

– Блистательному кажется?

– Я был пьян, – признал Эпинэ, – очень пьян.

– Ты был болен, – встрял Альдо, – а не пьян. Я вернулся утром, ты бредил, а Матильда с двумя лекарями прыгали вокруг тебя и не знали, что делать. Когда тебе стало совсем худо, я вызвал достославного Енниоля, и он велел…

– Правнуки Кабиоховы не могут велеть внуку Его, – наставительно и даже с какой-то укоризной произнес гоган, – мы были рады оказать услугу Первородному и спасти друга Правнуков Кабиоховых.

– Что со мной было? – ничего умнее этого вопроса в голову Робера не пришло.

– Блистательного затянули к Серому Порогу, но кто и зачем – осталось скрытым. Сын моего отца просит рассказать обо всем, что нельзя назвать обычным.

– Мой конь не хотел идти в Агарис… И еще Клемент, – Робер повернулся к Альдо, – где он? Я оставил его в гостинице.

– У Матильды, – улыбнулся принц, – я его забрал. Его и твои вещи. Нам не сто́ит больше расставаться, Матильда тоже так думает.

– Он не хотел есть, – Эпинэ понимал, что несет чушь, – это на него не похоже. Откуда у меня этот браслет? Я… Я вернулся без него… Меня с кем-то сосватали?

– Это, – Альдо явно колебался, – это надела… девушка по приказу достославного Енниоля, там у тебя… Ну, отметина какая-то.

– На руке блистательного появился знак, который нужно скрыть. Ты не должен снимать то, что надела юная Мэллит. Это опасно.

Он носит браслет Мэллит! Пусть без имени и герба, пусть его надели, чтобы что-то там спрятать, какое это имеет значение?! По закону и чести Мэллит взяла с него клятву верности, даже если не знала об этом. Да, она никогда не станет его женой, но они все равно связаны навеки! Робер с нежностью коснулся червонного золота. Енниоль неправильно понял его жест и торопливо сказал:

– Если бы у сына моего отца был другой путь, я пошел бы им, но тропа была лишь одна.

– Я не сниму браслет, – твердо сказал Робер, – обещаю.

– Но мы не хотим быть слепыми щенками, – влез Альдо. – Я должен знать, что

случилось, а Робер то, что мы с ним сделали.

– Я расскажу. – Енниоль казался безумно уставшим, и Роберу стало его жаль. – Но сначала ответь, что ты помнишь из своих снов?

– Ничего, – Робер задумался, – наверное, это были кошмары?

– Ты не помнишь серых стен? Не помнишь своей дороги? Не помнишь того, кто протянул тебе руку?

– Нет, – Эпинэ с сожалением покачал головой, – я не помню ничего. А все это было?

– Ара показала, где блуждала твоя душа. Это дурное место, но оно было отражением Агариса… Мы звали тебя, заклинали именами твоей матери и отца, твоим гербом и всеми твоими предками, мы смогли остановить тебя и заставить оглянуться, но этого не хватало. Тогда к тебе через ставшую Залогом воззвала кровь Раканов, но ты ушел слишком далеко. И лишь когда Первородный смешал твою кровь со своей и кровью ставшей Залогом и напоил ею отражение Зверя, он вывел тебя.

– Зверя? – Роберу казалось, что он бредил именно теперь. – Какого Зверя?

– Зверя Раканов.

Зверя? Нелепое чудище со старой шкатулки? Безумие… Хотя почему он не верит Енниолю, ведь он первый заговорил об ушедших крысах и прочей чертовщине. Его спасли с помощью гоганской магии и крови Раканов, почему же ему кажется, что все не так? Он согласен верить в чудеса, но не в это.

– Твое сердце спорит с твоим разумом?

– Да. Не знаю… Это не объяснить, но что-то не так. Там не было Зверя. Не было!

– А что было?

– Лошадь! – с отчаянием произнес Робер Эпинэ. – Там была лошадь…

Глава 8
Надор И Оллария
«Le Valet des Épées» & «La Dame des Bâtons»

1

Капитан Рут сделал выпад, который Дик легко отбил. Рука юноши сама рванулась вперед и слегка вбок, остановив клинок ветерана. Ричард резко подался назад и в сторону, обернулся вокруг своей оси и приставил шпагу к горлу противника. Будь все всерьез, капитан был бы уже мертв.

– Ты мне не по зубам, Дикон, – признался начальник надорского гарнизона, – когда-то я неплохо фехтовал, но теперь мне до тебя далеко.

Ричард виновато улыбнулся. Уроки Рокэ не пропали даром, другое дело, что до учителя ученику было как до неба. Ричард шел за Вороном, глядя на него снизу вверх, и не заметил, как взобрался на гору. Святой Алан, теперь он справился бы с Эстебаном Колиньяром сам, а может, и с несколькими противниками сразу! От этого открытия сердце Дика радостно забилось.

– И кто это тебя так натаскал? – подозрительно осведомился капитан Рут.

– Мой эр, – признался Ричард, понимая, что ни к чему хорошему это не приведет. Любое упоминание Алвы в замке Надор заставляло его обитателей поджимать губы и стискивать кулаки.

– Его и впрямь Леворукий учил, – буркнул Рут, – в мое время дрались без всяких вывертов, и ничего. Небось и герцога он по-подлому убил.

Ричард уже шесть лет носил титул герцога Окделла, но для обитателей Надора герцогом оставался отец. Это было справедливо, но сегодня Ричарду вдруг стало обидно.

– Дикон, – Айрис в платье для верховой езды стояла сзади, – ты не поедешь со мной? Ну, пожалуйста…

– Конечно. Айри. Я сейчас.

Ричард был только рад прекратить неприятный разговор. Айрис была единственным человеком в замке, с которым не приходилось обдумывать каждое слово. Они и раньше дружили, но теперь все стало иначе. Брат и сестра чувствовали себя заговорщиками и единомышленниками, особенно после того, как Ричард рассказал, откуда у него Бьянко. К тому же Айрис напоминала Катари, хотя была повыше и глаза у нее были серыми, а не голубыми. Ричард сам оседлал лошадей и вывел из конюшни. Лучше мерзнуть в обществе Айрис, чем сидеть у камина и выслушивать поучения матушки и сетования Эйвона.

Сона, оказавшись на улице, принялась рыть копытом смерзшуюся землю, напомнив юноше своего полубрата, который сейчас гулял по кэналлийским лугам. В Алвасете отцветали гранаты, а в Надоре по-прежнему шел снег и дул колючий северный ветер. Дик с трудом представлял, как доживет до конца отпуска. Пока ему удалось ни разу ни с кем не повздорить по-крупному, но несколько раз он едва не ввязался в бессмысленный и безнадежный спор. Теперь Дик не понимал, как он за шестнадцать лет в Надоре не сошел с ума, вернее, не шестнадцать, а пять. При отце все было иначе, хотя веселья в старом замке не было и тогда. Как здесь можно жить? Как он сам жил здесь и считал, что все хорошо и правильно?

Сестра в подбитом лисьим мехом плаще с капюшоном потчевала Бьянко морковкой. Линарец с радостью принимал угощение, они с Айри полюбили друг друга с первого взгляда. Раньше сестра ездила на старенькой Чайке, которая с радостью удалилась на покой, но Дику казалось, что матушка и конюхи недовольны вторжением породистых красавцев в надорские конюшни. Их можно было понять – рядом с Соной и Бьянко окделлские кони казались безнадежными клячами.

Ричард подсадил Айрис в седло и улыбнулся старшему конюху:

– Мы поедем вдвоем.

Ларс угрюмо кивнул. По этикету знатная девица могла выезжать либо в сопровождении двоих грумов, либо с отцом или братом. Разъезжая с Айрис по окрестностям, Ричард не нарушал никаких традиций, но все равно чувствовал, что матушка, а вместе с ней и прочие обитатели замка этого не одобряют. Ну и ладно, восемь бед, один ответ! Айри шевельнула поводьями, и Бьянко плавной рысью двинулся к мосту. Сона, не дожидаясь приказа, побежала следом, мориска уже привыкла к парным прогулкам и получала от них удовольствие. Две лошади, черная и белая, выбрались на дорогу и пошли голова в голову. Впереди было несколько часов свободы и свежего ветра.

2

Епископ Авнир поклонился и стремительно вышел, задев полами своего одеяния торопливо отступившего секретаря. Его Высокопреосвященство Сильвестр с трудом сдержал гримасу отвращения: Авнир не человек, а помесь летучей мыши с моргенштерном, но он нужен!

Кардинал тонко улыбнулся и окликнул секретаря:

– Новости?

– Гонец из Агариса. От Эсперадора Юнния с личным посланием.

– Вы в этом уверены?

– Да. Я проверил подорожную и отметки адуанов. От границы до Олларии гонца сопровождало четверо талигойских гвардейцев и лейтенант таможни. Мне кажется, этот человек – тот, за кого себя выдает. Он позволил себя обыскать и согласился переодеться в предоставленное ему платье. У него не нашли ни оружия, ни яда.

– Хорошо, я его приму. Любопытно, что нужно от меня богоожидающему Юннию…

Секретарь, разумеется, не знал. Его Высокопреосвященство быстро освободил стол от лишних бумаг и передвинул подсвечники. Гонец от Эсперадора, это весьма любопытно, весьма…

– Ваше Высокопреосвященство, – громко объявил секретарь, – монах эсператистского ордена Милосердия Ириней, привезший послание из Агариса.

– Пусть войдет.

Ириней обладал приятной и неприметной внешностью. Вошел он довольно уверенно, но Сильвестр видел, что эсператисту не по себе. Оно и понятно – оказаться в логове еретиков и богохульников! Кардинал бросил секретарю:

– Оставьте нас!

Секретарь нарочито медленно вышел, Его Высокопреосвященство не сомневался, что он будет подслушивать, и не имел ничего против. Некоторые дела, в частности переговоры со злейшим врагом, следует вести или совсем тайно, или при свидетелях.

– Итак, – начал кардинал, – вы привезли послание?

– Ожидающий Возвращения Его счел необходимым, – гонец вынул футляр.

– Откройте!

Маловероятно, что футляр или послание отравлены, и тем не менее…

Ириней без лишних слов сорвал печать с языком пламени и вытащил свиток.

– Разверните и давайте сюда.

Монах повиновался, его лицо было бесстрастным, как маска. Сильвестр взглянул на письмо, написанное твердым разборчивым почерком, ничем не напоминающим каракули немощного старца.

«В ожидании Возвращения Его! По воле Ожидающего Его!

Слово Эсперадора Квентину Дораку, именующему себя кардиналом Талига. Уходя Нитью Света, заповедовал Он чадам своим Милосердие и Любовь, но не стало так, как Он хотел, но иначе. Войны и ненависть ожидающих Его опечалят Его.

Много лет Святой Престол ставил чистоту веры превыше мира, много лет Талиг ставил власть превыше веры, но последняя война ниспослана нам, дабы открыли мы глаза свои и сердца свои. Гибнут невинные. Гибнут дети и старики, гибнут женщины и раненые, гибнут пленные и твари бессловесные, и виной тому упорство власть предержащих.

Гордыня властителей мирских и недомыслие пастырей духовных ведут к смерти телесной и мукам душевным, но Он, уходя, заповедовал нам Милосердие.

Святой Престол взывает к талигойским властителям – вложите мечи в ножны. Мы по-разному славим Его, но Он един. Хватит искать то, что нас ро́знит, время искать то, что нас объединяет. Святой Престол хочет мира и исполнен решимости извергнуть из Агариса семя недоверия. Ожидающие Его готовы просить потомков Эрнани Талигойского и иже с ними покинуть Агарис, если Оллария разрешит тем, кто тайно славит Его по канонам истинной Веры, не таиться и не носить в городе черное, а в доме своем – серое.

Если Квентин Дорак готов говорить о мире, то в Олларию незамедлительно выедет епископ ордена Милосердия Оноре с двумя спутниками и будет дано ему право говорить от имени Ожидающего Его.

Да благословит Он ходящих в незлобии.

Смиренный Юнний, жалкая свеча Его.

Писано в 1-й день Месяца Весенних Скал в Агарисе».

Значит, сторонники мира во главе то ли с блаженным, то ли неимоверно хитрым Оноре победили, и Агарис готов на уступки. Сильвестр ожидал чего-то подобного, – донесения из Святого Града утверждали, что победа Рокэ для конклава стала громом средь ясного неба. Божьи мыши раскололись – ордена Милосердия, Знания и Славы стояли за мир, «истинники» и орден Чистоты намеревались проклясть победителя, Домашний Очаг и Справедливость колебались, но Эсперадор вышел из ордена Милосердия.

Кардинал потер переносицу:

– Когда епископ Оноре намерен прибыть в Олларию, если я отвечу «да»?

При желании Сильвестр мог цитировать «Эсператию» не хуже самого дотошного «истинника», но кардиналу казалось правильным подчеркивать отличия двух церквей. Там, где эсператист будет говорить полчаса, олларианцу хватит минуты.

– Празднества святой Октавии равно священны исповедующим истинную веру и вашей пастве. – Ириней ответил без малейшей заминки, значит, он знал, что везет.

– Октавианская неделя… Разумно.

Можно даже сказать, очень разумно. Выбор Его Высокопреосвященства также пал на эти дни. Авнир так и рвется в бой. Ничего, подождет. Вразумление заблудших придется отложить до заключения мира, буде оно состоится. Выставить Раканов в Гайифу важнее, чем уменьшить количество Людей Чести, и так притихших после победы Рокэ.

– Я готов выехать немедленно, – твердо произнес Ириней.

А ты, мой дорогой, не просто гонец. Ты заинтересован в скорейшем ответе.

– Я сегодня же напишу Юннию Агарисскому. – Его Высокопреосвященство кардинал Талига постарался произнести эти слова с истинно эсператистской значительностью. – Я склонен принять епископа Оноре и поговорить с ним.

– Во имя Милосердного. Преосвященный Оноре сейчас уединился для молитвы и размышлений в обители Святого Стефана Крионского.

Как мило. Оноре сидит в приграничном городишке и ждет ответа. Похоже, в Агарисе не сомневаются, что Талиг скажет «да». Бедные Раканы…

– В таком случае епископ успеет к началу празднеств, даже если вы выедете послезавтра. Я настоятельно советую вам отдохнуть.

Хорошо, что великая любовь великого короля родилась в день памяти эсператистской святой и была названа в ее честь. Октавианскую неделю отмечают и в Талиге, и в Агарисе, а общие праздники сближают… Хорошо, что в загородном дворце еще не было пожара. Двор, как повелось от Франциска, отправится на праздники в Тарнику, которую так любила королева Октавия. Заключение мира обойдется без Штанцлера и его своры.

3

Большая черная птица пронеслась над всадниками и исчезла среди заснеженных елей.

– Дик… – сестра придержала Бьянко и принялась внимательно рассматривать свою перчатку, к слову сказать, изрядно потертую. – Ворон, он какой?

– В смысле?

– Ну, он ведь красивый?

– Дамы полагают, что очень, – Дик старался говорить небрежно, – но для мужчины внешность не главное. Если он, конечно, мужчина.

– Но все-таки, – не унималась сестра, – он и вправду не носит бороды и весь увешан драгоценностями?

– Как тебе сказать… Алва – кэналлиец, они не признают ни бород, ни усов, зато волосы у них ниже плеч. Если бы Рокэ, ну, скажем, косу заплел, вышло бы в руку толщиной, не меньше. Золото он терпеть не может, носит сапфиры и бриллианты в серебре и иногда – карасы. Ходит в черном и синем… Ну, не знаю, что еще…

– Алва на самом деле пошли от Леворукого?

– Святой Алан, какие глупости! – хмыкнул Ричард. – От морисков они пошли и от кого-то из Борраска. Точно не знаю, но какой-то наследник Дома Ветра что-то натворил. Его лишили титула и спровадили на юго-восток, на границу с шадами. Дескать, если хочешь стать герцогом, стань им. Ну тот и стал, а потом, когда Борраска вымерли, вспомнили про Алва.

– А что значит «Алва»? – Сестра не отрывала взгляда от старенькой перчатки, наверное, заметила дырку. Надо будет прислать ей несколько пар!

– Точно не скажу. Алвой шады прозвали первого герцога, и он взял это имя. Во́роны, когда их признали Повелителями Ветров, могли вновь стать Борраска и вернуть герб с белой

ласточкой, но остались Алва.

– Это тебе эр рассказывал?

– Нет, я прочитал… У Рокэ много старых книг.

Дик вздохнул. Он читал старые легенды для того, чтоб удивить Катари, но у него не было возможности это сделать. Сначала была война, потом – праздники. Им так и не удалось переговорить. До отъезда в Надор Дик видел Катарину Ариго лишь раз. Он был со своим эром, а Катари сидела на троне рядом с Фердинандом. Ричард отдал бы все на свете за встречу наедине, но решал не он.

– Ворон давал их тебе читать?

– Конечно, – делано удивился Дик.

– Как тебе повезло, – с чувством произнесла сестра.

А ведь Айрис права, ему действительно повезло. Насколько тусклой была бы его служба у Килеана, пусть тот и хороший человек. Не было бы ни войны, ни ордена, ни утренних уроков. Пусть Ричард Окделл никогда не превзойдет Рокэ Алву ни как боец, ни как военачальник, зато он обойдет всех остальных.

– Да, – подтвердил Ричард, – я доволен, что попал к Первому маршалу. Ты не представляешь, сколько я повидал за этот год.

– Тебе хорошо, – губы Айрис дрогнули, – а я все вышиваю и вышиваю… И еще слушаю матушку и священника. Это так тоскливо.

Святой Алан, это мягко сказано! Ричард понимал это как никто и жалел Айрис, прикованную к старому замку, иголкам и матушкиным поучениям. Дейдри и Эдит тоже приходилось несладко, но младшие, как и Дик год назад, не думали о другой жизни, а вот Айрис тосковала. Матушка же с ней была особенно строга.

– Расскажи мне, как вы воевали, только правду. Ты ведь дома говоришь не все?

Еще бы! Он приехал в Надор не за ссорой, а говорить о войне означало говорить о Вороне.

– Расскажи, – настаивала сестра.

Ричард засмеялся и принялся рассказывать о всадниках на огромных козлах, горных реках, золотистых степях Варасты, Сагранне, Дараме, Иноходце, суде Бакры. Начав, Дик не мог остановиться, он словно бы снова лез на скалы, мчался в конную атаку, стоял под пулями рядом с Вороном, а на них летела бирисская кавалерия.

– Понимаешь, Айри, – это что-то невероятное… Ты словно бы летишь, и ты бессмертен. У тебя все получается, и совсем, совсем не страшно. Ты знаешь, что не умрешь, а победишь, и ты не один. Представь, что рядом много-много друзей – не один, не два, а несколько тысяч – и все хотят одного.

– А эр Рокэ? – Айрис слушала очень внимательно. Святой Алан, она, кажется, и впрямь все понимает.

– Рокэ все время впереди. Армия за ним пойдет куда угодно. Закатные твари, да она и пошла! Шесть с половиной тысяч против ста двадцати! И мы победили! В войсках говорят, что Рокэ – это победа. Айри, Ворон – самый великий полководец Золотых земель. Он даже своего предка Алонсо превзошел, но, Айри… Ты только матушке не говори, что я тебе рассказывал.

– Я никому не расскажу, – глаза сестры сверкали, как льдинки на солнце, – а правда, что Рокэ Алва любит королеву?

Правда. Маршал любит Катари, а Катари любит его, иначе и быть не могло. Самая прекрасная женщина Талига и первый воин королевства не могли разминуться.

– Не знаю, Айри. Так говорят, но люди любят болтать.

– А королева, она красивая?

О королеве Ричард тоже мог говорить часами, но сестра начала мерзнуть, пришлось пришпорить лошадей. Бьянко и Сона помчались галопом. Линарец бежал изо всех сил, но мориска, если бы Дик ее не придерживал, обошла бы его в два счета. Нет, он правильно поступил, подарив жеребца Айрис, у нее так мало радостей, а для войны и погони лучше

Соны не найти.

Брат и сестра конь о конь выскочили на большой тракт и чуть не сбили всадника, трусившего на дородном гнедом мерине. Ричард хотел извиниться, но путник его опередил.

– Дикон! – Как я рад тебя видеть, и Айри… Святой Алан! Кузина, ты стала настоящей красавицей!

Глава 9
Надор
«Le Valet des Épées» & «Le Cing des Bâtons»

1

Дик любил Наля и всегда был рад его видеть, а на этот раз особенно. Приезд кузена стал спасением. Наль бурно, много и громко рассказывал о своем осеннем путешествии по Эпинэ, что позволяло обходить острые углы, которых за время пребывания Дика в Надоре вылезло предостаточно.

Особенно тяжко приходилось за столом, когда вся семья собиралась вместе, это было не радостью, а пыткой. Вдовье платье матушки, ее строгий скорбный вид, опущенные головки сестер, грустное лицо Эйвона превращали обеды и ужины в непрекращающиеся поминки. Душа герцога Эгмонта витала далеко от родового замка, но Дика не покидало ощущение, что в доме лежит покойник.

За столом Ричард большей частью молчал, давясь нарочито скромной пищей, которую приходилось торопливо глотать, чтобы избежать рассуждений о роскоши, в которой купается ненавистный Рокэ Алва. Окделлы были не такими уж нищими, они могли позволить себе хотя бы свежий хлеб, масло и цыплят, но матушка предпочитала трапезы, достойные раннеэсператистских аскетов. Юноша сдерживался из последних сил и считал дни до отъезда, он уже не надеялся в чем-то кого-то убедить и думал лишь о том, чтобы обошлось без крупной ссоры.

В этот день Эйвон с утра отправился осматривать дороги и к обеду не вернулся, так что за стол сели без него. Священник прочел эсператистскую молитву, после чего вниманием матушки всецело завладел Наль, посетивший по делам службы замок Эпинэ и удостоенный аудиенции Повелителя Молний. Вдовствующая герцогиня в сотый раз выспрашивала подробности, сочувствовала старику, негодовала на его мерзких родственников и гадала о судьбе Робера.

– Дикон, – Наль старательно пилил тупым ножом жесткое мясо, – ты ведь видел Иноходца? Ну, во время этой истории с ягодой.

– Вот как? – произнесла герцогиня. – Ричард, вы мне ничего не рассказывали о вашей встрече.

О встречах. Просто о Барсовых Вратах знают только они с Робером. Ричард с ужасом подумал, что мог бы рассказать обо всем Эмилю или Рокэ, но не матери.

– Это трудно назвать встречей, матушка. Адгемар Кагетский решил выдать Робера Эпинэ Талигу, но мы находились на земле бакранов. У них есть обычай…

Дик избегал упоминать имя Рокэ, но тут без этого было не обойтись. Тем не менее юноша равнодушным тоном принялся расписывать обычаи бакранов, надеясь, что матушке станет скучно слушать о дикарях.

– Дикон, как ты думаешь, – Наль еще не обвыкся в Надоре и не знал, о чем здесь можно говорить, а о чем лучше помолчать, – Ворон ХОТЕЛ убить Адгемара или это вышло случайно?

– Трудно сказать, – промямлил Дик, – я видел, как он одной пулей однажды загасил три свечи.

– Значит, он не хотел убивать Робера?

– Наверное, – кивнул Дик.

– Он хотел его унизить, – холодно произнесла герцогиня, – для потомка предателя нет большего наслаждения, чем держать в своих руках жизнь и честь тех, кто верен Талигойе.

Дик отправил в рот кусок говядины, благословляя покойную корову и повара за то, что мясо было таким жестким. Чтобы его прожевать, требовалась по меньшей мере минута, за которую можно придумать ответ. Юноша не хотел спорить, но и согласиться с матушкой не мог. Рокэ был странным человеком, но Робера он не унижал. Он отпустил пленника, отдал ему лошадь Оскара и снабдил деньгами, но об этом лучше не упоминать.

– Наль, – подала голос Айрис, – а это очень трудно? Ну, гасить свечи?

– Очень, – со знанием дела подтвердил кузен, который не попал бы за пять шагов в большую сковороду, – но маршал Алва – лучший стрелок, наездник и фехтовальщик Золотых земель. Спроси Дика, его эр дает ему уроки.

– Это правда, Ричард? – Голос матушки не сулил ничего хорошего. Значит, капитан Рут не счел уместным сообщить госпоже о новом учителе своего бывшего питомца. Даже если ветераном двигало тщеславие и желание скрыть свою слабость, Дик был ему благодарен.

– Эр должен учить своего оруженосца, – Ричард старался говорить как можно равнодушней, – эр Август полагает, что я должен прилежно заниматься.

– Так он осведомлен о ваших занятиях?

– Да, – подтвердил Дик и отважно добавил: – Он был недоволен, что Рокэ Алва меня ничему не учит. Думаю, это он с ним переговорил.

– Это меняет дело. – Герцогиня посмотрела на серебряный кувшин, украшенный фигурками вепрей, один из которых давным-давно утратил переднюю ногу. Стоявший за спиной герцогини пожилой слуга с поклоном наполнил массивный кубок, украшенный внушительной вмятиной на боку. – Мой сын, вы сможете превзойти маршала Алву?

Ричард совершенно точно знал, что не сможет, и еще более точно, что не следует в этом признаваться.

– Я надеюсь, матушка.

– Я хочу дожить до той минуты, когда Эгмонт Окделл будет отмщен, – герцогиня подняла кубок, – и я буду счастлива, если Рокэ Алва падет от руки моего сына.

Ричард опустил глаза, а Наль торопливо произнес:

– Моя эрэа, наше время еще придет, но… сейчас Дику нужно соблюдать осторожность.

– В Надоре предателей нет, – отрезала матушка.

– И все же, дочь моя, – подал голос отец Маттео, – недаром святейший Андроний различал молитву, произнесенную во всеуслышание, и молитву безмолвную. Герцогу Окделлу надлежит вернуться ко двору узурпатора. Раскрыв свое сердце и свои уста в отчем доме, он может позабыть запереть их для нечестивых и злобных.

Ричард готов был броситься старику на шею, хотя все было наоборот – с эром, Эмилем, даже с адуанами Ричард мог говорить то, что думает, а вот в Надоре…

После слов священника над столом повисло молчание, затем Наль преувеличенно бодрым голосом воскликнул:

– А все же, Дикон, согласись, в столичной жизни есть своя прелесть. Год назад ты не мог подарить сестре лошадь ценой в замок.

– В замок? – подняла бровь матушка. – Реджинальд, вы что-то путаете.

– Моя эрэа, я только что из Эпинэ и знаю, сколько стоит хороший линарец. Такой конь, как Бьянко, стоит не меньше трех тысяч.

– Откуда у вас такие деньги, Ричард? – взгляд матушки не предвещал ничего хорошего. – Вы играете?

Раньше Ричарду не удавалось выдержать взгляд герцогини, но год в обществе Ворона свое дело сделал. Юноша не только не опустил глаз, но даже смог улыбнуться.

– Матушка, Бьянко – награда за кагетскую кампанию. Я решил оставить себе Сону. Тогда эр посоветовал подарить лошадь моей сестре, что я и сделал.

– Бьянко – подарок Алвы?! Как вы посмели его принять?!

– Эрэа, – вмешался Наль, – Алва – Первый маршал Талига. Он имеет право наградить отличившихся офицеров. Это то же самое, что орден или золото из казны.

– Окделлу не нужны награды Алвы, – когда матушка начинала говорить таким тоном, затихали все, даже отец. – Награда из рук монарха, кем бы он ни был, это награда из рук монарха. Ее нельзя сравнивать с подачкой кэналлийского убийцы. Ричард, вам следует попросить прощения у Айрис за то, что вы обманом вынудили ее принять подарок Алвы. Разумеется, она напишет ВАШЕМУ эру соответствующее письмо, в котором как дочь Эгмонта Окделла откажется от…

– Я ни от чего не откажусь, – голосок Айрис в тягостной тишине показался неестественно громким. – Я все знала с самого начала!

– Вы знали? – матушка не поверила собственным ушам. Дик тоже. – Вы знали, что ваш брат вручил вам лошадь, купленную Вороном?

– Да, – Айрис гордо вскинула голову, – и я не вижу в этом ничего плохого.

– Мы еще поговорим с вами об этом. В любом случае вы завтра же напишете письмо и отошлете коня.

– Бьянко подарили мне, – глаза сестры сверкали, такой Ричард ее еще не видел, – я его приняла и никому не отдам. Ричард, не забудь передать Первому маршалу мою благодарность за чудесный подарок.

– Хорошо, Айри, – пробормотал потрясенный Дик.

– Женщины рода Окделлов никогда не унизятся перед потомком предателя.

– Вот как? – Айрис начала растягивать слова, и Ричард испугался, что у нее начинается приступ. – Значит, женщина из дома Окделлов не может принять дар Повелителя Ветров, но может родить «навознику» семерых детей?

– Айрис! – герцогиня взмахнула рукой. Широкий рукав задел погнутый кубок, тот опрокинулся, залив скатерть дешевым белым вином. В доме Рокэ такого не пили даже слуги.

– Эрэа, – побледневший Наль, воспользовавшись вынужденной передышкой в сваре, бросился на защиту кузины. – Я понимаю ваши чувства, но Айрис успела привязаться к лошади. Кроме того, маршал Алва, как бы к нему ни относиться, глава одного из Великих Домов, и он еще не женат. Его подарок может означать…

– Хватит! – выкрикнула матушка. – Я скорей убью свою дочь, чем отдам убийце ее отца. Если Айрис не откажется от этой твари, я найду способ от нее избавиться. В моем доме подачек Ворона не будет!

Дик уже ничего не понимал. Рокэ купил ему лошадь, потому что обещал, а когда оруженосец попросил назад Сону, предложил отдать Бьянко сестре. И все. Святой Алан, при чем тут свадьба?! Рокэ не женится ни на ком, он любит королеву, у них трое детей…

– Матушка, – Дик произнес это слово вполголоса, его не услышали, и он повторил громче: – Матушка! Вы ошибаетесь.

– Ты посмел поднять голос на мать! – Герцогиня рывком поднялась. – Хотя чего ожидать от юнца, принявшего покровительство злейшего врага семьи?! Я не желаю продолжать этот разговор, но если завтра лошадь еще будет в Надоре, пеняйте на себя.

Герцогиня Окделл повернулась и вышла, не дав домочадцам возможности вставить хотя бы слово. Вслед за ней, стараясь не смотреть на Дика и Айрис, устремились замковый священник и графиня Ларак.

Наль бестолково уставился на залитую вином скатерть. Айрис оттягивала воротник серого платьица и медленно и глубоко дышала, пытаясь остановить надвигающийся приступ. Эдит и Дейдри переглядывались друг с другом, как никогда напоминая двух перепуганных мышек. Было тихо, только противно тикали старые часы. Дику отчаянно захотелось в Олларию – кансильер оказался прав, Ричард Окделл и впрямь привык чуть что прятаться за своего эра, но Рокэ Алва был в Кэналлоа.

Айрис судорожно вздохнула и откинулась на спинку кресла. Ричард подошел к сестре, взял ее за руку, оказавшуюся ледяной. Юноша принялся растирать узкую ладошку, лихорадочно соображая, что делать.

– Дикон, кажется, приступа все-таки не будет. Дикон, я Бьянко не отдам. Умру, а не отдам!

– Мы что-нибудь придумаем, – встрял Наль, – коня можно пристроить на постоялом дворе. Хозяин согласится.

– Нет, – выкрикнула девушка, – я не стану врать! Бьянко – мой, он будет жить здесь.

Легко сказать. Матушка не сдастся – ее еще никто не смог убедить – ни священник, ни Эйвон, ни отец, и, кажется, Айрис пошла в нее. Глядя в бледное решительное личико, юноша понял, что сестра не отступит. Это не просто упрямство, это нечто большее.

– Хорошо, Айри, – Ричард бодро улыбнулся, – утро вечера мудренее, мы что-нибудь обязательно придумаем.

Айрис облегченно вздохнула, на скулах проступили розовые пятна.

– Дикон, – тоненькие пальчики сжали руку брата, – Дикон, а что это Наль говорил о том, что Первый маршал… Он правда хочет на мне жениться?

Святой Алан! Этого еще не хватало…

2

Эр Рокэ советовал не забывать, кто является герцогом Окделлским, и был совершенно прав. Впрочем, он оказывался прав почти всегда.

Когда матушка покинула столовый покой, Ричард отвел Айрис в ее спальню, уложил, чуть ли не насильно напоил успокаивающей настойкой и сидел рядом, пока сестра не уснула. Именно тогда ему и пришла в голову мысль подняться в Гербовую башню. Если б не скандал за обеденным столом, Ричард нипочем не решился бы потребовать ключ от отцовских комнат, но тут в него словно сам Леворукий вселился. Дик прекрасно понимал, что дело кончится новой ссорой, но он устал молчать и соглашаться, и потом, его выходка отвлечет матушку от Айрис и Бьянко.

Что делать с лошадью, Ричард не представлял. Наль дал сто́ящий совет, но Айри не откажется от линарца даже на время. Но какова сестричка! Сказать «нет» в глаза матушке – такого себе не позволял никто. Брату остается лишь последовать примеру Айрис. Юноша разыскал домоправителя и не терпящим возражения тоном потребовал дать ключи от апартаментов в Гербовой башне.

Добряк Энтони дернулся было доложиться эрэа, но Ричард все тем же ровным голосом произнес:

– Энтони, ваше дело служить, а не думать.

Эту фразу, так же как и манеру, Ричард позаимствовал у своего эра, и она сработала безотказно. Домоправитель торопливо закивал и снял с пояса кольцо с двумя ключами. Ричард протянул руку и едва сдержал дрожь, почувствовав холод металла.

– Ужин подадите в Гербовую, мне нужны свечи, и пусть слуга затопит камины.

– Но… Эрэа Мирабелла не любит, когда тратят лишние дрова.

– А я не люблю мерзнуть, – отрезал Ричард.

Если Энтони и хотел что-то сказать, то передумал. Ричард, сжимая в руках ключи, не медленно, но и не быстро поднялся в башню. Когда в Надор вломились солдаты и чиновники судебной палаты, они перевернули покои герцога вверх дном и увезли все бумаги, которые смогли найти, и изрядное количество книг. После незваных гостей остались выдвинутые ящики, поднятые половицы, вскрытые шкатулки и оторванные панели.

Герцогиня Мирабелла привела в порядок разоренные комнаты, но жильцов они не дождались. Два раза в год в конце зимы и осенью под бдительным оком вдовствующей герцогини слуги вытирали скопившуюся пыль и мыли окна и полы, после чего двери вновь запирали. Детей в Гербовую башню не пускали, и Ричард почувствовал себя то ли святотатцем, то ли школяром, собравшимся стащить сласти из буфета ментора. Внизу послышался шорох – это мог быть слуга, но могла быть и матушка, которой наверняка донесли.

Ричард решительно повернул ключ. Замок был отменно смазан, хоть где-то в Надоре не пожалели масла. Дикон толкнул дверь и оказался в приемной. Ставни были плотно закрыты, пахло пылью и чем-то еще, кажется, застоявшимся дымком от курений. Ричард стоял, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Вспыхнувший желтый свет заставил юношу вздрогнуть.

– Эр Ричард, – голос Тэдди казался тонким и визгливым, – я принес свечи.

– Благодарю, – бросил Дик, научившийся от Ворона не только фехтованию, – затопи камины в кабинете и гостиной.

– Да, эр.

Кабинет, гостиная, спальня, личная библиотека… Везде одно и то же – пыль, холод, темнота. Здесь не живут и не собираются жить. Самое подходящее место для призраков, а может, и неподходящее, раз отец родному дому предпочел коридоры Лаик. Неужели призракам тоже не хочется возвращаться? Ричард с непонятной злостью дернул бархатные занавеси, взметнув тучу пыли и мелких сереньких бабочек. Им в этом полумертвом замке было хорошо. Им, но не людям.

Камин разгорелся довольно быстро, и комнату наполнил дым. Глаза у Дика заслезились, но чад еловых поленьев перебивал запах запустения и тоски, если тоска, разумеется, может пахнуть.

– Можете идти, Тэдди. Ужин подадите сюда.

– Да, эр…

Подчинился. Как просто заставить людей слушаться. Не думай, что они могут не исполнить приказания – и готово. А если сюда поднимется матушка? Что ж, рано или поздно им придется поговорить начистоту и о Надоре, и об Айрис, и о нем самом. Нынешний герцог Окделл не хочет сидеть в медвежьем углу и оплакивать то не знаю что. Он будет воевать, любить, пить вино, драться на шпагах, ездить на хороших лошадях. Он хочет жить, и он будет жить, и еще он спасет Айрис, потому что ее надо спасать. Молодая девушка не серая пыльная бабочка! Она не должна задыхаться среди стареющих, жаждущих мести людей.

Ричард еще раз медленно обошел апартаменты. Веками Повелители Скал обитали в Гербовой башне, но покои герцогинь были в другом крыле. Супруг спускался к супруге в дни, подходящие для зачатия, дабы исполнить свой долг. Когда-то прабабка Ричарда сама поднялась в Гербовую башню к мужу, это было расценено свекровью и золовками как вопиющее нарушение приличий. Ричард услышал об этом, став невольным свидетелем того, как матушка отчитывала Айрис, но лишь сейчас понял, что имелось в виду. При жизни отца Дику доводилось бывать в его кабинете, но не в спальне, которая скорее походила на кладовую.

Узкая кровать, застеленная одеялом из волчьих шкур, над ней барельеф – родовой вепрь на фоне скалы, по обе стороны от него висят два меча и кинжал. У изголовья кровати – столик, на котором лежит «Эсперация». Наверняка ее принесла матушка, ведь столичные чиновники вывезли все книги. Рядом с толстым томом – подсвечник с одинокой свечой и второй на каминной полке. В углу – подставка для одежды, дальше окно, забранное грубым витражом – все тот же вепрь. Спальня Повелителя Скал! Здесь ничего не менялось со времен Алана святого, внизу были хоть какие-то удобства, но герцог Окделл должен был жить в прошлом.

Кабинет. Четыре портрета – отца, матушки, деда и Алана святого, картина, изображающая Алана над трупом предателя Рамиро, несколько икон… Раньше здесь была только одна – святая Айрис.

Знакомый массивный стол, кресло, четыре стула, медвежья шкура у камина, пустые книжные полки. Ричард присел за стол, выдвинул ящики, благо замки были взломаны и не исправлены. В ящиках было пусто и пыльно. Пробежал маленький темный жучок, наверняка из тех, кто точит панели, Дик промешкал, и древоточец скрылся в щелке. Когда-то за этим столом сидел человек, который о чем-то думал, что-то чувствовал, за что-то боролся и от которого не осталось даже письма. Комнаты отца были пустыми и безликими, они ничего не

могли рассказать о бывшем хозяине, словно он там и не жил. Словно его вообще не было!

Ричард поднялся и подошел к портрету Эгмонта Окделла. Художник работал в старинной манере – сплошной темный фон, старательно выписанная одежда и ничего не выражающее лицо. Бесстрастный человек в черном с золотом платье. Светло-русые волосы, серые глаза, бледное лицо северянина. Ни улыбки, ни грусти, ни вызова, ни жизни – ничего! Но отец был живым, он умел радоваться и грустить, с ним было тепло, даже если было холодно, почему же от него ничего не осталось? Художник был бездарен, книги и бумаги украли враги, а вдова закрыла ставни и заперла двери.

Неужели так исчезают все? Исчез Алан, исчез отец, исчезнет и он, Ричард, и от него останется даже не тень, а что-то плоское и никакое вроде этого портрета. Дик и раньше видел эту картину, но тогда она не оскорбляла, может быть потому, что никак не вязалась с очень спокойным светловолосым человеком, который сидел в том кресле, в котором теперь сидит его сын.

Юноша вспомнил о манере отца трогать правой рукой изнутри крышку стола. Герцог Эгмонт, задумавшись, часто так делал. Ричард провел пальцами по прохладному дереву и почти сразу наткнулся на какие-то неровности. На дубовой доске было что-то вырезано, скорее всего, клеймо мастера-мебельщика, но это «что-то» было единственным, не выставленным напоказ. Ричард взял свечу и скользнул под стол. Желтый огонек высветил вырезанный чем-то острым двойной вензель. Буква «А» сплеталась с буквой «Э», а рядом стояла дата «5-й день Весенних Молний 378 года». Надпись была старше Ричарда на три года, и сделать ее мог только отец, которому было тогда чуть больше, чем его сыну. Дик поднял свечу повыше и внимательно оглядел тыльную сторону стола. Ничего, только изъеденное жучком дерево. Что же случилось с молодым герцогом в тот далекий день? «Э» могло означать «Эгмонт», но «А»… Может быть, Алан? Конечно же! Пятый день Весенних Молний – день памяти святого Алана, а Эгмонт был одно лицо со своим великим предком, в этом сходились все.

В приемной что-то зашуршало, и Ричард торопливо вскочил. Не хватало, чтобы его видели сидящим на полу. И еще Дику отчего-то очень не хотелось, чтоб обнаруженный им маленький отцовский секрет стал известен кому-то еще.

– Дикон!

Наль! Можно было и догадаться, сейчас начнет воспитывать и жаловаться.

– Я тут!

– Дикон! – Кузен возник в дверях. Он изрядно запыхался – лестница была слишком крутой для его пуза.

– Что такое? – Сейчас начнет мирить его с матерью. Леворукий и его твари, скорей бы в Олларию!

– Бьянко… Понимаешь, я плохо разбираюсь в лошадях, но ему плохо. Я… Боюсь, его отравили.

– Закатные кошки! – Дикон бросился вниз, не заботясь о том, поспевает ли за ним кузен.

Матушка сказала, что найдет способ избавиться от «этой твари». Святой Алан, неужели она могла?! Лошади, они ведь больше, чем люди… Кто это сказал? Рокэ? Нет, Эмиль Савиньяк.

Наль сзади что-то кричал, но Дик не слышал, лихорадочно вспоминая, как лечили Моро, но мориск был ранен, а не отравлен.

3

Ричард опоздал. Айрис рыдала, уткнувшись лицом в спутанную серебристую гриву, а Дик топтался рядом, не зная, что говорить. Случившееся не укладывалось в голове.

– Слишком жестоко, – в дверце денника появился запыхавшийся Наль, – никогда не думал, что эрэа… То есть какое несчастье…

Наль не думал. Ричард тоже не думал, что матушка способна отравить лошадь, пусть и подаренную Вороном. Айрис подняла заплаканное лицо:

– Наль… Наль, ты думаешь, это… Это матушка?

– Нет, что ты! – кузен отчаянно замотал головой. – Эрэа Мирабелла никогда такого не сделает. Никогда! Она такая спокойная, такая справедливая.

– Справедливая? – тихо повторила Айрис, лаская белую гриву. – Справедливая…

Дик глядел на плачущую сестру и не мог ей ничем помочь. Он привез Бьянко для радости, а не для беды. Айрис редко плакала, наверное, потому, что в детстве от плача ей становилось плохо. Страх перед удушьем заставлял девочку сдерживать слезы.

– Айри, – юноша опустился на колени рядом с сестрой, – Айри, не надо… Ты не должна плакать, а то заболеешь. Пойдем отсюда…

– Я не хочу… Не могу, чтоб с него сдирали шкуру и подковы, – прошептала сестра.

– Обещаю тебе, Бьянко никто не тронет. Его похоронят на берегу. А ты, если хочешь, посадишь там цветы.

– Посажу… Серебристые ирисы. Это мои цветы, – она приподняла тяжелую мертвую голову и поцеловала в лоб. – Ричард, – сестра больше не плакала, покрасневшие глаза смотрели жестко и холодно, – я никогда не прощу матушке Бьянко. Никогда!

Дик растерялся. Нужно было спорить, уговаривать, мирить, а он не мог, потому что Айрис была права. То, что совершила мать, было безбожно. Можно убить человека, которого ненавидишь, но лошадь или ребенка… Юноша вновь перенесся в растревоженную криками и мечущимися факелами ночь, когда другой человек точно так же стоял на коленях над упавшим конем. Айрис и Бьянко, Рокэ и Моро…

– Ричард, – глаза Айрис вновь вскипели слезами, – забери меня отсюда! Я не хочу здесь оставаться. С ней…

– Айри, – Дик, сам того не замечая, заговорил с сестрой так, как Рокэ говорил с раненым Моро, – я не могу тебя забрать прямо сейчас, но…

– Постой, Ричард, – в голосе Наля зазвучала странная решимость, – Айрис… Я, конечно, понимаю. Я не прекрасный рыцарь… Я – толстый, я бедный… Я не герцог, я никогда не стану генералом… Но если ты не можешь здесь оставаться, я готов… То есть я могу… Выходи за меня замуж, я увезу тебя!

В любой другой момент вид кругленького, опрятного Наля, преклонившего колено посреди старой конюшни, был бы просто смешон, но только не сейчас. Айрис прекратила плакать и, отняв руки от лица, с удивлением взглянула на Реджинальда, словно увидев его впервые:

– Наль… Ты с ума сошел? Я…

– Нет… То есть да, сошел. – Наль, пыхтя, поднялся и принялся отряхивать прилипшие соломинки. Дику показалось, что у кузена трясутся губы. И это опять-таки было бы смешно, если бы все не было так плохо.

Наль не виноват, что он некрасив. Он добрый, умный, преданный, только Айрис за него не пойдет. Никогда.

– Наль, – Дик сам подивился своей горячности, – Айрис маленькая совсем… И потом, мы же родичи!

– Я все понимаю, – кузен уже справился с собой и улыбался, – просто ты просил меня позаботиться об Айрис. Ну, тогда, перед дуэлью, вот я и вообразил… Ты же знаешь, какой я обстоятельный.

– Ты – настоящий друг. – Дик готов был сквозь землю провалиться. Он и думать забыл о том злосчастном разговоре. Это же было так давно, еще до войны, а Наль вообразил себе невесть что.

– Да, – твердо сказал Наль, – вы с Айрис всегда можете на меня рассчитывать.

Айри вздохнула и опустила голову, Дик прекрасно знал эту ее привычку – когда сестренке было стыдно, она вела себя именно так.

– Понимаешь, – Айрис Окделл совсем по-детски шмыгнула носом, – я выйду замуж за

того, кого люблю. Или умру.

– Мужем дочери Эгмонта Окделла будет лишь достойный. – Откуда матушка узнала? И зачем она пришла сюда? Наверняка ее вызвал старший конюх. – Айрис, отправляйтесь к себе и принимайтесь за работу. Я вечером навещу вас.

Сестра вздрогнула, но не ушла, а придвинулась поближе к Дику. Юноша почувствовал, что у него внутри все закипает. Это было опасно. Он не может, не должен перечить матери, огорчать ее. Ей пришлось столько пережить после смерти отца, она замерзла в своем горе, в своем желании отомстить…

– Эрэа Мирабелла, – залепетал Наль. – Мы… Мы не делали ничего такого… Айрис очень расстроила смерть лошади… Мы понимаем, это все случайность… Что-то попало в сено, это бывает…

– Если кто-то из конюхов уничтожил лошадь, присланную Вороном, – губы матушки сжались в одну линию, – я не намерена его наказывать. Простые люди оказались благороднее и совестливее моих собственных детей. К вам, Реджинальд, это не относится. Я знаю, что вы истинный Человек Чести.

– Эрэа Мирабелла, – кузена трясло, но он не сдавался, – Дик связан присягой оруженосца…

– Он дал ее по доброй воле, – глаза матушки сверкнули, – по доброй воле! Его никто не принуждал. Ради того, чтоб остаться в столице и вести праздную, беспорядочную жизнь, он предал память отца, предал дело всей его жизни и принял покровительство негодяя и предателя.

– Герцог Алва верен Талигу и своему королю, – Дик сам испугался вылетевших у него изо рта слов, но остановиться не мог. – Святой Алан, кто виноват, что Люди Чести струсили перед Дораком, а Ворон – нет?! Кто виноват, что Люди Чести приводят в Талиг иноземцев, а Ворон их бьет? Кто…

– Замолчи! – Она никогда еще так не кричала, а глаза… Эти красные точки вокруг них… Наверное, там что-то порвалось.

– Эрэа, – Наль попытался втиснуться между матерью и сыном, – эрэа, вам вредно волноваться. Дик всегда был и будет послушным сыном. Если вы прикажете, он останется в Надоре, он…

– Ах, вот как? – герцогиня придвинулась к сыну. Пожалуй, ни одна женщина не подходила к Дику ближе. Кроме Марианны. – Что ж, хорошо. Вот мы и проверим, чего стоит сыновняя покорность. Ричард, я готова вас простить, но вы не вернетесь к Ворону. Слышите? Вы останетесь здесь.

– Вы, матушка, сами отослали меня в Лаик и больше не можете мне приказывать! – Вот и все. У него нет отца, сейчас не будет и матери. – У меня есть эр, у меня есть король, моя верность и моя Честь принадлежат им. Повелители Скал держат слово. Я присягнул Рокэ Алве и Фердинанду Оллару, и я буду служить им.

– Эрэа, – Наль не оставлял попыток предотвратить неотвратимое, – Ричард уже теперь кавалер Талигойской Розы. Он станет генералом, отстроит Надор…

– В таком случае, – надменно произнесла вдовствующая герцогиня, – мне остается покинуть замок и поселиться в лесной хижине. Я буду нищенствовать, но я не стану жить с сыном, берущим про́клятые деньги.

– Эрэа…

– Не надо, Наль, – Ричард сжал плечо кузена, – я за себя как-нибудь сам отвечу. Святой Алан, мне плевать, кто по закону хозяин Надора! Пока я жив, матушка, этот замок – ваш, и вы можете делать в нем все, что хотите. С замком, но не со мной. Я – взрослый человек, у меня своя голова и своя дорога. Я не собираюсь ради старой вражды скормить Талиг гайифцам и гаунау.

– Еще одно слово, – лицо герцогини стало снежно-белым, – и я прокляну вас.

– А еще одна война, и вас с вашей ненавистью проклянет весь Талиг, – выкрикнул Дик.

Испуганный Наль бросился между ним и матерью, что-то бубня и нелепо размахивая

руками, но Дик не вслушивался. Очень спокойным голосом он приказал седлать Сону. Наль все еще что-то плел. Матушка молчала, по щекам Айрис текли слезы. Ричард подошел к сестре и взял ее за руку:

– Не бойся, девочка. Через год я заберу тебя отсюда, и ты выйдешь замуж за того, за кого хочешь. Клянусь тебе. Матушка, я – герцог Окделл и Повелитель Скал, и я должен носить родовой знак. Я заберу его.

Ричард поклонился матери и вышел вон. Нужно было собраться, хотя у него так мало своих вещей.

– Дикон!

– Что тебе? – Дик был не слишком любезен, но кузена это не остановило. Толстяк задыхался, но был исполнен решимости.

– Я тебя одного не отпущу! Мы едем вместе!

Глава 10
Агарис
«La Dame des Bâtons» & «Le Un des Bâtons»

1

Робер с тоской оглядел ставший родным потолок, спихнул с груди Клемента, привычно тронул браслет Мэллит и потянулся за одеждой.

Чем же занять сегодняшний день? Пофехтовать с Альдо? Надо, а не хочется.

Бои с сюзереном доставляли Иноходцу сплошные расстройства. Альдо Ракан дрался отчаянно, обрушивая на противника град сильнейших ударов – принц вообще был очень сильным, но отразить его атаки было проще простого, сам же Альдо то и дело раскрывался. Робера и самого частенько заносило, но в сравнении с сюзереном Иноходец являл собой чудеса хладнокровия. Будь все всерьез, последний из Раканов был бы сто раз мертв, и это Эпинэ очень тревожило. Яд ядом, но догадайся Дорак подослать к Альдо бретера…

Сам Альдо на упреки отвечал, что в настоящем бою прикончит противника первым, ну в крайнем случае вторым ударом, и беспокоиться нечего. Поколебать уверенность принца в своих фехтовальных талантах Роберу не удавалось, тем более его теперешнего сюзерен и впрямь прикончил бы – лихорадка высосала из Эпинэ все силы, а возвращались они до безобразия медленно. От ран он и то оправился быстрее, а тут прошло пять месяцев, а у него то ноги дрожат, то холодный пот прошибает. Хорошо, хоть кошмары не снятся.

Мысль о том, что дело не в лихорадке, а в Агарисе, из которого нужно бежать, бежать и бежать, талигоец старался отогнать подальше. Равно как и ощущение, что с ним случилось что-то куда более мерзкое, чем кагетская зараза.

Откуда у него чувство, что он сотворил что-то постыдное? Он просто не мог успеть ничего натворить. Иноходец знал, что провалялся без сознания несколько дней. Последнее, что он помнил, были качающиеся пьяные звезды в окне и какой-то цокот, потом – провал и, наконец, золотые глаза Мэллит… Не в кровати же он безобразничал! Видать, в бреду ему привиделось что-то гадостное, что именно, он забыл, а осадок остался… Чудо, что он вообще добрался до Агариса, а не свалился в придорожной таверне. Без гоганской магии и крови Альдо он бы уже лежал на кладбище, а вместе с ним и его никому не нужная любовь, и одолевавшие его сомнения. Такой простенький выход! Но смерть – дама капризная, наследник рода Эпинэ ей явно не нравится, вот она и гоняет его, как может. Даже в сговор с Вороном вступила. Рокэ наверняка ее родич, иначе откуда у него такие глаза?

«Синий взгляд смерти»… Любопытно, откуда это пошло?

Об Алве думать не хотелось, вернее, не о самом Алве, а о том, что случилось в Сагранне. Не хотелось, но думалось. Может, от болезни, может, от безделья, Иноходец все время мыслями возвращался то в Кагету, то в Талиг. В кагетском зеркале даже восстание

Эгмонта казалось каким-то кривым, если только он всю жизнь не смотрел в кривое зеркало и только сейчас начал соображать…

Матильда и Альдо – настоящие друзья, собственно говоря, у него, кроме них, и нет никого, но нынешние Раканы ни разу не были в Талиге. Альдо на троне Олларии?! Это нестрашно лишь потому, что невозможно. Сюзерен – замечательный друг, настоящий рыцарь и последний дурак, к тому же слепой, как сова средь бела дня. Что значит корона, тем более призрачная, в сравнении с любовью лучшей девушки этого мира…

От этой мысли оставалось полшага до следующей, которую Робер гнал с того самого мгновения, как открыл глаза и увидел Мэллит. Чтоб не додуматься – Леворукий знает до чего, Эпинэ вскочил и принялся торопливо одеваться. Клемент, только и ждавший этого момента, взгромоздился на стол и заверещал, напоминая, что пора завтракать.

Его Крысейшество то ли смирился с возвращением в Агарис, то ли то, что пугало всяких тварей, ушло. Правду сказать, Робер не верил, что причиной исхода родичей Клемента и лошадиных страхов был какой-то принесенный ветром запах. В Святом Граде творились отнюдь не святые дела, и это было еще одной причиной убраться отсюда куда подальше.

Иноходец пригладил волосы, очередной раз подумал, что поседевшую прядь надо лбом надо б закрасить, подхватил Клемента и вышел из спальни. Матильда уже сидела за столом в гордом одиночестве. Робер поцеловал принцессе руку и сел напротив, Клемент слез с хозяйского плеча и деловито направился к корзинке с хлебцами, которую давно почитал своей собственностью.

– А где Альдо? – Стол был просто замечательным, но последний раз Роберу хотелось есть в Кагете.

– Спит, – хмыкнула принцесса, – загулялся вчера. И тебе б пошляться не помешало бы, потом поздно будет.

Может, и не помешало, но врать женщинам он не умеет, а покупать чужую любовь не умеет еще больше.

– Успею еще. – Эпинэ пододвинул к себе тарелку с холодным мясом и пару раз ковырнул в ней ножом.

– Не нравишься ты мне, – постановила Матильда.

– Вот как? – попробовал пошутить Робер. – А я так надеялся на твою любовь.

– Обойдешься, – вдовствующая принцесса опрокинула бокал вина, – молодой еще. Подожди лет двадцать…

– Вот и подожду! Новости какие-нибудь есть?

Выпить, что ли? Странное дело, раньше ему в этом доме было легко, а теперь словно в воздухе натянули невидимые струны, касаться которых нельзя. Матильда иногда смотрит на него как-то странно. Может, он что-то ляпнул, когда был без сознания? Но что? Неужели про сговор с гоганами и клятву на крови? Людям Чести нельзя так клясться, об этом Робер слыхал еще в Эпинэ, хотя тогда не верил ни в чих, ни в сглаз, ни в вороний грай.

– Новости? – переспросила Матильда, поднимая бокал с вином. – Пока только старости, вот придет Хогберд, какие-то сплетни наверняка притащит.

Нет, с Матильдой все в порядке, это у него башка полна всякой дури…

2

Можно подумать, Роберу нужны новости. Он, пока с собой не разберется, не заметит, если на него балкон свалится, а до того, что творится, кошки знают где, ему и во-все дела нет. Себя со стороны не видно, но, когда до нее доходило, за кого она вышла замуж, ей тоже небо с тарелку казалось.

– Сударыня, – вошедшая Пакетта присела в подобии реверанса, что означало высшую степень потрясения, – к вам гонец из Алата!

Твою Кавалерию, этого еще не хватало! Неужели братец умер? А на избрании

Эсперадора казался таким здоровым. Вообще такие осторожные слизняки живут по сто лет, разве что убил кто…

– Давай его сюда.

Пакетта вышла, Робер поднял глаза, Клемент продолжал грызть хлебец.

– Что-то серьезное?

Бедняга, ему везде гадости мерещатся, хотя с такой жизни хорошему не поверишь, а плохому запросто.

– Вряд ли. Разве что Альберт умер…

– Он был болен?

– Кто его знает. Робер, у меня родичей, кроме Альдо и тебя, нет.

– У меня тоже, – Эпинэ попробовал усмехнуться, – дед и мать больше в Рассветных Садах, чем на этом свете, да и вряд ли я их увижу.

Да, не похоже, чтоб Альдо въехал в Олларию на белом коне, что бы ни плел Хогберд. Мальчишкам придется пробивать себе дорогу в других краях…

– Ничего, – Матильда через силу улыбнулась, – лучше не иметь родни, чем иметь паршивую, а мне досталась именно такая.

– Да, – как-то бесцветно согласился Робер, – если бы я догадался утопить Альбина в болоте, он бы не сидел сейчас в Эпинэ…

– Ваше Высочество, – ох уж эта Пакетта, – к вам гонец из Алата от герцога Альберта.

Значит, жив, что и следовало ожидать. Такие всех переживут!

Гонец, молодой смазливый дворянин, очень мило преклонил колено:

– Сударыня! Я имел великую честь вручить вам послание моего герцога.

– Благодарю, – Матильда внимательно посмотрела на алатца.

– Гергей Лагаш…

Сын Ференца? Или внук? Не похож ни на одного из тех Лагашей, которых она знала, те красавцами не были, но походили на мужчин, а не на горняшек.

– Кем приходится вам барон Ференц Лагаш?

– Дедом…

– Вы на него не похожи. – Отчего-то это обстоятельство Матильду просто взбесило. У Ференца не могло быть такого раздушенного белокурого внука. Принцесса не сразу сообразила, что вся беда была в том, что Гергей изрядно смахивал на ее покойного супруга. Тот в юности был таким же хорошеньким.

– Давайте письмо!

Письмо было в роскошном футляре, украшенном родовым гербом Алати. Первый подарочек из дому Леворукий знает за сколько лет.

– Благодарю вас, сударь. Можете быть свободны.

– Мой герцог ждет ответа.

– Зайдите завтра.

Матильду никто никогда не называл негостеприимной, но сажать за стол это белобрысое создание она не собиралась. Впрочем, если внук Ференца и был обижен или удивлен, то не подал виду. Гергей Лагаш самочинно поцеловал край платья блудной сестрицы своего герцога, поклонился и вышел.

Принцесса бросила футляр на стол:

– Никогда не знаешь, откуда и кто на тебя свалится. И зачем это я им понадобилась?

– Там, наверное, написано, – Робер кивнул на футляр.

– Потом прочитаю, не хватало завтрак портить.

Завтрак и так был испорчен, но читать письма из дому лучше в одиночку и со стаканом касеры. Во всяком случае, письма от Альберта Алати.

3

Робер глянул на браслет Мэллит и вдруг решился. Он нанесет визит достославному из

достославных и напрямую спросит и об этой штуке, и о том, что такое под ней спрятали.

Матильда, что бы она ни говорила, займется письмом от брата, Альдо будет спать еще часа три, так что время есть. Эпинэ заверил принцессу, что сыт по горло, водворил недовольного Клемента в спальню, опоясался шпагой и вышел в совершенно обычный город, живущий совершенно обычной жизнью. Странное дело, будущий Повелитель Молний умудрился полюбить чужую, беспорядочную, дикую Кагету, а от давшего ему приют Агариса его как мутило, так и мутит. Иноходец, сам не зная зачем, сделал крюк, десятой дорогой обходя обиталище «истинников», и вышел к «Оранжевой луне».

Посетителей по случаю утра было немного. Молодой гоган, сладко улыбаясь, провел гостя к окну и спросил, чего желает блистательный. Эпинэ заказал. Подручный достославного Жаймиоля сдержанно попросил подождать и исчез за занавесом. Робер ждал. В прошлый раз они условились, как с помощью заказа передать весточку достославному из достославных из любой принадлежавшей гоганам харчевни. «Высокая радуга» была ближе, но Эпинэ пришел в «Оранжевую луну», чтобы быть ближе к Мэллит. Он понимал, что это глупо и смешно, но глупой была вся его жизнь, просто раньше он этого не понимал.

Вернувшийся слуга провел талигойца в маленькую комнату с окнами во двор, где уже ждали завтрак и вино. И то, и другое были достойны короля. Есть не хотелось по-прежнему, и Робер налил себе «черной крови». Любимое вино Ворона, и как только гоганы его добывают? Через франимцев, надо полагать, хотя с Рокэ станется торговать с рыжими напрямую. Странно, что Талиг гоганские купцы обходят стороной, в эсператистском Агарисе их пруд пруди, а в стране, где никто ни к кому не пристает с проповедями, их и нет. Спросить, что ли, правнуков Кабиоховых, с чего это.

Самому Роберу было, в общем-то, все равно, кто как молится, хотя он, как и положено Человеку Чести, принадлежал двум церквям сразу. Вот простонародье, то от эсператизма отреклось с легкостью необыкновенной. Впрочем, если задуматься, ничего удивительного в этом не было. Обряды те же, а кому подчиняются клирики – королю или Эсперадору, прихожанам без разницы. Оллар умно придумал – почти ничего не меняя, поменял все. Узурпатор был великим королем, никуда не денешься, и с наследниками ему везло очень долго…

Занавес дрогнул, пропуская величественного старика в желто-черном. Робер сообразил, что это достославный Яинниоль, отец Жаймиоля. Закатные твари, у него в голове спуталось то, что ему рассказывали гоганы и Альдо, и слова Мэллит! Робер торопливо вскочил, больше всего боясь ненароком выдать девушку.

– Приветствую достославного, – имя Яинниоля ему вроде здесь не называли… В крайнем случае он мог забыть. После болезни.

– Мы рады видеть блистательного Робера из рода Флоха здоровым! Сына моего отца по воле Кабиоховой нарекли Яинниоль.

Значит, он не ошибся! Робер учтиво поклонился. Яинниоль его узнал, немудрено, если его приводили в чувство в этом доме.

– Прошу достославных простить мою навязчивость…

– Блистательного привели в дом сына моего отца заботы или тревоги?

– Не знаю, – честно признал Робер, – но хочу понять. Это глупо, я знаю, но я вдруг понял, что должен прийти и спросить…

– Блистательный клевещет на внука своего деда, – золотые глаза Мэллит блеснули. – Если сердце говорит – иди, а разум спрашивает – зачем, надо слушать сердце.

– Горе мне, блистательный несет слишком тяжкую ношу для моих слабых плеч. Я послал к достославному из достославных и тот сказал – приду. Надо ждать.

И Робер ждал, а где-то за стеной была Мэллит. Что она делала, о чем думала? Хотя последнее для Эпинэ не было тайной. Гоганни думала о талигойском принце. Если бы Робер знал, где девушка, он, возможно, обезумел бы настолько, что попробовал бы ее увидеть, но дом был велик, и в нем было слишком много друзей, которых нельзя было превращать во врагов.

Глава 11
Агарис
«Le Chevalier des Bâtons» & «Le Un des Épées»

1

Енниоль был жесток, умен и хитер. Робер не сомневался, что ради непонятного первородства гоган пожертвует всеми и собой, но он был честен. В отличие от Лиса и Хогберда… Эпинэ верил этому человеку, чувствовалось в гоганском старейшине нечто неуловимое, свидетельствующее, что этот старик в желтом балахоне не лжет.

– Гость желает знать, почему внуки Кабиоховы ждали века и схватились за дни?

– Да, – подтвердил Робер. Понять, почему гоганы прицепились к Альдо именно сейчас, было важно, но Робера волновали другие вещи. Однако, как говорят бириссцы, только козлы начинают разговор с главного… Хотя у бакранских козлов разговоры получились неплохо, правда, им подсказывал Рокэ Алва.

Достославный из достославных коснулся вьющейся бороды:

– Время, отпущенное внукам Кабиоховым, кончается, и с ним водой в песок уходит благословение Его, и приходят времена пустые и недобрые.

Пустые и недобрые времена пришли давным-давно, но вдаваться в философский диспут с гоганом талигоец не собирался.

– Достославный из достославных говорит о конце времен, – спасибо покойному толмачу, научившему гоганским оборотам, – но откуда пришло это знание?

Енниоль задумался.

– Сын твоего отца много спрашивает и много думает. Жаль, не ты внук Кабиохов…

Робер тоже об этом сожалел, но по другой причине. Первородства и короны его не занимали, но тогда Мэллит была бы связана кровью не с Альдо, а с ним. Иноходец взглянул в мудрые чужие глаза:

– Клянусь Честью сохранить любую тайну, но я лучше дерусь с открытыми глазами и хочу знать, что нас ждет на вашей дороге.

– Дороги правнуков Кабиоховых и внуков Его еще не слились, – веско произнес гоган, – и тревожит это сына моего отца превыше всех иных бедствий. Робер из рода Флоха знает о приметах, что предвещают падение внуков Кабиоховых?

Робер покачал головой – у него не хватало сил продолжать низать словесный бисер. Он любил гоганни, он верил Енниолю, а погибший толмач почти стал его другом, но он талигоец, ему тяжело продираться через багрянозем ельскую патоку.

– Есть четыре условия и четыре приметы, каждая не говорит ничего, все вместе кричат о многом. Сын моего отца вздохнет спокойно, когда блистательные покинут отягощенный бедой город. Жизнь Первородного дороже всего золота мира.

Покинуть Агарис? Ему тоже этого хочется, но как же Мэллит?!

– Опасность грозит только Альдо или всем?

– Всем, кто дышит и чья кровь горяча, – покачал головой гоган, – бежавшие твари знают правду, но людям Кабиох подарил разум, однако отнял чутье. Нужно уходить, но род человеческий подобно роду древесному пускает слишком глубокие корни.

– Мы должны предупредить, – Робер сжал кулак, – если это так опасно…

– И что скажут первородные бредущим со свечами? Что старый гоган верит крысам и кошкам, а не Эсперадору? Город проклят, но кто это видит?

Енниоль был прав. Люди не бросят дома, да и куда они пойдут? Агарис велик и богат. Кто из уважаемого человека захочет превратиться в жалкого беженца? Бегут от войн, от чумы, от паводков, но ничего подобного Святому граду не грозит. Остается уподобиться сородичам Клемента и удрать, а остальные пусть живут, как хотят.

– А правнуки Кабиоховы? Они уйдут?

– Сын моего отца благодарен блистательному, – голос достославного звучал со странной теплотой, – каждый внук Кабиохов сам взвешивает свою судьбу на весах разума. А разум не любит того, что нельзя измерить и сосчитать.

Эпинэ молчал, не отрывая взгляда от морщинистого, но все равно совершенного лица. Может, они с Альдо и первородные, но куда им до правнуков Кабиоховых по части внушительности. Эсператисты, отними у них иконы, наперсные знаки и древний язык, станут обычными людьми, а «истинники» и вовсе людишками, а достославный из достославных, как его ни одень, величие сохранит. Такими, наверно, были древние пророки и первосвященники…

– Раз в четыреста лет шар судеб из обители одного сына Кабиохова катится в дом другого, – покачал головой гоган, – а следящие из мглы ждут, чтобы схватить его. Но не удержать им его, и выронят они шар, и канет он в небытие, если не остановят его именем Кабиоховым потомки Его.

Закатные твари, о чем это он?! Дома, шары, кто-то где-то сидит…

– Блистательному трудно понять внука моего деда?

– Трудно, – признался Робер, – я не читал ваших книг и узнал вас совсем недавно.

Достославный задумался:

– Ты – потомок огнеглазого Флоха, в твоей крови спит великое знание. Правнуки Кабиоховы могут пробудить твою кровь и вернуть забытое, но ты слаб.

– Я здоров, – встрепенулся Иноходец, зная, что врет.

– Дух твой исполнен отваги и безрассудства, но тело твое подобно загнанному коню, – в голосе гогана звучало сомнение.

– Да я в сто раз быстрее поправлюсь, если буду знать, что со мной творится. – Робер совершенно позабыл, что перечит человеку, о котором в Агарисе и говорят-то шепотом.

– Ты решил, – достославный из достославных поднялся, – идем. Шар уже стронулся, на грани эпох ничего нельзя откладывать.

2

Не прошло и пятидесяти лет, как братец Альберт вспомнил о своей сестричке Тильде. Тьфу! Матильда едва сдержалась, чтобы не швырнуть послание родственничка в окно. Великий герцог Алатский на двенадцати страницах истекал слюнями и соплями, то вспоминая детские шалости и юношеские грезы, то расписывая болезни и таланты деток, внуков и внучек… Во внезапно вспыхнувшие родственные чувства вдовствующая принцесса не верила – во время избрания нового Эсперадора богоданный братец сестру не узнал, хотя судьбе было угодно столкнуть их нос к носу. Разумеется, Матильда Альберта тоже не узнала, но ощущение гадливости осталось. И вот теперь этот слизняк рассыпается в любезностях и чуть ли не умоляет их с Альдо переехать в Алат. Какой ызарг его укусил?

Матильда еще раз прочитала письмо, решила, что такую гадость следует запить, хватила бокал касеры и задумалась. С одной стороны, ужасно хотелось написать братцу все, что она о нем думает, с другой… С другой – она смертельно устала от Агариса, а после смерти Адриана у нее здесь не осталось никого и ничего. Могилы – это только могилы. Некоторым удается связать холмики под кипарисами с ушедшими в Рассвет, а у нее не вышло. Анэсти, Эрнани, его смешливая курносенькая Ида не имели ничего общего со скорбящими ангелами, опускавшими свои факелы над белыми плитами. Умирая умирают, если что и остается от прошлого, то это память…

Настроившись на философский лад, Матильда налила себе еще, но выпить помешал Клемент. Непостижимым образом выбираясь из комнаты Робера, Его Крысейшество являл свое присутствие там, где можно было что-нибудь съесть. Матильда хмыкнула, вытащила из плетеной шкатулки миндальное печенье и хотела положить на край стола, но передумала и обмакнула в касеру. Крыс ловко взобрался по скатерти наверх и принялся обнюхивать

подношение. Печенье было мокрым и подозрительным, Клемент попятился, чихнул, почистил усы и с сомнением посмотрел на странное угощение.

– Твою кавалерию! – Принцесса ополовинила стакан. – Еще чихает… А ну, лопай давай!

Крыс двинулся вперед, усиленно дергая носом. На его морде явно читалось подозрение.

– От касеры еще никто не сдох, – заверила Матильда, – по крайней мере сразу. И вообще ты мужчина или кто?

Клемент был мужчиной, он сделал последний шаг, еще разок обнюхал печенье и принялся за дело.

– Так-то вот. Твое здоровье, хвостатый. – Принцесса подняла бокал, из которого, говоря по чести, следовало пить вино, но какой смысл хлебать из наперстков, все равно выпьешь столько, сколько выпьешь?!

Клемент угощался, а Матильда пила, глядя на валявшееся на столе письмо.

За неимением другого собеседника вдовствующая принцесса решила поговорить с крысом. Эх, была бы жива Мупа… Альдо предлагает купить дайтского щенка, но она еще не готова.

– Ну и что будем делать? Поедем или как?

Крыс повернулся на голос и снова чихнул.

– Говоришь, поедем? – Принцесса вытащила еще одно печенье, искупала в бокале и протянула Клементу. – И я так думаю. Гнусное место этот Агарис, сколько можно здесь сидеть? Альберт – дрянь, ну и Леворукий с ним, зато я тебе такие елки покажу… Закачаешься!

Клемент уже качался, однако мужественно доплелся до второго печенья и вгрызся в пропитанное касерой миндальное сердце.

– Уважаю! – заверила крыса Матильда. – Все, решено! Едем домой! Твою кавалерию, – женщина запустила пустым бокалом в дверь, – сорок шесть лет! Сорок шесть лет я торчала в этой умоленной дыре! Хватит!!!

– Это ты в меня? – вошедший Альдо с удивлением уставился на осколки. – Ты меня с Хогбердом спутала?

– Не в тебя, – заверила принцесса, – присоединяйся. Мы едем домой!

– Как? – не понял внук. – Там же Оллары.

– Там мой братец, – Матильда скривилась, – а он гаже всех Олларов мира… Но там хотя бы свечками не воняет. Я, между прочим, дочь и сестра алатских герцогов, твою кавалерию! И мое место в Алате!

Внук, ничего не понимая, уставился на бабушку. Клемент покончил со вторым печеньем и зигзагами направился к плетенке с лакомством. Альдо вытащил коржик и сунул крысу под нос, тот обнюхал, сел, а вернее, плюхнулся на задние лапы и возмущенно заверещал.

– Касеры хочет, – сообщила вдовствующая принцесса, – и то сказать, сухая корка рот дерет.

– Робер тебя за своего зверя убьет, – предупредил внук, предпринимая еще одну попытку угостить Клемента сухим печеньем. Возмущенный крыс щелкнул зубами, Альдо засмеялся и налил себе полный бокал:

– За что пьем?

– За все хорошее, – Матильда махнула бокалом в сторону Клемента, – и за всех хороших, хвостатых и бесхвостых…

Робер ничего не помнит, и хорошо. Она бы сквозь землю провалилась, если бы Иноходец принялся оправдываться и просить прощения… Твою кавалерию, да она была счастлива в последний раз в своей жизни… Ей нужен был кто-то вроде Робера, а она польстилась на несчастненького изгнанника с голубыми глазками. Дура! Внук разлил касеру и улыбнулся. Знал бы он, что в голове у бабки…

– Ты чего-то хотел?

– Пришел Хогберд, жаждет рассказать что-то душераздирающее.

– Гони его к кошкам, – припечатала Матильда, – сегодня я его не выдержу. Сначала братец Альберт, потом этот боров…

– Сегодня ты никого не выдержишь, кроме меня, – вздохнул внук, – ладно, пошел гнать…

– Возвращайся живее, – велела бабушка, – выпьем…

3

Снова тусклое золотое мерцание, запах курений, мерцающая пирамида. Робер надеялся, что приведут Мэллит, но в чертоге ары их было двое – талигойский маркиз и старейшина гоганской общины. Иноходец со странным чувством смотрел на блестящую поверхность. Ара хранила кинжал, на котором смешалась кровь Мэллит и Альдо, разбудив прошлое, а что спит в его крови? Память Флоха? Бред!

– Блистательный не увидит тех, кто ушел, – гоган говорил шепотом, – он лишь разбудит то, что было завещано. Он стоит на пороге и может вернуться, а может сделать шаг, и нигде не сказано, что есть дорога назад.

– Я решил! – Если Робер и был невежлив, то лишь потому, что боялся сам себя, вернее, своего страха. Если он не сделает этого сейчас, не сделает никогда.

– Опустись на колена и протяни руки вперед, – произнес гоган, – ладони должны быть раскрыты, а веки смежены.

Робер повиновался, хотя ничего унизительней этой позы нельзя было и вообразить. В уши ударило какое-то слово – непонятное, тяжелое, исполненное жуткого в своей громадности смысла. Резко запахло дымом и чем-то еще. Кровью? Морем? Смолой? Робер Эпинэ увязал в чем-то вязком и мерцающем, как муха, которой суждено обрести смертельное бессмертие в куске янтаря. Он не двигался, не кричал и даже, пожалуй, не дышал.

Запах становился все острее, потом к нему прибавился звук. Стук копыт разбил золотую пелену, и Эпинэ увидел, как далеко впереди в янтарном свете мчится огненный жеребец, в сравнении с которым лучшие морисские скакуны были не более чем клячами. Красавец летел прямо на Робера, и с каждым шагом грациозные движения становились все медленней. Конь словно бы плыл сквозь сверкающее марево – плавно развевалась неимоверно длинная грива, грациозно сгибались и разгибались сильные стройные ноги, раздувались раскаленные темно-красные ноздри, по шее и хребту пробегали алые сполохи. Создатель, как же это было прекрасно!

Сотканный из расплавленного золота иноходец был уже совсем рядом. Робер, сам не понимая, что творит, бросился к плывущему сквозь янтарь коню и ухватился за полыхающую гриву. Руки пронзила адская боль, но он все же сумел вскочить на спину дивного создания. Эпинэ и раньше приходилось объезжать диких лошадей, повадки огненного красавца были такими же, что и у морисков, разве что оба – и конь, и наездник – двигались медленно и плавно, а может, это время замедлило свой бег, и секунды стали минутами. Конь поднялся на дыбы, и Робер изо всех сил сдавил золотую шею, чтобы жеребец не опрокинулся на спину, желая раздавить всадника. Скакун опустился на передние ноги и принялся подкидывать круп, Эпинэ припал к пламенеющей гриве. У него не было ни стремян, ни хотя бы аркана, но ему помогало замедлившее свой бег время, превратившее безумные, вытрясающие душу прыжки в полет. Так кружатся в воздухе осенние листья, так падают на землю перья убитых в небесах птиц, так гаснут взлетевшие над костром искры.

Лошадь, человек и время танцевали сказочный танец, и вместе с ними танцевали неведомые Роберу звезды и бьющие с безоблачного раскаленного неба молнии. Звезды вспыхивали и под копытами жеребца, а может, это были не звезды, а искры, что выбивали из багрового закатного мрамора золотые подковы.

Робер ни о чем не думал, захваченный небывалым поединком. Конь кружился, подскакивал на всех четырех ногах, взлетал на дыбы, по-кошачьи бросался вбок и, наконец, убедившись в невозможности сбросить наездника, рванулся к возникшей из ниоткуда башне, на вершине которой лежал красный солнечный шар. В лицо ударил горячий ветер, время, словно его кто-то пришпорил, очнулось и понеслось вместе с конем. Лошадь мчалась зигзагом, уворачиваясь от бьющих со всех сторон молний. Рогатые стрелы – алые, золотые, слепяще-белые, изумрудно-зеленые, лиловые – разрывали небосвод, стремясь настигнуть всадника. В башне его ждали, на него надеялись, его место было там, но как же далеко эта башня и красное солнце над ней!

Конь несся все быстрее, и все нестерпимей становилась боль, которую Эпинэ в начале поединка почти перестал замечать. Лиловая молния ударила возле самых ног скакуна, тот прянул в сторону, и Робер, не удержавшись, перелетел через конскую голову, не отрывая взгляда от алого солнца над черной площадкой. Солнца или сердца…

Огромное сердце, подвешенное на четырех цепях и вопреки всему живое, бьющееся, трепетное. Сердце, в которое вонзили кинжал, алая кровь стекает в белую раковину, становясь черной, белые снежинки кружат в бархатной тьме. Нет, это ветер поднял черный пепел и понес над сверкающей золотой равниной.

…Потолок с круглыми отверстиями, вечернее небо без птиц, запах сожженных чужеземных трав и смол, старик с мудрыми глазами.

– Потомок Флоха бродил по дорогам Молний дольше, чем думал сын моего отца.

По дорогам Молний? Ах да… Он хотел узнать прошлое, но конь его сбросил. Гоганское колдовство оказалось бессильным, а может, все дело в нем, он еще болен, нужно попробовать снова. В следующий раз он обязательно доберется до башни и все узнает!

Только гордость заставила Робера подняться с колен и улыбнуться. Талигойцу хотелось упасть на пол и немедленно умереть. Кожа горела, словно он обжегся на летнем солнце. Робер украдкой глянул на свои руки, они были красными, а на золотой поверхности браслета отчетливо проступала рогатая золотая молния. Во имя Астрапа, откуда?!

Часть вторая
«Дьявол»[22]

Похвалы за доброту достоин лишь человек, у которого хватает твердости характера на то, чтобы иной раз быть злым; в противном случае доброта чаще всего говорит лишь о бездеятельности или о недостатке воли.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1
Оллария
«Le Roi des Deniers» & «Le Deux des Bâtons»

1

[22] Высший аркан Таро «Дьявол». Символизирует темную сторону всех вещей, предопределение, фатальность, тайну. В тени скрывается дьявол, но не ходить туда – трусость. Надо отдавать себе отчет, что огонь может быть и светом, и адом. Иногда карта говорит о жажде материального или физического благополучия, власти, богатства. Иногда означает рабскую зависимость от эротических желаний. П.К. – злоупотребление силой, ориентация на достижение материальных благ, рабскую зависимость от эротических желаний. Это ночь, погружение в потемки души, встреча со страхами лицом к лицу, заблуждения, тайные враги.

Его Высокопреосвященство кардинал Талига обозрел свою персону в зеркале и усмехнулся, вспомнив Авнира с его длинным бледным лицом и голодным блеском в провалившихся глазах. Епископ Олларии куда больше похож на закоренелого злодея и изверга, чем страшный Дорак. Агариссцы будут разочарованы, ну да Леворукий с ними, главное – договориться.

Кардинал вздохнул и поморщился – в последнее время глубокие вздохи причиняли боль. После переговоров нужно пригласить морисского врача, иноверцы лечат лучше выпускников золотоземельских академий, что олларианских, что эсператистских. Авнир счел бы это ересью и оскорблением Создателя, так же как и «истинники», среди которых епископ выглядел бы куда уместнее, чем среди своих нынешних собратьев. Хотя нет, адепты Истины отличаются невзрачностью, Авнир, несмотря на сродство душ, им бы не подошел. Сильвестр вздохнул еще раз и немного задержал дыхание – вроде ничего… Любопытно, что собой представляет знаменитый Оноре. Если то, что про него известно, правда, то мы увидим редкий цветок. Клирики высшего разбора бывают интриганами, реже – фанатиками и почти никогда святыми. Вот Авниру, тому тесно в олларианских рамках, ему хочется нести свою веру огнем и мечом.

Отыскать среди олларианцев фанатика стоило Его Высокопреосвященству немалых усилий. Не честолюбца, прячущего свои желания за показным благочестием, а безумца, готового разорвать на куски любого еретика или безбожника.

Франциск Оллар создавал церковь, служившую сначала государству и королю и лишь потом высшим силам, которые ничем себя не проявляли веками. Соответственно, первыми к новой вере примкнули те, кого занимала политика, а не молитвы. Потом, разумеется, появились и искренне верующие люди, особенно среди приходских священников, которым Франциск разрешил иметь семьи, заодно избавив паству от постов, ночных бдений и обязательных молитв на давным-давно мертвом языке. Оллар в свое время сказал, что любить Создателя и любить женщину следует подальше от чужих глаз. Неудивительно, что разбивающий себе лоб епископ для собратьев в олларианстве был как гвоздь в сапоге.

Ничего, потерпят! Авнир нужен – грязную работу выполняют мусорщики и золотари, а колют скот – забойщики. Органисты и художники для этого не годятся. Вот когда епископ свое дело сделает, он весьма быстро предстанет перед Создателем и постарается доказать, что действовал исключительно к его, Создателя, славе.

– Ваше Высокопреосвященство, – секретарь почтительно поклонился, – епископ эсператистской церкви Оноре прибыл.

– Хорошо, – кивнул кардинал, – проводите его в сад, я сейчас спущусь.

Оноре не от мира сего, и тем не менее именно он вертит впавшим в детство Юннием. Странное сочетание. Кардинал тронул рукой левую сторону груди. С завтрашнего дня он будет выпивать не больше двух чашечек шадди, и то утром. Хотя нет, не с завтрашнего, новую жизнь он начнет после отъезда эсператистов и препровождения Штанцлера со товарищи к Рассветным Вратам, а сейчас нужно быть бодрым, как никогда.

Кардинал неторопливо вышел из своих апартаментов и, разумеется, увидел Авнира. Столичный епископ торчал столбом посредине приемной. Бедняге, особенно с учетом его родства с Приддами, больше бы пристало стать эсператистом, но кузен нынешнего Повелителя Волн ударился в олларианство, и как ударился.

– Еретики вступили в обитель Света, – объявил достойный родич Спрутов. Возразить на это было нечего, разве что с точки зрения вышепоименованных еретиков резиденция кардинала Талига была обителью Тьмы. – Я пришел дать отпор врагам Церкви.

– Благодарю тебя, брат, – у него, кажется, есть несколько настоящих братьев и вроде вполне приличных людей, – но сегодня в этом нет нужды. Твоя помощь понадобится в публичном диспуте, освежи в памяти Книгу Ожидания.

– Я читаю Поучения и Откровения еженощно, о старший брат мой.

– Оноре из Агариса весьма искушен в спорах. Нам потребуются все комментарии

блаженного Модеста и «Полемика» высокоученого Аврелия Колиньярского. Я надеюсь на твои знания и твою память, ты должен быть готов к утру шестнадцатого дня Изумруда.

– Я не подведу, о старший брат мой. Я немедленно отправляюсь в библиотеку.

– Церковь рассчитывает на твое усердие.

Пускай читает, хоть учитается. Во время переговоров ему в библиотеке самое место, хотя мысль о диспуте воистину удачна. У эсператистов и олларианцев много общего. Если это умело подать, сыграв друг с другом в поддавки, примирение будет выглядеть более естественным. Разумеется, если Оноре и впрямь не фанатик и не глупец.

– Пусть старший брат благословит младшего на труд во имя торжества Создателя!

Кардинал поднял руку и благословил рвущегося в бой мракобеса. Авнир вскочил, ноздри его раздувались, как у породистого рысака, хлопнула дверь, раздались торопливые шаги – помчался готовиться к диспуту. Забавный все-таки зверь человек, кошки пестры снаружи, а людишки изнутри.

Его Высокопреосвященство повернулся к секретарю. Бедняга выглядел огорченным и возмущенным. Агний – хороший помощник, но с догадливостью у него худо, не то что у Германа или Ворона. Рокэ еще зимой понял, чем закончится возвышение Авнира, но вмешаться и не подумает, потому и уехал, несмотря на просьбы любовницы. Бедная Катари, спать с человеком, который может стать королем и не хочет!

Его Высокопреосвященство тепло улыбнулся секретарю:

– Эсператистский епископ и его спутники в саду?

– Да, отец мой.

– Я слышал, епископ Олларии проповедует на Дворе Висельников?

– Это так, – в карих глазах молодого священника мелькнула озабоченность, – но он не призывает отверженных к миру и добру.

– О чем же он говорит?

– Он разъясняет главу о змеях.

– Я так и думал, – кивнул Сильвестр.

Авнир удручающе предсказуем. Собрал толпу, объяснил, что лучший способ попасть в Рассветные Сады – это свернуть голову парочке еретиков, но лавочники не проявили особой прыти, хоть и нацепили черные банты. Тогда ревнитель веры отправился на Двор Висельников и воззвал к местному ворью. Эти примкнут к любому погрому, если будут уверены, что им за это ничего не будет. Любопытно, Авнир понимает, что подбивает убивать и грабить, или и впрямь считает, что сеет Свет в заблудших душах? Похоже на то. Когда все кончится, епископ получит в подарок «Книгу Ожиданий», почитав которую на сон грядущий не проснется. Короля Висельников тоже придется сменить, ну да была бы грязь, а свинья придет…

2

Наль то каялся в том, что невольно выдал Дика, то отчитывал родича за ссору с матерью, то оплакивал Айрис и ее потерю, после чего вновь принимался каяться. Дик все больше молчал, вспоминать случившееся не хотелось, но забыть Айрис над мертвым Бьянко и сухие, злые глаза матушки не получалось, хоть умри. Сестру нужно спасать, но как? За Наля Айрис не пойдет, и потом она несовершеннолетняя, ей нужно разрешение опекуна, а Эйвон ни в чем не перечит матушке.

Куда же забрать Айри? В дом Рокэ? Немыслимо, это не место для девушки. Кансилльер здесь не помощник… Савиньяки? Катершванцы с их бабушкой Гретхен?

Святой Алан, как он сразу не догадался! Катари! Нужно добиться приглашения для девицы Окделл ко двору Ее Величества. Мысль просить помощи у Катарины Ариго захватила Дика полностью, хотя юноша понимал, что в известной степени он хлопочет о себе. Если Айри станет одной из фрейлин Ее Величества, он сможет под этим предлогом

бывать при Малом дворе[23].

Сначала Ричард решил дождаться своего эра и попросить его за Айри, потом решил, что это не обязательно. Что мешает герцогу Окделлу написать Ее Величеству и попросить об аудиенции? Пусть при свидетелях, не страшно. Брат имеет полное право хлопотать за сестру. Дик с сомнением посмотрел на Наля, в очередной раз предававшегося самобичеванию.

– Пойми, Дикон, – пухлые щеки кузена тряслись, как у варастийского хомячка, – я просто хотел переменить разговор. Мне казалось… Эрэа Мирабелла ничего не понимает в лошадях, я думал, ей будет скучно… Если б я знал, что Бьянко подарил Рокэ… хотя, Дикон, ты и в самом деле слишком много от него берешь. Ты не должен забывать, что Рокэ…

– Я знаю, кто такой Рокэ Алва, и я помню, что я – Ричард Окделл, – холодно произнес Дик. – Когда я буду освобожден от присяги, я выясню свои отношения с герцогом раз и навсегда, но Айрис не должна страдать.

– Айрис, – лицо Наля стало мечтательным, – она необыкновенная… Таких девушек больше нет…

Айрис и впрямь очень хорошая, и ей сейчас почти столько же лет, сколько было Катари, когда ее выдали замуж за Фердинанда.

– Айрис выйдет замуж по любви и за того, за кого хочет, – твердо сказал Ричард.

– Да, да, конечно. – Плечи кузена поникли. Бедняга, он и в самом деле влюблен, но куда ему!

– Что ты будешь делать? – Реджинальд справился с собой, он, как и Эйвон, сначала думал о других и лишь потом о себе.

– Пока ничего. Подожду, пока все утрясется.

О письме Катари он не скажет. Ни кузену, ни кансилльеру знать об этом не обязательно. Кончено, эр Август все узнает, но будет поздно. Приглашение Ее Величества матушка отвергнуть не посмеет – она очень уважает Катарину Ариго и все ее семейство.

– Эрэа недовольна.

Недовольна – это мягко сказано! Он ускакал из Надора, не попрощавшись с матерью и позабыв о сержанте Гоксе и его людях. Нужно написать в Торку, Гокс еще там…

– Пойми, Наль, я не могу позволить погубить Айрис ради старой вражды.

– Да, конечно, – лицо Наля выражало полнейшую растерянность, – но что мы можем? Ты поживешь у меня?

– Нет, я еду домой, – бездумно ответил Дик и по лицу кузена сообразил, что ляпнул что-то не то.

– То есть, – уточнил Реджинальд, – к Рокэ Алве?

– Да.

Святой Алан, у него и впрямь другого дома нет!

3

Епископа Оноре сопровождали двое. Хмурый крепыш и высокий светловолосый парень. Юноша казался приятным, но Его Высокопреосвященство сразу отметил слабый подбородок и слишком мягко очерченный рот. С такой мордочкой проще всего жить, прячась за юбку жены или матери. Эсператистская церковь слабаков не жалует, а сей молодой человек явно, случись что, начнет бестолково кудахтать и махать руками. Зато сам епископ приятно удивил. Он или был отменным притворщиком, или и впрямь хотел мира и любил ближних, но при этом не был ни блаженным, ни глупцом.

– Ваши спутники, почтенный Оноре, вероятно, голодны…

Решится на разговор без свидетелей или нет?

– Если хозяева будут столь милосердны, что возьмут на себя заботу о моих братьях, –

---

[23] *Малый двор* – окружение королевы.

агарисец улыбнулся, – мое сердце исполнится благодарности.

– Пусть… – Сильвестр вопросительно поднял бровь.

– Брат Пьетро и брат Виктор, – подсказал эсператист.

– Пусть Пьетро и Виктор идут прямо по этой дорожке, справа они увидят увитый диким виноградом одноэтажный дом. Они поспеют как раз к полуденной трапезе.

Эсператисты поклонились и ушли. Значит, Оноре уполномочен вести тайные переговоры.

– Я хочу быть откровенным, – агарисец не стал ходить кругами, Сильвестру это понравилось. – Пятеро из семи магнусов сошлись на том, что мир между нашими церквями предпочтительнее вражды.

– Ордена Истины и Славы считают иначе.

Не Славы, Чистоты, но лучше излишней осведомленностью не щеголять.

– Леонид из ордена Славы на нашей стороне. Магнуса Клемента поддержал орден Чистоты.

– Я полагал, сии достойные клирики блюдут чистоту в несколько ином смысле, – откликнулся Его Высокопреосвященство и чуть не расхохотался, потому что его устами заговорил Ворон.

– Юстиниан думает о политике, а не о цели, которой должно служить, посвятив себя Создателю, – то ли Оноре не понял шутки, то ли не счел нужным понять, – но Юстиниан и Клемент не пойдут против воли конклава.

– Я также буду откровенен, – Сильвестр решил по возможности избегать обращений, они подчеркивают различия, а обстоятельства требуют искать сходство, – когда придет наш черед, мы ответим за то, что сделали, и за то, что не сделали, но сейчас меня волнуют дела земные.

Талиг готов на уступки. Пусть Агарис прекратит поддерживать Раканов и убедит их перебраться, скажем, в Алат к брату принцессы Матильды, которой отныне придется называть себя герцогиней. В ответ мы согласны открыть в Олларии и ряде других городов эсператистские храмы и разрешить тем, кто тайно исповедует эсператизм, делать это открыто.

А исповедуют его лишь огрызки Людей Чести и проныры, полвека назад поставившие на королеву Алису. Простой люд привык к олларианству, которое обходится верующим намного дешевле. Если господа Придды и Карлионы открыто примутся молиться по старинке, они выстроят между собой и простыми талигойцами очень высокий забор. Жаль, Штанцлер с Ее Величеством не попадутся на эту удочку, хотя… Его Высокопреосвященство улыбнулся:

– Мы не станем чинить препятствий никому, кто желает читать молитвы на гальтарском, а не на талиг, но будем преследовать, как двурушников и святотатцев, тех, кто станет зажигать свечи пред двумя алтарями.

– Это справедливо, – наклонил голову Оноре, – тот, кто верует, не должен предавать своей веры. Святой Престол запретит отпускать грехи тем, кто не провозгласит себя открыто сыном Истинной Церкви.

– Когда Раканы покинут Агарис?

– Святейший Эсперадор попросит об этом молодого Альдо и Матильду Алатскую, как только я привезу подписанный договор.

– Как только Раканы покинут Агарис, Его Величество огласит указ об открытии в Олларии храма… Вы сами можете избрать святого или праздник, коему будет посвящен храм, но в Талиге чтут святую Октавию.

– Я согласен, – просто сказал Оноре, – если две наши церкви прекратят вражду в праздник святой. Пусть Октавия Агарская станет Светлой Покровительницей храма в Олларии.

– Я предлагаю провести в канун праздника публичный диспут, – бедный Авнир, как он огорчится, когда поймет, что его познания не пригодятся, – и мы будем не обличать

еретиков, но мириться с ними, в аббатстве Ноха сохранился зал теологических дискуссий. Мы можем начать с различий и доказать, что они не столь существенны.

– Это и в самом деле так, – улыбнулся Оноре. Неужели он и впрямь святой? Тогда как вышло, что он подчинил себе Эсперадора и навязал свою волю конклаву? – Я много размышлял о разнице меж догмами Истинной Церкви и основами олларианства и пришел к выводу, что они не столь велики. Чем дальше думаю, тем больше убеждаюсь, что разделяет нас мирское, а не горнее.

– Да, – Сильвестр чуть ли не в первый раз в жизни ломился в открытые ворота, это было удивительно странное чувство, – я полагаю, эсператистский целибат имеет сходную основу с институтом майоратов. Дробить церковную собственность было столь же опасно.

– Вы полагаете, диспут следует начать с обсуждения этих институтов?

Его Высокопреосвященство медленно покачал головой:

– Нет, тема целибата может показаться фривольной. Затронув ее, придется говорить о весьма неудобных для лиц нашего положения вещах. Лучше обсудить необходимость существования орденов. Я могу начать с того, что вычленение семи ипостасей Создателя является умалением Его и идолопоклонством.

– Тогда, – покачал головой Оноре, – я отвечу олларианцу олларианским же аргументом. Создатель слишком велик для человеческого разума, потому люди и поклоняются тому аспекту Создателя, который доступен их представлению и пониманию. Если вы ратуете за частную истину, то ордена этому критерию вполне соответствуют и всегда соответствовали, потому что Создатель милосерден и не требует от человека больше, чем тот способен дать.

– Не стану опровергать очевидное, – усмехнулся кардинал, – по крайней мере сейчас, но во время публичного спора я найду несколько контрдоводов. Жителям доброго города Олларии лучше не знать, что все решено. Пусть рассказывают детям и внукам, что присутствовали при великом примирении.

– Я не люблю лжи и притворства, – нет, он точно святой, какой ужас, – но ради великой цели готов скрыть наш договор. Сколько времени займет спор?

– Не меньше полутора часов, но не более двух с половиной. Излишне долгие проповеди утомляют паству. Итак, вы согласны? Мы обсудим существование орденов. В конце вы придете к выводу, что олларианская церковь по сути такой же орден, а я – что ордена призваны облегчить служение Создателю и понимание Его простым людям.

– И это именно так, – изрек Оноре. Их никто не слышал, кроме птиц и пчел, но от этого эсператистский епископ не стал менее серьезен. – Мы сделаем великое дело, примирив нашу паству. Это угодно Создателю и Свету.

Квентин Дорак полагал, что договор в первую очередь выгоден Талигу и его союзникам, но не счел нужным разубеждать гостя. Зачем? Оноре делает то, что велит его совесть, кардинал Талига то, что подсказывает разум, а в выигрыше остаются и Талиг, и Агарис.

Глава 2
Оллария
«Le Valet des Épées» & «Le Quatre des Coupes»

1

«Прошу Ваше Величество об аудиенции» … «Ваше Величество, умоляю о великой милости»… «Взываю к доброте Вашего Величества» …

Письмо не получалось. Вернее, оно получалось ужасно глупым. Обязательные обращения и обороты выглядели торжественно и верноподданно лишь до тех пор, пока Дик не представлял себе лицо Катари. Если она прочтет написанное по всем правилам письмо, то подумает, что Ричард Окделл – обычный блюдолиз. Сухие официальные фразы рвали

ниточку, протянувшуюся между ним и Катариной Ариго, но королевам пишут именно так, по крайней мере, когда письмо проходит десяток чужих рук.

Ричард обмакнул перо в синие чернила и вывел *«припадаю к стопам Вашего Величества»* . Слишком вольно! Что же делать? Юноша не сомневался, что эр Август не одобрит его решения забрать Айрис из Надора, но оставлять сестру с матерью невозможно. Он обещал и должен исполнить обещанное. Если б Айрис была мальчиком, ее можно было бы устроить пажом, хотя что за глупости! Будь она мальчиком, она бы отправилась в Лаик, когда они с Рокэ покидали Сагранну. Сестре осенью будет семнадцать, а она еще не имеет жениха…

Ричард отодвинул бумагу, пораженный пришедшей в голову мыслью. Дочь Повелителя Скал должны были просватать еще в детстве, но про жениха Айрис никто никогда не говорил. Через три-четыре года сестру назовут старой девой, и ей останется только выйти за Наля. Айрис нужно было вывезти в столицу еще в прошлом году, а ее держат взаперти. Как же это жестоко и несправедливо! Мать и Эйвон живут прошлым, а брат был слишком занят своими бедами, чтобы думать о чужих. Даже вернувшись в Надор, он думал о себе, а не о сестрах. Что ждет девочек, Дик понял только теперь.

Юноша постарался сосредоточиться на письме, но то, что у него выходило, совершенно не годилось для придворной канцелярии. Через два часа Ричард окончательно убедился, что ничего толкового не напишет. Оставалось либо довериться Штанцлеру, либо просить аббатису Монику о встрече с королевой, либо дожидаться Рокэ, но тот вернется не раньше чем к началу лета. Бедная Айрис! Ричард бездумно обвел глазами свою комнату и вспомнил маленькие окна и сырые толстые стены надорского замка.

Матушка гордится тем, что в гнезде Окделлов «все, как при Алане святом». Ричард раньше любил повторять эти слова, а сейчас понял, что это глупо. Глупо мерзнуть, когда можно согреться, глупо носить белье из деревенского полотна, ездить на плохих лошадях, разводить овец с короткой жесткой шерстью, пить кислое вино, и все только потому, что так делали предки. Предки много чего делали, но даже матушка не требует, чтобы капитан Рут носил двуручный меч и доспехи… Когда-то меч Раканов был лучшим оружием на свете, сейчас он годится только для того, чтобы висеть на стене. Прошлое – это прошлое, оно не должно путать ноги будущему. Именно так говорил господин Шабли, когда рассказывал об Эрнани святом, отказавшемся от старой веры и древней столицы.

Почему древний король это сделал? Ричард прекрасно помнил страшную историю о братьях Раканах, но в ней было слишком много неясностей. Эсператисты утверждают, что Раканы владели демонской силой, от которой открывший свое сердце истинной вере Эрнани отрекся. Это не помешало ему взять в новую столицу корону, жезл и меч, которым приписывали магические свойства. Тем не менее ни один из владык Раканов не рискнул их использовать, даже когда речь шла о его собственной жизни и существовании страны.

Позднее жезл был передан Эсперадору, и тот его принял, сделав символом духовной власти. Выходит, глава церкви польстился на демонское наследство? Да нет, все это сказки, никаких сил Раканов не было и нет, а реликвии всего лишь старые вещи, которые сейчас не кажутся даже красивыми.

Ричард невольно дотронулся до кольца с карасом, некогда украшавшим древний меч. Камень как камень. Ювелир, оправивший его, не заметил в нем ничего особенного, да ничего особенного и не было. Дик с тоской взглянул на недописанное письмо, скомкал лист, переоделся и, сам не зная зачем, отправился в город.

Приближающиеся праздники уже давали о себе знать – улицы были заполнены озабоченными горожанами, а торговцы орали еще громче, чем всегда. Среди оживленной толпы Ричард, как всегда, почувствовал себя деревенским увальнем – он, не успев привыкнуть к Олларии, снова от нее отвык. Горожане с улыбками расступались перед молодым человеком в цветах Первого маршала и с орденской цепью на шее. Эти улыбки и хорошая погода сделали свое дело – Дик почувствовал себя уютнее и начал подумывать о том, что неплохо бы заглянуть в какую-нибудь таверну и спросить стаканчик кэналлийского.

Жаль, сейчас в столице нет никого из его друзей по Лаик, только Наль, изрядно поднадоевший во время дороги.

Надо написать Арно, Катершванцам и Альберто. Он вел себя по-свински, забыв о друзьях, а те могли решить, что Ричард Окделл, став оруженосцем Рокэ Алвы, зазнался. Ричард тронул висевший на поясе тяжелый кошелек. Он сейчас же пойдет к ювелиру и закажет подарки для друзей и для Айрис.

Мастер Бартолемью при виде Дика сплавил некрасивую горожанку средних лет худенькому помощнику и устремился навстречу гостю.

– Монсеньор! – остроносый ювелир радостно улыбнулся. – О, вижу, монсеньор носит кольцо. Он доволен работой?

– Очень. – Ричард в который раз позавидовал умению Рокэ заводить друзей среди простолюдинов и врагов среди знати. Юноша ужасно смущался, заговаривая и с теми, и с другими. – Спасибо большое. Я… – Дик схватился за кошелек, – я хочу заказать подарки для друзей и сестры.

– Я к услугам монсеньора, – и без того приветливый мастер превратился в сгусток сияния, – что монсеньор желает?

– Браслет невесты[24] и четыре мужских кольца, – только начав говорить, Дик понял, что ему нужно, – пусть все кольца будут такими же, как мое, но с разными монограммами.

– Господин помнит размеры?

Размеры? У Арно и Альберто пальцы тонкие и длинные, а вот братцы Катершванцы…

– Два кольца меньше моего, а два – больше и намного. И вот еще что… вы можете на тыльной стороне выгравировать одинаковый значок? И на моем тоже.

– О да, – кивнул ювелир. – Что угодно молодому господину?

– У вас есть перо и бумага?

– Как же иначе!

Получив желаемое, Ричард вдохновенно изобразил узор, подсмотренный в одной из книг Рокэ. Юноша не ожидал, что ему удастся с такой точностью скопировать сложный старинный рисунок, но у него получилось. Ювелир посмотрел на своего заказчика с неприкрытым уважением:

– У вас верный глаз и отменный вкус, сударь.

– Этот же узор сделайте на внутренней стороне браслета.

– Какие камни желаете?

– Карасы, но самые лучшие.

– Сколько у меня времени?

– Столько, сколько нужно для хорошей работы, – улыбнулся Ричард.

– О, я не задержу монсеньора ни одного лишнего дня. – Бартолемью отпер ящик бюро и разложил перед Ричардом множество колец и браслетов. – Прошу осмотреть эти перстни и указать подходящие по размерам. А здесь – образцы браслетов.

Ричард кивнул и принялся разглядывать изящные вещицы. С размерами он разобрался быстро, но что выбрать для Айри? Матушка, без сомнения, указала бы на четыре тонких обруча, скрепленных между собой в четырех местах, но Ричарду хотелось подарить сестре что-то знаменующее начало новой жизни – радостной и свободной. Глаза Дика раз за разом возвращались к плоскому кольцу, охватывающему три четверти запястья и застегивающемуся цепочками причудливого плетения, места крепления которых скрывали ограненные камни.

– Этот! – Ричард передал браслет мастеру.

– О! – ювелир закатил глаза. – Кэналлийская работа. Это сложно, но это красиво.

Кэналлийская! Дома будут вне себя, но Айри понравится. И потом, кто же виноват, что

---

[24] Непросватанная девушка до обручения носит серебряный браслет особенной формы, на котором выгравировано ее имя и родовые символы.

кэналлийцы и мориски лучшие ювелиры этого мира. И лучшие бойцы.

– Пусть сложно, – Ричард чувствовал себя словно перед боем, – я заплачу́.

– На заказ уйдет месяц и несколько дней, – объявил ювелир, делая какие-то записи, и добавил другим, неделовым тоном: – Монсеньор собирается в Ноху?

– В Ноху? – Ричарду припомнилось старое аббатство, серые плиты, кровь Эстебана, злой смех Ворона. – Зачем?

– Разве вы не слышали? К нам приехал агарисский проповедник, кое-кто его называет святым. Сегодня он будет спорить с кардиналом. Об этом столько говорят… А как злятся черноленточники.

Черноленточники? Святой из Агариса? Похоже, он не из Надора вернулся, а свалился с Луны.

– Я был в своих владениях, – лучше расспросить мастера, чем выказать себя дурнем перед тем же Вороном, – и вижу, в Олларии кое-что изменилось.

– Не то слово, – мастер Бартолемью обожал болтать с богатыми заказчиками, – все началось, когда епископом Олларии назначили Авнира. Он, может, и добродетельный, но уж больно злой. Его послушать, кто заговорил с еретиком – сам еретик. А как же дело? Как торговля? Где я золото буду брать? Камни?

У моего зятя три корабля, он полгода дома, полгода в чужих землях, есть-пить, покупать, продавать ему надо? Надо!.. Я так думаю, пусть Создатель после смерти решает, что с еретиками делать, а мы просто жить будем.

– А черноленточники, – напомнил Дик, – это кто?

– Это которые пошли в Лигу Святого Франциска. Пока только лают, но как бы кусать не начали! Вы как по улице пойдете, гляньте – у кого бант черный на плече, тот и есть лигист. С нашей улицы в лигу только рыжий Бернис вступил, но он из дурной семьи. Отец его к золоту медь добавлял, его из гильдии выставили, а сам Бернис, по слухам, краденым не гнушается. Авнир всем лигистам отпущение грехов дал, вот он к ним и подался, а по мне – лучше быть честным мастером.

Ричард заверил Бартолемью в том, что полностью разделяет его точку зрения, и вышел. Проделки пройдохи Берниса юношу не волновали, делать было решительно нечего, и Ричард повернул к Нохскому аббатству. Спор между Дораком и эсператистом – это, по меньшей мере, любопытно, это поможет убить время.

2

Интереса к богословию Луиза Арамона не испытывала никакого, но ей был нужен агарисский епископ. Дениза уверяла, что эсператистское благословение заставит Арамону оставить живых в покое, и Луиза выпросила у отца приглашение. Теперь вдова капитана восседала среди ученых мужей, которые пришли оценить доводы спорящих сторон, и дворян, собравшихся поразвлечься, и чувствовала себя ужасно глупо.

Женщин на балконе было мало, и Луиза сразу заметила роскошную черноволосую красавицу, чей нарочито скромный наряд приковывал внимание мужчин посильнее самого смелого платья. Двадцать лет назад вид прекрасной незнакомки вызвал бы у Луизы Кредон злые слезы, сейчас госпожа Арамона лишь усмехнулась. Чужая красота ее больше не оскорбляла, молодость ушла, а с ней и многие обиды. Воспользовавшись случаем, капитанша принялась рассматривать черное бархатное платье очаровательной дамы. Селине пошло бы такое же, но голубое, отороченное синими лентами.

Синее с черной отделкой было бы еще лучше, но для юной девушки это слишком смело. Синее и черное – цвета герцога Алва… Луиза сама себе не признавалась, что смертельно хочет снова увидеть некогда поразившего ее воображение красавца. Капитанша внимательно смотрела вниз, туда, где сидела самая высшая знать, но никого, похожего на Первого маршала Талига, там не было. Зато Луиза увидела отца – господин граф разговаривал с соседом – полным мужчиной с приятным лицом. Кто-то из Приддов?

– Сударыня, – шикарно одетый дворянин небольшого роста с необычайной учтивостью поклонился Луизе, – разрешите представиться. Барон Капуль-Гизайль. Я и моя супруга будем счастливы, если вы соблаговолите присоединиться к нам.

Женщина с удивлением взглянула на маленького барона, разряженного в желтое и коричневое. Капуль-Гизайль? Луиза где-то слышала эту фамилию, но не могла сразу припомнить, где.

– Я очень признательна за приглашение, но…

– Умоляю, ни слова больше! Наши места расположены гораздо удобнее, чем ваше, а моя супруга просто жаждет с вами познакомиться. Она не простит мне, если я не смогу вас уговорить. Если вы откажете, я встану на колени.

Если честно, перед Луизой на коленях стоял один– единственный человек, причем один-единственный раз. Это был просивший ее руки Арнольд Арамона. Вдова капитана улыбнулась господину Капуль-Гизайлю. Во-первых, потому, что барон ей нравился, а во-вторых, потому, что у нее были хорошие зубы.

– Сударь, я весьма признательна вам за приглашение, но вы ведь меня совсем не знаете.

– У моей супруги необыкновенное чутье, – сообщил барон, – она видит людей насквозь.

На это возразить было нечего, и Луиза позволила проводить себя к баронессе – той самой даме в черном, которую капитанша украдкой разглядывала.

– Дорогая, – с чувством произнес барон, – разреши тебе представить…

– Я – Луиза Арамона, вдова капитана Лаик.

– Я так рада, что вы приняли мое приглашение, – огромные черные глаза просияли. – Можете называть меня Марианна.

Марианна не лгала – она и впрямь была рада. Луиза опустилась в кресло рядом с красавицей, и та защебетала о предстоящем диспуте и о том, что Его Высокопреосвященство неожиданно заболел, и олларианскую церковь будет представлять епископ Олларии Авнир.

– Этот льет воду на мельницу агарисца, – со знанием дела заметил Капуль-Гизайль, – Его Преподобие знает Книгу Ожидания наизусть, но в логике он не силен.

– Ну, конечно же, дорогой, – улыбнулась Марианна, – живущий чужим умом теряется, когда сталкивается с тем, кто живет своим. Правда, мы не знаем, на что способен этот Оноре.

– Он считается хорошим ритором, – высокий дворянин с холодным лицом отвесил учтивый поклон баронессе и пренебрежительно кивнул ее супругу. – Марианна, вы обворожительны, как утренняя роза.

– Граф, – красавица мило потупила глаза, но Луизе показалось, что ее новая знакомая отнюдь не рада комплименту, – вы мне льстите. Разрешите представить вам госпожу Арамону. Я попросила ее составить мне компанию. Надеюсь, вы простите мне мою вольность и позволите мне остаться с милой Луизой. Тем более ваше положение предполагает, что вы займете место внизу.

Милая Луиза… Так ее вообще никто не называл, а с баронессой все понятно. За годы супружества капитанша изрядно поднаторела в чтении чужих мыслей. Красавица боялась графа и еще больше боялась это показать, ну а граф смотрел на баронессу, как кабан на яблоко. Вот Марианна и озаботилась, чтобы кресло рядом с ней было занято. Кресло, предназначенное графу. Луиза простодушно улыбнулась нежелательному кавалеру:

– Вы так любезны, сударь, так любезны…

Бледное лицо слегка качнулось вперед.

– Счастлив служить, сударыня. Марианна, я могу рассчитывать на то, что увижу вас на…

– Милый граф, – перебила госпожа Капуль-Гизайль, – вам следует занять свое место, сейчас начнется.

Марианна еще раз улыбнулась и повернулась к возвышению, на котором красовались две стоящие друг против друга кафедры. Луиза последовала ее примеру.

Агарисский проповедник и епископ Олларии уже заняли свои места. Эсператист в

светло-серой сутане, на которой удивительно красиво выглядел белый эмалевый голубь, приветливо улыбался. Преподобный Авнир в черном одеянии хмурился и сверкал глазами, словно кот перед дракой. Луиза Арамона благочестиво опустила глаза, стараясь не выдать себя неподобающим смехом, но на нее никто не смотрел. Впрочем, она к этому привыкла.

3

Марианну Ричард узнал сразу же. Баронесса сидела на балконе между супругом и какой-то уродиной во вдовьем платье, а рядом возвышался граф Килеан-ур-Ломбах. Дик торопливо отвернулся и уставился на появившихся клириков. Последние месяцы Ричарду было не до воспоминаний, но теперь мысли юноши закружились вокруг женщины в черном платье. Эсператист и олларианец начали диспут, но Дик слушал вполуха. Если он нанесет Марианне визит, что будет дальше? Она его вежливо расспросит о войне и отправит домой или…

Ричард старался не думать о черноволосой баронессе, но воспоминания и воображение разбушевались вовсю. Эр Август, Эйвон, Наль, матушка были бы в ужасе, узнав, что волнует сына и наследника Эгмонта, но Ричард, хоть и смотрел на духовных особ, бессовестно думал о рассыпанных на золотистом ковре черешнях и чайной розе в вырезе платья. Немного портил настроение Килеан. Что, если он своего добился? Хотя тогда бы он остался рядом с Марианной. Юноша скосил глаза в сторону, отыскивая господина коменданта. Тот сидел в третьем ряду, глядя прямо перед собой.

Эр Август считал графа Килеана-ур-Ломбаха благородным человеком, но Дику он все равно не нравился. Граф, видимо почувствовав на себе чужой взгляд, зашевелился, и Дик торопливо уставился на Авнира, обвинявшего эсператистов в умалении Создателя и идолопоклонстве.

Агарисский проповедник слушал обличения, склонив голову к левому плечу. Он казался слегка удивленным, но выглядел довольно мирно. Зачем сюда пришла Марианна? Неужели ей интересны богословские споры, или баронессе понадобилось с кем-то встретиться? С Килеаном? Если она выйдет из Нохи одна, то… надо будет подойти и поздороваться. Это ни к чему не обязывает, они знакомы, он, как воспитанный человек, должен приветствовать даму и предложить ей свои услуги. Марианне идет черное, у нее такая белая кожа. Катари – ангел, на нее можно молиться, баронесса – совсем другая. Они не виделись почти год, что она помнит и помнит ли?

– Создав семь орденов, вы из безмерности Создателя выделили лишь семь аспектов. – Крик Авнира, сменивший тихий и спокойный голос Оноре, заставил Ричарда вздрогнуть. – Это есть умаление Создателя и является не чем иным, как идолопоклонством, что особо мерзостно.

Оноре встревоженно и удивленно взглянул на противника:

– Вы же сами утверждаете, что Создатель слишком велик для человеческого разума. Люди поклоняются тому аспекту Создателя, который доступен их представлению и пониманию. Если олларианская церковь ратует за частную истину, она не может отрицать такие ипостаси Создателя, как Милосердие, Чистота, Истина, Слава, Знание, Справедливость…

– Но мы не предписываем каждому человеку избирать одно из семи вместо множества! – Авнир сделал то, что в публичном диспуте почиталось недопустимым: перебил собеседника. – Мы не ставим рогаток на пути к Создателю! Вы замкнулись на магических числах, впав в чернокнижие. Что есть ваши символы и ритуалы, если не противное воле Создателя колдовство, идущее от демонов? Как смеете вы ограничивать творца Вселенной и дороги к Нему жалкой семеркой? Как смеете вы ограничивать служение Ему, насаждая каноны? Как смеете вы принуждать возносить молитвы Ему на чужом языке, подменяя идущие от сердца слова мерзкими заклятиями? Вы лишаете людей свободы выбора, свободы избрать свою дорогу к Создателю… Каждый должен идти к Нему своим путем, – вещал

Авнир, – а утверждать иное – богохульство.

– Но люди слабы. – Агарисский проповедник казался Луизе несколько удивленным. Нет, его голос звучал уверенно, а приводимые доводы пересиливали аргументы противника, но в глазах была какая-то растерянность, словно у человека, который пришел в гости и оказался у закрытой двери. И все равно Оноре капитанше нравился, а епископ Олларии, мягко говоря, не очень.

Авнир и не думал слушать возражения, предпочитая приписывать сопернику то, чего тот не говорил, а затем яростно опровергать собственные выдумки, обвиняя агариссца во всех смертных грехах. Этим Преосвященный напоминал жену булочника из Кошоне. Курица вбила себе в голову, что у нее будет дочь, а когда родился мальчик, обвинила повитуху в том, что та за деньги подменила ребенка. Даже родимое пятно, такое же, как у почтенного булочника, не заставило дуру признать очевидное. Она принялась искать несуществующую мужнину любовницу и в конце концов добилась того, что супруг, устав от беспрерывных склок, завел-таки подружку на стороне.

Над Ортанс смеялся весь Кошоне, но что простительно лавочнице, недопустимо для второго человека олларианской церкви. Луиза не понимала, почему умный и предусмотрительный Сильвестр взял к себе такую дубину. Епископ Авнир был упрям и глуп, и он безнадежно проигрывал. Там, где олларианец пускался в крик и обличения, гость брал здравым смыслом и мягкой улыбкой.

– Оглянитесь, – Оноре сделал небольшую паузу, и женщина поймала себя на том, что едва не оглянулась, – слишком часто мы делаем не то, что хотим, и хотим не то, что делаем… Живи люди в милосердии, истине, знании, им не нужны были бы ни светские власти, ни пастыри духовные. Увы, мы, смертные, в большинстве своем нуждаемся в добром и сильном пастухе, что остановит стадо свое на краю трясины и темного леса, убережет от волков и дурной травы.

Луиза не сомневалась – Оноре сожалеет о людском несовершенстве, но не осуждает за него. К такому не страшно подойти и рассказать обо всем, даже об умершем, но не желающем лежать в могиле муже. Кто знает, вдруг эсператистский епископ не только отвадит Арнольда от семьи, но и упокоит его беспутную душу? Такой может.

– Да, есть те, кто может проторить к Создателю свой путь, – клирик улыбнулся слушателям, – и никакая сила земная не загородит их дороги, но слабым и неуверенным нужна помощь. Им нужны пределы, которые они могут осознать – чтобы их вера или же их сомнения не погубили их самих и все вокруг них. Ордена – не свидетельство несовершенства Создателя, но следствие падшей природы творения. Вспомните, как люди отпали от Создателя и многие века поклонялись демонам – и было среди них больше достойных, чем дурных, ведь по-настоящему злых людей почти и нет… И Церковь наша, Церковь Прощения, Милосердия и Ожидания – дочь прошлого падения и матерь будущего спасения, потому что без нее слабому трудно устоять на краю бездны…

Закончить гостю не дали. Авнир с бешено горящими глазами выбросил вперед руку, указывая на слегка опешившего эсператиста:

– Ты! Ты сам изобличил себя своими же устами. Вся ваша эсператистская параферналия – потакание человеческому злу и человеческой слабости, которая есть зло семикратное.

Все сомнения – зло! Все ошибки – плод злой воли, ибо только по злой воле может человек, творение Создателя, отклониться от замысла своего Творца, который есть источник всего и совершенное Добро. Несовершенство есть оскорбление Создателя, а оскорбление Создателя страшнейшее из всех зол! Его следует выжигать каленым железом, а не придумывать ему оправдания и делать для него костыли. Ибо Создатель – судья беспощадный и огонь пожирающий! И все, кто на волос отступил от него, ненавистны ему.

Луизе стало страшно. Она не была суеверной, но кричащий человек в черном казался предвестником беды. Капитанша сама была не прочь поорать на родичей, но ярость епископа Олларии была совсем иного рода. Теперь Луиза предпочла бы оказаться подальше от

Нохского аббатства, но подняться и уйти посредине диспута было невежливо. Ее новые знакомые, без всякого сомнения, были людьми влиятельными и знатными. Пусть она понадобилась Марианне в качестве пугала, она стерпит. Нельзя до конца своих дней зависеть от прихоти матери, особенно если у тебя на шее пятеро…

Святая Октавия, она продолжает думать о Цилле как о живой. Плевать на Авнира, она прорвется к агарисскому епископу и выпросит у него эсперы для уцелевших детей. Луиза вцепилась руками в подлокотники и несколько раз вздохнула, заставляя себя успокоиться. Она не станет смотреть на Авнира, она пришла сюда не ради него.

– Нет ошибок, – казалось, орать громче невозможно, но олларианцу это удалось, – есть грехи малые и большие! Грешные подлежат суду! Нет прощения согрешившим и упорствующим! Нет прощения тем, кто оскорбил Создателя!

– Создатель – отец наш, – подался вперед Оноре. – Он любит нас, любит бескорыстно – и нет в мирах бескорыстнее любви, потому что Ему ничего не нужно от нас! – Первый раз за все время в голосе гостя послышался гнев. Видимо, с точки зрения ордена Милосердия худшего заблуждения нельзя было даже придумать. – Он сотворил нас не для себя, но для нас, для того, чтобы мы были. Он каждую секунду держит нас в бытии… не это ли свидетельство безграничности Его любви?

Он судия – потому что не терпит Зла, и Зло не терпит его. Но, вернувшись в этот мир и узрев, что дети Его сошли с праведного пути и поклонились демонам, разве разрушил Он сам мир? Он изгнал демонов и поразил их слуг, а людям даровал прощение и оставил великий дар – Церковь Ожидания. Наш Создатель, наш отец никогда не отвернется от нас. Это мы можем отвернуться от Него, закрыв свою душу и сердце. Это мы можем перестать любить Его, а Его любовь неизменна. Тот, кто отказывает Создателю в праве любить и прощать – ненавидит Его. Тот, кто утверждает, что Создателю ненавистны Его творения – враг Ему. Тот, кто отрицает Церковь, хранящую слово Его, – губитель душ и слуга Чужого, как бы он себя ни называл.

– Это так, – Луиза вздрогнула, услышав горячечный шепот Марианны, – Авнир ненавидит нас всех! Господня Роза, он же совсем сумасшедший!

Это походило на правду, олларианец не спорил, не пытался убедить, он исходил злобой, казалось, у него на губах вот-вот покажется пена. Авнир и впрямь был готов выжигать каленым железом то, что почитал злом. Сейчас гнев епископа был обращен на агарисского проповедника, но Луизе казалось, что Преосвященный готов живьем сжечь всех, оказавшихся свидетелями спора. Так, на всякий случай, чтоб в их сердцах не проросли зерна ереси.

Спор стал безнадежным. Авнир вновь и вновь кричал об идолопоклонстве, умалении Создателя и непростимых грехах. Оноре твердо стоял на своем рубеже. Для него и впрямь люди были детьми Создателя, епископ любил их такими, какими они были, несовершенными, растерянными, иногда злыми, порой немыслимо добрыми, жадными, щедрыми, правдивыми, лживыми… Ради их спасения Оноре готов был на многое, если не на все.

4

Склока между церковниками продолжалась, но Дику было не до теологии, юноша сосредоточенно прикидывал, когда и как следует выйти, чтобы на крыльце столкнуться с баронессой Капуль-Гизайль, и что ей сказать. Разумеется, Ричард понимал, что с его стороны это очень дурно. Он должен думать о том, как помочь сестре, и хранить верность своей королеве, но вид Марианны в строгом черном платье и воспоминания о том, что это платье скрывало, выбили юношу из колеи.

Авнир и Оноре говорили о вечной жизни, Добре, Зле, греховности и праведности, а Ричард Окделл то и дело оглядывался на белокожую красавицу и вспоминал то, что в горах Сагранны и Надорских галереях казалось мелочами или грязью. Дик хотел видеть Марианну,

и это желание вытеснило и голос совести, и остатки здравого смысла.

Когда святые отцы наконец закончили, юноша торопливо скользнул к выходу, одним из первых выскочил на крыльцо и сбежал во двор. План молодого человека был прост – он подождет за колонной слева от ворот, откуда прекрасно видно выходящих. Как только Марианна с супругом пройдут мимо, он двинется следом, в воротах нечаянно заденет барона, извинится и узнает знакомых, а дальше – как получится. По расчетам Ричарда, баронесса должна была выйти минут через десять, так как сидела на балконе. Юноша приготовился ждать, мысленно перебирая приличествующие случаю фразы.

– Дикон! А я боялся, что ты убежишь!

Этого еще не хватало! Наль! Ричард с большим трудом выдавил из себя улыбку:

– Решил вот послушать. Я тебя не видел.

– Еще бы. Я не состою в оруженосцах у Ворона, так что мог разве что на галерею пробиться, среди вельмож мне делать нечего. Ждешь Преосвященного?

Ричард кивнул. Оноре Дика не интересовал нисколько, хоть и казался приятным человеком, но не признаваться же Налю, что он подстерегает знаменитую куртизанку. Кузен бы не понял, да и куда ему с его внешностью и манерами?!

– Оноре – молодец, – глазки родича блестели от восторга, – от Авнира осталось мокрое место, так аспиду и надо!

– Крик – худший из доводов, – небрежно заметил Ричард, без зазрения совести повторяя слова господина Шабли, – как думаешь, Дорак и вправду болен?

– Нет, разумеется, – Наль для вящей убедительности тряхнул головой, – просто понял, что крыть нечем, и выпустил вместо себя своего прихвостня. Он…

Кузен пустился в рассуждения о диспуте. В отличие от думавшего о земном Дика, Наль помнил все приводимые сторонами доводы. Толстяк разливался соловьем, но Ричарду было не до религиозных догматов. Юноша с тоской смотрел, как барон Капуль-Гизайль придерживает двери, пропуская Марианну, идущую под руку со все той же уродливой вдовой. Если бы не прилепившийся намертво кузен, юноша смог бы «нечаянно» столкнуться с красавицей, но отделаться от Наля было невозможно.

Капуль-Гизайли спустились по лестнице, и тотчас из-за соседней колонны появился Людвиг Килеан-ур-Ломбах, устремившийся к баронессе. Ричард невольно улыбнулся – нет худа без добра, теперь он знает, что комендант Олларии так и остался неудачливым воздыхателем прелестной Марианны. Что ж, со случайной встречей не получилось, но кто мешает нанести баронессе визит? Надо сегодня же послать ей корзину палевых роз и записку, а завтра к вечеру зайти самому.

– …таким образом, нет сомнений, что Оноре одержал победу над Авниром, – с торжествующим видом заключил Наль.

– Безусловно, – подтвердил Ричард, поглядывая на ворота. Кузен проследил за Диком взглядом, но его мысли истолковал превратно.

– Не волнуйся, Его Преосвященство никуда не денется. Он сейчас благословляет детей, которых к нему привели. И вообще лучше пройти прямо к нему.

– А ты откуда знаешь? – спросил Дик, чтобы хоть что-нибудь спросить. Марианна все равно ушла, а об Оноре говорить проще, чем об Айрис и о Надоре.

– Я случайно познакомился с Пьетро, это один из спутников Его Преосвященства. Понимаешь, Оноре отказался остановиться в посольстве, хотя ему предлагали и Гайифа, и Агария, и Дриксен. Он снял комнаты в гостинице «Светлый щит». Я вчера был в тех краях по делу, зашел пообедать, вот и разговорились. Пьетро – очень достойный молодой человек, он послушник ордена Милосердия и будет монашествующим целителем. Я вас познакомлю. Обязательно.

Знакомиться с Пьетро у Ричарда не было ни малейшего желания, равно как и разговаривать с агарисским проповедником, но юноша честно поблагодарил. Результат оказался неутешительным – кузен немедленно поволок Дика к малому входу. Юноша вспомнил замечания Рокэ о пагубности лжи из вежливости и мысленно признал правоту

своего эра. Увы, отступать было некуда, они уже добрались до небольшого внутреннего двора, в котором толпилось три или четыре десятка человек, некоторые были с детьми. Епископ Оноре что-то ласково говорил девочке с льняными волосами, а потом протянул ей серебряную чашу с освященной водой. Девочка выпила и улыбнулась клирику. Тот положил руку ей на лоб. Подошла молодая женщина с такими же, как у дочери, светлыми волосами и преклонила колена. Епископ благословил и ее.

– Молодой человек хочет исповедоваться? – Вопрос подошедшего эсператиста прозвучал как утверждение.

– Я, – начал Ричард и запнулся, – у Его Преосвященства столько дел… Вряд ли я могу…

– Ричард – единственный сын и наследник Эгмонта Окделла, – торопливо произнес Наль.

– Святая Церковь неусыпно молится за упокоение души герцога Эгмонта и его соратников, – тихо произнес эсператист. – Преосвященный примет вашу исповедь, я в этом уверен. Но придется подождать.

Дик это видел и сам. Святой Алан, ну зачем Наль всюду лезет со своей помощью, кто его просит?! Юноша вздохнул и присел на ступеньку, от нечего делать рассматривая Оноре. Он ничем не походил ни на олларианских клириков, ни на отца Маттео. Епископу доставляло искреннюю радость возиться с детьми, а детям нравился Преосвященный. Никто и не думал плакать, отворачиваться, надувать губы, отказываться от причастия, хотя ничего вкусного в святой воде не было. Ричард в детстве ужасно не любил глотать холодную подсоленную воду и делал это лишь из страха перед наказанием.

– Дикон, – мечтательно прошептал Наль, – а помнишь Надор, нашего священника?

Ричард кивнул и постарался принять вид человека, отрешившегося от всего земного. Говорить с Налем о Надоре не хотелось мучительно. Надо написать Арно, может быть, его отпустят к братьям и они встретятся. С Арно Савиньяком можно говорить обо всем…

– Ты хотел исповедоваться, сын мой? – Дик вздрогнул и поднял глаза. Перед ним стоял епископ Оноре. Клирик казался усталым, но глаза смотрели с искренней теплотой. Юноша невольно улыбнулся в ответ.

– Да, отец мой, – странно, эти слова не были ложью. Ричард Окделл и впрямь хотел исповедоваться епископу из Агариса.

– Идем со мной.

Дик с готовностью поднялся. Епископ отвел его в густые заросли сирени, где пряталась одинокая скамья. Это ничем не походило на надорскую исповедальню, хотя где взять в разрушенном аббатстве помещение для исповеди? Эсператист опустился на скамью и указал Дику место рядом с собой:

– Ты мнишь себя грешным перед Создателем, Ричард Окделл? В чем?

В чем он грешен? Юноша растерянно смотрел на Преосвященного. Отец Матео исповедовал иначе. Оноре посмотрел юноше в глаза:

– Отвечай мне и в лице моем Ему, ненавидишь ли ты? И если да, то кого?

Ненавидит ли он? Он ненавидел Эстебана и его дружков, но его враг мертв уже год, его убили в сотне шагов от этих зарослей. Странно, Ричард совсем забыл об этой вражде… Как давно это было и каким мальчишкой был он сам! А что теперь? Он должен ненавидеть Рокэ Алву, Фердинанда Оллара, Дорака, «навозников», но Ворон ему нравится! Нравится, несмотря ни на что. А о толстом короле и Дораке он почти не думает, хотя и знает, что это – враги.

– Я вижу, в твоем сердце нет Ненависти, – рука священника легла на плечо Дика, – но есть ли в нем любовь?

Да! Катари… Любить королеву, любить замужнюю женщину – страшный, непростимый грех, но он любит. Он любит сестер, Эйвона, Наля, эра Августа, Савиньяков, господина Шабли… А матушка? Не любить мать свою страшнее, чем быть прелюбодеем. Это почти богохульство!

– Отче… Я… Я люблю ту, кого любить нельзя, и я… Отче, я знаю, что должен любить подарившую мне жизнь, но мы поссорились. И я не хочу просить прощения!

– Ты умеешь и хочешь любить, Ричард, сын Эгмонта. И ты не хочешь ненавидеть. Тебя мучает, что в тебе нет злобы на тех, кого ненавидят растившие тебя. Ты исполнен вины, что не любишь тех, кто требует любви. Да, ты грешен и слаб, как и все мы, но я отпущу тебе грехи твои.

Вся любовь в мире от Создателя, и потому она исполнена Света. Любовь не может быть грехом. Грехом может быть жажда обладания, измена, обман, но не любовь! Ненависть есть порождение Чужого. Поддаться ей – значит уступить Врагу. Не верь тем, кто говорит тебе, что нельзя забыть обиду и простить обидчика. Их устами говорит Леворукий.

Преклони колена, Ричард. Я, служитель Милосердного, даю тебе отпущение. Иди с миром.

Глава 3
Оллария
«Le Valet des Épées» & «Le Neuf des Épées»

1

План старика Манрика был неплох, но глупость Энтони Кракла поставила армию Талига на грань поражения. Ричард склонился над схемой, где синим и зеленым были обозначены планы действующих сторон, а красным и черным то, что произошло на самом деле.

Стратегией Дик занялся с горя – прелестная Марианна и ее супруг отбыли из Олларии на следующее утро после диспута. Слуги сказали, что в имение. Капуль-Гизайли собирались вернуться к окончанию празднеств, Ричард оставил письмо, получил заверения в том, что оно будет немедленно передано, и отправился восвояси. Оставалось утешаться тем, что бегство красавицы было вызвано настойчивостью Килеана.

Больше делать Дику было нечего. Двор выехал в Тарнику, это было недалеко, часов восемь конного пути, но являться туда без приглашения было неприлично и закончилось бы очередной выволочкой от эра Августа.

Эмиль Савиньяк тоже вывел своих людей в летние лагеря, оставалось ждать Ворона и слоняться по пустому особняку. Дважды обойдя все открытые комнаты, Ричард открыл «Историю Двадцатилетней войны» и утонул в старых битвах и подвигах.

До обеда он изучал сервьерский маневр, а к вечеру взялся за сражение при Каделе. Это была одна из одиннадцати великих битв Двадцатилетней войны и первая в череде побед Алонсо Алвы. Дик пытался понять, мог ли гайифский фельдмаршал выиграть столь удачно начавшийся для него бой? Наверняка мог, но тогда гайифцу и Алонсо надо было поменяться местами.

Командовавший имперской армией Леман Теркасс начал сражение, ударив по центру противника, но это была лишь разведка – основной удар фельдмаршал обрушил на казавшийся слабым левый фланг генерала Савиньяка. По плану Арно Савиньяк должен был отбить две или три атаки и с боями отойти. Маршал Манрик рассчитывал, что гайифцы начнут преследование и попадут под фланговый удар скрытого в лесу резерва. Арно успешно отразил три атаки, дальше, действуя в соответствии с диспозицией, следовало отступить.

Командующий левым флангом славился своей горячностью, но при этом был одаренным полководцем. Савиньяк увидел, что гайифцы вводят в бой тяжелую кавалерию, и решил, что атаку удобнее отразить на исходных позициях, после чего сразу же отойти. Арно послал гонца к командовавшему резервом генералу фок Варзову, чтобы предупредить того о задержке. Гонец прискакал в условленное место и никого не нашел.

Позже выяснилось, что исполнявший обязанности начальника штаба генерал Кракл самочинно перебросил резервы на другую сторону пересекавшего поле оврага, не сообщив об этом ни маршалу Манрику, ни Савиньяку. Генерал Арно понял, что от его стойкости зависит исход сражения, а может, и войны, и намертво вцепился в невысокие, покрытые кустарниками холмы.

Савиньяк отбивал атаку за атакой и ждал помощи, а ее не было. Манрик растерялся и потерял голову – его план провалился по милости начальника штаба, отступление в сложившейся ситуации казалось самоубийством, а наступать было невозможно.

Армии Талига осталось жить ровно столько, сколько продержался бы Савиньяк. Теркасс, видя, что все идет как задумано, бросал на левый фланг все новые силы. Удерживать позиции становилось невозможно, и Арно принял отчаянное, но единственно возможное решение – повел своих людей в контратаку. Ричард живо представил себе солнечный осенний день, синее небо, золотую кромку дальнего леса, кровь на высохшей траве, злое конское ржание. Юноша смотрел на карту, а видел торопливо, но умело строившихся черно-белых всадников и молодого генерала с тонким напряженным лицом, садившегося на серого жеребца. Савиньяк отбросил Теркасса, но и сам был смертельно ранен. И все-таки он увидел победу, которую его друг по Лаик Алонсо Алва вырвал сначала у потерявших голову военачальников, а потом и у гайифцев.

У Каделы Алва получил маршальскую перевязь. Современники долго спорили, кто бы, останься Арно в живых, стал первым, а кто – вторым. Алва показал себя военным гением, но Савиньяк начинал не хуже. Савиньяки, Алва, фок Варзов… Эти фамилии сразу и безоговорочно приняли сторону Олларов. Матушка называет их предателями, но предатели не умирают так, как генерал Арно.

Ричард передвинул карту, готовясь разобрать второй этап боя, но не успел – на пороге библиотеки возник Хуан. Кэналлиец казался равнодушным и спокойным, но Дику показалось, что он встревожен.

– В чем дело?

– Дор[25] Рикардо, к вам господин Реджинальд. С ним трое человек. Они пришли с черного хода.

С черного хода? Странно, Наль старается не заходить в дом Ворона, а тут еще кого-то привел. Дикон не мог сказать, что рад визиту – кузен исполнен всяческих добродетелей, но с ним смертельно скучно. Сейчас примется укоризненно вздыхать, всем своим видом показывая, насколько ему неприятна окружающая Ворона роскошь.

– Где они?

– В нижней приемной.

Юноша предпочел бы скоротать вечер в обществе генерала Арно Савиньяка и маршала Алонсо Алвы, но пришлось закрыть книгу и заняться родичем. Кого же Наль приволок?

– Дор Рикардо, вам следует знать, что в городе беспорядки.

Дик удивленно посмотрел на слугу. Беспорядки? С чего бы? Вчера все были рады и счастливы.

– Хуан, а что за гости? Вы их рассмотрели?

– Нет, они в плащах с капюшонами и масках.

Может, это Айрис и ее служанки? Сестра не дождалась помощи и сбежала? Но как она нашла Наля? Узнать, где дом герцога Алвы, намного проще.

– Если вам понадобится помощь, мы в соседней комнате.

Помощь? Наль не мог привести врагов, хотя для кэналлийца враги все, кто не молится на его герцога.

– Почему вы решили, что мне понадобится помощь?

– Беспорядки, – пожал плечами кэналлиец, – я впустил троих чужаков, но, будь их

---

[25] Кэналлийское обращение к человеку знатного рода. Женская форма – дора.

четверо, они бы остались на улице.

Ричард невольно усмехнулся. Хуан для южанина был не слишком разговорчив, но Дику он скорее нравился. Кэналлиец встревожен – значит, в городе и впрямь творится что-то неправильное. Юноша прислушался и уловил едва слышный звон, доносившийся из раскрытого окна. Далеко, похоже, на той стороне Данара… Дик оттолкнул развернутую карту и побежал вниз.

Три фигуры в серых плащах с капюшонами замерли у стены, толстенький Наль смущенно переминался с ноги на ногу посреди комнаты. В гостиной хватает и стульев, и кресел, чего они стоят? Круглая физиономия кузена была бледной и растерянной. Уступая невысказанной просьбе, Ричард плотно прикрыл за собой дверь. Хуану он доверял, но кузен хочет разговора без свидетелей.

– Здравствуй, Наль. Что-то случилось?

– Да, – толстяк дернул головой, словно что-то проглотил, – я… У нас не было другого выхода… В дом Алвы они не сунутся… Ты ничем не рискуешь, здесь никто не станет искать…

– Ничего не понимаю, – Ричарду стало неуютно, – кто будет искать? Кого?

– Дикон, – Наль замялся, и одна из серых фигур остановила молодого человека странно знакомым жестом.

– Ричард Окделл, мы просим тебя об убежище, – человек отбросил капюшон. Перед Ричардом стоял преосвященный Оноре.

Так вот кому нужна помощь, но что случилось?! Вчера епископа носили на руках…

– Герцог Окделл, – голос епископа дрогнул, – мы взываем к твоему милосердию. Нас преследуют.

– Дикон, – зачастил Реджинальд, – дети умерли… Те, кого благословил Его Преосвященство. Это яд… Черноленточники и Авнир говорят, что это… Они обвинили Его Преосвященство…

Если ты его не спрячешь – его убьют. Они убивают всех… Всех, кого подозревают в укрывательстве… Они громят дома, жгут, режут…

Ричард смотрел на эсператистского епископа, двоих монахов и кузена и ничего не понимал. Как такое могло случиться? Преосвященный просит укрыть его и его спутников? Преосвященного обвиняют в убийстве детей и чернокнижии? В городе бунт? Но Оллария такая спокойная…

– Все очень просто, Дикон, – Наль стиснул руки, пытаясь унять дрожь. – Дорак все подстроил. Сказался больным, чтобы про него никто не подумал, оставил вместо себя Авнира.

Его Преосвященство выиграл диспут, к нему пошли люди, а черноленточники все замечали. Это заговор. Дорак решил избавиться от исповедующих истинную веру, а мы сами себя выдали.

Это походило на правду. Дорак умен, он подгадал, когда в городе не осталось никого из сторонников Олларов, в которых не умерла совесть. Нет ни Савиньяков, ни фок Варзова, ни Салины, ни Рокэ…

– А городская стража?

– А что городская стража, – с горечью бросил кузен, – в Талигойе все решает кардинал.

– Но граф Килеан…

– Его после диспута никто не видел – выкрикнул Наль. – Может быть, он мертв или в тюрьме! Дикон, охота началась. Я сейчас уйду. Старым городом еще можно пройти. Я – никто, звать меня никак, но ты должен укрыть Преосвященного. Они никогда не подумают про особняк Алва.

– Разумеется, – Ричард натянуто улыбнулся, – я счастлив… То есть здесь вы будете в полной безопасности.

– Когда возвращается Ворон?

– Через два месяца. Наль, не валяй дурака, места хватит всем.

– Ричард, ты… Я в тебе не сомневался, но мне лучше уйти. Понимаешь, мой хозяин – лигист. Если меня не будет, он может догадаться, что я у тебя. Не нужно, чтоб вспомнили, что сын Эгмонта Окделла в городе.

– Я – оруженосец Первого маршала Талига, – Ричард выдавил из себя улыбку, – пока я при нем, меня не тронут. Ни «навозники», ни черноленточники. Оставайся.

– Нет… У тебя и так слишком много гостей. И потом я должен найти эра Августа и предупредить… Он в Тарнике, я поеду к нему.

В Тарнике? Если Дорак задумал избиение, то он начал его с королевской резиденции.

– Будь осторожен.

– Кому я нужен? – вздернул подбородок кузен. – Я не герцог, не маршал, я – толстый чиновник в заплатанных сапогах. Я проберусь.

– Да благословит тебя Создатель, – тепло произнес Оноре, – ты подвергаешь свою жизнь опасности ради спасения ближних.

От смущения кузен закашлялся, он совсем не походил на героя, но он был им.

– Прощай, Дикон, – Наль неловко чмокнул родича в щеку, – если что… Ну, Айрис, она… А, ладно, увидимся.

– Ваше Преосвященство, – Дик с трудом узнал собственный голос, – уже поздно, а вы, вероятно, голодны?

– Герцог Ричард, – священник покачал головой, – мои братья погибли и погибают. Могу ли я думать о телесной пище? Если в обители герцога Алва есть часовня…

Дик не помнил, чтоб Рокэ молился, но домовая церковь в особняке была.

– Святой отец, она закрыта… Нужно искать ключи, а слуги…

– Не беспокойся, молитва может быть вознесена отовсюду, лишь бы шла от чистого сердца.

– Я подготовил комнаты, – Хуан учтиво поклонился, – ваши гости, дор Рикардо, могут отдохнуть.

– Будь благословен, – тихо сказал епископ. Хуан не ответил. Просто зажег свечи.

Кому и как молятся кэналлийцы? Их называют олларианцами, но это значит лишь то, что они не эсператисты и верны Олларам.

– Я и мои братья благодарят тебя, Ричард Окделл.

– Я… Я рад служить Вашему Преосвященству, – пробормотал Дик.

Больше всего на свете юноша хотел, чтоб вернулся его эр, но Алва был далеко, а колокольный звон добрался уже до храма Святой Мартины. Из окон верхнего этажа Ричард мог бы разглядеть фигурки звонарей, но желания не было.

Медные беспорядочные вопли выводили из себя, юноша сжал зубы и приказал Хуану запереть окна.

2

Гости ушли отдыхать, Наль что-то проблеял об осторожности, и Дик проводил его до ворот. Вообще-то следовало дать кузену по голове и запереть в подвале, чтобы не шлялся один по темным улицам, но хорошие мысли, как правило, запаздывают. Дик велел привратнику быть повнимательнее и вернулся в дом. Половина одиннадцатого. Впереди – целая ночь, так ложиться или нет? Дик решил, что ляжет, но по-походному, не раздеваясь. Юноша отцепил шпагу, снял пояс с кинжалом и повесил на кресло, зарядил на всякий случай пистолеты, положил рядом с собой и задул свечу. Небо за окном отсвечивало багровым – где-то что-то горело. Звонари на ближних колокольнях угомонились, но колокола за Данаром продолжали голосить.

Дик лежал, смотрел в окно, пытался думать, но мысли прыгали, как варастийские тушканы. Спать не хотелось, хоть тресни. Уж лучше вернуться в библиотеку и закончить разбор сражения. Юноша встал, зажег свечу, опоясался кинжалом и вышел из комнаты. В доме было тихо, все или спали, или затаились. Оноре наверняка молится, надо подняться,

посмотреть, что там с домовой церковью. Может, она вовсе и не заперта.

Хуан поддерживал в доме образцовый порядок, медные ручки горели огнем, а на лестнице и перилах не было ни пылинки. Дик задумчиво нажал на костяной шар, покоящийся на цветочном стебле. Раздался мелодичный щелчок, и узкая дверца распахнулась – ее никто и не думал запирать. Ричард перешагнул порог и высоко поднял свечу.

Какое счастье, что он не привел сюда епископа! Герцоги Алва поклонялись не Создателю, а Леворукому! Юноша с ужасом и любопытством уставился на центральную икону храма. Золотоволосый, чем-то напоминающий леопарда красавец стоял у распахнутых врат. Левая рука покоилась на украшенной самоцветами рукояти меча, а на плече Чужого выгибала спину трехцветная кошка. Еще несколько кошек и котов окружали своего повелителя, за спиной которого расстилалась охваченная закатом степь со знакомой черной башней на горизонте.

Ричард не понял, когда до него дошло, что перед ним не фреска. Юноша видел, как блестят кошачьи глаза, и слышал издаваемое тварями урчание. Сам Зеленоглазый молчал, насмешливо и высокомерно скривив губы, Дик прекрасно знал эту улыбку – улыбку Ворона. Чужой и Рокэ разнились, как день и ночь, и вместе с тем были похожи, как могут быть схожи лишь родные братья. Но у Рокэ нет никого – ни брата, ни сестры. Он один… Один, как… Чужой!

Взгляд Леворукого завораживал, но юноша помнил, что он в Олларии, в доме своего эра. Только откуда здесь покрытая сухой травой равнина и алый шар, зависший над вершиной башни, той самой, что он видел в Варасте! Сейчас ночь, а не вечер, здесь не может, не должно быть никакого солнца!

– Дор Рикардо!.. Дор Рикардо… Проснитесь!

Ричард открыл глаза и увидел Хуана. Святой Алан, это всего-навсего сон… Радость от исчезновения кошмара стремительно сменилась тревогой. Появление слуги в спальне среди ночи не могло означать ничего хорошего.

– В чем дело, Хуан?

– Лигисты, – тихо сказал кэналлиец, – около полусотни у ворот и столько же со стороны Данарского проезда. С факелами.

– Они что-то хотят?

– Пока нет.

– Я сейчас встану. Гости спят?

– Они у себя, я их не беспокоил.

– Хорошо, – спокойно сказал Дик, хотя ничего хорошего не было.

Неужели черноленточники пронюхали, где Оноре? А почему бы и нет? Дорак знает все! У Преосвященного в Олларии друзей нет, куда ему бежать? К кому? Преосвященного видели с оруженосцем Ворона, но самого Алвы в городе нет. Значит, оруженосец может спрятать беглецов в доме своего эра. Он не скрываясь подошел к епископу после диспута, это видели все. Да, скорее всего, так и есть – лигисты не знают, но подозревают. Что же делать?

Дик торопливо затянул пояс, прицепил шпагу и кинжал. Неужели черноленточники рискнут штурмовать дом Первого маршала? Закатные кошки, куда смотрят городская стража и граф Килеан?! Наль прав, с ним что-то случилось…

Если б только Рокэ был дома! Но тогда Наль никогда бы не привел сюда Оноре, а теперь агариссцы здесь, и он за них отвечает. Ричард открыл дверь и вышел в коридор. В доме было тихо – Рокэ взял с собой почти всех кэналлийцев и отпустил приходящих слуг. Если в особняке найдется два десятка человек, это хорошо. Два десятка против сотни! Правда, особняк окружен высокой стеной, герцоги Алва выстроили посреди столицы небольшую крепость, ее можно оборонять, и долго оборонять. Выходит, убивать? А что делать?! Если полезут, придется стрелять… Задумавшись, Ричард споткнулся и едва не свалился с лестницы. Это отрезвило – Хуан готов умереть за Ворона, но не за оруженосца и

тем более не за его непонятных гостей. Кэналлийцев эсператистами не назовешь. Полумориски они и есть полумориски, с чего им драться за сына Эгмонта Окделла и пришлого епископа?

Хуан и трое слуг сидели в прихожей. Они были совершенно одеты. Рядом стояло десятка полтора мушкетов, а на скамье тускло блестели пистолеты.

– Мы их зарядили, дор Рикардо, – просто сказал Хуан, – на всякий случай. В дом Рокэ Алвы без его разрешения не войдет никто!

– Хуан, – Ричард не смог скрыть облегчения, – вы будете защищаться?

– Если потребуется. Но я бы послал слугу в казармы. Антонио готов…

– Пусть идет!

И как он сам не догадался? Надо позвать Килеана.

Стройный смуглый парень широко улыбнулся и исчез. Ричард знал его в лицо, но не по имени. Кажется, он был родичем старшего конюха.

– Дор Рикардо, – запыхавшийся привратник казался озабоченным, – они стучат. Требуют…

– Каррьяра!

По-кэналлийски Дик не говорил, но это слово знал. Оно означало что-то вроде проклятия. Дальнейшую речь Хуана Ричард не понял, но привратник повернулся и ушел. Хуан взлохматил себе волосы, сбросил куртку, расстегнул рубаху и старательно потер глаза.

– Я спал, – объявил он Ричарду, – этот олух меня поднял. Я спал после кувшина хорошего вина и зол, как закатные кошки. Сейчас я скажу все, что думаю о тех, кто по ночам стучит в дом соберано[26] Алва. А дор Рикардо спит, и будить его я не стану.

– Хуан, вы и впрямь так скажете?

– Еще бы. Если в доме спят и ругаются, значит, там нечего скрывать. Но Бернардо – осел, он испугался. Те могли понять.

Кэналлиец еще раз зевнул и вышел во двор. Ричард устало опустился на скамью рядом с мушкетами. В приоткрытую дверь тянуло дымом, колокола надрывались совсем рядом. Бунт подступал к аристократическим кварталам. Что думает Килеан? Комендант столицы должен давным-давно остановить побоище. Или с ним что-то случилось? Если Дорак решил избавиться от Людей Чести, Килеана в казармах уже нет! Там сидит какой-нибудь Манрик и ждет, пока черноленточники вырежут тех, кто мешает кардиналу. Дик задумчиво тронул мушкет. Сколько они продержатся? Несколько часов или несколько дней?

– Дор Рикардо, – черные волосы Хуана были приглажены, – они знают, что в доме прячутся еретики. Им кто-то сказал.

– Что вы ответили?

– Что вы спите, что их никто не звал. Я отвечаю за дом монсеньора и не пущу туда грязных лавочников. В доме одних серебряных подсвечников больше двух сотен…

Хуан – умница! Говорить о серебре, когда пахнет кровью… Это собьет со следа, может сбить…

– А что они?

– Маленько поостыли, но не уходят. Они уверены, но боятся. В другой дом уже бы ломились, а тут до света подождут и пошлют к главному. Ничего, Антонио успеет.

Антонио успеет, но придет ли помощь?

– Спасибо, Хуан. Я пойду к себе, если что, зови.

– Только свет не зажигайте, – посоветовал кэналлиец и потянулся к пистолетам. – Мы же спим.

3

---

[26] *Соберано* – король *(кэналл.)*.

Утром лигисты все еще бродили вокруг дома, как волки вокруг овчарни. Штурмовать особняк они не осмеливались, но Ричард не сомневался – кончится именно этим. Стражи не было – Дорак рассчитал каждую мелочь. Неугодных устранят фанатики, а когда все будет кончено, придут войска, черноленточники подожмут хвосты и разбредутся по своим лавчонкам, их приговорят к церковному покаянию, и на этом все закончится.

Что же делать? Слуг в доме немного, но кэналлийцы это кэналлийцы. Они будут драться до конца, хотя на Оноре им по большому счету плевать. Юноша глянул на своих гостей. Епископ молился, он молился не переставая с той минуты, как переступил порог дома. Спутники Оноре подавленно молчали, к завтраку так никто и не притронулся. Ричард сел в кресло и задумался, стараясь представить, что бы на его месте сделал Ворон. Ворон, оказавшись на месте воробья, может многое, только воробью от этого не легче.

Юноша глянул сначала на часы, потом в окно. День только начинался. Выбраться из особняка незамеченным не получится. Сам Ричард еще мог по примеру Антонио перебраться с росшего у конюшен каштана на крышу соседнего дома, но такие упражнения не для пожилого клирика, а помощь так и не пришла. То ли что-то случилось с гонцом, то ли с Килеаном-ур-Ломбахом.

– Если озлобившиеся и гневные будут штурмовать дом, – подал голос Оноре, – я выйду к ним навстречу.

– Ваше Преосвященство! – Пьетро аж задрожал от ужаса.

– Хозяин этого дома – воин. Он знает, что, если крепость нельзя отстоять, следует открыть ворота.

– Нет, – Ричард возразил прежде, чем понял, что спорит с духовной особой, почти святым, – нет. Эр Рокэ никогда бы не сдался.

– Пример был неудачен, – согласился епископ, – я не силен в воинской науке. Но эти люди не уйдут, пока не убедятся, что нас тут нет, или пока не получат желанную добычу. Нет, дети мои, – Оноре грустно улыбнулся, – я не стремлюсь взойти на костер, будем уповать на милость Создателя.

Взгляд Преосвященного вновь стал невидящим, губы зашевелились. Он верил и молил того, в кого верил, о помощи, но у Дика с молитвой не получалось. На улице раздался шум, и в тот же миг в дверь постучали. Хуан!

– Что случилось? – Ричард почувствовал, что его голос дрогнул.

– Эти люди на улице, – слуга был спокоен, – требуют, чтоб их впустили. Если к ним не выйти, они начнут ломать ворота.

Что бы сделал Ворон? Отец? Иноходец Эпинэ?

– Хорошо, я сейчас спущусь.

– Их около сотни, и они вооружены.

– Спасибо, Хуан. Я сейчас спущусь.

– Ричард Окделл, – Оноре поднялся, в его глазах застыла решимость, – я пойду с вами.

– Нет! – отрезал Дик, напрочь отказывая епископу. – Я поговорю с ними. Может быть, их удастся остановить. Помолитесь за меня.

– Иди, сын мой. – Ему почудилось или в голосе епископа было облегчение? Ему не хочется выходить, ему не хочется умирать. А кому хочется? Дик проверил шпагу и вышел. Спуск занял не больше минуты, но в ворота уже колотили вовсю. Пока в них колотили кулаками и ногами, это окованным медью толстенным доскам не повредит, но если приволокут какое-нибудь бревно…

– Прикажете отпереть? – спросил Хуан.

– Нет! Отопрешь, и сразу ворвется толпа. – Я пройду через калитку привратника. – Юноша вздохнул, но отважно добавил: – Один! Я выйду и сразу же запирайте. Слышите?

– Как угодно. – Хуан был бесстрастен, как кот, но Ричарду хотелось думать, что в глазах кэналлийца мелькнуло уважение. Когда Рокэ вернется, Хуан расскажет, что оруженосец эра не испугался озверевшей толпы. Ричард Окделл закусил губу, отодвинул массивный засов и оказался в пустой привратницкой. Между ним и черноленточниками

оставалась низкая дверца. Последняя. Нужно ее открыть и выйти, но Дик вместо этого приник к решетчатому окошечку, откуда было прекрасно видно и ворота, и бьющих по ним лигистов. Особенно усердствовал один, высокий и тощий.

Черноленточник что-то выкрикнул и снова ударил в ворота ногой. Это было последним, что ему удалось сделать в этой жизни. Раздался выстрел, и фанатик мешком свалился под ноги своих приятелей.

– Какая наглость, – знакомый голос заставил Ричарда рывком распахнуть дверцу и выскочить на улицу чуть ли не под копыта Моро. Сзади виднелись береты кэналлийцев – человек двадцать, не больше, но двадцать кэналлийцев и Ворон – это уже армия. Молитвы Оноре были услышаны!

Рокэ, все еще сжимавший в руке дымящийся пистолет, с явным осуждением смотрел на мертвое тело.

– Подумать только, рваться в мой дом! Куда только катится этот мир? Добрый день, юноша.

– Монсеньор!.. Так рано?

– Видите ли, юноша, – Рокэ вел себя так, словно толпа фанатиков у ворот была в порядке вещей, вернее, так, словно этой толпы просто не было, – мне стали сниться весьма странные сны. Некоторые, вероятно, охарактеризовали бы их как кошмары. Представьте себе, я проламывался через какую-то стену, в которой самым мерзким было то, что ее не было вовсе. Мне за какими-то кошками понадобилось разыскать моих вассалов, но вместо них я почему-то нарвался на вашего друга Эпинэ. Ерунда, конечно, но когда он приснился еще раз, я решил вернуться…

– Гос… Господин Первый маршал, – длинноносый черноленточник, видимо – главный, обрел дар речи и решил заявить о своем присутствии, – у нас есть веские основания предполагать, что в вашем доме скрывается еретик и отравитель.

– Вот как? – Маршал рассеянно потрепал коня по шее. – Ричард, подержите Моро под уздцы. Имейте в виду, он немного раздражен. Так вы говорите, еретик? Я отсутствовал несколько месяцев, но, помнится, сих достойных господ к себе не приглашал.

– Безбожный Оноре и с ним еще двое! – Лигист старался говорить уверенно, но куда там! Выдержать взгляд Проэмперадора Варасты было не под силу бывалым генералам, чего уж говорить о вооруженном лавочнике.

– Эсператистский епископ? – Темная бровь слегка приподнялись. – Какая гадость!

– Еретик и отравитель, – услужливо добавил черноленточник.

– В любом случае – болтун. Не терплю, когда меня пугают загробными ужасами, особенно перед обедом.

Дик с ужасом и надеждой следил за своим эром. Рокэ презирает эсператистов, он много кого презирает, но он не позволит убивать в своем доме. По крайней мере Дик на это надеялся.

– Они забрались в ваш дом, когда вас не было, – настаивал лигист.

– Это было бы досадно – не терплю незваных гостей, – доверительно сообщил Алва и принялся перезаряжать пистолет. – Ричард, есть у нас в доме еретики?

– Нет, монсеньор, – голос юноши не дрогнул.

– А отравители?

– Нет, монсеньор.

– Вот видите, – пожал плечами Рокэ, – еретиков и отравителей у нас нет.

– Мы считаем, что именно ваш оруженосец впустил их в дом.

– Ну и считайте, – разрешил Алва.

– Наш долг – найти преступника. Приказ Его Высокопреосвященства!

– Дражайший, – в ленивом голосе почувствовалось раздражение, – меня никоим образом не волнует, что и кому вы должны. Забирайте вашего покойного приятеля и отправляйтесь ловить ваших еретиков. Мое дело – сторона. Я устал и хочу спать.

– Только после того, как мы обыщем дом, – отважно заявил черноленточник, – иначе я

буду вынужден сообщить Его Высокопреосвященству…

– Вот как? – Ворон улыбнулся. – А я чуть было не решил, что поторопился с выводами на ваш счет. Мне плевать на ваших еретиков, но вы мне надоели.

– Его Высокопреосвященство…

– Сейчас вы предстанете не пред кардиналом, а пред Создателем. – Алва поднял пистолет, и позеленевший лигист сделал шаг назад, за ним потянулись и остальные.

– Стойте, – Рокэ говорил негромко, но люди с черными бантами послушно и торопливо замерли, – заберите вашего друга. Я не намерен хоронить чужих покойников.

Лигисты повиновались – спорить с Алвой не отважился никто. Пришел тигр, и гиены разбежались. Ворота распахнулись. Все это походило на какой-то сон. Первый маршал Талига как ни в чем не бывало спрыгнул с коня:

– Идемте в дом, юноша.

Дику ужасно хотелось убедиться, что лигисты убрались окончательно и бесповоротно, но вернуться он не рискнул. Герцог бросил плащ и перчатки отложившему мушкет Хуану, молча проследовал в кабинет, налил вина, сел в кресло у камина и, по своему обыкновению разглядывая бокал на свет, осведомился:

– Что все это значит?

Ричард молчал, не зная, что говорить. Скрывать правду было опасно, вручать Рокэ судьбу Оноре – тоже. Ворон прогнал лигистов, но он заодно с Дораком!

– Ричард, вам надо учиться врать. Попросите вашего друга кансильера преподать вам несколько уроков.

– Эр Рокэ…

– Ричард Окделл проявил эсператистское милосердие и смелость, присущие его роду. – Дикон вздрогнул, увидев Его Преосвященство, стоящего в дверях. За спиной Оноре маячила шевелюра Пьетро и хмурился Виктор.

– Значит, этот мужлан был прав. – Герцог отхлебнул вина, – впрочем, я так и думал. Добрый день, господа. Проходите, располагайтесь. Красное? Белое? Ликеры?

– Мы благодарим вас за спасение, – с чувством сказал епископ, – хоть я и скорблю о смерти этого несчастного. Мне следовало выйти навстречу преследователям, но я проявил слабость.

– Вы мне ничем не обязаны, – Рокэ протянул Дикону бокал, – еще! Этот грубиян поплатился за то, что ломился в дом Рокэ Алва. О вашем присутствии я ничего не знал, но раз вы все равно тут, не вижу причины не позавтракать. Я голоден, как все кошки мира.

– Сегодня мы отказываемся от пищи в память наших погибших братьев.

– Не понимаю, – Рокэ задумчиво тронул цепь с сапфирами, – при чем здесь погибшие братья? Какое им дело, едите вы или нет?

– Умерщвляя нашу плоть, мы питаем наш дух.

– Напротив. Если человек голоден, он будет думать о еде. Вот после завтрака можно поболтать и о вечном.

– Создатель, прости этому человеку, – вздохнул Оноре.

– Что именно мне должен простить Создатель? – осведомился Рокэ. – Что я в него не верю, или то, что я только что прикончил одно из его созданий? Правда, оно было удивительно докучливым.

– С вами невозможно разговаривать.

– Тогда пойдемте завтракать.

Глаза Пьетро вспыхнули надеждой, но Оноре лишь покачал головой.

– В таком случае позвольте вас покинуть. Ричард, вы тоже голодаете в память невинно и винно убиенных?

Говорить «да» и «нет» было равно глупым, и Дикон поплелся за своим эром, не решаясь поднять глаза. Ворон тоже молчал, понять, что было у него на уме, мог разве что Леворукий.

– Эр Рокэ…

Алва, продолжая задумчиво жевать, соизволил посмотреть на оруженосца.

– Как вы меня назвали?

– Монсеньор…

– Именно. Я вам уже советовал придержать «эра» для Штанцлера и Приддов, но вы что-то хотели?

– Что будет с Преосвященным?

– А я откуда знаю? – Рокэ воззрился на крылышко какого-то существа. – Видимо, его кто-нибудь где-нибудь когда-нибудь убьет, эсператисты причислят беднягу к лику святых, и всем будет хорошо, а лучше всех Эсперадору.

– Я не об этом… Они же здесь.

– Увы, я не запрещал вам принимать гостей, а что не запрещено, то разрешено.

– Монсеньор, что вы будете делать?

– Помоюсь и лягу спать. До вечера. Ваши гости, Ричард, это ваши заботы, но чем быстрее вы их куда-нибудь спровадите, тем лучше.

Глава 4
Оллария
«Le Roi des Coupes» & «Le Cing des Épées»

1

О том, что болван-булочник всю ночь пробегал с черным бантом и не прислал свежего хлеба, Луиза Арамона узнала, выйдя к завтраку. Мать кипела от негодования, по мнению госпожи Аглаи Кредон, нерадивого пекаря следовало по меньшей мере повесить. Луиза вздохнула и села на свое место. Мать, несмотря на хрупкость и малый рост, была решительной и властной, хотя умело это скрывала от своего бессменного покровителя. Граф Крединьи видел в Аглае Кредон беззащитное создание, которое без него незамедлительно зачахнет и пропадет. Он бы безмерно удивился, увидев, как его робкая любовница распекает прислугу и сворачивает в бараний рог дочерей и внуков.

Именно поэтому Луиза до последнего тянула с переездом, но у нее не было выхода – после исчезновения Арнольда жизнь в Кошоне стала невыносимой, а потом муж вернулся. Мертвый. И увел Циллу. Мать в это не верила, то есть не верила, что к ним приходил выходец. Ненавидевшая зятя Аглая решила, что тот просто сбежал под юбку к какой-нибудь красотке, а Циллу забрал, чтобы насолить жене, а если госпожа Кредон что-то решала, то переубедить ее не мог ни Создатель, ни Леворукий. Луиза с матерью не спорила, зачем? Ссориться было глупо во всех отношениях, к тому же из Олларии происшедшее и впрямь казалось кошмарным сном. Арнольд не появлялся, Цилла – тоже, хотя Дениза и пророчила, что по ночам дочка будет плакать под окнами, просить, чтоб ее пустили. Кормилица не верила, что все кончено, и где могла развешивала и раскладывала свои обереги. Разумеется, это стало причиной ссор. Мать Денизу возненавидела в считаные дни, но тут уж Луиза встала грудью.

Аглая Кредон называла дочь суеверной дурой, свихнувшейся без мужа и пляшущей под дудку деревенской бабы. Дочь то отмалчивалась, то огрызалась, то оправдывалась. К несчастью, зажить собственным домом вдова капитана Арамоны не могла. Сначала Луиза надеялась на отца, обожавшего Селину, но господин граф хотел, чтоб его любовница, дочь и внуки жили под одной крышей. Ему, одиноко обитающему в огромном особняке, и в голову не приходило, что жить большой семьей не такое уж великое счастье.

– Я не намерена больше иметь дело с этим мерзавцем. – Луиза вздрогнула от неожиданности – оказывается, мать до сих пор возмущается. Не получить на завтрак горячую булочку и в самом деле страшно!

– Мама, не нужно ссориться с лигистами! Им же покровительствует кардинал!

– Теперь я понимаю, почему от тебя сбежал муж, – Аглая Кредон оттолкнула корзинку с шелками, – если все время ноги поджимать и жить с оглядкой, на тебе все ездить станут. Этот мужлан должен знать, с кем имеет дело! Я сотру его в порошок.

– И все-таки, мама, нужно быть осторожней. Баронесса предупреждала…

– Твоя баронесса – шлюха, – отрезала Аглая, – если ей хочется, пусть бежит, а нам бояться нечего.

Луиза могла возразить, что Марианна, в отличие от Аглаи Кредон, замужем, причем за настоящим бароном, и что совет уехать она получила не от кого-то, а от коменданта Олларии, но спорить с матерью было себе дороже. Аглая вела себя так, словно была не любовницей графа, а законной супругой, она искренне гордилась своей добродетелью и высоким положением.

– Не знаю, мама, – Луиза задумчиво покачала головой, – возможно, все же имеет смысл уехать.

– И бросить дом? – возмутилась Аглая. – В пустой дом точно залезут, а слугам и соседям доверять нельзя.

Слугам мать не доверяла, впрочем, слуги в их доме и не задерживались. Что до соседей, то Аглая презирала не только неверных жен, старых дев и куртизанок, но и простых горожан, называя их не иначе как чернью и сбродом. Неудивительно, что друзей у госпожи Кредон не было, а врагов хватало.

– Мама, – Луиза поднялась. – Я, пожалуй, схожу в церковь. Завтра все-таки праздник.

– Дело хозяйское, – пожала плечами госпожа Кредон, – хочешь лоб разбивать – разбивай. Завтра на дневную службу пойдем все.

– Я схожу еще и сегодня.

В церковь Луизе не хотелось, ей хотелось уйти из дома и побыть хоть немного одной. Именно поэтому капитанша не взяла конные носилки, а отправилась пешком.

День выдался чудесным, город тонул в цветущих каштанах и сирени – весна в этом году выдалась жаркой и стремительной. В деревне сейчас чудесно, они могли бы снять комнаты в какой-нибудь гостинице неподалеку от Капуль-Гизайля… Марианна, что бы про нее ни говорили, добрая женщина, а в ее доме бывает много дворян. Конечно, Селине водиться с куртизанкой зазорно, но Герард может посещать баронессу и свести там знакомство с молодыми кавалерами, а затем представить им сестру… Селина – настоящая красавица, но девочка слишком робка, чтобы пробиться в жизни самой. Конечно, дед и бабка найдут ей мужа, но Луиза мечтала, чтобы дочь встретила настоящую любовь. Хватит того, что она со своей рожей могла рассчитывать лишь на купленного жениха, Селина достойна лучшего.

Луиза дошла до церкви Святой Марсии, которую посещала Аглая Кредон, но решила отправиться в данарский храм Святой Октавии. Это было намного дальше, но завтра, как-никак, праздник этой святой, и потом на улице так хорошо. Надо узнать, где сейчас проповедует Оноре, и все-таки добыть для детей эсперы.

В Нохе Луиза упустила эсператиста из-за Капуль-Гизайлей. Марианна рассчитывала на ее помощь, и Луиза сделала все от нее зависящее, чтоб избавить новую знакомую от графа Людвига. Вот уж мерзкий человек… Бедная баронесса! Терпеть ухаживание эдакой снулой рыбины… Нет, воистину, в уродстве есть и положительные стороны – от тебя шарахаются не только приличные мужчины, но и всяческая погань. Если такой вот Килеан положит глаз на Селину, его будет трудно отвадить…

Луиза тихонько брела по дремотным улицам, думая обо всем и ни о чем, и не сразу обратила внимание на странный шум, может быть, потому, что сначала он не казался опасным. Больше всего это напоминало гуденье ярмарки. Наверняка у Данара к празднику разбили балаганы, надо бы сходить туда с детьми, Жюль любит карусели…

Когда из-за угла показалась толпа, госпожа Арамона не испугалась. Женщина отступила к стене, чтобы пропустить куда-то бегущих горожан и продолжить путь, и лишь после этого заметила, что весельем здесь и не пахнет. Вжавшись в кирпичную кладку, вдова

Арнольда Арамоны с возрастающим ужасом наблюдала, как толпа гонит четверых человек, на первый взгляд ничем не отличавшихся от своих палачей.

Один, невысокий и пожилой, обессилел и, несколько раз споткнувшись, остановился шагах в тридцати от Луизы. Второй, высокий и медноволосый, ухватил беднягу за руку и поволок за собой, но пробежали они совсем немного. Старик упал на колени и так и остался, дрожа всем телом и что-то пытаясь сказать. В нарастающем гвалте Луиза не могла разобрать слов, но все было понятно и так – обессилевший убеждал товарища бросить его и спасаться. В ответ высокий лишь покачал головой и, оттеснив задыхающегося старика за спину, повернулся лицом к ощетинившейся палками толпе. Двое других беглецов, шумно дыша, пронеслись мимо Луизы и скрылись за углом дома с острой крышей, на отставших они не оглянулись – чужая беда для них стала спасением.

Странно, но вдове Арнольда страшно не было, она словно бы спала наяву. То, что она видела, происходило в другом мире, где все двигаются очень медленно, солнечный свет отливает мертвенной зеленью, а похожие на людей существа не разговаривают, а рычат и лают. Это были отражения, тени, призраки, не имевшие никакого отношения к доброму городу Олларии и теплому весеннему дню.

В воздух плавно взмыл камень. Женщина видела, как он летит, вернее, ползет сквозь дрожащее зеленоватое марево. Старик и молодой мужчина увернулись плавными текучими движениями, и камень беззвучно и медленно, словно осенний лист, опустился на мостовую. В голове Луизы шумело, словно она прижала к ушам морские раковины. Толпа придвинулась ближе… Выпученные глаза, прилипшие ко лбам волосы, перекошенные рты – черные провалы, окруженные влажной, яркой краснотой…

Снова полетели камни, теперь их было много, один попал медноволосому в плечо, мужчина пошатнулся, но устоял. Толпа выплюнула кого-то длинного, худого и растрепанного с дубинкой в левой руке, Луиза видела, как взметнулись и опали похожие на высохшую морскую траву патлы. Длинный, поигрывая дубинкой, сделал несколько шагов и оказался лицом к лицу с заслонявшим старика медноволосым. Зеленый луч скользнул по полированной древесине, задержавшись на остром носу нападавшего. Старик покорно опустился на колени, склонив плешивую голову, его товарищ вскинул руки, ухватил врага за запястья, притянул к себе, а затем с силой толкнул вперед. Длинный врезался спиной в передние ряды, строй прогнулся. Старик поднял лицо к своему защитнику, наверное, что-то попросил, потому что медноволосый еще раз покачал головой.

Очень низко проплыла ворона, неспешно взмахивая серыми крыльями. В клюве птицы что-то блеснуло. Толпа расступилась, пропуская троих с топорами. Первый был огромного роста, но из-за огромного брюха казался приземистым, его одежда и высокие грубые сапоги были перемазаны жиром и кровью. Двое других, постройней и не с такими широкими плечами, были одеты так же. Мясники? Наверняка… И только что с бойни.

Троица замерла, буравя взглядами двоих людей, в ответ медноволосый гордо вскинул голову. Наверное, он что-то сказал, но вязкое зеленое марево гасило звуки. Ноздри мясников раздувались, на бычьих шеях проступили жилы. Откуда-то выскочила женщина в красной юбке и съехавшем набок чепце, в руках ее был камень. Она только-только подняла руку, неуклюже замахиваясь, а Луиза уже знала, что сейчас произойдет. Нужно было бежать, пока на нее никто не смотрит… Чего она вообще ждет?! Ей нужно домой, как можно скорее… Сжав зубы, Луиза Арамона наблюдала, как пущенный неумелой рукой камень угодил в висок стоящему на коленях. Кровь… Какая красная!

Старик упал ничком, ткнувшись лицом в сапоги своего защитника. Помощь ему была больше не нужна. И в тот же миг высокий рванулся, но не вперед, хотя он наверняка мог убежать, а назад, навстречу толпе. Что-то сверкнуло! Нож! Острый садовничий нож для обрезки деревьев! Взмах – и огромный мясник скорчился, прижимая руки к вспоротому животу. Новый удар, и подмастерье в залитом своей и бычьей кровью фартуке валится на спину, а его убийца с рычанием врывается в людское скопище.

Мгла исчезла, словно кто-то сорвал зеленую кисею! Многорукое и многоголовое

чудовище взвыло и заметалось, поглотив старика, его защитника, трупы мясников. Почему она не бежит?! Возможность еще есть, но сейчас ее не будет. Нужно бежать, у нее дети, она должна…

Луиза Арамона пыталась отыскать глазами место, где в последний раз мелькнул человек с ножом. Он уже мертв. Десять, сто, тысячу раз мертв, а ей надо бежать… На мгновение толпа расступилась. Вернее, была разбросана. Луиза успела заметить окровавленного мужчину, ножа при нем больше не было, он мертвой хваткой вцепился в чужую шею, не замечая нависшего над ним топора. Видение продолжалось не дольше мгновения, а может, ей все померещилось или это был другой человек.

Двуногое стадо взревело и рванулось вперед, растекаясь на всю ширину улицы. Луизу оторвало от спасительной стены, кто-то схватил ее за руку и потащил за собой. Из бурлящей разноцветной реки вынырнула воняющая луком рожа и в лицо Луизе заорала: «Бей отравителей!» Женщина отшатнулась и упала бы, если бы в жуткой человеческой каше можно было упасть.

Капитанша ничего не понимала, но бежала вместе со всеми, чтобы не быть затоптанной. Постепенно она стала различать отдельные выкрики и рассмотрела на плечах бегущих черные банты. Марианна, советуя убраться из города, была права…

2

Госпожу Арамону, в отличие от матери, Создатель ростом не обидел, но среди высоких мужчин она чувствовала себя карлицей. Что творилось впереди, было непонятно, поверх голов удавалось разглядеть лишь крыши, вывеску с сапогом и дальний шпиль какой-то церкви, но Луиза слишком мало жила в Олларии, чтобы узнать место. Раз они не перешли мост, то они все еще в Нижнем городе, но где?! Только бы подальше от дома! Где же стража, кошки раздери этого коменданта! Вопли становились все громче, сзади напирали, впереди что-то мешало. Капитаншу сдавило так, что она едва не задохнулась, потом затор рухнул, толпа устремилась вперед, стало можно дышать. Людской водоворот, круживший и несший Луизу то ли несколько минут, то ли тысячелетие, внезапно вышвырнул свою добычу.

Женщина едва удержалась на ногах, увидела прямо перед собой темный отнорок, рванулась в спасительную щель, пробежала несколько шагов, споткнулась и, пытаясь удержать равновесие, уперлась руками в холодную осклизлую стену. Она была в тупике между какими-то длинными строениями без окон. Здесь было сыро, темно, грязно, но после провонявшей луком, потом и злобой толпы Луизе показалось, что она в Рассветных Садах. Госпожа Арамона прижалась спиной к холодному камню, глядя на ярко-синюю полосу весеннего неба. Что же делать?

Убежище на первый взгляд казалось безопасным, но при ближайшем рассмотрении больше походило на ловушку. Луиза, прижимаясь к стене, тихо двинулась к выходу, молясь всем святым, чтобы черноленточники убрались вон. Увы, толпа и не думала редеть. Женщина отступила назад, для разнообразия держась другой стены, и в самом углу наступила на что-то деревянное. Лестница! Старая, грязная, мокрая и достаточно длинная, чтоб взобраться на крышу! Лестница была тяжелой и скользкой, она не хотела вставать так, как было нужно, пришлось подпирать ее плечом. Вдова капитана Лаик подумала, во что превратилось ее выходное платье и что скажет мать, и едва не расхохоталась. Наконец лестница смилостивилась, и Луиза, рискуя сломать себе шею, полезла наверх по расшатанным ступенькам. Ей повезло – крыша сарая была не просто плоской, но и огражденной невысоким бортиком. В одном месте она просела, и там зеленела застоявшаяся вода.

Женщина попробовала ногой ближайшую черепицу, вроде бы надежно. Наконец-то можно было оглядеться! Внизу была пятиугольная площадь, окруженная глухими невысокими стенами, к которым лепились одинаковые каменные сараи. В глубине площади журчал довольно-таки неказистый фонтан, впереди виднелось несколько арок, перекрытых

массивными воротами, сзади – рухнувшая решетка, сквозь которую напирали все новые и новые люди. Многие были вооружены топорами, ломами, дубинками и выдернутыми из решетки железными прутьями. К счастью, площадь была довольно просторной.

Луиза наконец поняла, куда ее занесло – Складская площадь! Улица Хромого Цыпленка, где стоял материнский дом, была далеко. У женщины немного отлегло от сердца, но о том, чтобы спуститься и уйти, нечего было и думать – народ все прибывал, и продраться сквозь людскую реку, да еще против течения, было невозможно! Чего же они хотят?

Толпа билась о дальние арки. Удары сыпались градом и на ворота, и на стены. Руки и плечи нападавших болели – то один, то другой отступал, тряся отбитыми руками, освободившееся место немедленно занимал другой. Палки разлетались вдребезги, топоры высекали искры, но ворота были сделаны на совесть. Теперь Луиза не сомневалась – она стала свидетельницей грабежа! Там, за вожделенными арками, хранятся сукно, пряности, выделанные кожи и… вино!

Женщина с нарастающим ужасом следила за штурмующими склады мародерами. Пока она мчалась с толпой, искала выход, соображала, где она, страх не очень давал себя знать, но теперь она не бежала, а смотрела. Здоровенные мужики продолжали, сменяя друг друга, вышибать ворота, но кое-кому это надоело. Человек двадцать набросились на калитку в стене напротив, сорвали ее с петель и устремились внутрь. Видимо, за стеной были жилые дома, потому что грабители очень быстро вернулись, волоча с собой мебель. Что же сталось с людьми? Убежали? Загодя уехали? Погибли? Те, кто ломал створки, побросали это дело и принялись сваливать покалеченные столы, бюро и стулья в огромные кучи. Откуда-то взялись бочки со смолой и дегтем. Вязкая черная жидкость полилась на изысканные секретеры и комоды – разграбленный дом был богатым, очень богатым… Чьим? Кто живет рядом с малыми складами? Луиза не знала, наверное, какой-то торговец. Аристократы в Нижнем городе не селились.

Верткий человек в кожаных штанах принялся сооружать из палок и пакли факелы и раздавать всем желающим. Люди скакали, размахивая бледными дневными огнями, словно какие-то дикари. Первой вспыхнула средняя куча, затем подожгли и другие. Сухое полированное дерево загоралось стремительно, пламя взлетало кверху, обнимая грязно-белую стену, на глазах покрывавшуюся копотью. Кто-то толкнул в огонь бочку со смолой, чуть заметный в солнечном свете пламенный язык взвился выше ворот. Толпа взвыла от восторга и принялась швырять в огонь все, что попадалось под руку. Бывшие поближе сгребали выскакивавшие из костров головни и толкали к воротам, превратившимся в сплошные огненные стены, но все еще державшимся. Человек шесть залезли на приставные лестницы, раньше принадлежавшие трубочистам, и пытались с них забросить горящие доски на крышу склада. Зачем? Если крыша загорится, мародерам ничего не достанется!

Камни и кирпич раскалялись, становясь красными, воздух дрожал, а Луизе казалось, что это качаются стены, дома, печные трубы, флюгера на дальних шпилях. Краска от жара трещала, вздувалась пузырями и лопалась, воробьи и голуби стремительно разлетались из-под карнизов. Некоторые задыхались в дыму и падали вниз под ноги уже ничем не походившим на людей двуногим тварям.

Видимо, в разгромленном доме были богатые погреба. Нырявшие в разбитую калитку грабители возвращались пьяными, размахивая бутылками и колбасами. Они скакали вокруг костров, на них нападали, стараясь отобрать добычу. Потерявшие голову мародеры словно трофейными знаменами потрясали алатскими простынями и холтийскими одеялами. Жар у стены был чудовищный, но толпа не унималась. Обожженные и угоревшие отступали, свежие и здоровые лезли вперед. Всем хотелось пить, кто-то принялся таскать из фонтана воду, но ее расплескивали еще по пути. Прикатили две бочки, вокруг которых немедленно завязалась драка. Драки вообще вспыхивали везде. Какая-то женщина ткнула факелом в лицо кривоногому мужчине, тот с ревом отскочил, в его волосах запутался клок горящей пакли. Женщина, размахивая факелом, затанцевала вокруг разрубленного топорами бюро красного дерева. Через двор безумными прыжками пронеслась кошка и несколько котят, шмыгнули в

какой-то лаз и исчезли. Трое обнявшихся простолюдинов плясали, тяжело топая грубыми сапогами, крайний держал в руках бутылку, то и дело к ней прикладываясь. А когда она опустела, швырнул ее в стену, разлетелись осколки, кто-то схватился за окровавленное лицо, танцоры же продолжали как ни в чем не бывало отплясывать.

Горячий ветер кружил пепел и искры, все сильнее раздувая пламя. Оставаться на крыше становилось невозможно, спускаться было страшно. Закопченная толпа клубилась вокруг фонтана, вопили обожженные, валялись угоревшие, но Луиза смотрела не на них и не на костры, а на дорогу – она была свободна! Толпа больше не напирала – все, кто хотел прорваться на площадь, прорвались. Мародеры один за другим ныряли в калитку и возвращались, волоча посуду, одеяла, занавеси, одежду. Что-то бросали на месте, из-за чего-то дрались, что-то волокли дальше, исчезая за сломанной решеткой. Уходят они, уйдет и она!

Луиза, отворачиваясь от летящих в лицо искр, спустилась на землю, едва не наступив на кого-то то ли мертвецки пьяного, то ли оглушенного. Рядом валялся сверток сукна. Слегка обгоревший, но все еще стоивший немало. Чем не повод для отступления?! Госпожа Арамона выглянула из-за сарая. Шестеро пьянчуг, задыхающийся от кашля человечек, дылда с обожженным лицом… В ее сторону никто не смотрит, и слава Создателю! Женщина ухватила тяжеленный рулон, выволокла из щели, рывком забросила на плечо. Надо было вымазать лицо, ну да ничего, авось пронесет! Она одна из многих, все брали, и она тоже! Она такая, как все…

Сгибаясь под тяжестью ноши, вдова Арнольда бросилась к разбитым воротам. Внимания на нее не обратили – какая-то баба поживилась на пожаре и тащит домой сукно, ну и пусть ее… Те, кто только лез вперед, рассчитывали на добычу пожирнее, те, кто возвращался, были заняты. Луиза благополучно выскочила из складского тупика на улицу. Стражи все еще не было, не было вообще никого, только в помутневшем от дыма небе кружило воронье.

Госпожа Арамона потрусила вдоль насупившихся домов, пытаясь понять, куда ее занесло. Ставни были наглухо закрыты, двери заперты, над дверями понавязаны черные ленты. Если б только мать догадалась сделать то же, но ведь не догадается! Поворот, еще один и еще… Плечи немилосердно ломило, сверток с каждым шагом становился все тяжелее. А зачем он ей нужен?! Какая же она дура! Луиза с наслаждением бросила проклятое сукно, пробежала до угла, завернула, перешла на шаг. Страшно думать, на кого она сейчас похожа… В конце улицы что-то блеснуло! Вода! Она вышла к Данару! Теперь она не заблудится, главное – дойти до одного из мостов, а оттуда найти дорогу к дому ничего не стоит, но сначала надо хоть немного привести себя в порядок. Какое счастье, носовой платок и гребешок уцелели, а река вполне сойдет за зеркало.

3

В увешанном оружием и охотничьими трофеями кабинете коленопреклоненная фигура выглядела по меньшей мере странно. Пьетро и Виктор сиротливо жались в углу, Пьетро был откровенно напуган, Виктор держался лучше, но Дик не сомневался, что ему тоже страшно. Юноша подумал, что спутники Его Преосвященства на милость Творца не надеются.

После возвращения Алвы от Дика ничего не зависело. Все будет так, как решит эр. Ричард тихонько сел в кресло, не столько опасаясь прервать молитву, сколько не зная, что говорить, когда на него обратят внимание. Он не думал, что уснет, но уснул – бессонная ночь взяла свое, обернувшись уже знакомым кошмаром.

Дик вновь бежал по каким-то переходам, слыша сзади клацанье, шуршание, топот, визг. Сердце бешено колотилось, легким не хватало воздуха, а погоня приближалась. Сквозь шум погони проступали другие звуки – пение, смех, шум воды и голос камней. Это не было смертью, как казалось сначала, по крайней мере, не было смертью для него, но если волна его настигнет, он сольется с ней, станет ее частью и помчится вперед, сметая все на своем пути, убивая, калеча, насыщаясь чужими смертями и чужим страхом. Ричард из последних

сил припустил вперед, налетел на какую-то лестницу, бросился вверх и выскочил на залитую кровавым светом площадку. Он стоял на вершине одинокой башни, над которой кружили хищные птицы. Одна, черная и злая, опустилась на изъеденный временем каменный зубец и голосом Рокэ отчетливо произнесла:

– На меня лучше не рассчитывать!

Башня исчезла, багровые сумерки остались. Дик сидел на кресле в кабинете эра, а тот собственной персоной развалился в другом кресле с бокалом в руках, лениво разглядывая агарисского епископа.

– Господин маршал, – Оноре страшно волновался, – вы можете прекратить это безумие!

– Могу, – заверил Ворон, потягивая вино.

– Почему же вы этого не делаете?

– «Могу» не значит «хочу», – пояснил Рокэ и вновь замолчал. В полумраке глаза маршала казались черными.

Преосвященный поднялся, но лишь для того, чтоб стать на колени.

– Первый маршал Талига, я умоляю вас, спасите тех, кого еще можно спасти.

Пьетро и Виктор последовали примеру Оноре. Ричард затравленно оглянулся, не зная, что делать. Рокэ протянул оруженосцу бокал:

– Юноша, «Черную кровь». Ваше Преосвященство, вы можете стоять на коленях хоть до Возвращения Создателя, но лучше встаньте. Я не Всеблагий, не Всемилостивый и не Милосердный, на меня это не действует.

Ричард, я просил вина!

Дик торопливо вскочил. Страшный день закончился, уступив место тревожному душному вечеру. Что-то должно было произойти, но что?! Рядом с особняком маршала было тихо, но где-то что-то горело – в распахнутое окно тянуло дымом и доносился приглушенный расстоянием беспорядочный колокольный звон.

– Благодарю, Ричард. Ваше Преосвященство, не желаете выпить? Иногда это помогает.

– Долг силы прикрыть слабость. – Оноре, закусив губу, поднялся, видимо поняв, что Рокэ коленопреклонений не терпит. – Герцог Алва, будьте милосердны!

– С какой радости? Ваши единоверцы сделали все, чтоб отправить меня к закатным тварям, с какой стати МНЕ спасать их?

– Там гибнут люди, гибнут невинные.

– Невинные гибнут всегда, – Алва аккуратно поставил бокал на ручку кресла, – на то они и невинные. Кажется, им за это полагаются Рассветные Сады, или я что-то путаю?

– Герцог, – священник смотрел на полководца со смесью ужаса и недоверия, – вы не можете оставаться в бездействии, когда гибнут ваши братья.

– Мои братья давным-давно погибли. Возможно, их убили, а может, это был несчастный случай или, как у вас там говорится, воля Создателя. Как бы то ни было, братьев у меня нет. У меня вообще никого нет, но и меня нет ни у кого.

– Но долг любого…

– Я никому ничего не должен, – Алва вновь взялся за вино, – разве что Леворукому, но с ним мы как-нибудь сочтемся.

– Побойтесь Создателя, что такое вы говорите?!

– Правду, епископ. Я вообще до неприличия правдив. Кстати, я не только никому ничего не должен, я в придачу никого не боюсь, тем более того, кого нет.

– Он есть, Он вернется и накажет живущих Злом и творящих его и наградит ходящих в незлобии.

– И более всех будет награжден морской огурец.

– Морской огурец? – Его Преосвященство был явно озадачен.

– Да, это такая штука, живет в южных морях. – Рокэ отхлебнул «Черной крови». – Она и впрямь похожа на пупырчатый огурец. Лежит себе на дне и растет. Растет и лежит, никого не трогает, ни на что не покушается.

– Вы говорите о животном, лишенном души!

– А вам не кажется, что требовать от людей с этой самой душой, чтобы они вели себя как животные, противно воле Создателя? Иначе бы он заселил все миры морскими огурцами и на этом успокоился.

– Нельзя сравнивать смирение с…

– С безмозглостью? Отчего бы и не сравнить? Почему вы не смиритесь с тем, что талигойские клирики ходят в черном, а мои родичи-мориски молятся под открытым небом? Почему лезете в чужую жизнь? Почему судите других? Смиритесь, лежите, качайте сквозь себя водичку, молитесь и ждите Создателя. Принимайте мир таким, каков он есть, и будьте счастливы.

– Вы и вправду еретик, герцог, – грустно сказал проповедник.

– Еретик? Нет, что вы. Еретиками называют друг друга люди благочестивые, полагая, что они верят правильно, а другие – нет. Я – простой безбожник.

– Вы клевещете на себя.

– Ни в коем случае. Поверьте, лучшее, что можно сделать для вашего Создателя, это не верить в него. Иначе вам пришлось бы благодарить его за то, что учинил милейший Сильвестр.

Часы пробили десять. Рокэ в два глотка допил вино и поднялся:

– Ричард, собирайтесь.

– Куда? – опешил Дик.

– Кажется, здесь хотели, чтобы я остановил побоище?

Глава 5
Оллария
«Le Roi des Épées» & «Le Un des Épées»

1

Оноре выглядел потрясенным, он весь вечер умолял Ворона что-то предпринять, а когда тот согласился, Преосвященный растерялся. Руки эсператиста тряслись, и он явно утратил присущее церковникам красноречие.

– Но… Вы же сказали, что…

– Я передумал. – Глаза Рокэ стали тревожными и странными, словно ночные искры варастийских степей. – А вам, Ваше Преосвященство, я настоятельно советую лечь спать.

– В то время как…

– Хорошо, можете не есть, не пить и не спать, это ваше право. Ричард, не забудьте проверить пистолеты.

– Герцог Алва, – эсператист был бледен, – не лучше ли юному Окделлу остаться здесь? Там идет братоубийство.

– Идет, – герцог ослепительно улыбнулся, – и чтобы его остановить, придется прикончить сотню-другую братьев. Это война, сударь, а войн без крови не бывает. Ричард, наденьте кирасу. Я жду вас внизу, поторопитесь.

– Да, монсеньор! – Дик почувствовал, что его захватывает то же пьянящее чувство, что и на Дарамском поле.

…Моро зло косил глазом и прижимал уши – ему не нравился запах дыма и отдаленный шум, но Рокэ на сей раз не был склонен обращать внимание на лошадиные капризы. Ухватившись рукой в черной перчатке за гриву, Алва взлетел в седло, очередной раз вызвав у Дика приступ зависти и восхищения. Юноша торопливо вскочил на Сону, рядом быстро и молчаливо садились на коней кэналлийцы. Двенадцать человек против обезумевшего города!

– Хуан, заприте ворота. – Маршал был одет как для дворцового приема – роскошный мундир, черно-белая перевязь, белый атласный плащ, шляпа с пером…

– Не открывать никому: ни кардиналу, ни королю, ни Создателю, ни Леворукому. Ни с кем не говорить. Будут ломиться – убивать на месте.

– Да, монсеньор.

Рокэ послал Моро со двора. Ричард думал, что они поедут на шум, но Ворон свернул на улицу Мимоз и перевел мориска в кентер. Сона привычно пристроилась рядом. Мелькали богатые особняки, ворота были заперты, ставни закрыты, за заборами рычали сторожевые псы. Странно, что Рокэ не держит собак, ведь он ладил с Лово! Дик покосился на своего эра. Сегодня великий день – Рокэ Алва пошел против Дорака! Маршал сорвался с кардинальской цепи, теперь он свободен! Сейчас главное – остановить кровопролитие, но Ворон сумеет, а Ричард Окделл ему поможет.

Новый порыв ветра донес запах гари, Алва дал шпоры Моро, глухие стены замелькали быстрее, герцог свернул в один переулок, в другой, и кавалькада вынеслась на Арсенальную площадь как раз у городских казарм.

– Зажечь факелы. – Ворон тронул пистолет. Дик вспомнил, как Бонифаций говорил, что, если Алва вынул оружие, кто-то отправится в Закат.

Ворота казарм были заперты, но в привратницкой горел свет. Эр трижды ударил рукоятью пистолета в начищенную до блеска бронзу. Послышался шорох и торопливые голоса, ворота распахнулись, стал виден квадратный двор, по которому метались люди в красно-белых гарнизонных мундирах[27].

– Монсеньор, – молодой офицер старательно отдал честь, – теньент Давенпорт, начальник ночного караула.

– Что происходит в городе? – Рокэ спрыгнул с коня, Ричард последовал его примеру, но кэналлийцы остались в седлах и даже не подумали погасить факелы.

– Волнения. Днем они охватили Нижний город, – начал теньент и собрался что-то добавить, но Рокэ не позволил:

– Тогда почему вы в казармах?

– Господин комендант не счел нужным, он…

– Где он?

– В своих апартаментах.

– Прекрасно. Поднимайте людей, теньент. Приказ Первого маршала. Идемте, Ричард, поговорим с господином комендантом Олларии.

Давенпорт дернулся что-то сказать, но жест затянутой в черную перчатку руки заставил беднягу замереть.

– Я знаю дорогу, теньент. Через полчаса гарнизон должен быть готов. Одежда – праздничная, кирасы и шлемы – боевые.

Откуда-то выскочили худой высокий человек с седыми висками и коренастый живчик с огромным носом. Ричард видел их раньше, но не помнил имен.

– Полковник Ансел, полковник Морен, прошу за мной.

Алва действительно знал дорогу. Дикон и гарнизонные офицеры насилу поспевали за стремительно шагающим герцогом. Навстречу бежали люди, взъерошенные, наспех одетые. Во дворе зло взвыла труба, поднимая спавших солдат. Алва распахнул инкрустированную светлым деревом дверь, навстречу метнулся дежурный адъютант, его Ричард знал – молодой Медфорд из Старого Карлиона.

– Монсеньор!

– Где комендант?

– Здесь. – Килеан-ур-Ломбах, совершенно одетый, стоял у внутренней двери. – Чем могу служить?

– Подозреваю, что ничем. – Ричард стоял за спиной Ворона и не видел его лица, но прекрасно рассмотрел, как побледнел Людвиг. – В городе – погромы, а гарнизон во главе с

---

[27] Гарнизон Олларии, в который входил и полк патрульной стражи, носил красно-белые мундиры.

комендантом заперся в казармах. Что сие означает?

– Приказ Его Высокопреосвященства.

– Кого? – ровным голосом переспросил Алва.

– Его Высокопреосвященства, – Килеан говорил спокойно, но спокойствие это давалось ему непросто, – горожане ищут отравителя. Епископ Олларии Авнир и созданная им Лига Святого Франциска следит за порядком и за тем, чтоб не страдали невинные.

– По Уложению Франциска комендант Олларии подчиняется королю, Первому маршалу и Высокому Совету. Где, во имя Леворукого, в этом списке церковники?

– Герцог Алва, – губы Килеана побелели точно так же, как во время приснопамятного поединка в карты, – вы прекрасно знаете, кто правит всеми нами.

– Мной лично правят Его Величество Фердинанд и герцог Рокэ Алва, а вами в данном случае правлю я. Возвращайтесь в свою спальню, Килеан. Вы больны и не можете исполнять свои обязанности. Адъютант, – комендант Ворона больше не занимал, – потрудитесь прислать к господину генералу врача. Полковник Ансел, на время болезни коменданта будете его замещать.

– Герцог Алва, – выкрикнул Килеан, – я здоров. Я исполнял приказ, и я не потерплю…

– Потерпите! – отрезал Рокэ. – Адъютант, у генерала горячка, он бредит. Соизвольте проследить, чтобы он не пытался покидать своих комнат, возможно, его болезнь заразна. Приставьте к дверям охрану.

– Я здоров, – угрюмо повторил Килеан-ур-Ломбах.

– В таком случае вы или трус, или предатель, или дурак, а скорее всего, и то, и другое, и третье. Впрочем, решать, здоровы ли вы, будет врач. Адъютант, перо и бумагу!

– Монсеньор, соблаговолите пройти к столу.

Ричард, хотя его никто не просил, прошел вместе с эром. Рокэ присел на край неудобного дубового табурета и чуть ли не одним росчерком изобразил приказ об отстранении тяжело больного графа Килеана-ур-Ломбаха от командования и передачи оного полковнику Джорджу Анселу.

2

Ставни были заперты, шторы спущены, но Луизе казалось, что в комнате все равно пахнет дымом, луком и вином. Амалия читала вслух «Житие святой Октавии», мать плела кружева, Селина сидела на скамеечке у ее ног, между свечами металось несколько ночных бабочек. Вечер как вечер, тихий, сонный, словно через несколько улиц не горят дома, а на мостовой не валяются убитые, затоптанные, обожженные.

– «Была весна, – бубнила Амалия, – *и каждая травинка, каждое дерево, каждый цветок радовались ее приходу и славили Создателя. Вся природа ликовала, и вместе с ней ликовала душа юной Октавии и воздавала хвалу сотворившему этот прекрасный мир. Дева спустилась к реке и присела на нагретый солнцем камень, следя за летающими над водой разноцветными стрекозами. Легкий ветер гнал белые облака …*»

Когда-то на месте Амалии сидела она сама, а Карлотта и Грета трудились над вышиванием. Как же давно это было! Грета вопреки воле матери вышла замуж за лекаря из Эпинэ и порвала с семьей, Карлу выдали за барона из Торки… Луиза помнила жениха сестры – большого, шумного и добродушного, как урготский водолаз. Карле повезло, но из сестер она была самой хорошенькой.

– «Дева увидела, что к ней приближается прекрасная женщина в белом. Она ступала по речным волнам, словно по твердой земле, а ее голову и руки окружало сияние. Октавия поняла, что перед ней посланница Создателя, и пала на колена».

Говорят, первое житие святой Октавии написал не кто иной, как Франциск Оллар. Неудивительно, что силы небесные поведали будущей королеве, что ее потомок станет Заступником и Ходатаем за грешных пред лицом Его, отвратит гибель мира и примет на себя все грехи человеческие. Без видения королю было бы трудно провозгласить себя главой

Церкви… А вот у тех, кого убивали сегодня, ходатаев и заступников не нашлось. Разве что тот, медноволосый, пошедший с ножом против целой толпы. Он никого не спас, только отомстил. И сам погиб… Как глупо… Нужно было бежать, спасаться, его наверняка кто-то ждал, может быть, до сих пор ждет…

– «И будет его сердце исполнено Милосердия, а очи – света небесного, – читала Амалия, – *и простит он то, что не прощают, и протянет руку прокаженному, и отдаст последнее…*»

Медноволосый и отдал последнее, что у него было, – жизнь! Больше, чем жизнь, отдать нельзя, разве что душу, но ее никто не берет, даже даром.

Амалия закончила главу и закрыла книгу. Так было всегда – в канун праздников в доме Аглаи Кредон читали по одной главе из Святого Писания. Господин граф находил это очень трогательным.

Мать отложила кружево.

– Спасибо, Амалия, можешь идти. – Мать всегда благодарила чтицу, собственно говоря, это был единственный способ услышать от нее слова благодарности.

Амалия поднялась, собираясь пожелать бабушке покойной ночи, но не успела – в комнату ввалилась Дениза. То, что кормилица встревожена, Луиза поняла сразу. Неужели Арнольд? Явился?

– Дениза, в чем дело?

Мать недовольно сдвинула брови, в этом доме вопросы первой задавала она.

– Сударыня, – Дениза на госпожу Кредон даже не взглянула, – тут Жемена прибегала. Ейный хозяин с этим проклятущим пил…

– С кем? – Луиза спрятала руки под передник. На всякий случай, чтобы не дрожали. То, что беда все-таки пришла, она поняла сразу. Не поняла – откуда.

– Да с пекарем этим, что с вашей матушкой заелся!

– Прошу в моем доме об этом мерзавце не говорить, – в голосе матери зазвучали угрожающие нотки, но не на ту напала.

– Вы бы, сударыня, спервоначалу думали, кого обзывать и когда, – огрызнулась кормилица, – куда как хорошо было бы. А так поганец этот вас в еретики записал. Так что придут к нам… Они сегодня за святой Октавией орудовали, ночью у них дело в Новом городе, а с утреца за нашу улицу возьмутся.

За святой Октавией… Она видела, как там «орудовали». Что, если вина затоптанного старика была лишь в том, что он нагрубил трубочисту или мяснику, а тот оказался лигистом?

– Мама, – твердо сказала Луиза, – надо уходить. Лучше остаться без крыши над головой, чем без головы.

Аглая с возмущением посмотрела на дочь. Она еще не поняла, что за булочки можно заплатить жизнью.

– Мама, вы не поверили мне… Можете не верить и дальше, но я не дам сжечь своих детей заживо. Мы уходим.

– На ночь глядя? – возмутилась мать.

– Утром будет поздно. Амалия, Селина, возьмите мою шаль и нарежьте черных лент. Нужно их всем завязать. Я покажу, как.

– Алатскую шаль!

Нет, она ничего не понимает, да и откуда! Она просидела целый день дома… Ветер дул к Данару, здесь даже дымом не пахло.

– Да я душу разрежу, лишь бы выбраться. Собирайтесь, мама. В конце концов, это все из-за вас.

– Как ты разговариваешь… – начала Аглая и замолчала, встретив бешеный взгляд дочери.

Луиза Арамона и впрямь никогда раньше так не говорила и так не смотрела, но раньше она не знала, как толпа забивает неугодных, не пряталась по крышам от мародеров, не задыхалась в дыму.

– Герард, пойди, посмотри – легли ли соседи.

Сын кивнул и исчез. Девочки торопливо кромсали дорогой атлас. Надо одеться поскромнее, чтобы не соблазнять мародеров. Мать стара, она сама – уродина и тоже не девочка, а вот Селина…

– Мама, – Герард был очень бледен, – мы опоздали. У дверей сидят шестеро черноленточников, я смотрел из спальни. На доме нарисована крыса…

– Ничего, – Луиза улыбнулась, – уйдем черным ходом.

– Я тоже так подумал, – прошептал Герард, – там то же самое.

Булочник предусмотрел все. О черном ходе мог позабыть дворянин, но не обиженный ремесленник. Что же делать? Может, к утру появится стража или лигисты перепьются и уснут. Ты, моя дорогая, еще подумай о Ходатае. Вдруг да придет…

– Герард! – Сын поднял глаза. – Герард, найди себе нож или топор, чем ты лучше умеешь…

Сын кивнул и сразу же поднялся. Если и боится, виду не показывает. Непонятно, в кого он такой уродился? Арнольд уже трясся бы под столом, да и господин граф храбростью никогда не блистал.

– А я? – встрял Жюль. Он еще ничего не понимал, для него все было игрой.

– Ты будешь с девочками. Будешь их защищать.

– Я возьму свою шпагу.

– Конечно…

Сколько у них времени? Солнце встает около шести, но черноленточники вряд ли заявятся с рассветом. Булочнику нужно позавтракать и проверить тесто. Значит, жить им осталось часов десять…

3

Издали донесся бой часов – полночь. Праздник святой Октавии начался. Отряд Рокэ быстро шел по тихим и темным кварталам Старого города. Пока самым страшным были наглухо закрытые ставни и погашенные огни. Прилегающие к Гербовой площади улицы казались вымершими, слаженный шаг множества обутых в тяжелые кованые сапоги ног отдавался в ушах грохотом.

Что было на уме у эра, Ричард не понимал. Ворон велел полковнику Анселу с Первым полком гарнизона ждать приказа в казармах, куда-то отправил стражу и Третий полк, разослал наблюдателей по всей Олларии и с тремя ротами ушел в город, хотя Ансел уговаривал дождаться разведчиков.

Мерный топот, рвущее тьму пламя факелов, запах дыма и отдаленный набат сводили с ума. Солдаты шагали сквозь ночь, распугивая весенних котов и огромных серых крыс, живо напомнивших Дику о Лаик. Это было хуже Барсовых Врат, там страшно не было.

В последнее время Дик много читал о старых битвах, но не о подавлении городских бунтов. Это была грязная работа, с которой при Раканах справлялась городская стража, а при Олларах в столице ничего подобного не случалось, только при сыне Франциска и Октавии восстал гарнизон, которым командовал граф Карлион. Но не сравнивать же тех, кто выступил против узурпаторов, с черноленточными убийцами!

Восстание подавил Рамиро Алва Младший, Карлион и его офицеры были повешены на стенах Старого Арсенала, за что сын предателя заслужил кличку Рамиро-вешатель. Дик знал о творившихся тогда зверствах, но хроники молчали о том, как Рамиро и кэналлийским стрелкам удалось победить. Ричарду хотелось верить, что справиться с хорошо вооруженным гарнизоном было труднее, чем остановить черноленточников. Юноша то и дело поглядывал на чеканный профиль своего эра, но заговорить не решался.

На первый труп они наткнулись на углу Винной улицы и Рыбного проезда. Солдаты неуклюже затоптались на месте, поглядывая на Рокэ. Шедший впереди Давенпорт раздраженно вырвал у кого-то факел и наклонил над убитым.

Полуголый пожилой человек лежал в маслянистой темной луже, нелепо разметав обнаженные руки и ноги. Череп разбился о камни мостовой, но смерть наступила не от этого – грудь и живот мертвеца были испещрены темными ранами. К горлу Дика подступила тошнота, и он, боясь опозориться, торопливо отступил назад.

– Сбросили с крыши? – предположил полковник Морен. – Пытался уйти, его догнали, убили и сбросили.

– Скорее всего, – рассеянно кивнул герцог. Впереди что-то рычало, выло и скрежетало. Раздался топот, из-за угла выскочили два человека с огромными тюками. Они смотрели не вперед, а назад и не заметили солдат. Длиннорукий Давенпорт ловко ухватил беглеца за плечо, тот задергался, как схваченный за уши кролик. Второй, бросив тюк, попытался удрать и угодил в объятия кого-то из кэналлийцев.

Пойманные оказались жалкими людишками, одетыми в разномастные лохмотья, а их ноша являла собой причудливую смесь дорогих бронзовых подсвечников, серебряных стопочек, пустых бархатных футляров и вышитых алатских шалей. Пленники лопотали что-то о Золотой улице, еретиках и «всех», которые «тоже брали и больше».

Рокэ брезгливо поморщился и спустил курок. Вырвавшееся из пистолетного дула пламя опалило лицо мародера, тот рухнул на спину. За первым выстрелом последовал второй, Алва бросил разряженные пистолеты Ричарду и обернулся к Морену:

– Лучше было бы повесить, но нет времени. Берите роту и ведите к восточному концу Золотой, я пройду к западному. Мы будем там одновременно. Там посередине что-то вроде площади, гоните своих мародеров туда, а я пригоню своих. Не забудьте проверять дома, мимо которых пойдете. Удирающих и лезущих в драку – убивать на месте. И вот еще что, пошлите человека к Анселу, пусть знает, где мы. Когда найдут Авнира, пусть сообщит. Немедленно! Три свежие роты на Золотую. В мое распоряжение!

– Да, монсеньор, – отдал честь полковник, подзывая рукой долговязого солдата. Ричард вернул Рокэ заряженные пистолеты. Святой Алан, что творится на Золотой улице, такой мирной и богатой? Что с мастером Бартоломью и… и с оставленным у него карасом?

– Спокойнее, юноша, – Алва ловко засунул пистолеты за пояс, – запомните на будущее – мародеров следует вешать на месте, если вы, разумеется, не желаете командовать шайкой грабителей. Сначала – мародеры, потом – все остальные, даже шпионы.

Ричард кивнул. Идти вровень с Алвой, когда тот спешил, и не сбиться на бег было трудно, так что стало не до размышлений. Шум становился громче, потом почти стих – отряд свернул в щель между высокими глухими стенами. Проход живо напомнил Дику место, где год назад на него напала шайка грабителей. В Олларии было несколько подобных мест – при Раканах Старый город от Нового отделяло «монастырское кольцо», изрядная часть которого позже была снесена. На освободившейся земле выросли аристократические кварталы, но часть аббатств уцелела и была приспособлена под самые разные нужды, а некоторые так и стояли пустыми, дожидаясь своей участи, как монастыри Святого Квентина и Святой Бернарды, между которыми Рокэ вел своих людей. Выхода на Золотую улицу со стороны старых аббатств не было, и Дик не представлял, почему Рокэ свернул именно сюда.

Ворон остановился неожиданно. Справа и слева тянулись глухие стены, за которыми темнели старые каштаны.

– Перебираемся.

Кэналлиец протянул своему герцогу свернутую в кольцо веревку. Бросок, и петля обвилась вокруг толстого обломанного сука. Рокэ поднялся на стену первым, за ним взлетели его стрелки. Через несколько минут сверху свешивалось десятка два веревок с навязанными на них узлами. Ричард торопливо схватил болтающийся конец. Взобраться на не столь уж и высокую монастырскую ограду оказалось довольно просто – в Сагранне приходилось труднее. Солдаты один за другим влезали наверх и прыгали в мокрую от росы траву. Алва, не дожидаясь последних, повел отряд сквозь лабиринт мрачных старинных зданий. Смолкший было шум усилился, впереди замаячила светлая стена. Церковь Блаженного Гэвина, как же он не сообразил!

Исполнявшая обязанности черного хода дверца была заперта двумя висячими замками, с которыми не стали возиться, а вывоpотили скобы. Вламываться ночью в церковь было кощунством даже с точки зрения олларианцев, но Алву подобные мелочи не волновали.

Внутри здания пахло кyреньями и воском, у некоторых икон теплились лампады, сквозь цветные витражи пробивался тревожный мерцающий свет, подчеркивая ощущение отстраненности от внешней злобной суеты. Дику захотелось броситься на колени у алтаря и просить прощения за вторжение в обитель Создателя. Неважно, что храм был олларианским – от этого он не перестал быть храмом. Снаружи царили безумие и смерть, внутри, пока в церковь не ворвались святотатцы с факелами и оружием, было торжественно и покойно.

– В двери пройдет четверо, – Рокэ и не подумал приглушить голос, – строимся по четверо в ряд. Выйдем – перестроимся по двенадцать. Первый ряд с алебардами, затем – факельщики и мушкетеры. Без приказа стрелять только из пистолетов. Четверо к дверям, Ричард Окделл, не отставать!

Алва сам отодвинул два больших засова, солдаты налегли на тяжелые створки, те стремительно и вместе с тем величаво распахнулись. Рокэ вывел отряд на Глухую площадь, в которую впадала Золотая улица. Какие-то люди, тащившие что-то большое, при виде появившихся ниоткуда солдат замерли, не выпуская, однако, своей ноши, оказавшейся богатой кроватью. Кто-то, вспомнив слова Рокэ насчет мародеров, разрядил пистолет, и грабитель свалился рядом с осевшим на землю ложем. Товарищи убитого бросились врассыпную, что было с ними дальше, Ричард не увидел – перестроившийся на ходу отряд, ощетинясь предназначенными для отражения конной атаки гайифками[28], свернул на улицу, бывшую прибежищем городских ювелиров и торговцев заморскими редкостями.

Угловая лавка была разгромлена, болталась сорванная с петель дверь, на пороге лежали две женщины – немолодая и совсем девчонка, рядом были разбросаны уже знакомые бархатные футляры. Пустые – в этой лавочке драгоценности не продавали. Метнулась какая-то тень, показавшаяся Дику крысиной, хотя это, без сомнения, был человек с тюком на спине – таких больших крыс не бывает.

Рокэ шел впереди колонны, не вынимая шпаги, пламя факелов заливало атлас парадного плаща кровью. Первый маршал Талига был спокоен и собран. Огня, что полыхал в нем в Дараме, не было и в помине, напротив, от Алвы веяло зимним холодом. Оглядываться и проверять, идут ли за ним, эр не собирался, но солдаты шли – Ричард слышал их четкий уверенный шаг.

Первый дом от угла, второй, третий… Разоренные, страшные. Кто-то заорал «Ворон!», кто-то сверху что-то бросил. Горшок… Глиняный горшок, разлетевшийся при ударе о солдатский шлем. Рокэ, не поворачивая головы, бросил:

– Шестеро, проверьте. Пленных не брать.

Вдоль стены скользнул кто-то верткий и быстрый. В него выстрелили, но неудачно. Тень бросилась через дорогу. Второй выстрел оказался точным – человек упал… Человек… Оборванец с набитыми жемчугом карманами! Белые мерцающие зерна, каждое ценой в корову, рассыпались по мостовой.

Алва выхватил клинок, Дик последовал его примеру. Шестая рота Второго полка гарнизона Олларии быстро пошла вперед, мимоходом убивая зазевавшихся мародеров и тесня мечущихся меж разоренных домов людей в глубь улицы.

– Монсеньор! – Полная молодая женщина в разорванной ночной сорочке выскочила из украшенного лепниной особняка и рухнула на колени, обняв сапоги Ворона. – Монсеньор!

– В чем дело, сударыня? – Алва сорвал свой щегольской плащ и ловко укутал покрытые кровоподтеками плечи.

---

[28] Солдатское название гайифской алебарды, снабженной заменяющим пику острием и специальным крюком для стаскивания всадника с коня.

– Там… Там… – Она не плакала, только тряслась всем телом, а слова словно бы разрывали ей горло.

– Проверить… Юноша, займитесь. – Алва толкнул дрожащую толстуху в объятия Дика. В указанный дом кинулось десять солдат во главе с еще незнакомым Ричарду носатым теньентом. Четверо помчались в дом напротив, двери которого тоже были выбиты, а ставни сорваны с петель. Незнакомка прижималась к Ричарду, юноша чувствовал ее тепло, грудь у женщины была большой, больше, чем у Марианны…

Алва поднял и резко опустил руку, слаженный мушкетный залп на мгновение прервал чудовищную возню. Десятка полтора фигур перестали метаться и повалились наземь. Стрелявшие отступили, чтобы перезарядить мушкеты, их место заняли готовые к выстрелу. Так же, как на Дарамском поле, только это не Кагета, а Талиг…

Из дома справа, спотыкаясь, друг за другом вышло девять человек, руки их были стянуты за спиной. В доме слева взяли шестерых. Ричард не представлял, что делать со свалившейся на его голову женщиной, но та вырвалась и с криком «Жанно» скрылась в черном проеме. Нет, ЭТО не походило ни на бой у Дарамы, ни у Барсовых Врат. Это вообще не было боем. Они просто шли и, не разбирая, убивали тех, кто попадался на пути. Сзади оставались разоренные здания с мертвыми разбитыми окнами, разбросанные вещи, человеческие тела.

Убийцы падали на тех, кого они убили. Толпа впереди густела, сбивалась в стадо – мародеры, ювелиры, слуги, мужчины, женщины, дети – все вперемешку. Ноги солдат топтали сорванные в спешке черные ленты, рассыпанные драгоценности, брошенные ножи и кастеты.

Показалась церковь Святого Хьюберта, за ней улица расширялась, превращаясь в небольшую площадь, посреди которой бил неизбежный фонтан, окруженный десятком здоровенных каштанов. По ту сторону площади жил мастер Бартолемью, которому Дик отдал кольцо, но в воющей, дымной ночи разобрать что-то дальше, чем за несколько шагов, было невозможно.

Ворон остановился. Тотчас остановились и солдаты. Ричард не понял почему, но спросить не решился. Из-за каштанов прозвучал слаженный мушкетный залп. Рокэ рассчитал правильно. Он и отряд полковника Морена подошли к площади Блаженного Хьюберта одновременно.

Глава 6
Оллария
«Le Valet des Épées» & «Le Roi des Épées»

1

Обтянутое алым бархатом высокое кресло на краю заваленной трупами и брошенной добычей площади казалось бредом, страшным своей нелепостью. Тем не менее оно гордо возвышалось посреди роскошного фельпского ковра. Рядом с креслом примостилась резная скамеечка для ног, а по бокам выстроились бронзовые жаровни с углями, отгоняющими ночной холод.

Рокэ Алва какое-то время созерцал выставленное на всеобщее обозрение роскошество, а затем опрокинул седалище точным ударом одетой в щегольской сапог ноги.

– Поймайте мне эту пакость.

Гарнизонный полковник, видимо, понял, что от него требуется, так как отдал честь и отошел, но Ричарду слова эра показались продолжением затянувшегося кошмара. Зная Рокэ, юноша готов был предположить, что тот усядется в так кстати подвернувшееся кресло и потребует вина, но Ворон, послав трех теньентов разделить согнанную на площадь толпу на горожан и мародеров, остался стоять, задумчиво глядя куда-то поверх темных лохматых

деревьев.

– Эр Ро… Монсеньор, что теперь?

Если маршал огрызнется, так тому и быть, но дольше оставаться в неведении Ричард не мог. Эр ответить соизволил.

– Подождем известий от Ансела, а что делать – найдется. Здесь гуляли мародеры, спасители заблудших орудуют в другом месте. – Ворон по старой привычке прикрыл глаза ладонями и быстро их отнял. – Что ж, начнем с разбойников… Пойдемте, юноша, поговорим с господами ювелирами.

Обитатели разгромленной улицы жались к дверям церкви, многие были в крови. Кое-как перевязанные головы, полные ужаса глаза, разодранная одежда. Женский и детский плач мешался с бранью и истерическим хохотом. Богачи, в одночасье ставшие нищими…

Раньше Дику казалось: нет ничего страшнее того, что сделали с Надором, но захватившие замок солдаты и чиновники ругались, а не убивали. Они открывали пинками двери, совали всюду свой нос, требовали еды и питья, но не жгли, не грабили, не насиловали.

– Чего вы ждали? – Седой человек прижимал к себе девушку, показавшуюся Дику ровесницей Дейдри. – Чего, будьте вы прокляты?!

Алва остановился, глядя кричавшему в глаза. Маршал молчал, молчали все. Наконец человек опустил голову, пробормотав «монсеньор»…

– Что с вашей дочерью? – Голос Ворона был ровен и холоден.

Седой не ответил. Девушка тихо плакала, Дик только сейчас заметил, что губы у нее разбиты в кровь.

– Вы их запомнили?

– Я… – Седой колебался. – Я… монсеньор, я боюсь указать на безвинных… Ночью все похожи…

– Вы, мастер, несомненно попадете в Рассветные Сады. – Что-то в интонациях Рокэ показалось Дику знакомым, и по спине побежал холодок. – Что ж, будем справедливы. Вы и ваша дочь не запомнили лиц насильников, но, увы, она не единственная жертва. Наказать невинных так же несправедливо, как отпустить виноватых. Полковник Морен!

– Да, монсеньор.

– Возьмите ротных лекарей… Снять с пленных штаны, пусть лекари посмотрят. Насильников – к фонтану, остальных, как рассветет, к Лоре[29], завтра разберемся. Награбленное сложить… под те навесы и поставить охрану. Вернем хозяевам или наследникам. Выполняйте.

– Слушаюсь. – Морен отошел. Рокэ медленно пошел вдоль замершей толпы, остановился, заговорил с каким-то мастером, назвав того по имени. Юджин… Дик его не знал. Эр отвел ювелира в сторону, затем подозвал к себе двоих теньентов. Солдаты притащили несколько бочек, в которых оказалось вино, и начали раздавать людям. Наспех одетые врачи со знаком своей гильдии на плащах занялись ранеными и избитыми. Видимо, их пригнали с Лекарской улицы. Все что-то делали, и только Ричард Окделл был не нужен никому.

Ричард с сомнением глянул на Ворона. Следовало отпроситься, но отвлекать Рокэ себе дороже. Дик тихонько отступил в сторону, немного постоял, ожидая оклика, но его не последовало. Маршал или ничего не заметил, или решил, что обойдется без оруженосца. Юноша на всякий случай вытащил пистолет. На первый взгляд все уже кончилось, но кто его знает…

2

---

[29] Бывшее аббатство Святой Лоры, приспособленное под тюрьму для безродных преступников. Там же временно содержали приговоренных к отправке на галеры и рудники.

Девочка лет шести в опрятной ночной сорочке бродила между взрослых людей, заглядывая им в лица. Она была бледной и чудовищно некрасивой. Надо было взять ее за руку и отвести к толпившимся у входа в церковь женщинам, но, поймав пустой рыбий взгляд, Ричард отчего-то ускорил шаг.

Мраморная дева безмятежно обнимала огромную амфору, из которой вытекала журчащая струя. Ей не было дела до пылающих факелов, людских воплей, плача, суеты. Плеск фонтана глушил крики и ругань. На краю бассейна лицом в воде лежало несколько трупов, вокруг поблескивали лужи. Этих людей просто-напросто утопили, они наверняка вырывались, вода из полной до краев чаши плескала на убийц, на кромку фонтана, на шестиугольные каменные плиты. Неужели недавно он сидел у этого самого фонтана, смотрел на церковь, из которой выходили богато одетые прихожане, и думал о Катари и Айрис?! Неужели это Оллария? Будь проклят Дорак, затеявший эту резню. А Рокэ?! Почему он ждал? Если бы они пришли днем, ничего бы не было…

Ричард отвернулся и ускорил шаг. По ту сторону площади было то же самое – кто-то выл в голос, кто-то сидел, обхватив колени, кто-то молился, кто-то проклинал, горами громоздились отобранные у мародеров вещи, мерцали в свете факелов сваленные в кучу ножи, кастеты, связки ключей и каких-то странных штук.

На пути Дика оказалась перерубленная чуть ли не пополам собака, видимо защищавшая своего хозяина. Дик обошел несчастного пса, какой-то солдат внимательно оглядел молодого человека с пистолетом и отдал честь – признал оруженосца маршала. Откуда-то появился немолодой усталый теньент. Странно, в таком возрасте пристало быть полковником.

– Приказ монсеньора?

– Нет, – Дик готов был провалиться сквозь землю, – монсеньор занят… Здесь жил мой мастер… Я хотел проверить…

– Все дома разгромлены, – вздохнул офицер, – мы отобрали, что могли, у мародеров, но многие удрали до нашего прихода. Грабежи начались с вечера.

– Я могу осмотреть дом?

– Конечно, – теньент подозвал двоих солдат, – пойдете с герцогом Окделлом, куда он скажет.

Солдаты отдали честь и замерли в ожидании приказа. Куда он скажет… Оруженосцу Первого маршала дозволено многое, уж точно больше, чем Повелителю Скал. Имеет ли он право искать мастера Бартолемью, вернее, свое кольцо?

Найти один-единственный камень в этом безумии труднее, чем иголку в стоге сена. Ричард посмотрел на двоих человек, ожидавших его распоряжений. Первый напоминал варастийского адуана, второй был ненамного старше самого Дика.

– Это рядом, – объяснил Дик «варастийцу». – Дом, на вывеске – две сороки.

– Знаем, – хмуро кивнул тот. – Шуровали там будь здоров, хозяин богатый был. И несговорчивый, видать, одни покойники остались. Разве что сбежал кто…

Сороки валялись на крыльце, с ними ничего не случилось, и они были никому не нужны. Зачем медь, если можно добыть золото? Металлические птицы казались возмущенными и обиженными, клювы были разинуты, словно хотели что-то сказать. Назвать убийц?

– Войдем.

Зачем? Не станет же он на глазах солдат рыться в ящиках и ползать по полу! Надо вернуться к эру, он и так отсутствует слишком долго.

– Осмелюсь доложить, – молодой солдат зажег факел, – там все вверх дном…

Ричард сцепил зубы и в четвертый раз переступил порог мастера Бартолемью. В четвертый и последний, потому что мастер был мертв. Он лежал в своей лавке с пробитой головой, на лице застыли гнев и… гадливость. Рука ювелира что-то сжимала – Ричард пригляделся. Черный бант! Ричард смотрел на шелковую ленту в сведенной судорогой руке и не мог оторваться.

– Разрубленный Змей, – в голосе молодого слышались удивление и неприязнь, – опять эта кляча!

– Может, у них, у ювелиров, это знак какой. В какой дом ни загляни – она тут как тут.

Ричард обернулся: на стене, где раньше висела шпалера с птицами и цветами, красовалась упитанная пегая кобыла. Лошадь была нарисована так, что казалось, вот-вот сойдет со стены. Почему Бартолемью прятал ее под шпалерой? Может, это и впрямь тайный знак гильдии?

– Иди, иди… Нечего тебе тут делать, – «варастиец» заступил дорогу давешней девчонке, – или ты жила тут?

– Живу, – заметила та пронзительным голоском, – и это все мое…

– Дочка, что ли? – Солдат глянул на Дика, тот лишь плечами пожал, родичей мастера он не видел.

– Нельзя сюда. – «Адуан» попытался взять девчонку за руку, но та увернулась и бросилась в глубь дома. Вояка помянул закатных тварей и побежал за ней. Молодой остался с Диком.

– Помогите ему, – велел юноша. Искать при солдате кольцо было стыдно. Ричард присел на корточки над мертвым ювелиром. Черный бант… Чей он? Сорванными впопыхах черными тряпками была завалена вся площадь – мародеры пытались смешаться с ограбленными, но шелковая лента в руке Бартолемью о чем-то напоминала. О чем?

Молодой с видимой неохотой скрылся в темной двери. Ричарду стало тошно. Больше всего юноше хотелось выскочить на улицу, но он должен был сделать то, за чем пришел. Торопливый осмотр ничего не дал – на полу валялась уйма всякой всячины, но ни колец, ни браслетов среди нее не оказалось. Дик передвинул опрокинутое бюро, заглянул за стол, нашел цепочку, возможно, даже золотую, поднял, положил на стол. Ящик, в котором ювелир хранил образцы браслетов и колец, был взломан и пуст. Воры не дремали… Грабители… Рыжий ювелир! Точно! Бартолемью рассказывал о соседе, спутавшемся с черноленточниками. Это он привел сюда мародеров, он и никто другой! И это его бант сорвал мастер!

– Видать, девчонка и впрямь здешняя, – вернувшиеся солдаты выглядели растерянными, – тайник тут какой-то, не иначе. Нигде нет.

– Нет и нет, – раздраженно бросил Дик.

– Оно так, есть захочет – выберется, – с явным облегчением ответил старший.

Они вышли на улицу – под бездонным звездным небом было легче, чем под крышей.

– Вот ведь мерзавка, – пробормотал «варастиец», ткнув пальцем влево от двери, где стояла пропавшая девочка. Маленькая дрянь поймала взгляд солдата, показала ему язык и бросилась в тень. Солдат выругался. Ричард вытащил из кошелька два талла и дал своим спутникам. Караса он не нашел и, скорее всего, не найдет… Говорят, драгоценные камни сами выбирают себе хозяев, этот карас не желает иметь с Ричардом Окделлом ничего общего.

3

– Монсеньор, – полковник Морен вскинул руку, – все готово!

– Нет! Она сама! – белобрысый верзила грохнулся на колени и заорал, что его какая-то стервь затянула в постель.

Это послужило сигналом, десятки мужиков, перекрикивая друг друга, клялись, что они не виноваты. Ричард не сразу сообразил, что согнанные к фонтану полуголые люди со связанными за спиной руками и есть те самые уличенные лекарями насильники.

– Она сама, – продолжал вопить белобрысый, – это она… Кошки побери эту шлюху… У нее муж старик! Я не хочу… За что?! Я ничего… Это она… Проклятая шлюха!

Юноша предпочел бы провалиться сквозь землю и даже вернуться в дом с лошадью на стене, но отступать было поздно – Алва заметил оруженосца и небрежным жестом подозвал

к себе.

– Монсеньор, – Ричард чудом не ухватил Рокэ за рукав, – не надо… Может, это правда.

– Эсператисты говорят, что гулящая женщина заводит в Закат. Вот она и завела, – пожал плечами Ворон, его мысли явно были заняты другим, – неужели Ансел до сих пор не знает, где развлекается наш милый епископ и его богоугодные последователи?

– Пока не нашли, – Морен казался встревоженным, – в Старом городе тихо, в Цитадели – тем более. Мосты, Посольский квартал и склады под охраной. В Новом городе наводят порядок. Похоже, жарче всего пришлось нам да в Нижнем совсем озверели. Монсеньор, сдается, этот малый не врет.

– Он не врет, так другие врут. – Рокэ явно был занят своими мыслями. – Впрочем, если дамы пожелают взять дружков на поруки, я не возражаю. Полковник, дайте им четверть часа на проверку внезапно вспыхнувших чувств – и вперед.

Громко захохотала какая-то женщина, Дик оглянулся и узнал ее, вернее, не ее, а плащ Рокэ, в который та все еще куталась. Женщина указывала пальцем на лохматого парня и смеялась, взахлеб, неистово, задыхаясь. Лохматый рванулся, то ли порываясь бежать, то ли желая придушить хохотавшую.

– Похоже, этого уже узнали, – все так же задумчиво произнес Ворон, – так что начинайте. С него. Остальные пусть ждут.

Осужденный сопротивлялся, но куда там! Солдаты умело швырнули насильника наземь. Ричард понял, что виселицей будет усыпанный белыми свечками каштан. Странно, вокруг столько бочек, но никто и не подумал подтащить их к стволу.

Раздался топот, к дереву подъехал всадник на крепкой приземистой лошади, никак не походившей на кавалерийских красавцев. Капрал махнул рукой, наездник пришпорил коня, и вверх взмыла нелепая, извивающаяся фигура, похожая на ярмарочную марионетку. Первый маршал Талига Рокэ Алва вешал насильников вверх ногами.

Кто-то бросил в дергающееся тело камнем. Не попал. Камень с глухим стуком отскочил от кромки фонтана, он был недоволен. Он хотел ударить мягкое, живое, горячее, хотел, чтобы оно стало мертвым, сгнило, расползлось жалкой слизью. Он так долго лежал без движения, по нему ступали мягкие, нечистые ноги и лапы, его топтали кованые копыта, а до этого его разбили, раздробили на множество частей и бросили в грязь далеко от серого спокойствия пещеры. Он так хотел убить, но не убил…

– Молодой человек, вам плохо? – незнакомый теньент услужливо протянул Дику флягу, и Дик с благодарностью хлебнул. Касера! Ну и ладно…

– Благодарю, сударь, мне и впрямь стало дурно.

– Неудивительно. В такую ночку недолго рехнуться. – Новый знакомый тоже хлебнул и пристегнул флягу к поясу. – Позвольте представиться. Теньент Варден, Рэми Варден из Эпинэ. Леворукий бы побрал Килеана, чего он ждал! Судак снулый! Мы бы это отребье живо б уняли.

Чего ждал Килеан… а чего ждал Рокэ?! Ворон вернулся утром, отправься он сразу в казармы, все было бы иначе. Хотя утром погромов не было, а черноленточники убрались по первому слову маршала. Они искали Оноре, только Оноре…

– Проклятые черноленточники…

– Сударь, – Варден устало покачал головой, – это не лигисты. Навязать банты – недолго, но они пришли грабить, а не еретиков бить…

– Не лигисты? А кто?!

– Отребье со Двора Висельников… Со своим заправилой. Трон себе устроил, кошки его раздери… Этой заразе самое место на фонаре, так ведь нет, цацкались, пока жареный петух не клюнул!

Двор Висельников?! Не может быть. О старом аббатстве, ставшем после изгнания эсператистов прибежищем обездоленных, юноша знал по трагедиям Вальтера Дидериха. Висельники избирали себе короля и жили по своим собственным законам.

Жерар Шабли читал унарам «Плясунью-монахиню» и «Пасынков Талига», и Ричард

словно бы воочию видел мрачные старые своды, одноглазого черноволосого великана в золоте и бархате со шрамом через все лицо, красоток в широких юбках с оборками, льющееся рекой вино, стук костей, сверкающие ножи, грубый смех, лихие песни. Это была запретная, ночная, разгульная жизнь, полная риска и злого веселья. Мужчины и женщины, отвергнутые Талигом Олларов, оклеветанные, лишенные наследства и вынужденные скрывать свое происхождение, искали защиты у короля Висельников. Сыщики и солдаты не рисковали соваться во Двор, там все были равны, и все были свободны.

Неужели это и есть «ночные тени», «серые братья», «волки Кабитэлы»? Вот эти трусы, кричащие о своей невиновности? Мародеры, насильники, убийцы? Не может быть, это лигисты! Или все-таки нет? Черноленточники, приходившие за Оноре, вели себя иначе.

– Они со Двора Висельников?!

– Именно, – подтвердил Давенпорт. – А королек их, похоже, нас не дождался. Ничего, никуда не денется, если, конечно, монсеньор не передумает.

Рокэ не передумает, уж в этом Дик не сомневался. Ворон не знает ни жалости, ни сомнений. И все-таки, почему он медлил, почему медлил Килеан?! Да, приказ Дорака это приказ Дорака, но Людвиг – Человек Чести, он должен был вмешаться, не думая о последствиях. Рокэ, тот все же пошел против хозяина Талига, хотя и был с ним в союзе. Пусть поздно, но пошел!

Простучали копыта. Всадник в гарнизонном мундире осадил коня у фонтана:

– Где герцог?

– Здесь. – Рокэ возник из дымной тьмы, словно рыцарь-оборотень из сказки.

– Монсеньор, – Ричарду показалось, что гонец в ужасе от принесенного им известия, – разрешите доложить. Мы нашли Авнира.

– Где?

– На площади Леопарда. Они только пришли. Авнир служит молебен, а лигисты поджигают особняки. Они начали в полночь! Там внутри остались люди! Теньент Бельфор пытался их остановить, но… Его забросали камнями.

– Теньент Бельфор плохо знал свое дело. На камни надо отвечать пулями. – Рокэ поправил шляпу и зло улыбнулся. Он привык к запаху дыма и крови, для него это было еще одним боем в городе, не более того.

– Монсеньор, – Морену было не по себе, – вы… Авнир – епископ Олларии… Доверенное лицо кардинала.

– А я – Первый маршал Талига, – Рокэ внимательно осмотрел пистолеты, – и доверенное лицо Леворукого. Не бойтесь, полковник. Я отвечаю за все.

– Но…

– Награбленное – под охрану! – продолжать спор Алва счел излишним. – Еще раз проверьте дома, с рассветом люди могут возвращаться. Пусть напишут жалобы… кансилльеру! Насильников – повесить. До последнего и вверх ногами. Проследите… И вот еще что. Раз уж вы не желаете иметь дело с епископом, отправляйтесь на Двор Висельников, и чтоб его к утру не было. Их немытое величество – ко мне. На площадь Леопарда. Вряд ли я управлюсь раньше вас.

Глава 7
Оллария
«Le Roi des Épées» & «Le Dix des Épées»

1

Площадь Леопарда, обязанная своим названием гербу дома Ариго, располагалась недалеко от моста Упрямцев на стыке Старого города с Новым. Когда-то на том месте был срытый при Октавии Первом монастырь. Ричард уже видел особняк, в котором родилась

Катари – большой, трехэтажный, украшенный богатой лепниной. Внутри Дик не бывал, но обнимавшие леопардов мраморные девы, поддерживавшие балкон над центральным входом, чем-то напоминали Ее Величество…

Мимо промчался всадник, обогнал идущих и ловко осадил коня перед возглавлявшими колонну факельщиками.

– Монсеньор, мы подходим!

«Мы»… Мы – это Эмиль Савиньяк, с генералом все в порядке, и он подходит к городу! Но как он узнал?

– Спасибо, Роже. – Эр помнил по имени всех, с кем единожды говорил.

– Мой генерал ждет приказаний.

– Где вы?

– Сейчас, – Роже на мгновение задумался, – должны быть около Ларрины.

– Прекрасно. Ваше дело – промыть город от предместий через Верхний город к Данару и дальше к Нижнему. Мародеров – на фонари. Переусердствуете – не беда, но к полудню должно быть тихо. Отправляйтесь.

– Слушаюсь. – Роже заворотил коня, Ворон проводил его взглядом.

– Людей Савиньяка можно узнать по посадке, не правда ли, юноша?

Дик кивнул, хотя лично он не взялся бы определить, у кого служит тот или иной всадник.

– Не волнуйтесь, юноша, скоро все закончится.

Все закончится? А убитые, разоренные дома, осиротевшие, ограбленные, испуганные люди?

– Монсеньор… Почему мы…

– Хватит, юноша, – Рокэ и не подумал повысить голос, но уж лучше бы он прикрикнул. – И впредь никаких «мы». Я делаю то, что считаю нужным, а вы – то, что скажу я.

Стало муторно, как всегда, когда он нарывался на резкую отповедь. А он сам хорош, нашел кого спрашивать. Ворону нет дела ни до кого, кроме своей особы, а он еще пытался его защищать, спорил с матушкой, с Налем, с эром Августом…

– Стоять.

Ричард остановился. Они почти пришли. Совсем рядом на светлеющем небе темнел силуэт колокольни Святой Моники. Стало холодно, ночь кончалась, за городом выпадала роса, скоро проснутся птицы.

– Монсеньор!

Дик не понял, откуда появился полковник Ансел. Исполняющий обязанности коменданта Олларии был встревожен.

– Доброе утро, полковник.

– Какие приказания? – Судя по голосу, Анселу, в отличие от Ворона, утро добрым не казалось.

– Наступать по Желтой улице и теснить лигистов от домов к центру площади. Теньент Давенпорт идет Фонтанным проездом, теньент Варден – улицей Святой Моники, я – Битым проулком. Стража со своими бочками готова?

– Они здесь!

– Мы снимем лигистские заставы, и сразу же – сразу же! – беритесь за соседние улицы. Если что – ломать крыши. Пожаров нам не нужно.

– Но… Монсеньор, хозяева будут недовольны.

– Лучше жаловаться кансилльеру, чем Леворукому. Вы – комендант Олларии, вы и за пожары ответите.

– Но там дворец Манриков!

– Да хоть Раканов! Хватит, Ансел. Чем дольше будете страдать, тем меньше шансов унять огонь.

Пожары? Да, гонец говорил, но почему не пахнет дымом? Хотя дома здесь высокие, а

ветер сносит дым к Данару. Там – мокрые от недавних дождей сады и старые аббатства, там гореть нечему или почти нечему.

– Ветер на вашей стороне, полковник, – засмеялся Ворон и, больше не обращая внимания на коменданта, пошел вдоль переминавшейся с ноги на ногу роты. Ричард остался стоять – он, в конце концов, не собачонка, чтобы бегать за своим эром и получать пинки. Юноше казалось, что он пьян от усталости и кровавой суеты. Ноги не желали стоять, все качалось и плыло, перед глазами мелькали то хохочущая женщина в маршальском плаще, то бьющееся в петле тело, то пегая лошадь на светло-серой стене. Зачем там лошадь? И где его карас? Его? Древний камень недолго оставался у Повелителя Скал…

– Хлебните касеры, юноша, – Рокэ с сомнением разглядывал своего оруженосца, – то, что вы видите, это еще не бунт и уж тем более не восстание…

Ричард послушно взял протянутую кем-то флягу. Касера снова помогла – туман в голове рассеялся. Подбежал пузатый капрал – у Давенпорта все было готово.

Рокэ кивнул и оглянулся на своих людей, словно что-то подсчитывая. Плащ маршала остался на Золотой улице, когда Рокэ избавился от шляпы и перчаток, Дик не заметил. Который же сейчас час? Светает в эту пору рано, наверное, часов пять. Резкий ветер взъерошил черные волосы Алвы, словно отдавая честь своему Повелителю. Герцог помянул Леворукого с его кошками и быстро пошел вперед.

2

– Нет, – упрямо повторил Герард и добавил: – Лучше умереть, чем жить трусом.

– Пропадать всем глупо, – устало произнесла Луиза.

Они спорили второй час. Когда стало ясно, что черноленточники не уснут и не уйдут, Луиза отправила Герарда искать выход через чердак. Сын хоть и с трудом, но добрался по крышам до конца улицы и нашел открытое слуховое окно. Другое дело, что добраться до него мог мечтающий о гвардии мальчишка, но не старуха и не воспитанная барышня.

– Мама, ты не понимаешь, – забормотал Герард. – Если вас убьют, как мне жить с таким клеймом… Я отведу Жюля и вернусь.

– А как мне умирать? Ведь это я вас сюда привезла… Твой долг позаботиться о Жюле.

– Он найдет графа Крединьи. Ему можно, он мелкий еще.

Спорить можно было до бесконечности, и Луиза замолчала. Если Герард говорит, что ни Селина, ни Амалия по крышам не пройдут, значит, не пройдут. О ней и матери и говорить не приходится.

– Хорошо, спрячь Жюля и делай что хочешь. Светает, поторопись.

Герард кивнул. Жюль, взволнованный и недовольный, в темной куртке и кожаных штанах, топтался у чердачной двери.

– Мама, – заныл он, – я не хочу… Мы будем драться! Мы покажем этим мужланам…

«Этим мужланам»… Слова, достойные внука тесемочницы. Если бы мать не корчила из себя графиню, ничего бы не случилось. Нельзя жить среди собак и мяукать. Если ты, разумеется, не лев.

– Замолчи. – С Селиной и Герардом можно говорить по-человечески, но на младших приходится орать. – Твое дело молчать и слушаться.

– А… – Жюль осекся, – вы скоро?

– Скоро!

Жюль выживет, иначе просто не может быть! И Герард тоже. Она запрет чердачное окно, и парню придется вернуться к брату, а ее дело – девочки и мать. Селина и Амалия не должны достаться пьяным скотам, значит, их с Денизой дело… У Денизы должны быть нужные травы… Сонное зелье не годится, слишком поздно, оно не подействует. Не успеет – вот-вот рассветет, заявятся черноленточники. И потом, спящие всегда беспомощны, а надежда умирает последней. Значит, кинжал? Да, наверное…

– Мам, мы пошли.

– Я поднимусь с вами.

– Зачем? Я скоро вернусь.

Герард – умница, наверняка понял, что она затеяла, но спорить при Жюле не может, а потом ему ничего не останется.

– Разумеется, – она улыбнулась так беззаботно, как могла. Только бы не зареветь и все не испортить. Жюль не должен знать, что никто не придет. Почему в Олларии такие крутые крыши? Чтобы прыгать по ним, нужно родиться кошкой. А если черноленточники глянут наверх, если у них не только колья и дубинки, но и мушкеты? Не сметь воображать себе всякие ужасы! Их и так больше чем нужно.

– Мама, – Герард предпринял еще одну попытку, – идите собираться…

– Да-да, – она все-таки не удержалась и обняла Жюля, – сейчас пойду…

Чердак, как и весь дом госпожи Кредон, блистал чистотой и порядком. Ни пыли, ни обычного хлама и рухляди, в которой можно закопать девочек. Поджигать они не станут, слишком близко от собственных домов.

Герард поправил лестницу, поднялся наверх, повернул щеколду, распахнул слуховое окно. Луиза закусила губу – она видит сыновей в последний раз, но надо улыбаться, пусть они запомнят ее спокойной и уверенной. Святая Октавия, ну почему мать при всем своем уме такая дура?!

Герард спустился вниз и подтолкнул братца:

– Давай, только гляди, куда лезешь.

Жюль вздохнул и начал подниматься. Рядом с гибким и ловким Герардом он казался особенно неуклюжим. Хомяк и куница! На четвертой ступеньке Жюль оступился, но обошлось. Голова и плечи сына скрылись из виду, затем раздался истошный визг, и Жюль обрушился на едва успевшего его ухватить Герарда.

– Сбесился?! – прикрикнул старший… Младшего била дрожь. Герард осторожно стащил Жюля вниз и взялся за ступеньку. – Сейчас гляну, что там.

Луиза кивнула и задрала голову – вверху, в зеленеющем сумеречном прямоугольнике, отчетливо виднелись черные сапоги с белыми отворотами. Такие в Талиге носил лишь один человек – капитан Лаик.

3

Все повторялось. Тревожные в своей пустоте улицы, мерный шаг солдат за спиной, застывшее лицо Рокэ. Сколько они прошли в эту ночь? Уж всяко не меньше трех хорн! Если бы не усталость, не натертые ноги, не вновь навалившийся озноб, все могло бы сойти за кошмарный сон.

– Это будет нетрудно, юноша, – заметил Рокэ, когда из-за поворота показалась площадь Леопарда, – хоть и неприятно.

Это и впрямь было нетрудно. Это было даже проще, чем на Золотой улице, потому что там было темно, грабители и жертвы сбились в одну кучу, а мародеры знали, как держать ножи и как убегать от солдат. Черноленточники не умели и этого, а их предводитель умел проклинать, но не воевать. Он позаботился выставить на подходах к площади караулы, но лишь для того, чтоб ловить убегавших. Обрушившиеся на площадь с четырех сторон отряды оказались для них полной неожиданностью, и солдаты мигом смели сотню возомнивших себя святым воинством лавочников.

Ощетинившиеся железом шеренги теснили лигистов к центру площади, одновременно замыкая кольцо. Ротные теньенты исполнили приказ Ворона в точности, и опешившие черноленточники подались назад, даже не пытаясь сопротивляться. Не прошло и десяти минут, как все было кончено. Воинство Авнира побросало оружие, превратившись в бестолково топчущееся на месте стадо. Среди пленных Ричард заметил епископа, тот грозил теньенту Давенпорту всеми смертными и посмертными карами. Это было не страшно, но как-то неприятно, что ли… Прочие вели себя смирно.

Кроме солдат и лигистов, на площади не было ни души. Не кричали женщины, не плакали дети, не валялся разбросанный скарб. Дик с опаской глянул на уцелевший угловой дом. В стеклах верхнего этажа отражался огонь, на раскрытых окнах поникала увядающая герань, но людей видно не было. Бежали? Прячутся? В любом случае не спят.

Если бы не свежий ветер, сносивший дым к Данару, дышать было бы невозможно, но тот же ветер раздувал пламя. Три дома на противоположной стороне площади полыхали, если там и оставался кто-то живой, спасать его было поздно. Сердце Ричарда сжалось, когда он увидел родной дом Катари. Изысканная решетка, окружавшая гнездо Ариго, валялась на земле, окружавшие дом клумбы были безжалостно вытоптаны, а широкие, двустворчатые двери казались Закатными Вратами, за которыми танцевали багряные сполохи. Дымные сумерки лишь усиливали ощущение несчастья.

– Юноша, – Алва пристально вглядывался в разоренный дом, – вам не кажется, что в этих местах гнездились трусы?

Дик промолчал. Эр был прав – если бы обитатели площади Леопарда дали лигистам бой, они бы их раздавили, даже будучи в меньшинстве! Толпившиеся посреди площади черноленточники ничем не походили на мятежников, грабителей и убийц. Просто насмерть перепуганные горожане. И все-таки они поджигали, крушили, убивали, хотя мертвецов видно не было. Ни единого!

Алва сунул все еще заряженный пистолет за пояс и направился к горящим особнякам. Бессонная ночь и метания по городу никак не сказались ни на походке Первого маршала Талига, ни на его манере держаться. Дику показалось, что в голову Рокэ пришла какая-то мысль и он решил ее проверить. Что он задумал? И что они станут делать теперь? Авнир пойман, но Авнир еще не Дорак…

Только когда сбоку показался украшенный каменным леопардом фонтан, юноша понял, что идет за своим эром, словно привязанный.

4

Как она оказалась на крыше, Луиза не помнила. Арамона возвышался прямо над ней, в тусклых сумерках женщина различала отечное лицо, выпяченную нижнюю губу, родинку над лохматой бровью.

– Что тебе надо, выходец? – заговорила она от страха, но голос, слава Создателю, не дрогнул.

– У тебя мало времени, смертная. У тебя и твоего выводка. Хочешь избежать огня – попроси, и я открою двери.

– Где Цилла? – Она говорит не о том, дохлый мерзавец прав, если кто их и может спасти, это нечистая сила. – Где Цилла, я тебя спрашиваю!

– Цилла? Кто такая Цилла? – Тухлые глаза обдавали сырым, нечистым холодом. – Есть молодая королева… Введи меня в дом и спасешься…

Он врет, врет, врет!!! Его нельзя пускать.

– Герард! Он здесь…

– Он? У меня есть имя, смертный! Два имени. Вечное и старое… Назови старое и сможешь спастись.

Холодно… Как холодно и грязно! Словно осенью… Он их уведет? Чтоб они стали такими, как он?

– Я не смертный, я – человек, – выкрикнул показавшийся в проеме окна Герард, – а ты – тварь! Дохлятина! Убирайся, откуда пришел. Мы тебя не звали…

– Я призван, – так Арнольд никогда не говорил… Он ругался, юлил, выклянчивал, бахвалился, но не вещал, как перепивший клирик, – я слышу зов и иду. Я спутник великих, я вечен, вечен, вечен… А вы – смертны. Если вы встретите солнце, вас не станет… Ничтожества, тени, тлен…

– Лучше быть тенью, чем дохлятиной, – в руке сына сверкнул нож. Нож для выходца

ничто, а вот тронувший нежить…

Луиза оттолкнула сына:

– Уходи! И Пусть Четыре Ветра разгонят тучи, сколько б их ни было.

Арамона расхохотался, открыв бескровную пасть. Язык у него был синим, а зубы странно белыми, а не грязно-желтыми, как при жизни.

– Она ждет до рассвета, и я жду вместе с Ней. Она уйдет, а вы останетесь… Вас ждет огонь, много огня… Подумай, смертная…

– Пусть Четыре Волны унесут зло, сколько бы его ни было, – выкрикнул Герард.

– Пусть Четыре Молнии падут четырьмя мечами на головы врагов, сколько бы их ни было, – подхватила Луиза, боясь признаться, что хочет уступить. Сбежать из обреченного дома, спасти детей… Цена не важна, главное – вырваться. Вырваться и стать такой, как Арнольд?

– Пусть Четыре Скалы защитят от чужих стрел, сколько бы их ни было, – закончил Герард, но капитан Лаик не истаял.

Конечно, их же всего двое, у них нет ни свечей, ни осоки, ни рябиновых веток. Они сами вышли к нему из защищенного дома.

– Мама, вы долго?

Жюль! Проклятый Арамона! Из-за него ей не удастся спасти никого.

Луиза с ненавистью подняла глаза на вернувшуюся тварь. Ее нигде не было, только на тщательно отштукатуренной трубе виднелось гадкое полукруглое пятно.

– Дура! Кривоногая дура. – Писклявый голос Циллы она узнала б из тысячи. – На рассвете ты сдохнешь!

– Что? – Герард лихорадочно оглядывался, значит, тоже слышал. – Ты где?

– Мы еще ждем… Еще ждем…

– Дура!..

– Что тут было? – Жюль добрался до окошка и хлопал глазами, как перепуганный совенок.

– Ничего. Вам с Герардом пора.

– Мама…

– Герард! Вы и так задержались.

Сын больше не спорил, просто повернулся к брату:

– Иди за мной, только тихо!

– Эй, вы там! Шлюхино отродье! Еретики! Только попробуйте сунуться на мою крышу!

Сосед, чтоб его! И тоже в ссоре с матерью. Святая Октавия, но почему все так! За что?! Мать – дура, Арамона стал незнамо чем, но дети-то в чем виноваты?

5

Рокэ Алва стоял у фонтана и внимательно разглядывал особняк Ариго. Из горящего дома не раздавалось ни криков ужаса, ни призывов о помощи. Нижние, отделанные мрамором залы огонь пока щадил, но лестницы, ведущие наверх, горели – лигисты их подожгли, чтобы отрезать укрывшимся наверху путь к отступлению. Но теперь-то домочадцы Ариго должны понять, что пришла помощь! С помощью веревок спуститься вниз очень просто, но окна оставались наглухо закрытыми.

– Монсеньор! – Анселу явно было не по себе. – Что дальше?

– Дальше? – герцог снял перевязь и сунул в руки ошалевшему полковнику. – Дальше вы будете ждать меня. И не вздумайте отпускать наших праведников.

Герцог сбросил мундир на бортик бассейна и спрыгнул вниз. Вода достигла ему до середины бедер, Рокэ спокойно подошел к изрыгающему мощную струю леопарду и подставил под сверкающий поток голову и плечи. Дик поймал взгляд полковника, в котором явно читалось, что Первый маршал Талига сошел с ума. Дик в этом отнюдь не был уверен – все, что делал эр, всегда имело смысл.

Вымокнув до нитки, Рокэ ловко выбрался из фонтана, невозмутимо принял у Ансела перевязь и, на ходу ее застегивая, направился к дому.

– Монсеньор, – в голосе командующего гарнизоном сквозил ужас. Ансел был храбрым человеком, но отвечать перед кардиналом за пленение епископа Олларии и смерть Первого маршала не хотел.

Отчаянный вопль остался без ответа. Рокэ сбросил мокрые сапоги, отцепил шпагу и с кошачьей ловкостью вскочил на балюстраду крыльца, откуда перепрыгнул на подоконник первого этажа, ухватился за кованую решетку, полез по ней вверх, добрался до самого конца, изогнувшись, уцепился за карниз и, перебирая руками, двинулся к балкону, то упираясь ногами о лепнину, то повисая на руках, а то и на одной руке.

Дику оставалось лишь смотреть – подобные трюки были не для него. Юноша мог при помощи веревки и пары кинжалов подняться по каменной стене, но лезть в горящий дом, цепляясь то за лепнину, то за решетки, было не по нему. Рокэ схватился за ногу мраморной девушки, обнимавшей леопарда, оттолкнулся от звериной башки и наконец добрался до балконной решетки.

Гибкая фигура рывком перелетела через перила. Балкон был заперт, и Алва разбил стекло рукоятью кинжала. Что он сделал с замком, с земли было не понять, но дверь распахнулась, выпустив на свободу столб дыма. Ворона это не остановило, и кэналлиец скрылся в густых сизых клубах. У Дика подкосились ноги, юноша больше не думал, ни почему Алва не остановил побоище вначале, ни зачем ему понадобилось лезть в дом брата Катари. Это было неважно – только бы эр выбрался…

Дым из распахнутой двери валил все гуще, возносясь к грязно-оранжевому небу. Солнце еще не взошло, а серая, остро и горько пахнущая пелена казалась более упорным противником, чем утренний туман.

Деловито и громко забил набатный колокол. Святая Моника! Размеренный медный гул не походил на беспорядочные ночные вопли, напротив… Колокол оповещал, что стража взялась за дело, защищая город от огня.

– Что он ищет? – Лучше бы полковник Ансел помолчал. Он исполнял обязанность коменданта Олларии, но Дик едва не послал дурака к закатным кошкам.

Второе от угла окно треснуло, веером посыпались стекла. К счастью, никто не оказался столь безумен, чтобы стоять внизу. Ансел невольно попятился, Ричард остался на месте, не отрывая взгляда от мутного провала, в котором исчез Рокэ Алва. В треснувшем окне показались огненные язычки – один, другой, третий. Сзади кто-то шумно вздохнул, что-то прокричал Авнир, ему никто не ответил – ни черноленточники, ни солдаты.

Пламя слилось в сплошной занавес, охватило изящную раму, очумевшей кошкой перескочило на следующее окно. Дик шагнул вперед, в лицо ударил жаркий ветер, это было неприятно, но терпимо. Святой Алан, что же там внутри?!

– Стойте, сударь. – Ричард попытался сбросить схватившую его руку, но наглец держал крепко. Кэналлиец! Имени его юноша не знал. Стрелок усмехнулся:

– Соберано знает, что делает, а вам лучше тут постоять…

Дик хотел ответить дерзостью, но сдержался. Если он начнет препираться с солдатом, ничего не изменится. Надо ждать. Кэналлиец прав, Рокэ знает, что делает…

Алва появился на балконе, когда чуть ли не все окна второго этажа обнимало пламя. Маршал держал золоченую клетку с пытавшимся сохранить равновесие во́роном, белая рубашка была в черных и серых разводах, а лицом эр напоминал чернокожих дикарей Полуденных островов. Рокэ уселся на перила спиной к полыхающему дому, неторопливо открыл дверцу клетки, вытащил норовящую клюнуть спасителя птицу и подбросил вверх. Обалдевший ворон кое-как расправил крылья, сделал круг над площадью и скрылся в дымном небе. Рокэ засмеялся, швырнул клетку вниз, зацепил за чугунный завиток добытый в доме алый шнур, легко соскользнул на землю и с улыбкой вернулся к фонтану:

– Господа, не стоит изображать из себя статуи, это весьма утомительно.

– Вы сошли с ума! – выдохнул Ансел, протягивая Рокэ мундир. – Вы могли

расшибиться, сгореть, задохнуться…

Бравый полковник от избытка чувств забыл о субординации, и Дику невольно стало смешно. А может, это было ответом на пережитые ужасы?

– Спасибо, Ансел, – Ворон оттолкнул мундир, зачерпнул воды и провел рукой по лицу, не столько смыв копоть, сколько размазав, – здесь довольно-таки жарко. Но у меня не так много родичей, чтоб я мог позволить их сжечь заживо.

– Родичей? – Бедный Ансел явно не понимал ничего.

– Я имел в виду во́рона, – сообщил маршал и рассмеялся. На взгляд Дика слишком громко.

Рокэ лгал, юноша в этом не сомневался, хотя и не представлял, зачем тому понадобилось лезть в дом маршала Ги. Что он там искал? Нашел ли? В доме что-то зазвенело, пламя вырвалось на балкон, охватило дверь. Алва вновь усмехнулся. Эту его усмешку Ричард знал – она не сулила ничего хорошего.

Рокэ спокойно смыл с лица копоть и все с той же злой ухмылкой направился к гордо возвышавшемуся среди кэналлийских стрелков Авниру. Дик пошел следом, хотя понимал, что лучше бы ему этого не делать. Алва вежливо поклонился:

– Ваше Преподобие, я нашел в доме кое-что интересное и намерен показать это вам. Думаю, это именно то, что вы искали.

Епископ молчал, с ненавистью глядя на синеглазого человека с мокрыми волосами. Алва походил на разбойника с большой дороги, но это его не волновало.

– Монсеньор, – не выдержал Ансел, – вы не должны возвращаться в дом. Это опасно!

– Первый этаж еще доступен. – Рокэ не отрывал взгляда от лица епископа.

– Отродье Леворукого! – изрек тот. – Пособник еретиков! Изыди!

– Не хочу. – Ричард не видел лица эра, но не сомневался, что тот улыбается. – Ваше Преподобие, вы должны это увидеть. Идемте, я провожу вас.

Неужели он и впрямь собрался вновь войти в дом? Что он хочет показать? Епископ высокомерно вздернул подбородок и направился к крыльцу, Рокэ пошел рядом. Что же там прячется? Особняк был охвачен огнем, но юноше вдруг почудилось, что в балконной двери мелькнула лошадиная голова. Мелькнула и тотчас исчезла.

Дик занял ставшее привычным место позади своего эра. Он должен посмотреть, должен убедиться, что никакой лошади там нет. Ни настоящей, ни нарисованной! Пегая кобыла наверняка всего-навсего принятый у ювелиров знак. Надо спросить или заглянуть в книги… А карас пропал, не надо было заказывать эти кольца и браслеты…

– Юноша, – Рокэ обернулся, не замедляя при этом шага, – вы слишком молоды для некоторых вещей. Подождите на улице.

Дик покорно остановился. Что-то громко треснуло, в окне мезонина показался язык пламени.

– Осторожно, Ваше Преподобие, – Рокэ вел себя, словно на светском приеме, – впереди ступеньки.

Епископ Олларии и Первый маршал Талига рука об руку поднялись на крыльцо. Алва распахнул дверь, пропуская клирика вперед. Ричард боялся даже предположить, что творится в пылающем доме. Что же там нашел Ворон? Наверняка что-то важное, раз решил вернуться, да еще заключив перемирие с Авниром.

– Что он мог там найти? – Теньент Давенпорт был бледен, несмотря на жару.

– То, что искал, – огрызнулся Дик.

Нестерпимый жар, звон набата, серый от пепла ветер… На этот раз ожидание длилось недолго. Двери особняка распахнулись, и на крыльце показался Ворон. Один. Герцог поднял брошенный кем-то из черноленточников лом и продел сквозь массивные бронзовые ручки, соорудив подобие засова. Поднял голову, глянул на нависающий над крыльцом балкон. Резкий звук отвлек внимание Ричарда, когда юноша вновь обернулся, ноги его приросли к земле. На двери алел отпечаток руки. Левой! Юноша не мог оторвать взгляда от узкой ладони, оттиснутой на дорогом светлом дереве. Как же так… Откуда?!

Рокэ, не торопясь, спустился с крыльца и отошел к фонтану. Все молчали. Различить сквозь рев пламени голос Авнира, если тот, разумеется, кричал, было невозможно. Спросить, где епископ, не решался никто.

– Юноша, – Ричард вздрогнул, – вы не одолжите мне платок?

Ричард сунул руку в карман, не в силах оторвать взгляд от окровавленной ладони эра. К счастью, платок оказался на месте, синий шелковый платок с черной меткой.

– Благодарю вас.

– Монсеньор, – Дик понял, что у Джорджа Ансела стучат зубы, – где преподобный Авнир?

– Отправился в путешествие, и довольно-таки дальнее.

– Монсеньор, – на лице полковника отразилось немыслимое облегчение, – значит, оттуда был другой выход!

– Был, – Рокэ зажал рану синим шелком. – Я счел своим долгом показать епископу Олларии то, что видел в доме маршала Ариго, и показал.

– И что?.. Что это было?

– Смерть. Отойдемте, господа, сейчас обрушится балкон…

Глава 8
Оллария
«Le Valet des Épées» & «Le Six des Bâtons»

1

Солнечный луч отыскал щель в ставне и прорвался в гостиную. В световом столбе кружились в своем вечном танце пылинки. Луизе страшно захотелось распахнуть окно, впустить в дом дневной свет и тепло, и будь что будет! Наверное, есть предел у всего, даже у страха!

– Мама, – какой все же у Селины тоненький голосок, не то что у нее… Мать не зря ругает ее полковой трубой. – Мама, давай откроем окно.

– Нет! – «Нет» было любимым словом Аглаи Кредон, если она, разумеется, говорила не с господином графом. Покровителю отказывали иначе, вернее, вели себя так, что устыдившийся граф сам отказывался от просьбы, а то и прощения просил.

Селина опустила голову. Другие молчали, даже сидевшая с господами Дениза, которую на этот раз госпожа Кредон не пыталась прогнать. Надо бы рассказать кормилице про Арамону, хотя зачем? Солнце уже взошло, днем выходцы бессильны.

– Мы не должны подавать признаков жизни, – начав говорить, Аглая уже не останавливалась, – мужичье решит, что мы бежали.

Решит, что бежали, но поживиться все равно захочет… Хотя сосед скажет, что они дома и были на крыше. Откуда в людях столько злобы? И… И столько глупости.

Снова молчание. Как душно! Душно и холодно… Они тут все, словно мыши под метлой, раньше Луиза не понимала, что значит эта присказка. В углу завозились и забили часы. Подарок господина графа, гордость хозяйки и предмет зависти соседей. Из каких же мелочей складываются иногда жизнь и смерть.

– Полвосьмого, – сказал Герберт.

– Да, полвосьмого, – отозвалась Амалия.

Снова тишина. Сколько можно ждать?! Придут они в конце концов или нет?!

Они ждали, ждали всю ночь, и все равно стук раздался неожиданно. Громкий, настойчивый, властный.

– Не открывай! – Шепот матери показался криком. – Не смей!

Но Луиза уже шла к двери. Она устала ждать, устала бояться. Если они пришли, они не уйдут. Дверь и два засова убийц не остановят, их не остановят даже кованые решетки.

– Не открывай! – крик матери, какой-то шум. Снова стук.

– Эй, кто живой есть?

В грубом хриплом голосе нет зла, он скорее… усталый! Да, именно!

– Хозяева, выходите! Не бойтесь!

«Не бойтесь»? Кто же там?

– Да тут, видать, нет никого…

– А урод тот говорил…

Луиза дернула один засов, другой, загремела цепью. За дверью были не враги. Враги так не говорят.

– Точно, есть кто-то… Видать, не сразу признали…

Вдова Арнольда с силой толкнула дверь и оказалась лицом к лицу с двумя гвардейцами в черно-белых кавалерийских мундирах.

– Утро доброе, хозяйка, – солдат улыбнулся, – мы уж думали, никого и нет.

– А… А черноленточники?

– Кто – где… Но свое они получат, это точно.

Луизе казалось, что она выбралась из гнилой могилы – свет, тепло, шум… Какое синее небо! Дверь дома напротив была высажена, ветер трепал позабытую черную ленту, привязанную на фонаре. Мимо проволокли четверых упиравшихся лигистов. Мародеры и двуногие звери другого не заслужили! Если бы они думали о Создателе, а то просто грабили и мстили…

– Так им, сударыня, и надо, – выпалил солдат, – видели бы вы, что они творили. Вроде будто и не люди. Ну да монсеньор им задал!

Монсеньор? Луиза посмотрела туда же, куда и гвардеец, и ноги у нее подкосились. Рокэ Алву, Первого маршала Талига, властителя Кэналлоа, Повелителя Ветров, она узнала бы и в Рассветных Садах, и в Закате, на пороге которого побывала ночью.

Рядом с герцогом стоял какой-то дворянин в генеральском мундире и вертелся русоволосый юноша. Сзади посмеивались гвардейцы и трясли гривами оседланные кони. Луиза не шибко хорошо разбиралась в знаках различия, но то, что эти конники не из столичного гарнизона, поняла даже она. Пришел маршал и привел армию, теперь все в порядке… Все в порядке! Арнольд врал, рассвет принес спасение, а не смерть.

Герцог словно бы почувствовал устремленный на него взгляд. Он повернулся, пристально посмотрел на Луизу и решительно направился к ней:

– Сударыня, разрешите представиться. Рокэ Алва. Вы, я полагаю, хозяйка этого дома?

Хозяйкой была ее мать, но сейчас это было неважно. Луиза кивнула.

Герцог учтиво поклонился, сверкнув невозможно синими глазами:

– Сударыня, прошу простить мою навязчивость, у вас в доме не найдется вина?

– Монсеньор, – голос женщины дрогнул, – не угодно ли вам войти?

– Если мы вас не обременим.

Он обременит?! Он?! Человек, беззастенчиво снившийся ей столько лет и появившийся, когда она прощалась с жизнью.

– У нас есть красное кагетское, но… Но вы привыкли к лучшему.

– Я привык и к лучшему, и к худшему. – Рокэ Алва весело улыбнулся и отступил на шаг, предлагая Луизе пройти впереди себя. Арамона, побери его наконец Закат, всегда перся вперед, дверь и то никогда не придерживал.

2

– Не представляю, как можно жить в такой могиле? – шепнул Эмиль Савиньяк. – Хоть бы протопили, что ли.

Дик был полностью согласен с кавалеристом. После яркого солнечного света дом казался удивительно мрачным и промозглым. Юноша с удовольствием вернулся бы на улицу к разгребавшим завалы солдатам, но уйти без разрешения не рискнул.

Уродливая хозяйка провела гостей в полутемную комнату, где толклось несколько человек. В кресле у камина восседала немолодая дама в розовом, у окна стояли юноша и девушка, по-видимому, брат и сестра, а за столом примостились толстощекий мальчишка и девочка-подросток с глазками-вишенками.

– Просим прощения за вторжение, – весело произнес Савиньяк, отвесив поклон старухе, – господа, у вас нет желания отдернуть шторы? Уверяю вас, ничего неприятного на улице не происходит.

Невысокая, очень бледная девушка робко улыбнулась и тут же спряталась за брата. У нее были золотистые локоны и голубые глаза.

– Селина, – церемонно произнесла дама у камина, – моя старшая внучка.

Старшая внучка покраснела и опустила ресницы. Очень длинные. Красивая девушка…

– А это, – продолжала старуха, – другие мои внуки. Герард, Жюль и Амалия. Мою дочь Луизу вы уже видели. Она вдова.

Луиза повернулась, и тут Дик ее узнал. Знакомая Марианны! Или родственница? Воистину, Оллария город маленький.

Пухленькая Амалия сделала реверанс. Славная девочка, но до сестры ей далеко, а круглолицый Жюль Дику напомнил кого-то очень знакомого. Мальчишка с нескрываемым восхищением рассматривал вооруженных до зубов гостей, Амалия и Герард тоже не скрывали восторга, а Селина смотрела в пол, теребя кисти расшитой цветами занавески. В девушке чувствовались те же беззащитность и благородство, что и в Катари. Приятная семья, только почему они живут в мещанском квартале? Остались после смерти отца без средств?

Ричард был слишком хорошо воспитан, чтобы откровенно разглядывать незнакомую девицу, но почему бы не представиться ее брату? Конечно, эр Август не одобрит знакомства с обитателями мещанского квартала, но молодой человек Дику нравился, а неприкрытое восхищение, с которым тот смотрел на маршала, вызывало желание взять его под свое покровительство.

Ричард Окделл улыбнулся и подошел к брату и сестре, сожалея, что на нем нет орденской цепи. Было бы сразу видно, что он не просто носит плащ за своим эром, а прошел с ним огонь и воду.

– Разрешите представиться, – Дик протянул руку, – Ричард Окделл, оруженосец монсеньора. Ваше имя я слышал, но вот имя вашей прелестной сестры…

Имя сестры он тоже слышал, но для разговора нужен повод.

– Ее зовут Селина, – Герард от души пожал протянутую руку. – Сэль, хватит туфли разглядывать, поздоровайся с гостем.

Селина вспыхнула до корней волос, но глаза подняла:

– Сударь… Мы польщены. Вы оказываете нам честь.

– Пустое, – Дик еще раз улыбнулся. – Осмелюсь спросить, вы давно в Олларии?

– О нет, – девушка справилась с собой, – мы переехали к бабушке после смерти папеньки. Дело в том, что Герард хочет…

– Селина, – юноша с укором взглянул на сестру и быстро сказал: – Не слушайте ее, сударь.

– Почему? – Дик галантно наклонил голову. – Говорить со столь очаровательной особой – величайшая радость.

– Сударь, – девушка покосилась на брата и зачастила: – Сударь… Герард мечтает служить в гвардии, но…

– Селина!

– Герард, – Ричард положил руку на плечо нового знакомого, – ваше желание делает вам честь. Вы желаете служить в кавалерии или в инфантерии?

– Я… – замялся Герард, – где угодно… Я писал на имя временно командующего гвардией, но ответа пока нет.

– Дело в том, – с легкой усмешкой пояснил Дик, – что нет никакой уверенности, что

маршал Ариго видел ваше письмо. Оно могло затеряться у какой-нибудь чернильной крысы.

– Понимаю, – глаза молодого человека погасли, Селина встревоженно тронула брата за руку и умоляюще взглянула на Дика:

– Сударь, а вы… Вы не могли бы, – под бешеным взглядом Герарда девушка осеклась, но Ричарду море уже было по колено.

– Герард, идемте!

– Куда? – не понял тот.

– Идемте со мной, – Дик взял молодого человека за локоть и увлек за собой, чувствуя спиной благодарный и восхищенный взгляд.

Рокэ и Эмиль сидели за столом в гостиной. Окна были открыты, в них лился яркий весенний свет. Дом больше не напоминал могилу, наоборот, он казался очень уютным.

Ворон что-то быстро писал, Эмиль потягивал вино и беседовал с хозяйками. Странно, у такой уродины и такая красивая дочь. Наверное, пошла в отца, так бывает. Они с Айрис удались в Окделлов, а Дейдри и Эдит – вылитая матушка.

– В чем дело, Дикон? – Эмиль отставил высокий бокал.

– Я должен говорить с монсеньором. – Хорошо, что Эмиль заговорил первым и назвал его по имени. Ричард ужасно не хотел, чтоб его новые знакомые услышали, как Ворон скажет «юноша».

– Да? – Алва поднял голову. – Приехал Морен?

– Нет, монсеньор, – Дик старался говорить медленно и уверенно, – Герард мечтает служить в гвардии. Он написал письмо на имя маршала Ариго, но оно затерялось.

– Вот как? – Ворон отложил перо. – И давно ваш новый друг мечтает о военной карьере?

– Всю жизнь! – Лицо Герарда пошло красными пятнами.

– Значит, лет семнадцать. Весьма почтенно. Столько времени хранить постоянство не у каждого получится.

Герард растерянно молчал. Дик понимал, что чувствует его новый знакомый. Ричард не забыл свой первый разговор с Вороном. Правду сказать, он и сейчас терялся перед своим эром.

Алва какое-то время смотрел на вконец растерявшегося молодого человека.

– Вы хороший наездник, Герард?

– Я езжу верхом… Как все.

– А как у вас со шпагой?

– Не знаю.

– В смысле? – поднял бровь Рокэ.

– Я… В Кошоне думал, что хорошо, но Оллария – совсем другое дело. Я понял…

– Хватит, – перебил Рокэ, – и все-таки вы хотите стать военным?

– Да, – на этот раз Герард не колебался.

– Значит, станете. Для начала вам придется поехать в Торку. К маршалу фок Варзову.

– Спасибо, монсеньор! – просиял брат Селины.

– Будете благодарить фок Варзова, когда он представит вас к чину. К концу лета маршал будет здесь. Зайдете ко мне за рекомендацией. Ваше полное имя?

– Герард-Жозеф-Ксавье Арамона-ли-Кредон.

– Сын капитана Лаик?

– Да, монсеньор.

Сын Арамоны?! Святой Алан, так вот кого напоминает мальчишка! Мерзкий капитан – отец красавицы Селины и Герарда?! Письмо не затерялось. Брат Катари не желал видеть в гвардии Арамоново отродье, а он, Ричард Окделл, сам отвел сына «Свина» к монсеньору!

Раздались торопливые шаги. На этот раз это и впрямь был Морен. Ворон отвернулся от порывавшегося что-то сказать Герарда.

– Добрый день, полковник. Что у вас?

– Монсеньор, – Морен был исполнен собственной значимости, – король Висельников и

его подручные пойманы. Согласно вашему приказу я незамедлительно доставил их в ваше распоряжение.

– Какая прелесть, – Ворон поправил цепь на груди и поднялся, – что ж, пойдем поглядим на мародерское величество, не тащить же этих ызаргов в приличный дом.

3

Невзрачный человечек средних лет с оттопыренными ушами казался одновременно настороженным и наглым. Он до такой степени не походил на героев трагедий Вальтера Дидериха, что Ричарду показалось, что Морен ошибся. Это ничтожество просто не могло быть королем Висельников!

Видимо, сомнения Дика отразились на его лице, потому что Эмиль Савиньяк подмигнул юноше и повернулся к Морену:

– Полковник, вы уверены, что поймали кого нужно?

– Еще бы! Гляньте-ка, – помощник коменданта указал на что-то похожее на ошейник, украшавший не то чтобы очень чистую шею пленника, – эта штука во Дворе Висельников вместо короны.

– Очень удобно, – одобрил Алва, – с головы не свалится и потерять трудно.

– Что поделать, Дикон, – делано вздохнул Эмиль. – Этот господин и вправду называется королем Висельников. Он же Ночная Тень и кто-то там еще.

– Ричарда можно понять, – пожал плечами Ворон. – Молодой человек начитался о грубых, но благородных сердцах, разбойничьей чести и прочих прелестях вроде клятвы Отверженных. Ну, юноша, в чем, по утверждению великого – не спорю – Дидериха, клянутся все эти тени и духи?

– Не верить, не бояться, не просить, – растерянно пробормотал юноша, ощущая на себе насмешливые взгляды.

– Прелестно. Я даже помню это место из «Пасынков Талига», но действительность, увы, прозаична. Это – шваль, – Рокэ кивнул в сторону короля Висельников, – а шваль должна знать свое место, – более того, она должна на этом месте находиться. Как тебя зовут?

– У Тени нет имени, – начал король отверженных. Он явно собирался продолжить, но Рокэ остановил его брезгливым жестом:

– Нет и не надо. Отдай эту штуку мне!

Короткопалая рука метнулась к шее, коснулась ошейника и замерла.

Ночная Тень искоса зыркнул на герцога, до боли напомнив Ричарду покусавшую его в Лаик крысу. Рокэ брезгливо прикусил губу:

– Полковник Морен, повесьте-ка эту, гм, Тень вон на том фонаре. В подтверждение богословского тезиса о неминуемом торжестве Света над его противоположностью.

– Монсеньор, – человечек дернулся и зачастил, одновременно пытаясь снять пресловутый ошейник. – Авнир нам проповедовал… он нас призывал… он дал отпущение…

– И прекрасно, – кивнул Алва. – Предстанешь пред Создателем в отпущенном виде, это поможет твоей загробной карьере.

– Авнир позволил, – взвыл громила в роскошном зеленом бархате. Этот вполне мог бы сойти за короля Отверженных, будь у него повыше лоб. – Нам сказали, нам ничего не будет!

– Заткнись, Жернов, – взвизгнул Ночная Тень, наконец совладав с застежкой, и протянул свое украшение Рокэ: – Берите, монсеньор. Для нас слово первого воина Талига – закон.

Рокэ, брезгливо сморщившись, взял странное украшение. Ричард вытянул шею, стараясь разглядеть знак власти повелителя Двора Висельников. Это была золотая конская подкова. По размерам она вполне годилась для лошади, но в ней не было ни единого отверстия. Подкову крест-накрест обвивали две толстые золотые цепочки сложного плетения, намертво приторачивая к сделанному из плоских звеньев ошейнику.

– Эмиль, – Рокэ протянул вещицу Савиньяку, – что скажешь?

– В Агарисе за это сожгли бы!

– Мы – добрые олларианцы, – заныл повелитель мародеров.

– Прелестный довод в пользу добра. Ты, Ночная Тень, или как там тебя… Кто прошлой весной хотел убить моего оруженосца?

– Те, кто взялся, не вернулись… Монсеньор, я не могу знать всех заказчиков, у меня столько дел. Я…

– Полковник, эти красавцы – свита этого недоноска? – Казалось, Рокэ потерял к пленному всякий интерес.

– Да, монсеньор.

– Ладно, пойдем поглядим остальных, хотя увидел одного ызарга – увидел всех.

Развенчанный король и его приспешники звали епископа, порывались рухнуть на колени, обвиняли друг друга. И правда ызарги! Но о каком убийстве спрашивал эр?! Дик не верил своим ушам – его хотели убить? Когда, кто, за что?! Выходит, прошлогодняя засада не была случайной, но откуда о ней известно Рокэ? Те два выстрела… Таких стрелков в Талиге единицы, и первый его эр. Неужели Рокэ шел за ним? Нет, маршал был во дворце, его спас кто-то другой. Кто же рассказал Ворону? Наль не проболтается, тот гвардеец, как бишь его, уехал в Торку…

– И скольких же ты убил этой ночью? – задумавшийся Ричард вздрогнул от неожиданности, но вопрос был задан не ему. Рокэ стоял перед смуглым человеком с рассеченной бровью, разглядывая его, словно мориска на конской ярмарке. Что-то ярко сверкнуло на солнце, что-то лиловое! Святой Алан! Ричард лишь сейчас разглядел, что за спиной эра вместо знакомого мориского кинжала был меч Раканов. Ворон и впрямь привел его в порядок – некогда тусклые камни в свете заиграли всеми красками лета. Даже вделанный в рукоять огромный аметист больше не казался затянутым бельмом глазом, а переливался всеми оттенками поздней надорской сирени.

– Так скольких?

Ричард с трудом отвел взгляд от лиловой звезды за спиной Ворона. Разбойник молчал, с вызовом глядя на маршала. Рокэ засмеялся:

– Моряк?

– Был.

– Моряки перестают быть моряками, только став мертвецами, – пальцы герцога ласкали эфес шпаги, – и как же альбатроса занесло к ызаргам?

– Закатные твари! – выругался «альбатрос» и замолчал.

– Закатные твари занесли? – Ворон улыбнулся. – С них станется. Как тебя зовут?

– Джанис, – буркнул смуглый.

– С кем разговариваешь, дурак, – прошипел сосед Джаниса, явно не для него, а для маршала, – это же маршал Алва!

– Знаешь, что это? – Рокэ поднес к лицу моряка подкову.

– Знак, – пробормотал тот, – с короля сняли.

– Он сам снял, – уточнил Рокэ Алва, – значит, отрекся.

Рокэ схватил растерявшегося Джаниса за плечи и стремительно защелкнул на его шее тяжелый ошейник. Джанис, едва его отпустили, рванулся назад.

– Ты что! – зашипел потасканный красавец в алом камзоле. – Благодари монсеньора, олух!

Джанис упрямо покачал головой.

– Почему? – Рокэ взглянул моряку в глаза.

– Потому что не дело это. Тень не так выбирают…

– Еще один почитатель гения Дидериха, – сообщил Алва, – Тень не выбирают, Тени позволяют стать Тенью те, кто зажигает фонари. Развяжите!

Солдаты торопливо разрезали веревки. Новоявленный король Висельников медленно растер затекшие кисти, глядя на Первого маршала Талига.

– Почему я?

– Решил подыграть великому поэту, – доверительно сообщил Рокэ, – не все ж ему врать. Пусть хоть один король Висельников выглядит прилично…

Моряк явно ничего не понял, Савиньяк с трудом сдерживал смех, а Ричарду было не по себе. Увидеть след слепой подковы означало смерть, а уж надеть ее…

– Я…

– Ты сейчас отправишься в Лору и заберешь, – Рокэ сдвинул брови, что-то прикидывая, – каждого десятого из пойманных висельников.

– И что? – захлопал глазами Джанис.

– А ничего, – в тон ему ответил Рокэ, – что хочешь, то и делай. Попадетесь еще раз, пеняйте на себя.

Моряк кивнул, отвечая скорее самому себе, чем маршалу, но остался стоять. Рокэ вопросительно поднял бровь.

– Монсеньор, а что будет с остальными?

– То, чего не будет с тобой и теми, кого ты выберешь. Впрочем, если хочешь быть повешенным за компанию, оставайся.

– Ну уж нет, монсеньор, – покачал головой бывший моряк, – если море отпустило, в луже топиться и вовсе глупо.

– Воистину, – кивнул Ворон, – теньент Давенпорт, проводите новую Тень в Лору. Полковник Морен, оповестите жителей доброго города Олларии, что бунт подавлен, пожары погашены, виновные наказаны, а жалобы принимаются помощниками коменданта.

– Будет исполнено.

– Кроме того, – Рокэ заговорил медленно и четко, словно диктуя приказ, – обыватели, из мести либо из жадности присоединившиеся к погромам или же указавшие погромщикам на чужие дома, подлежат смертной казни через повешение на собственных воротах, а их имущество – передаче пострадавшим. Виновных в погромах и убийствах на Золотой улице и обитателей двора Висельников отправить в распоряжение адмиралтейства, за исключением тех, кто будет незамедлительно казнен.

– Будет исполнено, – еще раз подтвердил полковник.

– Приступайте, – Рокэ кивнул на бывшего разбойничьего повелителя и его помощников.

– Где епископ? – Визг воровского короля как нельзя лучше вязался с его внешностью. – Это нельзя… Меня нельзя!.. Я требую!!! Нам обещали, что ничего не будет…

– Эсператисты правы, когда называют олларианских епископов лжецами, – зевнул Алва. – Будет, и немедленно. Смотрите, юноша, вот их «не верь, не бойся» и так далее. Для начала эта шваль поверила, что ей ничего не будет, потом до смерти перетрусила, а сейчас ползает на брюхе, что есть высшее или низшее проявление просьбы…

– Монсеньор, – на лице Морена читалось сомнение, – он не врет, Преподобный Авнир проповедовал во Дворе. Может, и впрямь их к епископу?

– Именно это вы и делаете. В смысле доставляете к епископу, – Рокэ зевнул. – Простите, бессонная ночь…

К епископу?! Но он же… Ричард с недоумением глянул на Алву, лицо эра было спокойным и собранным, но в глазах горел тот же злой огонек, что у горы Бакна. Отправить к епископу – отправить в Закат! Шутка вполне в духе Рокэ. Морен еще не знает, а Висельники тем более!

– Ричард, – голос Алвы был ровным и равнодушным, – отправляйтесь домой и развлеките наших гостей рассказами о моих зверствах. Я буду позже. А этих, – Рокэ вновь обернулся к полковнику, – повесить. Немедленно. Нет, пожалуй, я все-таки задержусь удостовериться, что дело сделано.

Глава 9
Оллария
«Le Roi des Deniers» & «Le Roi des Cuopes»

1

Его Высокопреосвященство отдал бы год жизни за чашечку шадди, но сие было невозможно. Кардинал с отвращением глянул на коричневую бурду в серебряном мерном стакане. Отвратительно, но чего не сделаешь ради великой цели. Его Высокопреосвященство сделал глоток и поморщился:

– Слишком сладко.

– Мед входит в состав тинктуры, – виновато промямлил врач, – ингредиенты должны быть смешаны в определенной пропорции.

– Можете идти, – Сильвестр потянулся за очередной рукописью. Зря он в свое время не удосужился освоить гальтарский язык, теперь довольствуйся позднейшими пересказами.

Глухой стук, возмущенный голос лекаря, знакомый смешок.

– Я доложу о себе сам.

– Рокэ!

– Ваше Высокопреосвященство, скажите врачу, что его жизни больше ничего не угрожает.

– А угрожало?

– Да, – Алва казался веселым и слегка выпившим, значит, настроен более чем серьезно, – только что. Будь он потолще, я бы его убил, а так просто отодвинул.

– Будь по-вашему, маршал. Господин медик, вы сделали все, что могли, можете быть свободны. Проследите, чтобы ко мне никого не пускали.

– Но ваше сердце…

– Герцог Алва моему сердцу ничем не угрожает. Идите.

Врач вышел, всем своим видом выражая сомнение. Рокэ, все еще улыбаясь, взял проклятый стакан и понюхал. Темная бровь слегка приподнялась.

– Вы больны, в этом нет сомнения. Я рад.

– Рады? – кардинал невольно расхохотался. – Я знал, что Люди Чести меня ненавидят, но полагал Повелителя Ветров исключением.

– Из ряда ваших недоброжелателей или из числа Людей Чести? – Рокэ по-кошачьи потянулся и уселся на край одного из трех загромождавших комнату столов. – Хотя верно и то, и другое. Как вы себя чувствуете?

– Итак, Рокэ Алва ударился в вежливость. В таком случае я спрошу, как прошла поездка в родные края.

– Прекрасно. Вино прошлого урожая обещает стать лучшим за последние двадцать лет, а мои подданные по-прежнему остаются закоренелыми сластолюбцами и драчунами, но вы не ответили на мой вопрос.

– Рокэ, – кардинал поудобнее устроился на набитых конским волосом подушках, – почему вы вернулись раньше времени, зачем вам понадобилось совать нос в мои стаканы и чему вы рады?

– В вашей обители пахнет не шадди, а какой-то пакостью. Для меня это верный признак болезни, причем серьезной. Я рад, что вы не имеете отношения к тому, что творилось в Олларии, потому что не люблю, когда умные люди делают глупости. По крайней мере, те умные люди, с которыми я заодно.

– Значит, – глаза кардинала нехорошо блеснули, – что-то случилось. Что именно?

– Так, – Рокэ все еще вертел в руке несчастный стакан, – несколько небольших погромов и один большой, десятка три пожаров и некоторое количество убийств.

– Кто, кого и за что?

– Били еретиков, отравителей и укрывателей оных. Между прочим, вашим именем.

– Знаете что, Рокэ, – вздохнул кардинал, – прикажи́те сварить мне и вам шадди и взять под стражу моих секретарей и слуг. Я так и так собирался сегодня встать, а обсуждать

погромы без шадди я не в состоянии.

– Вам видней, – Рокэ открыл дверь и вышел. Сильвестр слышал, как он отдает распоряжения.

Агний не предатель, просто дурень, пошедший на поводу у врачей, а лекарям только дай палец, руку оттяпают. И вот пожалуйста! Мира с Агарисом не будет, будет много неприятностей… Что ж, исправить можно все, кроме конца света.

Вернулся Рокэ и вновь расположился на столе, солнечный луч радостно заиграл на кэналлийских сапфирах, словно только того и ждал.

Его Высокопреосвященство бодро спросил:

– Итак, вы в Торку не поехали. Почему?

– Дурные сны, – улыбнулся Алва, – даже не дурные, а нелепые, но я решил заехать в Олларию. К слову сказать, я узнал про творение мастера Коро нечто меня озадачившее.

– Мы еще об этом поговорим. Я, пока наслаждался вынужденным бездельем, тоже кое-что отыскал, – Сильвестр кивнул на громоздившиеся по всем углам книги и рукописи, – но сначала расскажите, что случилось. Правду, причем всю.

– Вы уверены, что вам это не повредит?

– Мне вредит вранье.

– И это говорит церковник, – Алва усмехнулся. Несколько шире, чем следовало. – Итак, Ваше Высокопреосвященство, ваш ызарг, воспользовавшись вашей болезнью, выполз на диспут с заезжим праведником и с треском продул, после чего огорчился и решил стать драконом. Победитель, напротив, проявил милосердие и благостность и принялся благословлять желающих направо и налево, к какой бы церкви те ни принадлежали.

Особо Преосвященный Оноре заботился о детских душах, коим давал причаститься освященной водицы. Ночью детишки скончались в страшных мучениях. Кто-то завопил, что их отравил наш просветленный гость, кинулись его искать, но он сбежал.

– Нашли?

– И да, и нет. Терпение, Ваше Высокопреосвященство. То, что я вам рассказываю, мне известно с чужих слов – я приехал несколько позже. Первое, что я увидел у своего дома, это с полсотни нахалов с черными бантами, колотивших в ворота. Один особенно усердствовал.

– И вы?

– Отправил мерзавца к иным Вратам. Представьте себе мое удивление, когда приятель покойника заявил, что действует по вашему приказу и ищет в моем доме какого-то еретика. И это когда я зверски хотел спать!

– Я полагаю, – вздохнул кардинал, – соратники Авнира молча удалились.

– Ну, не то чтобы совсем молча, но удалились. Еретик тем не менее в моем доме оказался, и презабавнейший. Мы немного поболтали… О, кажется, несут шадди.

– Вам могут подать вина.

– Я составлю вам компанию, хотя бы для того, чтобы вы не выпили все. Мои родичи мориски считают, что мужчина должен купаться в шадди, вине и крови, – узкая рука взяла с подноса полупрозрачную чашечку. Из Рокэ бы получился отменный шад или даже нар-шад[30] – безжалостный и изысканный.

– И что было дальше?

– Моего оруженосца тоже принесло в Олларию раньше времени. Юноша умудрился получить благословение и отпущение от заезжего святого, который, когда ему подпалили хвост, бросился за помощью. Кто-то следил то ли за Оноре, то ли за Ричардом и навел на след.

– Вам по-прежнему не дает покоя чья-то нелюбовь к вашему оруженосцу?

– Мне интересно, за кем шла охота на этот раз.

---

[30] Избираемый из числа шадов глава образующегося на время войны союза морисских кланов, обретающий верховную власть.

– Мне тоже. Что было дальше?

– Дальше я лег спать.

– Так сразу и легли?

– Нет, сначала пообедал, смыл дорожную пыль, послал в летние лагеря за Савиньяком и отправил пяток человек погулять по городу.

– И как вы выспались?

– Отменно. Проснулся под вечер… Незваные гости усердно молились, в городе кого-то резали, короче, не было ничего хорошего, кроме погоды.

– Когда это было? – Сильвестр старался сохранять самообладание. Если Рокэ здесь, значит, можно пить шадди и чесать языками. Все уже кончилось.

– Вчера. – Алва сосредоточенно разглядывал темную жижу на дне чашечки, потом быстро опрокинул ее на блюдце: – Говорят, гоганы читают по этой штуке судьбу и даже не всегда ошибаются…

– Рокэ, что вы натворили?

– Почему именно я? – Опять ослепительная улыбка, но Алва далеко не столь весел, как хочет казаться.

– Потому что сейчас все спокойно, иначе бы вы тут не сидели.

– С вами скучно разговаривать. Лучше было бы съездить к Его Величеству, он такой забавный слушатель.

– Герцог Алва!

– Вы меня еще Повелителем Ветров назовите. – Рокэ аккуратно поставил блюдце на место, свободное от бумаг. – Мы немного поболтали со святым о морских огурцах, но еретики ужасно нервничали. Вы будете смеяться, но Оноре и впрямь не от мира сего. Подозреваю, беднягу скоро отправят в место, приличествующее праведным и незлобным.

В городе кого-то жгли и били, хотя я об этом уже говорил, а я пытался понять, кто все это затеял. С одной стороны, вы завели себе этого Авнира, позволили ему собрать стаю ревнителей веры, выпроводили меня – и не только меня – из Олларии, пригласили эсператистского епископа, назначили время диспута и заболели…

– Когда вы так излагаете, создается впечатление, что погромы затеял я.

– Именно. Но в таком случае вам бы доложили, что я вернулся и пристрелил одного из божьей стаи. Я ждал весточки, а ее не было. И я решил прогуляться.

– И каково ваше мнение?

– Глупо и пошло! Сотня родственников отравленных агнцев, полтысячи черноленточников, ворье, решившее под шумок поживиться, и мерзавцы, сводящие счеты с соседями и кредиторами…

Ваше Высокопреосвященство, я вас весьма уважаю и не сомневаюсь – захоти вы устроить резню, резали бы тех, кто мешает вам и Талигу, а не ювелиров.

– Благодарю. – Выходит и от снов бывает польза, если Ворон, разумеется, приехал из-за сна. – Что же вы предприняли?

– Для начала отыскал Килеана, посадил под замок и принял командование.

– Вешали?

– Вешать убедительнее, но сначала пришлось стрелять. Заодно спустил солдат на Двор Висельников. Теперь у них новый король. В стиле Вальтера Дидериха – грубые руки, золотая душа и все такое прочее…

– Тессорию это не понравится.

– Он всегда может вызвать меня на дуэль… Или заменить моего висельника на своего…

– Что ж, мне остается вас поблагодарить, – кардинал, кряхтя, поднялся, – а что с Авниром?

– Сгорел, – лаконично сообщил Рокэ, поигрывая орденской цепью.

– Сам?

– Я пригласил его осмотреть особняк Ариго, он не смог мне отказать. К сожалению,

дом горел… В вестибюле я сообщил Его Преосвященству, что он впал в великий грех, извратив ваши слова и обманув благородного коменданта Олларии. Как известно, за подобные деяния за гробом ждут Закатные Врата, а на грешной земле – Багерлее.

Думаю, Его Преосвященство внезапно принял зажженный его сторонниками огонь за Закат, а меня – за Леворукого. Он бросился бежать, оступился…

– Весьма печально. Некоторые новости, будучи неосторожно сообщены, могут привести к помутнению рассудка.

– Да, я был весьма неосторожен. Следовало запереть епископа Олларии в спальне ее болящего коменданта. Дабы помолился о здравии…

– Тогда, Рокэ, – кардинал невольно улыбнулся, – к вечеру там все равно был бы труп.

– Но меня в этом бы никто не обвинил, – Алва на мгновение прикрыл глаза, – могу я попросить еще шадди?

– Разумеется, – кардинал дернул шнур колокольчика. – Значит, Ги Ариго лишился крова? Прискорбно.

– Его дела не столь уж плачевны. Видимо, графу было знамение свыше, потому что особняк был пуст, если не считать моего родича ворона. Птичку, кстати говоря, пришлось искать по всему дому. Во время поисков обнаружилось, что Ги Ариго или его слуги озаботились вывезти все ценности и бумаги.

– Ах да, помнится, у Ги был ручной ворон. Какова его судьба?

– Улетел, – Рокэ снова прикрыл глаза, он устал больше, чем хотел показать.

– Значит, особняк был пуст?

– Не знаю, оставался ли кто-то в домах Карлионов и Рокслеев, там теперь одни головешки, но ни одного обитателя площади Леопарда мы не встретили.

– Рокэ, – жаль, что Ариго и Карлионов не было дома, они бы могли составить компанию Авниру, – дом Ги разграблен?

– Нет. Авнир был честным фанатиком, а не грабителем. Первое, что он делал – поджигал внутренние лестницы, дабы отрезать еретикам путь к спасению, а соратников уберечь от искушения порыться в чужих шкафах… Ваше Высокопреосвященство, клянусь, я бы спас столь милые сердцу маршала Ги алатские тарелки, но их не было.

Рокэ прав – Ги был предупрежден. Он всегда был жадным и загодя вывез самое ценное. Выходит, знал о погроме? Это не доказательство, но повод их поискать.

– Что было дальше?

– А ничего, – Рокэ пробежал глазами корешки лежащих на столе книг, – взошло солнышко, подошел Савиньяк. Я оставил Ансела разбираться с черноленточниками, а мы с Эмилем прочесали сначала Старый город, а затем – Нижний. На том все и закончилось.

Закончились грабежи, но главное только начинается. О перемирии с Агарисом надо забыть. С Гайифой всегда так. Не успеешь отогнать от овчарни их волков, как имперцы влезут в дом и запустят в постель змею…

– Кто отравил детей?

– Ваше Высокопреосвященство, вы и впрямь были готовы к переговорам с Агарисом или Оноре что-то путает?

– Да. В обмен на изгнание Раканов и признание династии Олларов.

– Значит, отраву подсунули сторонники Раканов или противники мира. В любом случае без павлина не обошлось.

– Яд узнали?

– По описанию похоже на дождевой корень. Я запретил похороны до выяснения всех обстоятельств. Мое мнение – святую воду отравили еще в Агарисе. Оноре при всем своем уме ужасно наивен, но будет очаровательно выглядеть в мученическом венце.

– Он все еще у вас?

– Надо полагать. Я домой еще не заходил.

– Ричард Окделл, – Его Преосвященство положил руку на плечо Дику, – спасибо тебе за все. Тебе и герцогу Алва. Я и мои братья покидаем сей дом.

– Вы… Разве вы не дождетесь монсеньора?

– Я хотел бы это сделать, и я надеюсь, что Создатель пошлет мне еще одну встречу с Рокэ Алвой, но я отплатил бы злом за добро, если бы остался в его доме.

– Ваше Преосвященство, я не понимаю…

– Все очень просто, Ричард. Спасая невинных, Первый маршал Талига пошел против воли Квентина Дорака. Я бы опасался за его жизнь и свободу, если бы не Гайифа и Гаунау. Дорак не тронет полководца накануне возможной войны, но он потребует выдать отравителей. Герцогу придется или подчиниться, или сказать «нет» королю и кардиналу.

– Монсеньор вас не выдаст, – встрепенулся Дик.

– Не сомневаюсь. Рокэ Алва из тех людей, что прикрывают добро грубостью и насмешками. Это – гордыня, но на весах Создателя доброе сердце перевешивает злой язык. Опаснее укрывающие яд в меду и сталь в бархате, они Создателю отвратительны, но я о другом. Отказав Дораку, Алва поставит себя вне закона. У власть предержащих будет лишь один выход – напасть, у герцога – принять неравный бой. Я не хочу загонять его между молотом и наковальней, между долгом и совестью. Рокэ Алва это тоже понимает. Он послал тебя вперед, чтобы дать нам время. Мы знаем, что путь свободен, и мы им воспользуемся…

Ричард грустно кивнул. Преосвященный был прав, расстреляв черноленточников и остановив бунт, эр нарушил приказ некоронованного короля Талига, а может, и коронованного. Если даже Килеан-ур-Ломбах не посмел возражать, если молчали кансилльер и Катари, дело было плохо.

– Прощай, Ричард Окделл, – тихо произнес Оноре, – слушай свое сердце, верь ему, а не чужим словам! Уши и даже глаза можно обмануть, сердце – никогда. Да пребудет над тобой милость Создателя.

Дикон быстро опустился на колени и поцеловал горячую руку клирика. Тот возложил ладонь на склоненную голову юноши и быстро произнес молитву-благословение. Древние слова странно звучали в наполненном золотом и сталью особняке человека, открыто называвшего себя безбожником.

– Будь благословен, сын мой, – последние слова Оноре произнес на талиг, – будь благословен сей дом и его хозяин. Скажи герцогу, что Создатель читает в сердцах наших лучше нас самих и что Его не обманешь, прикидываясь злым. Я провел в Олларии две недели и встретил лишь одного, прикрывшего слабых и воспротивившегося сильным. Рокэ Алва – щит, ниспосланный Создателем. Если он не спасет безвинных, их не спасет никто.

– Ваше Преосвященство, – начал Ричард и замолчал. Он не знал, что говорить. Оноре был святым, а не воином. Он не знал о казни Оскара, не видел уничтоженного озера, затопленных бирисских деревень, повешенных, расстрелянных, сожженных. Епископ молился, пока Алва убивал. Но не это было самым страшным – Алва спал, пока убивали других.

– Ты сомневаешься, Ричард?

– Да, – пробормотал Дик.

– Сомнения дарованы нам Создателем, ибо лишь Он непогрешим. Лишь Ему ведомо: кто бел, кто черен. Тот, кто не ведает сомнений, даже вознося молитвы Создателю, служит Чужому.

– А вы, отче? – Ричард не верил своим ушам.

– Я не усомнюсь лишь в Милосердии Его, – твердо произнес эсператист. – Он не оставит детей своих на растерзание Ненависти. Прощай, Ричард Окделл, и помни, пока душа твоя знает сомнение, ты слышишь голос Его.

Дик проводил Преосвященного и его спутников, но больше они не говорили. Только попрощались у ворот, рядом с которыми еще виднелись следы крови убитого лигиста. Губы Оноре зашевелились – Ричард не сомневался, Его Преосвященство творит молитву и об

убитом, и об убийце. Дик стоял у исцарапанных створок, пока трое в серых плащах не скрылись за углом. Только после этого до юноши дошло, что нужно было дать Преосвященному денег и лошадей. Ричард бросился в погоню, но эсператисты словно растворились в весеннем солнечном сиянии. Он опять опоздал! Ричард бестолково метался по дворам и переулкам, но встретил разве что гревшихся на солнышке котов. Оставалось одно – вернуться, и Дик побрел домой по странно пустынной улице.

Квартал, в котором стоял особняк Алва, не пострадал – в Старом городе погромов вообще не случилось, но страх оказался устойчивее запаха гари, и люди боялись отпирать двери. Разумеется, к дому Ворона это не относилось – массивные ворота были распахнуты настежь, во дворе ржали кони.

Моро, прижав уши, косился на золотого жеребца Эмиля Савиньяка, а золотой воинственно фыркал. Чуть поодаль пытался рыть копытом булыжники полукровка Лионеля. Это была игра – лошади прекрасно знали друг друга, к тому же рядом не было ни одной кобылы. Дик ускорил шаг, он всегда был рад видеть братьев Арно, а сегодня тем более.

3

При виде оруженосца Рокэ буркнул что-то маловразумительное и занялся вином. Судя по прерванному разговору, об уходе Преосвященного эр уже знал. Герцог и не подумал расспрашивать, когда и куда ушел епископ. Оноре был прав – Дорак или уже потребовал, или потребует выдачи гостя, и Алва сможет сказать, что ему ничего не известно.

Хорошо хоть с Катари, ее братьями и эром Августом все было в порядке. Лионель Савиньяк, прискакавший из Тарники, сообщил, что при дворе узнали о случившемся лишь из доклада Рокэ. Его Величество был весьма озабочен, но счел действия Первого маршала «решительными и правильными». Ричард хотел услышать о Катари, но расспрашивать капитана личной королевской охраны в присутствии Ворона было невозможно. Ричард вообще боялся, что его выставят, но маршал и два генерала пили вино и перебирали события последних дней, не замечая примостившегося в уголке оруженосца.

Эмиль рассказывал прискакавшему час назад Лионелю о ночных приключениях. Лионель выспрашивал подробности, а устроившийся у распахнутого окна Рокэ время от времени бросал реплику и замолкал. То ли Ворон очень устал, то ли что-то обдумывал. За окном виднелось синее весеннее небо – чистое, без дыма и тревожных багровых отсветов. И на колокольнях больше не звонили, разве что отбивали время, но это был совсем другой звон – мирный, привычный, словно крики ночных сторожей.

Чудовищный праздник канул в прошлое, оставшись в памяти жутким сном, полным криков, дыма, мелькающих теней. Самым страшным для Дика осталось утро в осажденном доме, дальше было проще, дальше вернулся Рокэ…

– Рокэ, признавайтесь, что вы задумали? – Эмиль засмеялся нарочито беспечно.

– Ровным счетом ничего, – заверил Алва, – пытаюсь свести концы с концами, а концов слишком много.

– Тогда нужно выпить, а у меня вино кончилось.

– И у меня, – поддержал брата капитан личной королевской охраны.

– Это поправимо, – Алва потянулся к колокольчику.

– «Вдовья слеза» в этом доме есть? – строго спросил Лионель. – Это вы у нас душегуб и кровопийца, вот и пейте свою кровь, хоть черную, хоть дурную. А других не принуждайте!

– Что поделать, не терплю вдов, особенно слезливых, – проникновенно сообщил Рокэ, отдавая распоряжение возникшему из воздуха Хуану.

Вино подали незамедлительно, Эмиль наполнил до краев бокалы, протянув один Дику, значит, ему разрешили остаться…

«Слез» герцог Окделл еще не пробовал – Рокэ предпочитал красные вина, а воспоминания о белом, которое пила матушка, вызывали у Дика оскомину. При мыслях о Надоре стало грустно, хотя «Вдовья слеза» оказалась чем-то потрясающим.

– Дикон, – Лионель недаром возглавлял личную королевскую охрану, он не только смотрел, но и видел, – что ты набычился?

– Так, ничего, – Ричард постарался улыбнуться, – в Надоре белое вино очень плохое.

– Еще бы, – подал голос Рокэ, – в Надор идут вина из Торки, а климат там неподходящий даже для белых сортов. Про красные я и вовсе молчу. Вам, юноша, следует послать домой приличного вина.

– Матушка не примет, – выпалил Дик, хотя до этого поклялся себе ничего не рассказывать ни о Бьянко, ни о ссоре.

– У тебя были неприятности? – В глазах Лионеля мелькнуло участие.

Неприятности… Позавчера это было бедой, но после дня и двух ночей в сбесившемся городе надорские беды словно бы стерлись.

– Эр Савиньяк, вы… Можно пригласить мою сестру ко двору?

– Можно, – Лионель внимательно посмотрел на юношу, – но ей понадобится патронесса. Рокэ, это по твоей части.

Странно, Лионель с Эмилем близнецы, а такие разные! Не лицом, характером. Капитан королевской охраны совсем как Арно – молчит и все замечает! А Эмиль вроде Эпинэ – чуть что на дыбы. Может, это от лошадей?

– Говорите, по моей? – сощурился Алва. – Хотя… Почему бы и нет? Не оставлять же девушку в могиле.

Это было оскорблением. И это было правдой. Надор – могила, там не живут, там гниют заживо. Странно, что в замке нет следов слепой подковы, а может, он их просто не заметил.

– Спасибо, эр… монсеньор.

– Пустое, – за Рокэ ответил захмелевший Эмиль, – он просто обязан помочь родственнице.

– Как родственнице? – Голова Ричарда закружилась. От вина или от слов Савиньяка? Айрис – родственница Ворона? Не может быть! Их семьи могли породниться разве что до Алана Святого…

– Это было при Раканах?

– Это было во время Двадцатилетней войны, – сообщил Эмиль, – про маршала Алонсо Алву ты, надо полагать, слышал?

Еще бы не слышать! Правда, Эйвон говорил, что Алонсо сказочно везло и что воевал он не по правилам.

Лионель поднял бокал:

– За наших предков, среди них попадались славные люди!

– Иногда, – уточнил Ворон.

Герцог лениво поднялся, подошел к столу и разлил вино, но назад не вернулся, а, захватив пару бутылок, уселся на пол у холодного камина.

– Эмиль, ты начал выдавать страшные тайны, уж доведи дело до конца.

– Это страшно только для Окделлов, – заметил Эмиль, – так вот, Алонсо женился лет в сорок на Раймонде Савиньяк, у которой был сын от первого брака. Прелестная вдова подцепила Первого маршала Талига, повергнув в отчаяние полк охотившихся за ним дам и девиц. Мы и Рокэ – прямые потомки этой весьма примечательной особы, в семнадцать лет сбежавшей с шестидесятилетним графом. И да будет тебе известно, что она была младшей дочерью барона Карлиона.

Барона Карлиона… А матушка – урожденная Карлион. Дику стало обидно. Его заставляли рисовать генеалогическое древо Окделлов и зубрить родственные связи Повелителей Скал с другими Великими Домами, но Алва и Савиньяки из списка были изъяты. Скрывая растерянность, Дик пробормотал:

– В Талигойе все всем родственники.

– В Талиге, молодой человек, – поправил Лионель, – Талигойя сдохла четыреста лет назад, и правильно сделала.

– А родственники, увы, есть у всех, – кавалерист осушил свой бокал и налил еще, – а

скажи, братец, что, среди родичей попадаются прескверные?

– Скажу, – подтвердил Лионель, – когда Алва прикончил нашего кузена Рафле, я чуть ему на шею не бросился.

– Да уж, – расхохотался Эмиль, – история вышла знатная! Дикон, тебе полезно знать, с каким человеком ты связался.

– А то он не знает? – Лионель стукнул Ричарда по плечу.

Юноша украдкой глянул на сидящего у камина эра. Рокэ пил «Черную кровь», не глядя ни на гостей, ни на оруженосца. Нет, Ричард Окделл не знал Ворона и сомневался, что его вообще кто-нибудь знает.

– Ты слушай давай, – Эмиль долил бокал Дика. Юноша понимал, что пить ему больше не стоит, но выпил залпом. Просто так.

– У маршала фок Варзова есть племянник Отто, сын его сестры, – Лионелю было все равно, слушают его или нет. – Почти слепой, толстый, как мешок, очень славный, но военный из него, как из меня девственница. А маменька его, дура такая, упросила брата запихнуть Отто в гвардию. Прикинь, каково ему там было!

Дик вспомнил Эстебана Колиньяра и его приятелей и кивнул. Свои эстебаны есть везде, они не упустят возможности поиздеваться над тем, кто не может дать сдачи.

– Мы с Отто ладили еще с Лаик, – Савиньяк все больше увлекался рассказом, а вот Рокэ сидел с отсутствующим видом, как будто не имел к той давней истории никакого отношения. – Я, как мог, гонял от бедняги шутничков, но меня перевели в другой полк. И вот однажды на ночь глядя ко мне прибегает этот самый Отто и просит стать его секундантом. Бедняга умудрился вызвать нашего кузена – тот его совсем допек.

– Рафле фехтовал отменно, – вставил Эмиль. – К этому времени он прикончил на дуэлях троих или четверых.

– Четверых. Короче, я отправился к нему. Хотел отговорить мерзавца от поединка или хотя бы взять слово, что он не убьет этого байбака. Куда там! С точки зрения дуэльного кодекса Рафле был кругом прав, остальное его не волновало. Мне оставалось условиться о времени и месте дуэли и подыскать Отто второго секунданта.

На Рокэ я нарвался случайно, он приехал на пару дней из Торки, мы были знакомы. Я рассказал, в чем дело, Алва согласился помочь. Утром мы с моим подопечным зашли за ним, настроение – сами понимаете…

Отто не сомневался, что его убьют, и заваливал меня посмертными поручениями. Я предложил ему заболеть, но у дурня, даром что на мешок с тряпьем походил, с честью было все в порядке.

– Ты про Рокэ расскажи, – перебил Лионеля брат.

– А я что делаю? – возмутился капитан королевской охраны. – Рокэ мы застали в постели. Он меньше всего походил на человека, способного встать и куда-то пойти. Меня это взбесило, ведь я на него рассчитывал. Если кто и мог проучить Рафле, так Алва. Другое дело, что Отто это уже бы не помогло, но я собирался затеять новый поединок – двое против троих. Представь, каково мне было, когда я понял, что этот негодяй выпил вчера не меньше бочонка.

Отто ничего не знал о моих планах и запричитал что-то вроде – сударь, нам пора… Вы же обещали. Тут Рокэ кое-как поднял голову от подушки, пробормотал: «Все в порядке, я его уже убил», упал и уснул. Мы едва не свалились рядом.

– Убил? – переспросил Дик.

– Да, после нашего разговора Рокэ отыскал кузена Рафле в какой-то таверне и затеял с ним ссору. Дрались прямо во дворе. Этот бездельник прикончил противника и со своими и его секундантами затеял попойку.

– Монсеньор… А сколько эру Рокэ было тогда лет?

– Двадцать четыре, – вздохнул Лионель, – а мне двадцать.

– Ах, фремя, фремя, – с нарочитым торским акцентом произнес Эмиль. Близнецы расхохотались, но Дику было не до смеха. Он, как и толстый Отто, тоже был бы мертв, не

вмешайся Ворон.

– Между прочим, Лионель, – соизволил подать голос Рокэ, – вы и ваш протеже были весьма близки к смерти. Ваше счастье, что я был слишком пьян и поленился зарядить пистолеты.

– Эр Рокэ, – возмутился Дик, – зачем вы все время… На себя навога… наговариваете! Вы защащ… защищали… справедливость!

– Окститесь, юноша! – Алва укоризненно покачал головой и потянулся к бутылке. – Я убил Рафле вечером, чтобы не делать этого утром… Не откладывайте на завтра, если можно убить сегодня. Никогда!

– Чудовище, – изрек Лионель.

– Сам знаю.

– Кстати, Рокэ, – Эмиль, пошатнувшись, добрался до камина и сел, вернее, упал рядом с Вороном, – за какими кошками тебя тогда принесло в Олларию? Об этом много болтали, но я так и не понял.

– Да ничего особенного, – Рокэ внимательно посмотрел на бутылку, хотел налить, но передумал и отпил прямо из горлышка, – гайифский шпион похитил секретный план, переданный фок Варзовом на хранение в Адмиралтейство. Это был мой первый секретный план, господа. Старик поручил мне его разработать, никогда в жизни я так не старался.

– А что это был за план? – поинтересовался Лионель, задев рукавом толстенный том, тот с шумом свалился на пол, открывшись на какой-то гравюре. Савиньяк попробовал поднять книгу, но страницы почему-то сочли уместным расстаться с кожаным переплетом. – Никогда не слышал, чтобы вас с Вольфгангом занимал флот.

– О, это был замечательный план, – Рокэ мельком глянул на изувеченную книгу, махнул рукой, допил остатки вина и отправил пустую бутылку к ее многочисленным предшественницам, – я придумал уничтожать вражеские корабли при помощи ызаргов.

– Кого?! – Эмиль чуть не поперхнулся.

– Ызаргов. Не скрою, сначала я хотел использовать морских черепах. Гигантских…

– Черепахи – это хорошо, – кивнул Лионель, – но медленно.

– Зато вкусно, – ввернул его брат. – Рокэ, вино кончилось.

– В этом доме кончится вино, только когда кончусь я. Лионель, тебе ближе, дерни шнур.

– Так что там ызарги? – напомнил Эмиль. – Это же невкусно и вообще плохо.

– Зато быстро, – наставительно произнес Алва, – седельную сумку открытой оставить нельзя. Будут кишеть.

– Кишмя, – подтвердил капитан королевской ох-раны.

– Именно. На этом и строился мой план. Корабль, на котором кишат ызарги, совершенно небоеспособен. Во-первых, они все сожрут. Во-вторых, они всюду залезут. И вы никогда не будете уверены, что хватаетесь, скажем, за канат, а не за хвост. Мы предложили Адмиралтейству топить вражеские корабли путем проникновения и кишения. План был тщательнейшим образом зашифрован, зашит в кожу и запечатан личными печатями фок Варзова. И все равно его украли, – Алва укоризненно покачал головой, Эмиль засмеялся, Лионель попытался достать из-под стола злополучный переплет.

– Оставьте, генерал, – посоветовал Ворон, – это скучная книга… Ужасно скучная и ужасно длинная… Все куда-то зачем-то идут и друг друга убивают… Но неудачно… А они все идут, и идут, и идут… Кошмар…

– Так что там с кишением? – Эмиль растянулся на ковре, заложив руки за голову.

– Шпион с риском для жизни выкрал пакет и доставил императору. В собственные руки… А тот, представьте себе, беднягу казнил. Жаль… Он так старался, и вот она, благодарность! – Рокэ оттолкнул пустую бутылку, та покатилась, оставляя темно-красный след. Значит, она была не такой уж пустой.

Ворон засмеялся, он был пьян. Они все были пьяны, и они все смеялись, но весело не было. Это не было победой, а чем-то, от чего чувствуешь себя испачканным и уставшим.

– Алва, – Эмиль перевернулся на живот и теперь смотрел Рокэ в глаза, – тебе не кажется, что это только начало? Война, бунт…

– Начало? Нет, господа, это конец, – Рокэ вытащил кинжал и принялся вертеть его, удерживая двумя пальцами за острие и рукоять, – конец лета… Нас ждет долгая осень, одна только осень и ничего, кроме осени…

– Ты правильно сделал, что прикончил этого висельника, – Лионель резко сменил тему.

– Пожалуй… Ладно, хватит об этом! Юноша, сходите, пните Хуана, он что, уснул?

Дик послушно поднялся. Пол пошатнулся, Дика замутило, но он мужественно пошел к двери, которая ужасно долго не открывалась, а потом открылась не в ту сторону. На пороге юноша налетел на Хуана с ивовой корзиной, из которой торчали запыленные горлышки. Ричард с трудом развернулся – Рокэ продолжал играть клинком. Дик заметил на узкой ладони еще не затянувшийся порез и вспомнил кровавый отпечаток на двери горящего особняка. Что случилось с Авниром? Обезумел и бросился в огонь или Ворон епископа Олларии все-таки убил?

Пол качался все сильнее, юноша, чтобы сохранить равновесие, опустился на четвереньки и закричал – на светлом ковре отчетливо проступали кровавые отпечатки подковы без единого гвоздя.

Часть третья
«Повешенный»[31]

Невелика беда – услужить неблагодарному, но большое несчастье – принять услугу от подлеца.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1
Оллария
«Le Roi des Épées» & «Le Roi des Bâtons»

1

Франциск Оллар пристально смотрел на пожилого человека в черном, пытавшегося управлять созданной им державой. Любопытно, что бы стало вторым шагом великого короля, умудрись он сойти с портрета. Насчет первого Сильвестр не сомневался – предок взял бы потомка за шкирку и сбросил с трона. Потому что король должен быть королем, а не попугаем. Если на троне попугай, державу рано или поздно расклюют стервятники.

Раньше Его Высокопреосвященство об этом не задумывался, более того, он приложил немало усилий, чтобы Фердинанд стал таким, каким он стал, и это было ошибкой, которую нужно исправить. Пока не поздно!

Кардинал медленно вздохнул, прислушиваясь к едва не предавшему его сердцу. Бьется и даже не болит, просто чувствуется. Обошлось! Агний, намертво встав на пороге его спальни, спас ему жизнь… Узнай он о том, что творится в городе, не понадобилось бы ни яда, ни кинжала. У Дораков всегда было плохо с сердцем. Отец умер в пятьдесят два, а ему – пятьдесят восьмой.

---

[31] Высший аркан Таро «Повешенный» означает жертву и воздаяние, принятие судьбы и поиск смысла. Это следование долгу и обязанностям. С другой стороны, это неприкаянность, отсутствие смысла жизни. Карта означает поворот всей системы ценностей, однако может указывать и на колебания и как следствие – опоздание с решением ваших дел. П.К. означает эгоцентризм, погруженность в свои дела, ненужную жертву, бесполезную погоню за недостижимой мечтой.

Сколько же ему осталось? Года три, от силы – четыре… Может, и больше, если бросить все и уехать к морю или в Бергмарк, в горах живут долго, но разве уедешь, когда на троне ничтожество, а вокруг – живоглот на живоглоте и осел на осле! Он выпал из жизни всего на три дня – и переговоры сорваны, провиантские склады сожжены, а потерявшие товар иноземные купцы в лучшем случае потребуют возмещения убытков, а в худшем позабудут дорогу в Талиг!

Его Высокопреосвященство невесело ухмыльнулся, представив гору, которую сначала придется поднять, а потом свалить на чужие плечи. Ничего, за три года можно успеть многое, и он успеет, потому что иначе все пойдет прахом.

Нужно закончить войну в Торке, поставить на место Гайифу, рассорить ее с союзниками и оставить Талиг на приличного короля или регента и избавить его от змей в собственной кровати. После этого можно и в Закат, потому что в Рассветных Садах таким, как Квентин Дорак, делать нечего.

– Ваше Высокопреосвященство, – Лионель Савиньяк сдержанно поклонился, – все уже собрались. Ждут только вас и Его Величество.

Его Величество… Любопытно, хоть кто-нибудь, произнося титул, вспоминает, что он происходит от слова «величие»? Франциск был невысоким, плотным, с хищным носом и тяжелым подбородком. Но невзрачный сын незначительного окраинного герцога и дочери негоцианта стал великим королем. Он сделал лишь одну ошибку – оставил трон не пасынку, а сыну…

– Идемте, генерал, – кардинал кивнул Лионелю. Умный человек и служит не себе, а Талигу. Как и все в этом роду. Жаль, братьев Савиньяк всего трое, и жаль, что Ариго аж трое. Неужели Эмиль не завидует близнецу? Разминуться с графским титулом на какие-то полчаса… Убивали и за меньшее.

– Лионель, вы хотя бы иногда вспоминаете, что вы кровные вассалы Эпинэ?[32]

– Только когда напоминают, – улыбнулся Лионель Савиньяк. – Наш предок решил, что умнее жить настоящим и будущим, чем прошлым. Я думаю, это правильно.

Эмиль не преминул бы в ответ спросить, что думает о кровной присяге Квентин Дорак из Дома Молнии. Что ж, каждому свое. Одному стоять у трона, другому вести в бой конницу.

– Вы правы, Лионель, – медленно произнес кардинал, – но у настоящего есть весьма неприятная привычка становиться прошлым. Если его, разумеется, не пришпорить.

Капитан личной королевской охраны очень внимательно посмотрел на Его Высокопреосвященство:

– Я не знаю, правильно ли я понимаю…

– У вас будет время подумать, – улыбнулся кардинал. Они пришли. Тяжелые двойные двери, украшенные изображением сторожевых псов, стерегли Овальный кабинет, называемый также Тайным. Здесь говорили о том, что не предназначалось для чужих ушей. Правда, Его Высокопреосвященство предпочитал обсуждать секреты в Старом парке или, в крайнем случае, в саду своей резиденции, но если в Тайном Совете заседают король и кансильер, совещаться можно и в солдатском борделе. Хуже не будет.

Кардинал, мило улыбаясь, вошел в небольшую комнату без окон, обитую чем-то напоминающим стеганые атласные перины, призванные глушить звук. За овальным столом с выложенным из сотен кусочков самоцветных камней Победителем Дракона сидело девять мужчин. Первый маршал Талига Рокэ Алва задумчиво изучал потолок, тессорий[33] Манрик

---

[32] В древности Великие Дома состояли из рода Повелителя Стихии и четырех родов изначальных (кровных) вассалов, связанных с Повелителями кровными узами. После создания Золотой Империи Повелители получили герцогские короны и власть над провинциями, а их вассалами стали и другие семейства. Впоследствии многие из новых вассалов породнились с Повелителями и изначальными вассалами, но все равно в старой талигойской иерархии стояли ниже последних, даже обладая такими же титулами, большим богатством и влиянием.

[33] Глава казначейства, министр финансов.

шептался с адмиралом Альмейдой, братья Ариго изображали из себя соляные столпы, кансилльер читал какие-то бумаги, супрем[34] Придд разглядывал свои ногти, экстерриор[35] Рафиано светски улыбался, а геренций[36] Гогенлоэ-ур-Адлерберг красноречиво покашливал, прикрывая губы платком.

Кардинал Талига опустился в пустующее кресло между экстерриором и кансилльером. Лионель Савиньяк наклонил голову и исчез за небольшой полускрытой обивкой стен дверцей – пошел сообщить Его Величеству, что Совет в сборе. Граф Рафиано, как и положено дипломату, заметил, какая в этом году жаркая весна. Его Высокопреосвященство согласился, адмирал посетовал на отсутствие окон. Тессорий напомнил о том, что это сделано ради соблюдения тайны, Рокэ зевнул и сказал, что Его Величество Франциск Первый умел хранить свои секреты и узнавать чужие…

Фердинанд появился неприлично быстро – минут через десять, хотя по этикету следовало выждать хотя бы полчаса. Повелитель Талига плюхнулся в свое кресло и принял значительный вид. Лионель поставил на стол небольшие песочные часы, призванные отмерить пять минут, которые король дает своим советникам для обдумывания будущих речей.

Золотая струйка лилась из верхнего полушария в нижнее. Пять минут тишины перед важным разговором… Еще одна выдумка узурпатора, спасшего подыхающую Талигойю от бессмысленной и пошлой кончины.

– Друзья мои и подданные, – вряд ли Франциск начинал совет столь выспренними словами, но Фердинанд честно повторял то, чему его обучили в юности, – мы собрали вас, чтобы обсудить тайное, неотложное и печальное.

Неотложным и печальным были октавианские празднества, которые следовало бы назвать черными. Король многословно и с выражением расписывал зверства толпы и доблесть Первого маршала, подавившего бунт. Разумеется, Его Величество вещал с чужих слов. Сам он ничего не видел и ничего не знал – сидел в летней резиденции и любовался на фиалки, и вместе с ним любовались Штанцлер, Ариго, Придды, Карлионы и прочие Рокслеи. Бедные фиалки, они от такого внимания наверняка покраснели.

– Мы благодарим Первого маршала Талига Рокэ Алву за решительные и своевременные действия, – заключил король.

Алва встал и равнодушно поклонился, словно его благодарили за присланное вино или поздравляли с очередной удачей на охоте. Произносить ответную речь в планы маршала не входило.

Его Величество обвел глазами советников и соратников и изрек:

– Кто желает говорить?

Первым поднял холеную руку Леопольд Манрик.

– Говорите, тессорий.

Манрик грузно поднялся. Замечательный человек. Когда раздавали совесть, граф забился в самую глубокую нору, когда раздавали мозги и страх – прибежал первым. С большим котелком.

– Я не военный, мое дело считать деньги, но для того, чтоб оценить музыканта, не нужно быть менестрелем. Я считаю, что коменданта Олларии графа Килеана-ур-Ломбаха нужно отстранить от должности и предать суду. Не столь важно, что именно двигало этим человеком, но исполнять свои обязанности и далее ему не следует.

Манрик сел. Теперь по заведенной Франциском традиции собравшиеся станут, не

---

[34] Высший судебный чин, однако не обладающий никакой фактической властью.

[35] Высшая дипломатическая должность.

[36] Управляющий королевской канцелярией.

вставая с места, говорить по кругу слева направо от начавшего разговор.

У Альмейды все было просто. Адмирал пожал квадратными плечами и бросил:

– Гнать!

– Граф Килеан-ур-Ломбах должен иметь возможность оправдаться, – временно командующий гвардией Ги Ариго смотрел на короля и только на короля. – Его подвела присущая его роду исполнительность. Лично я не вижу необходимости…

Разумеется, Ариго подобной необходимости не видел. Он и Килеан были из одной своры.

– Комендант Олларии – честный человек, – поддержал братца Иорам, – я бы даже сказал, слишком честный. Приносить его в жертву недостойно. Вся его вина заключается в том, что он исполнил то, что счел приказом, и, вполне возможно, приказ и впрямь существовал. К сожалению, главный свидетель мертв, – вице-кансильер Иорам Ариго многозначительно взглянул на изучающего потолок Рокэ.

Да, Авнир не может подтвердить ничего, но в создавшейся ситуации мертвый Авнир лучше живого. Суд над епископом Олларии вызвал бы слишком много толков, а с мертвого безумца что возьмешь?

– Позволю себе напомнить моему королю и собравшимся здесь достойным сановникам старую притчу…

У графа Рафиано притча была на каждый случай жизни. Двумя третями своих дипломатических побед экстерриор был обязан именно побасенкам. Сильвестр подозревал, что половину из них граф придумывает на ходу, но это лишь увеличивало уважение к дипломату.

– Одному трактирщику приносили огромный ущерб поселившиеся в его амбаре крысы, – Рафиано горестно вздохнул. – Трактирщик же, будучи богобоязненным эсператистом, боялся завести кота и, чтобы прогнать грызунов, поселил в амбаре осла. Осел был очень честным, он гордился оказанным ему доверием и изо всех сил исполнял свой долг. Увы, крысы и мыши продолжали грызть сыры и колбасы, а осел, гоняясь за ними, ронял крынки с молоком и сметаной и опрокидывал мешки с крупами и мукой. И тогда жена трактирщика выгнала осла из амбара и стала возить на нем воду, а в амбар пустила кошку с котятами.

Каждый должен находиться на своем месте, господа, ибо честность не заменит умения, а исполнительность – способностей.

Молодец Рафиано. Уж он-то точно умен, способен и занимает свое место. Его Высокопреосвященство улыбнулся:

– Я на стороне трактирщицы. Осел должен быть ослом, а кот – котом. Тем более, что олларианская церковь отнюдь не считает этих животных воплощением мировой скверны. Возвращаясь же к нашему ос… коменданту Олларии, скажу, что на эту должность следует назначить человека расторопного и смышленого.

И верного короне, но об этом говорить вслух неприлично. Подразумевается, что ей верны все здесь присутствующие.

– Я все же рискну сказать слово в защиту Людвига Килеана-ур-Ломбаха, – твердо произнес кансильер.

Принимает бой… Что же у него в рукаве? Наверняка что-то есть. Им нужно отстоять Килеана, хотя бы для того, чтоб Карлионы, Рокслеи, Краклы и другие недовольные, но осторожные не откачнулись. А неосторожные и так кто в Закате, кто в Агарисе, кто в Гаунау.

– Коменданта Олларии можно обвинить в простодушии и излишней доверчивости, но никоим образом не в предательстве и трусости. Я посетил графа Килеана, и он передал мне документ, который многое объясняет. Это письмо, предъявленное Килеану-ур-Ломбаху покойным, – слово «покойный» Штанцлер подчеркнул, – епископом Авниром. Я позволю себе зачитать его вслух.

«Сим подтверждаю: все, что потребует в канун празднеств святой Октавии

предъявитель сего епископ Олларии Авнир, является волей Его Величества и направлено на благо Талига и Церкви Ожидания.

Сильвестр, кардинал».

Кансилльер положил бумагу на стол и грустно покачал головой:

– Опытный царедворец не попался бы в столь простую ловушку, но Людвиг Килеан-ур-Ломбах не царедворец, а солдат. Приказ для него – все. И комендант Олларии исполнил то, что ему велел епископ Авнир, а именно заперся со своими людьми в казармах вплоть до получения нового приказа. Я не могу говорить о подлинности данного письма, удостоверить кою либо опровергнуть может лишь Его Высокопреосвященство. Я не исключаю, что генералу Килеану была вручена подделка и что епископ Авнир, воспользовавшись болезнью Его Высокопреосвященства, позволил себе проявить, мягко говоря, излишнюю самостоятельность. Узнать, что двигало покойным, мы не сможем. Зато я клянусь Честью, что причиной бездействия коменданта Олларии стало прочитанное мною письмо.

Если бы не это обстоятельство, генерал бы остановил погромы, причем намного раньше и меньшей кровью, чем это сделал Первый маршал Талига, привыкший сражаться на территории противника. Я располагаю неопровержимыми доказательствами, что во время усмирения волнений пострадали невинные. Я отдаю должное решительности и смелости Рокэ Алвы, хотя вызывает некоторое недоумение задержка, стоившая жизни многим людям. Доподлинно известно, что Рокэ Алва прибыл в Олларию утром, однако принимать меры начал лишь с заходом солнца. Лично я могу найти лишь одно объяснение этому его поступку, вернее, недеянию. Маршал ждал приказа и получил его. Впрочем, Рокэ Алва, в отличие от Авнира, находится среди нас и, без сомнения, прояснит эту ситуацию. Я же со своей стороны прошу снисхождения для Людвига Килеана-ур-Ломбаха. Он солдат, он выполнял свой долг. Будьте милосердны!

Август Штанцлер глубоко вздохнул и сел. Он и впрямь был взволнован, то ли судьбой Килеана, то ли собственными делишками. Но в уме ему не откажешь. Мерзавец готов признать принесенное им письмо подложным, но узнать, кто же его написал – Авнир или сам Килеан, невозможно. Сильвестр поставил бы на Килеана, вернее, на кого-то из его советчиков… Ответить, что непогрешим лишь один король и что, получив подобный открытый лист, следовало послать гонца к Его Величеству? Опасно. Фердинанд, чего доброго, вообразит, что может отменять распоряжения кардинала и сочинять собственные. Воистину, умный регент при малолетнем короле становится насущной необходимостью.

А Люди Чести не на кошках скачут[37]. Ишь как роли расписали, куда твой Дидерих со своим театром!

Супрем полагает Килеана формально невиновным, но во избежание повторения прецедента настаивает на том, что все подобные приказы должны проходить через геренцию[38]. Гогенлоэ-ур-Адлерберг поддерживает сии замечательные меры, геренций верен короне, но ему давно кажется, что у него слишком мало полномочий.

– Первый маршал Талига, – Фердинанд с укоризной смотрел на задумавшегося Рокэ, – мы слушаем вас.

Ворон поднял голову и медленно обвел глазами собравшихся, задержав взгляд на господах Ариго. Будь у Рокэ в руках его любимый пистолет, Сильвестр за жизнь братьев королевы не дал бы и суана. Алва улыбнулся:

– Ваше Величество, господа! Для начала я развею сомнения господина кансилльера, причем не одно, а целых три. Я вмешался в происходящее, потому что проповедь скрывавшегося в моем доме епископа Оноре разбудила мою глубоко и давно спящую

---

[37] Эквивалент выражения «не лыком шиты».

[38] Малая королевская канцелярия, через которую проходят самые важные бумаги.

совесть. Его Преосвященство объяснил мне, сколь дурно бездействовать, когда гибнут невинные. А поскольку единственным способом спасти оных было взяться за виновных, я ими и занялся. Благо во время войн и бунтов Первый маршал Талига вправе действовать на свой страх и риск.

Еще два сомнения господина Штанцлера касались злополучного письма. Кансильер не знает, является ли оно подлинным, и еще меньше знает, кто его подделал.

Да, епископ Авнир, обезумев, и впрямь бросился в огонь, но Создатель в великой мудрости своей указал мне место, где было написано злополучное письмо, – Алва ослепительно улыбнулся кансильеру. – Господин Штанцлер, вы совершенно правы. Его Высокопреосвященство этого письма не писал. Более того, его не писали ни ныне покойный Авнир, ни прикованный к ложу болезни Людвиг Килеан-ур-Ломбах.

Теперь Ворон вновь смотрел на братьев Ариго. Ги поежился, Иорам уставился на мозаичного рыцаря, и неудивительно – играть с Вороном в «гляделки» было занятием безнадежным. Алва заговорил медленно, чеканя каждое слово:

– Ваше Величество, господа Совет! Вам следует узнать, что я обнаружил в особняке Ариго и чего не обнаружил. Когда мы заняли площадь Леопарда, дом горел изнутри. Лестницы были охвачены огнем, попасть на второй этаж казалось невозможным, но мне удалось подняться по стене. Я опасался, что внутри остались люди, но там из живых существ была лишь птица в клетке. Тогда я решил оказать семейству Ариго услугу иного рода и спасти семейные ценности и бумаги, но и здесь меня ждала неудача.

Наиболее ценные вещи были вывезены из дома, я не нашел ни драгоценностей, ни документов, ни составлявших предмет законной гордости любезного маршала алатской посуды и старинных гобеленов. Погромщики наверх не поднимались, бюро и гардеробы не были взломаны. Я нашел гайифские футляры для драгоценностей[39]. Пустые.

Сначала я рассудил, что Ги Ариго явился ангел и предупредил об опасности, но в кабинете маршала я нашел вот это!

Ворон вытащил плоский футляр для ожерелий и несколько смятых листков и бросил на стол, не отрывая бешеного взгляда от Ги и Иорама.

– Что это? – подал голос сидевший рядом с Рокэ Манрик, одновременно протягивая руку и хватая ближайший лист.

– Смотрите сами, граф, – пожал плечами Ворон, – если сочтете нужным, можете зачитать.

Манрик нужным счел.

– «Коменданту Олларии графу Килеану-ур-Ломбаху.

Сударь, вам предписывается на время празднеств святой Октавии не покидать казарм без особого на то распоряжения.

Первый маршал Талига».

«Коменданту Олларии. Все приказы предъявителя сего подлежат немедленному исполнению так, как если бы это были приказы Его Величества…»

«Все, что требует предъявитель сего, следует немедленно исполнить…»

«Предъявитель сего является доверенным лицом Его Величества и исполняет

---

[39] Гайифские шкатулки для драгоценностей открывались при помощи нажатия на элементы украшающего их узора и, как правило снабжались механизмами, выбрасывавшими отравленные игры. Вскрывать подобные шкатулки, не зная секрета, не отваживались даже умелые воры.

его волю…»

– Что это?! – Рыжие брови Манрика взлетели к самым волосам. – Что это за документы?!

– Об этом следует спрашивать хозяина кабинета, в котором они были найдены, – четко проговорил Рокэ.

– Лично я полагаю, – заметил Альмейда, – это – старшие братья письма, доставшегося сначала легковерному Авниру, а через него еще более легковерному коменданту.

– Нет никаких сомнений! – на скулах тессория заходили желваки. – Я полагаю, Алва, сначала решили подделать ваш приказ, но затем передумали.

– Разумеется, – засмеялся адмирал, – каким бы простаком Килеан ни был, сообразить, что Первый маршал не станет посылать подобных распоряжений из Кэналлоа, мог даже он.

– Ги Ариго узнал о болезни Его Высокопреосвященства, – на этот раз Рафиано решил обойтись без притчи, что означало – матерый дипломат не сомневается в исходе сражения, – и решил сорвать мирные переговоры с Агарисом, используя безумие епископа Олларии и ограниченность ее коменданта. К счастью, жадность заставила его вывезти ценности…

– Это ложь! – Лицо Ги Ариго исказила гримаса. – Наглая ложь! Это подделка!

– Никто и не утверждает, что письма подлинные, – рука Рокэ легла на эфес шпаги. – Их не писали ни Его Высокопреосвященство, ни покойный Авнир, ни Килеан-ур-Ломбах. Что и требовалось доказать.

– Я думаю, – заметил тессорий, – следует заняться поисками упомянутых гобеленов и кубков, якобы погибших при пожаре, и тех, кто их перевозил. Я своим таможенникам доверяю, они отыщут булавку в стоге, а тут речь идет о весьма громоздких и приметных вещах. Затем мы допросим слуг…

– Хватит! – взвился Иорам Ариго. – Да, мы догадались, что назревает бунт, и…

– Молчи, болван! – взорвался Ги, но было поздно. Растерянность на лице короля сменилась яростью, и Его Величество взревел:

– Генерал Савиньяк. Взять братьев Ариго! В Багерлее!

2

Лошади на стене не было, на ней вообще не было ничего. Содранную висельниками шпалеру не нашли, а у наследника мастера Бартолемью до стены пока еще не дошли руки. Ричард уныло взглянул на светло-серую штукатурку. Неужели пегая кобыла была таким же бредом, как след на ковре? Юноша до сих пор переживал собственную глупость! Надо же было принять винные пятна за отпечаток слепой подковы, а он еще и заорал, как маленький. Эмиль Савиньяк чуть не задохнулся от смеха, ему самому было бы смешно, сядь в такую лужу кто другой.

– Сожалею, сударь, – худенький молодой мастер казался очень расстроенным, – ваше кольцо пропало. Если вы мне объясните, каким оно было, я постараюсь сделать такое же, но, – молодой человек замялся, но честно закончил: – Мой дядя был великим ювелиром, а я… Я только учился…

– Ничего, – великодушно произнес Ричард, – каждый генерал когда-то был унаром. Я попробую нарисовать, как было…

– Благодарю вас, сударь, – мастер аж покраснел от волнения, – я все исполню. В точности.

– Скажите… – Ричард взял перо, но вместо того, чтоб приняться за рисунок, задержал взгляд на ювелире, слегка приподняв бровь. Именно так делал Рокэ, когда желал, чтоб ему представились. У Ричарда получилось! По крайней мере, мастер его понял.

– Если сударю угодно, меня зовут Мэтью… Мэтью Гишфорд.

– Скажите, мастер Мэтью, вы не красили эту стену? Дело в том, что я был здесь… в ночь святой Октавии и заметил на стене любопытную фреску.

– Пегую кобылу? – Голос Мэтью Гишфорда дрогнул. – Сам я не видел, но говорят про нее много. Темное дело, сударь, очень темное… Вроде много в каких домах она появилась, а потом как корова языком… Одно точно – при дяде ее за шпалерой не было. Я думаю, сударь, не к добру это.

Значит, он с ума не сошел, проклятую клячу видели многие. Может, это что-то вроде призрака? Хотя ни монахи Лаик, ни Валтазар из Нохи фресками не прикидывались. Странная история…

Ричард протянул ювелиру рисунок, на котором довольно успешно изобразил сгинувшее кольцо. Мэтью разразился бурным восторгом, возможно, преувеличенным. Дик оставил задаток и ушел. В ярком солнечном свете площадь Святого Хьюберта казалась прежней и очень мирной – доцветали каштаны, журчал фонтан, над колокольней кружила голубиная стая. Люди погибли, но город живет… Ричард вздохнул и побрел в сторону особняка Штанцлера.

Нельзя сказать, что юношу предстоящий визит радовал. Он любил эра Августа, но разговор обещал стать трудным. Юноша мог лишь догадываться, о чем хочет говорить кансилльер.

Если бы не октавианская ночь, Ричард был бы уверен, что с него спросят за Надор, но неужели сейчас у кансилльера Талига есть время для чужих ссор? Мерзкий голосок шептал, что Ричард Окделл не обязан ходить к Августу Штанцлеру. Кансилльер не вправе приказывать оруженосцу Первого маршала, тем более таким тоном… В конце концов он уже взрослый, и хватит его отчитывать, как унара. Вообще-то Дик сам не понимал, виноват он или нет. Матери не следовало так поступать с Бьянко, и вообще эти ее придирки… Айри он все равно заберет, он обещал. Рокэ добудет приглашение ко двору, и все будет в порядке. Надо будет напомнить… Или попросить Эмиля?

До особняка Штанцлеров черноленточники не добрались, но Ричарду при виде массивного серого дома стало неуютно. Слуга в зеленом и сером поклонился и проводил гостя в знакомый кабинет. Эр кивнул юноше, выглядел старик неважно, можно сказать, плохо.

– Братья Ариго заключены в Багерлее, – Штанцлер взглянул Ричарду в глаза. – По обвинению в государственной измене.

– Когда? – Братья Катари арестованы, а она?! – А… А Ее Величество?

– Маршал Ги и его брат Иорам взяты под стражу сегодня утром на Тайном Совете. Ее Величество на свободе, по крайней мере, я на это очень надеюсь. Ричард, ты заходил в особняк Ариго?

Кансилльер не спросил когда, но юноша понял.

– Нет…

– А кто заходил? Постарайся припомнить, это очень важно.

– Ну… двери были взломаны. Значит, там кто-то побывал до нас. Сначала зашли солдаты, никого не нашли… Сказали, что горят лестницы и наверх не подняться.

– В доме точно не было чужих?

– Вроде не было, но я сам не смотрел. Потом эр… Монсеньор залез на балкон и в окно. Мы стояли, ждали… Монсеньор вернулся, у него была клетка с вороном.

– А еще что-нибудь было?

– Еще? – Ричард нахмурился. – Вроде нет. Нет, не было.

– Он был в мундире?

Дик покачал головой:

– В рубашке… Он даже сапоги снял, чтоб легче лезть было.

– Дикон, ты можешь поклясться, что он ничего НЕ вынес из дома, кроме клетки?

– Большого не выносил. – Дик задумался, вспоминая то проклятое утро. – Но… У него рубашка на груди топорщилась. Эр Рокэ что-то сунул за пазуху, это точно!

– Дело плохо, Дикон, – кансилльер встал, подошел к бюро, открыл. Дик не видел, что он там делал, но он узнал запах. Успокоительные капли… После смерти отца надорский

лекарь заставлял матушку их пить. Что-то звякнуло, потом еще раз. Эр Август закрыл бюро, вернулся, сел против Дика.

– Лучше, чтобы ты знал правду, хоть это и опасно. Дай мне слово, что сохранишь наш разговор в тайне. В первую очередь от герцога Алвы.

– Но я его оруженосец. Я не могу врать эру…

– Окделл остается Окделлом, – вздохнул Штанцлер, – это – счастье. И это – беда. Делай так, как тебе подсказывает совесть, но помни, что речь идет о свободе и жизни многих людей, и в первую очередь Ее Величества.

Дику стало страшно, а кансильер медленно заговорил:

– Авнир предъявил коменданту Олларии подписанный Дораком открытый лист и приказал не покидать казарм. Килеан – солдат до мозга костей. Он выполнил приказ. Разумеется, знай граф, что за этим последует, он бы не подчинился, но он не знал. Точно так же Людвигу и в голову не пришло усомниться в подлинности письма.

– А оно было ненастоящим?

– Дорак говорит, что его не писал, хотя так просто – набросать несколько строк слегка измененным почерком и объявить о подделке. Как бы то ни было, Килеан поверил и при этом сделал ужасную глупость.

Он посоветовал баронессе Капуль-Гизайль покинуть город, намекнув на какую-то опасность. Беднягой двигала ревность, он боялся, что в его отсутствие красавица… Тем более наступали праздники…

Штанцлер замялся. Ричарду оставалось лишь порадоваться, что его собеседник не знает о его близком знакомстве с Марианной и о том, что он собирался нанести баронессе праздничный визит.

Продолжать разговор о красавице Дику не хотелось, и он быстро спросил:

– Значит, подумали, что Килеан знал о погромах?

– Не только знал. Алва нашел в кабинете маршала черновики полученного Килеаном письма.

– Как это? – Дик не поверил собственным ушам. – Не может быть!

– Не может, но есть! Дикон, в том, что Рокэ нашел их в кабинете маршала Ариго, я не сомневаюсь. К сожалению. В довершение всего Ворон обнаружил, что Ариго заблаговременно вывезли ценности. Теперь Килеана-ур-Ломбаха и братьев Ариго обвиняют в том, что они воспользовались болезнью Дорака и подбросили Авниру открытый лист, подтолкнув его к действиям.

Но кто, скажи мне, оставляет ТАКИЕ бумаги на виду, особенно покидая дом? Если бы письмо сочинил Ги, один или с братом, он бы первым делом сжег черновики.

– Эр Август… Ну должно же быть объяснение!

– Иорам Ариго признал, что получил подметное письмо. Его предупредили, что особняк подожгут, и он принял меры – вывез вещи и перебрался в королевскую резиденцию. Он поступил глупо, более того, преступно! Брату королевы следовало предупредить Ее Величество и меня, мы бы сумели раскрыть заговор и предотвратили погромы. Иорам этого не сделал и погубил себя, брата и Килеана. Счастье, если беда не коснется сестры…

– Вы… С Ее Величеством что-то случится?

– Сейчас Дорак и Манрик из глупости Иорама и легковерия Килеана лепят заговор. Если у них получится, королева обречена, да и мы, правду сказать, тоже. Назначение младшего Манрика капитаном личной королевской охраны – дурной знак. У этой семьи, Дикон, чести нет. Даже такой, как у Алва.

Ричард только и мог, что спросить, где Лионель. Из того, что рассказал Штанцлер, юноша понял одно: Рокэ нашел письма, из-за которых Катари грозит опасность. Все остальное спуталось в какой-то разноцветный бесформенный ком.

– Лионель теперь комендант Олларии, – с горечью сказал кансильер, – вместо Килеана.

Ричард с недоумением посмотрел на эра Августа. Килеан, что бы про него ни говорили,

послушавшись Авнира, поступил глупо. Из-за него погибло много людей, Лионель такой ошибки не допустит.

– Эр Август, Лионель Савиньяк – честный человек. – Ричард осекся и из вежливости добавил: – Мне жаль графа Килеана, но он оказался плохим комендантом. Лионель не станет слушаться даже Дорака. Разве это плохо?

– Для Олларии хорошо, для Катарины Ариго – плохо, и очень. Дикон, я бы отдал год жизни, да что там, пять лет, чтобы узнать, кто подбросил эти письма в особняк Ги. Нет сомнения, все остальное тоже его работа. И смерть детей, и обман Авнира и Килеана, и погромы. Есть старое правило – ищи того, кому преступление выгодно, а случившееся выгодно лишь одному человеку. Но это слишком чудовищно даже для него.

– Эр Август, я не понимаю… Письма нашли случайно. Туда бы никто, кроме монсеньора, не влез…

– Ричард, я тебе расскажу о своих подозрениях, только если они станут уверенностью.

– Эр Август, – попробовал зайти с другого конца Ричард, – поговорите с монсеньором, он вам поможет. Ведь это он всех спас!

– Возможно, – кансильер вздохнул и отвернулся к окну, – хотя то, что он творил, чудовищно.

– Но… Разве можно было иначе?

– Можно, но для Алвы чужая жизнь дешевле пистолетной пули. Своя, впрочем, тоже. Зачем разбирать, кто прав, кто виноват? Страх очень сильное оружие, вот Ворон им и пользуется. Он и впрямь служит Талигу, Ричард, но Талигу Олларов. Мы, Люди Чести, для него – враги, которых он, не задумываясь, смахнет с дороги. Правда, у тебя шанс есть. Если ты останешься с Вороном, в конце концов станешь маршалом. И тогда Рокэ Алва наконец победит Эгмонта Окделла.

Ричард вздрогнул и уставился на Штанцлера. Тот несколько раз глубоко вздохнул, видимо унимая сердечную боль. Как же плохо он выглядит!

– Дикон, – Штанцлер уже справился с собой, – меня пугает, что ты восхищаешься своим эром.

– Эр Август… Монсеньор – хороший человек, просто так получилось… Неужели нельзя забыть? Он выиграл войну, хотя вы говорили, что он проиграет… Вы же сами его поздравляли. И он остановил бунт. Если б не эр Рокэ… Даже преподобный Оноре говорил, что Рокэ – щит Талига!

– Сейчас Ворон меня волнует меньше всего, – махнул рукой Штанцлер.

– Что-нибудь случилось?

– Ты не понимаешь?

Юноше ужасно захотелось оказаться в другом месте, и именно поэтому он вскинул голову и бросил:

– Нет, не понимаю. Эр Август, что вы хотите сказать?

– Только то, что ты все меньше оглядываешься на отца. Ты смотришь на своего эра и хочешь стать таким же, как он. Зло привлекательно, Дик, особенно если оно красиво, а Рокэ Алва не просто красив – он прекрасен.

– Эр Август! Неужели вы поверили Эстебану?!

– Разумеется, нет. Ты, к счастью, слеплен из другого теста, чем несчастный Придд, а что до молодого Колиньяра, не буду лукавить. Убив этого выродка, Алва оказал Талигойе немалую услугу. Он избавил наших детей и внуков от второго Ворона, который бы поражал их воображение и заставлял себе подражать.

Можешь ничего не говорить, только не лги! Ты ведь хочешь стать таким, как маршал? Непобедимым, злым, неотразимым, чтобы в спину злословили, а в глаза улыбались. Ты хочешь научиться убивать одним ударом в горло и при этом смеяться. Ты стыдишься, что тебе становится плохо при виде крови, что ты не можешь одним словом довести человека до самоубийства, не умеешь играть чу-жой любовью и ненавистью.

Раньше ты думал о возрождении Талигойи, реставрации Раканов, мести за отца, а

сейчас ты часто вспоминаешь об этом? И еще ты стал привыкать к безнаказанности.

– Что?

– Дикон, Рокэ Алва совершенно ясно дал понять: тот, кто тронет его оруженосца, будет иметь дело с ним. Ты перестал быть Ричардом Окделлом – сыном Эгмонта Окделла, Повелителем Скал и надеждой Людей Чести. Ты стал оруженосцем Рокэ Алвы. Рокэ Алва отдаст твои долги своим золотом и прикончит твоих обидчиков своей шпагой. Ты ездишь на его морисках, носишь его кольца, напиваешься вместе с Вороном и его приятелями, именно приятелями, потому что друзей у этого человека нет и быть не может. Да, оруженосец обязан носить цвета своего эра, но ты можешь не брать ничего, кроме положенного по закону!

– Я… Маршал не хочет, чтобы я выглядел провинциалом…

– Рокэ Алва умнее, чем я думал, – вздохнул кансильер. – Он обыграл и меня, и твоего отца, и Катарину Ариго.

– Кат… Ее Величество весьма ценит монсеньора.

– Ты очень правильно сказал, Дикон. Ее Величество королева весьма ценит Первого маршала, но Катарина Ариго боится Рокэ Алву.

Кансильер ошибается, Катари любит Рокэ, но ее мучают его насмешки и его поступки. Святой Алан, да если бы она не любила, она не сжала бы ему руку!.. Это вышло само собой – Рокэ вернулся с войны, она дала волю чувствам. Конечно, она не станет об этом говорить ни Штанцлеру, ни кому другому, но это так.

– Я вижу, ты со мной не согласен, и все же тебе следует знать, что Катарина Ариго была весьма привязана к Эгмонту. Она боится за тебя, потому что, как никто другой, знает, что такое Рокэ Алва. В этом человеке нет ни любви, ни жалости. Он даже не ненавидит. Рокэ Алва пуст внутри, и эту пустоту он заполняет огнем, в котором сгорело немало чужих судеб.

Возможно, он не так уж и виноват. Волк не виновен в том, что родился волком, а не оленем и не голубем. И все равно волка следует убить, хоть он и красив, и дерзок, и смел. Ты знаешь, что у Рокэ было два старших брата?

– Ну…

– Сейчас об этом забыли. Старший сын герцога Алваро ни лицом, ни нравом не походил на отца и брата, это был мягкий юноша, искренне верующий, не способный к убийству. По закону он должен был получить герцогскую корону, но что для кэналлийцев закон?

Алваро пожелал видеть хозяином Кэналлоа младшего, наследовавшего все таланты Алва, и не оправдавшие отцовских надежд сыновья умерли при странных обстоятельствах. Остался Рокэ. Отец натаскивал его, как мориски натаскивают боевых леопардов. Его отучили любить, жалеть, сострадать. Да, Ворон – лучший боец Талигойи и, подозреваю, всех Золотых земель, да, он великий полководец, да, он служит Талигу и Олларии, но у него нет души. Рокэ Алва болен пустотой и скукой, а ты этой болезнью любуешься.

– Эр не виноват в смерти братьев!

– Не виноват, – подтвердил кансильер, – ни в смерти братьев, ни в том, что рано потерял мать, ни в том, что родился в опозоренной семье. Его еще могла спасти любовь, но не спасла… И в этом Рокэ Алва тоже не виноват, но мы говорим не о нем, а о тебе.

Твой отец понимал, что сила не может быть красивой, если она не несет добра, а ты подражаешь человеку, который смеется, когда убивает. Самым страшным для Эгмонта было бы узнать, что его сын превратился в непобедимое чудовище, хотя непобедимым тебе не стать.

Ты всегда будешь в тени Рокэ Алвы, ты можешь перенять его равнодушие и его презрение к тем, кто слабее, но полководцем надо родиться, а воином… Он тебя все еще учит?

– Да.

– Ты сможешь его победить в поединке?

Дик молча покачал головой.

– Вот видишь. Когда Леворукому продают душу, он в обмен дает то, что у него

просят – красоту, власть, богатство, славу. Ты отдашь душу Рокэ, но получишь только пустоту. Ты слабее, так не пытайся с ним сравняться и останься человеком. Хотя бы ради Ее Величества и в память об отце.

3

– Ваше пристрастие к неожиданностям меня доконает, – Сильвестр с укоризной взглянул на развалившегося в кресле Рокэ, – неужели нельзя было сказать про письма? Я уж не говорю о том, что по горячему следу можно было выяснить, кто их написал. При всей моей любви к Ариго они не столь безмозглы, чтоб оставлять в доме такую улику.

– Они и не оставляли. – Рокэ отхлебнул вина.

– То есть? – подался вперед кардинал.

– Письма написал я, – сообщил Рокэ Алва. – Это было нетрудно. Свой почерк я знаю. Ваш, слава Леворукому, тоже…

Кардинал промолчал, разглядывая смаковавшего вино красавца в черно-белой перевязи. Какой регент, раздери его закатные твари, какой изумительный регент, а еще лучше – король! Но нацепить на упрямца корону потруднее, чем содрать ее с Фердинанда.

– Вижу, Ваше Высокопреосвященство, вы несколько удивлены, – Рокэ поставил бокал на инкрустированный столик. – Прошу, однако, заметить – я не произнес ни одного лживого слова.

– О да, – кивнул кардинал, – вы предоставили делать выводы другим. Надо полагать, вы узнали об открытом листе от Авнира?

– О нет, – покачал головой Алва. – Епископ не сказал ничего интересного. Назовем кошку кошкой, покойник был удивительно глуп… Килеан, впрочем, тоже, но, будь у него на руках эта бумажка, он не преминул бы ею потрясти. Нет, тогда ее не было, письмо сочинили задним числом.

– Я так и подумал, но меня смутил заготовленный вами ответ.

– Ваше Высокопреосвященство, вы не играете в карты, – укоризненно сказал Алва, – а Килеан играет, а когда проигрывает, начинает плутовать. Конечно, можно за ним следить и попытаться схватить за руку, но это скучно и ненадежно. Куда проще в нужный момент подменить колоду, но вряд ли вас интересуют подобные тонкости.

– Ну, отчего же, – кардинал пригубил шадди. Вторая чашка за день! Пора остановиться, хотя сегодня можно себя и побаловать. Как-никак Штанцлер напоролся на то, за что боролся. – Итак, вы и Август, не сговариваясь, занялись подделкой моих приказов. Очаровательно!

– Ваше Высокопреосвященство, – Алва взял у кардинала чашку, посмотрел на ароматную жидкость и выплеснул в камин, – во-первых, вам следует пережить господина канцилльера, а он, насколько мне известно, пьет не шадди, а травяные настойки. А во-вторых, вы сами сказали, что Ариго не настолько глупы, чтобы оставлять улики, вот и пришлось сделать это за них. Можете считать меня Приддом, если Ги и Килеан не знали о том, что затевается. Что, кстати говоря, они поют?

– Ги – ничего, Иорам твердит о подметном письме и кается, Людвиг тоже кается. В доверчивости. Клянется искупить.

– Как бы то ни было, – зевнул Алва, – мы наполовину от них избавились, хотя мне следовало их убить. Был такой удобный случай. Я вам говорил, что Леонард дрянной генерал?

– Нет, я сам догадался, – заметил Сильвестр, – он же Манрик. Ничего, охранять короля – не по Варасте носиться. Надеюсь, новый капитан не влюбится в Катарину Ариго?

– Не думаю, он же – Манрик, сын и брат Манриков, а они любят только себя и свои должности. Страсть к несчастным дамам не по ним, а уж к даме из дома Ариго тем более.

– Что ж, значит, дама станет еще несчастнее. Кто примет гвардию? Эмиль Савиньяк?

– Разумеется, но ему лучше стать маршалом.

– Значит, станет. Оба станут. Первый маршал Талига не возражает, чтобы комендант Олларии стал маршалом и командующим новой, резервной армией?

– Не возражает, если это Лионель. Ваше Высокопреосвященство, я не тессорий, но где вы возьмете деньги? В этом году варастийского хлеба будет мало, а после недавнего праздничка иноземные купцы трижды подумают, прежде чем везти товары в Талиг.

– Да, разгром складов не случаен. Толпу подзуживали люди, которые потом исчезли… Человека, что был приставлен к Авниру, выловили из Данара.

– Не думаю, чтобы покойный догадывался о вашей заботе…

– Я тоже не думаю. Рокэ, с какой это радости вы заговорили о деньгах? Это мое дело, но резервная армия будет создана.

– А война?

– Будет армия, будет и война.

– Гаунау, Гайифа или прихвостни?

– А кто вам нравится больше?

– Гайифа. Мечтаю пройти по стопам Алонсо, но сейчас нам не до большой войны.

– Нам нужно три года, и они у нас есть. После Сагранны даже Хайнрих притих – отправляться вслед за Лисом никому не хочется.

– Значит, нас ждет мир, – красивое лицо скривилось, словно Рокэ смотрел на что-то донельзя отвратительное, – и помоги нам Леворукий его пережить, а с войной мы как-нибудь справимся.

Он прав: ни Гайифа, ни Дриксен не рискнут схватиться открыто, вместо пушек в ход пойдут кинжалы. Значит, будем рубить руки, которые эти кинжалы возьмут или могут взять, и откладывать не стоит – имперские подсылы и их приятели ждать не будут. Его Высокопреосвященство улыбнулся.

– Кстати, Рокэ, не хочу вам ничего советовать, но после сегодняшнего Совета ваша связь с королевой будет выглядеть несколько своеобразно.

– Не более своеобразно, чем я сам.

– Тут мне нечего возразить. – У Рокэ впрямь премилая привычка дразнить все, что движется, начиная от гусей и кончая слонами. Не его вина, что в Кэртиане нет драконов, если бы они были, он бы и с ними сцепился. – Никогда не понимал потребности в чужой ненависти…

– Ну, – Алва пожал плечами, – вы и в винах не очень хорошо разбираетесь. Впрочем, все честные люди великой Талигойи ненавидят вас еще больше, чем меня, хотя вы не насилуете и без того угнетенную добродетель. Кстати, добродетель во время насилия громко пищит и просит еще…

– Королева не слишком откровенна на исповеди.

– То есть наш бледный гиацинт не рассказывает исповеднику, что с ней вытворяет всесильный негодяй? Я могу удовлетворить ваше любопытство.

С него станется. Странный человек, Алваро был понятнее…

– Рокэ, я не удивляюсь, что Катарина ненавидит вас, иначе и быть не может, но вы ее тоже ненавидите. Почему?

– Я никого не ненавижу, это слишком хлопотно. Мне нравится, когда святая от избытка жизненных сил превращается в шлюху, а шлюха, утомившись, возвращается в святое состояние. У Катарины мужской ум и женское тело. Сидя, она хочет одного, лежа – другого, и тут бедный Август ей не помощник. Так рассказать, как мы проводим время?

– Не стоит. Во-первых, мы не в исповедальне, во-вторых, вы меня смутите, а в-третьих, я вас видел. Запоминающееся зрелище, хоть и непристойное. И все же будьте осторожны.

Нет, он положительно без шадди глупеет. Советовать Ворону соблюдать осторожность – верный способ погнать его на рожон. Впрочем, Катари умнее братьев, месяца три она будет плакать и ходить в черном. Бедные оруженосцы!

– Рокэ, беру свои слова назад… Если вам не хватает вранья на Советах, добирайте в постели.

– Ваше Высокопреосвященство, если женщина не в состоянии обуздать собственную природу, это ее заботы, а ненавидящая любовница забавнее влюбленной. И безопаснее. Пожалуй, после нашего содержательного разговора я навещу бедняжку…

Глава 2
Агарис
«Le Chevalier des Bâtons» & «Le Chevalier des Coupes»

1

Дракко был недоволен, но хорошо воспитан. Хозяин хотел, чтоб он отставал от каимского недотепы, и полумориск отставал, хотя, дай ему волю…

Две лошади – рыжая и гнедая – пролетели свежескошенным лугом и замерли у перевитой вьюнками живой изгороди. Робер усмехнулся и погладил Дракко между ушей. С конем ему повезло, это была единственная его удача за последние несколько лет, если, разумеется, не считать за таковую равнодушие смерти к особе маркиза Эр-При. Смерть не любит тех, кому нечего терять…

– Ты согласен? – Довольный победой Альдо ослабил поводья, и каимец затряс головой, роняя хлопья пены. Бедняга устал бегать с груборуким всадником на спине да еще наперегонки с полумориском.

– С чем согласен? – уточнил Робер. Прежде чем пуститься наперегонки, они обсуждали кагетскую неудачу и гадали, что станут делать Гайифа и Дриксен. Робер полагал, что ничего, по крайней мере какое-то время, Альдо утверждал, что империя просто обязана огрызнуться.

– С тем, чтоб перебраться в Алат?

Об этом они не говорили. Робер считал переезд делом решенным и сам не знал, рад или нет. Агарис и раньше был тошнотворным, а сейчас стал просто страшным, но здесь оставалась Мэллит… Хотя даже спи маркиз Эр-При с гоганни в одной комнате, девушка была бы для него дальше звезды.

– Чего замолчал? – Лицо сюзерена было странно неподвижным.

– Даже не знаю, – Робер с сомнением покачал головой, – я никогда не любил этот город, но…

– Вот именно! – перебил Альдо. – Я понимаю Матильду, она – алатка, ей хочется домой, но покинуть Агарис – признать то, что мы не Раканы, а только родичи Альберта Алати. Мне нечего делать в этой дыре, Робер, нечего!

– Как посмотреть… Алат – герцогство богатое, а Агарис… Ну что с того, что сюда стянулись почти все недовольные. Собрались, сидят и зарастают пылью! Вспомни – первой тут обосновалась королева Бланш с наследником, потом подтянулись Берхаймы и Гонты. Агарис – пристанище неудачников – кто только сюда не сбегал от полковников Пеллота до сторонников Алисы…

– Я им не доверяю, – бросил сюзерен, – у них с происхожденьем не все чисто, и потом… Алиса с Франциском хотели поднять Талигойю без Раканов, а их сторонники вспомнили о нас, только когда все продули…

– Зато теперь Штанцлер делает больше всех остальных, вместе взятых.

– Так говорят, – Альдо накрутил повод на руку, – но коты не питаются маргаритками… Гоганам нужно первородство, магнусы хотят раздавить олларианцев, Гайифа с Дриксен – сломать голову Талигу, а что ловит кансильер?

Робер с удивлением посмотрел на сюзерена, раньше Альдо такие вещи не волновали, хотя в чем-то он прав. Штанцлеры были родичами королевы Алисы, но были ли они дриксенской ветвью Борнов? Сами Борны в этом глубоко сомневались. В любом случае отец Августа ставил не на Раканов, а на вдовствующую королеву и малолетнего Фердинанда, но Алиса проиграла…

– Конечно, сейчас Штанцлер безупречен, – принц напустил на себя значительный вид, и Роберу стало смешно, – но можем ли мы ему верить до конца?

Альдо хвастался. Точно так же он хвастался достижениями в фехтовании и верховой езде. Оставалось надеяться, что в политике принц преуспеет больше. Впрочем здесь маркиз Эр-При сюзерену не соперник и не советчик, в интригах Иноходец никогда не разбирался.

– Ты не веришь кансильеру.

– Я верю только тебе и Матильде, остальные думают только о себе. И я хочу знать, что именно. Я не собираюсь быть куклой на веревочке. Ни у гоганов, ни у магнусов, ни у штанцлеров с окделлами. Я – король Талигойи по праву рождения, а не игрушка, и когда-нибудь это поймут!

Да, Альдо – последний из Раканов, «Первородный», как говорят правнуки Кабиоховы, но таковыми были и его отец, и дед, и прадед. А Франциск Оллар был никем, но сумел победить…

– А сейчас нам нужно решать, ехать в Алат или нет, – Робер предпочел вернуться к более понятным вещам. – Ты, как я понимаю, не хочешь?

– Не хочу. Уехать – значит струсить. Эсперадор вздумал мириться с Дораком, и нас вышвыривают в провинцию, чтобы не мешали!

Вот это новость! Святой Престол признает олларианцев?! Быть не может!

– С чего ты взял?

– У меня есть свои источники, – Альдо одновременно злился и наслаждался своей осведомленностью, – епископ Оноре выехал на переговоры с Квентином Дораком. И в то же время Альберт Алати вспомнил о сестре. Сложи «два» и «два» и ты поймешь, что нас выпроваживают.

Если это и в самом деле так, то сюзерен прав, но уж больно это не похоже на эсператистов.

– Ты говорил с Енниолем?

– Нет, и вообще слухи о мудрости рыжих преувеличены. С Кагетой они промахнулись, а о переговорах и вовсе ничего не знают. У них есть золото, но этого мало, чтобы играть коронами. Торгаши это только торгаши… Они хотят, чтобы мы уехали.

Эти «торгаши» чуют ту же опасность, что крысы и кони, но Альдо не суеверен. Робер тоже был не суеверен. До Кагеты и своей болезни… Робер Эпинэ внимательно посмотрел на принца Ракана:

– Делай как хочешь, но Агарис – болото. Сюда попадают и здесь увязают… Алат хотя бы граничит с Талигом. Если мы окажемся там, за нами поедут только те, кто готов драться, а не шипеть по углам.

– Ты прав, – принц задумчиво нахмурил брови, – об этом я не подумал. Мне дедовы приятели не нравятся – крику много, а шерсти никакой. Зато когда мы победим, они первыми с мешками прибегут.

«Когда мы победим»… Альдо верит в свою звезду… А почему бы ему не верить? Он еще не имел дела ни с Дораком, ни с Вороном.

– Если мы переедем в Алат, я проберусь в Эпинэ и посмотрю, что мы можем сделать. Гайифцы вечно ошибаются, потому что ни Леворукого не понимают в талигойских делах.

Гайифцы не понимают, это так, но Альдо с Матильдой понимают еще меньше. Сюзерен любит свою выдумку, рыцарскую сказку, он не видел войны, не отличит бергера[40] от жителя предгорий, а кэналлийца – от марикьяра, Олларию называет Кабитэлой и судит о стране, которой собрался править, по гравюрам и чужим рассказам. Сможет ли он принять и полюбить настоящий Талиг?

– Мы поедем вместе! – Мысль о поездке в Эпинэ полностью завладела Альдо, в мгновение ока превратив «умудренного жизнью политика» в желторотого унара. – К осени

---

[40] Житель Горной марки (Бергмарк).

мы будем в Талигойе!

– Посмотрим. – Воистину нет фразы более пустой и значительной… От нее за хорну несет Хогбердом. – Сначала надо добраться до Алата.

Как же, разбежались… Иноходец с трудом сдержал усмешку, вспомнив, как отец и Эгмонт упрекали его в горячности и неосторожности, а теперь с высоты прожитых лет начинает брюзжать на других.

– Доберемся… Только о наших планах не должен никто знать – ни Матильда, ни рыжие… О Робер! Ты меня не выручишь? Предупреди Мэллит, что я не приду.

– Во имя Астрапа… С ума сошел?

– Во имя кого? – Альдо с недоумением уставился на друга.

И в самом деле, во имя кого? Откуда к нему привязался этот Астрап? Кто он такой? Это как-то связано с магией гоганов, но знают ли они сами это имя?

– Так говорят, – туманно пояснил Робер, – что я должен сделать?

– Сходить в «Стрижа» и дождаться Мэллит… Как-то нехорошо, когда она целую ночь сидит и ждет.

– Ты не пойдешь к ней? Почему?!

– Ты бы тоже не пошел, если бы знал, что это за счастье, – нахмурился Альдо, – нет, она, конечно, хорошенькая, но легче мешки таскать, чем с ней разговаривать… Уж слишком она серьезная, и еще этот ее говор. Я с ней как по иголкам хожу.

– Она тебя любит. – Проклятье, зачем он это сказал?!

– Да знаю я, – буркнул Альдо, – в том-то и беда. Жениться на ней я не могу и не хочу. Сам понимаешь, Ракан не может жениться на ком попало, а любовница – это удовольствие, а не камень на шее.

Какой дурак, какой неописуемый, невозможный дурак!..

– Пойми, – сюзерен казался искренне расстроенным, – она славная девочка, и она не прочь, очень даже не прочь… Но что я с ней потом делать буду? Она же ничего не поймет, и потом, она все-таки гоганни.

Да хоть мориска, хоть бакранка, Мэллит это Мэллит! Вот так и швыряются сокровищами, за которые не жалко ни жизнь отдать, ни душу.

– С Кларой просто, – Альдо явно потянуло поболтать о своих любовных делах, – и учить ее ничему не нужно. Я – не шад, без шестнадцатилетних девственниц обойдусь, и вообще нет ничего лучше разумной вдовы…

Значит, Клара не просто вдова, она разумная вдова. Изумительно!

– Как знаешь, – Робер постарался быть как можно равнодушнее, – я схожу. Нам есть о чем поговорить.

– Спасибо, – улыбнулся принц, – выручил… А всякой гоганской мути девчонка знает уйму. И потом она тебе доверяет…

Мэллит ему доверяет, он добился хотя бы этого, и будь он проклят, если обманет это доверие.

– Робер, ты дочерей Эгмонта Окделла видел?

– Нет… Я в Надоре не был ни разу. Сын Эгмонта – одно лицо с отцом, может, и девочки тоже, а что ты о них вспомнил?

– Да так, к слову, – улыбнулся Альдо, – считают, что я должен жениться на девице Окделл.

– Зеленоглазый и все кошки его! Ты обручен с дочерью Эгмонта? С которой?

– Со старшей, наверное… А их сколько?

– Три… Какого змея ты молчал?!

– Я думал, ты знаешь… Это еще до восстания придумали… Я и забыл совсем, но Хогберд позавчера напомнил – ему вдова Эгмонта написала.

– А ты?

– А что я? Пока я жениться не собираюсь, а там – посмотрим. Королю лучше жениться на принцессе, а не на подданной.

Королю, герцогу, купцу, крестьянину лучше жениться по любви, и гори все закатным пламенем, но Альдо этого не понимает, и это его счастье. Или несчастье.

2

Хозяин гостиницы был учтив, но глаза его были грязными. Он знал, что перед ним не мужчина, но молчал, и молчание его было куплено.

Мэллит едва удержалась от того, чтобы поправить шляпу, она не совершила ошибок, но те, кто держат гостиницы и харчевни, мудры и не только смотрят, но и видят. Любимый не умеет скрывать своих чувств, то, что начертано в его сердце, можно прочесть на его лице. Первородный любит недостойную, а торгаш думает о своей выгоде.

– Молодой господин наверху. Он ждет свое вино. – В голосе трактирщика была та же грязь, что и в глазах, но что с того? Любимый здесь, он ждет ее, но она ему скажет, что для радости встреч надо избрать другой дом.

Гоганни кивнула хозяину, поднялась по ступенькам и замерла у знакомой двери. Там был Первородный, оставивший своих друзей и свои дела ради нее. После болезни девушка не могла спрашивать ару о любимом, но Луна добра, она подарила недостойной счастье свиданий! Девушка нежно тронула грубую куртку, скрывшую шрам от кинжала. Кровь навеки соединила дочь Жаймиоля с наследником Раканов, но любовь сковывает сердца сильнее любой волшбы. Мэллит улыбнулась и постучала, в ответ раздались быстрые шаги, щелкнул ключ, и девушка вошла в освещенную свечами комнату, едва не наступив на охапку золотистых роз. Эти розы принес любимый… Для нее! Как же он неосторожен. Теперь понятно, как трактирщик раскрыл их тайну.

Мэллит опустила корзину с вином на пол и, замирая от счастья, коснулась нежных лепестков. Как много роз, она все не поднимет…

– Я счастлив приветствовать вас, сударыня. К сожалению, Альдо не может прийти, но… Он просил меня бросить к вашим ногам эти розы.

Названный Робером! Друг блистательного, потомок огнеглазого Флоха… Любимый не смог прийти, снова не смог.

– Ничтожная счастлива видеть блистательного, но…

Друг Первородного опечалился, что она не назвала его по имени, но она ждала любимого…

3

Мэллит не спросила, где Альдо, но плеснувшаяся в золотых глазах боль была красноречивее любых слов.

Создатель, Леворукий, неведомый Астрап и все боги Сагранны, ну почему?! Почему эта девочка отдала сердце равнодушному ослу? Мэллит не должна знать правду, это ее убьет, но как же тяжело лгать… Ничего, скоро они уедут, сначала в Алат, потом он вернется в Эпинэ. Один! И там его наконец-то убьют…

– Альдо не может прийти… С ним все в порядке, просто… Просто он должен находиться в другом месте. Это очень важно.

– Не призвали ли Первородного отмеченные мышью?

Отмеченные мышью? То есть «истинники»… С гоганами нужно говорить каждый день, иначе все к Леворукому позабудешь.

– Нет, он понадобился… Своей бабушке.

– Породившая отца Первородного благословенна, – девочка мужественно старалась скрыть разочарование, – но я не смею похищать время блистательного.

Похищать время? Тогда не нужно было похищать сердце, но Мэллит в этом неповинна, так же как Альдо не виноват, что украл сердце маленькой гоганни.

– Мэллит, ты обещала называть меня по имени. Разве с тех пор я чем-то провинился?

– Пусть… пусть Робер меня простит. Время забирает из памяти многое, но оставляет вложенное в колыбели. Я долго не говорила с Робером.

Девушка попыталась поднять розы, но их было слишком много, несколько цветков упало на ковер. Робер нагнулся и быстро поднял золотые цветы. Какой он дурак… Забыть, что у роз есть шипы, девочка может уколоться, надо было прислать ей те странные цветы, что привозят мориски, как же их называют?

– Мэллит, – Эпинэ улыбнулся и положил подобранные цветы на стол, – если ты свободна и тебе не слишком противно мое общество…

– Не надо шутить над важным.

Какая же она серьезная и какая она красивая! Альдо совсем рехнулся, если ему нужна вдова Клара.

– Хорошо, не буду…

Мэллит присела на краешек стула, по-прежнему прижимая к груди розы, на крохотной ладошке виднелись три ссадины. Неужели этот мерзавец ни разу не принес ей цветов?

– Робер передаст Альдо, что я счастлива, но… Человек внизу теперь знает, что я – женщина.

Он и раньше знал. Хозяин «Стрижа» никогда не был дураком, раз или два еще могло сойти, но если Альдо и «виноторговец» встречались каждую неделю…

– Он никому не скажет, ему это невыгодно. Конечно, если ты хочешь, можно сменить комнаты.

То есть снять еще одни, в другом квартале, а «Стрижа» придется оставить за собой. Пока Кристобалю платят, он не выдаст.

– Робер… Может дочь моего отца спросить… Что говорил Первородный, когда просил тебя прийти…

Много чего, раздери его кошки, но она не должна этого знать!

– Он… Он рассказал, что вы встречаетесь, что ему стыдно, когда он не может прийти, а ты его ждешь…

– Так было, – девушка вздохнула и опустила ресницы, – я ждала, пока не заходила луна, но ожидание тоже счастье, если ждешь любимого.

Вот так, Робер Эпинэ. Теперь ты – поверенный и чужой любви, и чужого равнодушия.

– Да, Мэллит. Любовь – это счастье, даже когда она горе.

– Так говорят там, где ты родился?

В Талиге говорят, что «от безответной любви и у голубя зубы вырастут», а вот про иноходцев земляки никаких поговорок не придумали. И про золотых куничек тоже. Во имя Астрапа, о чем же с ней говорить, чтобы не напугать, не обидеть, не обмануть… То есть не обмануть слишком уж сильно.

– Мэллит, боюсь, нам с Альдо придется уехать. Эсперадор хочет помириться с Талигом, мы не сможем больше жить в Агарисе.

– Я слышала. Достославный из достославных говорил с отцом моего отца. Это правильно, беду чуют ходящие на четырех ногах, а они не ошибаются. Многие из правнуков Кабиоховых готовятся вырвать корни свои из осквернённой земли.

– Ты тоже уедешь?

– Ставшая Залогом принадлежит аре, а ее хранит достославный из достославных. Он мудр, и мыслей его не знает никто. Первородный согласен уехать?

– Он не хочет.

– Его жизнь не имеет цены. Скажи ему… – Мэллит запнулась и замолчала, уткнув лицо в розы, которые Альдо Ракан ей не присылал.

Во имя Астрапа, она боится, что они не смогут проститься! Альдо должен к ней прийти. Прийти и сказать, что любит, он не может просто взять и уехать.

– Скажи Первородному, что я молю его уехать и что мое сердце полно его любовью.

– Я все скажу, но Альдо еще придет к тебе. Мы едем не скоро, вы еще встретитесь.

Улыбнулась… Почему Диамни Коро умер, он бы сделал эту улыбку вечной! Эту

улыбку, эти руки, сжимающие колючие стебли, эти глаза. Она уже не плачет и еще не смеется, а ладонь и листья испачканы кровью.

– Робер вернул ничтожной солнце на небо.

Нет, это слишком для них обоих!

– Мэллит, я давно хотел спросить… Ты когда-нибудь слышала имя Астрап?

Она задумалась, склонив голову набок, тени от ресниц падали на щеки, рыжая прядка отливала осенним золотом.

– Это имя звучит как заклятие. Где ты его узнал?

– Оно пришло ко мне. После того, как Енниоль отвел меня к аре, заставил встать на колени и протянуть руки.

– Ты будил ушедшее? – Она резко повернулась, в глазах мелькнули испуг и восхищение. – Ты мог не вернуться с тайных троп.

– Я вернулся, но быстрее, чем нужно. Я ничего не узнал… Только имя Астрапа, если оно, конечно, оттуда. Мне привиделся золотой конь, но он меня сбросил, и башня, но я до нее не доскакал… Коня испугала молния, я упал… А потом случилось вот это, – Робер закатал рукав, обнажив браслет, – это твой браслет, но теперь на нем – молния. Енниоль ничего не говорит…

Тонкие пальчики коснулись червонного золота. Если бы он был художником, он бы это нарисовал. Хрупкая рыжеволосая девушка с огромными золотыми глазами, сияние свечей и блеск металла, ради которого глупцы лгут, предают, убивают… Истинное сокровище и ложное.

– Молния – знак огнеглазого Флоха, – Мэллит казалась потрясенной, – в прежние времена сыновья Кабиоховы говорили со смертными и избирали достойных, но они ушли… Теперь недостойная поняла, о чем говорил достославный из достославных.

– И о чем же он говорил?

– Что просыпается спящее и проявляется скрытое, что неведома нам вся мудрость Кабиохова и его детей и что оставили Они в глубине больше, чем на поверхности…

Глава 3
Оллария
«Le Valet des Épées» & «Le Neuf des Bâtons»

1

Выбитая шпага отлетела на несколько шагов, Дик бросился за ней. Четвертый раз за утро! Юноша поднял оружие и уныло повернулся к своему эру. Рокэ пожал плечами и внезапно переломил клинок о колено. Ричард, ничего не понимая, уставился на блестящий обломок в руке эра.

– И это вместо того, чтоб воспользоваться преимуществом, – в голосе Ворона слышалось раздражение.

– Эр… – начал было Ричард и замолчал. Нападать на безоружного было бесчестно, напоминать об этом монсеньору – глупо.

– Юноша, – вздохнул Рокэ, – во-первых, игра в благородство – штука заведомо проигрышная, а во-вторых, для начала попробуйте выиграть. Вперед!

Ричард с опаской глянул на Ворона.

– Ну же! – прикрикнул тот.

Дик бросился вперед, эр увернулся изящным, неторопливым движением. Ага, вот в чем дело! Ворон решил показать, как уклоняться от ударов, если их нечем отбивать, и все равно это Дику не нравилось…

– Соберано, вас спрашивают, – Хуан с полотенцами в руках показался в дверях дома.

– Кто? – Юноша видел, что Рокэ недоволен, а вот он был рад прервать тренировку.

– Просил передать, что долги платят даже тени. Он в привратницкой у Данго.

– Хорошо, – Алва взял полотенце и утер лицо, – юноша, идемте.

Джаниса Ричард узнал сразу. Вместе с ним был смуглый коротышка с толстыми губами.

– День добрый, господа, – Ричард лишний раз убедился, что его эр заносчивее всего держится с людьми порядочными, – как поживает Двор Висельников?

– Так себе, – бывший моряк явно был удивлен, – народу мало осталось…

– Ничего, – утешил Алва, – был бы город, а воры и грабители найдутся. Юноша, как там у Дидериха, когда Гэйбриэл пришел к Тени: «Привет тебе, владыка гордых?» или не «гордых»?

– «Вольных», – покорно подсказал Дик.

– Это почти одно и то же, так в чем дело, господа вольные?

– Монсеньор, – начал Джанис, – вы там… спрашивали… Ну, кто за вашего оруженосца платил. Так вот он, – Джанис кивнул на губастого, – кой-чего знает.

– Любопытно, – Рокэ скрестил руки на груди, – кажется, старик Дидерих берет реванш.

Джанис явно не понял про Дидериха, но решил, что это приглашение к разговору, и ткнул губастого меж лопаток. Тот пару раз моргнул и выдохнул:

– О прошлом годе я за Выдрой ходил.

– Выдра тот, кто за дело взялся, – пояснил Джанис, – а этот при старой Тени вроде как прознатчиком был. С теми, кто на сторону работал, чтоб долю не тихарили.

– Оно так, – кивнул прознатчик, – Выдра мой был. Короче, сговор там такой забили – сотня «ржавых»[41] – задаток, четыре – опосля. Дело Выдры было стоять, где скажут, и ждать, кого надо.

– И кто ж нанял покойного Выдру? – Голос Рокэ звучал ровно и лениво.

– Назвался бароном. Плащ на ем был и шляпа, на морде – маска, из-под нее борода торчала… Чернючая, токмо, сдается мне, невсамделишняя, – губастый из кожи вон лез, пытаясь припомнить, – сам вроде толстый, а верней всего, одеяло на себя навертел. Вот голос я, пожалуй, признал бы, а что другое – извиняйте…

– Как он Выдру нашел?

– Да кошки его знают, но по-глупому, видать.

Алва вопросительно поднял бровь, и Джанис пояснил:

– Если бы умно сделал, Выдра не стал бы Тени докладать, сделал бы втихую и делиться не стал.

– Хорошо, – кивнул Рокэ, – если где налетишь на этого, в одеяле, получишь сотню «ржавых». Тени с них налог я сам заплачу. Ричард, у Дидериха так полагается? Или я что-то путаю?

Ошалевший от слов Ворона прознатчик опять заморгал, на его физиономии явно читалось желание перерыть всю Олларию, но найти нанимателя Выдры. Наконец он изогнул большой и указательный пальцы левой руки в виде полумесяца и приложил к губам. Ворон засмеялся и ответил тем же, после чего подмигнул Джанису и вышел. Дик догнал эра лишь на пороге. Алва, не оглядываясь, бросил:

– На сегодня, юноша, урок окончен. У меня – дела.

Дик облегченно кивнул, возвращаться на внутренний двор и браться за шпагу не хотелось ужасно.

– Эр Рокэ, а что это за знак?

– Дидерих о нем не писал?

Ричард растерянно покачал головой. Рокэ то и дело подтрунивал над любимым поэтом Ричарда. После реплик эра некоторые пассажи великого барда и впрямь казались нелепыми, хотя Алва ничего обидного не говорил. А вот вопли Жиля Понси о том, что Дидерих –

---

41 *Золотых монет* – воровской жаргон.

старье, а Барботта – величайший поэт Талига, у Дика вызывали то смех, то желание стукнуть Жиля пониже спины.

– Так как, юноша? Неужто в «Плясунье-монахине» нет ни слова о тайной воровской клятве?

– Нету.

– Увы, даже великие ошибаются, – наставительно сообщил Рокэ, – а может, не ошибаются, а боятся. Это знак слепой подковы, юноша. До Олларов за него рубили руку, но Франциск решил, что это расточительно. Висельники так клянутся в особо торжественных случаях. Кажется, это единственная клятва, которую они не нарушают. Теперь этот губошлеп до смерти будет искать твоего врага в одеяле.

– Эр Рокэ, а почему подкова?

– Из гонора, – Алва прижал к глазам ладони. – Это очень старый символ.

– Я слышал о ней, – Дик отчего-то застеснялся, – в Надоре. Давно, когда маленький был.

– Вообще-то эта пакость старше и Надора, и Алвасете, – обрадовал Рокэ, – ее боялись еще до эсператизма. Сказки менялись, страх оставался, а ворье всегда обожало пускать пыль в глаза. Отсюда эти их «Ночные тени», страшные клятвы и прочая чушь… Ричард, когда у вас появятся наследники, объясните им, что тот, кто чистит чужие карманы и отбирает куски у слабого, называется мародером и грабителем. Чести и красоты у него примерно столько же, сколько у ызарга. Мой вам совет, никогда не принимайте ызаргов за иноходцев, это неправильно.

Дик представил всадника верхом на огромном ызарге. Ызарг мотал хвостом и пытался рыть кривыми короткими лапами землю. Это было потрясающе!

– Что с вами, юноша? – участливо спросил Рокэ.

– Я… я… я подумал… как кто-то едет на ызарге… на большом!

– Отвратительное зрелище, – согласился Рокэ. – Впрочем, Джанис и впрямь похож на героя поэмы. За что и поплатится. Я вернусь завтра, а вы отправляйтесь в Нижний город, разыщите вашего протеже и пригласите, скажем, на послезавтра.

Дику показалось, что он ослышался.

– Эр Рокэ!

– Да?

– Это же сын Арамоны!

– И что? – Алва внимательно посмотрел на оруженосца.

– Я не знал, когда просил… Арамона, это… – Юноша замолчал, не находя от возмущения слов.

– Арнольд Арамона был подлецом, дураком, трусом и вором, – подсказал эр. – Что дальше?

– Вы… И вы сделаете его сына гвардейцем?

– Сделаю. Ты имеешь что-то против?

– Да, – выдохнул Ричард. – Ги Ариго правильно его не принял… Он знал, что такое Арамона.

– Значит, мы сообщим молодому человеку, что передумали и в Торку он не поедет, потому что Ричард Окделл не ладил с его отцом? Какая прелесть…

– Что? – не понял Дик.

– А то, что вы сейчас мне до боли напомнили Его Высокопреосвященство, который два года назад очень не хотел, чтобы сына Эгмонта Окделла взяли в оруженосцы. Помнится, ему удалось убедить господ Ариго и Килеана отказаться от своих слов… Только я, юноша, не Человек Чести! Герард Арамона станет гвардейцем, а вы отправитесь к нему домой и пригласите… вежливо пригласите ко мне.

Вежливо говорить с Арамоной! Этого еще не хватало…

Ричард Окделл очень долго мылся и переодевался после урока. Раза в два дольше, чем обычно. Мысль о том, что придется отправляться за Данар и приглашать отродье «Свина» на беседу с маршалом, вызывала у Дика глубочайшее отвращение. Семейка капитана недаром жила в мещанском предместье, среди благородных людей этой швали делать нечего! Надо ж было польститься на смазливую мордашку Арамоновой дочки и потащить ее братца к монсеньору. Гвардеец Арамона! От этой мысли и от того, что он сам заварил всю кашу, Дику было тошно.

А Ворон, поставивший на одну доску отца и мерзкого капитана! Повелитель Скал погиб за Талигойю и свободу, его семью преследовали, а эти живут себе припеваючи, у них и бед-то всего, что их не пускают в приличное общество. И правильно делают!

Может, послать младшему Арамоне письмо? Его за суан любой простолюдин отнесет. Святой Алан, именно так он и поступит, а идти к ним – увольте… Если Рокэ спросит, он скажет… Он скажет, что там воняет плесенью! Довод в духе Ворона, он недавно сказал, что Килеан имеет полное право быть врагом, предателем и дураком, но иметь такую физиономию – преступление против хорошего вкуса. Бедный Килеан… Оказаться в Багерлее! Если бы он не любил Марианну, он мог бы спастись.

Конечно, бывший комендант не красавец, а большинство женщин глупы. Это Катари ценит в людях душу и честь, а не внешнюю красоту и богатство. Килеан имел несчастье полюбить женщину, которая его не стоит, хотя чего ждать от куртизанки, вышедшей замуж за любителя птичек?

«Не проси у красавицы нежной, чем, увы, не владеет она». Веннен прав, но его долг перед Килеаном нанести визит Марианне Капуль-Гизайль. Она должна признать, что солгала и граф Килеан ее не предупреждал. Или еще лучше! Пусть скажет, что получила письмо от имени Килеана и решила, что это и вправду он. Да, именно так. Поддельное письмо…

Но к такой женщине, как Марианна, просто так идти нельзя. Сначала он пошлет ей розы и письмо, а к вечеру зайдет сам. Ворона все равно не будет до вечера. Дик присел у стола, перебирая в уме приличествующие случаю мадригалы, и вспомнил про молодого Арамону. Эмиль Савиньяк советует сперва пить горькое, потом сладкое. Сначала он напишет этому наглецу, потом – Марианне.

Маршал требовал, чтоб Арамону пригласили вежливо, он так и поступит. Но сделает это так, чтобы сынок пучеглазого мерзавца понял – ему в гвардии не место…

Следующий час Ричард убил на попытки объяснить Арамоне-младшему его место. Ничего не получалось – выведенные на бумаге фразы были или глупыми, или грубыми, или непонятными, особенно для солдафонского отродья. Вот Рокэ, тот нашел бы нужные слова сразу. При мысли об эре Дику стало обидно. Ворон нарочно его отправил к Арамоне! Чтобы унизить и показать, что не видит разницы между сыном Эгмонта и сыном этой мрази. Эр Август прав – у Рокэ нет и никогда не было ничего святого…

– Дор Рикардо, – в дверях стоял молодой кэналлиец, – дор Рикардо. Прибыл гонец из Гаунау… Срочно нужен соберано.

Ричард, с радостью бросив недописанное письмо, побежал в приемную, но на пороге остановился, сделал несколько вдохов и вошел в комнату степенным шагом.

Молодой офицер с перевязью Северо-Западной армии поднялся навстречу. Он казался очень усталым, а его одежда и сапоги были в пыли.

– Добрый день, сударь.

– Сударь, – гость судорожно вздохнул, – разрешите представиться. Ганс Корш, теньент при особе маршала фок Варзова. Срочная депеша Первому маршалу. В собственные руки. Промедление смерти подобно.

– Но… Монсеньора нет дома, – растерялся Дик.

– Я загнал трех лошадей, – просто сказал Ганс, – это – война…

Войны Ричард не испугался, напротив. Во время войны проще, чем во время мира. Есть враги, есть свои, есть цель. Во время войны эр Рокэ не станет возиться с родичами Арамоны

и задирать Людей Чести. Война – это победа, полет, крылья за спиной, это друзья и соратники, восхищенные взгляды простонародья, возможность отличиться…

Усилием воли Дик вернулся на грешную землю и занялся делами. Письмо нужно вручить маршалу, но сначала Рокэ нужно найти.

– У вас есть пропуск во дворец? – Гонец смотрел требовательно и одновременно умоляюще.

– Да, – кивнул Ричард. Ганс Корш прав, начинать нужно со дворца. Рокэ мог туда отправиться, а если нет, они поищут Лионеля. Новый комендант Олларии должен знать, где находится Первый маршал. Ричард кивнул гонцу:

– Пойдемте. Если ваша лошадь устала, возьмите другую.

– Благодарю, сударь, – кивнул теньент, – это будет не лишним.

Конь гонца, высокий гнедой жеребец, едва держался на ногах, хотя конюхи делали для него все возможное. Гансу оседлали рыжую кобылу с белыми бабками; как ее зовут, Ричард не знал. Когда гость садился в седло, юноше пришло в голову, что он не просто устал, а болен. В ответ на вопрос о самочувствии бергер только махнул рукой. Дескать, главное – доставить донесение, а остальное – пустяки.

Они понеслись шумными улицами, рискуя сбить зазевавшихся прохожих. На перекрестке Мельничной и Ночной улиц Ганс как-то странно перехватил поводья и завалился набок. Нога северянина застряла в стремени, и он повис вниз головой, неуклюжий и нелепый, словно тряпичная кукла. Лошадь, почуяв, что происходит что-то неправильное, остановилась, косясь на стремительно собиравшихся зевак. Ричард соскочил с Соны и, подбежав к Гансу, вместе с каким-то дюжим подмастерьем высвободил беднягу из ловушки. Что бы делал на его месте Ворон? Ричард оглядел толпившийся люд и бросил:

– Перенесем его в дом! И найдите лекаря.

Желающих помочь отыскалось не меньше дюжины. Кто-то взял под уздцы лошадей, кто-то помчался на поиски врача, кто-то подсунул камень под торопливо распахнутую дверь. Когда Ганса внесли в спальню и положили на покрытую стеганым одеялом кровать, тот на мгновение раскрыл глаза.

– Как вы себя чувствуете?

– Ерунда… Письмо, оно за пазухой… Передайте немедленно…

Ричард нащупал зашитый в кожу пакет, но сказать ничего не успел – бергер вновь потерял сознание. Стукнула дверь – прибежал врач. Ричард вытащил кошелек и, отсчитав дюжину таллов, бросил на стол:

– Любезный хозяин, позаботьтесь о больном и его лошади. Заплатите лекарю из этих денег, остальное – ваше. Больного зовут Ганс Корш. Он теньент королевской службы. Передайте ему, что я поехал во дворец и, как только выполню поручение, вернусь к нему.

Хозяин, оказавшийся портным, торопливо закивал. Дикон понял, что заплатил раз в пять больше, чем тот надеялся. Ну и хорошо, значит, за больным будет хороший уход. Юноша выбежал к Соне, сунул серебряную монетку державшему ее мальчишке, тронул поводья. Только б Рокэ был во дворце. Что же с Гансом? Похоже на лихорадку, наверное, простыл по дороге.

Сона тряхнула гривой и побежала вниз по улице. Ухоженные дома, яркие вывески, цветущие деревья, деловитые люди, забывшие и о прошлогодней войне, и о недавних погромах. Что же случилось на этот раз? Гаунау напал на Бергмарк? Скорее всего. Сколько же всего было торкских войн, никак не меньше двадцати, а Гаунау и Дриксен все неймется… Надо с этим кончать!

Подъезжая к дворцу, Ричард думал только о торкской кампании, маршале фок Варзове и встрече с братцами Катершванцами, которые увидят его с орденской цепью. Жаль, если придется уезжать немедленно и он не успеет забрать заказанные кольца. Было бы здорово появиться в Торке с подарком… А Герард Арамона пусть сидит в Олларии, сейчас не до него!

Во дворец Ричард решил попасть через Малый вход – это позволяло проехать под

окнами приемной Ее Величества. Вероятность того, что Катари именно сейчас взглянет в окно, была ничтожно мала, но Дик на всякий случай пустил Сону в кокетливый кентер.

Первым знакомым лицом, попавшимся юноше на глаза, оказался кансильер, разговаривавший с богато одетым человеком, у которого был здоровенный утиный нос.

Август Штанцлер приветливо улыбнулся Ричарду. Слава Создателю, не сердится. Подойти? А почему бы и нет. Кансильер может знать, где Первый маршал. А если он попросит показать письмо? Этого делать нельзя, Рокэ разозлится, и вообще тайную военную корреспонденцию могут вскрывать только Первый маршал и король, хотя Фердинанд глуп, как каплун.

– Здравствуй, Ричард. – Эр Август выглядел лучше, чем прошлый раз, но все равно неважно. – Граф, – оказывается, собеседник кансильера был графом, – разрешите вам представить Ричарда Окделла.

– Польщен, – произнес утконосый граф, – такой молодой и уже рыцарь Талигойской Розы!

– Ричард – сын Эгмонта, – глаза кансильера потеплели, – этим все сказано. У вас дело?

– Да, э… да, господин кансильер. Я ищу Первого маршала Талига.

– Насколько это срочно? – Теплая искорка в глазах Штанцлера погасла.

– Очень срочно, – признался Дик, – гонец привез послание от маршала фок Варзова, он болен…

– Старик Варзов! – огорченно воскликнул кансильер. – Вот уж точно, беда не приходит одна!

– Варзов не болен, – поправился Ричард, – то есть я так не думаю. Болен теньент, который привез письмо. Он упал с лошади, я оставил его в одной мастерской… Гонец говорит, медлить нельзя, он загнал трех лошадей…

– Даже не знаю, Ричард, – покачал головой эр Август, – маршал у Ее Величества. Она хотела его видеть…

Кансильер замолчал, он и так сказал слишком много. Катари хотела видеть Рокэ Алву, чтобы просить за братьев, но Ариго теперь в руках Дорака и Манрика. Рокэ не может вмешиваться в ход дознания или все-таки может?! Если начнется война, слово Первого маршала перетянет вопли всех Манриков мира… Правду сказать, братья Ее Величества Дику не очень нравились, а Иорам к тому же был кругом виноват, но родная кровь – это родная кровь. Ради Катари нужно, чтоб Рокэ прочитал письмо немедленно.

– Эр Август, я… Я должен передать письмо немедленно, это очень важно.

– Безусловно, – на лице кансильера, опровергая его слова, мелькнуло сомнение, – граф, мы вынуждены вас покинуть.

– Я понимаю, – с достоинством произнес Утиный Нос. Кансильер взял Дика под руку и повел по коридору.

– Будет лучше, если вы войдете через Весенний садик. Там есть калитка, которой пользуются камеристки. Ее Величество не скрывает своих встреч с Первым маршалом, но лишний раз напоминать об этом не стоит. Тем более теперь…

– Эр Август, – осмелел Ричард, – если начнется война, Первый маршал сможет потребовать освобождения Ги Ариго?

– Герцог Алва может требовать все, что захочет, и без войны. Другое дело, что Ги, Иорам и Людвиг – его враги. Будет странно, если Ворон за них заступится. Думай он иначе, он не стал бы размахивать на Совете найденными письмами, хотя по-своему Алва прав. Поведение Иорама было, мягко говоря, подозрительным.

– Я… я думал, что Ее Величество…

Кансильер покачал головой:

– Я бы не обольщался. У Рокэ нет родных, и он вряд ли отнесется с сочувствием к просьбам сестры, любящей братьев, какими бы те ни были. Увы, в семье Ариго есть только один настоящий мужчина – Катарина. А вот Иораму больше пристали бы юбки, чем шпага и

плащ…

Кансилльер замолчал, они миновали внутренний двор и оказались у изящной арки, которую охраняли гвардейцы в алом. Штанцлер назвал пароль, охранники расступились, и кансилльер Талига и оруженосец Первого маршала прошли в небольшой сад, засаженный сиренью и гиацинтами.

Штанцлер трижды стукнул в низенькую дверцу светлого дерева, та распахнулась, и на гостей уставились круглые темные глаза. Узнав кансилльера, женщина облегченно вздохнула.

– Клариче, – быстро сказал Штанцлер, – Ричард Окделл – оруженосец маршала Алвы, он ищет своего господина. У него срочные известия.

– Ее Величество и монсеньор в будуаре Ее Величества, – церемонно произнесла Клариче, и тут Ричард ее вспомнил. Именно она причесывала Катари в тот уже давний день, когда оруженосец впервые увидел свою королеву. – Ее Величество просили не беспокоить.

– Это очень важно, – твердо сказал эр Август.

– Пусть молодой господин доложит о себе сам, – сдалась камеристка.

– Идите, Ричард, – Август сжал плечо юноши, – и да поможет вам Создатель.

Ричард пригнулся и вошел в пахнущую гиацинтами прихожую. Ему хотелось разглядеть все как следует, но под настороженным взглядом камеристки это было неудобно.

– Сударь, – женщина указала на обитую голубым шелком дверь, – вам туда. Сначала будет приемная, за ней – будуар.

– Спасибо, – выпалил Ричард, сердце которого забилось при мысли о том, что он скоро увидит Катари. В первый раз после чествования героев Варасты!

Ричард, стараясь ступать потише, пересек приемную, откуда вели три двери. Одна была распахнута, и Дик вошел. Катари в голубом нижнем платье сидела на коленях у маршала, но как-то странно. Услышав шорох, она вздрогнула всем телом, но попытки вскочить не предприняла, а, наоборот, крепче прижалась к Ворону. Юноша видел заколотые высоко на затылке волосы и напряженную шею. Надеется, что не узнают? Но разве можно не узнать эти три маленькие темные родинки?

Ноги Дика приросли к полу. Дворянину, ставшему невольным свидетелем чужой любви, следовало немедленно удалиться, но юноша не мог оторвать взгляда от узла светлых волос и обхватившей плечи герцога тонкой руки. Положение спас Рокэ.

– Заходите, Ричард, – эр заговорил бы точно так же, застань его Дик за карточным столом или бутылкой вина. – Вы, надо полагать, по делу?

– Эр Рокэ, – начал Ричард и осекся.

Ворон ловко снял с колен женщину, встал и повернулся лицом к резному бюро. Все это он проделал быстро и ловко, но Дик по неопытности не успел отвернуться. Он слишком поздно сообразил, что означала поза королевы и почему она не встала сразу же. Лицо Катари отливало снежной бледностью, казалось, она вот-вот упадет, корсаж был расшнурован, одна из небольших грудей полностью обнажена…

– Отвернитесь, оруженосец, – посоветовал Рокэ, – уверяю вас, это не самые роскошные яблоки в Талиге и не самые сладкие. Прошу прощения, эрэа.

Ричард наконец оторвал взгляд от полуодетой королевы. Он знал про Рокэ и Катари, давно знал, и все-таки это было ужасно!

– Юноша, может, вы наконец скажете, что и где горит?

– Гонец от маршала фок Варзова… Очень срочно.

– Стало быть, горит на северо-западе… Похоже на правду. Где гонец?

– Заболел… Письмо у меня.

– Давайте сюда. Ваше Величество, – Рокэ изысканно поклонился замершей у окна женщине, – прошу нас простить.

Королева не ответила, даже не повернула головы. Каким же мерзавцем она теперь будет его считать. Что он натворил!

– Успокойтесь, юноша, – снисходительно бросил Ворон, когда они оказались среди

цветущей сирени, – до конца света еще далеко. Где вы оставили гонца?

– У… у портного. На углу Мельничной… Лавка с собакой в камзоле.

– Прелестно, – Алва достал кинжал и ловко вскрыл пакет. – Что ж, пускай болеет. Я еду в казармы, а вы… Вы можете быть свободны до вечера. Или вот что. Отправляйтесь к баронессе Капуль-Гизайль и расспросите, что именно говорил ее незадачливый поклонник.

Дик кивнул. Перед глазами юноши стояло снеговое личико Катари. Значит, она все-таки уговорила Рокэ, а потом они… Святой Алан, как теперь он покажется ей на глаза. Ни одно донесение не стоило пережитого ею стыда!

– Монсеньор, – голос Ричарда дрогнул, – прошу меня простить. Я… я не думал…

– Не сомневаюсь, – кивнул Алва, его мысли были заняты чем-то другим, – думать вредно, так что вы поступили совершенно правильно.

Нет, Ворон все-таки чудовище, бездушное чудовище. Для него донесение с границы важнее чести лучшей женщины Золотых земель! Дику оставалось одно – вытрясти из баронессы Капуль-Гизайль правду о том, что сказал ей Килеан. Или неправду! Пусть признает, что получила письмо и решила, что оно написано графом. Могла же она ошибиться… Оправдать Килеана значит помочь Ариго, то есть Катари…

3

Марианна играла с собачкой. При виде гостя красавица, не вставая с обитого золотистым атласом дивана, протянула юноше обе руки и забросала его вопросами о Варасте, Первом маршале и Надоре. Сбитый с толку Дик отвечал. Как эта женщина может щебетать о всякой ерунде, когда человеку, который ее любит, грозит смерть! Бесчувственна или глупа? Или и то, и другое? И как начать разговор?

Дик смотрел на черноволосую красавицу в оранжевом и пытался придумать нужную фразу. Мысли, и без того взбаламученные появлением гонца и сценой в будуаре, спутались окончательно. Все было как в дурном сне, когда он видел Катари в платье куртизанки. Темные родинки на белой шее Ее Величества, на которые падал выбившийся из прически светлый завиток, черная мушка в вырезе оранжевого платья… Марианна – брюнетка, почему у нее такая белая кожа? Почти такая же белая, как у Катари…

– А теперь, герцог, пора выпить, – засмеялась Марианна, сбрасывая на ковер тявкнувшую собачку, – за ваши воинские подвиги, вашего эра и ваше великое будущее!

Баронесса грациозно вскочила, оказавшись очень близко от Дика. Юношу окутал запах роз, памятный еще по прошлой встрече. Ричард старался думать о судьбе Килеана, но в голове вертелись слова Рокэ о том, что до вечера он может считать себя свободным. Катари любит Первого маршала, любит вопреки всему, а кого любит Марианна? Уж точно не Людвига…

– Герцог, – в черных глазах Марианны плясали золотые искры, – вам дурно? Вы сам не свой.

– Нет, сударыня, но… – Предпринятая Ричардом попытка перейти к делам была пресечена самым решительным образом. Пахнувшая розами ручка легко коснулась щеки молодого человека, Марианна привстала на цыпочки, дотянулась губами до губ Ричарда, засмеялась и сразу же отступила на шаг.

– Ричард Окделл, мы немедленно идем пить вино и есть ранний виноград. И никаких разговоров!

– Но, сударыня…

– Или вы будете слушаться, или уходите, – отрезала баронесса.

Ричард остался. Во-первых, он должен узнать про Килеана, а во-вторых, ему не хотелось уходить, наоборот, Дик не был уверен в том, чего хотела красавица, но насчет собственных желаний у него сомнений не было. Гость и хозяйка отправились пить вино, оказавшееся превосходным. За первым бокалом последовал второй, за вторым – третий. Юноша не то чтобы забыл о том, что случилось утром, но Торка уходила все дальше, Килеан

мог и подождать, а Катари… Катари принадлежала другому. Кому принадлежала Марианна, Ричарда не волновало – про барона с его птичками юноша и вовсе не вспомнил ни разу. Дик пил кэналлийское, не отрывая взгляда от собеседницы, его мучило только одно: с чего и как начать, чтобы не показаться смешным и неловким. В том, что Марианна не имеет ничего против его общества, юноша не сомневался. Иначе зачем бы она угощала его вином, предварительно накинув на дверь золотую цепочку. Марианна – распутница, она знает, чего хочет… Катари так растерялась, что даже дверь не заперла, а баронесса из всех выбрала его.

Голова юноши кружилась, одуряюще пахло розами, солнце пронизывало золотистые шторы, заливая комнату горячим летним золотом.

Ричарду хотелось подхватить баронессу на руки, но юноша не был уверен, что удержит красавицу. Катари сидела на коленях у Ворона, но она не могла сделать это сама, значит, Рокэ поднял ее и усадил. Марианне бы это понравилось, но она полнее Катари, а он слабее Рокэ…

Баронесса расхохоталась и поправила выбившийся из прически локон. Пересесть к ней? Отодвинуть разделяющий их столик и встать на колени? Поцеловать руку или сразу губы? И что сказать? Выручил Дидерих. Юноша взглянул на бокал своей собеседницы, в котором еще оставалось вино, и выпалил:

– «В былые времена считали, что мысли растворяются в вине!»

– Как интересно, – бархатные глаза стали еще больше, женщина явно не читала «Пасынков Кабитэлы», да и зачем это куртизанке?

– «И допивая из чужого кубка, мы можем сокровенное узнать», – закончил Ричард, благословляя великого поэта и господина Шабли.

– Теперь, герцог, я понимаю, почему вы выпиваете вино сразу, – улыбнулась Марианна, подняв бокал и протянув его Дику, – вам, в отличие от меня, есть что скрывать.

Юноша торопливо схватил резной хрусталь, задев горячие пальцы.

– Пейте, – улыбнулась женщина, – и узнайте, о чем я думаю. Мне этого очень хочется.

Дик выпил, не отрывая глаз от смеющейся баронессы.

– Ну, – сказала та, – теперь вы знаете, чего я хочу? Так сделайте это! «Ведь женщине постыдно говорить, когда мужчине промолчать постыдно!» Она все-таки читала Дидериха! Отчего-то это поразило молодого человека до глубины души. Ричард вскочил, но лишь для того, чтоб опуститься на колени у ног красавицы, пустой бокал упал на пестрый ковер, но Дик этого не заметил. Поцеловав руку Марианны, он проделал то же с обутой в расшитую бисером туфельку ножкой. Дальше все вышло само собой, ну или почти само собой.

Герцог Окделл не знал всех тонкостей дамского туалета и с обязанностями камеристки управлялся не очень хорошо, но Марианна не сердилась, а смеялась. Зато она прекрасно знала, как расстегивается оружейная перевязь и развязываются шейные платки. Это открытие было последней мыслью, посетившей Ричарда на краю золотистой пахнущей розами пропасти.

4

О Килеане Ричард вспомнил только к вечеру. Марианна с распущенными волосами лежала на кровати в уже знакомой Дику спальне, куда они перебрались из будуара, не заботясь о разбросанных по ковру вещах.

Женщина грызла яблоко, лукаво поглядывая на Ричарда и время от времени отбрасывая на спину роскошную черную гриву. Она напоминала Сону – сильная, холеная, невероятно красивая. И подчинившаяся! Дик был не прочь остаться здесь на ночь, на неделю, навсегда, но нужно было идти. Война ждать не могла, но сначала – еще один долг.

– Марианна…

Баронесса отложила яблоко и улыбнулась.

– Марианна… Мне надо спросить… Килеан-ур-Ломбах, он…

– Он больше не будет мешать, – она поправила волосы, – по крайней мере, я на это

очень надеюсь!

Ричард вспомнил, как после диспута хотел, чтобы Килеана не было рядом с красивой баронессой. Его желание исполнилось, но как же страшно! А эта женщина, понимает ли она, что Килеан попал в беду из-за своей любви?

– Марианна… Графа обвиняют в том, что он знал о погромах.

– А он и знал, – баронесса перевернулась на спину и завладела рукой Ричарда, – сегодня слишком хороший вечер для таких разговоров.

– Но… – Дику не хотелось говорить о запертом в Багерлее человеке с холодным лицом, но Рокэ спросит, и потом… Потом, он должен это сделать ради братьев Катари, пусть она и любит другого. – Марианна, пойми… Граф Килеан сейчас в тюрьме…

– Вот пусть там и остается, – красавица положила руку Ричарда себе на грудь. – Самое подходящее для него место. Поцелуй меня, ты просто обязан это сделать.

Дик с удовольствием повиновался, и разговор прекратился сам собой. Когда Марианна его отпустила, в голове у Ричарда не было ни единой мысли, но баронесса обладала куда лучшей памятью.

– Ричард, – женщина приподнялась на локтях и внимательно посмотрела в глаза юноши, – ты кого-нибудь любишь?

Любит ли он? Любит, хотя об этом никто не знает и никогда не узнает. Особенно сама Катарина.

– Любишь, – тихо сказала баронесса, – имя мне не нужно, в Олларии удобнее не знать чужих тайн. Ричард Окделл, стал бы ты, зная, что противен женщине, которую любишь, играть на нее в карты?

Дику показалось, что он ослышался. Что о себе возомнила эта куртизанка?! Как она смеет ставить себя на одну доску с Катариной Ариго, королевой, дочерью знатнейшего рода, женщиной, до которой всем остальным дальше, чем до вечерней звезды?!

– Ты мне не ответил, Дик. Стал бы ты играть на свою любовь в карты?

– Это… Госпожа баронесса… Вы не смеете сравнивать…

– Отчего же? – Марианна села на кровати, не спуская взгляда с лежавшего юноши. – Любовь живет в том, кто любит. Для нее нет разницы между коровницей, королевой и святой. А если есть, если мужчина готов взять приглянувшуюся ему женщину силой, за деньги, обманом, это не любовь. Это, Ричард Окделл, называется иначе.

– Не знаю, в кого ты влюблен, но если эта женщина потеряет все, если ей, чтобы не умереть с голоду, придется продавать себя, ты ее купишь? Или поможешь, ничего не требуя взамен?

Дик растерянно молчал, не зная, что отвечать. В словах Марианны что-то было. Он счастлив служить Катари, умереть за нее, отдать ей все, что у него есть, но… Святой Алан! Разве можно сравнить этих двух женщин? Или куртизанка права, и важно – кто любит, и неважно – кого?

– Похоже, Ричард, ты и вправду любишь. Пусть твоя любовь будет счастливой, только не говори мне больше о господине Килеане. Поверь, это недобрый человек, он не стоит твоего сочувствия. Он вообще не стоит сочувствия.

– Но он любит вас, – растерянно пробормотал Дик.

– Куда ему любить, – баронесса потянулась и бросила Дику яблоко. – Такие не любят, а хотят и злятся на весь свет. Тот, кто придумал Леворукого, был похож на Килеана, уверяю тебя…

– Почему? – удивился Ричард, впиваясь в сочную мякоть.

– А потому, – с расстановкой произнесла баронесса, – что только ненужный женщинам мужчина мог запихнуть все мировое зло в смеющегося красавца, которому не откажет ни одна женщина. А для женщины нет ничего страшнее иззавидовавшегося зануды. Так что твоему Килеану в Багерлее самое место.

Дик чуть не подавился, а Марианна мстительно добавила:

– Пока он там, его нет тут, – и расхохоталась.

Глава 4
Агарис
«Le Chevalier des Bâtons» & «Le Dix des Épées»

1

Все это уже было. Говорят, дурные сны имеют обыкновение повторяться, дурная явь тоже. Снова пришло письмо, запечатанное несущей свечу мышью, снова магнус Клемент приглашал Робера Эпинэ в резиденцию ордена, а похожий на пыльного мышонка монашек вел гостя серыми, безликими переходами, и высокие сводчатые потолки давили на душу не хуже осенних туч. Снова магнус ордена восседал на резном деревянном кресле, словно не сходил с него целый год. Снова Робер преклонил колена, и Его Высокопреосвященство шевельнулся с явным намерением благословить гостя, который предпочел бы оказаться хоть в болотах Ренквахи, хоть в Сагранне под дулом пистолета, лишь бы подальше от магнуса. Теперь Робер Эпинэ никогда бы в жизни не назвал крысеныша в честь Его Высокопреосвященства Клемента, этого имени не заслуживала ни одна из живых тварей!

Магнус поднял сухонькую ручку, и Робер покаянно склонил голову, хотя больше всего талигойцу хотелось заорать, вскочить и убежать.

– Будь благословен, сын мой, и да не хранит сердце твое тайн от Создателя нашего.

Те же слова, что и год назад, век назад, тысячелетие назад. А они нужны Создателю, наши тайны? Хочет Он знать про нашу любовь, ненависть, надежду, сомнения или Ему нет до нас никакого дела?

– Сердце мое открыто слугам Истины, а помыслы чисты.

Ложь. Можно открыть сердце другу, родичу, даже врагу, но не этому человечку, словно слепленному из чердачной пыли. Иноходец смотрел прямо перед собой, гадая, о чем будет разговор, и на всякий случай готовясь врать. Его пригласили, а Альдо – нет. Почему? Что от него нужно этому… Раньше Робер назвал бы «истинника» крысой, теперь у него слов не было.

– Ты болел, сын мой? – В других устах это, может быть, и прозвучало участливо, но Иноходцу показалось, что магнус опечален не болезнью, а выздоровлением.

– Да, Ваше Высокопреосвященство. Кагетская лихорадка.

– Братья молились за тебя.

Вот только молитв этих… ему и не хватало. Его спасли гоганская магия и кровь Раканов, но говорить об этом нельзя.

– Я исполнен благодарности, Ваше Высокопреосвященство.

– Орден не оставляет тех, кого единожды избрал.

Угроза? Предупреждение? Ритуальная фраза? Леворукий их всех разберет…

– Я вижу, сын мой, на твоей руке браслет. Раньше его не было. Ты обручился? С кем? Когда?

Сначала со смертью, затем – с гоганни, но «истинник» этого знать не должен! И не узнает!

– С дочерью казара Адгемара Этери.

Это почти правда, а Белый Лис уже ничего не скажет. Никому и никогда.

– Казар мертв. Деву отдали другому.

– Я не признаю языческих и еретических обрядов. Принцесса Этери не вернула мне мое слово, пред лицом Создателя она остается моей невестой.

Вот вам! Пусть неведомая Этери будет счастлива хоть с козопасом, хоть с козлом… Как замечательно, что она есть на свете, и как же вовремя он о ней вспомнил! Хотя… хотя по законам Чести он должен теперь ее спасать… Впрочем, кто сейчас живет по законам Чести? Разве что бириссцы, но у них другая честь и другой бог.

– Твой браслет – дар Адгемара?

– Да! – Как просто лгать. А может, дело в том, кому лжешь и зачем.

– Обнажи запястье.

Эпинэ предпочел бы обнажить шпагу и проткнуть мерзкое серое существо, но пришлось повиноваться. Убийство магнуса одного из семи орденов непозволительная роскошь для изгнанника.

Впившиеся в золотой обруч глазки жалили, как муравьи, только бесцветных муравьев не бывает.

– Я вижу знак Дома Молнии, но извращенный, – голос Клемента стал жестким и колючим, как толченое стекло, – это символ одного из изгнанных Создателем демонов.

Магия гоганов и впрямь то ли от богов, то ли от демонов, и один из них повелевал молниями. Только вот ничего этот демон ему не рассказал ни о прошлом, ни о будущем. Не успел. Янтарный конь сбросил больного седока слишком быстро, осталась только метка на браслете, метка, которая может погубить всех.

– Это очень старая вещь, – выпалил Робер, – очень… Адгемар говорил, она сделана еще до Эрнани святого. Как она попала в сокровищницу Кагеты, никто не знает. Казар решил, что она принадлежала моему предку, и вернул ее…

– Казар Адгемар хорошо знал прошлое, – медленно произнес Клемент. А ведь он поверил! Поверил, что эту штуку раскопал Адгемар!

Пусть подозревает покойника, хоть в тройной игре, хоть в чернокнижии, Лису хуже не будет…

– Ты носишь на руке Зло, – объявил магнус, – и долг наш – освободить тебя от него.

А может, уйти? Кто посмеет его остановить, он не монах! Он гость Эсперадора. Юний вышел из ордена Милосердия, «голуби» никогда не любили «мышей»…

– Именем Создателя нашего святейший Эсперадор определил мне, недостойному, разрывать путы Зла и освобождать безвинных, попавших в сети.

Слова были пышными, но лишенный выражения голосок магнуса делал их сухими, незначительными и потому страшными. Юний выжил из ума, Оноре уехал, и теперь Эсперадором вертят «истинники». Что еще они выторговали? А ведь ему в бреду что-то такое мерещилось, что-то, связанное с орденом…

– Ваше Высокопреосвященство, это украшение не стоит вашего драгоценного времени. Я немедленно отправлюсь к ювелиру, он переплавит браслет.

– Сын мой, это золото осквернено печатью Зла. Ее необходимо разрушить!

Опять этот сухой, шелестящий голос, на что же он похож? На шорох змеиной чешуи по мозаичным плитам… Закатные твари, он – талигоец, а думает то ли как кагет, то ли как гоган. Не сметь думать о гоганах, ты – Человек Чести, ты ничего не знаешь о магии и не хочешь знать.

– Ваше Высокопреосвященство, я даже не знаю… Это – Залог, я поклялся Честью…

– Нет чести превыше покорности воле Его. Это Истина первая и Последняя. Сын мой, ты выйдешь из обители очищенным от скверны, что задела тебя.

Или вообще не выйдешь… Последних слов магнус не произнес, но Робер все понял и так. Его не выпустят! Ну зачем он сюда полез, да еще не сказавшись Енниолю? Хотя, спрячься он или бросься за советом, было бы еще хуже. Его бы искали, и кто знает, что нашли. «Истинники» умеют спрашивать…

– Сын мой, не бойся. Положи обе руки на стол и смотри мне в глаза.

Под браслетом какой-то след, Енниоль говорил… Не думать о Енниоле! Браслет – подарок Адгемара, Адгемара и никого другого. Казар надел гостю браслет на террасе с оранжевыми розами, и после этого Клемент… Другой Клемент взбесился. Крыс почуял зло, заключенное в браслете. Это все от Адгемара! И след на руке тоже! Путсь его режут на куски, жгут, топят, вешают, это от Адгемара. Он привез браслет из Кагеты, значит, зло оттуда. Там был Адгемар, там был Ворон, Ворон застрелил Адгемара, а он вернулся в Агарис, вернулся обрученным…

– Тот, чье сердце открыто пред слугами Истины, защищен. Открой свое сердце, открой свой разум, открой свою память, и ты спасешься.

Спасаться? Мерзкое слово и еще более мерзкое дело. Нужно спасать других, а не себя. Он должен вынести все, что на него валится, раз уж не удосужился умереть ни в Ренквахе, ни в Сагранне. Открыть разум, говоришь? Открыть память? Нате, читайте! Там только Адгемар и Ворон, Ворон и Адгемар…

2

Голубая звезда Нугатис поднялась над верхушкой одинокого платана. Дом засыпал, последний раз что-то стукнуло, раздались знакомые шаги – отец отца проходил коридорами, проверяя курильницы, затем все стихло, лишь время от времени взлаивали псы на дворе. Во внешнем доме гуляли и пили гости, но в защищенной части рано ложились и рано вставали, только отец и его подручные приходили под утро, когда разойдутся последние гуляки. Может быть, ее принц сейчас в «Оранжевой луне», а она об этом не знает. Ну почему, почему, почему она должна сидеть в четырех стенах, когда женщины внуков Кабиоховых свободны?

Мэллит сжалась в клубочек на кровати, глядя в окно. Послезавтра будет Ночь Луны, два дня, как долго! Когда Мэллит мечтала о свидании с Альдо, она ничего не боялась – ни темных улиц, ни ночных грабителей, ни родительского гнева. Страх наваливался после прощания, страх и желание поскорее забиться в свою норку и, как скупец перебирает сокровища, перебирать минувшую встречу. По словечку. По каждой улыбке, каждому наклону головы, жесту, вздоху.

Провожать себя Мэллит не позволяла – это было опасно. Кто-то мог случайно заметить принца Ракана в странное время, в странном месте, кто-то мог связать это с нежданным богатством Робера, да мало ли кто что мог… И Мэллит ласково, но твердо высвобождалась из любимых рук и уходила в темноту. Впереди лежали бесконечные пустые улицы, ветер раскачивал фонари, плясали черные тени, а в небе сиял одинокий лунный глаз, неотступно следя за грешницей, презревшей и честь, и веру, и обычай. Мэллит бежала домой, держась поближе к стенам домов, клянясь себе и Ему, что это последний раз и следующую Ночь Луны она проведет, как и положено правнучке Кабиоховой, молясь и вспоминая.

Как жаль, что она не смогла взять с собой розы, присланные любимым. «Золотистые розы к золотистым глазам и золотому сердечку»… Так велел передать Первородный. Какие дивные слова, их может сказать лишь любовь, но Альдо из рода Раканов скоро уедет. Разлука ранит сильнее шипов и сильнее укрытого в аре кинжала. Золотые розы растут из крови… Поля золотых цветов, поднявшихся из чужой беды, а над ними вечное небо.

Мэллит провела рукой по усыпанным росой лепесткам. Эти розы были без шипов, и они не пахли. Почему? Они мертвы? Смерть – это тень жизни, а равнодушие – тень любви, но без тени нельзя понять свет. Гоганни тронула другой цветок, он пах полынью. Налетевший ветер пошевелил золотое море, он искал ее, он хотел что-то сказать, что-то важное…

Девушка вздрогнула и проснулась. Она была дома, в своей постели, голубая звезда еще не зашла, ночь только начиналась. Мэллит села, обхватив коленки, борясь с нелепым желанием одеться, вылезти в окно и бежать, бежать, бежать куда угодно, лишь бы подальше от этого мирно спящего дома. Дочь Жаймиоля потрясла головой, пытаясь отогнать дурацкие мысли, затем впилась зубками в запястье, ведь боль вытесняет из головы все лишнее. Не помогло.

Мэллит понимала, что не должна никуда идти, ее никто не ждет, а выбираться из дома в обычную ночь и вовсе безумие, но справиться с собой не могла. Девушка вскочила, быстро оделась и распахнула окно. Остатки здравого смысла заставили ее замереть на подоконнике. Тоскливо взвыла собака, прошелестел ветер, дрогнула и покатилась по небу звезда. Кто-то умер или умрет… Гоганни вздрогнула от холода и прыгнула. Старый платан был ее давним

другом, он ни разу еще ее не подвел. Девушка перебралась на верхнюю галерею, пробежала по переходам, юркнула в подвал. Мэллит осознавала, что делает, ее движения были выверенными и расчетливыми. Она не забывала прислушиваться, прежде чем переложить какую-либо вещь или сдвинуть занавес, запоминала, как все было, чтобы вернуть все на свои места, она была хитра, как лисица, но лисица обезумевшая.

Может, выпить много вина, упасть и уснуть? Торопливо переодеваясь во франимское платье и открывая потайной ход, дочь Жаймиоля пыталась остановиться, но не могла. Неужели она одержима демоном? Такое бывало, хотя нет, демон захватывает тело, вытесняя душу, а она понимает, что с ней происходит. Мэллит промчалась тайным ходом и выбралась наружу между двумя каменными сараями. Это место всегда было безлюдным, тем более ночью. Гоганни прижалась к прохладной стене, пытаясь успокоиться. Не получилось – ее по-прежнему гнало прочь от родительского дома. Воля и здравый смысл уступили, Мэллит выбралась в узкий переулок, прошмыгнула мимо увитой плющом стены и выскочила на неширокую сонную улицу.

Резкая боль в груди заставила девушку тихонько вскрикнуть, однажды она уже испытала нечто похожее. Гоганни торопливо расстегнула куртку и сунула руку за пазуху, боясь и ожидая нащупать кровь, но рана не открылась, по крайней мере пока. Нужно вернуться – не хватало, чтобы ей стало плохо на улице. Несмотря на нарастающую боль, Мэллит заставила себя сделать несколько шагов, но у входа в спасительный переулок маячила какая-то фигура. Путь домой был отрезан.

3

Магнус, кресло с мышью, серые своды, где они? В мутном адском вареве не было ни верха, ни низа. Зрение, слух, обоняние отказывались служить, а тело одновременно окаменело и растворилось. Живыми оставались только сердце и мозг. Сердце бешено колотилось, пытаясь вырваться из сжимавшей его холодной пустоты, мозг ломала дикая, ни с чем не сравнимая боль, боль, которая высасывает разум, память, осознание того, что происходит, ощущение себя.

– Сын мой, что ты знаешь о силе Раканов?

– Ничего… Ее нет… Это сказки… Альдо Ракан – верный сын эсператистской церкви.

– Почему Адгемар Кагетский пожелал ему помочь?

– Не знаю… Он не любит Олларов… Он хотел получить Варасту…

– Он говорил о реликвиях Раканов?

– Каких реликвиях?.. Я ничего не знаю.

Его размазывало, раздирало, растаскивало в клочья, словно из его тела заживо вырывали душу, а может быть, так оно и было. Единственное, что он мог – не дать высосать из себя все до единой мысли, он помнил. Там был Адгемар… Адгемар и Рокэ.

– Что говорил Адгемар о реликвиях Раканов?

– Ничего!

Это правда… Адгемар не говорил ничего, и Ворон не говорил ничего… Да и откуда им знать? Там были эти двое, только они… Сначала – казар, потом – маршал, и они ничего не говорили.

Серая бездна обещала покой и забвение, если он сдастся. Покой и забвение вместо адской боли, это так прекрасно… Нужно только рассказать то, что он знает. Но он не знает ничего. Ни-че-го!

– Сын мой, ты видел вещи с такими символами?

– Не помню… Кажется, нет… Не обращал внимания.

– Смотри внимательно, смотри и вспоминай, это очень важно!

Зигзаг молнии, такой, как на браслете… Два странных завитка… Один… Один похож на волну, а другой, как вихрь… И еще что-то вроде горы… Окделлы? А это? Во имя Аст…. Во имя Создателя, что это?!

– Ты видел эти символы? Где? Когда?!

– Они похожи… На гербы… Особенно последний. Скала Окделлов…

– Ты видел это в Кагете?

– Нет!

– Тогда где?

Молния, Ветер, Скала, Волна и Зверь… Зверь Раканов! Он не видел этого… Не видел, а если видел, то не запомнил…

Эгмонт Окделл проверил, хорошо ли заточена шпага, лицо Повелителя Скал было таким, как всегда – спокойным, грустным, чуть отрешенным. Он шел умирать и знал это, он устал нести на себе свой долг, а тот давил, словно скала. Сколько можно тащить в гору камень и зачем? Эгмонт неумело улыбнулся, вложил шпагу в ножны и ушел. Навсегда. Остался Дик… Последний в роду. И Альдо тоже последний – последний Ракан! И Алва… Хотя нет, Ворон – чужак, Повелители Ветров исчезли, потому на гербе Алва и нет древнего завитка… А Эпинэ – двое. Он и дед… Пять лет назад у Повелителя Молний было двое сыновей и четверо внуков, остался один… У Адгемара тоже четверо сыновей… При чем здесь казар? Он же мертв! Его убил Ворон, как и Эгмонта… При чем здесь казар? При всем! Это он подарил талигойскому послу старый браслет. Они сидели на террасе, цвели оранжевые розы, летали ласточки…

– Клянись Создателем, что ты не укрываешь Истину от слуг Его.

Губы не слушались, они не желали лгать… Он видел эти знаки. Все! На шкатулке Матильды. А молния… Молния появилась в глубинах ары, когда Альдо и Мэллит… Нет! Он ничего не знает и ничего не видел… Браслет ему дал Адгемар, но казар ничего не скажет. Он мертв, его убил Ворон.

– Клянись, сын мой!

Му́ка длилась столетия, и Робер знал, что она будет длиться вечно. Облегчение принесет лишь покорность. Он скажет правду, и все кончится, ему позволят уйти… Солгать невозможно – его видят насквозь, его губы не могут произнести ложной клятвы. Значит, придется молчать! Робер Эпинэ не предаст ни своего сюзерена, ни свою любовь… Во имя Астрапа! Он ничего не знает, Адгемар унес тайну в Закат… Адгемар и Ворон… Это они. Только они…

Рука в черной перчатке играет пистолетом… Окровавленное лицо Лиса, смех Рокэ и свет!

Багровый закатный свет врезался в серую муть. Робер вновь ощутил свое тело, спеленутое в тяжелых, холодных объятиях, но это были объятия живого существа, облепившего его мокрой липкой простыней. Эпинэ рванулся, мускулы напряглись до предела, и тварь не выдержала. Теперь уже она страдала от рвущей ее тело боли, закатного света, хохота Ворона.

Башня! Та самая… Он все-таки до нее добрался и стоял на каменной площадке. Рядом были Дик, Альдо, дед, Адгемар с каким-то молодым кагетом и Ворон. Небо отливало кроваво-красным, и в нем кружили черные птицы. Налетел ветер, растрепал черные волосы Рокэ и седые кудри казара. Алва засмеялся и с силой толкнул Адгемара, тот зашатался, бестолково хватая руками воздух, и полетел вниз, в объятия отвратительной липкой смерти, отпустившей Робера, чтобы принять положенную жертву.

Серое ничто пошло рябью, как лужа под осенним дождем, Робер чувствовал сладострастное предвкушение, охватившее тварь.

– Не смотри! – Кто это крикнул? Дед? Эгмонт? Но его же тут нет! Эпинэ торопливо поднял глаза и столкнулся взглядом с Вороном.

– Отдай, – Алва устало кивнул на браслет, – пусть подавятся…

– Клянись, сын мой.

– Клянусь – я не помню этих символов. Клянусь – я ничего не знаю о реликвиях Раканов.

– Мы верим тебе, сын мой, ибо нельзя солгать под взглядом Его.

Робера била дрожь, в виске засела ледяная игла, но он снова был в Торквинианском аббатстве, и перед ним сидел магнус Клемент, еще более серый, чем всегда. Эпинэ глянул на лежащие на столе руки. Они были в крови, кровь текла из-под браслета…

– Сын мой, – тускло произнес «истинник», – вещь, носящая нечестивый знак, должна быть уничтожена. Сними ее.

Эпинэ покорно занялся браслетом, стараясь не думать о том, откуда взялась рана. Застежка легонько щелкнула, Робер едва успел подхватить золотую полоску. Только бы на ней не оказалось гоганских надписей, хотя Адгемар мог якшаться и с гоганами. С гоганами, холтийцами, козлами, демонами, кошками…

– Ваше Высокопреосвященство хочет, чтобы я оставил эту вещь здесь? – Робер вытащил платок и быстро замотал руку, заботясь не столько о том, чтобы остановить кровотечение, сколько о том, чтобы скрыть неведомый ему самому след. К счастью, магнус был слишком занят браслетом. Странно было видеть в этих прозрачных ручках золото, да еще окровавленное.

– Ваше Высокопреосвященство, могу ли я считать, что святая эсператистская церковь освобождает меня от слова перед принцессой Этери?

– Сын мой, – «истинник» потерял к гостю всякий интерес, – ты свободен от дочери чернокнижника.

Вот так, Адгемар, теперь ты – чернокнижник. Кое-чему ты меня все-таки научил, ты и Ворон. Победа может быть дороже Чести. Иногда…

– Иди, сын мой. Ты свободен от Зла, оно больше не коснется тебя.

От чего это он свободен? Робер, не дрогнув бровью, принял благословение и вышел. Холодно и пусто, словно из него душу вытрясли, а вдруг так оно и есть? На первый взгляд он здоров, только голова как с похмелья, хотя бывало и хуже…

Что они про него узнали? Что они вообще узнали? Выйдя на улицу, Эпинэ рискнул поднять манжет и отнять от раны платок. Ничего! Если не считать крохотного пореза, впрочем, почти затянувшегося.

Глава 5
Агарис
«Le Chevalier des Bâtons» & «Le Six des Coupes»

1

Робер расправил манжеты и задумался. Нужно решать, кому верить – «истинникам», гоганам или никому. То, что магнус и Енниоль гонят одного и того же зверя, Эпинэ не сомневался. «Истинники» были отвратительными, гоганы – чужими, а они с Альдо умудрились попасть точнехонько между молотом и наковальней. Сюзерен прав. Рыжие дерутся за первородство, торквинианцы точат зубы на что-то совершенно непонятное, а талигойцы и для тех, и для других – разменная монета. Как и кагеты, бириссцы, бакраны и все остальные. Так что? Плюнуть на данное слово и думать лишь о своей шкуре? Да кому она нужна! Уж во всяком случае, не ему. Будь что будет, но он расскажет Енниолю о том, что браслет у «истинников», и покажет руку, на которой нет никакого следа… Пусть «истинники» забрали браслет, его сердце отдано Мэллит навеки и до смерти, а вот Альдо о походе к магнусу лучше не знать – целее будет.

Отправиться на поиски достославного прямо сейчас или выждать? Если за ним следят, уместнее пойти… куда? Домой? В таверну? Пожалуй что в таверну! Вот он и пойдет в «Оранжевую луну», даст знать, что произошло нечто важное, но за ним могут следить, а дальше – дело Енниоля.

Приняв решение, Иноходец повеселел, главное – знать, что делать, а как – приложится. Оказавшись на площади, Робер оглянулся – так, для очистки совести, чего-чего, а

выискивать прознатчиков последний из Эпинэ не научился и сомневался, что когда-нибудь научится, и вообще пошло оно все к кошкам! Талигоец махнул рукой и направился в таверну.

После серых выстывших переходов аббатства «Оранжевая луна» казалась средоточием жизни. Зал, несмотря на поздний час, был полон – смеялись и пили моряки, хихикали красотки в ярких платьях, тенями метались подавальщики, пахло жареным мясом, приправами, горячим хлебом. В эту ночь Робер любил всех, кого занесло к достославному Жаймиолю, какими бы грубыми, глупыми и шумными они ни были. Каждый взрыв хохота, каждая тарелка с обглоданными костями напоминала, что он вырвался из сухоньких мышиных лапок и вернулся к людям.

– Блистательный обронил письмо, – молодой гоган в опрятном фартуке с поклоном подал Роберу измятую записку и помчался к дальнему столу, по которому стучали кружками подвыпившие фельпские моряки. Иноходец был знаком с гоганскими штучками и все равно едва не поверил, что пахнущий резедой клочок бумаги выпал из его кармана.

Клочок оказался любовной запиской, таких у любого кавалера найдется не меньше десятка. Какая-то Лауренсия ждала «милого Робера» в доме на улице Милосердного Аврелия, посылала ключ и «тысячу тысяч раз» целовала его черные глаза. Робер рассеянно сунул письмо в карман и с удивлением обнаружил там ключ. Чисто сработано! Эпинэ бросил на стол пару монет и, фальшиво насвистывая, вышел на улицу.

До указанной улицы было рукой подать. Иноходец неплохо знал Агарис, хотя лучше бы ему было сюда не возвращаться… Лучше бы ему было отправиться в Гайифу или вообще к кану холтийскому, а всего умнее было бы не родиться, тогда бы не было ни поражений, ни разлук, ни предательств, ни любви…

Любопытно, существует ли таинственная Лауренсия на самом деле? Гоганы все делают на совесть, когда они с сюзереном шли «смотреть» лошадей, им показывали лошадей. Когда они играли в кости, они таки играли, теперь его вызвали на свидание… И свидание оказалось самым настоящим, а женщина очень красивой – белые волосы, зеленые глаза, очень светлая кожа. Кто она? Откуда? Неважно! Красавица ждала Робера Эпинэ, и талигоец постарался ее не разочаровать. Удалось это или нет, Иноходец так и не понял. Лауренсия была слишком умелой, чтобы сказать наверняка, но Робер был ей благодарен. В том числе и за то, что она молчала.

Лауренсия улыбнулась и встала. Робер лениво следил за тем, как женщина зажигает свечи и наливает вино. Сколько ей лет? Где родилась? Любила ли кого-нибудь? Да какое это имеет значение… Красавица подала бокал, наполненный лучшим кэналлийским, и Эпинэ вспомнил о «франимском виноторговце». Пахнущее холодом вино было старше и Мэллит, и Ворона, и Матильды. Пошедший на «девичьи слезы» виноград вызрел еще при деде Рокэ.

Где-то что-то скрипнуло, и в спальню вошел достославный из достославных… Гоган мельком глянул на полуобнаженную женщину – так глядят на вещь, впрочем, нужную и дорогую.

– Блистательный начал ночь с радости, пусть она длится вечно…

С радости? Пожалуй что и так. Лауренсия на несколько минут заставила его позабыть обо всем, но вечного забвения он не хочет!

– Благодарю достославного из достославных.

Разрубленный Змей! Надо же одеться…

– Не стоит надевать одежды раньше утра. Сын моего отца уйдет, и внука твоего деда вновь согреет любовь.

Согреть-то согреет, только на любовь это похоже, как живая лошадь на мертвую. В любом случае говорить с Енниолем в голом виде Робер не собирался. Талигоец торопливо одевался, а гоган сидел у стола, невозмутимый, как изваяние. Он рискует, доверяя куртизанке. Конечно, больше, чем гоганы, ей в Агарисе никто не заплатит, но есть еще и страх, и магия.

Раньше Робер не верил в сказки, но не спорить же с очевидным! И гоганы, и

«истинники» могут многое, хотя, возможно, Енниоль спокоен именно поэтому. Гоган перехватил взгляд Робера и покачал головой:

– Мы одни пред глазами Его.

Женщина сощурила глаза и накрутила на палец серебристую прядь. Робер пожал плечами – Енниолю виднее, что и при ком говорить.

– Что погнало правнука Флохова в ночь?

– «Истинники», – выдохнул Робер. – Мне пришлось отдать им браслет М… мммм, под ним ничего не было.

Он рассказал все, умолчав лишь о своей любви, но о ней он не сказал бы даже Создателю. Гоган слушал, слегка наклонившись вперед и перебирая холеную бороду.

– Неисповедима воля Кабиохова, – Енниоль казался задумчивым, но спокойным, – не было средств снять клеймо, но оно снято. Блистательный свободен, это так, но кто его освободил? Первородный? Сила Флохова? Или же отмеченный мышью?

Достославный замолчал, длинные желтоватые пальцы легко поглаживали кончик бороды. Женщина на кровати не шевелилась, свеча догорела, и Робер зажег другую. Огонек показался странно алым, закатное пламя на мгновение залило комнату кровью и погасло. Эпинэ вздрогнул и выронил огниво.

– О чем ты подумал? – голос Енниоля прозвучал как-то странно.

– О закате…

– Иногда вернувшиеся с порога обретают дар предвидения, – гоган не казался ни удивленным, ни испуганным, – если сын моего отца больше не встретит блистательного, он должен призвать на голову его благословение Кабиохово.

– Я благодарен правнукам Кабиоховым…

А ведь они прощаются, хотя все живы и здоровы и нет никакой войны. Во имя Астрапа, что ж такое творится в Агарисе? Что творится во всех Золотых землях?

2

Холодные капли на лице. Дождь? Откуда? Где она?! Сквозь густые ветки виднелось зеленое предрассветное небо. Мэллит пошевелилась, и на нее обрушился поток холодной воды. Роса! Девушка торопливо вскочила, оцарапавшись о колючки. Барбарисовый пустырь! Как она сюда забралась?

Последним, кого заметила Мэллит, был стройный молодой парень в странном платье. Он не походил ни на призрачное лунное чудовище, которым ее пугали в детстве, ни на грабителя, ни на шпиона. Просто стоял на перекрестке и кого-то ждал. Наверное, пришел на свидание, а его обманули. Она и сама так ждала, до последнего надеясь на то, что любимому удастся вырваться.

Будь это в другом месте, Мэллит спокойно бы пробежала мимо, но случайный прохожий от скуки мог за ней проследить. Все гоганские жилища имеют тайный выход, и нет преступления перед семьей страшнее, чем выдать его чужакам. Первородный несколько раз спрашивал, как ей удается покидать дом, но она не открыла тайны даже ему.

Девушка кое-как привела в порядок одежду. Какая она глупая и что это на нее нашло! Наверное, она заболела. Еще рано – в доме все спят, если поторопиться, она проберется к себе и ее никто не заметит. На улицах пусто, ночные сторожа и гуляки уже ушли, торговцы еще не проснулись. Мэллит несколько раз вздохнула полной грудью. Боли не было, только какая-то тяжесть, тяжесть и холод, но это от росы. Одежда отсырела, вот и все.

От пустыря до переулка она добралась очень быстро. На углу никого не было – ночной прохожий, разумеется, давно ушел. На всякий случай гоганни оглянулась. Никого! Только бы обошлось, только бы ее не заметили! Никогда еще Мэллит не возвращалась так поздно, но она успела! В доме было тихо, значит, отец отца еще не призывал возблагодарить Кабиоха и детей Его. Девушка скользнула в свою комнату, сбрасывая на бегу отсыревшие франимские тряпки – прятать одежду в подвале не было времени. Она совсем помешалась –

уйти из дома обычной ночью…

Дочь Жаймиоля присела у четырехугольного зеркала и принялась расчесывать волосы. Раньше она это ненавидела, но в последнее время отражение в посеребренном стекле перестало вызывать отвращение. Первородные называли ее красавицей, и гоганни начинала им верить. Талигойцы были другими, не похожими на ее соплеменников, они иначе одевались, ходили, говорили, и они любили других женщин. Не таких, как ее сестры! Мэллит разбирала прядь за прядью, только бы волосы успели высохнуть, прежде чем к ней войдут. Конечно, никто не догадается, в чем причина, но лишняя ложь повисает на шее каменными жерновами.

Раздался колокольный звон, призывая верующих к молитве, и удивленная Мэллит выронила гребень. Девять часов, а отец отца еще не поднялся! Неужели ему стало плохо? Недавно сестры говорили о печальной судьбе достославного Халлаоля. Вечером он поднялся в свою спальню и утром не вышел. Когда сын осмелился войти в комнаты отца, тот был мертв, а ведь приди помощь вовремя, его могли спасти.

Девушка не колебалась. Пусть ее обвинят в непослушании, она пойдет и посмотрит. Мэллит кое-как стянула волосы на затылке, выскочила из комнаты, на цыпочках пробежала по коридору и раздвинула занавес. Отец отца в своей постели не спал. Если ему стало плохо, то не у себя. Где же он? В кладовых, в комнате размышлений, в алтарном чертоге?

Спящий дом ночью был привычным и знакомым, пустые, пронизанные солнечным светом коридоры казались мертвыми. Родичи тихо сидели по своим спальням, Робер назвал бы их коровами и был бы прав… Мэллит спустилась к алтарному чертогу. Входной занавес, как и подобает, был опущен, гоганни откинула тяжелую материю, заглянула внутрь и закричала. Крик разнесся по всем уголкам замершего дома. Никто не отозвался, но Мэллит не поняла ни то, что кричит, ни то, что ее не слышат. Судорожно вцепившись в занавес, дочь Жаймиоля смотрела на четырехгранную пирамиду, словно бы вырезанную из сагранского гематита.

На отливающих черным металлом гранях красовались трещины, похожие на странные символы, и еще из них вырастали оскаленные кошачьи морды и тянулись вперед когтистые лапы. Рядом с осквернённой арой лежал отец отца, по искаженному лицу, неловко вывернутой руке, черно-желтому одеянию плясали солнечные зайчики. Больше в комнате не было никого и ничего, лишь на полу в нескольких местах виднелись какие-то пятна, словно от высохших лужиц не очень чистой воды.

3

Странно, но Робер совсем не чувствовал усталости, словно не было бессонной ночи, начавшейся в торквинианском кубле и закончившейся на улице Милосердного Аврелия. Спать не хотелось, хотелось вскочить на коня и помчаться галопом вслед за солнцем. Заботы и тревоги куда-то делись, Эпинэ позабыл и о проклятых тайнах, и о своей собственной весьма незавидной участи; талигоец не сомневался, что все образуется и в конце концов все будут счастливы и он тоже. Единственное, о чем жалел Иноходец, это о том, что природа напрочь лишила его слуха, а ему так хотелось петь.

С трудом сдерживаясь, чтобы не заорать во всю глотку кагетскую песенку об улыбающейся солнцу фиалке, Робер Эпинэ вышел на площадь Единорога, откуда до дома Матильды было рукой подать. Расставаться с летним солнцем и синим небом не хотелось, но Эпинэ вспомнил о голодающем Клементе и ускорил шаг, однако первым Робера встретил не Его Крысейшество, а сюзерен.

– Наконец-то! – На лице Альдо читалось неописуемое облегчение. – Где тебя всю ночь носило?

– Разумеется, с дамами. – Что с ним такое? Нашел приглашение магнуса, не иначе. Неужели он эту дрянь бросил на виду?

– Нашел время, – сюзерен не принял предложенного тона, – тут такое творится! Думал,

с ума сойду, пока тебя дожидался. Сам понимаешь, к Матильде с этим не сунешься…

– Да что случилось-то? – Альдо и раньше умудрялся рассказывать все, кроме самого главного, видимо полагая, что маршал должен читать мысли своего короля.

– Идем, – принц потянул друга за рукав, – короче, вляпались мы по самую шею. Что делать – ума не приложу. Понимаешь, она сама так решила…

Итак, у нас неприятности по женской части. Неужели чернокудрая вдовица оказалась не столь разумной и готова осчастливить мир новым Раканом?

– Все дети рождены по воле и с ведома даровавших жизнь, важны лишь кровь и первородство, – пробормотал Иноходец, вызвав у Альдо изрядную оторопь.

– Ты пил? – с надеждой спросил принц.

– И пил тоже, – Робер стукнул друга по плечу, – не обращай внимания. Опять с женщинами намудрил?

– Говорю тебе, она сама, – огрызнулся сюзерен, – к твоему сведению, я ее пальцем не тронул, хотя она и рада бы. Целовал, было дело, и все, да я рассказывал… А теперь у нее одни умерли, другие свихнулись, а третьи куда-то провалились.

– Нет, – потряс головой Робер, – это не я пил, а ты. О ком речь-то?

– Да о гоганни этой, о Мэллит! Прибежала сюда, к нам, хорошо, хватило ума меня на улице ждать. Матильде, конечно, цены нет, но гоганни она не вынесет, и потом пришлось бы признаться, что мы с рыжими знаемся…

Альдо нес еще что-то, но Робер не слышал. Мэллит здесь?!

– О Матильде потом, – Иноходец так сжал плечо сюзерена, что Альдо поморщился, – что с Мэллит?

– У нас она хочет остаться, – выпалил Альдо, – понял? Да за нее с нас пять шкур сдерут – Енниоль с «истинниками» по две и одну – Матильда.

– Где она?

– В «Стриже». Тебя ждет!

– Как в «Стриже»? Зачем?! Почему?!

– Так она опять франимцем вырядилась, а в «Стриже» ее уже знают. Я велел сказать хозяину, что ты сейчас придешь. Ты же комнаты за собой держишь…

Комнаты он и впрямь держал. Так, на всякий случай.

– Ты уж извини, – Альдо покаянно вздохнул, – конечно, надо ее к своим отправить, но у меня рука не поднимается. И потом Мэллит говорит, что мы с ней связаны, а кинжал пропал, и теперь…

– Потом расскажешь. – Закатные твари! Этот осел додумался спрятать ее в гостинице, хотя… Хотя, пожалуй, ничего умнее не придумаешь.

– Слушай, Робер… Сходи один, а? Меня Матильда ждет, сегодня Хогберд притащится. И вообще она тебя скорее послушает.

– Хорошо. – Альдо – бесчувственный болван, а сам он кто? Сам он скотина и подонок, потому что до смерти рад, что друг и сюзерен будет любоваться на Хогберда. Закатные твари, как он смеет радоваться, когда у девочки беда, и, судя по всему, страшная…

Глава 6
Оллария
«Le Valety des Épées» & «La Dame des Coupes»

1

Вальтер Придд, его тощая супруга, братья и наследники, Ариго и их венценосная сестра, Феншо, Карлионы, Рокслеи, Килеан-ур-Ломбах и, разумеется, добрый старый кансилльер… Старик Эпинэ скоро освободит Талиг от своего присутствия без посторонней помощи, а его наследник в Агарисе. Вместе с Раканом и пегим Хогбердом. Эти подождут,

сначала приведем в порядок собственный дом… Жаль, в Эпинэ, Придде и Надоре нет озер, которые можно взорвать, эти провинции так и остались осиными гнездами. До конца верить стоит только кэналлийцам, бергерам и варастийцам, остальных нужно держать на цепи и время от времени пороть.

Его Высокопреосвященство внимательно перечитал список и дописал несколько фамилий. Кракл – полное ничтожество, к тому же женатое вторым браком на «навознице», но по матери он – Придд, а чем меньше в мире спрутов, тем лучше. Лоу и Гайары связаны с бывшими сюзеренами, верность проигравшим украшает, но не способствует долгой жизни. Лараки кажутся безобидными, но Ричарду Окделлу лучше обойтись без родственников, и в первую очередь без матушки. Сильвестр вообще бы предпочел, чтобы ни в Талиге, ни за его пределами не осталось ни Эпинэ, ни Приддов, ни Окделлов, но раз за мальчишкой охотятся, он должен жить. По крайней мере, пока не прояснится, кому и чем мешает сын Эгмонта. Его Высокопреосвященство пододвинул другой лист, обмакнул перо в чернильницу и с нарочитым тщанием вывел слово «Навозники».

Первыми в новом реестре шли Манрики, Колиньяры и их многочисленные родичи и подхалимы вроде Залей, которым Сильвестр не доверил бы даже прошлогодний снег. Геренция нужно держать в узде, но этот достаточно осторожен, чтобы влезть в какую-нибудь интригу, зато зануда Блокхэд спит и видит себя кансилльером, хоть при Создателе, хоть при Леворуком, а это вредно. Пока «навозники» нужны, но когда Люди Чести отправятся к святому Алану, Манрик и Колиньяр захотят прыгнуть выше головы, а значит, придется их этой возможности лишить, ибо, если у человека нет головы, прыгать он не станет.

Сильвестр положил оба списка рядом и улыбнулся. Хороший садовник должен уделять внимание всем вредителям, прыгают ли они, ползают или летают. Неважно, кто был чьим предком, важно, кто обгрызает кору Талига, а кто – собирает мед. Последние тоже удостоились списка, но он вышел коротким. Алва, Савиньяки, Салина, адмирал Альмейда, фок Варзов, Габриэль Дорак, экстерриор Рафиано, маркграф Бергер… Этим жить, править и воевать, когда Его Высокопреосвященство отправится в Закат, пропустив вперед себя тех, кому хочется побольше отхватить от талигойского пирога. И еще нужен кардинал… Зря он позволил Герману ковыряться в старье, и зря он сломал Бонифация. Глупо все время думать о смерти, но не думать о ней вовсе – преступление. По крайней мере, со стороны кардиналов.

Сильвестр еще раз пробежал глазами три исписанных листка, разорвал на множество кусочков, бросил на медный поднос и поджег. Жаль, маги-теоретики так и не нашли способа убивать на расстоянии, хотя нет-нет да и становится известно о том, как на кого-то напускали порчу. Напускали, напускали и попались…

Франциск запретил судить знахарей и ведьм за колдовство и святотатство, передав их светскому суду, как обманщиков и шарлатанов. Этот человек охватил своим вниманием все: от солнца до улитки и от тараканов до звезд, но его жизнь пошла бы насмарку, не оставь он путного преемника. Олларам везло с Алвой, но всему есть предел. Нынешний король – не монарх, а пустое место. Это можно себе позволить, когда государство на подъеме, но Талиг едва оправился после Франциска Второго и его Алисы… Ворон сядет на трон, нравится это ему или нет!

Кардинал вздохнул, с тоской взглянул на пустую чашку. Настроенный на бессонную ночь мозг требовал привычную порцию шадди, но нельзя! Если он хочет оставить после себя свободное от врагов королевство, нужно протянуть еще несколько лет. Сильвестр положил между собой и издевательски пахнущей чашкой Книгу Ожидания, на которую водрузил покрытый остывающим пеплом поднос.

Его Величество мирно скончается, проводив в последний путь старших Манриков и Колиньяров, которые в свою очередь попляшут на похоронах старых аристократов. Начинать нужно с Людей Чести, но как? Раздуть заговор Ги и Килеана и привязать к нему Катарину и Штанцлера? Или проявить глупость, выпустить обвиняемых, дать им порезвиться, повстречаться с друзьями и союзниками, а потом ударить. Неожиданно. По всем змеиным гнездам сразу!

Вести следствие будут Леопольд Манрик и Эразм Колиньяр. Эти расстараются вовсю. Мешать им не будем, но в последний миг именем короля помилуем парочку самых невинных. Для порядка. Его Высокопреосвященство поднял глаза и столкнулся со взглядом главы олларианской церкви Фердинандом Вторым, непогрешимым, богоугодным и отмеченным высшей благодатью! Художник старался как мог и почти превратил жабу в орла, но портретом сыт не будешь. Талигу нужна новая династия! Франциск, знай, что за потомки у него будут, посадил бы на трон Рамиро-младшего, хотя, кто знает, может быть корона способствует вырождению. Сначала – Раканы, потом – Оллары… Воистину, каждый последующий хуже предыдущего.

2

Валентина Придда графа Васспарда Ричард Окделл не видел с Лаик. Юноша знал, что однокорытник в Олларии, но судьба их свела только один раз – в доме Капуль-Гизайлей во время приснопамятного карточного вечера. Тогда наследник Приддов «не узнал» оруженосца герцога Алвы, а теперь настаивает на срочной встрече. Зачем?

Ричард перечитал вежливое холодное письмо – Придды вообще славились воспитанием и выдержкой. Их уважали, но, в отличие от Эпинэ, не любили. Потомки убитого Рамиро Алвой маршала Эктора хранили верность Раканам и старым традициям, а судьба хранила их. Многие некогда многочисленные и сильные фамилии за четыреста лет либо вымерли, либо утратили влияние и значимость, а «спруты» держались, опровергая старую примету о том, что глава Великого Дома одинок, как дуб в степи.

Приддов хватило бы самое малое на рощу, потому они и пожертвовали оступившимся Джастином. Теперь наследник – Валентин, и у него четверо братьев, не считая толпы дядюшек и кузенов. Что графу Васспарду понадобилось от него, Ричард не представлял, но Валентин просил герцога Окделла быть в полдень в таверне «Белая гончая», что на улице Лодочников. Дик взглянул на часы – время у него было, хуже было с желанием, и потом, вот-вот мог появиться Ворон.

Воспоминания об эре настроение не улучшили. После того как Окделл разыскал маршала в будуаре королевы, а потом сам оказался в постели баронессы Капуль-Гизайль, он так и не пришел в себя. Все было смутно, туманно и как-то грязно. Рокэ где-то носился, Ганс пришел в себя и ускакал в свою Торку, портной привел лошадь и принес благодарственную записку. Судя по тому, как он кланялся, посланец маршала фок Варзова проявил к хозяину приютившего его дома дополнительную щедрость. Жаль, теньент не смог задержаться в столице, он казался славным человеком. Ричард тронул печать с поднятым волной спрутом. Так идти или нет? Пожалуй, идти, иначе решат, что он струсил и отрекся от Людей Чести или, того хуже, что встречаться с Приддами ему запретил Рокэ Алва.

Ричард принялся собираться, стараясь не упустить ни единой мелочи. Оплошать перед наследником Повелителей Волн Повелитель Скал не имел никакого права. Конечно, Валентин будет коситься на синее и черное, зато у него нет ни ордена, ни кровной мориски. Под стать надо подобрать и оружие! Ричард спустился в оружейную и в дополнение к подаренной Савиньяком шпаге выбрал багряноземельский кинжал с карасами. Следующей заботой стала Сона. Кобылица, когда ей учиняли осмотр, игриво мотала гривой и норовила ухватить Дика губами за ухо.

Конюх внимательно оглядел принарядившегося Ричарда, вытащил отделанную серебром сбрую и заговорщически улыбнулся. Дику стало противно. Проклятый барон! Угораздило же его не только заявиться домой, но и проводить «дорогого гостя». Коротышка всю дорогу болтал о своих птицах и расспрашивал про герцога, а теперь пол-Олларии знает, что Ричард Окделл был у Марианны. С одной стороны, это льстило, с другой… С другой, это наверняка дойдет до канцилльера и… до Катари, хотя ей все равно. Она любит Рокэ.

Эр Штанцлер, без сомнения, расстроится из-за Килеана, но кто же виноват, что Марианна не хочет графа и отказывается его защищать. Ее можно понять – Людвиг не самый

приятный человек, хотя Багерлее и тем более смерти он не заслуживает. А люди, которых никто не предупредил и которых убили, заслуживали? Если б Иорам Ариго рассказал все сестре, ничего бы не случилось, а теперь Катари из-за этого ничтожества должна страдать и унижаться…

Ричард аккуратно поднялся в седло, расправил совершенно ненужный при такой погоде плащ и шагом выехал со двора. С Валентином он будет вежлив, но сдержан. Он не позволит оскорблять своего эра и не станет раскрывать известные ему тайны. Придд ничего не узнает ни о гонце, ни о том, что он видел в октавианскую ночь.

В Лаик граф Васспард держал герцога Окделла на расстоянии, теперь герцог Окделл отплатит той же монетой. Придды полагают себя выше всех, но убивший предателя и спасший наследника и королеву Алан Святой сделал для Талигойи больше, чем проигравший войну маршал Эктор Придд. Да и пять лет назад… Эгмонт Окделл поднял восстание и погиб, а Вальтер Придд промешкал и уцелел.

В «Белую гончую» Ричард вошел с двенадцатым ударом колокола на ближайшей башне. Герцог не обязан мчаться, высунув язык на зов графа, он точен, как и положено Окделлу, но не более того. Васспард, одетый в цвета Рокслеев, ждал, сидя в углу у окна. При виде Ричарда он поднялся, как и следовало по этикету. В ответ Ричард слегка наклонил голову, произнеся загодя приготовленную фразу:

– Рад вас видеть, Валентин. Чем могу служить?

– Рад вас видеть, Ричард, – в больших светлых глазах радости не было, – я принес вам письмо. Особа, его написавшая, доверилась нашей с вами Чести. Я намерен сохранить доверенную мне тайну любой ценой.

– Я понял, сударь, – на самом деле Дик не понимал ничего, но так в затруднительных случаях говорил Эмиль Савиньяк, а этот случай обещал стать затруднительным.

– Я рад, что мы понимаем друг друга.

Ричард не сомневался, что Валентин готов схватиться за шпагу. Отчего-то юноше стало очень весело, так, словно он выиграл пари или победил в поединке.

– Разделяю ваши чувства, Валентин. Где письмо?

Граф вынул узкий конверт, запечатанный алым воском. Коронованный леопард и роза! Святой Алан, Ее Величество!

Если б Валентин не обдал Дика горным холодом, юноша не утерпел бы и вскрыл письмо немедленно, а Придд стал бы лучшим другом, но теперь о братании не могло быть и речи. Ричард, беря пример с Первого маршала Талига, нарочито медленно поднял голову и посмотрел собеседнику в глаза:

– Говорила ли известная нам особа что-либо относительно ответа?

– Нет, – Валентин зол и обижен. Ему не хотелось отдавать письмо, но пришлось.

– В таком случае благодарю вас за оказанную услугу. Вы очень любезны.

– Не стоит, – Придд поднялся, – вы мне ничем не обязаны.

– Повелители Скал сами решают, кому и сколько они должны, – неторопливо произнес Ричард и тоже поднялся. – Надеюсь в ближайшем будущем отплатить вам любезностью за любезность.

Они холодно поклонились друг другу и разошлись, к явному огорчению трактирщика, впрочем, утешившегося брошенным Диком таллом. Слова благодарности и восхваления щедрости молодого господина убедили Ричарда в том, что Валентин не счел уместным порадовать хозяина хотя бы суаном. Спруты всегда слыли скупцами, причем заслуженно.

3

«Герцог Окделл!

Нам сообщили, что вы озабочены судьбой своей сестры и намерены испросить аудиенции, дабы ходатайствовать о приглашении юной Айрис ко двору. Мы готовы принять вас сегодня в три часа пополудни в том же месте, что и прошлой весной.

Пребывающая к вам и вашему семейству в неизменном расположении Катарина Ариго!»

Валентин Придд зря корчил тайного наперсника Ее Величества. Эр Рокэ вспомнил о просьбе оруженосца и передал ее Катари. Единственной странностью было место свидания, хотя… Катари наверняка смущена тем, что случилось вчера, и боится выдать себя при свидетелях. Потому и назначила встречу в аббатстве. Вчера он вел себя как последний деревенский болван, надо было сразу же выйти! Нет, надо было постучать! Как он мог влететь без стука?!

Ну и что, что дверь была открыта? Катари доверяет камеристке, она вообще слишком доверчива для этого мира и этой страны, и потом… У них с Рокэ наверняка все вышло неожиданно… Он и сам, когда шел к Марианне, не думал, что задержится до вечера. Вернее, думал, но раньше и когда уже пришел, и баронесса на него посмотрела так, как умеет только она… Но Катари – не Марианна, она думала только о братьях! Они с Рокэ говорили о заговоре, потом об Айри, а потом… Потом он обещал помочь, она была благодарна… Святой Алан, да если бы у Катари с Рокэ было любовное свидание, камеристка не пустила бы никого или подала условный знак!

Ричард подъехал к маленькому трактиру, на вывеске которого красовались качающиеся на качелях лягушки, и окликнул хозяина:

– Любезный, могу я оставить у вас лошадь?

– Разумеется, сударь… Не желаете бутылку вина?

– Позже. Когда вернусь.

– А обед? – с надеждой спросил трактирщик.

– И обед, – пообещал Ричард. Если он не захочет есть, он может и не обедать. Юноша потрепал Сону по блестящей шкуре, проследил, как кобылу завели под навес, и свернул к Данару. Калитку в боковой стене аббатства Ричард нашел легко. Его уже ждали. Мать Моника с прошлого года немного поправилась. Маленькие глазки аббатисы были печальными и напуганными. Что ее тревожит? Прошлые погромы или будущая война?

– Вы помните дорогу, герцог?

– Да, мать Моника. У вас – беда?

– У нас всех беда, – вздохнула женщина, – и нет этой беде предела, как нет его закатному морю. Вас ждут, герцог. Поспешите.

Дик кивнул и нырнул в проход меж стеной и кустарником. Неподалеку косили сено, горьковато-сладкий аромат вянущей, разогретой солнцем травы дразнил и навевал совершенно неуместные мысли. Ажурные тени акаций плясали по обложенным беленым кирпичом скромным клумбам, простым деревянным скамейкам, оставленной садовником лейке. Прошлый раз тоже было солнечно… Прошлый раз в руках Катарины Ариго была ветка акации, на этот раз тонкие пальцы мяли голубой расшитый серебром шарф. Королева улыбнулась Дику, но ее личико было бледным и осунувшимся.

– Ваше Величество хотели меня видеть? Я здесь. – Дик поклонился как мог изысканно. Ну почему он вчера не постучал? Дурак… Дурак и подлец!

– Я всегда рада Окделлам… – Голубые глаза окружали темные круги. Которую же ночь она не спит? Неужели с самих празднеств, будь они прокляты!

– Моя жизнь принадлежит Вашему Величеству.

Королева покачала головой:

– Нет, Дикон, твоя жизнь принадлежит Талигойе. Да и моя тоже.

– Ваше Величество…

– Ты не хочешь больше называть меня Катари? – Голосок женщины предательски дрогнул. – Я понимаю… После того, что ты видел…

– Я… Я ненавижу себя за то, что сделал.

– Ты ничего не сделал, – Катарина присела на краешек скамьи, все еще комкая шарф, – я… я позвала тебя, чтобы…

Она замолчала, закусив губу, перистые тени плясали по скромному голубому платью, расписывая его странными ускользающими узорами.

– Вы… Ты обещала помочь моей сестре, – почти прошептал Дик, не зная, что лучше – ждать, когда она заговорит, или попытаться продолжать разговор, – спасибо… Айри будет так рада.

– Рада? Разве можно радоваться этому городу, этим людям? Оллария проклята, Ричард! И мы вместе с ней… Здесь живет зло, неужели ты его не слышишь?

О чем она? Ричард с ужасом смотрел на хрупкую женщину с испуганными глазами. Святой Алан, в каком же кошмаре она живет!

Сам Дик столицы уже не боялся, наоборот… Именно сейчас, глядя на свою королеву, юноша понял, что любит этот суматошный и шумный город с его фонтанами, башнями, мостами, пестрой толпой, смехом, слезами, криками. Как же это вышло? Как случилось, что он стал чужим в Надоре и своим в Олларии?

– Эрнани думал, что оставил проклятье в Гальтаре, – грустно сказала Катари, – а оно ехало с ним в одном седле. Марагонец захватил Талигойю и получил вместе с короной древний ужас. Ужас и ненависть… Они уродуют все, от святых икон до человеческих лиц. Франциск перестроил дворец, но они все равно там…

– Кто? – Больше всего на свете Ричарду хотелось обнять дрожащую женщину за худенькие плечи, утешить, успокоить, увезти из ненавистного и чужого города, но дрожащая женщина была королевой Талига, а он всего лишь оруженосцем маршала. Неужели Рокэ не видит, что творится с Катари? Эр не знает ни страха, ни слабости, ему не понять, что можно бояться…

– Кто? – переспросила Катари. – Все они… Эрнани Ракан, маршал Придд, Рамиро Алва, святой Алан… Они – здесь, и они не уйдут, пока не заберут нас в Закат. Мы скованы старой бедой, как гребцы на галерах…

Сколько же здесь зла, Дикон! Во дворце, в старых аббатствах, в Багерлее… Ричард, что-то надвигается… Это не война, а нечто большее. Нам всем конец!

– Ваше Величество… Катари… В Олларии живут хорошие люди. Есть и злые, но их меньше… Даже в ночь Октавии… В Олларии больше четырехсот тысяч… Лионель, то есть генерал Савиньяк, говорит, что убийц не больше трех тысяч. Их уже поймали…

Катарина Ариго улыбнулась:

– Ты слишком честен, Ричард. Честен и смел, как и твой отец. Если бы Эгмонт… Прости, если б герцог Окделл был менее благороден, он был бы жив. Ты с ним одно лицо, я… Я не знаю, что будет со мной через десять лет.

– Через десять? – переспросил Дик. Он ничего не понимал, совсем ничего.

– Через десять лет тебе исполнится двадцать восемь, – королева попыталась засмеяться, – а мужчину в двадцать восемь не отличить от мужчины, которому тридцать два…

Я встретила герцога Эгмонта в день своей свадьбы, ему исполнилось тридцать два, мне – восемнадцать. Я первый раз была в Олларии, мне все было в диковинку… Невесту короля встречало множество дворян, – Катари помолчала, – какой же наивной и глупенькой я была! Я готовилась принести себя в жертву Талигойе, а сама надеялась полюбить своего мужа. В конце концов король был еще не стар, его никто не называл ни злым, ни уродливым. Создатель, зачем я это рассказываю, но… Но иногда устаешь молчать.

– Я… – Дик подался вперед, – я… слушаю.

– Я вижу, – Катарина вздохнула и прикусила губу, – я начала рассказывать и… и совсем запуталась.

– Ты… Ты увидела отца во время свадебной процессии, – пришел на помощь Дик.

– Да… Не знаю, что на меня нашло, но я решила, что он – король. Никогда в жизни я не была так счастлива, как в эти несколько минут. Мы подъезжали… Сначала я увидела пеструю полосу, потом она распалась на фигурки, они росли, росли, росли… – королева всхлипнула, но справилась с собой и мужественно закончила: – Потом я стала различать

лица. Я не знала, где Придд, где Эпинэ, где Алва. Я просто смотрела, мне было любопытно и страшно… Ты понимаешь?

Дик кивнул, но Катари вряд ли заметила. Теперь она говорила очень быстро, словно боясь, что ее остановят. На Дика она не смотрела.

– Там был высокий человек, – тонкие пальцы с силой рванули шарф, шелк наконец не выдержал, но Катари не замечала, что делали ее руки, она продолжала говорить, лихорадочно глотая слова, путаясь, сбиваясь. Дик понимал не все, но перебить было невозможно. – Он был со всеми, но казалось, что он совсем один. И я решила, что это король… Я как-то сразу поняла, что короли или безумны, или одиноки. Я придумала фразу, с которой к нему обращусь.

«Ваше Величество, – хотела сказать я, – вы так похожи на святого Алана!» Представь, я забыла и то, что святой Алан был при жизни Повелителем Скал, и то, что он не был олларианским святым. Святая Октавия, я была таким ребенком! Мне, конечно, объяснили, что надо притворяться олларианкой, но у меня все вылетело из головы. Я видела только святого Алана… Он вышел вперед… Я так обрадовалась, Дикон, так обрадовалась… Король подал руку невесте и спросил меня, не устала ли я в дороге. Я ответила «О нет» и сказала, что он… он похож на Алана.

«Он мой предок», – сказал король. Но я и тогда ничего не поняла и назвала его Ваше Величество. «Вы ошиблись, – ответил мой святой, – Его Величество ждет свою невесту во дворце, а я – герцог Окделл». И тогда я поняла, что сейчас умру, но пришлось идти, делать реверансы, подниматься по лестнице. Эгмонт Окделл вел меня… Вел к другому! Жирному, бледному, пустому… Никакому!

Обрывки шарфа полетели на землю. Королева вскочила, споткнулась, но удержалась на ногах и, прихрамывая, прямо по клумбам побежала к дальним кустам. Дик, слегка замешкавшись, бросился за ней, топча отцветающие гиацинты. Катари он догнал у зеленой изгороди, женщина прятала лицо в яркой зелени, беспокойные руки крутили молодую ветку.

– Катари, – неуверенно позвал Дик, отчаянно боясь сказать или сделать что-то не так, – Катари… Не надо!

– Я знаю, что не надо, – она обернулась, губы были искусаны в кровь, – я не запла́чу. Я не должна плакать и не буду… Это от того, что ты похож… Прости…

Дик молчал, сраженный чужой бедой. Знала бы рыдавшая над мертвой лошадью Айри, что такое настоящая боль, настоящее одиночество, настоящий страх.

– Дикон…

– Ваше… Катари, я могу помочь?

– Ты уже помог… Дикон, я придумала про твою сестру. Мне нужен был повод… Граф Васспард – честный человек. Я хочу думать, что честный, но вдруг письмо кто-нибудь увидит, кто-то чужой… Значит, твоя сестра хочет в столицу?

– Да, очень…

– Я приглашу ее. При дворе бывают порядочные люди… Если есть справедливость, дети Эгмонта Окделла должны быть счастливы. Должен же быть счастлив на этой земле хоть кто-то! Ричард, дай тебе Создатель любить и быть любимым…

Он уже любит и будет любить вечно, но не скажет, даже если его будут убивать.

– Катари… Я знаю, эр Рокэ может быть злым, но он… Он тебя тоже любит, клянусь…

– Тоже! – Дик не понял, смеется она или плачет. – Создатель, «тоже!». Это человек – мое проклятье, Дикон! Мой ужас… И я сама во всем виновата, я, и никто другой!

– Ты… Ты его не любишь?

Зачем он спрашивает? Он же видел их вместе, видел, как она на него смотрела в день возвращения… Катари обижена, испугана, устала. Она сама не понимает, что говорит!

– Ты не представляешь, как глупы женщины, – Катари отпустила ветку и повернулась к Дику лицом. – Они готовы меня убить потому, что Ворон спит со мной, а не с ними. Дурочки, лучше бы они возненавидели его, тогда бы живо оказались на четвереньках с задранной юбкой. Он пьет чужое бессилие и чужую ненависть, как свою любимую «Черную

кровь». Ворону все равно, мужчина ли, женщина ли, лишь бы унизить. Он никогда не свяжется с тем, кто его любит, а такие есть…

Мы ненавидим друг друга, Ричард Окделл, но я прикована к этому человеку. И я… я виновата перед ним и перед Талигойей! Если бы я умела лгать, все было бы иначе…

– Катари!

– Слушай, если хочешь знать правду обо мне и человеке, которому ты достался. Потому что больше тебе никто ее не скажет. Даже я! Вечером я буду себя проклинать за эту правду… Если хочешь жить спокойно, уйди… Нет, просто уйди…

– Я не уйду!

– Не бойся, я не убью себя. У меня трое детей и братья в тюрьме… Я не стану расчищать дорогу Дораку… Аспид спит и видит женить короля на «навознице» или фельпской купчихе, но королева Талигойи – я! И я буду сражаться, если больше некому… Иди домой, Ричард, не бойся за меня…

– Нет, – Дик, сам не понимая, что делает, схватил королеву за плечи, – я не уйду.

– Я тебя предупредила, – голос Катари звучал устало, – но ты сын Эгмонта, этим все сказано… Фердинанд не мужчина, Дикон. Они его лечили… Ты не представляешь, каким ужасом были мои брачные ночи. Ты рассказывал про Беатрису Борраску, я вспоминала себя…

Фердинанду помогали сначала два лекаря, потом четыре. Я… Я закрывала глаза и терпела. Меня выдали за Оллара ради мира и наследника. Не было ни того, ни другого… И тогда Дорак решил отдать меня герцогу Алве. Я согласилась… Я согласилась бы и на Леворукого, чтобы прекратить ночные пытки.

Я Ворону не нравилась, о чем он мне и сказал… Если бы я догадалась броситься ему на шею, я бы теперь была свободна, но я посмела показать ему, первому красавцу Талига, что он мне нужен не больше, чем я ему.

Этого было достаточно. Он принялся меня объезжать… Как лошадь! Но я не кобыла, – глаза Катари яростно блеснули, – на гербе Ариго леопард, а я – Ариго! Кровный вассал Повелителей Молний! Я боролась, Дикон… Но чем больше я сопротивляюсь, тем сильнее он меня держит… Наша с ним война убила то хорошее, что в нем было, а оно было… Оно есть даже теперь, но все меньше и меньше…

Если бы я могла солгать, что люблю его, Рокэ тут же меня бы бросил, но у меня не выходит… Я пытаюсь, но… Создатель, кто сказал, что нельзя скрыть любовь?! Это отвращение нельзя скрыть…

Катарина тряхнула головой. Шпильки не выдержали, сверкающая пепельная волна накрыла дрожащие плечи женщины.

– Однажды он взял меня на рабочем столе кансилльера, даже не отцепив шпаги. Когда вошел эр Август, я с задранной юбкой лежала на бумагах, – Катарина подхватила оставленную садовником лейку и высоко подняла, пытаясь поймать ртом воду, но лейка оказалась пустой, – кансилльер попытался закрыть дверь, совсем, как ты… Алва остановил его и принялся обсуждать потребности своей армии.

Он просил восемь тысяч на сапоги для горных стрелков, я это запомнила на всю жизнь. Август обещал – он дал бы больше, только бы прервать пытку. Когда кансилльер вышел, Ворон довел дело до конца. Моя младшая дочь – память об этих сапогах.

Теперь он собирается снова «набить мне брюхо». Именно так он и выражается, – королева с ненавистью посмотрела на нежно-голубые сборки, расходящиеся из-под бархатного пояска. – Рокэ мало троих бастардов. Дети для него не дороже щенят, но ему смешно, когда во мне, талигойской эрэа и его королеве, зреет его семя, семя Рамиро-Предателя. Когда я становлюсь уродливой и неповоротливой, как бочка, ему смешно вдвойне и втройне. О, этот человек умеет мстить!

Он уже показал тебе мою «жалкую грудь». Когда я забеременею, он найдет повод каждую неделю показывать тебе мой живот и объяснять, как я похожа на корову или свинью…

– Катари, – заорал Дик, – не смей! Катари!

Она остановилась, словно ее облили ледяной водой, ярость, превратившая королеву в разъяренную пантеру, погасла, перед Диком стояла невероятно одинокая женщина с искусанными в кровь губами.

– Прости меня, Дикон, – голос Катари дрожал, – прости… Я сошла с ума. Рокэ не так уж и плох… Тогда, в день святого Фабиана… Я не могла видеть, как унижают сына Эгмонта… Я попросила… Он ведь с тобой хорошо обращается?..

– Ты его просила?

Она молча кивнула:

– Только не говори кансилльеру… Пожалуйста. Он так расстроился…

Ричард взял ее руки в свои, тонкие пальцы были ледяными, еще немного – и она упадет.

– Я никому ничего не скажу. Не бойся, все будет хорошо…

Почему, когда все плохо, мы обещаем, что все «будет хорошо»? И как может быть хорошо после того, что она рассказала?!

Глава 7
Агарис
«Le Chevalier des Bâtons» & «Le Cing des Bâtons»

1

Мэллит смотрела в вечернее окно, а Робер смотрел на Мэллит.

Когда он нашел ее в своей старой комнате, она сидела точно так же, обхватив колени и положив на них подбородок.

Девушка или не чувствовала его взгляда или, занятая своими мыслями, не обращала внимания. Талигойский маркиз добился своего – гоганни его не боялась, не стеснялась и не замечала. Они спали в одной комнате, она носила ему шляпу и перчатки, вставала на цыпочки, подавая плащ, забирала у слуг вычищенные сапоги, и ему приходилось это терпеть, потому что он был господином, а Эжен – выигранным в кости мальчишкой, которого Эпинэ сделал своим пажом.

Матильда собиралась продавать дом, и Робер вновь перебрался в гостиницу. Не в «Зеленого стрижа», в другую, где его не знали. Эпинэ боялся, что по их поведению кто-то что-то сообразит, хотя поведения-то как раз никакого и не было. Не было вообще ничего. Скоро они уедут, сначала – в Алат, а куда потом? Робер, как и Матильда, не верил герцогу Альберту, но оставаться в Агарисе невозможно. Вдовствующая принцесса не знала того, что знали они, а еще были ушедшие крысы, сгинувшие вслед за ними кошки и вымерший дом.

Что сделали гоганы с почерневшей арой? Кто их знает. Трактиры Жаймиоля открыты, но кто теперь жарит знаменитых кур, Робер не знал. Енниоль передал приказ покинуть Агарис, и ниточка порвалась. Может, оно и к лучшему, он мог нечаянно проговориться.

Мэллит отвернулась от окна, теперь она глядела в стену. Как она перенесет дорогу? Чужие люди, шум, глупые разговоры. Нарядить девушку мальчишкой легко, но мальчишки лезут, куда нельзя, смеются, пачкаются, рвут одежду, и они вечно голодные… Матильду долго водить за нос не удастся, но что ей сказать? Правду – нельзя, а любая ложь оскорбит Мэллит. Но не отправлять же гоганни в Алат в одиночку. Скрывая малышку от соплеменников, они нарушали данное слово, но выдать девушку?! Да пошел он к кошкам, этот Залог и эта магия, ни одна корона не стоит счастья этой девочки…

Робер собрал волю в кулак и окликнул своего «оруженосца»:

– Эжен!

Девушка вздрогнула и повернулась, издав странный мурлыкающий звук. Словно застигнутый врасплох котенок.

– Эжен, – закатные твари, вместо того чтоб поднять на руки и унести в Рассвет, выговаривать, – Эжен, даже если мы одни, надо отвечать «Да, монсеньор!».

– «Да, монсеньор», – если она заплачет, он не выдержит, но она не плачет, по крайней мере при нем. А ведь у нее погибли все…

– Ну и что ты видишь на этой стене? Рассветные Сады или Закатное Море?

– Робер шутит?

– Пытаюсь, – Робер с трудом справился с желанием поцеловать маленькую руку, – так что?

– Ничего, – еле слышно прошептала девушка, – глаза мои не видят ничего, а сердце видит черную ару, лики зверей, отца моего отца и опустевший дом. Мое тело спасено, моя душа разорвана. Какова судьба породивших меня? Не я ли, осквернившая Ночь Луны, навлекла проклятье на дом предков?

– Прекрати! – прикрикнул Робер. Крик тоже может стать лекарством. – Ни в чем ты не виновата. Окажись ты дома, с тобой было бы то же, что со всеми.

Мэллит вздрогнула. Робер снова глянул на крошечные ручки:

– Тебе нельзя ходить без перчаток, у мужчин таких рук не бывает.

У женщин тоже. Ни таких рук, ни таких волос, ни таких глаз. Мэллит – единственная, лучшая, неповторимая и чужая. Он мечтал о том, чтобы увидеть ее хоть краешком глаза, и не думал, что ее присутствие рядом обернется пыткой. Он не посмеет коснуться гоганни даже в мыслях, она и ее любовь к Альдо святее всех эсператистских и олларианских святынь, но он может выдать себя, так, как выдала себя сама Мэллит. Если девушка поймет, что он не просто заботится о ней по просьбе друга и сюзерена, но любит, она не останется с ним под одной крышей ни минуты.

– Эжен!

Мэллит округлила глаза, потом улыбнулась и торопливо вскочила.

Во имя Астрапа, да ей, чтобы подать ему плащ, надо на стул забираться! Робер принужденно засмеялся:

– Нет, тебе не пятнадцать лет, а тринадцать!

– Робер, – длинные ресницы, которые он столько раз вспоминал в Кагете, дрогнули, – у меня ничего не получается.

– Эжен, – Робер дернул девушку за медную прядку. Его самого так частенько дергали братья, хорошо, что он вспомнил этот жест. – Нужно, чтобы получилось. Когда доберемся до Алата, что-нибудь придумаем, но пока ты останешься моим пажом.

– Робер… Я не могу есть столько, сколько дают слугам. И я не могу… не умею есть то, что едят забывшие и заблудшие.

– Мэллит, – Робер опустился на колени перед девушкой и тут же пожалел об этом, потому что безумно захотелось уткнуться лицом в худенькие колени, – Мэллит, то есть… Эжен, ты не должен говорить, как гоган. Я не про слова, про другое. Ты принадлежишь эсператистской церкви. Гоганы для тебя язычники и демонопоклонцы. Оставь всех этих «блистательных» и «заблудившихся». Понял?

Мэллит кивнула, но неуверенно.

– Ну, – Робер задумался, потом его осенило, – представь себе лошадь. Мы, талигойцы, можем назвать ее конем, кобылой, жеребцом, мерином, клячей, скотиной, наконец, но не быстроногим и длинногривым. Понял?

– Поняла, – она сама сжала его руку, это было невыносимо, – я понял, монсеньор. А где… где Альдо?

– Помогает Матильде, – соврал Робер, не сомневаясь, что Альдо прощается с разумной вдовой. – У нее сегодня прием. Прощальный. Мне тоже нужно туда, но я вернусь. А ты изволь немедленно надеть эсперу. Вреда от нее никакого, но без нее лучше не ходить, по крайней мере по Агарису.

Мэллит кивнула и робко улыбнулась. За одну эту улыбку не жалко было отдать пригоршню алмазов, но алмазов у Робера не было.

2

Альдо взбрело в голову устроить прием и удрать, а она отдувайся! Матильда со злостью нахлобучила на голову парик и посмотрела на свое отражение в зеркале. Твою кавалерию, ну и платье, в раму не влезает! Вдовствующая принцесса тоскливо вздохнула и приколола на черный бархат алую брошь. Ужас! А ведь когда-то она была ну не то чтобы красавицей, но голову кое-кто терял… А теперь! Руины, причем огромные.

– Лучше уже не будет, – сообщила Матильда сидящему на туалетном столике Клементу, – только хуже.

Клемент чихнул и почистил усы. Робер, за какими-то кошками перебравшийся в гостиницу, оставил любимца здесь – от греха подальше. Его Крысейшество то и дело оказывался на обеденном столе и мог столкнуться с непониманием. Вдова с нежностью глянула на зверушку и положила перед носом крыса печенье. Клемент был умницей, красавцем и благороднейшим созданием, не то что ызарги, которые с минуты на минуту начнут сползаться.

Принцесса прошлась пуховкой по щекам, потянулась к баночке с румянами, передумала, подмигнула жующему Клементу и выплыла из спальни. Альдо все еще не было, зато у двери застыла целая рота нанятых на одну ночь лакеев. Матильде стало тошно. Зачем внуку понадобилось созвать засевших в Агарисе талигойцев, она не понимала. Раньше Альдо относился к приятелям Анэсти так же, как она, и на тебе!

Приодевшийся по поводу приема в жуткого вида ливрею Франко ударил об пол жезлом и возвестил:

– Маркиз Эр-При!

Скромно одетый Эпинэ оторопело уставился на разряженную прислугу.

– Ужас, правда? – хмыкнула Матильда и чмокнула Робера в лоб, постаравшись, чтобы это было совершенно по-матерински.

– Кошмар, – согласился Иноходец, – гостей много будет?

– Неважно. Все равно сожрут все, до чего доберутся. Пойдем, кстати, посмотрим стол.

Стол был хорош, но вид разукрашенных бумажными розами и хризантемами поросят и гусей настроил вдову на философский лад.

– Вот так и мы, – принцесса Ракан ткнула пальцем в сторону скорбной поросячьей рожи.

– То есть?

А Роберу не по себе. С таким лицом на дуэли драться, а не вино с соратниками пить, хотя какие это соратники?

– Это наша судьба, – сообщила другу Матильда, – лежать на подносе среди поддельных цветочков и ждать, когда нас сожрут Хогберды и Стаммы.

– Не дадимся, – Иноходец улыбнулся, но его глаза нехорошо блеснули, – а где Альдо?

– Я бы тоже хотела знать… Сейчас гости поползут, а хозяин где-то шляется. Знал бы ты, как мне тошно их видеть. Особенно Карлиона с Бархаймом, да и остальные не лучше!

– Это неправильный Карлион, – рассеянно заметил Иноходец.

– Да знаю я, только привыкла… Карлион и Карлион, здесь его все так зовут. И Анэсти звал.

Еще бы не звал. Если приятелей Раканов называть так, как должно, того и гляди, окажешься принцем ызаргов и сюзереном тараканов. С покойным мужем все ясно, но внук точно рехнулся! После восстания Эгмонта в Агарисе оказались и приличные люди, неужели они все разъехались? Почему среди приглашенных сплошное старье да Алисины дворняжки? Хоть бы молодого Борна позвал, хотя тот, кажется, с Кавендишем на ножах. Так не надо было звать Кавендиша!

Франко вновь стукнул своей палкой и возвестил о прибытии Хогберда. Твою кавалерию, началось. Вдовствующая принцесса помянула для порядка закатных тварей,

поклялась при первой возможности надрать внуку уши и, опираясь о руку маркиза Эр-При, вышла на лестницу, дабы должным образом встретить цвет Талигойи.

Первый цветочек, он же Питер Хогберд, был пахуч и роскошен. Пегая борода блестела, на пышных плечах возлежали цепи неведомых орденов, а вокруг барона витал запах благовоний и государственной тайны. Неужели это в последний раз? Нет, вряд ли, Хогберд до их отъезда заявится еще не единожды.

– Ваше Высочество, – боров припал к руке Матильды, – вы царственны, как никогда.

Придумал бы что-нибудь поновее, хотя зачем? Все равно, правды не скажет, даже если захочет… Совсем как братец Альберт!

При воспоминаниях о родственничке настроение испортилось окончательно, а тут еще повалили гости, и каждый последующий казался гаже предыдущего.

Сколько сил и времени она угробила, чтобы зазубрить имена и титулы этих огрызков и подвиги их предков? Стоило ошибиться, и Анэсти надувал губы и принимался сетовать, что доблесть и благородство забыты, истинных талигойцев почти не осталось, а чужакам никогда не понять… Если бы не понять! Самым гадким днем в жизни Матильды стал ее двадцать второй день рождения, когда до нее дошло, с кем она связалась.

Вдовствующая принцесса Ракан растянула губы в людоедской улыбке и протянула руку потомку Фридриха Гонта, доблестно бежавшего под мантию к Эсперадору при Франциске Олларе.

– Я счастлив видеть Ваше Высочество в полном здравии.

– Благодарю вас, граф, – Матильда не видела себя со стороны, но подозревала, что напоминает багряноземельскую гиену.

– Людям Чести будет не хватать Вас и Его Высочества.

– Я опечалена грядущей разлукой с друзьями.

Твою кавалерию, впору прослезиться!

Матильда стиснула зубы и сунула многострадальную лапу Игнасу Сарассану, сорок лет писавшему «Историю Талигойи от Эрнани святого до Альдо Ракана». За высоким и тощим Игнасом катился кругленький барон Глан. Этот Матильде нравился – бедняга ничего из себя не корчил и честно признавал, что сбежал в Агарис, чтобы его не повесили.

Темплтон и Саво, хоть и были бедней монастырских воробьев, притащили розы и бросили к ногам хозяйки. Мило, но что они завтра будут жрать?! Принцесса укоризненно покачала головой:

– Цветами, молодые люди, следует засыпать возлюбленных, а не старух.

– Мужчина сам выбирает, какой даме бросать под ноги цветы, – в карих глазах Дугласа плясали смешинки. Славный парень, в Агарисе таким делать нечего.

– В таком случае дама весьма признательна…

Где же Альдо?! Хорош внучек, обязательности меньше, чем у Клемента, тот к столу ни за что не опоздает! Матильда украдкой глянула на Робера: бедняга… Одну половину гостей готов убить, вторую – выгнать взашей, а приходится терпеть! Вот она, политика.

– Граф, я так рада…

– Сударь, вы мне льстите…

– Мы часто о вас вспоминаем…

– Граф, я всегда рада вас видеть…

Почему здесь столько графов? Именно графов, а не герцогов, не маркизов, не баронов? Странно… Конечно, глав Великих Домов лишь четверо, а Окделлов и Эпинэ не подделать, но почему за столько лет не вылезло ни одного «истинного» потомка Борраска? И почему в Агарисе нет Приддов? Везде есть, а тут нет…

– Припадаю к стопам великолепной Матильды.

Арчибальд Берхайм! Лучший друг Анэсти… Во сколько же он ей обошелся? Диадема с топазами, два колье, изумрудный браслет… Анэсти приходил и говорил, что дорогому Арчибальду нужны деньги и он близок к самоубийству. Она платила. Как же, страдалец, человек, которого преследуют несчастья! А ты не играй, раз преследуют! Да еще на чужие

деньги.

– Арчибальд, вы совсем не изменились. Вы всегда носили мандариновое, не правда ли?

Одет отменно, значит, к кому-то присосался. Судя по роже – не к бабе. Значит, «дорогому Арчибальду» платит Гайифа или Дриксен, только за что? Толку со старого урода что с рыбы шерсти. Сколько ж их сползлось, ужас!.. Вина в доме хватит, а хватит ли мяса? И где носит богоданного внука?!

3

Если Альдо не в состоянии слезть с Клары, Клару нужно убить. Альдо тоже – собрать эдакий зверинец и удрать! Ну и стая, куда там казароны, те хотя бы без двойного дна. И на Дарамское поле пришли и воевали, хоть и чудовищно глупо, а эти…

Робер стиснул зубы, глядя на поднимавшегося по лестнице Кавендиша. Если бы не эта тварь, отец и Мишель были б живы. Рокэ промешкал, перекрывая Старый Торкский тракт, будь у восставших приличный арьергард, они бы прорвались на Гаунау, но Кавендиш струсил, и его место занял отец, а легкая кавалерия в обороне не заменит линейную пехоту.

– Ваше Высочество, сколь я счастлив…

– Сударь, мы рады…

Убить бы его и Хогберда заодно, хотя что это изменит? Эгмонта не поднять, отца и братьев тоже, он – последний из Эпинэ, и у него нет ни родины, ни дома, ничего… Только девушка, влюбленная в его сюзерена, и сюзерен, которого где-то носит.

– Маркиз, позвольте опереться на вашу руку.

Про кавалерию Матильда умолчала, а зря. Он самым бессовестным образом замечтался, а гости, раздери их кошки, иссякли. Маркиз Эр-При как мог галантно подал руку принцессе Ракан, сильные пальцы, пальцы наездницы успокаивающе сжали локоть. Матильда все понимает, но положение обязывает. Они – хозяева, они должны терпеть.

Гости, ожидая приглашения к столу, бродили по комнатам, поглядывая через порог на поросят, гусей и прочих каплунов и то и дело прикладываясь к бокалам. Робер подвел принцессу к креслу, и тут же к ним подскочил Хогберд. Эпинэ поклонился и отошел, надеясь отыскать хоть кого-то, кого не хотелось придушить, а потом вымыть руки. Во имя Астрапа, с кем он связался, с кем связался несчастный дед?!

Смешно, но за пять с лишним лет, проведенных в Агарисе, Иноходец так и не видел многих из застрявших в Святом городе Людей Чести, как-то не получалось. Зато сегодня Робер мог любоваться на борцов за святое дело сколько душе угодно. Иноходец стиснул зубы и начал обход, стараясь держаться подальше от Кавендиша.

Спасители Талигойи, как и положено, разбились на кучки, поглядывая друг на друга со скрытой злостью. Потомки «придворных» королевы Бланш недолюбливали заявившихся в Агарис после Двадцатилетней войны, а те в свою очередь кривили губу при виде сторонников Алисы. Какое место и те, и другие, и третьи отводили участникам восстаний Борна и Окделла, Робер не знал, в любом случае их уцелело слишком мало, чтоб сколотить свою стаю, да и не желал он иметь ничего общего ни с Хогбердом, ни с Кавендишем.

Леворукий, впрочем, имел на сей счет свое мнение, так как не только привел поклявшегося не ввязываться ни в какие споры Иноходца туда, где Брэдфорд Кавендиш рассказывал о восстании, но и сделал так, что шум внезапно стих. В наступившей тишине отчетливо раздавался голос Кавендиша.

– Двадцать тысяч погибших и заживо утопленных в болотах Ренквахи, – завывал граф, – двадцать тысяч, господа! Те, кого Создатель вывел из этого ада, никогда не забудут…

Ренквaха! Духота, жара, озверевшее комарье и чей-то отчаянный крик «Кавендиш удрал!»… Лицо отца, мокрое, распухшее от укусов, удивленные глаза Мишеля и Сержа. Они могли уцелеть – полумориски выдержали бы любую гонку, но Эпинэ не ушли. Кавалерия в болотах, что она может? Почти ничего, но они дали возможность ополченцам побросать оружие и разойтись, победитель их не преследовал, по крайней мере сначала…

– Талигойя никогда не забудет ни своих защитников, ни своих палачей, – Кавендиш поднял бокал, – так выпьем же молча в память оставшихся в Ренквахе. Двадцать тысяч мужественных сердец, которые бились за родину, двадцать тысяч…

– Не двадцать, а около двух, – Робер оттолкнул кого-то усатого и с оттопыренной губой и теперь стоял против Кавендиша. – Грах струсил, бросился в болото и утонул, но это его беда, его никто не топил. А вы струсили, но не утонули, а всплыли. В Агарисе.

Брэдфорд счел за благо промолчать, но какой-то господин в цветах Дома Скал обиженно дернул блестящим носом и назидательно произнес:

– Однако, судагь, вы тоже искали укгытие в Агагисе.

– Помолчите, Карлион, – рявкнула непонятно откуда вынырнувшая Матильда, – я нашла герцога Эпинэ в госпитале на соломе, на нем было четыре раны. ТАК укрытия не ищут.

Карлион? Как же! Настоящие Карлионы – потомки повешенного Рамиро-младшим графа Брендона остались в Талиге, хоть и потеряли владения и титул. Спустя много лет Карл Второй пожаловал Седрику Карлиону баронство, но до прежних вершин род так и не поднялся. Зато дальний родич Брендона, удравший из страны еще до восстания, объявил себя графом и наследником погибшего.

В святом граде хватало «законных наследников», но история с Карлионами была гадостной даже по здешним меркам.

– Дгажайшая пгинцесса, – не унимался «Карлион», – все пгекгасно знают, что восстание Окделла утопили в кгови. И я не понимаю, почему магкиз Эг-Пги не желает пить в память погибших гегоев.

– Закатные твари, да потому что мне не нужны тысячи фантомов, – заорал Эпинэ, – это вам здесь, в Агарисе, двух тысяч погибших мало, а мне более чем довольно! Потому что в Ренквахе лежат мой отец и трое братьев. И только потому, что этот господин удрал…

– Господа, прошу минуту внимания, – подоспевший Хогберд волочил за собой кого-то ужасно унылого и со здоровенной лютней.

Взять бы ее и огреть тюльпанного барона по башке… Нет, лучше начать с Карлиона!

– Господа, я хочу представить вам барона Дейерса. Он любезно согласился исполнить несколько баллад собственного сочинения.

Матильда повернулась к обладателю лютни и проворковала:

– Ах, как это мило!

Принцесса смотрела не на унылого Дейерса, а на Робера, и в ее взгляде была просьба отступить. Хорошо, он попробует, но Кавендиша все-таки придется убить. Не сегодня и даже не завтра, но придется. Такие жить не должны, хотя бы потому, что те, кто должен жить, мертвы. По милости этой твари!

Дейерс откашлялся и принялся за дело. Баллада была ужасно длинной, и в каждом куплете барон умирал и был похоронен, причем не один. Сначала несчастного закопали вместе с Эрнани и маршалом Приддом, потом – с Аланом Окделлом, и это было лишь начало. Дейерса обезглавливали с Гонтом, вешали сначала с Карлионом, потом – с Пеллотом и его соратниками, прах страдальца развеяли от скал Ноймаринен до виноградников Эпинэ, после чего несчастного принялись изгонять и изгоняли раз пять. Оплакав растерзанное отечество за компанию с геренцием Тулем, богословом Шлихом, генералом Беллами, великим Сарассаном и благородным Ванагом, барон погиб в бою за свободу вместе с Карлом Борном, на чем и остановился. И правильно сделал. Вздумай многосмертный менестрель напоследок пасть рядом с Эгмонтом Окделлом и Морисом Эпинэ, следующая его смерть была бы последней и окончательной.

Иноходец так и не узнал, что остановило Дейерса, природная сообразительность, совет Хогберда или он просто не дописал свою балладу, потому что отодвинутый было «Карлион» вновь принялся за свое.

– Бгаво, – старый пень несколько раз стукнул ладонью о ладонь, – бгаво, багон! Лишь настоящий талигоец знает цену стгаданиям, котогые вынесла Талигойя и ее гыцаги… Да, мы

изгнанники, но мы хганим дух и душу Талигойи, и мы сохганим их!

Раздались нестройные вопли – настоящие талигойцы восхищались балладой и собой. И тут Робер не выдержал. Мягко отстранив ошалевшего Темплтона, Иноходец вплотную придвинулся к «Карлиону», положил руку на шпагу и медленно произнес прямо в пористый нос:

– Если говорить о цене, то дороже всех ваше изгнание обошлось Ее Высочеству. Если учесть, сколько денег она на вас истратила…

– Не все измеряется деньгами, – выдавил удостоенный собственного куплета Грегор Беллами.

Робер сжал эфес. Конечно, до Алвы ему далеко, но с учетом талантов спасителей отечества и Иноходец за Ворона сойдет. Видимо, Кавендиш и «Карлион» пришли к такому же выводу, потому что один почти полностью скрылся за юбками Матильды, а второй слегка позеленел. Робер улыбнулся:

– Господа, к сожалению, у меня назначено свидание, которое я не могу отменить. Если кому-то будет угодно меня искать, то я проживаю в гостинице «Единорог». Ваше Высочество, надеюсь на ваше прощение.

– Ступайте, маркиз, – вдовствующая принцесса величаво качнула буклями, – я знаю, что всегда могу положиться на вашу честь и вашу шпагу, а поросята и гуси вас извинят. Тем более они вряд ли будут обделены вниманием.

Эпинэ поцеловал все еще красивую руку и вышел. Спускаясь по лестнице, он слышал, как Матильда Ракан ровным голосом приглашала «любезных соотечественников» к столу.

Глава 8
Агарис
«La Dame des Bâtons» & «Le Un des Deniers»

1

Робер хлопнул дверью, и правильно сделал. Будь ее воля, вдовствующая принцесса давным-давно бы сбежала, причем большинство гостей этого бы не заметили, но Альдо все еще не было, и Матильда с каждой минутой беспокоилась все сильнее. Каким бы разгильдяем ни вырос внук, не явиться на затеянный им самим прием он не мог.

Чтобы отогнать гадкие мысли, принцесса уставилась на галдящих над поросячьими костями бездельников. Над столом витал нестройный гул, сквозь который прорывались знакомые до боли слова. Сорок с лишним лет назад она сидела за этим же столом рядом с красивым Анэсти и с ужасом слушала гостей, проедавших ее диадему. С тех пор Люди Чести, к которым успели прибавиться приближенные Алисы Дриксенской и участники двух восстаний, не стали ни менее прожорливыми, ни более приятными.

В тот уже далекий день рождения Матильда сказалась больной, оставила мужа и его приятелей оплакивать величие Талигойи, закрылась в своей комнате и первый раз в жизни напилась до положения риз. Грехопадение прошло незамеченным, так как благородный супруг и не вздумал проведать внезапно захворавшую жену. Вот когда заболевал сам Анэсти, вокруг устраивались пляски с бубнами. Упаси Леворукий хоть на минуту забыть о муках, которые претерпевал страдалец, и заговорить о ребенке или о том, что опять кончаются деньги. В ответ раздавался горчайший вздох и слова о том, что скоро он освободит свою супругу навсегда…

Освобождение затянулось на тридцать пять лет, Талигойю освобождают без малого четыреста. Впрочем, сегодня Матильда была благодарна радетелям за отечество – они ее разозлили, а злость отогнала наползающий страх и мысли о том, что Эрнани и Ида сначала тоже лишь опаздывали к обеду. Вдовствующая принцесса запретила себе думать об Альдо и постаралась сосредоточиться на застольной болтовне.

– Двадцатилетняя война выиггана случайно. Таланты Алонсо Алвы пгеувеличены, если бы не…

– Великолепный поросенок!..

– Что вы, вот в прежние времена… дневник моего прапрадеда… он был…

– …выпотрошен и начинен яблоками…

– Это был заговог, в нем пгинимали участие…

– …кардамон и мускатный орех…

– …и так старые законы и старые порядки…

– …пгивели к падению великой Талигойи…

– Наш долг и наша святая обязанность освободить…

– …это восхитительное блюдо…

– И тогда ггаф Каглион бгосил в лицо своему палачу…

– Любезный, поднесите мне вот того гуся…

– Люди Чести никогда не будут…

– …отдавать долги…

– Это кэналлийское неплохо, но тем не менее…

– Я очень уважаю господина Штанцлера. Однако его происхождение, мягко говоря, сомнительно…

– Дриксенского гуся не узнать невозможно, какая бы ни была приправа…

– Стагейшее двогянство Талигойи всегда готово…

– …незамедлительно выпить за грядущую победу над…

– …любезным отечеством…

– Граф, я вас уважаю… Вы не представляете, как я вас уважаю, потому что вы…

– …мегзавец, мегзавец и еще газ мегзавец…

– Кэналлийцы всегда были негодяями и пгедателями, для них нет ничего святого, кгоме…

– Отечества…

– Какая чудовищная подлость!

– У Людей Чести одна дорога в…

– тайный орден, чья цель – уничтожить великую державу… Рука ордена чувствуется во всем и…

– мы собрались здесь не просто так, но…

– отведать эту замечательную курицу по-гогански…

– Барон, как я счастлив вас…

– …вымочить в уксусе…

– Эта стгана…

– …несколько жестковата, но под хорошее вино…

– Мы с вами, дорогой граф, разумеется, понимаем, что…

– …язык лучше всего натирать шафраном…

– О да, но это могут прочувствовать только истинные талигойцы…

«Истинные талигойцы»… Сколько раз эта фраза доводила принцессу сначала до слез, потом до винной бутылки, а однажды Матильда Ракан схватилась за кнут… Истинный талигоец Дилан Рише позорно бежал с располосованной щекой, а Эрнани удерживал рассвирепевшую мать за руки и смеялся, он все время смеялся…

– Ваше Высочество… – Вдовствующая принцесса повернулась и едва не уткнулась лицом в благоухающую пегую бороду, обладатель которой тут же плюхнулся рядом. Гад!

– Да, барон?

– Ваше Высочество, я мог бы взять на себя хлопоты по продаже дома и лишней мебели, – Хогберд медово улыбнулся.

– Благодарю вас, – Матильда улыбнулась еще медовее, – я не вправе вас затруднять.

– О, – Питер шевельнулся, обдав принцессу густым тяжелым ароматом. Почему никто не объявит войну Багряным землям и не сотрет с лица земли город Тарашшаван, где готовят

эту мерзость?! – Я счастлив служить моей принцессе.

Это значит, он уже нашел покупателя.

Матильда постаралась придать своему лицу выражение сосредоточенного внимания.

– Барон, не сейчас. Давайте послушаем Сарассана.

Сарассан говорил о великом заговоре великого Зла против великой Талигойи. Он всегда об этом говорил. Когда принцесса Ракан услыхала старого зануду впервые, ей показалась, что он бредит, потом она привыкла.

– Это заговор, – Сарассан говорил, глядя прямо перед собой, а казалось, что он обращается к обглоданному поросенку. Сквозняк шевельнул бумажный цветок в пасти покойного, при желании это можно было расценить как знак согласия.

– Мировое зло многолико, оно использует…

Покойный Адриан считал величайшим злом глупость, и еще он говорил, что дураки способны на многое, но смеяться над собой они не в состоянии. Как же это верно!

– …Мы храним честь, разум, совесть Талигойи, – Сарассан взмахнул рукой, и поросенок согласно качнул своей розой. – Те, кто остался в стране, отравлены. Ложь и притворство до добра не доводят, и только мы сберегли…

– Крыса!

Матильда вздрогнула, вскочила с места и тут же увидела Клемента. Его Крысейшество выбрался из заточения и прибыл на запах. Судьбе было угодно, чтобы крыс оказался между Стаммом и Ванагом. Оба были пьяны, и Матильда сочла за благо вмешаться.

– Он вас не объест, – буркнула принцесса, сгребая возмущенное крысейшество в охапку.

– Вваше Ввысочество, – Стамм шевельнул рукой, – прррекрассный вечер.

Ванаг промолчал, в его руках была гусиная нога, а стол и пол вокруг владельца островов усеивали обглоданные останки.

В Кагету бы его, к виноградным улиткам. Любопытно, остались бы после этого в Кагете улитки или нет? Твою кавалерию, если за дело возьмется Ванаг, улиткам конец…

– Господа, прошу простить мне мою задержку.

Альдо! Слава Создателю!

Принцесса невозмутимо прошествовала к покинутому креслу во главе стола, не забывая придерживать вырывавшегося крыса, уселась и посмотрела на внука. Альдо был серьезен, бледен и очень, очень молод. Рядом с ним стоял незнакомый монах в серой рясе, украшенной эмалевым голубем.

– Господа, – голос юноши дрогнул, – прошу всех встать в память предательски убитого епископа Оноре.

2

Ему казалось, что он вылез из ямы, из огромной помойной ямы, в которую веками сбрасывали отбросы. Они копились, перемешивались, наслаивались и наконец забродили… Закатные твари, одного Хогберда хватит, чтоб отвратить приличного человека от любого дела. Те, кому Талигойя и дело Раканов дороги по-настоящему, не бегут, тем более в провонявший мертвечиной Агарис! А ты сам?! Робер Эпинэ сжал зубы – вот так и начинают судить других и выгораживать себя. Да, он был ранен, но ведь выздоровел. Так за какими кошками он пять лет висел на шее у Эсперадора и Матильды с Альдо?!

Робер налетел на монаха с кружкой для милостыни и остановился. Он был на площади Радужной Птицы в часе ходьбы от дома Матильды! Талигоец извинился, сунул руку в карман в поисках мелочи, нащупал несколько суанов и какой-то ключ. Монетки перекочевали к пострадавшему клирику, а ключ живо напомнил талигойцу о гоганах и молчаливой зеленоглазой Лауренсии.

Мысль навестить красотку сначала показалась глупой, потом – удачной. Вернуться в дом Матильды, пока там торчат соратники ее мужа, нельзя, иначе дело кончится убийством.

Пойти к Мэллит Робер тоже не мог, потому что… Да потому что скажет ей то, что говорить не должен. Оставались кабак и Лауренсия, для женщины необычно молчаливая. Робер поднес к глазам ключ – будь вход в дом на улице Милосердного Аврелия заказан, ключ бы забрали. Решение было принято, и Иноходец отправился в гости.

Дом отыскался без труда, ключ легко повернулся в замке, талигоец поднялся по знакомой, пахнущей свежей зеленью лестнице и оказался в гостиной. В сумерках комнаты казались еще изящней, чем ночью, чему немало способствовали зеленые, расшитые причудливыми листьями занавеси и обилие цветов в горшках и кадках… Увы, многочисленные растения были единственными обитателями ухоженного гнездышка.

Эпинэ несколько раз прошелся изысканной анфиладой, постоял у запертых дверей, ведущих то ли в комнаты слуг, то ли в апартаменты, не предназначенные для посторонних, и задумался. Уйти и вернуться позже? Обойти дом и постучать у парадного входа? Подождать? Обычно нетерпеливый Робер склонился к последнему, он слишком устал от шума и чужих лиц. Подумав еще, Иноходец счел, что не будет большой беды, если он выпьет, благо в буфете нашлось несколько бутылок «Дурной крови».

Запах вина напомнил о Мэллит.

Гоганни наверняка сидит на кровати, обхватив колени, смотрит в стену и думает об Альдо. Погибший толмач сказал, что для гогана нет греха страшнее, чем мечтать о ставшей Залогом. А для Человека Чести нет большей подлости, чем мечтать о жене или возлюбленной друга и сюзерена, но Мэллит не возлюбленная Альдо… Он ее не любит…

Талигоец вернулся в спальню красотки и пристроился в кресле, рядом с которым топорщилось странное дерево с дырчатыми листьями.

Обиделась Матильда или нет? Робер надеялся, что принцесса его поняла, она вообще была изумительной женщиной… До встречи с Мэллит Эпинэ нет-нет да и приходило в голову, что, будь Матильда помладше, он бы потерял голову. Вдова была недурна и теперь, особенно без парика и дурацких вычурных платьев.

Матильде Ракан сейчас ровно столько, сколько было легендарной Алисе Дриксенской, когда дед представил ей младшего внука. Робер страшно разочаровался, увидев вместо царственной красавицы в высокой диадеме с вуалью тучную старуху с недобрыми глазами. Он не смог скрыть своих чувств, и дед страшно рассердился.

– Юность зла, – так сказал герцог Эпинэ и добавил, что жизнь Ее Величество не баловала. Внушения хватило на пятнадцать лет, Иноходец знал, что королева, решившая возродить былую Талигойю, опираясь на древние фамилии, права, а принц Георг Оллар и кардинал Диомид – нет.

Робер выпил вина и зачем-то тронул кожистые дырчатые листья. Думать не хотелось, не думать не получалось. Затеянная Альдо пирушка разбила крепость, в которой прятался Робер, не хуже гайифских кулеврин. Скажи мне, кто твой друг… Приглашенную Альдо свору друзьями не назовешь, но ты, мой дорогой, с ними в одной упряжке и, самое мерзкое, впрягся ты не по своей воле. Тебя запрягли и продолжают запрягать…

Во имя Астрапа, когда же начался этот бред?! Уж всяко до его рожденья, но после Двадцатилетней войны… Эпинэ залпом допил краденую бутылку и попытался сосредоточиться, как когда-то перед уроком. Его предки… Генералы и маршалы с фамильных портретов, какими они были на самом деле? Почему делали то, что делали? Как вышло, что герцог Шарль, разбивший у Аконы авангард Франциска Оллара, к ужасу Окделлов и Приддов, стал маршалом узурпатора, потащив за собой своих вассалов Савиньяков и Дораков?

Маршал Эпинэ верой и правдой служил сначала Франциску, потом его сыну, но с семьей у него не заладилось. Следующим Повелителем Молний стал племянник Шарля. В сподвижниках Олларов он не ходил, но и восставать не пытался – тогда в Талиге не бунтовали. Те, кто не ладил с новой властью, были кто на том свете, кто в изгнании, а кто, как Окделлы и Придды, гнил в своих владениях. Впрочем, лет через тридцать вернулись в столицу и они. Об агарисских Раканах никто не думал, Оллары сидели крепко, а Талиг,

Талиг рос и богател, и как же это не нравилось Гайифе, Дриксен, Гаунау!

Сильный Талиг им поперек горла и сейчас, потому его и хотят «освободить»… В прежние времена павлины со присными себя красивыми словами не утруждали, они просто напали. С трех сторон. И увязли на двадцать лет…

Гайифской армии не повезло сразу, а вот Дриксен с Гаунау захватили почти всю Ноймаринен. Северо-западная армия была разбита, а маршал Поль Пеллот сдался и перешел на сторону, как он думал, победителей.

Герцог Гаунау произвел Поля в генералы и поставил командовать талигойцами, воевавшими против Талига. Лучше всего у них получалось жечь деревни и грабить замки верных Олларам бергеров. В Агарисе Пеллота называют мучеником и борцом с узурпаторами, а был он или трусом, или подлецом и в придачу чистокровным «навозником». В отличие от Рене Эпинэ, который его поймал через девять лет после ноймариненского разгрома, заслужив маршальскую цепь.

Тогда Повелители Молний не сомневались, на чьей стороне сражаться, тогда все было просто. Герцогу Рене Эпинэ и в страшном сне не привиделось бы, что его потомки едят из гайифского корыта…

– Смешно, – сообщил Робер дырчатому растению, – ухохочешься.

Растение вежливо промолчало – смеяться над Повелителями Молний оно не собиралось, хотя было над чем. Семья гордилась подвигами Рене и при этом забывала, что сражался он за Талиг и Олларов, а не за Талигойю. О «великой Талигойе» вообще не вспоминали, пока путешествовавший инкогнито по Золотым землям принц Франциск Оллар не влюбился в дриксенскую принцессу Алису…

3

– Доброй ночи, сударь.

Робер вздрогнул и оглянулся. Женщина с очень светлыми волосами стояла в дверях, сжимая в тонкой руке горящую свечу.

– Сударыня, прошу меня простить, я решил вернуть вам ключ.

Лауренсия спокойно вошла в комнату и зажгла свечи в шандалах, она не казалась ни испуганной, ни удивленной.

– Ключ ваш…

Она опустилась в кресло напротив. У Робера с собой было не так уж и много денег, а она купалась в роскоши.

– Вы хотели видеть хозяина или меня?

– Я не хотел видеть никого.

– Вы не любите людей? – Зеленые глаза сузились.

– Тех, от которых я ушел, нет, но люди ли они…

– Кто знает, – Лауренсия задумчиво протянула руку к оплетавшему изящную решетку плющу, – вы уйдете на рассвете…

Ему предложили остаться… Для чего? Прошлый раз она поцеловала его прямо на пороге, прошлый раз она едва ли произнесла два десятка слов, прошлый раз сюда приходил достославный Енниоль. Он был здесь, а в доме Мэллит умирали…

– Вы хотите, чтоб я остался?

Женщина не ответила, продолжая поглаживать зеленую плеть. Что у нее на уме, где ее отыскали гоганы? Что их связывает? Лауренсия выпустила плющ, тонкие руки медленно поднялись, на стол упало десятка полтора тонких шпилек. Отпущенная на свободу серебристая волна обрушилась на хрупкие плечи.

– Я узнаю, что я хочу, когда вы останетесь…

Это было вызовом, и Робер его принял. Белые волосы пахли весенним лугом, глаза казались колодцами зеленой воды, в которой купаются звезды. Лауренсия походила на сон, а сон на явь, в которую кто-то бросил белые цветы, похожие и не похожие на росшие в Эпинэ

ландыши.

Прошлый раз все было иначе – понятнее, проще, грубее. Прошлый раз с Робером была опытная, красивая женщина, которую он видел в первый и, как ему казалось, последний раз и которой за ее искусство хорошо платили. Сейчас он не взялся б определить, с кем провел ночь. Случившееся больше всего походило на сказку о закатной твари, принявшей обличье красавицы, но Лауренсия не боялась эсперы, у нее было эсператистское имя, и жила она в святом граде. Робер коснулся прохладной щеки, и женщина слегка улыбнулась.

– Рассвет… Ты узнала, чего хотела?

– Да, – Лауренсия перевернулась на живот и очень внимательно посмотрела Роберу в глаза. – Я. Узнала. И. Ты. Можешь. Идти.

Серый свет за окнами, отдаленный колокольный звон… Скоро в гостиницу придут Люди Чести… Вернее, пришли бы, если бы решили принять его вызов, но они не придут. Это было ясно еще вчера, вчера, когда он окончательно понял, с кем ему не по пути.

– Ты мне не скажешь, что ты узнала?

Она ответила, хоть и не произнесла ни слова, и ответ ее был таким, что Робер Эпинэ позабыл обо всем, кроме звезд в зеленых глубинах…

Глава 9
Оллария
«Le Valet des Épées» & «Le Un des Épées»

1

> «Катарина-Леони Оллар, урожденная графиня Ариго, герцог Анри-Гийем Эпинэ, маркиза Антуанетта-Жозефина Эр-При, герцог Вальтер-Эрик-Александр Придд, герцогиня Ангелика, граф Валентин-Отто Васспард, граф Штефан Фердинанд Гирке-ур-Приддхен, граф Эктор-Мария-Максимилиан Ауэберг, виконт Иоганн-Йозеф Мевен, граф Людвиг Килеан-ур-Ломбах, виконт Теодор Килеан, граф Генри Рокслей, виконт Джеймс Рокслей, граф Ги Ариго, граф Иорам Энтраг, граф Август Штанцлер, виконт Фридрих Шуленвальд, граф Луи Феншо-Тримейн, барон Жан-Филип Феншо, его наследник Эдвар, барон Александр Горуа, его наследник Симон, барон Альфред Заль, его наследник Северин, барон Ангерран Карлион, барон Питер Джеймс Лоу, его наследник Роберт, барон Максимилиан Гайар, его наследник Жорж…»

– Эр Август, – Дик с недоумением смотрел на исписанный уверенным почерком лист, – кто это?

– Это люди, которые осенью умрут. Одни на плахе, другие при попытке к бегству, некоторые, видимо, успеют принять яд. Квентин Дорак больше не намерен прятаться за фанатиков и безумцев. Они свое дело сделали…

Ричард быстро закрыл глаза и снова открыл. На желтоватом листе по-прежнему стояло *«Катарина-Леони Оллар, урожденная графиня Ариго, герцог Анри-Гийем Эпинэ, маркиза Антуанетта-Жозефина Эр-При, герцог Вальтер-Эрик-Александр Придд…»* Катари первая? За что?!

– Эр Август… Почему Ее Величество?

– Потому что Катари Ариго – главная помеха на пути Дорака. Она не только Святая Роза всех Людей Чести и мать наследника при больном короле, она – препятствие к заключению Фердинандом нового брака.

– Нового брака?! – выдохнул Дик. Он пытался говорить о простом, о чем угодно, но не о смерти. Катари! Не может быть… Рокэ не позволит, каким бы он ни был! Он остановит…

– Зачем? Затем, что стране не хватает хлеба и золота. Вараста еще не оправилась, иноземные купцы после бунта опасаются привозить товар, а эсператисты считают Дорака и

Талиг проклятыми… И правильно считают, убийство Оноре – это чудовищно…

– Оноре убит? – Дику показалось, что ему не хватает воздуха. – Он же был жив… Они спокойно ушли…

– Оноре и Пьетро убили уже по ту сторону границы, Виктор был ранен, ему чудом удалось добраться до жилья и попросить помощи.

Мне не хотелось бы обсуждать это убийство. Если захочешь, ты сможешь все понять и сам. Кто знал, куда направились Оноре и его спутники?

– Эр Рокэ не мог! – Почему он кричит? Крик не довод, а признак слабости. – Его не было… Их провожал я. Я, а не эр Рокэ!

– Да, его не было, были его кэналлийцы. Я знаю про пресловутого Хуана достаточно… Этот человек не мог не проследить за гостями, а дальше думай сам. Хуан по-собачьи предан лишь одному человеку во Вселенной – своему герцогу.

Его Преосвященство мертв… Он говорил, что Рокэ – щит для слабых, а его убили. Предательски. Дождались, пока он покинет Талиг, и убили… Про Оноре говорили, что он святой и читает в людских сердцах, как в книге. Он поверил Ворону, хотя тот его не щадил. Нет, в смерти Оноре эр не виновен. Но кто тогда?

– Эр Август, что вы знаете про Хуана?

– Хуан был работорговцем, осужденным за похищение людей. Он пополнял гаремы багряноземельских шадов… Он был схвачен с поличным в республике Бордон, но герцог Алварo, отец Рокэ, его выручил и взял в услужение. Хуан – опытный человек, и он всем обязан роду Алва.

Работорговец! Дика передернуло от отвращения; недаром молчаливый кэналлиец со своей манерой то и дело оказываться сзади вызывал у него подозрение. Потом он привык, а в ночь бунта Хуан вел себя очень умно… Слишком умно для простого слуги, но ловцы людей слыли людьми отчаянными.

– Его Преосвященство ушел в Рассветные Сады, – Штанцлер ласково тронул плечо юноши, – его не вернешь, а нам надо жить. Ты спрашивал, зачем Дораку убирать Катарину Ариго?

Чтобы Фердинанд женился на фельпской купчихе с ее золотом, зерном и торговым флотом. Фельпские толстосумы готовы на все, чтобы получить меч Рокэ Алвы. Им тесно между Урготом и Бордоном, и им мешают мануфактуры Дриксена и Гайифы, а до Создателя торгашам дела нет. Их Создатель – деньги.

Фельпский магистрат сговорился с урготским Фомой и Дораком. Талиг дает армию и полководца, Ургот и Фельп – золото и хлеб, а скрепляет сделку брак. Но сначала нужно убрать Катарину Ариго и тех, кто за нее заступится. Каждому свое. Алва и Савиньяки будут воевать, Манрики и Колиньяры займутся Людьми Чести. Благодаря глупости Иорама и Людвига у Дорака есть козыри… Они из ничего слепят заговор, и им никто не помешает…

После Кагеты, Дикон, мы остались одни. Гайифа не рискнет скрестить меч с Вороном, а Фельп, Ургот и мориски сорвут торговую войну. Любую…

Кансилльер замолчал, глядя на темнеющие крыши. Дику стало отчаянно жаль этого человека; чувство жалости сливалось со скорбью об Оноре и страхом за Катарину. Юноша не сразу сообразил, что смерть ждет и самого Штанцлера, наверное, потому, что эр Август, как всегда, думал о других.

– У нас есть лишь один выход, – кансилльер очень долго смотрел Дику в глаза, – Создатель… Я бы отдал все на свете, чтоб избавить тебя от этого разговора. И от этого выбора… Но мы должны спасти Ее Величество, иначе грош нам всем цена. Спасти королеву и не допустить превращения Талига в средоточие зла.

Сначала Катари! Дик словно воочию увидел искусанные в кровь губы, глаза, полные отчаяния, руки, комкающие алатский шарф. Катарина должна бежать, но она слабая женщина, ей нужен спутник… Ричард тысячу раз был готов умереть за Ее Величество, но надо было не умирать, а бороться. Оноре выследили и убили уже на свободных землях…

– Эр Август, а мы сможем, то есть вы знаете, как устроить побег?

– Побег? – кансилльер еще больше помрачнел. – Дорак за такой подарок отдаст две провинции. Бежавшая королева становится изменницей, это повод для позорного расторжения брака даже в отсутствие беглянки, смерть для всех, кого обвинят в соучастии, и немедленный новый брак короля. Но не это самое страшное. Вам не выбраться из дворца. Манрик – отвратительный генерал, но прекрасный тюремщик… Нет, Дик, если мы хотим спасти Катарину, о побеге нужно забыть.

Кансилльер замолчал, переставляя с места на места фигурки на каминной полке. Вырезанные из кости странные животные, похожие и не похожие на лошадей, несли на себе всадников в нелепых полосатых одеждах. Холтийцы… Народ еще более загадочный, чем кагеты или мориски. Штанцлер выстроил друг за другом все фигурки, кроме одной, которая отчего-то все время падала…

– Я до последнего надеялся, что связь с Вороном защитит королеву, – кансилльер вертел упрямого холтийца в руках, но вряд ли понимал, что делает. – Беда Катарины Ариго в ее честности, а Ворон слишком горд для… Алва получил свою войну, а больше ему ничего не нужно. Если бы семь лет назад Катарина ему ответила или хотя бы догадалась солгать!..

Кансилльер бросил фигурку в потухший камин. Словно в черную пасть!

– Эр Штанцлер, вы…

– Забудь… Есть вещи, о которых тебе лучше не знать. Прости, я задумался.

Лучше не знать, но он знает. Катари… Катари не смогла полюбить Рокэ Алву, потому что любила Эгмонта Окделла. Понял ли это кто-нибудь? Отец, Ворон, эр Штанцлер? Вряд ли… Катари проговорилась только потому, что он похож на отца. И еще потому, что он застал ее с Рокэ…

– Дикон, – тихо сказал кансилльер, – если бы была возможность добраться до самого Дорака, я бы ее использовал, но к нему подхода нет. Любое разоблаченное покушение, любой пойманный заговорщик лишь ускорят неизбежное. Более того, с Дорака станется устроить заговор самому, «разоблачить» его и начать охоту.

У нас остался один выход. Единственный. Уничтожить Ворона. Если не будет его, Дорак притихнет. Варзов и Савиньяки – хорошие военачальники, но и только. Воевать сразу с Гайифой, Гаунау и Дриксен им не под силу. За них Фельп и Ургот платить не станут. Дорак без Алвы будет думать не о нападении, а о защите. У нас будет время собраться с силами и что-то предпринять…

Теперь Штанцлер смотрел в глаза Дику и вместе с ним смотрели отец, матушка, Оскар, Эйвон, Наль, Катари…

Ричард молчал. Он понимал, чего ждет Штанцлер, но не мог сказать ни слова. Не мог и все!

– Ричард Окделл, – Август был бледен как полотно, – я вижу, ты все понял. Убить Ворона предстоит тебе. Если ты, конечно, на это решишься. Ты – единственный Человек Чести, кто находится с ним рядом. Ты и Катарина Ариго, но он ничего не ест и не пьет в ее присутствии, а кинжал в женских руках не более чем игрушка… И потом мать, убивающая отца своих детей, это… Это чудовищно. Она этого не вынесет.

Это правда… Ричард помнил руки Катари – слабенькие, с тонкими запястьями… Убивать – это тоже наука, здесь нужна и сила, и ловкость, и знание, куда и как бить. Она не сможет… А он?

– Эр Август, я понял… Кроме меня, некому, но… Эр Август, я… Не знаю, как так вышло, но Ворон мне… Я, – юноша замялся и вдруг отчаянно выпалил: – Он хороший человек, и он любит Талиг… Он… Он может быть добрым… Я же его оруженосец!

– Что ж, – кансилльер попытался улыбнуться, – тогда и говорить не о чем… Надеюсь, ты сохранишь наш разговор в тайне, хотя… Хотя клятва оруженосца обязывает тебя раскрыть заговор.

– Эр Штанцлер, как вы можете!

– Ричард, будь последователен. Ты выбрал. Это твое право. Наверное, ты прав. Те, кто выбрал Олларов – Савиньяки, Алва, фок Варзов, Дораки, – процветают, теперь к ним

прибавятся и Окделлы. Ты отстроишь Надор, выдашь сестер замуж, женишься на какой-нибудь марикьярской красавице или дочери бергера. Сколько можно плыть против течения…

– Вы… все не так! Эр Штанцлер, вы… Как вы можете!

– Хорошо, Дикон… Считай, что я попросил у тебя прощения. Эгмонт слишком рано погиб, ты остался без отца. Эйвон, увы, не тот человек, который может поразить молодой ум… Неудивительно, что ты привязался к Ворону… Он и впрямь к тебе добр, я от него такого не ожидал. Как бы то ни было, ты выбрал, а теперь, пожалуйста, уйди. Я должен подумать…

– Эр Август, клянусь. Я никому не скажу… Но я не могу сделать то… Ну то, что вы хотите… Это бесчестно!

– Ты – Окделл, а я говорил с тобой, как с Приддом или с Карлионом, вот в чем беда… Ричард, как я мог тебе приказывать и даже просить?! В этом списке есть я, есть мой племянник и наследник, есть мои друзья, есть моя королева, но Окделлов на этот раз решено помиловать. Рокэ Алва – хороший покровитель, он сказал «нет», и Дорак вычеркнул и герцога Окделла, и его мать, и его родичей Лараков.

– Вычеркнул?

– Да, Дикон. Это известно, как и то, что за Катарину Ворон не просил…

Значит, они поссорились. До его прихода или позже? До осени далеко, Ворон успеет передумать… А если с ним поговорить? Но это значит выдать кансильера… Или написать ему письмо? Левой рукой, с ошибками… Нарисовать слепую подкову. Рокэ подумает, что это – король Висельников…

– Рокэ спасет Ее Величество, – не очень уверенно и потому громко сказал Дик.

– У каждой любви есть предел, – вздохнул Штанцлер, – Рокэ Алва любил Катарину Ариго так, как мог… Другие женщины были бы счастливы, привязав к себе владыку Кэналлоа, но Катарина не такая, как все. Слава, успех, красота для нее ничего не значили. Алва для Ее Величества был и останется потомком предателя… Знаешь, Дикон, я почти жалею Ворона. У него есть все и нет ничего – ни друзей, ни родины, ни семьи…

Герцог Алва – гордый человек, он никогда не сдастся, но само его презрение к смерти говорит о многом. Ему нечего терять, и он ничего не хочет, кроме Катари, а ее он не получит. Я говорю не про тело – про душу. Рокэ достаточно умен, чтобы это понять, и еще… Он ненавидит нас, воюет с нами, но даже побеждая знает, что правда на стороне Алана и Эгмонта… По крови он – Человек Чести, а по рождению привязан к Олларам, и выбора у него нет.

Савиньяков, Варзов, даже марикьяров могут простить и принять. Алву – нет, потому что ненависть к предателю и предательству сильнее доводов рассудка… Ворон умеет показать, что ему все равно, но он живой человек. Он доказал всем, что он лучший в мире воин и полководец, но это ничего не изменило и не изменит… Он так и проживет свою жизнь с клеймом, потому он и не женится. Каким бы он ни был, он не хочет, чтоб его законные дети жили в таком же аду…

«У добра преострые клыки»… Когда-то Рокэ сказал именно так. Эти его пьянки, дружба с адуанами и бакранскими дикарями, отсутствие страха… Святой Алан, боятся все – даже отец, даже Робер, а Рокэ – нет…

– Он ищет свою смерть, а находит чужую, – тихо произнес эр Август, – его еще нельзя назвать безумным, но мне страшно думать, во что он превратится после смерти Катарины…

– Мы должны ее спасти, – выдохнул Дик.

– Ее спасет только смерть Рокэ Алвы… А его спасать уже поздно.

– Поздно?

– Если говорить о теле, Рокэ проживет еще годы и годы. Он завоюет Дораку и фельпцам Золотые земли, перебьет на дуэлях сотню глупцов, выпьет реки вина, но он мертв, Дикон… В отличие от тех, кого собрались убивать.

– Хорошо, – Дик слышал свой голос, но не совсем понимал, что именно он говорит, –

хорошо… Я попробую…

– Пробовать нельзя. Нужно сделать. Или отказаться.

– Я сделаю… Мы фехтуем каждое утро.

– Сталь не годится. Ты не сможешь убить такого фехтовальщика даже в спину. И ты не должен попасть под подозрение. Это погубит, самое малое, твою семью, а может, и нас всех…

Дик не заметил, откуда Штанцлер достал кольцо. Оправленные в золото алые камни тревожно сверкали и переливались. Словно закат…

– Это кольцо принадлежало роду Эпинэ. Когда-то женщины Великих Домов предпочитали позору смерть из рук мужей и братьев. Если дважды нажать ногтем молнию, кольцо откроется. Там две маленькие крупинки. Каждой хватит на бутылку вина.

Это быстрая смерть и безболезненная. Человек ложится спать, утром его слегка лихорадит, он возбужден и весел, к вечеру возбуждение усиливается, со стороны он может показаться пьяным… Затем приходит сон… Вот и все. Ни мучений, ни кошмаров, ничего. Я хранил это кольцо для себя. Это трусость, Дикон, но я в молодости побывал в Багерлее. Не как заключенный, как спутник вдовствующей королевы, посещавшей узников… Я поклялся, что живым туда не попаду. Морис Эр-При об этом знал… Перед восстанием он подарил мне свое кольцо. Я не хотел брать, но Морис сказал, что, если понадобится, сумеет найти смерть на поле боя. Он ее нашел…

Ричард как зачарованный смотрел на старинный перстень, но протянуть руку и взять его не мог. Кансильер понял и положил смертельную вещицу на стол.

– Не буду тебе мешать, Дикон. Пусть тебе подскажет твоя совесть и твое сердце. Если не сможешь, оставь кольцо на столе. В моем доме воров и предателей нет.

Если решишься, умоляю, будь осторожен! Талигойя не может потерять последнего Окделла. Я бы не просил тебя о помощи, но больше некого.

Штанцлер неуклюже повернулся и вышел. Как же он постарел за полтора года! Нужно решать. От того, что Дик будет сидеть и смотреть на золотую молнию, ничего не изменится. Все равно придется выбирать между чужими смертями. Или Катари и другие или эр.

На одной чаше весов были тысячи смертей, ад, в котором жили все Люди Чести и лучшая женщина этого мира, убийство отца, мертвый Оскар, затопленные деревни, повешенные пленники, а на другой… Пьяные слова, странная песня о том, что ушло, и Дарамское поле… Маршал учил оруженосца стрелять из пушки и смеялся. Потом были две лежащие на покрытых инеем травах птицы, и святая Октавия, похожая на королеву. Ричард любит Катари, но он НЕ ненавидит Ворона, наоборот… Святой Алан, почему так вышло?! Почему потомку Алана Окделла так трудно повторить подвиг предка?

«Вот и все», – сказал маршал. Что для него кончилось прошлой осенью? Штанцлер прав, Рокэ не хочется жить, а сотням, тысячам людей хочется. У них есть близкие, у них есть и еще родятся дети.

…Перстень пришелся впору, словно покойный мастер Бартолемью тщательно подогнал его по руке Повелителя Скал. Золотая оправа и алые камни. Не ройи – ройи в сумерках светятся. Говорят, им хватает света звезд, а может быть, они хранят в себе отсвет Заката. Молния – знак Эпинэ… Рокэ отпустил Иноходца, отдал ему коня Оскара. Красное и золото… Цвета Эпинэ и Ариго… Окделлы носят черные камни. Как и Алва.

2

Ричард помнил, когда услышал о герцоге Алва впервые. Была осень, последняя счастливая осень в жизни Дикона Окделла, но тогда он этого еще не понимал, да и что мог понять шестилетний мальчишка, которому удалось подслушать разговор взрослых? Это потом услышанное обрело смысл, а тогда оно стало еще одним секретом, таким, как совиное гнездо под крышей амбара и случайно найденный тайник под лестницей, в котором, правду сказать, не было ничего, кроме пыли. И все равно Дикон любил тайны, потому и пробрался в

старую часовню, куда отец и Эйвон увели гостей, хотя день выдался на редкость промозглым.

Дикон понимал, что поступает скверно, но любопытство родилось раньше его. На крышу часовни было легко перебраться с огромного, разлапистого дуба, затем – слуховое окно, чердак и лаз на хоры. Эту дорогу юный граф Горик[42] освоил летом, охотясь за летучей мышью. Мальчик незамеченным скользнул в укрытие, откуда было не только слышно, но и видно.

Отец, Эйвон и трое гостей сидели вокруг стола с языком пламени посредине[43] и молчали. Так требовал обычай. Прежде чем начать важный разговор, влекущий за собой еще более важное деяние, нужно укрепиться в своей решимости.

Дикон, пользуясь возможностью, разглядывал приехавших, благо в свои семь он знал гербы всех Великих Домов. Первый – крупный и красивый, одетый во все оттенки зеленого, мог быть Карлом Борном, владетелем Карнийских дубрав. Второй, худощавый, с темно-каштановыми волосами и длинным лицом, судя по коронованному спруту на плаще, принадлежал к роду Приддов. Третий, в алом колете, не озаботился показать спрятавшемуся мальчишке свой герб, но Дикон догадался, что перед ним один из внуков старика Эпинэ.

Мелодичный звон показал, что время раздумий истекло. Отец положил руку на стол и негромко сказал:

– Я остаюсь при своем мнении. Восстание обречено, у нас слишком мало сил.

– Вы отказываетесь? – быстро переспросил Придд.

– Нет. Окделлы верны Талигойе и своему королю, а олларскую свору я ненавижу не меньше вашего, но наше дело безнадежно.

– Отнюдь нет, – вмешался Карл Борн, – Святой Престол поддерживает законные притязания Альдо Ракана, а добрые граждане Гайифы, Дриксен и Гаунау готовы собрать достойную армию. Наше дело – поднять восстание, призвать на царство Его Высочество и продержаться до прихода подмоги.

– Что ж, – начал Придд, – этот план представляется разумным, но нельзя забывать о проклятии Талигойи.

– Во́роны! – зло бросил Эпинэ.

– Да, – наклонил голову отец. – Не хочу лгать, молодой Алва – отменный полководец. Я был у Малетты с Вольфгангом и видел Рокэ в деле. Это второй Алонсо…

– Я рад, герцог, – веско произнес Придд, – что вы в состоянии оценить угрозу. Мы не позволим Алве возглавить армию.

– Не позволим?! – вскинулся Эпинэ, – Вальтер, побойтесь Создателя, первое, что сделает Дорак – наденет на Рокэ маршальскую перевязь. Пока вдовствующая королева и кансильер этому препятствуют, но сейчас – мир. Стоит нам раскрыть карты…

– Вы не поняли, Арсен, – голос герцога Вальтера звучал устало. – Прежде чем поднимать восстание, нужно покончить с Вороном.

– Вы предлагаете убийство? – подался вперед Эпинэ.

– Герцог, я не ослышался? – отец тоже казался удивленным.

– Не ослышались, – подтвердил Придд. – Рокэ – негодяй по крови и, что бы ни говорил фок Варзов, обещает стать настоящим подлецом. В любом случае Алва – помеха на нашем пути. Вы хотите освободить Талигойю и посадить на трон законного короля, не замарав рук? Это невозможно, друзья мои. Против подлецов хороша лишь подлость. Карл, вы ведь

---

[42] Наследники герцогов Окделлов по прямой линии носили титул графов Горик.

[43] Крупные эсператистские храмы делились на четыре части, однако допускалось строительство часовен и домовых церквей, в которых было лишь две – главная, в которой находился алтарь, и вспомогательная. В данном случае Покой Озарений, в котором верующие принимали важные решения и иногда исповедовались. Их непременным атрибутом являлся семиугольный каменный стол, окруженный семиугольной же скамьей. Посредине – каменное изображение языка пламени, к которому стремятся бронзовые мотыльки.

дрались с сыном Алваро?

– Да, – буркнул Борн.

– И что?

– Мне его не побить. Он разделался бы со мной шутя, но…

– Но унижать ему нравится больше, – закончил Вальтер. – Желает кто-нибудь из присутствующих послать Рокэ Алве вызов? Или вы знаете кого-нибудь, кто сделает это ради Талигойи или за деньги?

– Не будем врать друг другу, – вздохнул Борн, – в честном бою с Алвой не сладить.

– В «честном»? – хмыкнул Придд. – В честном бою у соперников равные шансы. Карл, дорогой, вы же не пойдете на волка, надеясь на свои зубы, а возьмете нож. Чтобы схватиться с Вороном на равных, нужно не меньше шести человек.

– Нужно решить, – Карл тщательно разглядывал фамильное кольцо, – яд, кинжал или арбалет.

– Ненадежно. Яд достанется другому, стрелок промахнется, кинжал сломается. Не хотел бы напоминать вам то, о чем вы, Эгмонт, без сомнения, хотите забыть, но разве вы сами однажды не угодили в засаду? Вас спасло чудо, но Чужой за своих подручных заступается чаще, чем Создатель. У Ворона кошачье чутье, врасплох вы его не застанете. Я вижу один способ – сделать так, чтоб он был один и…

– Убийство при помощи женщины? – нахмурился Эпинэ. – Фи!

– В самом деле, Вальтер, – вмешался отец, – если мы опустимся до подобного, чем мы будем отличаться от того же Дорака?

– Целью, – твердо сказал Придд, – пожертвовать жизнью ради великого дела просто, труднее его сделать. На весах свобода Талигойи и счастье наших детей. Если Ворон получит армию, наше дело обречено.

– Одно убийство потянет другие, – задумчиво проговорил Карл, – страна в руках кардинала. За Алву Дорак утопит в крови всех, до кого дотянутся его руки.

– Кансильер сделает так, чтоб из столицы выехало как можно больше Людей Чести, – сказал Придд, – но, конечно, жертвы будут. Мы готовимся к войне, господа. Нам придется испить эту чашу до дна. Убийство Ворона и неизбежные казни – меньшее из зол в сравнении с общей гибелью.

Давайте смотреть правде в глаза – если проиграем мы, Талигойя никогда не поднимется. Это наш последний шанс. Ветер дует в паруса чужаков. То, что сделала королева Алиса, уничтожено, Фердинанд Оллар во власти Дорака, мы можем рассчитывать только на силу оружия.

Эпинэ опустил голову, Карл повернулся и посмотрел на отца:

– Герцог Окделл, для меня ваше слово равно слову Чести. Если вы скажете «да», я пойду за вами до конца и приму на душу любой грех.

– Да, Эгмонт, – блеснул глазами Арсен Эпинэ, – мы поступим так, как вы скажете.

– Я против убийства, – медленно произнес отец, – руки Чести должны быть чистыми.

– А как бы вы поступили с Рамиро, если б разбили его и взяли в плен?

– Предал бы суду, – твердо сказал Эгмонт Окделл.

– Вы требовали бы оправдания или казни?

– За то, что он сделал, он трижды заслужил смерть.

– Значит, если подлеца обезглавят на площади, вас не будет мучить совесть?

– Палач не является убийцей, а судья – тем более.

– Эгмонт, а кто назначает судей? Кто дает им право выносить приговор?

– Создатель руками помазанников и слуг своих.

– В таком случае, прочтите вот это, – Вальтер Придд достал и положил на стол какую-то бумагу, над которой склонились четыре головы. Дикон не видел, что на ней написано, но он видел лицо отца.

– Да будет так! – торжественно произнес отец.

– Вы больше не возражаете?

– Нет.

3

Черное дерево покрывали странные завитки, похожие на вихри. Раньше Дик не обращал на них внимания, раньше он не приходил к эру без приглашения, раньше он не собирался убивать. Ричард Окделл стоял у закрытой двери и изучал резьбу. Другого выхода нет. Он поклялся именем отца, но клятва не главное, главное то, что выбор прост – или Квентин Дорак и Рокэ Алва, или Катари Ариго и все, сохранившие верность Талигойе и законным королям. Святой Алан, он должен их спасти!

Это его долг, а долг нужно исполнять, каким бы тяжелым он ни был. Скакать навстречу врагам со шпагой в руке легко, но не всегда к победе можно прийти прямым путем. Даже отец признавал, что смерть Рокэ Алвы необходима. Тогда покушение сорвалось, и все пошло прахом. Сейчас сын Эгмонта Окделла сделает то, что не удалось двенадцать лет назад. Сталь против Ворона бессильна, пуля ненадежна, остается одно… Это легкая смерть для уставшего жить человека.

Главное, чтоб Рокэ попросил вина, а дальше все очень просто. Дик еще раз взглянул на черные завитки и постучал. Время остановилось. За дверью было тихо. Рокэ мог уйти, не сказавшись слугам, мог послать оруженосца к Чужому, мог налить себе сам.

Дик постучал еще раз и замер, настороженный, как одичавшая кошка. В вязкой тишине раздался скрежет поворачиваемого ключа, дверь распахнулась. Алва был у себя, Ричард вздрогнул.

– Юноша? – В сапфировых глазах мелькнула светлая искра. – Что стряслось? Вы спрятали в моем доме еще парочку святых?

А ведь это было! Ворон не выдал Оноре, остановил бунт, отпустил Робера. Эр Август ошибается, Рокэ в смерти епископа не повинен. Он не чудовище, что бы про него ни говорили, просто так получилось.

– Нннеет…

– Тогда в чем дело? Вы смотрите так, словно у вас за пазухой парочка ызаргов. Вы проигрались? Получили письмо из дома? Увидели привидение? Затеяли дуэль с десятком гвардейцев?

– Эр Рокэ…

– Заходите, – Алва посторонился, пропуская оруженосца. Судя по разбросанным по полу бумагам, он сидел на шкурах у камина. Зачем ему огонь? Что-то жег? Или пламя служит ему светильником? В любом случае он совершенно трезв. Рокэ поймал взгляд оруженосца, усмехнулся, собрал исписанные листки и небрежно швырнул на стол.

– Раз вы пришли, налейте мне вина.

Так сразу?! Дик, пытаясь унять дрожь, уставился на охваченные пламенем поленья.

– Да что с вами такое? – В голосе Алвы послышалось раздражение. – Наслушались проповедей о вреде винопития?

Ричард бросился к секретеру. Бутылки «Черной крови» открылись на удивление легко. Так же как и перстень. Два крохотных белых зернышка исчезли в темных горлышках, дело было сделано. Ричард трясущимися руками перелил вино в специальный кувшин – кэналлийцы пьют выдержанные вина не сразу.

– Так что все-таки произошло? – Герцог сидел в кресле спиной к огню, темноволосую голову окружал багровый нимб.

– Его преподобие… Оноре… убили.

– Праведники в Рассветных Садах, без сомнения, в восторге, – Алва по-кошачьи потянулся, – у них так давно не было пополнения… Что-то еще?

– Я… Я хотел спросить.

Почему он не придумал повод заранее? Что он хочет узнать? Не так – что он ДОЛЖЕН узнать, ведь завтра спрашивать будет не у кого.

– Эр Рокэ, как умер мой отец?

– Быстро.

– Как… Как Эстебан?

– Нет, – Рокэ слегка сдвинул брови, словно пытаясь что-то вспомнить. – Молодого Колиньяра я убил в горло, Эгмонта Окделла – в сердце. Если тебе нужны подробности, то мы стали на линию…

– Это была линия?!

– Разумеется.

Линия!!! В Лаик шепотом рассказывали, как это происходит. По земле проводится черта, секунданты разводят противников на расстояние вытянутой руки со шпагой. Левая нога стоит на линии, она не должна сдвигаться. Падает платок, и в твоем распоряжении несколько секунд, чтобы убить или быть убитым. В обычной схватке можно получить удовлетворение, ранив противника в руку или ногу, здесь или ты, или тебя. Правда, случалось, погибали оба.

Такая дуэль не просто запрещена королевским эдиктом, она проклята самим Эсперадором. Церковь говорит, что на линию Чужой толкает обуянных гордыней и нетерпением. Создатель требует ждать Его Возвращения и Его суда. Встать на линию – погубить свою душу.

– Эгмонт пришел с Мишелем Эпинэ, со мной был Диего Салина. Они по нашему настоянию не дрались.

Диего Салина… Марикьярский маркиз, отец Альберто. Марикьяра далеко, она сама по себе. Сказал ли Салина кому-нибудь правду? Мишель Эпинэ мертв… Знает ли матушка? Знает ли эр Штанцлер? Отец хромал, в обычном поединке, да еще против Ворона он был обречен, но на линии хромота не имеет значения… Святой Алан, у отца был шанс.

Рокэ протянул руку с бокалом. Ричард, не соображая, что делает, наклонил кувшин. В мерцании камина льющееся вино и впрямь казалось черной кровью. Маршал задумчиво посмотрел бокал на свет и поставил на инкрустированный сталью столик. Он делал так почти всегда, но сердце Дикона чуть не выпрыгнуло из груди. Алва смотрел куда-то вдаль, и оруженосец видел безупречный профиль, озаряемый непоседливым пламенем.

– Хочешь спросить что-то еще?

Только теперь юноша вспомнил, ЧТО должно произойти. Услышав об отце, он напрочь позабыл обо всем, даже о Катари. Это к лучшему – иначе он бы себя выдал.

Алва молчал, то ли ждал новых вопросов, то ли что-то вспоминал. Небо за окном было черным, черными в освещаемой лишь догорающим камином комнате казались и глаза маршала.

– С какого возраста ты себя помнишь?

Почему он спросил? Хотя почему бы и нет? Ворону, когда он пил, иногда приходила блажь поговорить со своим оруженосцем. Это были странные разговоры – точно так же герцог говорил бы с собакой, если бы она у него была. Но у него никого не было, ни-ко-го.

– Лет с трех…

– Память – отвратительная вещь, – Рокэ пригубил вино и замолчал. Можно было вырвать бокал, но Ричард этого не сделал. Он поклялся уничтожить проклятие Талигойи и исполнит обещанное. И все же, все же яд – оружие женщин, стариков и монахов… Эр Август принимает грех на себя, но мужчины рода Окделлов не прячутся за спинами стариков.

Юноша не мог отвести взгляда от руки, сжимавшей темный хрусталь, руки, убившей отца, Эстебана, Адгемара… Это было страшно, смотреть, как ничего не подозревающий человек пьет яд. Пусть Ворон заслужил смерть, пусть он ее не боится, даже хочет, но так убивать бесчестно. Так бесчестно, но по-другому нельзя. Равный бой с Алвой невозможен, потому что равного соперника у него нет.

Фехтуя с Рокэ, Ричард лишь укреплялся в том, что никогда не догонит своего эра. Маршал вынослив и силен, как демон, он одинаково хорошо владеет обеими руками, предугадывает каждое движение своего соперника и не знает жалости.

– Мы помним то, что хотим забыть, – Алва пил медленно, смакуя каждый глоток, – и отчего-то забываем то, что не следует. Лично я с наслаждением расстался бы кое с какими воспоминаниями, но не получается.

Ричард Окделл тоже не забудет этот вечер. Ленивый голос, длинные пальцы, сжимающие ножку бокала, отсветы пламени на точеном, безжалостном лице. Почему он в разгар весны развел камин? Почему именно в этот вечер перешел на «ты»? В который же это раз? В любом случае в последний, а в первый это было, когда герцог перевязал новому оруженосцу руку… Клаус отговаривал монсеньора от возвращения в столицу, а он не послушался.

«У добра преострые клыки и очень много яда»… Эти слова маршал произнес в этой самой комнате. Почему он сказал именно так? Почему сказал именно ему?

4

Рокэ лениво прихлебывал яд, он был уже покойником, хотя и не знал этого. Герцог проживет до следующего вечера, а сейчас он по-прежнему опасен. Эр Август предупреждал, чтобы Дик себя не выдал, он переживает за него. Штанцлеру, как любому Человеку Чести, претит действовать чужими руками, но другого выхода и вправду нет. Чтобы жила Катарина Ариго, Ворон должен умереть.

– Необычный букет, – задумчиво произнес Рокэ, – но мне нравится. Впрочем, у меня извращенный вкус, это знают все. А вот о том, что я когда-то был, «как все», забыли, и хорошо, что забыли.

В твои нежные годы, Ричард, я был щенком, правда, очень гордым и очень злым. Кусаться я начал рано и довольно успешно. Первый раз я дрался на дуэли, когда мне не было и шестнадцати…

Смешно вспоминать, но я ужасно волновался. Мой соперник был старше меня лет на пять и выглядел таким грозным… Потом я понял, что змеи опаснее быков, но в юности мы глупы до безобразия. Мне казалось, что меня убьют или, того хуже, победят. Я не мог уснуть, сидел на окне, пялился на луну и даже накатал несколько сонетов. Один до сих пор помню, – Алва встал, не выпуская полупустого бокала, подошел к камину и поворошил угли носком щегольского сапога.

Я – одинокий ворон в бездне света,
Где каждый взмах крыла отмечен болью,
Но если плата за спасенье – воля,
То я спасенье отвергаю это.

И я готов упрямо спорить с ветром,
Вкусить всех мук и бед земной юдоли.
Я не предам своей безумной доли,
Я, одинокий ворон в бездне света.

Не всем стоять в толпе у Светлых врат,
Мне ближе тот, кто бережет Закат,
Я не приемлю вашу блажь святую.

Вы рветесь в рай, а я спускаюсь в ад.
Для всех чужой, я не вернусь назад
И вечности клинком отсалютую…

Какой только чуши не сочинишь, когда тебе пятнадцать и ты собрался умирать… Ты, часом, не пишешь стихов?

Ричард пробовал рифмовать, но у него получалось плохо. После уроков господина Шабли, читавшего унарам сонеты Веннена и трагедии Дидериха, Дик окончательно убедился в своей бездарности.

– Нет, эр Рокэ, не пишу.

– Врешь, – надменные губы исказила улыбка, – и правильно. Не стоит показывать другим, что у тебя на сердце – не поймут или переврут. Я давно бросил марать бумагу. Единственное, о чем стоит думать перед смертью, это о хорошей компании. Разумеется, я имею в виду врагов. Преисподняя – это место, куда приятно заявиться в их милом обществе. Налей мне еще, да и себе заодно. Мне расхотелось напиваться в одиночку.

Ричард схватил протянутый ему бокал и торопливо наполнил, а затем налил себе. Святой Алан, вот он – выход! Выход! Он не станет убийцей, если тоже умрет! Это как дуэль, в которой погибают оба участника. Как на линии, просто и честно! Он ведь вызвал Рокэ, и тот принял вызов… Катари поймет, она знает, что честь для Окделлов важнее жизни. Яд действует медленно, он успеет написать домой, увидит Катари и скажет ей… Он заслужил это право – напоследок сказать о любви…

– За что же нам выпить? – сдвинул брови Рокэ Алва. – За любовь не стоит – ее не существует, равно как и дружбы. За честь? Это будет нечестно с моей стороны. Не хочу уподобляться шлюхе, поднимающей бокал за девственность и целомудрие.

За отечество? Это слово мы понимаем по-разному, и потом за это не пьют, а умирают. Или убивают. Пожалуй, я выпью за жизнь, какие бы рожи она нам ни корчила…

Дикон как зачарованный смотрел на синеглазого человека у камина. Он, Ричард Окделл умрет, убив только одного врага, но выиграет войну за Талигойю, потому что враг этот – Ворон. Полководец, которого никому не удалось победить. Юноша вздрогнул, когда герцог соизволил оторвать взгляд от гаснущих углей и, слегка приподняв бокал, повернулся к оруженосцу:

– Я пью за жизнь, а за что хочешь выпить ты?

– За… За справедливость…

– Вот как? – поднял бровь Ворон. – Еще один фантом… – и другим, железным голосом добавил: – Поставь бокал!

– Эр Рокэ…

– Поставь, я сказал!

Дик сам не понял, как исполнил приказ.

– Очень хорошо, – добавил герцог тоном, которым хвалил ученика на фехтовальном дворе, залпом допил вино и швырнул драгоценный бокал в камин, – я не стану спрашивать, кто дал тебе яд, потому что знаю и так.

Дикону показалось, что у его ног разверзлась бездна. Рука метнулась к кинжалу, юноша даже не понял, кого он хотел убить – себя или Ворона, резкий удар по запястью заставил пальцы разжаться, и клинок упал на блестящие черные шкуры.

– Глупо, – маршал перехватил вторую руку оруженосца. Ричард был прекрасно осведомлен о силе и ловкости своего эра, но одно дело видеть, как останавливают зарвавшуюся лошадь, а другое оказаться на ее месте. Повелитель Скал пролетел через комнату и рухнул в глубокое кресло, затравленно глядя на Алву, изучающего поднятый кинжал.

– Хорошая работа и хорошая сталь… Такие клинки из-за клейма называют «поросятами». Их осталось не так уж и много. Ты, надо полагать, думаешь, на нем твой фамильный вепрь?

Дикон с трудом кивнул. Завтра Ворон умрет, но только завтра. Ему хватит времени погубить всех. Штанцлера, Катари, Эйвона…

– Я сам достал яд, – выдохнул юноша. – Вы…

– Я – мерзавец и негодяй, убивший твоего отца и позорящий Великую Талигойю. Прикончить меня – долг каждого Человека Чести, – услужливо подсказал маршал, – но ты врешь. Окделлы по собственной воле не травят даже врагов.

– Эр Рокэ!

– Помолчите, юноша, – герцог взял бокал Ричарда, выплеснул его содержимое в огонь и дернул за витой шнур, вызывая слугу, – вы свое дело сделали, хоть и бездарно. А с благородными спасителями отечества, снабдившими вас отравой, я сам поговорю.

Часть четвертая
«Смерть»[44]

Неизменно творить добро нашим ближним мы можем лишь в том случае, когда они полагают, что не смогут безнаказанно причинить нам зло.

Франсуа де Ларошфуко

Глава 1
Оллария
«Le Chevalier des Épées» & «Le Huite des Bâtons»

1

Старший сын и законный наследник графа Валмона въехал в Олларию через ворота Роз. Впереди сияли двенадцать месяцев свободы, и душа виконта пела и даже приплясывала. Марсель Валме был почтительным сыном и честно проводил четверть года в родовых владениях с больным отцом и вечно рыдающей матерью. Таково было условие, поставленное графом всем своим отпрыскам. Это было ужасно тоскливо, зато старик выплачивал сыновьям колоссальное содержание, закрывая глаза на кутежи, любовниц и карточные проигрыши.

Несмотря на отнявшиеся ноги, Валмон превосходно управлял своими владениями, выколачивая из них немалый доход, так что в средствах наследник стеснен не был и твердо намеревался честно прогулять родительские денежки. Изрядно побуянивший в юности, граф Бертрам полагал, что молодежи следует перебеситься, но насчет сыновнего долга был непреклонен.

У Валмона было пятеро сыновей, младший в будущем году отправлялся в Лаик, а четверо старших три четверти года прожигали жизнь в столице и четыре месяца выслушивали отцовские наставления. Сейчас наступил черед Сержа, а отстрадавший свое Марсель умчался в Олларию, предвкушая будущие кутежи. Тем не менее, въехав в столицу, виконт наступил на горло собственной разухабистой песне и решил немедленно покончить с делами, дабы наслаждаться полной свободой.

Увы, в обязанности совершеннолетнего сына больного, но титулованного отца входило сидение на Полном Совете[45], а посему приходилось являться к геренцию с письмом Бертрама Валмона, уполномочивающим отпрыска в случае необходимости замещать отсутствующего графа. К счастью, Полный Совет на памяти Марселя собирался всего

---

[44] Карта Таро «Смерть» не означает физического конца, но говорит об окончании существующей ситуации, о глубоких изменениях в мировоззрении. Это конец старой жизни и связанные с этим утраты: дружбы, дохода, любви. Но начинается новая эпоха. П.К. – дар прозрения в отношении себя и других, может означать застой, инертность и их последствия.

[45] На Полном Совете в обязательном порядке присутствуют все Лучшие Люди Талига. Отсутствующих заменяют их полномочные представители, уклонение от участия в Полном Совете считается оскорблением Его Величества.

дважды, но отец не потерпел бы, если бы его представитель пропустил такое событие.

Виконт добрался до родового особняка, освежился с дороги, перекусил, хватил «Змеиной крови», переоделся в зеленое и черное[46], помянул закатных тварей, Разрубленного Змея и Леворукого с его кошками и отправился ко двору. Ему повезло – у Фабиановой колонны страдальца догнал Рокэ Алва. Валме никогда не имел ничего против Первого маршала Талига, а после того, как Ворон поверг в прах позарившегося на Марианну Килеана, стал ярым почитателем кэналлийца.

Валме был готов делить прелестную баронессу с первой шпагой Талига, полагая, что можно премило проводить время и втроем. Увы, Рокэ пришлось отправиться на войну, и до совместных развлечений дело не дошло, ну да какие наши годы! Марсель придержал каракового линарца с кокетливо подрезанным хвостом и приподнял шляпу:

– Монсеньор, счастлив встретить первым именно вас.

– С возвращением, виконт. Что в Валмоне? – Мориск Алвы злобно зыркнул на чужую лошадь и прижал уши. Марсель не согласился бы взгромоздиться на подобную зверюгу ни за какие деньги.

– В Валмоне? – Валме возвел очи горе. – О, там спокойно и чинно, как на кладбище.

– Так вы не верите в выходцев, шабаши, кладбищенских лошадей и прочие прелести?

Похоже, прежде чем отправиться ко двору, герцог хлебнул изрядно своей любимой «Черной крови». Глаза Рокэ блестели ярче обычного, на высоких скулах горел румянец.

– Сударь, я верю лишь в то, что видел. Сиречь в старину Валтазара.

– В Валтазара даже я верю, – Рокэ засмеялся, блеснули белоснежные зубы, – надо будет как-нибудь нанести ему визит. Вы никогда не пробовали говорить с призраками?

– Как-то в голову не приходило, – покаянно признался виконт, – но готов вас сопровождать.

Глядя на то, в каком виде Первый маршал Талига явился во дворец, Марсель пожалел, что выпил всего одну бутылку, но кто ж знал, что он нарвется на Ворона? Ничего, вечером доберет, и хорошо бы вместе с Алвой.

– Вы весьма любезны, Марсель, – одобрительно произнес герцог, сдерживая набивающегося на ссору вороного, – это будет чудесная прогулка.

– Не сомневаюсь, – Марсель понял, что ему повезло, герцог редко пребывал в столь благодушном настроении, и виконт принялся ковать железо, пока горячо, – в вашем обществе я не прочь прогуляться и дальше. Скажем, на войну.

– Решили покрыть себя славой? – поднял бровь Ворон. – Увы, сейчас войны нет, но скоро будет.

– Возьмете? Обещаю не посрамить батюшку и прочих предков.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Рокэ. – На войне и впрямь чувствуешь себя уютней. Только не забудьте написать завещание.

– Вот еще! Я всего лишь виконт, своего у меня ничего нет, зато имеется прорва братьев. Не могу сказать про них ничего плохого, но распределять между ними свои башмаки и рубашки не собираюсь. Говорят, у вас тут был бунт?

– Слишком громко сказано, – в голосе Рокэ послышалась легкая досада, – так, глупости всякие. Правда, ваш друг Килеан на какое-то время перебрался в Багерлее. Вместе с братьями Ариго…

– Желаю ему там и остаться, – одобрил Марсель Валме, – самое подходящее место для человека с такой физиономией.

– Насколько мне известно, его выпустили, – сообщил Алва. – Правда, с должностью страдальцу пришлось проститься.

– И правильно. Лучше кота бродячего под забором поймать и поставить комендантом, все приятнее. Нет, герцог, я возмущен! Милосердие должно быть разумным, а наглец,

---

[46] *Герб Валмонов* – две черные борзые, бегущие по зеленому полю. Девиз «Мы быстрее».

навязывающий свое общество даме, просто обязан сидеть в Багерлее.

– На мой взгляд, – не согласился Алва, – подобный господин должен не сидеть, а лежать. Тихо-тихо…

Валме глянул на Рокэ, в обведенных голубоватыми тенями глазах плясали такие же злые искры, что и в глазах мориска. Марсель растерянно засмеялся и хотел добавить, что в гробу Килеан и впрямь будет выглядеть еще лучше, чем в тюрьме, но не успел: зазвучала труба – дежурные гвардейцы приветствовали Первого маршала.

Рокэ махнул рукой, отменяя положенные по уставу церемонии, и направил коня к северному подъезду. Валме последовал примеру герцога. Воистину Алву ему послал сам Создатель, а может, не Создатель, а Леворукий, но день обещал стать не таким уж и нудным. А после дня наступает ночь. Надо затащить Рокэ к Марианне… Для начала они сыграют в карты. Так, немного, чтобы размяться.

2

Ворон отошел перемолвиться с Леонардом Манриком, которому удивительно шел мундир капитана личной королевской охраны, Валме решил во что бы то ни стало дождаться герцога, и тут Марселя заметил его приятель по Лаик. Иоганн-Йозеф виконт Мевен был славным парнем; несмотря на принадлежность к Великому Дому, он прекрасно ладил и со старой аристократией, и с новой, хотя какая она к Леворукому новая!

С точки зрения Валме, четырехсотлетнее графство было ничуть не хуже тысячелетнего. Друг Франциска Оллара Готье Валмон получил титул по заслугам, а его потомки лишь приумножили его славу и богатство, тогда как всякие килеаны и окделлы тупо прожирали древнее наследство и при этом задирали свои унылые носы! Мевен унылым не был, и когда он махнул рукой, Валме ответил тем же. Иоганн-Йозеф счел это приглашением, и направился прямехонько к однокорытнику. Марсель был бы только рад, будь Мевен один. Но с виконтом был Иорам Ариго, которого Валме не переносил с самой Лаик.

– Валме! Ты вернулся? – Мевен протянул руку, и Марсель ее с удовольствием пожал. Здороваться с Иорамом было не столь приятно, но пришлось. На всякий случай виконт решил побыстрее откланяться. Рокэ можно ждать и в другом зале, а эти… Раньше братец королевы вряд ли бы снизошел до того, чтоб подойти к «навознику»! Марсель был отнюдь не глуп и понимал, что подобное панибратство неспроста. Валме улыбнулся:

– Да, приехал сегодня утром.

– Тебе повезло, – Иорам заметно похудел и побледнел. Так ему и надо! – Ты пропустил весьма неприятные события.

– Неужели только неприятные? – поднял бровь Марсель, но его сарказм не оценили.

– Это было ужасно, – с чувством произнес Ариго, – невинные жертвы, пожары, чудовищная жестокость… Чуть ли не на каждом дереве и фонаре – повешенные без суда и следствия. Сначала город был отдан изуверам и грабителям, потом…

Повествование об октавианских празднествах, к радости Марселя, не желавшего слушать про всякие ужасы, было прервано появлением кансильера. Август Штанцлер вышел из боковой двери вместе с Ги Ариго, Карлионом и братом герцога Придда, имя которого Марсель Валме вечно путал. И немудрено – Дом Волны славился заковыристыми фамилиями.

Кансильер заметил Иорама и сделал приглашающий жест, не понять который было невозможно. Пришлось кланяться, здороваться, спрашивать Штанцлера о самочувствии, а брата Придда, которого никто не удосужился назвать по имени – возможно именно из-за зубодробительности последнего, – о видах на урожай. Марсель оглянулся, Рокэ все еще говорил с Манриком, и лишь нежелание упустить маршала мешало Валме выдумать неотложное дело и откланяться. И тут для полного счастья Леворукий принес Килеана, не замедлившего присоединиться к кансильеру.

Марсель Валме относился к людям или никак, или хорошо, но было одно исключение,

именуемое Людвиг Килеан-ур-Ломбах. Бывшего коменданта Олларии виконт ненавидел всеми фибрами своей жизнерадостной души, и чувство сие родилось задолго до знаменитой карточной дуэли. Более того, сойдись с Валме за тонто кто-нибудь другой, Марсель смог бы остановиться, но проигрывать этому?!

Увы, бергеры не зря говорят, что судьба свежую рыбку и тухлую нижет вперемешку. После Ворона Килеан. Тьфу!.. Марсель обреченно подумал, что количество Людей Чести вокруг него разрастается с угрожающей быстротой. Вообще-то высокородным собеседникам виконта следовало облить «навозника» презрением, а они были милы до невозможности. Марсель пришел к выводу, что Штанцлеру и его приятелям нужен свидетель того, что они не плетут заговор. Умно, но ему-то за что страдать?!

– Господин канцилльер, – с дохлой лошади хоть подкову сорвать, – вы не знаете, намечается ли в ближайшие двенадцать месяцев Полный Совет или я могу считать свой государственный долг исполненным?

– Если считать своим долгом сидение под портретом Франциска Оллара и выслушивание чужих подлостей, то вам это не грозит, – зло бросил Ги. – Дорак и Ворон прекрасно обходятся Тайным Советом.

– Виконт, принимая во внимание вашу дружбу с Первым маршалом… – церемонно начал Карлион, но Валме его перебил:

– Не имею чести быть другом герцога Алва. – Марсель выждал, когда на лицах собеседников появится одобрение, и мстительно закончил: – Но надеюсь им стать…

– Ворон, – предположил Иорам, – видимо, решил обзавестись новым оруженосцем, и ты претендуешь на место юного Окделла? Что-то его не видно.

– Мальчик болен, – зачем-то соврал Марсель, покосившись на Рокэ. Тот перехватил взгляд виконта и, взяв Манрика под руку, неторопливо направился к беседующим. Щека Килеана дернулась, Валме пришел в восторг.

– Добрый день, господа, – церемонно произнес Манрик, а Рокэ лишь молча поклонился, – вы не находите, что сегодня прогулка Его Величества обещает превратиться в Большой Выход?

– Возможно, все дело в погоде, – предположил Мевен, – сегодня отменная погода, не правда ли?

– Да, – кивнул Алва, – мне нравится, когда ясно и холодно.

Холодным сегодняшний день назвать было нельзя, а вот глаза у Ворона были ледяными.

– Что случилось с юным Окделлом? – Август Штанцлер казался обеспокоенным. – Виконт сказал, что он болен?

– О да, – подтвердил Рокэ, – но не волнуйтесь, господин канцилльер, ничего страшного. Скоро вы увидите юного Окделла. Я никоим образом не намерен препятствовать вашей дружбе.

– Видите, Ги, – торопливо вмешался Мевен, – вы ошиблись, Марсель отнюдь не собирается занять место Ричарда.

– Тем более это невозможно, – доверительно сообщил Рокэ, – у каждого из нас свое место, и его следует знать. В противном случае может произойти какая-нибудь неприятность.

– Какая же? – поддержал беседу Манрик.

– Спросите у Килеана, – посоветовал Алва. – С ним подобное происходит с удручающим постоянством.

– Прошу меня извинить, – торопливо произнес Ангерран Карлион, – но я вижу геренция, а у меня к нему важное дело. Надеюсь, я успею вновь к вам присоединиться.

– А у вас, господа, срочных дел нет? – поинтересовался Алва. – Если есть, самое время о них вспомнить.

– Лично я свободен до вечера, – дружелюбно улыбнулся Мевен.

– Вот слова настоящего мужчины, – одобрил Ворон, – лучше быть свободным днем и

занятым ночью, чем наоборот. От ночной свободы портится характер, именно поэтому большинство эсператистских клириков несносны.

– Я не потерплю разговора в таком тоне, – с расстановкой произнес Килеан-ур-Ломбах.

– Людвиг, – примирительно произнес Мевен, – ну зачем все записывать на свой счет?

– На свой счет имеют обыкновение записывать те, у кого этот счет есть, – пожал плечами Алва.

– В самом деле, предоставим Эсперадора и его магнусов их судьбе, – засмеялся Манрик, – они придумали целибат, пусть сами и расхлебывают.

– Мы все прекрасно понимаем, о чем речь, – в уголке губ бывшего коменданта вскипела слюна, – и не пытайтесь сделать из меня шута…

– Воистину нет логики более женской, чем логика мужчины, забывшего, гм, мужское дело, – заметил Алва. – Вам надо жениться, Людвиг. Или найти себе хоть какую-нибудь любовницу.

Лицо Килеана пошло красными пятнами, но он нашел спасение в старой поговорке:

– У человека Чести жена – Великая Талигойя, а возлюбленная – Честь!

– Какая прелесть, – расхохотался Ворон, – теперь понятно, почему Люди Чести изменяют отечеству то с Гайифой, то с Агарисом, то с Дриксен. Супружеская неверность – дело обычное. А с Честью вы, гм… развлекаетесь все вместе или по очереди?

Алва говорил громко, много громче, чем обычно, а все оказавшиеся свидетелями дикой беседы, наоборот, затихли. Марсель с каким-то пьяным восторгом смотрел на Первого маршала Талига, поигрывавшего цепью с сапфирами.

– Рокэ, – прошептал Манрик, – что с вами?

– Видимо, зависть, – понизить голос Алва не счел нужным. – Мой неоднократно упоминавшийся оруженосец умудрился вызвать семерых, а мне в последнее время и четверых не наскрести. Разве что господин Килеан-ур-Ломбах наконец решится за что-нибудь отомстить. Хотя бы за восставшего брата, которому он так бездарно наследовал шесть лет назад.

О, я вижу, нас слушает достойный представитель семейства Приддов, – Рокэ сверкнул глазами, – чем хорош этот ручей, так это тем, что ему никоим образом не грозит иссякнуть.

– Кстати, Рокэ, – Мевен все еще пытался продолжать салонный разговор, – если кому и нужно жениться, так это вам. Не для удовольствия, но ради продолжения рода. Повелитель Ветров должен иметь законных наследников.

– Так же, как Повелитель Скал и Повелитель Молний, – улыбнулся Рокэ, – мы в одинаковом положении, чего не скажешь о Повелителях Волн. Если б в семействе Приддов уцелел лишь юный Валентин, я бы сказал, что настают предсказанные времена, но спруты встали стеной на пути пророчества. Если конечно, спрут может встать…

– Герцог, вы имеете в виду какую-то легенду? – поинтересовался Штанцлер.

– Пожалуй что и легенду, хотя при Эридани-Самопожертвователе в нее верили свято. Дескать, за год до грядущего светопреставления ни у кого из глав Великих Домов не останется наследника, а последний император покинет империю. Хотя нет империи, нет и светопреставления…

– А еще какие-то приметы есть? – деловито уточнил Мевен и, словно извиняясь, пояснил: – Понимаете, меня уговаривают жениться, но перед концом света это теряет всяческий смысл.

– Какие-то признаки были, – охотно откликнулся Алва, – но я все не упомню. Обычные кошмары о горящих дворцах и непогребенных трупах, кои будут лежать на улицах великих городов, распространяя зловоние и призывая чуму…

– Труп врага всегда пахнет хорошо, – заметил Манрик.

– Тот, кто это сказал первым, – назидательно произнес Алва, – несомненно страдал от неизлечимого насморка. Трупы пахнут плохо, в этом я убедился лет в тринадцать во время визита тогда еще не слишком жирного Хайнриха в Торку.

– Ваши слова, Рокэ, расходятся с вашими делами, – зло бросил Ги Ариго, – вы никогда

не делаете то, что вам не нравится. Вы устилаете свой путь трупами, видимо, их запах вас устраивает.

Марсель не поверил своим ушам. Удивительным было не то, что Рокэ набивался на ссору, а то, что Ариго от нее не бежал. Ги Алву ненавидел, Рокэ брата королевы откровенно презирал, об этом знали все, но на памяти Валме не было случая, чтоб Ги посмел сцепиться с Вороном открыто.

Алва, не прекращая играть сапфирами, внимательно посмотрел на графа Ариго:

– Ваше утверждение, сударь, нуждается в проверке, причем немедленной. Не прогуляться ли нам к Белому Лугу? Леонард, – Рокэ повернулся к Манрику, – если не ошибаюсь, этот человек ваш враг?

– Да.

– В таком случае потом ска́жете, хорошо ли будет пахнуть его труп.

– Герцог, – пробормотал брат Вильгельма Придда, – вы пьяны?

– Пьян? – поднял бровь Рокэ. – Давно не был столь трезв, хотя драться могу и пьяным, особенно с любовниками Чести. К вам, Мевен, это не относится. Ваша последняя возлюбленная просто очаровательна, примите мои поздравления.

– Да, – согласился Иоганн, – Лилиан – прелестная крошка.

– Помолчите, Мевен, – прикрикнул Килеан, – разве вы не понимаете, что этот господин пытается нас оскорбить?

– Воистину. Итак, господин бывший комендант Олларии, господин родственник Приддов, господа братья Ее Величества, вы себя чувствуете достаточно оскорбленными? Если нет, продолжим наш милый разговор, а если да, то солнце с Белого Луга уже ушло.

– Господин Первый маршал, – подался вперед Штанцлер, – вы торопитесь. Человеку, решившемуся скрестить с вами шпагу, следует привести в порядок свои дела, написать прощальные письма, исповедоваться, в конце концов. Подождите до утра и деритесь в свое удовольствие, если уж Его Величество счел уместным отменить эдикт о запрете дуэлей. Куда вам спешить?

– Вы полагаете, некуда? – поднял бровь Ворон. – Что ж, вы совершенно правы. Господа, надеюсь, ночи для составления завещания вам хватит. Предлагаю встретиться в Нохе. В семь часов.

Килеан-ур-Ломбах обвел глазами своих сторонников. Никто не возразил.

– Мы согласны, – сообщил бывший комендант, на лице которого все еще горели багровые пятна.

– Вы положительно сошли с ума, – вздохнул кансильер, – надеюсь, до утра вы остынете. Положение не позволяет мне присутствовать при вашей, скажем так, прогулке, но я приглашаю всех, кто останется на ногах, на завтрак.

– В таком случае я пришлю вам кэналлийского, – сообщил Алва. – Валме, вы сможете размяться перед завтраком или семь часов для вас слишком рано?

Марсель подался вперед, чувствуя, что пришел его звездный час.

– Слишком рано, чтобы вставать, но ведь можно и не ложиться. А кто будет моим напарником?

– Леонард, – Рокэ повернулся к капитану королевской охраны, – вы обещали высказать свое мнение о трупах?

– И выскажу, – Манрик нехорошо улыбнулся, – хотя, отпуская этих господ на ночь, вы рискуете проиграть пари. Они могут помыться… Перед смертью.

– Да, об этом я как-то не подумал, – покачал головой Ворон, – что ж, мыться вправе каждый. Господа, разрешите откланяться. Ваши секунданты обсудят все подробности с моими, впрочем, я заранее согласен на любые условия.

3

Марсель Валме, разрываясь от переполнявших его чувств, последовал за Манриком –

капитан личной королевской охраны занимал комнаты в южном крыле дворца.

– Прошу вас, виконт, – Манрик пропустил гостя вперед себя, – приношу свои извинения, я въехал недавно, дел невпроворот. У меня просто не было времени заняться квартирой.

Валме кивнул. У него времени на домашние дела тоже никогда не хватало. Впрочем, в особняке Валмонов виконт только ночевал, да и то не всегда.

– Как вы думаете, долго нам ждать? – спросил Марсель, усаживаясь в кресло и подмигивая распластавшемуся в прыжке оленю над камином. Все-таки у Савиньяков красивый герб, куда красивее того, что придумали себе Манрики. В чем нельзя отказать Людям Чести, так это в том, что их предки обладали безупречным вкусом.

Марсель был весьма строгим ценителем гармонии, и сочетание розового с зеленым его убивало, а Манрики умудрились избрать своим символом трех пляшущих фламинго на изумрудном поле. И это при рыжих-то волосах! Конечно, потомки за прародителей не отвечают, но Леонард, избрав военную карьеру, был совершенно прав. Надев мундир, он избавлялся от розового и зеленого!

– Сколько ждать? – переспросил Леонард, разливая вино в два высоких вызолоченных бокала. Манрики были богаты, это знали все, пожалуй, они уступали только Алва. – Все зависит от того, как скоро они отыщут недостающих секундантов.

– Готов поклясться, они найдут свидетелей, а не участников, – виконт пригубил вино, оказавшееся превосходным, хотя сам Валме предпочитал более терпкие сорта.

– Надо полагать, – согласился рыжий генерал, – однако Багерлее подействовала на Ги и Килеана весьма странным образом. Они осмелели.

– А что им оставалось? – не понял Валме. – Такие оскорбления ызарг и тот не проглотит. Правда, наши дуэлянты могут заболеть или на них нападут разбойники и прострелят руки и ноги.

– Не похоже, – покачал головой Манрик, – Рокэ навязывал ссору, это так, но Ги и Килеан шли на нее вполне охотно. Вот несчастный братец Придда, никак не вспомню его полного имени, и впрямь угодил как кур в ощип.

– Разрубленный Змей, – Марсель допил вино и протянул пустой бокал хозяину, – вы тоже не помните, как его зовут?

– Нет, – Манрик подлил гостю вина, – у него прямо-таки волшебное имя, его все забывают. Да разве всех Приддов упомнишь, если бы не право майората, они б давным-давно превратились в огородников.

– Просто им везет. Эпинэ, Окделлы и Алва гибнут чаще, особенно в юности. Может, все дело в гербе? Говорят, если спрута разрубить на сорок частей и выбросить в море, получится сорок спрутов. А попробуй разрубить вепря или ворона?

Ответить Манрик не успел. Дежурный адъютант сообщил о приходе барона Карлиона. По тому, как блестели глаза молодого человека, Валме понял – тот уже все знает. Чего удивляться? Алва затеял ссору, когда в приемной болталось человек двадцать.

Манрик спокойно убрал бокалы, сел и поправил и без того безукоризненно сидящий мундир, Валме тоже приосанился. Дверь распахнулась, пропуская восемь человек. Первым шел Карлион. Леонард Манрик неторопливо поднялся, Марсель Валме последовал его примеру, отстав на пару секунд.

– Господин Манрик, разрешите представить вам моих спутников.

– Почту за честь, – все знали всех как облупленных, но традиция есть традиция, если ее не соблюдать, дуэль ничем не будет отличаться от драки пьяных возчиков.

– Виконт Джеймс Рокслей. Как и ваш покорный слуга, является секундантом графа Штефана-Фердинанда Гирке-ур-Приддхен-ур-Габенхафт.

Значит Гирке-ур-Приддхен-ур-Габенхафт… Надо не забыть хотя бы до завтра.

– К вашим услугам, – Манрик учтиво поклонился.

– Виконт Иоганн-Йозеф Мевен, граф Джон-Люк Тристрам, секунданты графа Ариго.

А Иоганн-Йозеф не в восторге. Еще бы, ввязаться в такую историю. Это при его-то

миролюбии! Тристрам тоже в печали, но эта семейка всегда носила хвост за Штанцлером.

– …барон Жуайез Нарди, виконт Сэц-Гонт, секунданты Иорама графа Энтраг. Барон Клод-Мари Коэрэ, кавалер Дарави, секунданты графа Килеана-ур-Ломбаха!

Провинциалы! Этих-то где раскопали? Хлопают глазами как совы. Так Людвигу и надо!

– Господа, в свою очередь представляю вам Марселя Валме, наследника графа Валмона. Присаживайтесь. Нам надо обсудить условия поединка.

Восемь человек расположились в черно-красных креслах, принадлежавших еще Лионелю. Савиньяки были не из тех, кто, покидая квартиру, уволакивает все до последней нитки.

Манрик и Марсель сели последними. Это тоже было традицией. Карлион с минуту выждал и веско произнес:

– Каждый из принявших вызов герцога Алва благородных дворян достаточно смел и опытен, чтобы сражаться с ним в одиночку. Мы уполномочены передать предложение драться по очереди в порядке, определенном жребием, который будет брошен перед началом поединка.

– Оружие? – вдаваться в подробности Манрик не стал.

– Шпага.

– Только шпага или шпага и кинжал?

– Только шпага.

– Что ж, – наклонил голову Манрик, – герцог Алва уполномочил меня передать, что готов сражаться как со всеми сразу, так и с каждым по отдельности, любым оружием и в любом порядке. Нам осталось обсудить участие секундантов и условия, при которых дуэль может считаться оконченной.

– Лично я, – Мевен заметно волновался, – полагаю, что в данном случае секундантам в поединке участвовать не следует. Вы, как и мы, были свидетелями ссоры, не более того. Вас, как и нас, просили проследить за тем, чтобы дело чести было разрешено должным образом, но у меня нет никаких претензий ни к господину генералу, ни к моему товарищу виконту Валме.

– Подписываюсь под каждым словом, – улыбнулся Марсель Валме, – но, если мы решим ограничиться наблюдением, никто из нас не сможет поддержать свою сторону во время боя.

– Разумеется, – согласился Карлион, в свое время чудом выживший после дуэли с каким-то бергером, – никто из секундантов не станет вмешиваться в поединок. Все с этим согласны?

Согласны были все. Осталось решить последний вопрос. Марсель не сомневался, что соперники предложат драться до первой крови или пока оба участника способны продолжать сражения, но виконт ошибся.

– Граф Ариго, граф Килеан-ур-Ломбах и граф Гирке-ур-Приддхен-ур-Габенхафт полагают нанесенное им оскорбление смертельным и настаивают на дуэли до смерти одного из соперников.

– А граф Иорам? – на лице Манрика появилась весьма неприятная улыбка. – Он на чем-нибудь настаивает?

– Прошу простить, – чопорно произнес Карлион, – разумеется, граф Иорам Энтраг разделяет мнение своих товарищей.

– Может быть, в таком случае господа предпочтут линию? – холодно уточнил рыжий генерал.

– Нет, так как этот вид дуэли осуждается церковью.

– Итак, – подытожил Леонард, – дуэль начнется в семь часов утра в Нохском аббатстве. В качестве оружия избираются шпаги. Секунданты в поединках участия не принимают. Бой ведется до смерти одного из противников. Если по какой-то причине дуэль будет прервана, она будет возобновлена при первой же возможности. Последнее условие требует уточнений

в части определения оружия и секундантов.

– То есть могут ли участники сражаться не только шпагой и избрать себе других свидетелей? Думаю, что могут. Было бы недальновидно заранее связывать руки.

– Я тоже так полагаю. Виконт, ваше мнение?

– Да пусть хоть из пушек стреляют, хоть на бирисских саблях дерутся, – пожал плечами Валме, – а секунданты – дело наживное. Мало ли кого может не оказаться на месте, не откладывать же из-за этого дуэль!

– Значит, мы все обговорили, – Карлион поднялся, – мы немедленно донесем нашу договоренность до сведения тех, кого мы представляем.

– Мы в свою очередь обязуемся немедленно сообщить результаты нашей беседы герцогу Алва, – пообещал Леонард.

Восемь человек церемонно попрощались и покинули обиталище капитана личной охраны Его Величества.

– Леонард, – Марсель плюхнулся в кресло, – что все это значит? Такая прыть!

– Да, весьма удивительно. Что ж, Марсель, выпьем по бокалу и поедем к Алве. Надо ему сообщить, на чем мы порешили.

Ездить, однако, не понадобилось – Алва зашел сам. Маршал был в отменном настроении, а услышав об условиях дуэли, развеселился еще больше. Марсель был готов поклясться, что Ворон все-таки пьян.

– Алва, – Манрик внимательно посмотрел на герцога, – обычно сумасшедшим называют вас. Я и сам не раз был близок к этому, особенно в прошлом году, когда вы связались с адуанами, но на этот раз рехнулись ваши враги.

– Нет, – покачал головой Алва, – с ума они сойдут завтра, если, разумеется, успеют, а сегодня они в здравом уме и твердой памяти. Впрочем, Штанцлера я недооценил. Я так ждал от него что-то вроде «Я – старый человек, но честь для меня дороже жизни…».

– Вы собираетесь убить всех?

– Закатные твари, – Рокэ поправил перчатки, – у вас есть возражения? В таком случае вы противоречите сами себе.

– Ладно, Рокэ, – махнул рукой Леонард, – в конце концов, они сами напросились, что меня и удивляет. Это на них не похоже.

– А вот здесь вы ошибаетесь, это на Людей Чести похоже, и даже очень. Простите, я и впрямь немного устал. Некоторые люди на меня действуют удручающе. С вашего разрешения я вас покину.

– Вы неважно выглядите, – Манрик всмотрелся в лицо герцога, – похоже, вас лихорадит.

– Пустое, – Рокэ махнул рукой, – на то, чтоб убить четверых бездарей, меня хватит.

Глава 2
Оллария
«Le Roi des Épées» & «Le Neuf des Épées»

1

Марсель почти не опоздал. Без пяти семь виконт оставил коня под присмотром слуги и вошел в украшенные препротивными барельефами ворота. До места дуэли – квадратной площадки шириной примерно шестнадцать на шестнадцать бье хода по прямой было минут семь, и Валме свернул в узкий лаз между внешней стеной аббатства и зданием, в котором когда-то жили монахи. Серо, сыро, неуютно… Старый камень снизу покрывал буроватый налет, а между мокрых плит не пробивалось ни травинки, и это в конце весны! Виконт пожалел, что не пошел в обход, но кружная дорога мимо перестроенного главного храма занимала не менее получаса. Ноха вообще была огромной, непонятно, зачем эсператистам

понадобилось городить такое чудовище.

Ход круто свернул, впереди мелькнул яркий свет, виконт невольно ускорил шаг и выскочил прямо в объятия Манрика. Было ровно семь. На противоположной стороне площадки замерло двенадцать фигур. Рокэ еще не приходил.

– Доброе утро, Валме, – рыжий генерал казался озабоченным, – я сказал нашим противникам, что вы вместе с Рокэ.

– Мы не виделись с вечера, – на сердце Марселя стало неуютно, словно он вновь шел меж заплесневелых стен, – я поехал к Капуль-Гизайлям и остался у них до утра. Тонто…

– Мне это не нравится, – пробормотал Манрик, – мне или вам следовало зайти за Рокэ.

– Следовало, – произнес Марсель отчего-то осипшим голосом, – но мы этого не сделали. Вы полагаете, что-то случилось?

– Подождем, – Леонард поднял глаза на освещенную ярким утренним солнцем Карлову башню, которую при каком-то из Карлов украсили огромными часами. Пять минут восьмого… У него мог расковаться конь или какие-нибудь уроды с возами перегородили дорогу…

Валме не очень уверенно кивнул. Двенадцать человек на той стороне площадки пошептались и направились к ним.

– Ну, Марсель, держитесь. – Леонард Манрик поправил воротник и напустил на себя равнодушный вид.

– Мы удивлены, господа.

Первым заговорил Ги Ариго, и это было вопиющим нарушением этикета. С секундантом противника говорит только секундант; участник поединка может обращаться к сопернику и его секундантам лишь через посредника.

– Доброе утро, Карлион, – Леонард не преминул воспользоваться оплошностью Ги, – нам повезло с погодой, не правда ли?

– Доброе утро, Манрик. Рад вас видеть, Валме. Мои друзья удивлены отсутствием герцога Алвы.

– А мы удивлены еще больше, – заверил капитан личной королевской охраны. – Впрочем, сейчас лишь семь минут восьмого, а жизнь полна неожиданностей.

– Именно, – добавил Мевен, – не сомневаюсь, Алву задержали сцепившиеся телеги или хорошенькая цветочница.

– Тем не менее он заставляет себя ждать, – произнес Жуайез Нарди.

– Передайте нашим уважаемым собеседникам, что мы подождем, – вновь встрял Ариго, – было бы обидно без толку подняться в такую рань.

Демон, второй день кряду толкавший Валме под руку, своего добился. Марсель прекрасно понимал, что обратной дороги не будет, но остановиться не мог. Виконт улыбнулся, как мог широко, и вкрадчивым голосом произнес:

– В свое время Ворон заменил меня, теперь, если понадобится, я заменю его.

– Полагаю, присутствующие будут в восторге, – сухо заметил Манрик, – однако сначала сложим два и два. Вчера некие весьма достойные дворяне проявили исключительную храбрость. При этом их вожак добился переноса поединка на утро. Вечером Рокэ чувствовал себя дурно. Сегодня он не пришел… Сдается мне, о болезни Ворона было известно заранее, не правда ли?

– На что вы намекаете? – подался вперед Килеан-ур-Ломбах.

– Именно на то, о чем вы подумали, – спокойно произнес Манрик, – если Первый маршал Талига не появится до восьми, я пошлю справиться о его здоровье…

– Господа, – примирительно пробасил брат Придда, – герцог Алва и впрямь вел себя странно. Я решил, что он пьян, но, возможно, в нем говорила лихорадка. В этом случае поединок должен быть отменен, бред не может считаться оскорблением…

– Безусловно, – горячо поддержал «спрута» Мевен, – нужно узнать, в чем дело. Если говорить о дуэлях, то репутация Рокэ Алвы безупречна. Его отсутствие, без сомнения, вызвано серьезными причинами.

– Сейчас десять минут восьмого, – медленно произнес Леонард Манрик, – если Алва не придет еще десять минут, он, скорее всего, не придет вообще.

– Мы подождем, – Штефан Гирке-ур-кто-то-там откровенно радовался отсрочке, – предлагаю на это время воздержаться от упражнений в остроумии. Как совершенно правильно заметил виконт Мевен, сомневаться в мужестве Рокэ Алвы не приходится.

– Тем не менее он не явился, – ухмыльнулся Иорам Ариго, – а это дворянина не украшает.

– Зато явились вы, – Марселю отчаянно захотелось убить брата королевы на месте, – уж не потому ли, что были уверены, что Ворон прийти не сможет?

– Это намек? – Ги Ариго угрожающе коснулся эфеса, но Марселю море было по колено, а горы по пояс.

– Нет, – виконт с величайшей точностью скопировал жест бывшего маршала Юга, – это не намек, это обвинение.

– Хватит, Марсель, – прикрикнул Манрик, – мы, кажется, договорились помолчать и подождать.

Валме нехотя убрал руку с эфеса и принялся рассматривать площадку. Отличное место для дуэли, но нужно спешить, пока из-за стены не показалось солнце. Что же все-таки стряслось с Рокэ?

Часы отзвонили четверть восьмого, и со стороны внутреннего двора вышел огромный кот. Наглый и мордатый, он, несмотря на плебейскую расцветку, вел себя как особа, приближенная к самому кошачьему повелителю. Зверюга вспрыгнул на крышу какого-то невысокого сооружения – то ли склепа, то ли какой-то эсператистской штуковины и застыл как изваяние. В тот же миг из-за того же угла появился и Рокэ.

Алва легкой походкой приблизился к дожидавшимся и приподнял шляпу. Он был спокоен и, судя по всему, совершенно здоров.

– Доброе утро, господа.

– Вы появились несколько неожиданно, – в голосе Карлиона удивление мешалось с легким раздражением, – мы полагали, вы задерживаетесь.

– Напротив, я пришел слишком рано, решил прогуляться по аббатству и заговорился с котом. Мы обсуждали, сколько жизней у нас с ним осталось.

Кот, словно поняв, что речь о нем, выгнул спину, потянулся передом и задом, коротко мяукнул и поскреб когтями камень.

– Ну и сколько же жизней у вас осталось? – поинтересовался Манрик.

– Это тайна, – Алва с усмешкой оглядел своих соперников, уделив особое внимание Иораму, – хотя вряд ли мне сегодня понадобится хотя бы одна. Ну что, господа? Приступим?

Господа выглядели весьма безрадостно, куда безрадостнее, чем пять минут назад. Кот на крыше брезгливо потряс лапой и принялся вылизывать себя в неприличном месте. То ли решил таким образом выказать свое презрение к делу чести, то ли исполнял утренний ритуал. Из-за стены блеснул золотистый луч, еще немного – и кому-то придется сражаться против солнца…

– Условия обговорены и могут быть изменены лишь по взаимному согласию сторон, – Карлион, как представитель оскорбленной стороны, заговорил первым. – Я понимаю, мои слова являются лишь данью традиции, и тем не менее предлагаю закончить дело миром.

– Нет, – покачал головой Ворон, – все было сказано вчера. Возможно, утро и мудренее вечера, но я не намерен ни отказываться от поединка, ни менять условия. Разве что господа пожелают встать на линию.

Господа на линию встать не пожелали. Марсель был готов поклясться, что Иорам и братец Придда с жуткой фамилией вообще предпочли бы не драться, но деваться им было некуда.

– Согласно договоренности очередность сражающихся определяет жребий, – Ангерран Карлион был невозмутим, ведь он не дрался, – желает ли герцог Алва, чтобы его секунданты наблюдали за жеребьевкой?

– Мне безразлично, кто будет первым, – пожал плечами Рокэ.

Ангерран кивнул, двенадцать человек отошли в сторону.

– Вы заставили нас поволноваться, – заметил Манрик, – виконт даже собрался вас заменить.

– Очень мило с вашей стороны, Марсель, – Рокэ расправил крагу на перчатке, – надеюсь, вы составите мне компанию и дальше?

– То есть? – уточнил Манрик.

– Вы забыли? Штанцлер был столь любезен, что пригласил всех, кто сможет до него добраться, на завтрак.

– Я помню, – рыжий генерал казался удивленным, – но неужели вы решили принять приглашение?

– Разумеется. Более того, я послал Августу обещанное вино. Две дюжины бутылок. Из расчета по две на человека. С моей стороны было бы просто неприлично оставить любезного кансильера без «слез» и «крови»…

Марсель Валме никогда не страдал пристрастием к арифметике, но то, что, по мнению Ворона, до Штанцлера доберется одиннадцать человек из пятнадцати, он понял.

2

Ангерран Карлион сухо сообщил: первым дерется граф Штефан Фердинанд Гирке-ур-Приддхен, вторым – Ги граф Ариго, затем граф Людвиг Килеан-ур-Ломбах и последним – Иорам граф Энтраг.

В ответ Рокэ поклонился, сбросил колет и в одной рубахе молча прошел к центру площадки. Марсель на всякий случай подошел к секундантам противников, Манрик, слегка поколебавшись, последовал его примеру. Если те решат вмешаться, их ждет схватка трое против двенадцати, сложно, но где наша не пропадала! Впрочем, судя по лицу Карлиона, он не вмешается, а остальные и подавно. Марсель перехватил взгляд Мевена и понял, что старый приятель дорого бы дал за возможность оказаться в каком-нибудь другом месте.

Алва и брат Придда заняли позицию, Рокэ – слева, граф Штефан – справа. Пока они просто стояли, но Марсель знал – один скоро ляжет. Если бы Валме спросили, как он это понял, виконт начал бы что-то про положение рук и ног, хотя дело было в давящей тишине, повисшей над полумертвым аббатством, и улыбке Ворона.

Гирке-ур-Приддхен не выдержал первым. Медленно и аккуратно обнажив шпагу и не забывая смотреть сопернику в глаза, он сделал шаг назад, словно приглашая Рокэ к нападению, но тот приглашения не принял. Шпага герцога оставалась в ножнах, а сам он внимательно разглядывал возлежащего на крыше кота. Валме показалось, что Алва и древняя тварь ведут безмолвный разговор, до Гирке-ур-Приддхена им дела не было, а тот медленными шагами вослед солнцу начал обходить так и не удосужившегося выхватить шпагу соперника по полукругу. Рокэ не шевельнул и бровью, кот тоже сохранял неподвижность, только яростно подергивался черный кончик хвоста, и Марсель поразился дурацкой мысли, что, будь у людей хвосты, изображать невозмутимость было бы куда труднее.

Виконт бросил быстрый взгляд на других соперников Рокэ. Двое неподвижностью могли поспорить со статуями, а Иорам переминался с ноги на ногу, словно ему жали сапоги. На площадке все оставалось по-прежнему – граф все еще пытался обойти герцога, усиленно созерцавшего кота, но Валме почувствовал: сейчас что-то произойдет, не может не произойти. Марсель наблюдал поединки не раз и не два, да и самому ему случалось драться, но такого жуткого ощущения у виконта еще не было.

Брат Придда наконец решился. Пробный взмах шпаги, росчерк света на серой стене и… ничего. Рокэ не шевельнулся, этот человек чувствовал, где пройдет клинок соперника, и не считал нужным тратить силы на уходы. Так шадские гончие знают, где выскочит зверь, и идут ему наперерез, не обращая внимания на следы.

Гирке-ур-Приддхен считался неплохим фехтовальщиком, пожалуй, лучшим среди своих товарищей. Валме, по крайней мере, к подобному сопернику отнесся бы очень серьезно. Граф нанес быстрый удар сбоку, одновременно уходя от появляющегося из-за стен солнца. Хороший маневр, он позволяет ослепить соперника и почти наверняка ранить его, но… Ворон, так и не тронув оружие, отступил назад. Ненамного, на четверть шага, но этого хватило.

Следующая атака стала для Гирке-ур-Приддхена последней. Единым стремительным движением Алва выхватил шпагу, отбил вражеский выпад, поймал солнечный блик на кончик клинка и оставил кровавую роспись на шее графа. Хлынула кровь, глупое тело секунду или две продолжало двигаться вперед, затем бег прервался, и брат Вальтера Придда с неожиданно громким шумом рухнул на серые плиты. Алва достал платок, вытер шпагу и вбросил ее в ножны, словно не замечая, как Ги Ариго, достав оружие, медленно пошел вперед. Марсель вздохнул и стиснул зубы: бывший маршал Юга был дрянью, но наблюдать игру кошки с мышью неприятно, даже если ты не терпишь мышей и уважаешь подданных Леворукого.

Ги тоже пошел по кругу, обходя неподвижно стоящего Рокэ и чередуя быстрые шаги с сериями коротких. Умирать он не хотел, а преимущество солнца за спиной казалось ему слишком важным, чтобы от него отказаться. Кот хрипло мяукнул, и Валме подумалось – тварь все поняла и объясняет глупцу, что единственной возможностью выжить является бегство.

Все повторилось: пробный выпад, росчерк света и… ничего. Абсолютная, всепоглощающая тишина. Не скрипнула кожа перчаток, не ударили в камень каблуки. Рокэ лишь слегка качнулся, и пробный выпад Ариго прошел мимо. Валме не был новичком в фехтовании, но подобного совершенства во владении собственным телом видеть ему не доводилось, да и Ариго сегодня превзошел сам себя, его удары можно было бы назвать точными и смертоносными, пошли ему Леворукий другого соперника.

Удар из верхней позиции с уходом влево, ложным выпадом в поясницу и возвратным ударом в голову. Мимо!

Удар из полупозиции снизу вверх с явным намерением достать шею Рокэ и немедленный уход в защитную стойку, чтобы, упаси Создатель, не пропустить ответный. Но удара не было, Рокэ и не думал атаковать, более того, он завел левую руку за спину, выставив правую вперед, словно рука и есть его шпага. Алва был спокоен, как кот над мышиной норой, а брат королевы словно обезумел, а может, так оно и было. Ги наносил беспорядочные удары, не думая ни о направлении, ни об общей стратегии, хорошо хоть не забывал постоянно менять позицию, но все хитрости и обманы пропадали зря – Ворон просто не обращал на них внимания.

Алва соизволил выхватить шпагу лишь на девятой или десятой атаке, встретив клинок Ариго своим. Лицо Ги исказилось от боли, рука непроизвольно дернулась, а Ворон вбросил оружие в ножны и ухмыльнулся, словно его что-то позабавило. Граф вновь бросился в атаку, Рокэ спокойно подставил шпагу. Брат королевы сморщился и резко отступил, причем дальше, чем требовалось. Алва, выждав, пока Ариго придет в себя, ударил все по тому же месту на клинке, и тут до Марселя дошло! До сего дня виконт не верил, что, не держа шпагу в руке, лишь по ее движению, можно найти на клинке место, от удара по которому откат в кисть будет столь силен, что рука противника онемеет. Ворон сделал именно это.

Ги еще трижды бросался в атаку, а Ворон повторял фокус со шпагой, не забывая всякий раз вкладывать ее в ножны. Марсель с трудом представлял, как Ариго умудряется держать оружие – кисть у него должна была отняться уже после второго удара. Сам Валме давно бы переложил шпагу, но Люди Чести почитали фехтование левой богохульством.

После пятой попытки дорваться до Алвы запыхавшийся Ги остановился и снова перешел в позицию спиной к солнцу. Громко и зло взвыл кот. Алва очень медленно вытащил шпагу, направив клинок в сторону ног соперника, и шагнул вперед. Лицо Ворона казалось каменной маской. Однажды Марсель видел такую: крестьянин копал колодец недалеко от

Гальтары и вырыл то ли древнего бога, то ли демона. Обожавший всяческие редкости барон Капуль-Гизайль купил диковину. За деньги Марселя Валме, разумеется. Однажды Марсель ночью зачем-то зашел в комнату, где на стене висела проклятая маска, и чуть не умер от ужаса.

Усилием воли Валме вернулся в Ноху. Поединок продолжался, но роли переменились. Ги защищался, делал он это грамотно, но куда дайтской гончей против варастийского волкодава! Рокэ был великолепен: легкий поворот корпуса, шаг правой вперед, клинок опущен к ногам и молниеносный выпад… в голову! Ариго ждал удара, но не там и не так, в глазах графа мелькнуло отчаяние – бедняга понял, что этот выпад ему не отбить, но шпага Алвы замерла в пальце от побелевшего лица и медленно скрылась в ножнах.

Кот потянулся, выгнул спину и прыгнул вниз: он уже все понял и не счел нужным дожидаться развязки. Плечи Ги вздрогнули, граф нелепо махнул шпагой и попятился. Зло ухмыльнувшись, Алва шагнул вперед, неторопливо обнажая клинок. Ги отступил еще, он был в отчаянии и не представлял, что делать, а Рокэ с все той же усмешкой играл шпагой; короткий взмах, финт, еще один финт!..

Солнечные блики плясали по древним стенам. Двое людей медленно двигались по кругу, один был в ужасе, другой… Лицо Алвы утратило обычное спокойствие. У смерти и впрямь был синий взгляд, и она в упор глядела на брата королевы. Ворон знал, что убьет, хотел убить и не скрывал своих намерений.

Валме так и не понял, обо что споткнулся Ариго, а может, у него просто подвернулась нога. Как бы то ни было, граф рухнул на камни, помнившие еще торквинианцев. Он попытался вскочить, но вражеский клинок оказался быстрее. Молниеносный удар сверху вниз, и рука лежавшего онемела от локтя до кончиков пальцев. Переложить шпагу Ариго не успел бы, даже если бы захотел – издевательски изящным движением, нарочито медленно Алва оборвал жизнь бывшего маршала Юга и повернулся к Килеану-ур-Ломбаху.

До сего дня Марсель Валме был убежден, что если кто и ненавидит бывшего коменданта Олларии, так это он, но выверни виконта наизнанку и в придачу выжми, как прачка выжимает белье, не набралось бы и сотой доли той ярости, что полыхнула в глазах Ворона. Марсель не представлял, что подобное вообще возможно, хотя дело могло быть и в освещении. Килеан вынул шпагу и с видом приговоренного двинулся вперед, да он и был приговорен. Смотреть, что произойдет, Валме не стал. Будь его воля, он бы уподобился давешнему коту и юркнул в какую-нибудь щель, но секундант не может покидать место поединка.

Валме попробовал смотреть на Манрика, но рыжий генерал откровенно наслаждался зрелищем. Стало еще тошней, а вид белых физиономий вражеских секундантов и зеленой морды Иорама доконал Марселя окончательно и бесповоротно. Виконт возвел очи горе. В синем небе кружила голубиная стая, Валме принялся считать птиц, но те то появлялись, то исчезали за фасадом гигантского старого собора. Любопытно, зачем торквинианцам понадобилось такое чудовище? А подземная Ноха, говорят, чуть ли не больше наземной…

Короткий вскрик, мерзкий чмокающий звук и смешок Манрика возвестили о том, что все кончено. Марианна могла забыть о навязчивом и неприятном кавалере, но Марселя это, как ни странно, не обрадовало. Он был готов убить Килеана, и, скорее всего, их шпаги рано или поздно бы скрестились, но то, что творил Ворон, вызывало оторопь. На серых плитах лежало уже три трупа, но граф Энтраг становиться четвертым не хотел. Под взглядами тринадцати человек Иорам сделал шаг в сторону страшной площадки и вдруг с воплем: «Я! Нет… Не могу… Нет!» с силой отшвырнул шпагу, запрыгавшую по камням, и, прикрывая голову руками, помчался прочь.

– Пистолет!

Валме взглянул на оказавшегося рядом Ворона, не понимая, чего тот хочет, Манрик оказался расторопней. Капитан личной королевской охраны выхватил из-за пояса пистолет и протянул Рокэ. Грянул выстрел. Иорам, по-бабьи всплеснув руками, рухнул на землю. Алва обвел бешеным взглядом своих и чужих секундантов, улыбнулся и медленно произнес:

– Что ж, теперь самое время навестить господина кансилльера. Полагаю, нас уже ждут…

3

Секунданты погибших подавленно молчали, и было в этом молчании нечто странное. Конечно, жить хочется всем, но подчиниться Рокэ того же Мевена заставил не только и не столько страх.

К воротам пошли кружным путем, хоть тут повезло. Ноха потихоньку просыпалась – урчали голуби, вокруг архива сновали ликторы, у входа в храм деловито рассаживались нищие, готовясь к началу девятичасовой службы. Откуда-то вышел кот, точная копия того, что наблюдал за дуэлью, но с белым пятном на горле.

– Это другой, – чужим голосом произнес Мевен.

– В Нохе много кошек, – согласился Рокслей, и все вновь замолчали.

Разрубленный Змей! Почему они идут на этот дурацкий завтрак? Что нашло на Штанцлера, когда он приглашал к себе участников дуэли? Что нашло на них всех?! Из восьми секундантов только Карлиона, Рокслея и Тристрама можно назвать даже не приятелями покойных, а сторонниками Штанцлера. Мевен и Сэц-Гонт ладят со всеми, от кого бы кто ни происходил, а Нарди, Коэрэ и Дарави и вовсе в столице новички и не успели примкнуть ни к одной стае. Неужели Люди Чести так напуганы, что Ариго с Килеаном пришлось искать секундантов среди чужаков?

Утреннее напряжение спало, и Марселю отчаянно хотелось поговорить, но Манрик был слишком доволен происшедшим, Рокэ о чем-то думал, а лезть к секундантам погибших было неудобно. Виконт молчал, хотя язык у него чесался отчаянно. Показались ворота, за которыми ждали слуги с лошадьми. Карлион направился к невысокому человеку в алом, державшему роскошного линарца. Коня Валме узнал – на нем ездил Ги Ариго.

На колокольне отзвонили восемь. Полчаса, как новым графом Ариго стал Жермон – паршивая овца в благородном семействе, лишенная наследства и выставленная родичами в Торку. Любопытно, сегодняшняя дуэль поставит конец на связи Алвы с королевой, или милая Катари поплачет, мужественно сожмет зубки и раздвинет ножки…

Виконт вскочил в седло, и тут же рядом возник Мевен, на лице которого не было обычной улыбки.

– Мерзкая история, – виконт поправил шляпу, – и утро мерзкое…

Марсель в ответ неопределенно пожал плечами.

– А самое мерзкое, – Иоганн понизил голос, – что мы все видели и ничего не поняли.

– Ты о чем? – быстро переспросил Валме. – Мне тоже казалось, что дело нечисто, но потом Рокэ все-таки появился.

– В том-то и дело, что его не ждали. Нет, Марсель, я ничего не знаю, но готов поклясться, что Иорам драться не собирался. Ты же помнишь, какой он трус!.. То есть был…

Марсель помнил. Трусость унара Иорама в свое время служила предметом неисчерпаемых шуток.

– Понимаешь… Только не говори твоим друзьям…

– Манрик мне совсем не друг, а Рокэ это Рокэ…

– Все равно не говори, но Иорам с утра рычал леопардом, а увидев Рокэ, превратился в зайца. Говорю тебе, что-то затевалось. И мне это не нравится!

– Приятно, что хоть кто-то сегодня может говорить, – Джеймс Рокслей ловко осадил каракового линарца, – эх, не ездить бы нам к кансилльеру!

– Так поверните коня, – предложил Валме.

– Нет, – покачал головой Рокслей, – во-первых, все едут. Во-вторых, мы почти приехали, а в-третьих, мне кажется, что еще не конец.

– Разрубленный Змей, и вам тоже?!

– И мне, и Сэцу с Дарави. Карлион молчит, но такой уж он… молчаливый. Во что нас,

собственно говоря, втравили? Штанцлер помирился с Дораком и они сговорились уменьшить поголовье Людей Чести?

– При помощи Ворона? – хмыкнул Мевен. – Надежный способ.

– Особенно с учетом условий дуэли, – вмешался Марсель. – А выбирал их не Рокэ.

– Вы правы, Валме, – задумчиво произнес Рокслей. – Рокэ заранее соглашался на любые условия, так что они сами выбрали свою смерть…

Разговор увял – каждый думал о своем. Марсель вспомнил валявшегося в луже крови Килеана… Марианна обрадуется, он бы тоже обрадовался, если бы не видел, как прикончили Ги Ариго.

Кавалькада растянулась вдоль длинной серой стены, примыкающей к особняку Штанцлеров. Что сделает кансилльер, когда узнает об исходе дуэли и увидит Ворона? Что сделает Ворон? Первый маршал ехал между Карлионом и Манриком, это вышло случайно, или он не хотел, чтобы Карлион, самый старший из секундантов, успел с кем-то переговорить?..

Леворукий и все его кошки, что за чушь лезет в голову, что за мерзкая чушь?! Дуэль – это дуэль! Кто-то кого-то оскорбляет, кто-то пытается смыть оскорбление кровью, иногда это получается, иногда – нет.

4

При виде гостей лицо кансилльера посерело, но он сдержался:

– Проходите, господа. Я вижу, Рокэ Алва в очередной раз доказал, что он – первая шпага этой страны.

– Пришлось, – Рокэ держался подчеркнуто любезно, – поскольку вчера и вы, и ныне оставшиеся в Нохе господа придерживались другого мнения.

– Лично я никогда не сомневался в ваших талантах, – бесцветным голосом возразил Август, – но надеялся, что к утру обе стороны остынут и поединок не состоится.

– Во вторую надежду я готов поверить, – кивнул Алва, – но не в первую… Тем не менее вы обещали завтрак.

– Стол сервирован. Если утренние подвиги не лишили вас аппетита, я прикажу подавать.

Как бы ни владел собой Штанцлер, он выглядел как человек, на которого обрушилась скала.

– Я не голоден, – быстро произнес Карлион.

Не голодны были и остальные. Марселю тоже о еде думать не хотелось, другое дело – выпить. Выпить было просто необходимо, чтобы забыть жалкие вопли Иорама, обреченное спокойствие Гирке-ур-Приддхен-ур-Габенхафта, имя которого виконт наконец-то запомнил, дикие глаза Рокэ, требующего пистолет…

Хорошо хоть Алва больше не напоминал вырвавшегося из Заката демона. Марсель возблагодарил Леворукого, что Ворон вновь надел маску, упавшую с него во время поединка. Человек не может так ненавидеть, а если может, то он уже не человек…

– Думаю, любезный хозяин нас поймет, если мы откажемся от завтрака, – сказал Манрик, – но бокал-другой вина никого не оскорбит и никому не повредит.

– Хорошо, – коротко произнес Август, и Валме вновь стало его жаль.

Комната, в которую их провели, была мрачноватой и старомодной, как и все в этом доме, включая хозяина. Гости чинно расселись вокруг сервированного тяжелым серебром стола. Манрик, хозяин и Карлион обменялись несколькими ничего не значащими фразами. Распахнулась дверь, слуги в зеленом и сером принесли вино.

– Любезный, – нарушил молчание Алва, – перелейте в кувшины с широким горлышком и уходите. Хорошие вина должны немного постоять открытыми. Когда придет время, я сам разолью.

Вновь повисла звенящая тишина. Словно в пещере, свод которой готов обрушиться.

– Сударь, – подал голос Рокслей, – раз у нас есть время, не будете ли вы столь любезны, чтобы рассказать о вине, которое мы будем пить. Я давно хочу узнать секрет «слез» и «крови».

– Это довольно обширная тема, – заметил Алва, – начнем с того, что «слезы» и «кровь» – это название вин, но не сортов винограда. Виноград одного сорта в Южной Дриксен породит одно вино, в Кагете – второе, в Кэналлоа – третье.

– Почему? – внес свою лепту в разговор Мевен.

При чем тут вино? Им нет до вина никакого дела. Что-то должно произойти, это понимают все, и все делают хорошую мину при плохой игре.

– Дело в том, – Алва говорил ровно и монотонно, словно читал над покойником Книгу Ожидания, – что виноград не выносит избытка воды. Ему нужны холмы или невысокие горы, почвы лучше всего песчаные или краснозем. Красному требуется солнце – и побольше, и собирать его нужно быстро, а то ягоды станут слишком «пьяными». Белому, наоборот, нужен климат похолоднее.

– Как в Дриксен, – вспомнил кавалер Дарави.

– Да, в Южной Дриксен и Гаунау осень холодная и наступает рано. Поэтому белые вина там терпимы, а тамошние красные могут пить лишь северяне. Кроме разве что аэ[47].

В Кагете солнца хватает, а часть долин Рцука и Матры прикрыта горами. Поэтому там и красные весьма недурны (кроме расин[48]), и белые в самый раз.

– Но ведь не все кэналлийские – это «кровь» и «слезы», – попытался поддержать беседу Карлион.

Вот кому точно не мешает выпить – бел как мел. Рокслей сидит прямо, словно проглотил копье, Тристрам рассматривает руки, Сэц-Гонт – стоящий перед ним кубок… Интересно, как выглядит он сам?

– «Кровь» и «слезы» – это вина с виноградников Гостильской долины и только оттуда, – ответил герцог, и тут Валме осенило – Алва говорит для Штанцлера и только для Штанцлера. Это еще одна дуэль, пятая!

– Гостилья – это ведь на юге? – снова влез Дарави, похоже, изрядно преуспевавший в землеописании.

– Вы правы, кавалер, – согласился Рокэ, – это длинная долина на самом юге Кэналлоа, одной стороной почти выходящая к морю. Почти, но не совсем – морской воздух хорошему винограду вредит. С другой стороны, Гостилья ограничена довольно-таки высокими горами. В Кампораисес растят белый виноград, в Гэриньенте – красный – и все счастливы…

– Рокэ, – внезапно произнес Мевен, – у вас перчатка в крови.

– Действительно, – Алва задумчиво поглядел на свои руки, – я понимаю отравителей, яд, по крайней мере, не портит одежду. Видимо, поэтому прижимистые люди предпочитают врагов травить.

– Да уж, Рокэ, – Валме выдавил из себя улыбку, – обвинять вас в скупости – то же…

– Что в милосердии, – подсказал Ворон, срывая испачканную перчатку и швыряя под стол.

– Алва, что я вижу? – в голосе Манрика прозвучало несказанное удивление. – Вы стали носить рубины?

– Это не рубины, – Алва задумчиво коснулся тревожного золотого кольца. Ворон и золото?! – Это шерла. А заодно и память об одном, гм, душеспасительном разговоре. Ночном.

– И кто же та красавица, что заставила вас изменить своему правилу? – Рокслей пытался вести себя так, словно они и впрямь собрались поболтать за бокалом вина. –

---

47 Ближайший земной аналог пино.

48 Ближайший земной аналог – мерло.

Помнится, вы говорили, что не позволяете любовницам делать вам подарки?

– А кто сказал, что это была любовница? – Сапфировые глаза были безмятежны, как омут. – Кольцо мне мог оставить… ну, допустим, законный владелец.

– А, – понял Рокслей, – так вы привезли его из Кагеты?

– О, этот перстень повидал многое и многих, – Рокэ задумчиво покачал головой, – как из рода Эпинэ, так и не совсем… Как вы думаете, Штанцлер, сколько ему может быть лет?

– Я не являюсь знатоком драгоценностей, – кансильер не отрывал взгляда от красных камней, – кольцо старше династии Олларов, и это все, что я могу сказать.

– Тогда вернемся к вину, – раздельно произнес Рокэ, – тем более скоро его можно будет разливать. Господа, все вы люди со вкусом и сможете оценить это чудо! Начну со «слез», хотя в жизни кровь обычно проливается первой.

– А что прольется здесь? – живо поинтересовался Дарави.

Кавалер недавно прибыл из восточной Эпинэ и бурно осваивал столичную жизнь. К тому же у него никого не убили.

– Здесь прольется именно то, о чем я говорю, – заверил Алва, – итак «Девичья слеза». Это очень сухое вино из гостильской лечуза вьянка[49]. У него четкий, чистый, едва ли не хрустящий вкус.

«Вдовья», которую так любит мой друг Савиньяк. Золотая лустигона[50], у нее очень «взрослый», богатый букет, иногда с перебором сложности. На мой вкус, из «слез» лучшая – «Дурная». Вот ее делают из винограда, что и впрямь разводят только в Кэналлоа. Кэстрамон[51] не просто капризен, он совершенно непредсказуем. Винный мастер и тот не знает, что именно у него получится, пока не получится. У лозы год от года меняется вкус, и при этом он остается легким, четким, фруктовым, очень бодрящим.

Рокэ поднялся, подошел к кувшинам, выстроившимся на узком столе черного дерева, несколько раз взмахнул ладонью над первым и шестым, втянув воздух хищно вырезанными ноздрями.

– Еще немного, и можно наливать. А я как раз покончу с «кровью».

– Глядя на вас, – заметил Тристрам, – никогда не скажешь, что вы маршал, а не винодел.

– Благодарю, – поклонился Рокэ, – но в сравнении с подлинными мастерами я не больше чем покойный Ариго в сравнении со мной. Итак, «черная кровь». Смесь савьер лечуза[52]и парризы[53]. Правильную смесь такого рода можно пить вообще без закусок, что я обычно и делаю. В крайнем случае, с сыром. У нее очень богатый, но и очень жесткий букет…

Сколько можно говорить о вине, даже о лучшем в мире?!

Марсель, как и большинство дворян, разбирался в вине, оружии и лошадях, правда, настоящих знатоков и в том, и в другом, и в третьем были единицы, и одним из них был Рокэ Алва, но о вине так не говорят. По крайней мере, в собравшейся выпить компании.

В таких компаниях смеются, шутят, перебивают друг друга, выставляя себя ценителями и знатоками, а тут Первый маршал Талига ровным монотонным голосом излагает вещи, интересные разве что франимским виноторговцам, а одиннадцать человек слушают, с трудом

---

[49] Ближайший земной аналог – совиньон блан.

[50] Ближайший земной аналог – шардонне.

[51] Ближайший земной аналог – вердело.

[52] Ближайший земной аналог – каберне совиньон.

[53] Ближайший земной аналог – шираз.

выдавливая из себя вопросы, ответы на которые по большей части известны. Ни одной улыбки, ни одного смешка. Разрубленный Змей, что же сейчас будет?

– «Темная кровь»… Это старый, очень хорошо выдержанный савьер лечуза. Такое вино хранится десятилетиями, у него пурпурно-рубиновый цвет. Почти такой, – Рокэ поднял руку с кольцом, тревожно мигнули камни. – «Темная кровь» имеет привкус черной смородины, сливы, вишни, ванили и, скорее всего, кедра или аниса.

Прошу прощения, господа. Я забыл сказать – чем старше лоза, тем богаче букет, но тем меньше на ней ягод. Уважающий себя винодел не станет делать вино из лозы младше десяти лет. И все бы хорошо, но, прожив полвека, виноград становится капризным. Когда вино зреет, от него можно ждать любых неожиданностей.

– Как от вас? – уточнил Мевен.

– Да, я от очень старой лозы, и ничего с этим не поделать. А сейчас мы будем пить «Проклятую кровь». Это савьер раси́н[54]с семидесятисемилетней лозы. Чтобы ее оценить, отнюдь не нужно быть знатоком. И это при том, что плохого вина в Кэналлоа просто нет.

Рокэ поднял и наклонил кувшин. Темная, блестящая струя полилась в украшенный гербами кубок. Рокэ протянул его кансильеру́:

– Господин Штанцлер, это вино и вы стои́те друг друга. Многолетняя выдержка, аромат тайны, вековые традиции. Вы должны оценить.

Кансильер Талига молчал, зачарованно глядя на Первого маршала. Не хочет пить? Не может принять кубок из рук убийцы друзей? Но кто мешал отказаться от подарка еще вчера?

– Пейте, эр Август, – какой странный у Рокэ голос, – уверяю вас, вы никогда не пили ТАКОГО вина. В нем все – легкий привкус лесных ягод, пыльца, солнце, в общем, само лето в бутылке. А как долго сохраняется ощущение вкуса!

– Простите, Рокэ, – Штанцлер покачал головой, – я неважно себя чувствую, годы… Да и новость, которую вы принесли…

– Пустое, эр Август, – Рокэ вновь улыбался той же улыбкой, что в Нохе, – бокал хорошего вина никому еще не повредил, вам ли это не знать? Пейте! Здоровье Его Величества!

Штанцлер принял кубок, но, видимо, Ворон выпустил его из рук прежде, чем сжались пальцы кансильера. Семейная реликвия покатилась по столу, вино вытекло, лужица достигла края стола, темно-красная струйка равнодушно потекла вниз, на серый ковер.

– Вы неосторожны, эр Август, – Алва поднял кубок и вновь его наполнил, – держите. Крепче! А теперь здоровье Его Величества Фердинанда!

Штанцлер очень медленно сжал украшенную литыми фигурками ножку. Теперь он стоял спиной к столу, держа в руке фамильный кубок, но все еще не пил. Кансильеру и впрямь было нехорошо – губы побелели, на лбу выступила испарина. Сердце? Очень может быть…

– Я счастлив служить моему королю, – глаза Августа Штанцлера стали жесткими, – но я не мальчик. И не потерплю, чтобы меня…

Рокэ спокойно вынул из-за пояса пистолет, – синие глаза смотрели остро и холодно, мелькнувшей утром безумной ненависти в них не было. Скорее усталость.

– Вы не готовы пить за короля? – Рука маршала начала медленно подниматься. – Но, может быть, вы согласитесь выпить за королеву? За дом Раканов? За упокой души Эгмонта Окделла и Мориса Эпинэ с сыновьями? Не желаете помянуть юного Придда, чуть менее юного Феншо-Тримейна и отнюдь не юного Адгемара Кагетского вкупе с варастийцами, кагетами, бириссцами и гигантской выдрой, к тому же кормящей матерью?

– Алва, – выкрикнул Манрик, – что с вами?!

– Сядьте, Леонард! Я пытаюсь найти для кансильера подходящий тост. Как насчет четверых, что нынче стучатся в Рассветные Сады? Не хотите пить за упокой? Выпейте за

---

[54] Ближайший земной аналог – каберне мерло.

здоровье Ричарда Окделла, Август Штанцлер, то есть… «эр Август»! Или за Талигойю, великую и свободную! Считаю до четырех. Раз!..

Кто-то, кажется, Сэц-Гонт, двинул рукой. Алва выхватил второй пистолет и, не глядя, нацелил в сторону шевельнувшегося. Пролетела муха, мерно капало на пол разлитое вино.

– Два…

Иорам Ариго не хотел драться, он бежал, а его пристрелили в спину. Как зайца. И никто ничего не сказал…

– Три…

Штанцлер схватил кубок, залпом осушил и бросил на ковер. И тут Первый маршал Талига Рокэ Алва засмеялся.

Глава 3
Оллария
«Le Roi des Deniers» & «Le Chevalier des Deniers»

1

Оскаленная каменная пасть безмятежно извергала ледяную струю, стекавшую в бассейн. Солнце пронизывало прозрачную воду, так что были видны лежавшие на дне монеты. Посол урготского герцога вытащил из кошелька золотой и бросил в пруд, тяжелый золотой кружок на мгновение разбил дремотное водное зеркало и канул вниз.

– На счастье, – многозначительно произнес маркиз Габайру.

– Безусловно, – Его Высокопреосвященство кардинал Талига тонко улыбнулся дуайену Посольской палаты. Шестидесятивосьмилетний хитрец просил о тайной встрече, вот пусть и начинает разговор.

– Вы слыхали последние новости из Кагеты? – Жоан Габайру был прекрасным дипломатом – прежде чем приступить к главному, он походит вокруг да около и понюхает, чем пахнет ветер. Однако разговоры о погоде и здоровье ургот опустил, выходит, дело у него и впрямь срочное.

– Какие именно? – Сильвестр с доброжелательным интересом взглянул маркизу в глаза. – Последнее, о чем я слышал, это о взаимной, скажем так, гибели двоих сыновей покойного казара.

– Да, я именно об этом, – облезлая голова посла скорбно качнулась, – такое несчастье. За один год три нелепейшие смерти. Остается надеяться, что уцелевших сына и дочь Адгемара судьба помилует.

– Баата обещает стать достойным государем, – согласился Сильвестр, – а прелестная Этери скоро подарит принцу Бакрии наследника.

– Мой герцог искренне желает, чтоб нанесенные Сагранской войной раны поскорее затянулись, – проникновенно произнес Жоан Габайру.

– Передайте Его Светлости Фоме Восьмому искреннюю благодарность Его Величества Фердинанда Второго.

– Разумеется, – заверил маркиз и пустился во все тяжкие, расписывая дружеские чувства, которые Фома испытывает к Талигу вообще и правящему дому в частности.

Хорошо бы поскорее понять, чего урготский хитрец «искренне желает» на самом деле. Фома, как и его отец и дед, умудрялся ладить и с павлинами, и с Победителями Дракона, немало наживаясь на перепродаже товаров враждующих стран. Золота в маленьком Урготе побольше, чем в Талиге, особенно после войны.

Сильвестр собирался вызвать Жоана для разговора о закупке хлеба и ссудах в обмен на посредничество в торговых сделках с морисками.

Увы, он решил выждать до октавианских праздников, рассчитывая, что перемирие с Агарисом заставит Фому сбросить цены, но все вышло с точностью до наоборот… После

погромов иноземные купцы кто разбегается, кто требует возмещения убытков, кто – снижения пошлин, а как их снизить, когда свободные деньги съела закупка хлеба?

Урготы не могут этого не знать, но зачем им тайные встречи? Предложат хлеб и золото под проценты? Нет! Фома хитер, как все кошки мира, он будет ждать, когда его попросят, чтобы заломить втридорога…

– Ваше Высокопреосвященство!

Младший секретарь. Слегка запыхался, видимо, нечто неотложное.

– Маркиз, я вас на некоторое время покину.

– Разумеется, Ваше Высокопреосвященство.

Габайру был эсператистом, но умным эсператистом. В разговоре тет-а-тет он, не вдаваясь в религиозные разногласия, обращался к собеседнику, как к кардиналу.

– Еще раз прошу меня простить.

Дорак молча миновал заросли цветущего чубушника, который в среднем Талиге отчего-то называют жасмином, и, выйдя на желтую от одуванчиков поляну, повернулся к секретарю:

– Итак?

– Маршал Алва убил всех своих противников.

– Этого следовало ожидать. Было что-то необычное?

– Алва приехал раньше времени, но к месту дуэли явился позже всех. Иорам Ариго бросил шпагу и побежал, герцог его застрелил.

Человек, который был на месте дуэли, утверждает, что никто из секундантов противной стороны поступок герцога не осудил, по крайней мере открыто. Человек, который находился у входа в Ноху, показал, что Алва и его секунданты вышли вместе с секундантами убитых и направились в особняк Штанцлера, где и находились, когда наблюдатель отправился с докладом.

– Пригласите герцога ко мне. Нет, сначала я переговорю с секундантами. Разумеется, по очереди, а Рокэ Алву попросите прийти вечером.

– Хорошо, Ваше Высокопреосвященство.

– Идите.

Странная дуэль, одновременно и понятная, и нет. Рокэ не одобрил мягкосердечия по отношению к Ариго и Килеану и мог принять собственные меры, но Ги и Килеан должны были обходить Ворона десятой дорогой. Нынешние Люди Чести не Окделлы и не Эпинэ, красиво умирать не по ним. Рассчитывали, что поединок остановят? Или что он не состоится?

– Что-то серьезное? – Голос посла был полон участия и тревоги. Участие обычное, дипломатическое, а вот тревога – нет. По каким-то причинам Фоме нужно, чтобы в Талиге все было в порядке.

– Дуэль, – сообщил Сильвестр новость, которая, без сомнения, достигла Посольской палаты еще вчера, – причем четверная.

– Да, я слышал, – живо откликнулся ургот, – полагаю, герцог Алва в очередной раз доказал свою непобедимость.

– И весьма недвусмысленно, – сухо заметил кардинал, – все его противники убиты. Вероятно, Его Величеству придется возобновить эдикт о запрете дуэлей.

– Прискорбно, – покачал головой Жоан Габайру, – однако новый подвиг Первого маршала Талига позволяет мне перейти к причине, по которой я просил о встрече.

– Надеюсь, никто из ваших соотечественников не собирается вызвать герцога Алву?

– О нет, – посол мелодично рассмеялся, – мы, урготы, люди осторожные и отдаем себе отчет в собственных возможностях. Дело в том, что последствия побед Рокэ Алвы на юго-востоке дали о себе знать на юго-западе. Кагета, как известно, разорвала союз с Гайифой и закрыла для кораблей империи свои порты.

– Кагета – самостоятельное государство.

– Не спорю. Однако павлин и носители его хвоста вознамерились компенсировать

убытки за счет Ургота и Фельпа. Мой герцог располагает сведениями, что бордонские дожи готовятся к войне.

– Сколь эти сведения достоверны?

– Уверяю вас, они проистекают из абсолютно надежного источника.

Надо полагать. Фома никогда не обратится за помощью без крайней на то необходимости. Странная ситуация, одновременно очень хорошая и очень плохая. Хорошая, потому что Ургот и Фельп сбросят цены. Плохая, потому что они не смогут ничего продать. Нет ничего проще, чем блокировать урготские порты, а Фельпский залив и вовсе готовая ловушка. И еще очень и очень плохо, что кардинал Сильвестр узнает такие новости от иноземных послов… Бордонский прознатчик клялся, что дожи затевают поход против морисских корсаров. Ошибся или перекуплен?

– Что ж, у меня нет никаких оснований не доверять вашим сведениям, но я не верю, что Бордон действует один.

– С точки зрения Золотого Договора – один. Дожи намерены в ближайшее время заявить Урготу и Фельпу свои претензии, прошу заметить, совершенно неправомочные, и начать морскую блокаду. К сожалению, у Бордона сильный галерный флот, что с учетом раннеосенних штилей дает заметное преимущество над зависимыми от ветров парусными судами.

– Однако Бордон не располагает сколько-нибудь значительной сухопутной армией.

– Это так, но в его распоряжении будет гайифская армия, формально имеющая статус наемной. Ваше Высокопреосвященство, мой герцог уполномочил меня передать Его Величеству Фердинанду некие предложения…

«Передать Фердинанду» – очаровательная формулировка…

– Безусловно, Его Величество обо всем узнает немедленно.

Узнает, когда понадобится его подпись, и ни минутой раньше. Фердинанд в последнее время стал проявлять никому не нужный интерес к государственным делам.

– Мой герцог готов возместить пострадавшим во время беспорядков иностранным негоциантам их убытки, – посол больше не улыбался, – и поставить в Талиг нужное количество зерна. В ответ мы просим защитить герцогство Ургот и дружественный ему Фельп от бордонских посягательств.

Учитывая, что в настоящей момент угроза королевству исходит только со стороны Дриксен и Гаунау, чей натиск успешно сдерживает маршал фок Варзов, мой герцог просит отпустить в его распоряжение и на его полное обеспечение одну из свободных от участия в военных действиях талигойских армий под командованием Рокэ Алвы и часть флота под командованием адмирала Альмейды. Все издержки мой герцог берет на себя, равно как и ответственность перед Золотыми землями. Мы твердо намерены защищать свои земли и воды, во сколько бы это нам ни обошлось.

Разумеется. Ведь потеря флота и выхода к морю вам обойдется дороже.

– Его Величество Фердинанд в самое ближайшее время рассмотрит это предложение и даст ответ. Я полагаю, он будет положительным, хотя, безусловно, придется дополнительно обсудить ряд мелочей…

2

Как же быстро забывается плохое, даже не забывается, а куда-то уходит, превращаясь в подобие сна. И чем темнее пережитый ужас, тем зыбче воспоминания. Луиза Арамона знала, что все было на самом деле – убитые на улицах, горящие дома, намалеванная на двери крыса, черноленточники, Арамона на крыше дома. Прошло три недели, а кажется – три года…

Первой пришла в себя мать. Аглая Кредон вновь была самой умной, дальновидной и рачительной, вновь считала семью дураками, а соседей – безмозглым мужичьем. Нацепивший черную ленту булочник был повешен на собственном крыльце, и никакие силы

не заставили бы мать понять, что лигиста повесили потому, что у него нашли награбленное, а не потому, что покойник имел наглость угрожать госпоже Кредон. Появление в ее доме Первого маршала Талига мать тоже расценила как признание собственной значимости. Она часами рассуждала о короле, королеве, Первом маршале, кардинале, кансилльере, словно они жили за углом и только и думали, как заслужить одобрение Аглаи Кредон.

Вернувшийся в Олларию граф Кребиньи обещал поблагодарить Рокэ Алву за помощь, оказанную семье, находящуюся под его, Кребиньи, покровительством. Луиза предпочла бы, чтоб отец этого не делал, хотя разумных объяснений своему нежеланию найти не могла. Возможно, дело было в Герарде, который хочет сам пробить себе дорогу. Сын после встречи со своим кумиром ходил как во сне и каждый вечер подолгу стоял у календаря, высчитывая дни до осени. Мальчик хотел уйти, и она его понимала, как и Селина, хотя девочка будет скучать без брата.

Дочь стала еще более тихой и задумчивой, чем раньше. Иногда она шепталась с Герардом, и Луизе очень хотелось знать, о ком они говорят – о герцоге или о его оруженосце. Арамона больше не появлялся, но Дениза утверждала, что это ничего не значит, и намекала, что неплохо было бы под порогами и всеми окнами зарыть дохлых кошек, предварительно заговорив.

Сама же Луиза о мертвом супруге почти не думала. Вернее, она думала не о нем. Женщина хваталась за любую работу, стараясь выбросить из головы синеглазого герцога, а тот не уходил. Это надо ж додуматься! Старая вдовая уродина и первый красавец королевства, в сравнении с которым король не знатнее лакея! За столько лет можно было бы и отучиться разевать рот на журавлей в небе. Это было глупо в молодости, особенно с ее внешностью и происхождением, а сейчас и вовсе стало чудовищно нелепым.

Вдова капитана Лаик то смеялась над собой, то злилась, но ничего не могла поделать, вновь и вновь вспоминая теплый ветер, ворвавшийся в провонявший холодом и страхом дом, и человека с черно-белой перевязью.

«Сударыня, прошу простить мою навязчивость, у вас в доме не найдется вина?» «Прошу простить»…

Смешно, но она старалась садиться на тот стул, на котором он сидел, и забрала в свою комнату его стакан и пустую бутылку. Если Герард станет офицером, она, может быть, еще раз или два увидит герцога. Дура! Старая влюбленная дура. Уродина, которой нечего делать и которая воображает себе Леворукий знает что! И все равно Луиза Арамона была счастлива, потому что синеглазый кэналлиец существовал на самом деле. Он жил в одном с ней городе, дышал, смеялся, пил вино, любил молодых красавиц, которые не стоили одной-единственной его улыбки, его случайно брошенного взгляда.

Кто-то дернул дверной колокольчик. Дениза в погребе, повар с помощником на рынке, а лакей глуховат. Мать будет злиться, что она ведет себя как служанка, ну и пусть. Луиза отложила шитье и вышла в прихожую. Стоял ясный день, в городе было спокойно, и женщина без лишних слов распахнула дверь.

– Прошу простить мое вторжение, сударыня!

Если бы на пороге стоял сам Создатель, и то Луиза была б потрясена меньше. Ее хватило только на то, чтоб посторониться и пролепетать:

– Монсеньор…

Рокэ Алва кивнул головой и шагнул через порог. Он казался усталым, более усталым, чем прошлый раз, и одет был не по-маршальски, а в свои родовые цвета. Синяя рубашка, черный колет, серебряная цепь с лучистыми синими камнями… Дорогу в гостиную герцог нашел сам, Луиза плелась следом, лихорадочно пытаясь согнать с лица дурацкую улыбку. Выручила мать.

– Мы рады вас видеть, герцог – тоном вдовствующей королевы произнесла Аглая Кредон, – садитесь.

– Благодарю, сударыня. К сожалению, у меня мало времени. Я хочу видеть вашего старшего внука.

– Но от бокала вина вы не откажетесь, – теперь вся улица будет знать, что госпожа Кредон на короткой ноге с Первым маршалом Талига, – ведь мы еще не поблагодарили вас за оказанную нам услугу…

Остановить мать было невозможно, и Луиза почла за благо побыстрее сходить за Герардом. Сын сидел у себя, запершись изнутри – от Жюля, но открыл сразу. На столе лежали раскрытые книги. Что-то по астрономии.

– Мама?

– Надень куртку, причешись и спускайся вниз. К нам пришли.

– Кто?

– Герцог Алва, – Луиза с трудом произнесла имя вслух, возможно потому, что мысленно повторяла его сотню раз на дню, – он хочет тебя видеть.

– Он?! Хочет видеть меня?!

– Да. Поторопись.

Сын отчего-то бросился к столу, закрыл книгу, схватил гребешок, положил назад, натянул куртку, споткнулся о ковер, выскочил из комнаты и остановился:

– Мама, пойдем вместе.

– Хорошо.

Они чинно спустились вниз. Герцог по-прежнему стоял у камина. Матушка журчала что-то светское, но Алва смотрел мимо госпожи Кредон. Губы сжаты, темные брови сведены, почему он так устал? Неужели война?

Аглая возвысила голос и взмахнула сухонькой ручкой. Сын вздохнул и едва заметно кивнул головой в сторону бабушки. Создатель, сколько они еще будут ходить в приживальщиках! Мать есть мать, но эта мать всю жизнь любила только себя.

Луиза легонько подтолкнула Герарда – пусть спускается первым. Герцог услышал скрип и повернулся быстро и грациозно, как хищный зверь. Герард вздрогнул, но продолжал спуск. Луиза видела напряженный затылок сына, смятые светлые волосы. Он так и не причесался, а она не проследила. Дура!

– Добрый день, молодой человек.

– Добрый день, монсеньор, – голос Герарда дрогнул, и он по-жеребячьи вскинул голову. Они с Алвой были примерно одного роста, может быть, Алва на палец повыше.

– Вы, помнится, мечтали о военной карьере?

– Да!

Мечтал – это мягко сказано. Это было смыслом жизни сына. Насколько Арнольд, раздери его кошки, был трусом и лентяем, настолько Герард рвался в армию. Хотя с фамилией Арамона весело ему там не будет.

– Мой оруженосец был вынужден меня покинуть, – ровным голосом произнес герцог. – Прошлый раз я предлагал вам службу в Торке. Это предложение остается в силе, но, если вы хотите, я готов взять вас к себе. Порученцем. Справитесь – после первой же кампании получите офицерский чин, нет – сами виноваты.

– Я согласен, монсеньор, – казалось, вокруг сына разлилось сияние. – Что я должен…

– Привести в порядок свои дела. Двух дней вам хватит?

– Да…

– Послезавтра в десять утра приходите ко мне. Я приму вашу присягу.

– Монсеньор…

– Послезавтра в десять. До свидания, сударыни.

Луиза на ватных ногах пошла следом за Герардом, провожавшим невиданного гостя. Сын нужен Первому маршалу Талига? Первый маршал Талига сам пришел за ним в мещанский дом? Создатель, этого не может быть!

У порога Рокэ Алва обернулся:

– Подумайте еще раз. Я не из тех людей, с которыми легко. Вы вправе отказаться и отправиться в Торку.

– Нет!

Синий взгляд задержался на лице сына, затем Первый маршал Талига усмехнулся, но как-то невесело, и вышел, не сочтя нужным прикрыть за собой дверь.

– Мама! – Герард говорил шепотом. – Мама, я не сплю?

– Нет, – через силу произнесла Луиза, смотря, как герцог подходит к роющей землю лошади и разбирает поводья, – не спишь.

Почему вокруг ее сердца обвилось что-то вроде змеи? Холодной, скользкой, ядовитой… Герард не должен уходить, это опасно! Ему лучше остаться здесь. А ему нужна эта безопасность? Он не Арнольд и не простит, если она его не отпустит, хотя что за глупости?! Если его не отпустить, Герард уйдет без разрешения, как ушла бы она сама, помани ее в свое время ожившая мечта. Луиза бодро улыбнулась:

– Герард, ты видел, как одет монсеньор? Ничего лишнего. Нам надо подумать, в чем ты к нему явишься.

Из сына не выйдет ни лавочника, ни нотариуса, только военный. Так пусть идет за своей звездой, за своей синей звездой, а ее дело молиться за него… за них обоих!

3

Лис остается лисом, какого бы цвета ни была его шкура. Белые лисы дороже, рыжие увертливее. Дед нынешнего тессория увернулся от предложения королевы найти родовитого предка и примкнуть к дриксенской партии. Манрик принялся юлить и юлил до тех пор, пока Георг Оллар и кардинал Диомид не покончили и с новоявленными аристократами, и с их покровительницей. Внук не уступал деду ни рыжиной, ни хитростью. Впрочем, свое дело Леопольд Манрик знал отменно. Недоброжелатели утверждали, что тессорий так любит деньги, что даже не ворует – такое умиление у него вызывает вид королевской казны.

Манрик и впрямь, добывая таллы и суаны, делал все возможное и невозможное, но закупки хлеба сжирали слишком много золота. Ничего, теперь платить будет Фома, но знать об этом кому бы то ни было рано. Даже Леопольду, хотя он и надежен.

– Ваше Высокопреосвященство, вы успели просмотреть мои предложения?

– Да, расчеты весьма убедительны. И все же у меня остаются некоторые сомнения насчет перечисленных провинций, – показывать лису, что кардинал думает не о деньгах, нельзя.

– Если мы не возьмем у врагов, придется брать у союзников, – заметил Манрик.

– Эпинэ и Надор с трудом заплатили причитающийся с них налог, а вы собираетесь обложить их новым. Кансильер будет возражать.

– Несомненно, Штанцлеру и иже с ним мои предложения не понравятся, – рыжий тессорий посмотрел на часы, – пора бы господину кансильеру и появиться. Он прибыл во дворец два часа назад.

– Как я понимаю, вместе с вашим сыном, – медленно проговорил Его Высокопреосвященство, – так что новости вы знаете из первых рук.

– Да, Леонард мне рассказал. Мы должны быть благодарны Штанцлеру за то, что он взял на себя столь неприятную миссию, как сообщить Ее Величеству о гибели братьев.

– Кансильер у королевы? Тогда его задержка извинительна. Признаться, я полагал, что о случившемся Их Величествам сообщил ваш сын, ведь он присутствовал при дуэли. Передайте, к слову сказать, ему мою признательность, мысль отправить ко мне виконта Валме и виконта Мевена была превосходной.

– Леонард будет польщен, мнение Вашего Высокопреосвященства для него более чем ценно.

– И все-таки, каким образом Штанцлер оказался у Ее Величества?

– Вы же знаете Его Величество, – поджал губы Манрик, – он не любит ни выслушивать дурные новости, ни тем более сообщать их. Штанцлер вызвался рассказать обо всем Катарине Ариго, которую знал «еще девочкой», и Его Величество с восторгом ему разрешил. Это было весьма кстати, потому что Леонард сообщил некоторые подробности, о которых

при кансилльере говорить было неосмотрительно.

Ваше Высокопреосвященство, все мы знаем, что Алве нравится играть с огнем и пока он выигрывает, но…

Манрик любил делать многозначительные паузы. Те, кто хотел понять, понимали, сам же тессорий не произносил ничего его порочащего.

– Вы полагаете, граф, что с этой дуэлью не все гладко? Рокэ Алва нуждается в охране?

– Безусловно, – тессорий задумчиво переложил несколько переплетенных в кожу книг для записей с одного места на другое. – Первый маршал Талига мне и моим сыновьям симпатичен, но даже будь мы в ссоре, я сказал бы то же самое. Алва слишком дорогая лошадь, чтоб подпускать к ней волков. Сегодня обошлось, а завтра?

– Вы ведь очень заняты? – Его Высокопреосвященство тоже мог быть многозначительным.

– Время, если нет другого выхода, можно растянуть, тем более отчет закончен. Остается ждать, когда с ним ознакомятся Лучшие Люди и Его Величество.

– Я просил Его Величество утвердить тайную инспекцию для расследования покушения на герцога Рокэ Алву.

– Вы имеете в виду…

– Выстрел на улице Мимоз, но если инспекция найдет свидетельство того, что это лишь часть заговора…

– А это вполне вероятно, – медленно проговорил тессорий. – Рокэ Алва – гордый человек, он предпочитает защищаться сам, но сцена в доме кансилльера наводит на мысль о попытке отравления. К счастью, неудачной.

– Так вы готовы взяться за дело?

– Почитаю своим долгом. Ваше Высокопреосвященство, я считаю необходимым переговорить с оруженосцем герцога Алвы.

– Зачем вам этот юноша?

Леопольд Манрик весьма убедительно удивился:

– Он мог заметить, кто и откуда стрелял в его сюзерена.

– Да, действительно. Вы можете поговорить с ним, но мне кажется, юноша будет более откровенен в отсутствие герцога.

– Несомненно. Ваше Высокопреосвященство, я полагаю своим долгом навестить Ее Величество и выразить ей свое сочувствие.

– Вы абсолютно правы, Леопольд. Более того, я предлагаю сделать это прямо сейчас. Я, как духовное лицо, должен был прийти с утешением немедленно, но дела государственные превыше скорбей одного человека.

Его Высокопреосвященство поднялся, едва удержавшись от того, чтоб коснуться груди. Дурная привычка, не стоит ее выказывать. Манрик умен, он поймет, что кардинал хватается за сердце неспроста.

– Ваше Высокопреосвященство, я полагаю, Ее Величество захочет выслушать рассказ очевидца.

– Да, присутствие Леонарда весьма желательно, – кивнул Сильвестр.

Вот все и разрешилось. Рокэ займется войной, а Манрик – заговорами, существующими и иллюзорными. Жаль, Алва поторопился. Устранять Штанцлера и его сторонников было бы удобнее осенью, в отсутствие будущего короля, хотя все взаимосвязано. Гайифа приказала отделаться от Ворона до начала урготской авантюры, понимая, что Фома захочет купить маршала, а сидящий без денег и хлеба Квентин Дорак его продаст.

4

Леонард и десяток гвардейцев стояли у входа в апартаменты королевы, и Сильвестр не сомневался, что проходы для слуг также охраняются. Штанцлер немолод, прорываться силой не станет, а вот отравиться может. Если поймет, что игра закончена. Что ж, пусть травится,

если хочет. «Новопреставленный Август Штанцлер»… Хорошо звучит.

Двери в кабинет королевы были прикрыты, и оттуда доносились звуки арфы. Кардинал прислушался – красивая мелодия, хоть и печальная. Странно, что Катарине пришло в голову музицировать, наша скромница должна или молиться, или рыдать, ну а канцилльеру пристало скорбно молчать или говорить о дурных временах и об испытаниях, кои посылает Создатель.

Манрик неторопливо открыл инкрустированную перламутром дверь, и Его Высокопреосвященство стал свидетелем прелестной сценки. Королева в черном платье обнимала арфу, у ее ног на большой подушке сидела девочка лет двенадцати, готовая перевернуть ноты. Несколько девиц и молодых женщин расположились на пуфах и диванах, внимая игре Ее Величества. В комнате навязчиво пахло гиацинтами, легкий ветерок колыхал шитые серебром шелковые занавеси и пепельный завиток, выбившийся из прически Катарины Ариго.

Сильвестр, стараясь не шуметь, добрался до изящного дивана и опустился на подушки из алой парчи. Королева играла, тонкие бледные руки перебирали струны, заставляя натянутые жилы плакать и жаловаться. Увенчанная высокой прической головка слегка наклонилась, девочка на подушке быстро привстала, перевернула страницу и вновь замерла у ног Ее Величества. Мелодия зазвучала тише, словно отдаляясь.

Застывший у порога Манрик быстро пересек комнату, видимо, королева краем глаза заметила движение, потому что арфа жалобно пискнула и музыка оборвалась. Королева испуганно и удивленно оглянулась и торопливо вскочила:

– Господин тессорий… Какая неожиданность.

– Просим Ваше Величество простить наше вторжение, – Манрик сдержанно поклонился, – мы скорбим вместе с вами.

– Простите, – с Катарины можно было писать аллегорию растерянности, – я не понимаю… Это очень старая мелодия… Сама не понимаю, почему я вспомнила ее именно сегодня, или, – голубые глаза ловили взгляд Манрика, – что-то случилось?

– Ваше Величество, – Сильвестр понял, что пора вмешаться, – вы сегодня говорили с канцилльером?

– Нет, – королева стремительно обернулась на новый голос, – я видела эра Штанцлера на прошлой неделе… Он должен прийти?

– Два часа назад он был у Его Величества и с его разрешения направился к Вам, чтобы сообщить одно весьма печальное известие.

– Два часа назад? – Нет, это не аллегория растерянности, это аллегория невинности. – Два часа назад я молилась в капелле, меня никто не прерывал. Потом я вышла… Я вышла, и мне захотелось… Я пригласила моих дам, мы начали музицировать. Ваше Высокопреосвященство, что мне должен сообщить канцилльер?

Если бы здесь был Рокэ, он бы подбросил монету: Дракон – Катарина лжет, решка – нет. Другого способа узнать правду не было, если, конечно, не считать палача, хотя врут и палачам…

– Ваше Величество, я вынужден сообщить вам, что ваш брат…

– Жермон? – Тонкая рука рванула черный шелк. – Он погиб? Я… Я предчувствовала, что это произойдет, мне снился мертвый леопард… Как он погиб?

Королева подбежала к Сильвестру и опустилась перед ним на колени, пытаясь поймать взгляд. Очаровательно. Будь ему лет на двадцать меньше, он бы обязательно захотел утешить страдалицу.

– Говорите правду. Отец и Ги были несправедливы к Жермону, а я… Я так и не осмелилась ему написать… А теперь он погиб. Ваше Высокопреосвященство, он мой брат, что бы он ни сделал! Он должен быть похоронен в Гайарэ, в фамильном склепе.

– Барон Жермон Тизо, насколько нам известно, жив, – сухо произнес тессорий. Отчаяние потерявшей брата сестры его никоим образом не смягчило. – Сегодня утром граф Ги Ариго и его брат Иорам граф Энтраг дрались на дуэли с Первым маршалом Талига и…

Договорить Манрик не успел – Катарина Ариго упала в обморок, неловко задев зазвеневшую арфу. Громко завизжала какая-то фрейлина, в комнату вбежала полная дама в трауре – герцогиня Колиньяр, да так и застыла в дверях. Кардинал как мог спокойно произнес:

– Ее Величеству дурно, перенесите ее в спальню и пригласите врача. Граф Манрик, позаботьтесь о том, чтобы все было сделано должным образом.

– Разумеется, – заверил тессорий.

Глава 4
Оллария и ее окрестности
«Le Roi des Épées» & «Le Roi des Deniers»

1

В десять вечера стало ясно, что Рокэ в резиденции Его Высокопреосвященства появляться не намерен. В половине одиннадцатого Сильвестр решил, что кардинал Талига может посетить Первого маршала, чтобы, к примеру, даровать тому отпущение грехов. Случилось слишком много всего, чтобы откладывать разговор, и, в конце концов, нет худа без добра – в особняк Алвы прознатчики Его Высокопреосвященства проникнуть не могли, и Сильвестр надеялся, что другим эта задача тоже не под силу.

Сильвестр поднялся в карету, Агний убрал подножку и закрыл дверцу. Третье путешествие за один день, не много ли? Встали с урготами, засыпаем с кэналлийцами?

Предложение Фомы надо принимать, и не только потому, что это снимает денежные затруднения. Пока Ворон развлекается с бордонскими выдрами, Манрики раскроют парочку заговоров, а потом несчастный случай в казначействе унесет жизнь Его Величества, тессория и капитана личной королевской охраны. Алва вернется в Олларию, самое малое, регентом Талига при малолетнем короле, а еще лучше – королем.

Цепь должна быть крепкой, а Рокэ изворотлив, как все кошки мира. Если он будет болтаться в Олларии, то поймет, к чему все идет, и найдет способ избежать короны, но во время войны Ворон видит только войну, вот пусть и воюют. Тем более бить Бордон почти то же, что бить Гайифу, да еще за деньги Фомы.

– Ваше Высокопреосвященство, привратник говорит, что герцога еще нет.

Тоже мне, новость. Рокэ вернулся домой около шести и больше особняка не покидал, но привратник, глядя в глаза посланцам кардинала ясным и чистым взором, раз за разом отвечал, что монсеньора нет и когда будет – неизвестно. Трогательное постоянство.

– Что ж, я подожду в доме.

На кэналлийских физиономиях читалась досада, но на то, чтобы не впустить кардинала, их наглости не хватило. Сильвестр не сомневался, что прикажи Рокэ своим головорезам закрыть двери для всех, включая короля и кардинала, кэналлийцы схватились бы за мушкеты, но соберано, видимо, никаких распоряжений не отдал. Кардинал Талига благословил раздосадованного привратника и поднялся на знакомое крыльцо.

На первый взгляд дворец почти не изменился, разве что в вестибюле прибавилось военных и охотничьих трофеев. Жестом отпустив слуг, Его Высокопреосвященство начал подниматься по знакомой лестнице, к сожалению, ставшей слишком крутой. Пару раз пришлось останавливаться, давая передышку сердцу. Гоганы мудры, они не признают ступенек, только пандусы…

В резиденции Алва Сильвестр не бывал со времен своего утверждения кардиналом, а впервые молоденький секретарь кардинала Диомида посетил соберано Алваро накануне приснопамятного Представления малолетнего Фердинанда, на котором вообразившей себя хозяйкой Талига дриксенской стерве указали ее место. Кардинал Талига и двоюродный дед короля проявили сначала потрясающую решительность, а потом столь же потрясающее

мягкосердечие, из которого за тридцать восемь лет выросло два мятежа, пяток заговоров и куча предательств калибром поменьше. Регентский совет королевы Алисы нужно было казнить в полном составе, а ее саму запереть в Багерлее, но Георг Оллар был слишком сентиментален и благодушен…

Струнный перебор вернул кардинала из 361 года в 399-й. О привычке Рокэ срывать зло на гитаре, Сильвестр был прекрасно осведомлен, хотя и не представлял степени мастерства своего непредсказуемого союзника. Занятно, второй музыкальный сюрприз за день, сегодня все неожиданности летают парами, как голуби по весне.

Дверь в бывший кабинет Алваро была распахнута настежь, гитара замолчала, но кардинал не сомневался – Ворон, если только его не унес Леворукий, там. Существовала определенная опасность нарваться на пулю, но Его Высокопреосвященство решил рискнуть и шагнул через порог.

– Кардинал Талига желает знать, почему Первый маршал оного Талига не пристрелил кансильера все того же Талига? – Алва поднял голову от кувшина, куда переливал вино из запыленной бутылки. – Увы, эр Август пуле предпочел бокал вина… А что предпочитаете вы? «Кровь», «слезы», или шадди?

– Шадди.

– Быть по сему, – Рокэ потянулся к звонку. Судя по валявшимся у камина бутылкам, он пил уже давно, но на движениях и речи герцога это пока не отразилось. – Садитесь, Ваше Высокопреосвященство. Хотите к камину, хотите – к столу… Лопе, свари шадди. С кардамоном, с перцем, с толченым чесноком или простой?

– Простой. Я все ж не багряноземелец.

– Это как посмотреть. В чем-то вы вылитый нар-шад.

– Как и вы.

– Как и я, – согласился Рокэ, отбрасывая пустую бутылку и высекая огонь. Сильвестр помнил эти отточенные жесты. Точно так же зажигал свечи соберано Алваро. Покойный герцог был чуть выше сына и к концу жизни слегка располнел, но двигались они одинаково легко. Соберано всю жизнь ждал удара, а умер в своей постели, пережив большинство своих врагов. Хорошая жизнь и хорошая смерть.

– Рокэ, я решил откупиться вашей головой.

– От кого? – поинтересовался Ворон, с непроницаемым видом смакуя вино. Кольца с красными камнями на его руке не было, но о кольце и Штанцлере разговор впереди.

– От голода. Вам с Альмейдой придется выиграть небольшую войну. Для Фомы.

– Бордонские дожи?

– И поступившие в их распоряжение гайифские войска. Они собираются блокировать Фельп и порты Ургота.

Рокэ присвистнул и залпом допил вино.

– Альмейда доберется до места к середине осени, не раньше. Армия, даже выступи мы через две недели, доползет к началу все той же осени. Хлеб нам понадобится опять-таки осенью. Готов поставить Моро против покойного Иорама, что Фома тянул до последнего…

– Жермон Тизо, ставший по вашей милости графом Ариго, с восторгом согласится на пари, но хлеб нам действительно нужен.

– Хорошо, – кивнул Рокэ и потянулся к кувшину.

– Что «хорошо»?

– Хлеб будет. Что дает Фома, кроме хлеба?

– Все и еще немного. Платит пострадавшим негоциантам, берет на себя все издержки на ведение кампании, а в случае успешного ее завершения выплачивает два миллиона золотом.

– Плохи у него дела, – меланхолически заметил Рокэ и слегка наклонил голову, прислушиваясь, – ваш шадди…

Появившийся минуту спустя слуга оставил поднос с небольшим закрытым кувшинчиком, почти прозрачной чашечкой и высоким бокалом с водой и неслышно

удалился. Сильвестр, сняв крышку, с наслаждением вдохнул крепкий аромат. Шадди – то немногое из доступных человеку радостей, от которого он себя вовремя не оторвал, а сейчас уже поздно.

– Судя по запаху, ваш слуга – настоящий чародей.

– Не забывайте, мы, кэналлийцы, немного мориски, – пожал плечами Рокэ, наливая себе вина. Маршал был таким же, как всегда – ироничным, ловким, на лету хватающим любую мысль, и все же он заперся в доме с вином и гитарой. Почему?

– Я, кажется, еще ни разу не тревожил вас без дела. Почему вы не пришли?

– Не захотел, – Алва пристроил бокал на ручку кресла и уточнил: – Был не в настроении.

– Может, я и не тот злой гений, каковым меня почитают, – Его Высокопреосвященство с наслаждением взял невесомую чашечку, – но я не идиот. На моей памяти вы срываетесь с цепи третий раз. Два раза для этого имелась вполне осязаемая причина. Полагаю, есть она и сейчас, и я даже знаю какая – ваш оруженосец.

– Любопытно, – Алва отшвырнул ногой пустую бутылку, которая обиженно покатилась к камину, – с чего вы это взяли?

– Интрига началась с фальшивого гонца, – Его Высокопреосвященство решил не обращать внимания на льющуюся в бокал «Черную кровь», – вряд ли кто-то с помощью подобного письма надеялся обмануть вас или меня. Фок Варзов умирать будет, не забудет знака, который подтвердит подлинность донесения, да и почерк… Нет, затея с гонцом понадобилась для другого. Для того чтоб ваш оруженосец решил, что промедление смерти подобно, и помчался вас искать. Во дворец.

– Продолжайте, – глухо произнес Алва, – это по меньшей мере занятно. К слову сказать, скорбного вестника не поймали?

– Нет, – покачал головой кардинал, – у него было больше часа, и он этим воспользовался. «Ганс Корш» – старый ызарг, он понимал: первое, что сделает маршал Алва, прочитав письмо – схватит гонца. И это еще один довод в пользу того, что морочили не вас, а Окделла. Как я понял, милый мальчик застал весьма непристойную сцену?

– Ну, непристойной я бы ее не назвал, – задумчиво произнес Алва, берясь за кувшин, – все были одеты… По большей части.

– С вашей точки зрения, возможно, – Сильвестр не знал, злиться ему или смеяться, – я мог бы напомнить, что предупреждал вас…

– Можете не напоминать, – Алва выпил и снова налил, – я помню.

Он задался целью напиться или это игра? Пусть докучливый гость, которого не выгонишь взашей и не убьешь, уберется сам, ведь разговаривать с пьяным что воду копать.

– Если я ошибусь – поправьте. Юный Окделл, как все щенки этого королевства, влюблен в Катарину Ариго, и вдруг – такое зрелище! Что остается бедному герцогу – убить себя или убить вас.

– Это если действовать по советам великого Дидериха, – зевнул Рокэ, – но жизнь не столь поэтична. Полюбовавшись грудью Ее Величества, юный Окделл отправился к баронессе Капуль-Гизайль. Для сравнения.

– Вряд ли он отправился туда по собственному почину, – сухо сказал Сильвестр. – Вы упоминали, что на вашего оруженосца усиленно покушаются. Меня это заинтересовало.

– Ничуть не удивлен.

– Убийца, похоже, устал и отдыхает. Зато мои прознатчики узнали, что герцог Окделл покинул дом баронессы Капуль-Гизайль весьма поздно и прямиком отправился в ваш особняк. Следующим утром он проследовал в некую таверну на берегу Данара, где имел разговор с Валентином Приддом. Затем юноша, оставив лошадь, пошел в аббатство Святой Октавии, причем впустили его через боковой вход.

Герцог потянулся к очередной бутылке, но Сильвестр решил не останавливаться, Алва все прекрасно понимает и, нравится это ему или нет, выслушает до конца. Рокэ ловко открыл вино, но возиться с кувшином не стал, а плеснул прямо в бокал, выпил и немедленно налил

еще. Сколько он еще выдержит? Час? Два?

– В аббатстве Ричард Окделл пробыл около часа и еще три часа провел на берегу Данара. Прознатчик утверждает, что молодой человек производил впечатление только что свалившегося с луны. Спустя два дня Ричард посетил особняк Августа Штанцлера, где оставался три с половиной часа. Возвращаясь через Золотую улицу, молодой человек задержался на площади Святого Хьюберта, где просидел на кромке фонтана еще три часа. В восемь вечера он вошел в ваш дом. Больше герцога Окделла никто не видел. Кроме вас и ваших кэналлийцев.

– Звучит загадочно, – хмыкнул Рокэ, он или уже был пьян, или притворялся таковым, – Дидериху б понравилось.

– Без сомнения. На следующий день вы без всякой надобности отправились ко двору, хотя обычно тащить вас во дворец приходится на веревке. По дороге вы прихватили виконта Валме, с которым никогда раньше не пили и не воевали, а во дворце затеяли разговор с Леонардом Манриком, а это семейство вы только терпите…

– С трудом, – уточнил Рокэ, разглядывая вино на свет, – причем с большим. Когда-нибудь я обязательно убью какого-нибудь Манрика. Для сохранения равновесия.

Насчет семейства тессория кардинал придерживался сходного с Рокэ мнения, но сейчас эти люди были нужны. Вот когда дойдет дело до смены династии, Манриков и впрямь придется убрать.

– О Манриках потом…

– Хорошо, – с легкостью согласился Алва, опрокидывая бокал. – Хотите еще шадди?

– Нет. Не хочу повторения октавианских праздников. Налейте мне вина. Что тут у вас? «Черная кровь»?

– Да, – Рокэ глянул на бутылку, – ровесница Рубена…

– Брат был старше вас на десять лет?

– Почти на одиннадцать, – Алва очень спокойно встал, протянул бокал Его Высокопреосвященству и вдруг с силой засадил пустой бутылкой о каминную решетку, брызнули, разлетаясь, осколки…

Сколько он уже выпил? Сильвестр еще ни разу не видел, как Ворон напивается. Еще бы понять, сколько в его пьянстве игры, сколько правды.

– Рокэ, остальное мы обсудим завтра.

Алва то ли не расслышал, то ли не счел нужным отвечать. Он открыл еще одну бутылку и, вернувшись на свое место, отхлебнул прямо из горлышка.

– Ваше Высокопреосвященство, говорите, я соображаю, на каком я свете.

Соображает? Может, и так. Квентин Дорак старше Рокэ Алвы на двадцать один год. И на двадцать четыре года младше его отца… Кардинал Диомид и маршал Алваро, кардинал Сильвестр и маршал Рокэ. Все повторяется и все неповторимо, а жизнь кончается, и только Леворукий знает, успеет он сделать то, что нужно, или нет.

Кардинал Талига сделал маленький глоток. Вино было изумительным.

– Итак, Рокэ, для меня очевидно, что вы явились во дворец с одной-единственной целью – затеять ссору. Не знаю, нужны были вам именно Ги с Килеаном или вы положились на судьбу…

– Скажем так, я рад, что подвернулись именно эти.

– Но могли быть и другие?

– Могли… Мне было нужно четверо… Или восьмеро… Закатные твари!

Алва снова хлебнул из бутылки и потянулся к гитаре, но играть не стал, просто положил на колени.

Его Высокопреосвященство сам не понимал, хочет ли он, чтобы Рокэ сбросил свои вечные доспехи или нет. В душах потомков Рамиро горит Закат, не стоит туда заглядывать. Значит, встать и уйти? Или воспользоваться случаем и увидеть подлинного Повелителя Ветров?

– С вашего разрешения я продолжаю, – кардинал задержал взгляд на блестящем

бутылочном осколке. – При ссоре присутствовал Август Штанцлер, но он и не подумал ее прекратить, только добился переноса на утро. Ваши противники настаивали на смертельном поединке, и это при том, что среди них был один первостатейный трус. В секунданты они взяли не только своих сторонников, но и людей непредвзятых. Некоторые из них утверждают, что ваше опоздание удивило братьев Ариго меньше, чем ваше появление.

– Мевен и Валме? Валме поедет со мной в Ургот… Времени в обрез, дожи ждать не будут… Но начнут они с Фельпа!

Вот тебе и пьян! Алваро в этой самой комнате говорил, что из его младшего сына вырастет второй Алонсо, если он наконец решит – ворон он или ласточка. Сын решил. Он не стал вторым Алонсо, он стал первым Рокэ…

– Об Урготе поговорим завтра, сегодня меня волнует Талиг. Вы часто убиваете, Рокэ, но голову вам кровь не кружит…

– Кружит, – в полумраке улыбка Алвы казалась ослепительной, – ох как кружит.

– Я не про ваше треклятое вино, хотя оно и выше всяческих похвал. Сегодня утром, Рокэ, вы пришли убивать. Первого соперника вы прикончили почти сразу, но с Ги и Килеаном вы принялись играть. Раньше вы над своими жертвами не измывались…

Рокэ поднял глаза на кардинала, он был спокоен.

– Покойные вели себя нагло, за что и поплатились.

– А вы?

Казалось, этот вопрос его удивил.

– Я? Я никогда не лаю, Ваше Высокопреосвященство, – размеренно произнес Ворон, – и даже не кусаю. Я рву глотку.

Сильно сказано, но он лжет. Или не лжет, но не говорит всей правды. Что ж, продолжим.

– Иорам попробовал удрать, но вы его застрелили, и никто не сказал вам ни слова. Оставив позади четыре трупа, одиннадцать дворян отправились на завтрак к кансильеру, где вы щеголяли кольцом Эпинэ и угрожали хозяину пистолетом. И опять никто не попытался вас остановить. Заставив Августа Штанцлера выпить бокал хорошего вина, вы откланялись, причем пустили коня в такой галоп, что сбили мирного горожанина…

– …и вашего прознатчика?

– Нет, мой прознатчик успел отскочить, это был человек гайифского посла.

– Павлины никогда не умели летать…

– Что вы делали дальше – не знаю.

Разговор нравился Сильвестру все меньше, но закончить его было необходимо.

– Спустя полчаса разъехались и остальные, а кансильер Талига в обществе Манрика отправился во дворец для обсуждения предложений тессория по налогообложению.

– О, кстати! Ваше Высокопреосвященство, я против того, чтоб с Эпинэ и Надора продолжали драть четыре шкуры. Не дело, когда столица объедает окраины, но еще хуже, когда окраины объедают сердце страны.

– Теперь налоги ждут.

До новой коронации. Пусть Рокэ Первый Алва прощает мятежные провинции, это хороший ход.

– Если понадобится, – Алва задумчиво тронул струну, – Кэналлоа заплатит за Эпинэ.

За Эпинэ, не за Надор!

– Манрик еще не знает о войне, а вы еще не знаете, что Штанцлер скрылся. Фердинанд решил увернуться от неприятной обязанности и отправил его к королеве. Катарины в ее апартаментах не было, она молилась в капелле, о чем кансильеру и сообщили. Он вошел в капеллу и исчез.

– Вознесся? – поинтересовался Алва.

– Выбрался потайным ходом, который обнаружил Манрик. Катарина Ариго могла о нем знать, а могла и не знать, ход начинается в фабиановом приделе, королева всегда молится перед центральным алтарем.

Рокэ, Штанцлер и Катарина Ариго подбили Ричарда Окделла подсыпать вам отраву, которая была в перстне Эпинэ. Именно поэтому Штанцлер и потерял голову, когда вы явились живым и здоровым, да еще с кольцом на руке. Он решил, что вы хотите его отравить, а Окделл или признался, или попался. Выбирая между ядом, признанием и пулей, кансильер выбрал яд. Видимо, надеялся на противоядие или рвотный камень. Судя по тому, что, покинув гостей на несколько минут, Штанцлер вернулся с позеленевшим лицом, это был рвотный камень.

– Он зря его потратил, – скривил губы Алва, – я не имею обыкновения портить вино.

– Вы имеете обыкновение его пить.

– Имею, – Алва залпом осушил стоящий перед ним бокал, – это все, что вы хотели мне сказать?

– Не совсем. Мне нужен ваш оруженосец.

– Не все желания исполняются, – Рокэ вновь тронул гитару, – это из числа неисполнимых.

– Где он?

– Где-то, – пожал плечами Алва, – игрушка сломалась, и я ее выбросил. Закатные твари! Это было так забавно – растить собственного убийцу, и так глупо все кончилось…

Глупо? Четверо убитых, представление в доме кансильера, разбросанные по полу пустые бутылки… Мевен и Валме в один голос твердят, что утром на Рокэ было страшно смотреть.

– Куда вы его отправили?

– Туда, где ему самое место, – Алва извлек из гитары еще несколько аккордов, – главное, чтобы каждый был на своем месте. Именно это я сказал покойному Килеану, а может, и не Килеану, но кому-то точно сказал…

2

Самые отчаянные и удачливые убегают даже от шадов, но Ричард Окделл себя к отчаянным и удачливым не относил. Он не смог сделать ничего. Рокэ отобрал у оруженосца кольцо и кинжал и вызвал Хуана. Что сказал эр своему прислужнику, Дик не понял, они говорили по-кэналлийски…

Юноша обреченно ковырнул ложкой в каком-то южном вареве, слишком жидком для рагу и слишком густом для супа и в придачу отчаянно благоухающем чесноком. Надо было есть, если он ослабеет, ему уже ничто не поможет. Конечно, один против шести мерзавцев, да еще связанный, может мало, но мертвый не может ничего. Дик покосился на молчаливого человека в черной рубашке, сидевшего напротив. Из всех своих сторожей юноша знал одного Хуана, но тот в карету заглядывал только во время остановок.

Кансильер говорит, что человек, принявший яд, живет около суток, а если больше? Ворон разбирается в медицине, это знают все, и потом он выпил только один бокал. Вдруг у него найдется противоядие? А даже если и нет… «Не проиграть, когда победить невозможно», намертво сжатые когти ворона, утянувшего за собой более сильного соперника. Теперь Ричард понял, что предвещал бой двух птиц в небе Варасты! Святой Алан, только б не утянуть за собой эра Августа и Катари… Перед глазами юноши стоял список, который показывал кансильер. Он хотел спасти этих людей и лишь ускорил их гибель.

Хуан открыл дверцу кареты и забрал миску, даже не спросив, сыт пленник или нет. Теперь работорговец не скрывал своего нутра, куда делись его учтивость и спокойствие – перед Диком был настоящий охотник за людьми – жестокий, хитрый, грубый. Его подручные были не лучше!

Юноше не сказали, куда его везут, а кэналлийские головорезы меж собой говорили только на своем языке, из которого Ричард за проведенный в доме Ворона год усвоил не больше сотни слов. Из вороха звонких и раскатистых звуков юноша выудил только

«марис» – «море» и «Эдаде бриза» – «поторопись».

Хуан и впрямь торопился. Они ехали, почти не останавливаясь, занавески в карете были спущены, дороги видно не было, но по тому, откуда светит солнце, Дик понял, что его везут на юг. Это и слово «море» означало одно – Багряные земли! Судьба рабов-эсператистов, угодивших к морискам, была незавидна, но Дик не мог рассчитывать даже на судьбу сборщика шадди. Убийцу Рокэ Алвы ждало что-то чудовищное, унизительное и бесконечное. Если бы эр хотел прикончить убийцу на месте или отправить в Багерлее, он бы это сделал, но Ворон рассудил иначе.

Что сделают с пленником шады? Вырвут язык, выколют глаза или, того хуже, кастрируют? В Багряных землях врагов не убивают, а калечат и держат на цепи в зверинцах. Хуан позаботится, чтобы оруженосец, поднявший руку на хозяина, хлебнул полной мерой, а союзники и родичи Рокэ ему помогут.

Дверца снова распахнулась. Сторож выбрался наружу, уступив другому, в такой же черной рубашке и с таким же злым лицом. На воле было темно, вдали мерцали какие-то огоньки. Ночь или поздний вечер? Спросить не позволяла гордость, единственное, что остается у пленника. Жив Ворон или нет? Теперь это значения не имеет… Отцу повезло, он не испытал плена. Смерти Дик не боялся, но год за годом жить на цепи! Это ужасно и еще ужаснее не знать, что стало с теми, ради кого он пошел на убийство. Вернее, догадываться, но не быть уверенным.

Резкий стук отрезал юношу от пронизанного вспышками куска темноты, он вновь был в наглухо закрытом ящике. Словно предназначенный на продажу кролик! Карета качнулась и тронулась. Его повезут через Кэналлоа или через Алат? Через Алат ближе, но тогда придется миновать две границы. Может быть, их остановят таможенники? Может быть, удастся позвать на помощь в порту? Если не получится, нужно изловчиться и выпрыгнуть за борт корабля. Смерть в море легче и почетнее жизни евнуха или слепца.

Кэналлиец потянулся и зевнул, обдав пленника острым чесночным запахом. Какая мерзость! Юноша осторожно шевельнул связанными ногами, больно не было, но развязать такие узлы он не сможет. Был бы у него кинжал… Отцовский кинжал остался у Ворона… Отцовский кинжал? Как он вернулся в Надор после восстания? Объяснение было одно – Рокэ Алва! Сделал хорошую мину при плохой игре и, по обычаю Чести, прислал оружие убитого вдове. Эр Август как-то сказал, что с Рокэ можно смело сесть за один стол, а с Дораком – нет… Святой Алан, ну почему Людям Чести пришлось прибегнуть к яду?! Да, они с канцилльером хотели спасти других. В первую очередь Катари, но ведь яд – оружие змеи, а не вепря. Алва мстит жестоко, но он имеет на это право, никуда не денешься. Имеет или имел?

3

– Вы заигрались, Рокэ!

– Нет, просто мне было скучно. От скуки лучше всего помогает игра, дело или желания, – Рокэ принялся на одной струне наигрывать какую-то тоскливую мелодию. – Войны не было, следовательно, не было и дела. Желания… Я давно ничего не хочу, а если захочу, приду и возьму. Остается игра.

– Со смертью.

– Кто-то играет на деньги, а я на свою жизнь – единственная достойная ставка. По крайней мере, для меня.

– Если бы ваша жизнь была нужна только вам, я не стал бы вмешиваться, хоть и испытываю к вам определенную симпатию, но вы нужны Талигу.

– Ваше Высокопреосвященство, выражайтесь проще. Я нужен вам, чтобы пугать гайифцев и прочих бордонов.

– Да, если вам так угодно. Никогда не понимал вашей ужасающей откровенности.

– Не обращайте внимания, – пожал плечами Рокэ, – еще одна игра. Люди обожают

кутать свои довольно-таки мелкие мыслишки в шелка и бархат. Их бесит, когда кто-то не только сам ходит голым, но и с них сдирает тряпки.

– Вы можете себе позволить такую роскошь, вами стали бы любоваться даже на эшафоте, да минует вас чаша сия. Кстати, кое-кто полагает, что ваша красота – это грех.

– Ну это вряд ли, ведь я в ней неповинен. Ваше Высокопреосвященство, чего вы хотите?

– Чтобы вы соизволили оглянуться вокруг и понять, что все более чем серьезно. Вы дразните гусей, пьете «Черную кровь» и мнете женские юбки, а мрак сгущается.

– Ох, – Рокэ поморщился, – а можно без «мрака»?

– Не будь вы полководцем милостью Создателя, я бы сам вас убил, – заверил кардинал, – но сейчас только страх перед маршалом Алвой держит Гайифу на цепи.

– Я польщен. Значит, скоро с крыш начнут падать бревна… Терпеть не могу спать в кольчуге…

– …а потому ожидать от вас благоразумия не приходится. Нет, я не против того, что вы сократили количество Приддов и Ариго, но почему вы выпустили Штанцлера?

– Он – трус, – на красивом лице мелькнуло отвращение, – причем умный. Глупого труса подстрелить нетрудно, а умного… Умного или казнят, или убивают из-за угла. Эр Август скоро всплывет в Агарисе или Гайифе, там есть ваши люди, пошлите им яду… Беглый кансилльер не может не быть предателем…

– Рокэ, ответьте, только откровенно. Что бы вы сделали, если бы Штанцлер не выпил?

– Выстрелил, – Алва быстро нагнулся за стоявшей у его ног бутылкой, которую кардинал не заметил, – и он это понял. Говорю же, этот трус умен…

– Вы отпустили его из-за оруженосца, – жестко сказал Сильвестр, – можете сколько угодно хвататься за пистолет, но если бы Штанцлера можно было загнать в Багерлее, не трогая Окделла, вы бы это сделали.

– Не лепите из меня святого, – огрызнулся Алва, отбрасывая пустую бутылку. – Мне нет дела до вашего Окделла, все равно из него ни ызарга не вышло.

– Хорошо, – примирительно произнес Сильвестр, хотя мог возразить, что уж чьим-чьим, а «его» Окделл не был, – вам нет дела до вашего оруженосца, а Штанцлера можно убить и за границей. В любом случае у наших врагов выдался неудачный день.

– Да, – кивнул Алва, подкручивая колки – четверых один призвал. В Закат! Их ведь было четверо… Вот их и призвали, – Алва склонился над гитарой, – в Ноху. Четверо Людей Чести. Двое из Дома Молний, двое из Дома Волны… Дом Волны и Дом Молний… Старые игрушки…

Молния…
Сквозь расколотый кристалл
Молния…
Эшафот и тронный зал
Молния…
Четверых Один призвал
Молния

– Не помню, как звали спрута, которого я убил, – Рокэ прижал струны ладонью, – но лучше бы я убил какого-нибудь другого Придда, этот был не такой липкий, как другие… Знали бы вы, как мне хотелось пристрелить Штанцлера с Карлионом, но эр Август все-таки выпил… Надеюсь, ваши убийцы не оплошают, благословите их как следует…

Волны…
Правда стали, ложь зеркал
Волны…
Одиночества оскал

Волны…
Четверых Один призвал
Волны…

– Странная песня, – заметил кардинал, понимая, что большего от Алвы сегодня не добиться, – я ее никогда не слышал.

– Зря, – пьяно засмеялся Ворон, – вы же – Дорак, стало быть – Человек Чести, а эти куплеты – еще один огрызок былого величия, от которого положено благоговеть. Каждому Великому Дому – по огрызку…

– Значит, вы спели не все, остались Скалы и Ветер.

– Их песня уже спета, – сообщил Алва, – но был и пятый куплет… Пятый и забытый… И не нужно его вспоминать. Вернее, нужно забыть… Глупости сначала делают, а потом забывают. Забывают все…

– Рокэ, – кардинал поднялся, – благодарю за то, что вы в меня не выстрелили. Когда проспитесь, приходите – нам есть что обсудить, но сейчас вы слишком пьяны.

– Пьян, – черноволосая голова согласно качнулась, – но меньше, чем хотелось бы. Я знаю, чего вы от меня хотите. Вторую Двадцатилетнюю войну. Вы ее получите…

– Можно подумать, вы ее не хотите? – пожал плечами Сильвестр.

– Я? – герцог очень медленно поднял лицо, блеснули немыслимо синие глаза. – Я не хочу ничего. Не могу хотеть… Два раза могло быть совпадением, но три… А война будет… Она уже есть, и ее придется выиграть. Круг должен замкнуться, сколько можно…

– Какой круг? – решил уточнить Его Высокопреосвященство, хоть и понимал, что Рокэ уже ничего не соображает. Вернее, соображает, но говорит сам с собой, а представить, что творится в маршальской голове, воображения кардинала не хватало.

– Какой круг? – сильные пальцы погладили струны. – Круглый. Круг должен быть круглым, без начала и без конца, иначе получится слепая подкова… И все потому, что слишком много Приддов и совсем нет белых ласточек. А может, они где-то и есть, только не у нас…

Вновь гитарный перебор. На мандоле так не выйдет, да и не станет Рокэ Алва играть на мандоле. Он создан для гитары, вороного коня и стали, но какой жуткий напев, сколько же ему лет? Тысяча? Две? Три?

– Все должно было закончиться давным-давно, – синие глаза смотрели куда-то вверх, – но не закончилось. То ли не захотело, то ли не смогло. Знали бы вы, как мне это надоело.

– Что именно, Рокэ?

– Все, – пожаловался тот, опуская голову. Для него снова не существовало ничего и никого, кроме гитары.

Сердце…
Древней кровью вечер ал,
Сердце…
Век богов ничтожно мал,
Сердце…
Четверым Один отдал
Сердце…

Глава 5
Агарис
«Le Chevalies des Coupes» & «Le Un des Épées»

– По-моему, ты хочешь от нас отделаться, – Альдо весело подмигнул Матильде, – и сбежать к очередному поклоннику.

– Замолкни, зверь, – любящая бабушка погрозила хохочущему внуку пальцем, – имею я в своем возрасте право уединиться для молитв и размышлений?!

– Каждый имеет, – провозгласил Альдо, – когда я стану великим королем, я напишу закон против тех, кто мешает уединяться и особенно удвояться. Или удвояиваться?

– Пошел вон, – махнула рукой вдовствующая принцесса, забираясь в седло. Матильда не любила ездить в дамских седлах, но терпела, потому что кареты ненавидела еще сильнее.

Проводив бабушку восхищенным взглядом, Альдо обернулся к другу:

– Пойдем, выпьем касеры. До Клары у меня еще уйма времени.

Во имя Астрапа, только бы сюзерен не потащил разумную вдову за собой в Алат. Бедная Мэллит, что с ней будет, если ее сказочный сад увянет? Страшно понять, что у тебя не осталось не только дома и семьи, но и любви!

– Ты только не забудь, что мы завтра уезжаем.

– Не забуду, – глаза принца стали лукавыми, он что-то хотел сказать, но передумал.

Они прошли опустевшими комнатами и пристроились прямо на чудовищном столе, который продали вместе с домом. Франко принес касеру и простенькие стопки. На лице дворецкого проступали следы мучительных раздумий. Робер понимал старика – всю жизнь прожить в одном городе и в одном доме и вдруг сорваться с места и отправиться в неведомый Алат, где зимой холодно, нет моря, зато из окон видно горы, перерезанные чередой облаков. Робер горы любил, а Агарис ненавидел. Неужели завтра он избавится и от «истинников», и от соотечественников?

– Альдо, зачем тебе понадобилось напоследок превращать дом в помойку?

– Это ты о Людях Чести? – Голубые глаза Альдо Ракана стали большими-пребольшими. – О страдальцах за отечество, изгнанниках, сохранивших в своих сердцах великую Талигойю, мучениках, в чьих родовых замках сидят «навозники», присвоив себе право первой ночи и…

Сюзерен не выдержал и расхохотался, махая руками. Роберу смешно не было. Сползшиеся на пир ничтожества самим своим существованием оскорбляли память отца, брата, друзей. Робер поморщился и хватил касеры.

– Если бы меня звали Дорак, а тебя – Колиньяр, мне бы тоже было смешно, но я Эпинэ, а ты – Ракан. Не стоит путаться с этой сворой. Чем ты думал, когда их собирал? Ни одной человеческой рожи, разве что Темплтон с Саво, но они к Матильде сами пришли. Я уж не говорю, что каждый третий обормот на кого-то шпионит.

– Вот поэтому я их и пригласил, – подбоченился Альдо, – теперь все знают, что тебя от товарищей по несчастью трясет, а я – вертопрах, болван и бабушкин внучек, который мало того что собрал всех уродов Агариса, так еще и опоздал. Теперь уроды расхвастаются, что я смотрю им в рот и живу по их указке. Пусть Дорак спит спокойно и обо мне не думает. До поры до времени. Да и гайифцам полезно считать, что нынешний Ракан еще глупее предыдущих. Если что, Клара подтвердит.

– Клара?! Она-то здесь при чем?

– При гайифском после. Нет, сначала, милую Клару занимали лишь подарки и подушки, но зимой ее потянуло на разговоры. Она стала такой любопытной, эта Клара…

– Твоя вдова за тобой шпионит? И ты продолжаешь к ней бегать по три раза на неделе?!

– В постели это не мешает, наоборот. Ты не представляешь, как крошка старается. Раньше она, чуть что, губки надувала, а теперь такая послушная…

– Смотри, чтобы она тебя не отравила.

– Ну, зачем гайифцам меня травить, скажи на милость?

– А с чего ты взял, что твоей разумной вдове платит павлин?

– Кошечка намяукала, – расплылся в улыбке Альдо, – а, ладно… Проследил я за своей

ласточкой и увидел с ней такого маленького, противненького, лысенького… Я чуть было этого красавца за «истинника» не принял, но он из гайифского посольства оказался. А ты думал, я совсем осел?

– Думал, – пробормотал Иноходец…

– А я им и был, – жизнерадостно заявил Альдо и вдруг погрустнел, – но после истории с Мупой… Я тогда как второй раз родился. Матильда над своей сукой плачет, слуги квохчут, а я стою, гляжу на них, а в голове одно – больше я никому не позволю поднять на себя руку. Никому и никогда!

Я уволок Матильду в свою спальню и поил, пока она не уснула. Она сопела, я сидел рядом и думал, что делать. Тебя не было, не было никого, кому можно верить… Да и сейчас нет. Не к старику же Енниолю бежать! И не к Клементу… Для них я – игральная карта, но кто им дал право мной играть? – Альдо зло отпихнул пустую стопку. – Понимаешь… Все случилось в тот день, когда избирали Юнния. Нас с Матильдой тоже пригласили… Я в храме видел всех – императора, королей, герцогов… Робер, чем они лучше нас? Тем, что их предки были умнее моих и усидели на троне? Ну так с кем не бывает, сегодня – король, завтра – покойник. Как Адгемар…

Золотые земли принадлежат Раканам! По праву крови и по праву рождения, и первородство я не отдам никому. Ни гоганам, ни магнусам, ни Леворукому!

– Ты нарушишь клятву? – Робер смотрел на Альдо, словно впервые его видел. Сюзерен во многом был прав и во многом… Не то чтобы не прав, но сам Робер так думать не мог. Принц тронул друга за плечо и улыбнулся:

– Робер, что стоит клятва, данная вслепую? С нами никто не был честен, и мы никому ничего не должны. Вспомни Адгемара…

– Я его никогда не забывал. Лис подло жил и мерзко кончил. И по заслугам.

– Да, он обхитрил сам себя, и его схватили за хвост. Мы будем играть иначе…

– И как? – Робер пробовал скрыть растерянность, но у него получалось не очень убедительно.

– После приема меня считают дурачком, а моих сторонников – толпой выродившегося сброда. Наш отъезд в Алат для всех – признание собственного бессилия. Меня это устраивает.

– А гоганы и «истинники»?

– Ара разрушена, без нее, Мэллит говорит, Енниоль слеп и глух, а эсператисты видят во мне такого же дурня, что и другие. Зеленоглазый и все твари его, я ведь и в самом деле был легкомысленным болваном, теперь пригодилось.

Робер тронул рукой запястье, на котором больше не было ни испугавшей Енниоля отметины, ни браслета Мэллит. Альдо играет с огнем, ему кажется, что он обвел вокруг пальца опытных игроков, но так ли это?

– Почему ты не сказал мне сразу?

– Сначала ты болел, причем как-то непонятно… На тебя надели гоганскую побрякушку, кто знает, вдруг рыжие через нее за тобой следили… А потом… Прости, но я хотел, чтобы ты на глазах у шпионов сцепился с Кавендишем и прочими берхаймами… Чтобы было ясно, мы только ссориться горазды.

Принц наполнил стопки и протянул одну Роберу:

– Маршал прощает своего короля?

Не прощает, потому что не был обижен, только удивлен… Альдо тоже многого не знает. Про Мэллит, про разговор с Клементом, про встречу с Енниолем, про Лауренсию… Похоже, все имеют секреты ото всех, так что сюзерен прав, а осадок на душе, что ж, он возникает сам по себе, его не смоешь.

– Все в порядке, Альдо. Но ты меня просто потряс.

– Правда? – Политик исчез, на Робера вновь смотрел жизнерадостный щенок. – Тогда пиши тем своим друзьям, которые не протухли. Мы пригласим их в Алат на осеннюю охоту!

2

Дом продан, вещи сложены, вьючные мулы наняты. Сорок шесть лет! Она не была в Алате сорок шесть лет, и вот возвращается… Куда? К кому? Вроде бы домой, но братец Альберт ей никто, а племянников и их детей она и вовсе не видела. У нее нет родных, кроме Альдо и Робера, но они скоро уйдут – молодым сильным мужчинам рядом со старухой не место.

Адриан, обвенчав молоденькую паломницу с принцем Раканом, погубил ее жизнь, и все равно Матильда была благодарна покойному Эсперадору, он хотел ей помочь, а она… Она была дурой, позарившейся на смазливенькое ничтожество и не заметившей настоящего человека. Конечно, Адриан, уже тогда подававший огромные надежды, вряд ли бы решился бежать с дочерью герцога Алати, но можно было жить и во грехе, беды-то! Согрешила ж она ради Анэсти, ослушавшись отца, согрешила бы и ради Адриана, пожертвовав таинством брака… Лечь в постель с церковным благословением или без него, какая к Леворукому разница?! Лишь бы мужчина был желанным. А теперь Адриан упокоился под серой каменной плитой, на которой горят семь негасимых свечей.

Через год живое пламя заменит бронза, а посредине плиты встанет мраморный лев, знак ордена Славы, из которого вышел покойный Эсперадор, но этого Матильда Ракан уже не увидит. Она здесь в последний раз. Днем они с Альдо были на могилах Анэсти и Эрнани, но с Адрианом она простится одна.

Матильда не желала видеть ни паломников, ни клириков, потому и пришла на ночь глядя. Кладбищенский сторож, за три золотых открывший боковую калитку, набивался в провожатые, но вдова велела оставить ее в покое. Покойников бояться нечего, а грабители на кладбище Семи Свечей не промышляют. Женщина не торопилась – вечер выдался замечательный, пахло кипарисовой смолой, ветер шевелил темные ветви, сквозь которые розовело небо.

На кладбище Семи Свечей хоронят лишь цвет духовенства, места там хватает, и могилы не лепятся одна к другой. Захоронения начинались у стены храма и тянулись в глубь старой кипарисовой рощи. Адриан лежал последним, и принцесса добрела до цели, когда вечер плавно перерос в лунную ночь. Твою кавалерию, у надгробия Эсперадора кто-то был, кто-то в широких бесформенных одеждах. Монах, раздери его кошки! Вроде со дня избрания нового Эсперадора ночные бдения на могиле усопшего прекращаются? Первой мыслью принцессы было повернуться и уйти. Нет, она не испугалась, просто не хотелось говорить с чужим человеком, который наверняка окажется ханжой или фанатиком.

– Фокэа, – окликнувший ее голос был негромким и приятным, но почему она «фокэа»? Матильда где-то слышала это слово, но что оно значит, не помнила. Как бы то ни было, уйти теперь было неприлично. Женщина миновала два высоких дерева, словно охранявших могилу Адриана, и обомлела. Перед ней стоял олларианец в полном облачении!

Сама Матильда никогда с талигойскими еретиками не сталкивалась, но знала, что черные сутаны с белыми воротниками носят именно они. Истинные эсператисты считают черный цвет цветом вызова, не подобающим слугам Создателя, смиренно ожидающим возвращения Его, а тут на тебе! Еретик в святая святых Агариса!

Олларианец сделал шаг навстречу, оказавшись на расстоянии вытянутой руки. Он был весьма недурен собой.

– Их должно быть восемь, фокэа – еретик внимательно посмотрел на Матильду, – семь и одна. Она горела отдельно, но теперь не горит.

– Как вы меня назвали, сударь? – Твою кавалерию, не хватало, чтоб ее увидели болтающей с олларианцем!

– Есть свечи и свечи, – собеседник не удосужился ответить. – Сначала была одна, затем стало девять. Одна погасла, и ее зажгли вновь, но с другого конца. Пламя восьмой видят лишь избранные…

Сумасшедший? Похоже. Только сумасшедший мог заявиться в черном балахоне на

могилу Эсперадора, да еще ночью. Хотя, можно подумать, она пришла днем.

– Сударь, не могли бы вы оставить меня одну?

– Нет, – покачал головой еретик, – это опасно. Для тебя.

– Я не боюсь покойников! – отрезала Матильда. – А от разбойников у меня есть пистолет.

Пистолета у нее не было, и зря. Больше она без оружия из дому ни ногой. Монах не опасен, но все равно ночью нет ничего лучше заряженного пистолета. Если ты, разумеется, не в постели с любовником.

– Разбойников здесь нет, – священник придвинулся еще ближе, – здесь никого нет. Идемте, я провожу вас. В память великого сердца и великого разума.

Уйти? Еще чего! Она пришла к Адриану, и никакие сумасшедшие аспиды ей не помешают.

– Его здесь нет, фокэа, – тихо произнес олларианец, – нет и никогда не было. Его вообще нигде нет. Но ты есть, и он хотел, чтобы ты была. Он виноват перед тобой, но он не мог иначе. Он был восьмым и стал первым из семи, он искал девятого и не нашел, а тот был рядом.

Какой бред! Это слишком даже для сумасшедшего, бродящего ночью по кладбищу в черных тряпках. И что все-таки значит «фокэа»?

– Никто из четверых не станет Одним, а Один может заменить любого, – безумец продолжал говорить внятно и торопливо, – только кровь помнит, фокэа, кровь, а не разум. Было четверо и один. Старый долг не заплачен, старые раны не залечены, а время на исходе.

Кэртиана смотрит в Закат и ждет, долго ждет. Спасение может родиться лишь из гибели, ведь проклятие родилось из спасения, и ничто не ушло до конца. Ты должна знать, что цена Зверя – жизнь. Имя Зверя забыто, а Зову цена – смерть.

Зверь?! Сумасшедший он или нет, но вещи говорит странные. Таким тоном не скажешь «зверь заяц» и даже «зверь лев», а вот «Зверь Раканов» запросто, но ведь его нет, только нелепые старые рисунки. Как же она ненавидела герб Раканов, это четырехглавое чудище с птичьими крыльями и щупальцами морской гадины, и еще больше ненавидела тех, кто размахивал этим старьем.

– Идем, фокэа…

– Как вы меня называете?

– Так, как до́лжно.

– Ну нет, – разговор одновременно бесил и интриговал, – у меня есть имя…

– Здесь, – перебил олларианец, – имен не называют. Идем, и чем скорее, тем лучше.

Твою кавалерию, ведь не отцепится! Ладно, она дойдет с ним до ворот, а потом… Что «потом», Матильда не решила – звать сторожа глупо и по́шло, идти домой? К Роберу? Выждать и вернуться? Поглядим.

– Поторопись, фокэа, – бледное лицо было напряжено, – мы можем беседовать и по дороге.

– Вы сумасшедший? – прямо спросила Матильда.

– Возможно, – а вот улыбается он так же, как Адриан. Сын? Племянник? Но почему в черном?!

– Хорошо, – решилась Матильда, – идемте, но будь я проклята, если что-то понимаю.

– Ты не проклята, – утешил попутчик, – вернее, проклята не ты, хотя от этого не легче. Нам нужно спешить.

Нет, из них двоих кто-то точно рехнулся, а вернее всего, оба!

3

Странное растение качало дырчатыми листьями, и на стене шевелилась причудливая тень, похожая на оживший узор со старой шкатулки. Надо спросить, откуда привезли это деревце… Больше он его не увидит, и это правильно, а то он начал привыкать к этому

заполненному цветами дому и его странной хозяйке. Робер Эпинэ повернулся к Лауренсии, та лежала с закрытыми глазами, но спала ли? Мэллит наверняка не спит. Бросать девочку в эту ночь одну было подло, но они с Альдо слишком много выпили, он не мог в таком виде показаться гоганни.

В старых легендах рыцари кладут меж собой и любимой меч. Говорят, это помогало, но маркиз Эр-При не Корнел Безупречный, он себя переоценил, вообразив, что сможет жить под одной крышей с Мэллит и вести себя, как брат. Из него такой же брат, как из Ворона – праведник! Счастье, что подвернулся ключ от дома Лауренсии, но как дотянуть со своей любовью до Алата. Две недели в пути у всех на глазах…

Робер прикрыл глаза, кто бы мог подумать, что Альдо окажется таким хитрецом, а он считал сюзерена чуть ли не младшим братом. Альдо Ракан изменился, но разве он сейчас такой, каким был до Сагранны и до восстания? Это зверь рождается зверем, человека зверем делают другие люди, но кто превращает людей в хогбердов и кавендишей? Уж лучше быть зверем или таким вот дырчатым деревом, качать себе листочками, иногда цвести…

Под окном громко и гнусаво возопил ночной сторож, сообщивший, что все спокойно. Спокойно, как в могиле! Агарис – мертвый город, и он пьет жизнь из живых, отсюда надо бежать, и они бегут. Как крысы с обреченного корабля. Как крысы и вслед за крысами. Странно, каждый раз, приходя к Лауренсии, он ждал встречи с достославным, но Енниоль исчез. Куда? Неужели он их бросил? Если так, почему? Решил, что игра не стоит свеч? Испугался? Понял, что посадить Альдо на трон не удастся? Или потерявшим ару гоганам не до игр с чужеземцами? Но почему не прийти и не сказать, ведь они стали почти друзьями. С гоганами ладить можно, и с кагетами можно, и с бириссцами… Вот «истинники», те и впрямь отвратительны, но они тоже отстали. Он хорошо придумал с Адгемаром. Даже странно, с его хитростью и провести магнуса.

Мы верим тебе, сын мой, ибо нельзя солгать под взглядом Его…

Сила «божьих мышек» не от Создателя, иначе впору кинуться на шею Леворукому… Мэллит говорит, из сгоревшей ары глядят кошачьи морды. Закатные твари? Что они забыли в доме Жаймиоля, почему явились именно в тот день? Как же, должно быть, перепугалась Мэллит, она до сих пор боится, а он бросил ее одну, свинья! Свинья и трус!

Робер приподнялся на локте, узорчатые тени продолжали свою пляску, сторож ушел, его вопли почти стихли. Нужно идти домой, его ждут, он нужен… Нужно, но не хочется. Ощущение покоя исчезло, накатились тревога и тоска. Эпинэ знал, что должен встать и идти, и одновременно понимал, что лучше б ему остаться. Талигоец заставил себя опуститься на подушки, понимая, что не выдержит и уйдет. Это глупо, опасно, подло по отношению к женщине, которую он больше не увидит, но это сильнее его…

– Не стоит бродить ночами, – пахнущая травами рука легла на плечо Робера, – ночь создана не для прогулок.

Для чего именно созданы ночи, Лауренсия объясняла не словами, но делом. Отвечая на поцелуй, Робер успел подумать, что это тоже в последний раз…

4

– Сударь, – запыхавшаяся Матильда все-таки пыталась продолжать разговор, – я не понимаю ничего из того, что вы говорите. Кто из нас сошел с ума?

– Никто, – олларианец отвечал спокойно и по делу, но женщине казалось, что он не на шутку встревожен, – просто ты не понимаешь, что я говорю. Так и надо.

– Зачем тогда говорить?

– Затем, что, когда придет время, если оно придет, ты…

Человек в черном резко замолчал, словно прислушиваясь, Матильда последовала его примеру. Было очень тихо и как-то тревожно. Ее спутник ускорил шаг, сорок лет назад Матильда угналась бы за ним шутя, но теперь она была слишком старой и толстой. Олларианец это понял и сбавил шаг, принцесса заметила, что он упорно держится между ней

и правой стороной дорожки.

Красивое лицо чужака было настороженным. Чего он опасается? Очень хотелось спросить, но Матильда удержалась. Спросит потом, когда они выберутся. Впереди показалась освещенная луной семиугольная площадка – могила Эсперадора Конрада, умершего лет за двести до Адриана.

– Быстрее, – бросил спутник. Матильда кивнула и пошла быстрее, хотя сердце колотилось, как овечий хвост. Закатные твари, она пыхтит, как медведица! Надгробие Конрада – Единорог в окружении семи каменных свечей с бронзовым пламенем остался слева, до кладбищенских ворот отсюда всего ничего… В лицо дунул прохладный ветерок, очень легкий… Какой странный запах, кислый и сладковатый одновременно! Неприятный запах и незнакомый.

– Быстрее, – потребовал олларианец. Куда к закатным кошкам быстрее, она сейчас упадет и сдохнет! Какая маленькая церковь и какое большое кладбище! Такая короткая жизнь и столько смерти…

– Быстрее!

Матильда прибавила шагу, хотя сердце грохотало, как барабан на ярмарке, а по спине тек пот. Ветер усилился, странно, почему ветви не качаются и что это все-таки тут за вонь?

Да уж, простилась со старым другом… Бред какой-то или сон? Правильно люди не таскаются ночью по кладбищам, ничего там хорошего нет.

– Быстрее, фокэа, быстрее!

– Куда уж! – буркнула Матильда. Олларианец не ответил, только пошел еще ближе к кромке дорожки. Они свернули один раз, и другой, и третий. Кладбище, на котором находили последний приют магнусы и эсперадоры, было большим, чтобы не сказать огромным, хотя самих могил было не так уж и много. Еретик, похоже, чувствовал себя здесь как дома, но запыхавшейся принцессе было не до расспросов. Они бежали среди темных живых изгородей, старательно обходя залитые луной поляны с могилами посреди. Это было как в детстве, когда они с Альбертом и Розамундой играли в замковом лабиринте, пугая друг друга рассказами о выходцах и ведьмах… Новый поворот и новое надгробие. Лев со свечой! Покойный Эсперадор вышел из ордена Славы. Как и Адриан!

Олларианец пробормотал что-то совершенно непонятное. Голова кружилась то ли от бестолкового метания по ночному кладбищу, то ли от запаха. Какие-то цветы? Может быть, они открываются только к ночи?

– Вперед, – прикрикнул спутник, – к надгробию.

Женщина, ничего не понимая, послушалась. Семь бронзовых свечей в лунном свете отливали зеленью. Так же, как в храме в день избрания Юнния.

– Ближе!

Да кто он такой, этот аспид, что кричит на нее, как на служанку!

– Ближе и быстрее.

Вот и серая плита со львом посередине.

– Иди ко льву!

– Вы… вы сумасшедший!

– Ко льву! Скорее!

Сумасшедший он или нет, так просто он не отвяжется, и потом… Этот запах, этот ветер и тишина.

– Обними льва, фокэа.

Она послушно встала на надгробие. Странно, здесь было теплее. Каменный лев высоко вздымал свечу с бронзовым огоньком, в небе горела одинокая звезда. Куда делись остальные?

– Прижмись к нему спиной!

Матильда обошла каменную фигуру и пристроилась у живота мраморного зверя. Какой он горячий!

– Стой здесь и ничего не бойся. Слышишь! Стой и не двигайся!

– А… а вы…

Олларианец улыбнулся и что-то сказал. Она не услышала, хотя видела, как шевельнулись красивые губы. Какой он все-таки бледный, что-то с ним не так. Твою кавалерию! Матильда лихорадочно вспоминала молитвы, которым ее учили в детстве, а рядом оживали бронзовые огни. К бесчувственной луне рванулись зеленоватые искры, огненные языки изогнулись в причудливом танце, словно под напором ветра.

Свет могильных свечей мешался с лунным, заливая надгробие, но все, что было дальше, тонуло в темноте. Принцессе казалось, что между ней и всем миром встали стены, черные, как ряса олларианца. Женщина понемногу успокаивалась, сердце все еще учащенно билось, но дыхание наладилось.

Закатные твари, ну и ночка! Если ее увидят на могиле Эсперадора, она окажется в тюрьме за святотатство, и поди докажи, что сюда ее загнал сумасшедший еретик. Неужели могилы по ночам оживают и бронзовое пламя становится настоящим? Хотя какое оно к Леворукому пламя? Светится, как гнилушка в лесу, ни дыма тебе, ни жара! Зато камни горячие, словно в полдень на солнце. Матильда даже сквозь плотную материю ощущала тепло каменной фигуры, живое тепло!

Кто же все-таки сошел с ума, она или олларианец? А может, ей все снится? Как же звали этого Эсперадора?

– Руций… Руций из ордена Славы.

Кто заговорил с ней? Олларианец? Или никто, и она просто вспомнила. Руций жил давно, очень давно, в Талиге еще правили Раканы. Больше Матильда не знала о покойном ничего, история эсператизма ее никогда не прельщала. Видимо, зря. Адриан тоже был из ордена Славы, почему они, если на то пошло́, не остались на его могиле? Почему ее притащили сюда и куда делся провожатый?! Надо посмотреть, может, он еще здесь.

Тяжелое объятие помешало вдовствующей принцессе осуществить ее намерение. Каменные лапы держали ласково, но твердо.

– На рассвете огонь погаснет, и ты уйдешь… Тебе ничего не грозит…

В этом она, как ни странно, не сомневалась. Рядом с каменным зверем было спокойно. Наверное, так бывает рядом с настоящими мужчинами, способными защитить свою женщину. Рядом с таким можно стать слабой, глупой и трусливой, Матильде такого счастья не досталось.

Вдовствующей принцессе захотелось увидеть морду обнимавшего ее зверя, она ухитрилась извернуться и столкнулась взглядом с высоким бледным рыцарем, отчаянно похожим на Иноходца Эпинэ, каким тот будет через двадцать лет. Если, конечно, доживет…

Глава 6
Оллария
«Le Chevalier des Épées» & «Le Sept des Épées[55]»

1

В черном мундире с белой оторочкой и с сине-черной перевязью порученца Рокэ Алвы Герард казался старше и выше. Новая одежда шла сыну необыкновенно, а его сияющие глаза вызывали у Луизы смесь умиления и страха. Луиза хорошо знала своего старшего – Герард долго переживал любую неудачу и больше всего боялся подвести других, и вот теперь он оказался при Первом маршале Талига!

Вдова капитана Лаик не обольщалась – ее сын был хорошим мальчиком, но звезд с

---

55 *Семерка мечей* – младший аркан Таро. Символизирует надежду, доверие, попытку достичь чего-либо. Перевернутая карта указывает на осмотрительность, мудрый совет, хорошую рекомендацию.

неба не хватал, а вещи, которые настоящие аристократы постигают в колыбели, для него были темным лесом. Если Алва будет недоволен, Герард может сломаться. Когда нет радости, это не страшно, страшно, когда радости ломают крылья…

– Мама, – Герард тронул ее за руку, – да не волнуйся ты, все будет хорошо. Мы вернемся через год, а может, и раньше. Монсеньор не намерен задерживаться в Урготе, там только едят и деньги зарабатывают, а это скучно…

– Я, надеюсь, ты все же найдешь себе занятие, – улыбнулась Луиза.

– Мам, да конечно! Жаль, нельзя взять с собой все книги, что есть у монсеньора, но «Историю Двадцатилетней войны» и «Основы воинской науки» я возьму. Монсеньор разрешил. И еще я буду учиться у генерала Вейзеля артиллерийскому делу.

– Вейзель? – Луиза напряглась и вспомнила. – Ах да, Вейзель… Его ведь наградили за прошлогоднюю кампанию?

– Курт Вейзель – лучший артиллерист и минер Талига, если не считать монсеньора.

Святая Октавия, сделай так, чтоб герцог Алва не прогнал мальчика, даже если он не справится. Герард этого не вынесет, «монсеньор» для него свет в окошке. И не только для него…

– Ты не знаешь, куда делся оруженосец герцога?

– Куда-то уехал, – сын выглядел виноватым. Конечно, захваченный новой жизнью, он вряд ли вспомнил о молодом человеке, представившем его маршалу. – Кажется, надолго. В этой кампании Ричард Окделл участвовать не будет, это точно.

Странный выбор – после сына Эгмонта Окделла сын Арнольда Арамоны… Хотя Окделл не казался ни гордым, ни заносчивым, и он явно засмотрелся на Селину. Может быть, когда он вернется… Нет, семья никогда не позволит наследнику рода связаться с простолюдинкой, какой бы красивой та ни была. Это Алва все равно, кто перед ними, они плюют и на кровь, и на богатство, и на разговоры и живут по своим законам. Взял же Рамиро Алва в жены безродную сироту, отказавшись от знатной невесты!

А Селина свое счастье еще найдет. Если Герард станет офицером гвардии, у него появятся друзья, не может быть, чтобы в девочку никто не влюбился… Граф или маркиз, конечно, на такой брак не решится, но второй или третий сын какого-нибудь барона вполне. Вот только приглашать молодых людей в этот дом невозможно – мать способна взбеленить даже святого. Ничего, Герард время от времени будет брать сестру с собой, например, покататься верхом. Нужно как-то исхитриться и завести лошадку.

– Мама, ты совсем не слушаешь, – в голосе сына был упрек.

– Прости, задумалась о молодом Окделле. Вы могли бы подружиться.

– Да, жаль, что он уехал… Но иначе бы мне пришлось отправиться в Торку, а так я еду с монсеньором! Мама, – Герард улыбнулся смущенно и чуть виновато, – мне надо идти. Монсеньор отпустил меня до вечера. Я бы остался на ночь, но завтра очень много дел. Мы скоро уходим.

– Но господин граф вчера сказал, что армия выступит не раньше, чем в конце месяца.

– Господин Крединьи, – Герард упрямо называл деда именно так, – не знает монсеньора и маршала Савиньяка.

– Когда же вы выступаете? – Луиза постаралась, чтобы в ее вопросе звучало любопытство и только любопытство.

– Эмиль Савиньяк проведет смотр через четыре дня, – сообщил сын, – а больше я ничего не знаю, честно-честно!

2

Из окна украшенного зелеными гирляндами дома высунулась хорошенькая головка с длинными жемчужными подвесками в ушках. Женщина послала проезжавшим кавалерам воздушный поцелуй и юркнула за занавеску. Рокэ Алва остановил коня и засмеялся:

– Возвращайтесь сюда часам к десяти, виконт, а я уже приехал.

– Марианна будет разочарована, что второй раз кряду не может выразить вам свою признательность.

– Скажу вам по секрету, – герцог подмигнул выглянувшей из-за алого шелка кокетке, – если б не это прискорбное обстоятельство, я бы засвидетельствовал баронессе свое, гм, почтение, но увы… Не выношу женской признательности, от нее отдает если не свечками, то борделем.

– А мужской? – полюбопытствовал виконт.

– А мужской признательности не существует. К счастью. Мужчина просто отдает долги, – герцог спрыгнул с коня и набросил уздечку Моро на украшавшую крыльцо завитушку. – Езжайте, виконт, у вас осталось не так много времени. Разумеется, если вы не передумали прославиться.

– Я решил, – обиделся Марсель, – и гори все закатным пламенем!

Алва засмеялся и, вместо того чтоб постучать, вскочил на окружавшие крыльцо перила. Смотреть, как Первый маршал Талига средь бела дня лезет в окно к хорошенькой горожанке, Валме не стал, хоть ему и хотелось. Пусть смотрят прознатчики, им за это платят. Виконт тронул поводья, и домик с зелеными гирляндами исчез за поворотом. Жаль, что Рокэ не имеет дела с женщинами, которым оказал услугу, очень жаль… Что ж, значит, они с Марианной скоротают вечерок вдвоем, тоже дело!

Вечерок выдался бурным. Баронесса с успехом доказала, что прозвище «звезда Олларии» досталось ей по праву, она и впрямь была бесподобна, а Рокэ дал маху. Вряд ли мещанка с подвесками способна на то, что проделывала Марианна. Конечно, принципы иметь полезно, но злоупотреблять ими не стоит.

На прощание красавица попросила заверить герцога Алву в своем восхищении и желании хоть когда-нибудь взглянуть на знаменитый маршальский клинок без ножен. Виконт обещал передать все в точности, поцеловал возлежавшую среди золотистых простынь прелестницу в ложбинку между грудями и покинул благоухающие чертоги, угодив в лапы гостеприимнейшего из супругов.

Барон проводил любовника жены до крыльца, заверив, что семейство Капуль-Гизайлей не одобряет войну, так как она разлучает друзей. Валме узнал, что его святая обязанность перед походом затащить маршала Алву в дом его самых искренних почитателей. Марсель обещал, снисходительно посмеиваясь над причитаниями любителя птичек насчет «кровавых ужасов». Рядом с бароном наследник графов Валмон чувствовал себя почти понюхавшим пороха. Ничего, скоро он отправится на юго-запад и докажет…

Что именно и кому он будет доказывать, Марсель не думал – докажет и все! Дружба с Вороном требовала жертв, но виконту новая жизнь казалась ужасно интересной, тем более Рокэ в последние дни был весел, как вырвавшийся на свободу унар, и общаться с ним было одно удовольствие. Даже не верилось, что этот милый человек наводил ужас на страны и провинции и на глазах виконта прикончил четверых. Правда, покойные были не слишком приятными людьми, и вообще они сами напросились.

По здравом рассуждении Валме пришел к выводу, что у Рокэ были все основания поступить так, как он поступил, и вообще мир без Килеана стал заметно лучше. Марианна придерживалась точно такого же мнения и обещала немножко ждать Марселя, а когда он вернется, ужасно обрадоваться. Правда, красавица казалась слегка расстроенной, и это было приятно. В конце концов, он скоро уезжает, причем не в имение к несносному родителю, а, как уважающий себя мужчина и дворянин, на войну! Виконт немного беспокоился за свой гардероб, который придется укладывать в спешке, но тут уж ничего не поделать. В крайнем случае можно зайти к урготским портным – шьют они, судя по туалетам господина посла, весьма прилично.

…Рокэ Алву Марсель обнаружил именно там, где и оставил – в домике на улице Мимоз. На стук в окно выглянула уже знакомая красотка, спустя несколько минут дверь распахнулась, и на пороге возник Рокэ, к колету которого был приколот какой-то цветок странного вида.

– Вы точны, как тессорий, – заметил Алва, отвязывая фыркающего Моро. Жеребец был явно обижен, то ли на оставившего его хозяина, то ли на то, что его никто не попробовал увести. Увы, репутация маршальского мориска мало чем уступала репутации самого маршала. Связываться с этим людоедом в конском обличии не рискнул бы самый отчаянный конокрад.

Рокэ потрепал вороного по шее, тот в ответ изловчился и ухватил неизвестный виконту цветок. Алва расхохотался, впрочем, в последние дни он смеялся постоянно. Эмиль Савиньяк заметил, что это к войне, а его брат пробормотал «бедный Бордон»…

Маршал дал мориску прожевать любовный дар и взлетел в седло. На домик с гирляндами он даже не оглянулся. Моро зло покосился на жеребца Марселя, но этим и ограничился. Рокэ снова засмеялся и вполголоса запел что-то кэналлийское. Песенка казалась веселой, но виконту стало неуютно, словно на кладбище. В конце концов Марсель не выдержал.

– Рокэ, – Валме старался говорить как можно небрежнее, – о чем это вы поете?

– О том, как над долиной мертвых пляшет луна, – сообщил Ворон, – все пляшет и пляшет… А мертвые лошади мотают мордами, и их всадники никогда не проснутся.

– Весело, – нервно хихикнул Валме.

– Кэналлийцам нравится ходить по краю, – пожал плечами Алва. – Мы свободны от страха перед смертью, мы с ней заигрываем и над ней подтруниваем. Смелых людей хватает везде, но северяне или слишком серьезны, или чрезмерно сентиментальны. Вы молитесь и пишете прощальные письма, а мы поем.

– Кстати о песнях, – Валме придержал рыжего, чтобы не оказаться на пути заворачивающего Моро. – Капуль-Гизайль жаждет обучить для вас нескольких морискилл, но ему нужно послушать, как вы играете на вашем странном инструменте.

– Не выйдет, – покачал головой Рокэ, – играю я, когда напьюсь, а когда я напьюсь, не знает даже Леворукий. Придется барону выписать из Кэналлоа гитаристов…

– Это мысль, – кивнул Валме, – я сделаю такой подарок Капулю, чтоб он смог сделать подарок вам.

– Нет, – воскликнул Рокэ Алва, – только не это!

Виконт Валме с удивлением взглянул на герцога. К выходкам Рокэ Марсель еще не привык и сомневался, что к ним вообще можно привыкнуть, однако наследник графов Валмон твердо решил оставаться с Первым маршалом, что бы тот ни вытворял.

В данный момент герцог, однако, не вытворял ничего, а с тоской смотрел на стоящего посреди его собственного двора высокого короткохвостого жеребца неопределенной породы и еще более неопределенной масти.

– Да, – глубокомысленно произнес Валме, – это не мориск. И даже не линарец.

– Этот короткохвостый – кошмар моих дней и ужас моих ночей, – доверительно сообщил Алва, спрыгивая с коня, – я питал надежду, что навсегда избавился от этого, гм, животного и всего с ним связанного, но надежда – глупейшее из дарованных нам чувств.

В завитой голове виконта Валме что-то мелькнуло, и Марсель, еще раз взглянув на понуро стоявшую запыленную лошадь, поинтересовался:

– Не тот ли это короткохвостый, которого вы потребовали у покойного Килеана?

– Тот, – лаконично ответил герцог, – хотел бы я знать, что ему от меня понадобилось?

Если конь и имел какие-то претензии к Первому маршалу Талига, то высказывать их не спешил. Принявший поводья Моро слуга что-то пробормотал по-кэналлийски, и герцог поднял глаза к небу:

– Виконт, обещая вам спокойный вечер, я оказался невольным лжецом. Меня осчастливила своим присутствием дама.

– В таком случае разрешите откланяться.

– Не разрешаю, – покачал головой Алва, – более того, я настоятельно прошу вас составить мне компанию.

– Можете на меня рассчитывать, – заверил Марсель, – особенно если дама

хорошенькая. День я провел неплохо, но и ночь обижать не стоит.

– Боюсь, гостья окажется не в вашем вкусе.

– Тогда потребуется пара лишних бутылок, только и всего.

Алва не ответил, возможно, просто не расслышал. Заинтригованный Марсель устремился за хозяином. Таинственная гостья чинно сидела в обтянутой синим шелком комнате и казалась совсем юной. Насчет вкуса Алва оказался прав – Валме и впрямь не нравились высокие худощавые девушки, а эта к тому же была светлоглаза, светловолоса и отвратительно одета.

– Чем могу служить, эрэа? – Рокэ Алва склонился в вежливом поклоне, но Марсель готов был поклясться, что визит незнакомки маршала разозлил.

– Я – Айрис Окделл, – девушка встала и присела в старомодном реверансе, – я приехала к моему брату.

– Сожалею, сударыня, но Ричарда Окделла здесь нет, – холодно произнес герцог.

– А когда он вернется? – испуганно переспросила гостья.

– Никогда, – голос Алвы оставался холодным и ровным, – Ричард Окделл покинул Олларию и, подозреваю, уже пересек границу Талига.

– Что же мне делать? – Серые глаза, которые, догадайся она подчернить брови и ресницы, можно было бы назвать красивыми, наполнились слезами.

– Сударыня, – еще раз поклонился Рокэ Алва, – я – последний человек в Олларии, к которому юная девица может обратиться с подобным вопросом. Куда прикажете вас проводить?

Девушка вздрогнула и шмыгнула носом, словно крестьянка.

– Где Дикон? – она ничего не понимала. – Я приехала к Дику… Он обещал забрать меня…

– Воистину, – еле слышно пробормотал Алва, – семейство Окделлов меня рано или поздно доконает.

Айрис Окделл еще раз дернула украшенным бледными веснушками носиком, Марсель очень надеялся, что последних слов она не расслышала. Девушка очень походила на брата и, видимо, на отца. Любопытно, что Алва станет делать с этим подарочком?

– Ричард Окделл уехал по делу, – в голосе Рокэ послышалось легкое раздражение, – а вам следует вернуться к вашим родным.

– Нет, – выдохнула девушка, – монсеньор, они… Она…

Дальнейшие слова утонули в рыданиях, но главное было ясно и так. Айрис Окделл рассорилась с матерью и убежала из дома. Предприимчивая девица, отправиться в одиночку через полстраны…

– Как вы добрались до Олларии? – поинтересовался Марсель.

– С… С сержантом Гоксомм, – выдавила из себя Айрис. Валме запутался еще больше, но Рокэ, кажется, понял.

– Успокойтесь, сударыня, – в голосе Алвы послышалась обреченность, – никто вас не гонит. Располагайтесь! Сейчас я распоряжусь насчет ужина. Идемте, Валме. Это надо запить!

С последним Марсель Валме был полностью согласен. Поручив всхлипывавшую девушку попечению слуг, герцог хмуро проследовал в гостиную, где был сервирован стол.

– Мне в моем доме на ночь глядя только девственницы из Надора не хватало. Вот она, обещанная кара, – пробормотал Рокэ, разливая «Темную кровь», – причем не только за мои грехи, но и за все злодейства моих предков. А ведь было время, когда я чуть было не усомнился в том, что Алва прокляты.

– Как порядочный человек, вы обязаны на ней жениться, – улыбнулся Валме, принимая бокал.

– В том-то и дело, что я непорядочный человек, – живо откликнулся герцог, – а вы, Марсель? Как с порядочностью у вас?

– Я? Упаси Создатель! Получить в родичи Мирабеллу Окделлскую?! Да лучше вызвать

вас на дуэль и не мучиться.

– Я не стану с вами драться, – заметил Ворон, – вы меня устраиваете как собутыльник, и я не исключаю, что устроите как офицер.

– Приложу все усилия, но что вы намерены делать с рыдающей девицей и ее лошадью?

– Этому созданию у меня делать нечего, – поморщился Рокэ.

– Какому? – уточнил Валме, не понимая, имеет Ворон в виду деву или ее одра.

– Обоим, – отрезал Алва. – Виконт, вы уверены, что не хотите жениться?

– Уверен, – твердо сказал Валме, – я уж не говорю о том, что у Окделлов за душой ни гроша, а мой батюшка не одобряет старую аристократию.

– Значит, пойдем в обход, – зевнул герцог. – Закатные твари, что бы ей было заявиться на месяц раньше.

3

Луиза Арамона любила расчесывать волосы. Природа то ли в насмешку, то ли из жалости одарила женщину косами, которым бы позавидовала любая красавица. Разбирая тяжелые золотистые локоны, Луиза всегда успокаивалась, но сегодня привычный способ не помогал.

О том, что сын едет на войну, а на войне убивают, вдова старалась не думать, но ночью донимали непрошеные мысли, а днем их с успехом заменяла мать, к счастью не знавшая, что Луиза провожает двоих. Мать обзывала ее бесчувственной, ну и пусть. Слава святой Октавии, она вовремя хватает себя за язык и не бросается на Герарда с ворохом куриных советов, которые ни один выросший сын никогда не исполнит. Нет, мальчик любит семью, но молодые смотрят вперед, а не назад, да и что у него позади? Ничего хорошего!

Луиза заплела косы и обкрутила вокруг головы. Главное, Герард счастлив, и незачем портить ему эту радость. Надо было видеть, как мальчик перецеловал сестер, дернул Жюля за ухо и умчался к своему монсеньору. А монсеньор не из тех, кто прячется сам и прячет своих порученцев. Он всегда был отчаянным, всегда…

Луиза невольно покачала головой, вспоминая ухищрения, при помощи которых вытягивала из матери, господина графа и Арнольда истории о Вороне. Слава Создателю, ее тайну не знал никто – еще бы! Кривоногая уродина, да еще и незаконнорожденная, загляделась на красавца-герцога, который младше ее на семь лет! Такое не могло прийти в голову никому, а особенно ее утонченной матери и вечно надутому муженьку. Жена капитана Лаик и сама понимала, что глупее ее только пень в лесу, но должна же у человека быть хоть какая-то мечта. Вот она и мечтала хоть когда-нибудь увидеть синеглазого герцога. Увидела, и даже дважды!

Луиза зачем-то принялась переплетать безупречно заплетенные косы. Когда супруга ментора Арамоны первый раз встретила теньента Рокэ Алву, ей было двадцать шесть, ему – девятнадцать, хоть он и казался старше. Теперь Алва выглядел моложе своих тридцати шести, вернее, выглядел бы, если бы не взгляд, отрешенный и холодный. После праздника Октавии герцог казался просто уставшим, но когда он пришел за Герардом…

На следующий день господин граф рассказал, что Рокэ Алва убил на дуэли четверых. Истинную причину ссоры не знал никто, но, судя по тому, что никто из родичей убитых не пытался возмущаться и в тот же день исчез кансильер, дело было грязным и темным. Отец и мать обсасывали подробности поединка, а Луизе стало безумно стыдно, что она не предложила маршалу хотя бы вина, но он пришел так неожиданно и держался так отстраненно… Почему он взял Герарда? Почему?!

– Мама!

Святая Октавия! Герард! Вернулся!

– Ты что-то забыл?

– Нет, – в руках у сына что-то белело. – Монсеньор… Он просил передать тебе письмо… Ты едешь со мной.

– В Ургот? – Луиза оторопело уставилась на сына. – Зачем?!

– К монсеньору! Он все написал, на же!

«Сударыня , – записка явно была набросана второпях, но почерк у герцога был разборчивым, – *я вынужден просить Вас об одной услуге. К сожалению, я не могу довериться бумаге, но заверяю Вас, что не предложу Вам ничего бесчестного. Буду чрезвычайно обязан, если Вы вместе с Вашим сыном немедленно отправитесь в мой особняк.*

Искренне Ваш герцог Алва».

«Искренне Ваш», как вежливо… Есть ли счастливица, письма к которой он подписывает «твой Рокэ»? Даже если и есть, Луиза Арамона не желает знать об этой дряни!

– Что это значит, Герард? Мы должны идти прямо сейчас?

– Да.

– Подожди, я оденусь!

Легко сказать! В ее возрасте и с такой внешностью нужно часа три, чтобы лошади не шарахались, но столько времени у нее нет! Что ж, раз не можем поразить Алву красотой, поразим скоростью. Он – солдат, должен оценить.

Луиза торопливо натянула темно-синее платье и набросила плащ с капюшоном. Подвести брови? Нет, если ты не можешь стать хотя бы хорошенькой, оставайся такой, как ты есть. Всяко лучше, чем выглядеть размалеванной обезьяной.

– Мама, ты так быстро!

– Уже поздно, а герцог просил поторопиться. Ты действительно не знаешь, в чем дело?

– Нет. Я сидел в библиотеке, меня позвали к монсеньору, он дал мне письмо и послал за тобой. Карета внизу.

Карета! Герцог Алва прислал карету за Луизой Арамоной! Прямо сказка о беззубой белке, которой подарили мешок орехов.

4

Монсеньор был весел, по крайней мере, он улыбался. Перед ней опять был другой человек – не тот, что сидел за их столом в ночь погрома, не тот, что приходил за Герардом, и уж тем более не тот, кого она встретила в молодости, встретила и не забывала всю жизнь. Герцог был роскошно одет, беспечен и галантен. Если бы Луиза не знала, что он скоро уходит на войну, то никогда бы не подумала. Впрочем, про Первого маршала говорили, что война для него то же, что для пьяницы – вино, а для юбочника – очередная красотка.

– Благодарю вас, что вы откликнулись на мою просьбу, – Рокэ Алва галантно поднес руку Луизы к губам, и у той потемнело в глазах.

– Я… Я счастлива быть полезной монсеньору.

– Заранее признателен, – Алва подвел гостью к креслу. – Вино? Ликеры?

– Вино. Если можно, красное.

И все-таки почему он взял Герарда и где Ричард Окделл?!

– У вас странный вкус для женщины, – в синих глазах мелькнуло что-то странное, – обычно дамы предпочитают сладкое.

Луиза могла бы рассказать, что с детства любила соленое и острое, за что ее частенько попрекали, а нянька и вовсе утверждала, что кривыми ногами дочь госпожи Кредон обязана ветчине и пикулям. Но зачем герцогу знать о ее детстве?

– Я не люблю сладкое. Монсеньор, вы написали, что у вас ко мне дело.

– Еще одна странность. Дама, которая упускает возможность рассказать о себе, – Рокэ налил в два бокала темно-красного вина. – Но дела и впрямь не ждут. Одна юная особа попала в затруднительное положение. О, не подумайте ничего дурного. Речь идет о сестре моего бывшего оруженосца. Ричард обещал ей вызов ко двору, но юной деве надоело ждать, и она отправилась в Олларию в сопровождении сержанта и двух десятков солдат, которым было велено забрать из Надора ее брата.

– Создатель, – выдохнула Луиза.

– Здесь уместны более крепкие высказывания, – герцог улыбнулся одними губами. – Как бы то ни было, сейчас Айрис Окделл в моем доме. Девица вряд ли осознает последствия своего поступка, особенно если учесть, что Ричарда здесь нет. Конечно, я могу ее отправить с тем же самым сержантом назад и умыть руки, но…

– Не делайте этого, монсеньор, – не выдержала Луиза, – я слышала об этой семье…

– Да, Окделлы и Карлионы славятся иссушающей добродетелью, а что может быть страшнее добродетели? Только чума, да и то не всегда. Госпожа Арамона, помнится, у вас есть дочь, причем очаровательная. Ей, вероятно, около семнадцати?

– Да, – растерянно подтвердила вдова капитана Арамоны, – она младше Герарда на год.

Селине – семнадцать, и родилась она в Олларии. Девочка была слабенькой, и врач считал, что переезды ей повредят. Они задержались в столице и в день святого Фабиана супруга ментора Арамоны увидела порученца маршала фок Варзова. Она не знала, что перед ней – герцог, а он ей улыбнулся открыто и радостно, а может, и не ей. Молодые военные, вырываясь из Торки в столицу, всегда улыбаются.

– Не согласились бы вы взять на себя заботу еще об одном юном создании? Я завтра же добуду для девицы Айрис Окделл и, – герцог вопросительно поднял бровь, – напомните, как зовут вашу дочь?

– Селина.

– Для девицы Селины Арамоны и вдовы благородного капитана Арамоны приглашения ко двору Ее Величества. Будем считать, что юную Айрис из Надора до Олларии сопровождали именно вы.

Представить Селину ко двору? Да она о таком и мечтать не смела! За приглашение для дочери Луиза бы продала душу Леворукому, взгромоздилась на кладбищенскую лошадь и обрезала волосы, а тут… Всего-то и дел взять к себе сестру славного Ричарда. Только придворная жизнь требует денег, господин граф скуповат, а продавать ей больше нечего…

– Разумеется, пребывание при дворе потребует расходов, многократно превышающих ваш пенсион, – Рокэ Алва допил вино и вертел в руке пустой бокал, – но я компенсирую все затраты. Вы согласны?

– Я… Да, наверное, но…

– Фрейлины и придворные дамы Ее Величества не могут жить в мещанском доме, ходить пешком и носить дешевые платья, – не терпящим возражения тоном заметил маршал. – Окделлы разорены, вы небогаты, а деньги существуют для того, чтобы их тратить.

Я оставляю в ваше распоряжение мой особняк. Вернее, бóльшую его часть. Свои комнаты я закрою, но они вам и не понадобятся. Согласитесь, это вполне естественно, ведь вы не только вдова уважаемого человека, пользующаяся безупречной репутацией, вы – мать моего порученца, а любой дом нуждается в женской руке. Скоро вернется мой домоправитель, я оставлю ему подробные указания на ваш счет.

– Это невозможно!

– Возможно, – герцог потянулся к кувшину. Он все-таки устал, но не показывает виду, – особенно с учетом того, что король и Первый маршал со времен Франциска опекают семьи погибших воинов.

Арнольд – погибший воин?! Это похоже на издевательство. Он никогда и никому не служил, кроме себя, хотя Циллу он любил. Если рассказать маршалу про выходцев, он решит, что Луиза Арамона сошла с ума, и все кончится очень плохо и для Селины, и для Герарда.

– Монсеньор, я очень признательна, но мы не можем обременять вас.

– Меня будут обременять урготы, фельпцы и, весьма вероятно, бордонский флот. Вам это не грозит. Да, сейчас вы еще в пути. Слуги подтвердят, что вы с вашей подопечной прибудете на следующий день после моего отъезда.

– Но, – выдавила из себя Луиза, – на нашей улице все знают, что я никуда не уезжала. И потом этот сержант, и родственники девушки…

– Неважно, – пожал плечами маршал, – без сплетен не обойтись в любом случае, но то, что шепчут в спину, можно не слушать. Я не думаю, что кто-то рискнет порочить Айрис Окделл открыто. Родственники не захотят трясти грязным бельем, а прочие воздержатся из чувства, гм, самосохранения…

Он не шутил. Сон продолжался, и Луиза не понимала, было это кошмаром или прекрасной сказкой. Муж-выходец, сумасшедшие слуги, погибшая Цилла, горящие дома, синеглазый человек на пороге, восторг в глазах Герарда, роскошный особняк, наверное, самый роскошный в столице… Нет, ей здесь не место!

– Монсеньор, может… Может мы все-таки снимем дом?

– Нет времени, – герцог прикрыл глаза ладонями, быстро отнял и поднялся. – Если пожелаете, когда вернется Хуан, подыщете себе что-то в вашем вкусе, цена значения не имеет. А теперь идемте, я вас представлю девице Окделл.

Глава 7
Окрестности АгарисА
«La Dame des Bâtons» & «Le Six des Épées»

1

Матильда Ракан предпочитала путешествовать верхом, но приличия требовали жертв. Уважающая себя принцесса не может покинуть Святой Град иначе, чем в карете. Оставалось утешаться тем, что ехать быстрее, чем тащатся повозки с барахлом, все равно не получится. И она еще считала себя нищей!

Будь на то ее воля, Матильда выкинула бы половину достояния Раканов, но приличия опять-таки требовали тащить с собой старье, способное восхищать разве что моль и жуков-древоточцев. Повозки были набиты фамильными портретами, вытертыми гобеленами, облупленными бюро, допотопными мечами и алебардами, которые не вдохновили бы даже мясника, и это не считая вороха тряпок! Венчальное платье принцессы Фионы, вдовье покрывало принцессы Мираданы, платье для первой исповеди принцессы Моаны и в придачу мутное зеркало, в которое смотрелась королева Бланш… Тьфу!

Матильда с негодованием глянула на гарцевавшего рядом с каретой внука. Вот уж не подумала бы, что Альдо вырастет таким старьевщиком, в кого бы? Хотя Анэсти тоже был готов за старую тряпку удавиться. Еще бы, когда сам ничего собой не представляешь, начинаешь размахивать фамильными подштанниками, хотя предки тоже ничего собой не представляли, иначе их бы не выгнали.

Ее Высочество ругнулась и потянулась к походной фляжке, но передумала. Пить надо в хорошей компании, в одиночку благородные дамы не напиваются, по крайней мере, днем. Вот позавчера и впрямь следовало напиться, а может, она именно это и сделала? Налакалась на могиле Адриана, ей и привиделось Леворукий знает что! Твою кавалерию, хватит дурью маяться, все было на самом деле.

Хорошенько обдумав слова ночного знакомца, Матильда решила: в том, что он говорил, был смысл. Олларианец, без сомнения, знал Адриана, а Адриан был ох как не прост. Вспоминая покойного Эсперадора, принцесса находила все новые и новые подтверждения тому, что тот занимался странными вещами. Адриан был человеком без предрассудков, среди его помощников мог затесаться не только олларианец, но и холтийский шаман, но как это связано, если связано, с тем, что случилось на кладбище?

Матильда не сомневалась, что еретик спас ее от большой беды, но от какой? В выходцев и прочую муть принцесса не верила лет с семи, но уж больно странные вещи творились во время избрания Юнния! А что, если эсператисты умеют не только молиться? Вот только колдовства нам для полного счастья и не хватало!..

Раздался какой-то шум, карета остановилась, послышались голоса, а потом дверцу

открыли, и внутрь ввалился не кто иной, как барон Хогберд. Приперся, твою кавалерию!

– Ваше Высочество, – барон держал в руках букет рыжих роз, – я не мог не засвидетельствовать вам свое почтение.

– Свидетельствуйте, – буркнула Матильда, но вспомнила, что видит борова в последний раз и смягчилась. – Благодарю за цветы.

– О, я счастлив служить делу Раканов…

Себе ты счастлив служить… Ну и радетели у династии, какие-то тли! Хотя для тли Хогберд слишком толст и румян. Родич Берхаймов, как же, слышали! Когда при Алисе пошла мода на доолларское происхождение, потерявшихся потомков развелось, что тараканов… Твою кавалерию, что ее сегодня на насекомых тянет – то моль, то таракан, чего доброго, дойдет до клопов…

– Ваше Высочество, вы не представляете, как нам будет вас не хватать. Мы лишены родины, а теперь лишаемся своего сюзерена.

Ничего, без сюзерена он проживет, а вот без кормушки… Будут это сокровище кормить и дальше или нет? Даром вряд ли, гайифцы – народ разумный.

– Барон, я сочувствую вашему горю, но мы и так слишком долго злоупотребляли гостеприимством Его Святейшества. Мой брат, которого я не видела много лет, – и который ничем не лучше тебя, но об этом промолчим, – просил меня вернуться на родину. Я посоветовалась с внуком, и мы решили принять предложение герцога Альберта.

– О да. Молодой лев хочет быть ближе к Талигу, это очень мудрое решение. Вы помните предсказания Каввы Дриксенского?

Матильда помнила. Наголову разбитый Алонсо Алвой дриксенский фельдмаршал с горя то ли с ума сошел и ушел в монастырь, то ли сначала ушел в монастырь, а свихнулся уже там. Как бы то ни было, ему явился святой Торквиний и сообщил, что Олларам отпущен лишь один круг. Принцесса подозревала, что никто никому не являлся, а пророчество горе-полководец сочинил со злости.

– Разумеется, барон, я помню предсказание.

Можно подумать, падение Олларов то же самое, что возвращение Раканов.

– Бордонские дожи обвинили Фельп в том, что он при попустительстве Ургота укрывает корсаров, – Хогберд решил зайти с другого конца.

– А это правда? – Матильда постаралась сделать большие глаза, когда-то у нее это получалось неплохо.

– Кто знает, – барон вздохнул, колыхнулись сложенные на животе короткие волосатые пальцы. У аристократа таких рук не бывает, а у шляпников сколько хочешь. Хогберд – потомок шляпника, а не «чудом выжившего младенца, спрятанного верными слугами». Вот у Робера – красивые руки, и у покойного Эсперадора…

– Я против пиратства, – сообщила Матильда и с улыбкой идиотки добавила: – Оно препятствует торговле.

– Моя принцесса права, как всегда, – Хогберд воспользовался случаем и все-таки поцеловал ей руку. Хорошо, что она утром тискала Клемента и плохо, что Клемент совершенно здоров, лишай Хогберду бы пошел удивительно. Особенно стригущий.

– Бордон будет воевать?

– Ваше Высочество должны понимать, что столкновение между дожами и урготскими и фельпскими торгашами идет на пользу нашему делу. Дорак намеревался закупить у них хлеб, теперь сделка под вопросом.

– А разве нельзя привести зерно по суше? – какую замечательную глупость она спросила! Теперь боров будет полчаса объяснять, что, прежде чем везти зерно в Талиг, его нужно доставить в Фельп, а делается это морем. Как хорошо быть женщиной. Женщина не обязана быть умной, более того, в присутствии уродов умная женщина просто обязана быть дурой…

Бедная Матильда, угодить на растерзание Хогберду! Любопытно, сколько эта скотина будет тащиться с ними? Хогберда Робер не выносил, но на этот раз от барона была ощутимая польза. Эпинэ опасался, что принцесса примется расспрашивать про «пажа» или, чего доброго, по доброте душевной возьмет «мальчика» в карету. То, что Мэллит выдаст себя через пять минут, Иноходец не сомневался, затея с переодеванием была непроходимо глупой, надо было придумать что-то другое, но что?

Эпинэ ужасно хотелось придержать коня и поравняться с повозкой, на которой трясся «паж», но он терпел. А Альдо хоть бы что! Робер искренне любил друга и сюзерена, но за его отношение к Мэллит был готов свернуть принцу шею. При этом Иноходец понимал, что у него вряд ли хватило бы благородства проливать слезы умиления, глядя на счастье Альдо и Мэллит.

Любовь заботится лишь о себе. Можно сто тысяч раз твердить, что главное – чувства любимой, можно помочь ей воссоединиться с другим, но в глубине души будешь злиться и мечтать о чужом месте. Робер пытался думать о делах, о будущем, о политике, в конце концов, а думал о Мэллит. Какую чушь несут те, кто утверждал, что время и разлука лечат. Ничего подобного – он вернулся из Кагеты таким же влюбленным и несчастным, как и уехал.

– Что нужно этой свинье? – подъехавший Альдо с ненавистью взглянул на карету, за которой конный слуга в ливрее с вышитыми тюльпанами вел откормленного линарца.

– Свидетельствует почтение и умоляет, чтобы его не забывали.

– Забудешь такое, – сюзерен поморщился, – закатные твари! Надеюсь, в Алат он с нами не потащится.

– Если верить Матильде, твой внучатый дядюшка или как там его стоит десятка Хогбердов.

– Угу… А еще там живет достославный Тариоль. Робер, что нам делать с Мэллит? Зря мы ее взяли…

Зря?! Неужели он не понимает? Хотя откуда… Чтоб понимать, надо любить, а Альдо свою любовь пока не встретил. Робер невесело усмехнулся – он и сам был ничем не лучше Альдо. Не лучше, не умнее и не добрее. Когда Ирэна Придд призналась ему в любви, он вел себя так же, как и сюзерен. Теперь Ирэна замужем за наследником Вальков, но гоганни не может рассчитывать даже на замужество.

– Что молчишь? – Альдо потрепал гнедого по шее. Закатные твари, он так и не чувствует рот лошади! – Если Енниоль узнает, что Мэллит жива и с нами, то решит, что мы ему голову морочим, а руки у него длинные.

– Откуда ему узнать? – делано возмутился Робер. – Он сам хотел, чтобы мы уехали, в Алате к нам какой-то достославный придет, но Мэллит-то тут при чем? Отдадим им Матильдино барахло, пока она его в овраг не выкинула.

– А вот это – шалишь, – отрезал сюзерен, – ничего я никому не отдам, ни гвоздя, ни нитки. Я был дураком, когда отдал им ларец, за которым, кстати говоря, кто-то охотился. Помнишь?

Еще бы не помнить. Матильда застрелила вора, они с Альдо отдали старую рухлядь Енниолю, а потом с помощью этой рухляди его вытащили с того света…

– Если бы ты его не отдал, меня бы с тобой не было.

– Это да, – глаза Альдо горели, – но я все и сам бы сделал, если бы знал как. Сила ведь была моя, я, пока ты по Сагранне лазал, попробовал разобраться кое в чем. Странные вещи получаются… Как ни кинь, выходит, что сила Раканов никуда не делась. Это мы сдуру от нее отказались, Эрнани Святой так перетрусил, когда из-под земли полезли твари, что отрекся от собственной силы и сбежал из Гальтары, – на лице Альдо злость мешалась с презрением, – он даже жезл Раканов Эсперадору отдал. Не представляю, как мы его вернем…

– Ты понимаешь, что говоришь?

– Еще бы! Было три реликвии – корона, меч и жезл. И они должны быть в одних руках, руках императора Ракана, владыки Золотых земель. Всех! От Кэналлоа до Седого моря! А мои предки все промотали. Империя развалилась, остался жалкий огрызок, а потом и его потеряли. И все из-за эсператизма!

– Франциску ворота Кабитэлы не Эсперадор открыл.

– Да знаю я, – поморщился Альдо, – и про Рамиро, и про Алана Святого, но дело не в них, а в Эрнани. Он мог использовать силу, но не использовал, так как вбил себе в голову, что это грех!

– Погоди, – перебил Робер, – а ты уверен, что он мог? Сам же говоришь, жезл был у Эсперадора…

– Мог. Зверь Зверем, чтоб его призвать, наверняка нужны все реликвии, но разбудил же Ринальди изначальных тварей, а у него не было при себе ничего, кроме крови!

– За тварями надо в Гальтару лезть, они же там сидят, если все это не сказки.

– Будь это сказки, гоганы не требовали бы Гальтару себе. Кстати, ты там не был? Это же не так далеко от Эпинэ?

Вопрос был задан самым невинным тоном, но по спине у Робера побежали мурашки. «Не так далеко от Эпинэ»… Пригласить на осеннюю охоту тех, «кому можно верить»…

– Знаешь, Альдо, – начал Робер и перебил сам себя, – отпусти повод, сколько раз тебе говорить… Ему же неприятно!

– С чего ты взял? – удивился сюзерен, тем не менее ослабляя хватку.

– Поверь на слово. У лошадей очень нежные губы, хорошо, твой казар терпелив, как бириссец, но когда-нибудь ты нарвешься.

3

Ставший страшным город остался позади. Ее не искали, совсем не искали. Достославный решил, что она исчезла вместе с родными. Ара мертва, теперь ее никто не найдет, если она сама себя не выдаст. Больше всего Мэллит беспокоила судьба кинжала, скрытого в аре. Она надеялась, что он сгорел, и все-таки… Если кто-то его добудет, она умрет, а любимый попадет в неволю. Она должна была проверить, но в осквернённом чертоге было так страшно! Мэллит вздрогнула и поглубже натянула берет с пером.

Непривычно короткие волосы щекотали шею; Роберу было жаль ее кос, а ей – нет. Волосы – это старая жизнь, обрезать их – остаться без прошлого, а ей так хотелось забыть кошмар в отцовском доме. Теперь у нее нет никого, кроме любимого и его друга. Она связана с ними, а они с ней, только Первородный этого не знает, и хорошо. Пусть их соединит любовь и жизнь, а не страх и смерть. Все еще может обойтись, она нигде и никогда не слышала о том, что ара может сгореть и сквозь нее в мир глянут порождения Заката, но без этого ее бы уже нашли. Енниоль не отпустит ставшую Залогом, ведь она – это жизнь и свобода Первородного. Пока она жива и свободна, его никто не подчинит!

Мэллит оглянулась – вокруг тянулись поля, обсаженные цветущими кустами, над дорогой стоял странный, пряный запах. Как красив большой мир и как он велик! Страх и беды остались позади, может быть, навсегда? Может быть, Кабиох в великой милости своей подарит ей счастье? Девушка поискала глазами любимого и нашла – он ехал впереди рядом с Робером, и как же он был прекрасен – сильный, гордый, восседающий на гнедом коне. А перед ним катилась карета, Мэллит знала, что в ней едет мать отца Первородного, воспитавшая его. Робер говорит, что она добра и исполнена благородства, но от нее нужно держаться подальше, ведь царственная Матильда умна и опытна.

Утром, когда они выезжали, царственная спросила пажа Робера о его имени и судьбе, и недостойная сказала все, как ей велели. Царственная задумалась, и девушке стало страшно, что их тайна раскрыта, но воспитавшая любимого отвернулась и занялась иным. Вечером надо быть осторожной, как лань, что пьет воду рядом с логовом львицы…

Карета остановилась, остановился и весь караван. Любимый и его друг посторонились,

пропуская величавого всадника на пышном коне. Блистательный поравнялся с повозкой и посмотрел на Мэллит. У него была разноцветная борода, а в глазах были мудрость и дурные желания.

– Это ты Эжен, новый паж маркиза?

– Да, это я, сударь. Чем могу служить?

– Ее Высочество желает сыграть в тарсин[56], – медленно произнес блистательный, – ступай в карету.

– Слушаю, – прошептала Мэллит и вздрогнула, поймав взгляд, исполненный хитрости и ума.

– Тебя и впрямь выиграли в кости?

– Да, сударь, – хорошо, что Робер четыре раза по четыре заставил ее повторять рассказ о своих мнимых горестях, – мой хозяин был из Фельпа, он много играл. У него кончились деньги, и он поставил на кон меня…

– Маркизу в последнее время везет в игре, – голос блистательного был голосом жадности, – хорошо, иди к Ее Высочеству, она просила поторопиться.

Мэллит спрыгнула с повозки и едва не упала. Робер велел ей заполнить носки сапог корпией, и все равно было неудобно. Стараясь не оглядываться на бородатого всадника, девушка побежала к карете. Подножка была очень высокой, но мать отца любимого протянула ей руку. Мэллит сама не поняла, как оказалась внутри на кожаных подушках. Дверца захлопнулась, карета тронулась с места, и Мэллит осмелилась взглянуть на ту, кто вырастил Альдо. Как же она была красива и величава даже сейчас, увенчанная розами прожитых лет. Мэллит из дома Жаймиоля рядом с царственной была словно жалкий цыпленок рядом с великолепным павлином.

– Девочка, – мать отца Первородного нахмурила брови, черные и густые, – Робер знает, кто ты?

«Девочка»? Мэллит показалось, что на ее плечи обрушилась вся тяжесть небес! Как жалки были их попытки обмануть царственную…

– Девочка, ты меня понимаешь?

– Да, – Мэллит опустила глаза, – блистательный Робер знает, кто я.

– Гоганни? – Брови царственной поднялись вверх. – Твою кавалерию! Не было печали!

– Блистательная хочет, чтобы я покинула караван?

– Еще чего! – Воспитавшая любимого стянула с нее берет и нахмурилась. – Обкорнали! Кто до такого додумался? Только не говори, что Робер.

Мэллит молчала. Она не знала, что отвечать царственной, та была такой удивительной. Сердце шептало – доверься, но тайна ничтожной Мэллит не принадлежала лишь ей.

– А ты славная девочка, – улыбнулась царственная, – только тихая, как мышка. Можешь ничего не говорить, сама знаю, что вся беда от моего внука! Роберу не до того, то воевал, то болел.

Ладно, цыпа, парень из тебя никакой, придется тебе девчонкой стать, но не гоганской, а алатской. Будешь моей воспитанницей. Как тебя зовут?

– Родившие меня избрали имя Мэллит.

– Будешь Меланией!

Царственная раздвинула занавеси кареты, выглянула наружу и крикнула:

– Вы, оба, полезайте в карету. Живо, твою кавалерию!

Глава 8
Оллария. Алатская граница
«Le Roi des Épées» & «Le Un des Bâtons»

---

[56] Карточная игра, ближайший аналог – пикет.

1

Визит Рокэ оказался для Его Высокопреосвященства полной неожиданностью, поскольку герцог заявился по собственному почину. Ворон был в кэналлийском платье для верховой езды и, как никогда, напоминал разбойника с большой дороги, но не простого, а придуманного великим Дидерихом. Красавец-маршал был трезв и казался веселым, а что творилось у него на душе, если, разумеется, у него таковая имелась, знал разве что Леворукий. Сильвестр в сии глубины лезть не собирался, главное, с Вороном опять можно разговаривать. О прошлой встрече кардинал предпочел забыть. На время.

Его Высокопреосвященство отодвинул донос из Эпинэ, тем более что тот был ложным.

– Хорошо, что вы зашли, Рокэ, я бы завтра в любом случае вас потревожил.

– Завтра это не получится даже у вас, – Рокэ уселся напротив кардинала, – сегодня вечером я еду.

– Куда, если не секрет?

– На войну, куда же еще.

– Погодите, – Сильвестр с недоумением взглянул в слегка сощуренные глаза. Говорят, в Седых землях водятся дикие коты с синими глазами. Наверняка твари смотрят так же.

– Как сегодня? Савиньяк еще не готов.

– Савиньяк выступит, когда сможет, – Алва задумчиво провел пальцем по замысловатой резьбе, покрывавшей ручку кресла, – равно как и Альмейда, хотя про адмиралов, кажется, говорят, что они выходят. Но я еду сегодня, и не ругайте своих шпионов, они не виноваты. О моем отъезде знаю только я.

Сильвестр чуть было не назвал Рокэ сумасшедшим, но осекся, вспомнив разговор годичной давности. Учить Ворона воевать столь же глупо, как его крылатого родича летать. Алва с легкой иронией наблюдал за собеседником, ожидая проповеди, и Его Высокопреосвященство невольно рассмеялся:

– Не дождетесь!

Рокэ вопросительно поднял бровь, и вконец развеселившийся кардинал спросил:

– Кого вы осчастливите совместным путешествием? Кроме Моро, разумеется.

– Моро как раз остается, – сообщил Алва, – его приведет Савиньяк, мы едем на сменных лошадях. И все равно опоздаем, Фельп наверняка уже блокировали, по крайней мере, с моря.

– В таком случае, что вы сделаете без флота и армии?

– Там посмотрим, – махнул рукой Алва.

– Но вы не моряк. – Проклятье, он все-таки позволил втянуть себя в разговор о невозможном.

– Не моряк, – с готовностью согласился маршал, – и поэтому я не знаю, чего нельзя делать на море. А бордонцы знают, чего делать на море нельзя, но не знают, что я этого не знаю, а я еще не знаю, что сделаю, но знаю…

– Хватит, хватит, – замахал рукой кардинал, – я тоже не моряк, так что не морочьте мне голову. Удерживать я вас не собираюсь, но без охраны вы не уедете.

– Сотня кэналлийцев вас устроит? Не считая десятка парней из Варасты, которые сейчас болтаются в Олларии, моего нового порученца и виконта Валме в качестве десерта.

– Не понимаю, зачем вам понадобились наследник старика Валмона и сын Арамоны?

– Валме забавен, а мальчишка хотел стать гвардейцем, но покойный Ариго счел его непригодным. Это, знаете ли, отличная рекомендация.

– Ричард Окделл будет в восторге, когда узнает, кто его сменил.

– Ричард Окделл и его восторги это, конечно, весьма важно, но у Эгмонта были и другие дети. Он честно выполнял супружеский долг, этот Эгмонт.

– Да, – согласился кардинал, – удивительная сила воли и удивительная сноровка. Если верить врачу Окделлов, число детей почти совпадает с числом визитов покойного герцога к

горячо любимой супруге.

– Из пистолета покойный промахивался чаще, – задумчиво произнес Рокэ. – Ваше Высокопреосвященство, дело идет об одном из достижений герцога, что, естественно, обернулось неудачей для меня.

– Так дочь Повелителя Скал вам не понравилась?

– О, – протянул Рокэ, – вы знаете?

– Если моим людям неизвестно, что вы собрались в Фельп, это не значит, что они пропустили девицу на отыгранной вами лошади в сопровождении роты солдат. Кстати, девица таковой и остается?

– Некоторые женщины укрепляют мужское целомудрие не хуже изумрудов. Ваше Высокопреосвященство, мне нужны два фрейлинских патента и один патент придворной дамы.

– А вот теперь я все-таки назову вас сумасшедшим.

– Почему? Юной Айрис самое место рядом с Ее Величеством, а поскольку девице нужен присмотр, я нашел ей дуэнью. Вдову капитана Арамоны.

– Она, кажется, дочь Крединьи?

– И похожа на него как две капли воды, но волосы чудесные…

– Крединьи не глуп, – задумчиво проговорил кардинал, – его дочь унаследовала только отцовскую красоту?

– Не только. Она вам понравится.

– Хорошо, – Его Высокопреосвященство сделал пометку, – куда послать патенты?

– Ко мне. Позже Хуан снимет дом, а пока дамы поживут у меня.

– Ваш дом, ваше право, – Сильвестр поднялся и прошел к угловому шкафчику, – раз уж вы уезжаете, придется выпить. Если вы, разумеется, не решили стать трезвенником.

– Я намерен пронести все свои пороки до конца земного бытия.

– Поскольку вы не озаботились снабдить меня винами семидесятисемилетней выдержки, будете пить двадцатилетнюю «Слезу девственницы». В честь вашего участия в судьбе юной Айрис Окделл. Я согласен, мысль оставить ее при дворе весьма удачна. Дочь Эгмонта выйдет замуж за кого-нибудь из новой знати.

– Пожалуй, но только не за Леонарда.

– Вы не одобряете цвет его волос?

– В известном смысле. Рыжая женщина – это прекрасно, но рыжий мужчина – это безобразие. Ваше Высокопреосвященство, Манрики были хороши, как противовес Штанцлеру, но теперь их слишком много. Лучше уменьшать поголовье Приддов, чем разводить Манриков. Верните Лионеля во дворец, а я заберу Леонарда в Ургот. Такую компанию даже он не испортит.

– Нет, господин маршал, Леонард останется здесь.

Если тессорий и его детки зарвутся, то окажутся в Багерлее, но сначала расчистят герцогу Алва путь к трону. Впрочем, самому герцогу об этом знать не обязательно.

– Как хотите, – Рокэ протянул руку к бокалу, – ваше здоровье.

– Взаимно. Рокэ, пока вы не уехали… Вы обещали рассказать про картину с Леворуким…

– Картина на месте, – казалось, Ворон ждал этого вопроса. – С ней все в порядке, но… Видите ли, Ваше Высокопреосвященство, когда «Пир» привезли в Кэналлоа, там и впрямь была еще одна фигура. Потом она пропала.

– Я, видимо, поглупел, – кардинал пригубил вина. Безумно хотелось шадди, но свои две чашки он сегодня уже выпил. – Кто пропал?

– Черноволосая женщина, на которую смотрел Чужой, если это, разумеется, он. Забавная вещь, на картине наш друг держит кубок правой рукой, так что Леворуким его назвать трудно… А вот глаза и правда зеленые.

– А женщина?

– Сохранилось описание картины, сделанное лет за десять до падения Раканов. Кто-то

очень постарался, пересчитав все тарелки на столах и все родинки на щеках. Была там и выступающая из стены полупрозрачная женская фигура. На копиях она уцелела, хоть и выглядит ужасно, на подлиннике исчезла, но я готов поклясться, что к картине никто не прикасался. Диамни Коро для художников святее Создателя.

– Когда изменилась картина?

– Спросите что-нибудь полегче, но при маршале Алонсо картина была такой, как сейчас.

– Кстати, об Алонсо, – задумчиво произнес Сильвестр. – В королевской галерее есть шесть портретов герцогов из рода Алва – приснопамятного Рамиро, его сына, старшего внука, маршала Алонсо, и ваших деда и отца. У Рамиро-младшего и Алонсо глаза синие, как у вас, у остальных – черные. Были в вашем роду еще синеглазые?

– Младший сын второго Рамиро.

– Тот, что сгинул в Мон-Нуар?

– В Мон-Нуар… Или в Гальтаре…

– В Гальтаре?!

– Я склоняюсь к этой мысли. Все синеглазые в нашем роду были малость не в себе – что упомянутый Родриго, что Алонсо, что ваш покорный слуга.

– А раньше? До Рамиро?

– До Рамиро герцогов Алва рисовали морисские художники, а они признают лишь две краски – белую и черную. В семейных хрониках я упоминаний о синих глазах не встречал. О зеленых, к слову сказать, тоже. К чему эти расспросы?

– Возможно, ни к чему. У Алва очень сильная кровь, как и у всех южан, но в вашем роду четырежды появлялись мужчины с глазами Октавии, а в роду северян Олларов только один, хотя должно быть наоборот.

– Один? – Алва задумчиво посмотрел на висящую на стене картину, окруженную витиеватой надписью «Создатель, защити Талиг и его короля».

– Ваше Высокопреосвященство, у Октавия Оллара глаза темно-голубые, пожалуй, при желании их можно назвать светло-синими, но на этом его сходство с единоутробным братом и кончается.

Алва был прав. Художник, изобразивший основателя олларианства вместе с сыновьями, не пожалел трудов. Франциск Оллар, отнюдь не блиставший красотой, превратился в истинного главу церкви – благообразного и благочестивого, а сыновья короля, родной и приемный, с успехом заменяли обязательных для эсператистских икон высших ангелов.

Рамиро Второй в сверкающих доспехах казался земным воплощением Стратега Небесного, а юный Октавий в белых одеждах наследника явно намекал на Милосердие. Художник, старательно исправляя недостатки, изо всех сил подчеркивал достоинства изображенных, к каковым, без сомнения, относились очи обоих принцев. Мастеру удалось поймать сапфировое пламя в глазах Рамиро, такое же полыхало во взгляде его отдаленного потомка, но не Октавия.

– Вы правы, Рокэ, – вздохнул кардинал, – Олларам вашего огня не досталось, за что мы теперь и расплачиваемся. Король должен быть королем, а не человеком, пусть даже хорошим. Тем более на грани эпох…

– «Создатель, защити Талиг и его короля», – Ворон то ли прочел вслух надпись над картиной, то ли… Нет, молиться он не станет. Никому и никогда.

– Рокэ, что с вами?

– Ничего, – маршал кривовато усмехнулся, – просто было бы неплохо, если б Создатель существовал на самом деле и иногда делал то, о чем его просят. Простите, Ваше Высокопреосвященство, мне нужно идти. Дел много, а времени мало. Не пейте слишком много шадди и не разводите слишком много манриков, а хлеб осенью будет.

Ответить Сильвестр не успел – Рокэ поклонился и стремительно вышел. Стукнула дверь, раздались быстрые шаги, так не похожие на шаги церковников, и все смолкло.

2

Один удар ножа, и стягивавшие ноги ремни упали на дно кареты.

– Выходите, – буркнул Хуан.

Почему его развязали? Это неспроста, работорговец не из тех, кто рискует, он должен быть уверен, что пленник не сбежит. Что ждет его снаружи? Стена? Собаки? Или что-то похуже?

– Выходите, – повторил кэналлиец. Дик собрал все свое мужество и вылез из кареты. Яркий свет ударил по отвыкшим от солнца глазам, и юноша не сразу понял, что они остановились на лесной поляне, посреди которой росло старое разлапистое дерево. Дик растерянно оглянулся на Хуана. Проклятый работорговец и бровью не повел – для него оруженосца герцога больше не существовало.

Зачем его вытащили из кареты посреди леса?! На краю прогалины у самых кустов стояла взмыленная лошадь. Их кто-то догнал? Да, именно так. Сторожей вместе с Хуаном было семь, а сейчас восемь. Гонец привез приказ? Чей? Ворона? Или эр все-таки умер и его свора решила расправиться с убийцей. Его повесят? Похоже… На проклятом дереве можно развесить десяток.

Юноша гордо вскинул голову, хотя по спине у него тек холодный пот. Неужели все это – небо, деревья, лошади в последний раз? Но умолять о пощаде он не будет, да и какая пощада может быть?! За эра кэналлийцы разорвут живьем самого Эсперадора. Когда Рокэ умер и как? Эр Август обещал, что от этого яда не мучаются…

Громко и радостно заржала лошадь. Сона! Откуда?! Святой Алан, зачем сюда привели Сону?!

Как его повесят? Как бириссцев или вверх ногами? Так Рокэ вешал насильников. Герцога Окделла прикончат, как отребье с Двора Висельников?!

– Мы у алатской границы, – Хуан никогда не страдал особой разговорчивостью, а сейчас и вовсе с трудом выдавливает слова, – вы едете в Крион.

В Крион? Почему в Крион? Он никогда там не был, а Агария… Агария – союзница Гайифы.

– Этот пакет вы вскроете по прибытии в Крион, – кэналлиец с явной неохотой протянул Дику зашитый в кожу плоский ящичек, – все указания там. Вам понадобятся деньги. В седельной сумке пятьсот таллов и кошелек с серебром. Мы доставим вас до пограничного поста, дальше вы отправитесь самостоятельно.

– А если я не поеду? – выпалил Дик.

– Если вы не покинете пределы Талига, то будете арестованы за покушение на Первого маршала и препровождены в Багерлее для дальнейшего дознания.

– Эр… Монсеньор жив?

Ответом его не удостоили. Стройный парень с лисьим лицом подвел оседланную Сону. Кобылица радостно заржала и потянулась к хозяину, рассчитывая на угощение, но у Дика ничего не было, кроме проклятого пакета.

– Залезайте, – Хуан не собирался ждать, – нечего мешкать.

Дик неловко взгромоздился на мориску – неделя со связанными ногами дала себя знать. Работорговец в свою очередь вскочил на коня и взял кобылу под уздцы; с ними отправилось еще четверо. Поляна с деревом, взмыленная лошадь, опустевшая карета остались позади. В голове Дика все спуталось. Он должен ехать через Алат в Агарию и там вскрыть шкатулку. Что в ней? Яд? Или приказ? Почему они молчат?

– Я хотел бы спросить…

– Все, что нужно, вам уже сказано, – отрезал кэналлиец. Дик сцепил зубы, но промолчал. Он был один, а кэналлийцев – пятеро, и они его ненавидят. На опушке отряд остановился, Хуан что-то вытащил и протянул Ричарду. Шпага!

– Наденьте, иначе таможенники не поймут. В седельных кобурах – пистолеты, но они

не заряжены. И без глупостей.

Ричард промолчал, это был единственный способ сохранить остатки достоинства. Деревья расступились, показалась дорога, упиравшаяся в перегороженный воротами мост, блеснула вода. Как же называется пограничная речка? Он же знал, прекрасно знал. Хуан выпустил поводья, и Дик их подобрал, опасаясь окрика, но кэналлийцы молчали, видимо, подъехать к заставе он должен был самостоятельно.

Если послать Сону в галоп, можно уйти, Сона обойдет всех, кроме Моро! Глупости, его снимут первым же выстрелом, и потом, куда он побежит? В Багерлее? Выходит, делать то, что от него хотят? Другого выхода нет.

Когда до ворот оставалось совсем немного, из добротного крытого черепицей дома вышли несколько человек с мушкетами, от которых отделился невысокий офицер в зеленом мундире с черно-синей оторочкой.

Таможенник ничем не напоминал варастийских дикарей, его манеры и лицо выдавали человека из приличной семьи. Обедневший дворянин?

– Капитан Лео Эдже, – офицер коснулся перевязи. – Начальник поста Саттэка. Именем короны, назовитесь.

– Герцог Ричард Окделл следует в Алат по секретному поручению Первого маршала Талига, – Хуан протянул офицеру подорожную, которую тот прочитал сначала бегло, а потом внимательно.

– Сударь, все правильно, но здесь говорится лишь об одном человеке.

– Совершенно верно, моему отряду поручено проводить Ричарда Окделла до границы.

– В таком случае молодой человек может следовать дальше. Пограничный пост Саттэка желает удачи посланцу монсеньора.

Украшенные Победителем Дракона ворота бесшумно распахнулись. Эдже был хорошим офицером, и петли у него смазывали вовремя.

Дик оглянулся, столкнувшись с ледяным взглядом Хуана и дружелюбными лицами таможенников. Эти ничего не знают, но если Ричард Окделл попробует вернуться… Юноша словно во сне взял подорожную, кивнул капитану Эдже и слегка сжал бока Соны. Полусестра Моро взяла легкой рысью, спустя минуту ворота с гербами остались позади, подковы застучали по мосту, за которым начинались земли Альберта Алати, доброго эсператиста и союзника Людей Чести. Светило солнце, пахло скошенной травой, в небе звенел жаворонок. Ричард Окделл был жив и свободен, у него было золото и лучшая в мире лошадь… Юноше захотелось взвыть в голос.

3

Во дворе особняка Рокэ мотали гривами оседланные лошади, а на ступеньках крыльца переговаривались несколько человек в дорожной одежде. Марсель Валме поморщился – он не любил суеты, особенно под вечер. Виконт бросил плащ и шляпу слуге и прошел в уже знакомую синюю гостиную, где и обнаружил Рокэ в обществе братьев Савиньяк и покрытых вековой пылью бутылок.

– Входите, Валме, – весело крикнул Эмиль, – а то без вас как-то неловко…

– Без меня? – удивился Марсель. – Я, конечно, весьма польщен, но…

– Мой вам совет, – хмыкнул кавалерист, – поменьше светских учтивостей, солдатам это не нравится. Нет, разумеется, Рокэ может цитировать старых поэтов и носить кольца, он для этого достаточно многих убил, но вам лучше быть попроще. По крайней мере вначале.

– Постараюсь, – пробормотал Марсель, принимая протянутый ему бокал, – а что все-таки случилось?

– А он и вправду не знает, – подал голос Лионель, единственный из всех, на ком был маршальский мундир, – Рокэ, я думал, вы нас разыгрываете!

– Вот так всегда, – Первый маршал Талига сидел на краю стола, поигрывая вынутыми пробками, – мне приписывают Леворукий знает что и действуют, исходя из своих выдумок.

А на самом деле пора бы и понять, что я не вру. Почти…

– Марсель Валме, – Эмиль Савиньяк предпринял героическую попытку избавиться от улыбки, – да будет вам известно, что в свой дом вы больше не вернетесь.

– То есть как? – переспросил потрясенный виконт.

– Вы же собирались на войну, – Рокэ оставил пробки в покое, – ну так мы едем.

– Когда?

– Сейчас, – маршал поднял бокал, – ждали только вас. Господа маршалы проводят нас до Летнего лагеря, там мы сменим лошадей и к нам присоединятся кэналлийские стрелки и варастийцы.

– Но, – Валме попробовал осознать услышанное, – но… Мне нужно заехать домой, я не успел собраться…

– Шпага при вас, личная печать тоже, остальное приложится. Короче, Марсель, если вы едете, то вы едете. Если нет, то все равно едете. До Летнего лагеря. Через пару дней Эмиль вас отпустит…

– То есть, – Марсель выпил совсем немного, но голова его отчего-то закружилась, – мы едем тайно?

– Можно сказать и так, – согласился Лионель, – для всех Первый маршал инспектирует лагерь. Конечно, Оллария не Вараста, через неделю кто-нибудь да догадается, но будет поздно.

– Ну так как, Марсель, – хихикнул Эмиль, – вы готовы к разлуке с Марианной?

– Это Марианна готова к разлуке со мной, – виконт лихо осушил бокал, – я готов, но при мне нет денег.

– Все необходимое привезет Савиньяк, – заметил Алва, – напишите записку вашему камердинеру и вашей даме.

– Потом, – махнул рукой Валме, – успеется.

– Годен, – припечатал кавалерист. – Отряхнул прах прошлого и рвется вперед… Из вас будет толк, капитан Валме!

– Тогда разливай, – посоветовал Лионель со своего кресла. Эмиль взялся было за кувшин, но передумал и обернулся к герцогу. – Рокэ, прикажи́те подать другие бокалы.

– Зачем? – Алва соскользнул со стола и по-кошачьи потянулся. – По мне и эти неплохи.

– У меня рука не поднимется бить алатский хрусталь времен Арнольда Мелкого.

– Эмиль, счастье даром не дается… Нужно бить те бокалы, которые есть, а потом, – Ворон задумался, – подозреваю, что неалатского хрусталя у меня просто нет.

Савиньяк засмеялся и разлил вино. Марсель взял бокал и почувствовал, что сердце у него колотится, словно у унара в Фабианов день.

– Нас четверо, – заметил Лионель, – хорошая примета. Пусть Четыре Молнии падут четырьмя мечами на головы врагов, сколько бы их ни было.

– Пусть Четыре Скалы защитят от чужих стрел, сколько бы их ни было, – произнес вдруг ставший серьезным Эмиль.

Дом Валмонов не имел никакого отношения к Людям Чести, но виконт слышал эту присказку от графини Рокслей, преподавшей в свое время оруженосцу мужа несколько весьма полезных уроков.

– Пусть Четыре Волны унесут зло ото всех нас, сколько бы его ни было, – выпалил Марсель, рассудивший, что о Ветрах скажет Ворон.

Валме поднял бокал и повернулся к Рокэ, ожидая завершения старого ритуала, но герцог глядел куда-то в угол.

– Рокэ, – негромко окликнул Эмиль. Алва резко обернулся:

– Создатель, храни Талиг и его короля! – Ворон залпом допил вино. – А если не Он, так я!

– Рокэ, – голос Лионеля Савиньяка зазвенел, – иногда лучше не шутить.

Ворон засмеялся и тряхнул головой, сверкнули синие глаза.

– Будь по-вашему. Пусть Четыре Ветра разгонят тучи, сколько бы их ни было.

– Так и будет! – Эмиль швырнул пустой бокал об пол. Валме последовал примеру маршала, лишь на мгновение отстав от Рокэ и Лионеля.

Эпилог

Ветер поднялся неожиданно. Сильный и холодный, он родился в горах Сагранны на границе ледников и скальных осыпей, скатился по цветущим склонам и к вечеру вырвался на равнины Варасты, несказанно обрадовав изнемогавших от жары людей и лошадей. Ведший большой кавалерийский отряд богатырь с наслаждением подставил разгоряченное лицо гостю с гор и слегка придержал жеребца, вглядываясь в темнеющую даль.

Новый порыв пришпорил черно-красные облака, пригнул к самой земле высокие травы, степь пошла волнами, словно море, и, усугубляя сходство, в небе с криками заметались какие-то птицы. Предводитель поднял руку, но отдать приказ не успел – из-за невысокой волнистой гряды показался скачущий во весь опор всадник. Дивной красоты вороной конь, пластаясь в стремительном беге, несся на запад, туда, где в багровеющем небе висело низкое, невозможно алое солнце.

Предводитель узнал если не наездника, то коня, и, привстав в стременах, что-то радостно проорал, размахивая руками. Одинокий всадник не услышал, а большой грязно-белый пес, трусúвший впереди отряда, поджал заменявший ему хвост обрубок, заскулил и попятился, путаясь в ногах хозяйского жеребца. Богатырь выругался и натянул поводья, конь захрапел и встал, собака взвыла в полный голос, а на горизонте возник высокий, черный столб, над которым висел окровавленный сверкающий шар.

Отряд смешался в кучу, лошади и люди, ничего не понимая, следили за призрачной башней, затем кто-то вскрикнул, указывая на север, и первому крику ответил второй. Вечерний всадник был не один! Три силуэта с трех сторон приближались к рвущейся к небесам колонне, доскакать до которой не дано никому из смертных. Трое достигли башни одновременно, и лежавшее на ней солнце, на мгновение обретя очертание огромного сердца, погасло, а в багровеющее небо рванулась темная птица, рванулась и исчезла. И вместе с ней канула в ночь башня-призрак.

Пропитавшейся горечью ветер взъерошил конские гривы и покинул замерший на грани ужаса и восторга отряд, помчавшись вдогонку за ушедшим солнцем. Он догнал умирающий день на развалинах Гальтары, пронесся мертвыми улицами, на которых не было даже пыли, обнял вечные стены, взвыл над одиноко стоящей башней, отражением той, что возникла в дальних степях, и ринулся дальше на запад, сгибая зреющие травы, тревожа чужими запахами выпущенных в луга лошадей и коров, заставляя людей бросать все дела и вслушиваться в то, что услышать невозможно.

Лишь к полуночи ветер Сагранны нашел тех, кого искал. Они скакали прочь от большого города. Первый из всадников вздыбил жеребца, приветствуя дальнего гостя, остальные ничего не поняли, но остановились вслед за вожаком. Ветер кричал о старых запретах, напоминал, приказывал, умолял, но люди не умеют ни слышать, ни слушать. Лишь первый что-то почуял, потому что оглянулся назад, туда, где спал оставленный им город – беззащитный, жаркий, пропитанный ожиданием беды. Ветер с надеждой обнял человека за плечи, но тут кто-то что-то сказал, и нить между смертным и вечным лопнула. Всадник потряс головой, словно его разбудили, и послал коня вперед, навстречу тревожной лиловой звезде. Ветер вздохнул, взметнув дорожную пыль, и стих. Он спешил, он растратил все свои силы, но все оказалось зря.

Вдали замирал конский топот, стрекотали кузнечики, в душных домах, тревожно ворочаясь и вскрикивая, спали люди. До рассвета оставалось совсем немного, когда на дороге показался новый путник. Его лошадь двигалась медленно и как-то неровно, наездник, закутанный, несмотря на духоту ночи в тяжелый плащ, словно бы спал в седле, а за его спиной сидела девочка в ночной рубашке. Только летучие мыши слышали, как сонный

всадник свернул с тракта на боковую дорогу и затерялся меж высоких тополей. Девочка молчала, лошадь понуро брела по утоптанной глине, изредка взмахивая светлым хвостом, было тихо, душно и сыро. Небо затянули тяжелые облака, такие низкие, что казалось: от падения на землю их удерживают лишь верхушки деревьев.

Тропа заканчивалась у ворот, над которыми горел фонарь. Блеснула вода – поместье окружал ров, и мост через него был поднят. За рвом у моста темнела караулка, стражники давным-давно спали, они никого не ждали и ничего не опасались. Где-то поблизости зазвонил колокол, то ли созывая на ночную молитву, то ли предупреждая о беде. Отчаянно и тоскливо взвыла собака, раздался сонный окрик, звякнуло открытое окно, что-то вылетело и с шумом упало в кусты, собака взвизгнула, на мгновение замолкла и вновь завыла – громко, настойчиво, грозно. Вой смешался с несмолкающим колокольным звоном, вновь стукнул ставень, послышалась грубая ругань, но дверь осталась закрытой.

Всадник неспешно подъехал к мосту и остановил лошадь, а может, она сама остановилась. Отворилась, сухо скрипнув, калитка, мост дернулся и начал медленно опускаться, но приезжий не спешил пересекать ров. Он тяжело слез наземь, снял девочку и встал, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Девочка ковыряла босой ножкой кучку пыли, лошадь ушла, но хозяин этого не заметил. В калитке показалась сутулая фигурка, бесцветный голосок произнес несколько слов. Ночной гость, не поднимая глаз, взял свою спутницу за руку и ступил на мост. Собака все еще выла, колокол заходился в неистовом звоне, стражники спали. Мужчина, ребенок и маленький проводник медленно прошли пустой аллеей, обогнули сонный пруд, за которым виднелось массивное здание, поднялись на обширную пустую террасу.

Проводник исчез в одной из многочисленных дверей, а гости все так же неспешно свернули в темный длинный коридор. В доме было множество переходов, но мужчина в плаще, выбирая дорогу, ни разу не колебался. Наконец он уперся в двустворчатую дверь, из-за которой доносилось пение. Отечное лицо чужака сморщилось, словно от боли, он попытался открыть дверь, та не поддалась. Ночной гость на мгновение замер, а потом со злостью ударил по окованным бронзой створкам ногой в тяжелом кованом сапоге и глухо и зло застонал. Пение стало громче, пришелец сморщился и заткнул уши.

Он не мог видеть и все-таки видел огромный, холодный зал, монахов со свечами в руках и высокого красивого аббата с эмалевой совой на груди. Сотни, тысячи зеленоватых огоньков не могли осветить огромное помещение, под куполом и в дальних углах клубилась тьма, странным образом отличавшаяся от той, что глядела в высокие стрельчатые окна. Монахи пели на давно забытом языке, вряд ли понимая значение произносимых слов, а вдоль стен стояли рыцари и вельможи, короли и нищие, старые и совсем юные, здоровые и израненные, кто в боевых доспехах, кто в придворном платье, кто в жалких лохмотьях. Сильные руки сжимали тоненькие свечи, стройные голоса возносились к высокому куполу, и безостановочно и тревожно звонил колокол.

…Никто из поющих не заметил вышедшую неизвестно откуда некрасивую девочку с круглым очень серьезным лицом, а она тихонько подошла к аббату сзади и задула свечу в его руках. В тот же миг погасли и остальные свечи, смолк и колокол. В наступившей тишине отчетливо раздался скрип двери и послышались тяжелые, неотвратимые шаги, знаменуя приход новых хозяев и нового времени.